Qazaqstan Respýblıkasy Zańnama jáne quqyqtyq aqparat ınstıtýtynyń

JARSHYSY

gylymi-quqyqtyq jýrnal №1 (80)-2025

Құрылтайшы және баспагер:
«Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты» ШЖҚ РМК
2006 жылдан бастап шығады
Журналдың материалдары
www.zqai.kz
сайтында орналастырылған
Заң ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі ғылыми нәтижелерін жариялауға арналған басылымдар тізіліміне енгізілген
(ҚР БҒМ БҒССҚК 14.02.2022 ж.
№38 бұйрығы)

Редакциялық алқа құрамы

Әубәкірова И.О. - *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан) – (төраға)*
Абайділдинов Е.М. – *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан)*
Азер Алиев – *PhD (Киль, Германия)*
Акимжанова М.Т. – *PhD (Астана, Қазақстан)*
Андабеков Ш.А. – *з.ғ.к (Астана, Қазақстан)*
Ахметов Е.Б. – *PhD (Астана, Қазақстан)*
Байниязова З.С. – *з.ғ.к. (Саратов, Ресей)*
Белых В.С. – *з.ғ.д. (Екатеринбург, Ресей)*
Василевич Г.А. – *з.ғ.д. (Минск, Беларусь)*
Гладун Е.Ф. – *з.ғ.д. (Тюмень, Ресей)*
Жуков В.Н. – *з.ғ.д., философия докторы, М.В. Ломоносов атындағы ММУ (Мәскеу, Ресей)*
Ишеков К.А. – *з.ғ.д., доцент (Мәскеу, Ресей)*
Қаржаубаев С.С. – *з.ғ.к. (Астана, Қазақстан)*
Куликпаева М.Ж. – *PhD (Астана, Қазақстан)*
Малиновский В.А. – *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан)*
Нукушева А.А. – *з.ғ.к. (Астана, Қазақстан)*
Нұрмағамбетов Р.Ғ. – *PhD (Челябинск, Ресей)*
Рахымбердин К.Х. – *з.ғ.д. (Өскемен, Қазақстан)*
Рахметов С.М. – *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан)*
Сыздық Б.К. – *з.ғ.к. (Астана, Қазақстан)*
Тайторина Б.А. – *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан)*
Тебаев Д.Б. – *з.ғ.к. (Астана, Қазақстан)*
Тегізбекова Ж.Ч. – *з.ғ.к. (Бішкек, Қызғызстан)*
Тлепина Ш.В. – *з.ғ.д. (Астана, Қазақстан)*
Фролова Е.А. – *з.ғ.д., М.В. Ломоносов атындағы ММУ (Мәскеу, Ресей)*
Хасенов М.Х. – *PhD (Астана, Қазақстан)*
Цолль Ф. - *з.ғ.д (Краков, Польша)*
Юхневичус Э. – *з.ғ.д. (Гданьск, Польша)*
Я. Стоилов – *з.ғ.д. (София, Болгария)*

Бас редактор

Құлжабаева Ж.О. – *з.ғ.к.*

Редактор – **Колтубаева Г.Б.**
Беттеуші – **Ақылбаева С.А.**
Тел.: 8 (7172) 57-25-01

Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігі Ақпарат комитетінің БАҚ есепке қою туралы куәлігі № 17761-Ж 25.06.2019 ж. (Алғашқы есепке қою кезі №6592-Ж. 07.09.2005 ж.)

Мекен-жайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Жеңіс даңғ., 15А
тел: 8(7172) 57-25-01
www.zqai.kz, e-mail: instzak-kz@mail.ru
institutzakonodatelstva@gmail.com

Мемлекет және құқық теориясы

А.С. АХМЕТОВ Құқықтық нигилизм мазмұнын зерттеудің кейбір мәселелері.....7

А.М. КАЛГУЖИНОВА, Б.А. АМАНЖОЛОВА Студенттердің құқықтық санасы: зерттеу нәтижелері (Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің мысалында).....18

Конституциялық және әкімшілік құқық

Л.Т. ЖАНҰЗАКОВА, Б.Ж. ҚУАНДЫКОВ, Е. АДАМ Нормативтік құқықтық актілерді Конституция мен заңдарға сәйкестігін қарау туралы конституциялық және әкімшілік соттарда.....26

Н.Н. ТУРЕЦКИЙ Заңнамалық процестегі лоббизм туралы.....38

В.А. МАЛИНОВСКИЙ Экономиканы конституциялық реттеу: Қазақстан оңтайлы үлгіні іздеуде.....45

Э.Б. АБЛАЕВА Қазақстандық судьялардың тәртіптік жауаптылығы: тарихи және қазіргі аспектілер.....56

И.С. САКТАГАНОВА, Е.В. МИЦКАЯ, А.Б. САКТАГАНОВА Сот төрелігін жүзеге асыруда жасанды интеллектті қолдану: перспективалар мен қиындықтар.....68

Е.Б. АБДРАСУЛОВ, Е.Б. АХМЕТОВ, А.Б. АХМЕТОВА Қазақстан Республикасының әкімшілік сот ісін жүргізу жүйесіндегі заңдылық пен әділеттілік қағидаттарын талдау мәселесіне.....81

Азаматтық және азаматтық-процестік құқық

А.А. АМАНГЕЛДІ Қазақстан Республикасы мен Еуразиялық экономикалық одақтың заңнамасы бойынша өнеркәсіптік меншіктің жекелеген объектілерін құқықтық қорғау мәселелері.....92

М.Қ. ЖҮСІПБЕКОВА, К.Ж. ҚУАНДЫКОВ, Э.О. ТОЙЛЫБЕКОВА Қаржы құралдары азаматтық құқықтық қатынастардың объектілері ретінде.....104

Д.Б. РАЗИЕВА Құқыққа қайшылық медицина қызметкерлерінің тәртіптік теріс қылықтарының элементі ретінде.....114

Қылмыстық құқық және қылмыстық процесс

А.Н. АҚПАНОВ, А.Л. ХАН, Г.Ж. СУЛЕЙМЕНОВА Қылмыстық процестің сотқа дейінгі сатыларындағы адвокат-қорғаушының қызметі және оның қол сұғылмаушылығы шекарасы.....123

Б.Т. АУЕШОВА, А.А. УТЕНОВА, Г.Қ. ІЗТҰРҒАНОВА Қазақстан Республикасы мен шет мемлекеттердің ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қорғау саласындағы заңнамалық тәжірибесін салыстырмалы талдау.....135

А.Б. ШАРИПОВА, А.А. АРЫН, Г.А. ҚУАНАЛИЕВА Ақпараттық қоғамның жаһандануы жағдайында қылмысқа қарсы күрестің халықаралық аспектілері.....147

А.Р. АЛИМБЕТОВА, В.Р. САРСЕНГАЛИЕВА Өмірбаяндық амнезиядан зардап шегуші азаматтың жеке басын анықтау туралы.....156
Ғ.М. ҚАЛМЫРЗА, Г.Т. АЛАЕВА, А.А. АРАЛБАЕВА, Қ.Е. ИСМАГУЛОВ Тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін қылмыстық жауапкершілік: реттеу және құқық қолдану практикасы.....164

Халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану

И.У. АУБАКИРОВА, А.А. ТӨЛЕУБЕК Жалпы деректерді қорғау регламенті (GDPR) талаптарын Қазақстан заңнамасына имплементациялау перспективалары.....174
Ж.О. ҚҰЛЖАБАЕВА Азаматтардың мәдени мұраға қолжетімділігін халықаралық-құқықтық реттеу.....186
Р.Р. ЧАХОР Польша Республикасы мен Қазақстан Республикасының конституцияларындағы конституциялық соттардың құқықтық жағдайы. Салыстырмалы талдау.....197
А.А. НУКУШЕВА, Т.С. СМАГУЛОВА, Д.К. РУСТЕМБЕКОВА Париж келісімі шеңберінде Қазақстанның климаттық заңнамасының эволюциясы.....205
И.Ж. ӘЗРЕТБЕРГЕНОВА, Б.А. ТАЙТОРИНА, М.Т. БЕЙСЕНБАЕВА Халықаралық некелер: шетелдік элементі бар отбасылық-некелік қатынастардың құқықтық мәселелері.....220
А.К. КУРМАНОВА, Д.О. САЛЫКОВА Қазақстан Республикасында және шет елдерде заңды тұлғаларды тіркеуді жарамсыз деп тану практикасының өзекті мәселелері.....232

Құқықтық мониторинг

Е.Н. КАЛИАКПЕРОВА, Л.Е. КУСМАНОВА Халықтың әлеуметтік осал топтарының соттарында мемлекеттік баж төлеуден босату (заңнама мониторингі).....245
М.А. УТАНОВ, Э.Б. АБЛАЕВА, В.В. ЛЮЦИК Ұрлық туралы істер бойынша қазақстандық заңнаманы және сот практикасын талдау.....255
А.Ж. КИЯЗОВА Өзін-өзі реттеу жағдайында кәсіпкерлік және кәсіби қызметті бақылау.....265

Мемлекеттік тілдегі заңшығармашылық практикасынан

Н.М. ПРИМАШЕВ Қолданыстағы заңнаманың кейбір тұжырымдық терминдерін нақтылау туралы.....274

Жас ғалым мінбері

А.К. АКАЙ Халал индустриясының халықаралық сауда құқығына әсері. Қазақстан алдында тұрған сын-қатерлер.....283
Т.С. СМАГУЛОВА Салық конвенциялары шеңберінде өзара келісу рәсімін қолдануға жол беру критерийі ретінде салықтық мінез-құлық түрлері және олардың айрықша ерекшеліктері.....292
Ә.М. ӘДІБАЕВ Қазақстан Республикасында мүгедектілердің құқықтарын қорғау жөніндегі ратификациялық халықаралық конвенцияларды жүзеге асыру мәселелері.....303
К.М. САЛИМОВ, Е. НИЗАМИ Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимылдың кейбір мәселелері.....316

Учредитель и издатель:
РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан»
Издается с 2006 года
Все материалы журнала размещаются на сайте **www.zqai.kz**
Включен в перечень изданий для публикации основных научных результатов диссертаций по юридическим наукам
(Приказ КОКСОН МОН РК №38 от 14.02.2022 г.)

Состав Редакционной коллегии

Аубакирова И.У. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан) – (председатель)*
Абайдельдинов Е.М. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Азер Алиев – *PhD (Киль, Германия)*
Акимжанова М.Т. – *PhD (Астана, Казахстан)*
Андабеков Ш.А. – *к.ю.н (Астана, Казахстан)*
Ахметов Е.Б. – *PhD (Астана, Казахстан)*
Байниязова З.С. – *к.ю.н. (Саратов, Россия)*
Белых В.С. – *д.ю.н. (Екатеринбург, Россия)*
Василевич Г.А. – *д.ю.н. (Минск, Беларусь)*
Гладун Е.Ф. – *д.ю.н. (Тюмень, Россия)*
Жуков В.Н. – *д.ю.н., доктор философии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*
Ишеков К.А. - *д.ю.н. (Москва, Россия)*
Каржаубаев С.С. – *к.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Куликпаева М.Ж. – *PhD (Астана, Казахстан)*
Малиновский В.А. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Нукушева А.А. – *к.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Нурмагамбетов Р.Г. – *PhD (Челябинск, Россия)*
Рахимбердин К.Х. – *д.ю.н. (Усть-Каменогорск, Казахстан)*
Рахметов С.М. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Сыздық Б.К. – *к.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Тайторина Б.А. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Тебаев Д.Б. – *к.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Тегизбекова Ж.Ч. – *к.ю.н. (Бишкек, Кыргызстан)*
Тлепина Ш.В. – *д.ю.н. (Астана, Казахстан)*
Фролова Е.А. – *д.ю.н., МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)*
Хасенов М.Х. – *PhD (Астана, Казахстан)*
Цолль Ф. - *д.ю.н. (Краков, Польша)*
Юхневичус Э. - *д.ю.н. (Гданьск, Польша)*
Я. Стоилов – *доктор права (София, Болгария)*

Главный редактор
Кулжабаева Ж.О. – *к.ю.н.*

Редактор – **Колтубаева Г.Б.**
Верстка – **Акылбаева С.А.**
Тел.: 8 (7172) 57-25-01

Свидетельство о постановке на учет СМИ № 17761-Ж от 25.06.2019 г. Комитета информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан (Первичная постановка на учет №6592-Ж. 07.09.2005 г.)

Адрес: Республика Казахстан,010000, г. Астана, пр. Жеңіс, 15А
тел.: 8 (7172) 57-25-01
www.zqai.kz, e-mail: instzak-kz@mail.ru
institutzakonodatelstva@gmail.com

ВЕСТНИК

Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан

научно-правовой журнал №1 (80)-2025

Теория государства и права

А.С. АХМЕТОВ Некоторые вопросы изучения содержания правового нигилизма.....7

А.М. КАЛГУЖИНОВА, Б.А. АМАНЖОЛОВА Правовая грамотность студентов: результаты исследования (на примере Карагандинского университета имени Букетова).....18

Конституционное и административное право

Л.Т. ЖАНУЗАКОВА, Б.Ж. КУАНДЫКОВ, Е. АДАМ О рассмотрении нормативных правовых актов на соответствие Конституции и законам в конституционном и административном судах.....26

Н.Н. ТУРЕЦКИЙ О лоббизме в законодательном процессе 38

В.А. МАЛИНОВСКИЙ Конституционное регулирование экономики: Казахстан в поиске оптимальной модели.....45

Э.Б. АБЛАЕВА Дисциплинарная ответственность казахстанских судей: исторический и современный аспекты.....56

И.С. САКТАГАНОВА, Е.В. МИЦКАЯ, А.Б. САКТАГАНОВА Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы.....68

Е.Б. АБДРАСУЛОВ, Е.Б. АХМЕТОВ, А.Б. АХМЕТОВА К вопросу анализа принципов законности и справедливости в системе административного судопроизводства Республики Казахстан.....81

Гражданское и гражданско-процессуальное право

А.А. АМАНГЕЛЬДЫ Вопросы правовой охраны отдельных объектов промышленной собственности по законодательству Республики Казахстан и Евразийского экономического союза.....92

М.К. ЖУСУПБЕКОВА, К.Ж. КУАНДЫКОВ, Э.О. ТОЙЛЫБЕКОВА Финансовые инструменты как объекты гражданско-правовых отношений.....104

Д.Б. РАЗИЕВА Противоправность как элемент дисциплинарного проступка медицинских работников.....114

Уголовное право и уголовный процесс

А.Н. АХПАНОВ, А.Л. ХАН, Г.Ж. СУЛЕЙМЕНОВА Деятельность адвоката-защитника в досудебных стадиях уголовного процесса и границы её неприкосновенности.....123

Б.Т. АУЕШОВА, А.А. УТЕНОВА, Г.Қ. ІЗТҰРҒАНОВА Сравнительный анализ законодательного опыта Республики Казахстан и иностранных государств в области уголовно-правовой охраны информационной безопасности.....135

А.Б. ШАРИПОВА, А.А. АРЫН, Г.А. КУАНАЛИЕВА Международные аспекты борьбы с преступностью в условиях глобализации информационного общества.....147

А.Р. АЛИМБЕТОВА, В.Р. САРСЕНГАЛИЕВА Об установлении личности гражданина, страдающего биографической амнезией.....156

Ғ.М. ҚАЛМЫРЗА, Г.Т. АЛАЕВА, А.А. АРАЛБАЕВА, К.Е. ИСМАГУЛОВ Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: регулирование и правоприменительная практика.....164

Международное право и сравнительное правоведение

И.У. АУБАКИРОВА, А.А. ТОЛЕУБЕК Перспективы имплементации требований общего регламента по защите данных (GDPR) в законодательство Казахстана.....174

Ж.О. КУЛЖАБАЕВА Международно-правовое регулирование доступа граждан к культурному наследию.....186

Р.Р. ЧАХОР Правовое положение конституционных судов в конституциях Республики Польша и Республики Казахстан. Сравнительный анализ.....197

А.А. НУКУШЕВА, Т.С. СМАГУЛОВА, Д.К. РУСТЕМБЕКОВА Эволюция климатического законодательства Казахстана в рамках Парижского соглашения.....205

И.Ж. АЗРЕТБЕРГЕНОВА, Б.А. ТАЙТОРИНА, М.Т. БЕЙСЕНБАЕВА Международные браки: правовые проблемы семейно-брачных отношений с иностранным элементом.....220

А.К. КУРМАНОВА, Д.О. САЛЫКОВА Актуальные вопросы практики признания регистрации юридических лиц недействительными в Республике Казахстан и зарубежных странах.....232

Правовой мониторинг

Е.Н. КАЛИАКПЕРОВА, Л.Е. КУСМАНОВА Освобождение от уплаты государственной пошлины в судах социально уязвимых слоев населения (мониторинг законодательства).....245

М.А. УТАНОВ, Э.Б. АБЛАЕВА, В.В. ЛЮЦИК Анализ казахстанского законодательства и судебной практики по делам о кражах.....255

А.Ж. КИЯЗОВА Контроль за предпринимательской и профессиональной деятельностью в условиях саморегулирования.....265

Из практики законотворчества на государственном языке

Н.М. ПРИМАШЕВ Об уточнении некоторых концептуальных терминов действующего законодательства.....274

Трибуна молодого ученого

А.К. АКАЙ Влияние халал индустрии на международное торговое право. Вызовы, стоящие перед Казахстаном.....283

Т.С. СМАГУЛОВА Виды налогового поведения и их отличительные особенности как критерий допустимости применения процедуры взаимного согласования в рамках налоговых конвенций.....292

А.М. АДИБАЕВ Вопросы реализации ратифицированных международных конвенций по защите прав лиц с инвалидностью в Республике Казахстан.....303

К.М. САЛИМОВ, Е. НИЗАМИ Некоторые вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма.....316

Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan

JARSHYSY

scientific and legal journal №1 (80)-2025

Founder and publisher:
RSE on the REM «Institute of Legislation and Legal information of the Republic of Kazakhstan»
Published since 2006
All journal materials are placed on the website
www.zqai.kz
Included in the list of publications of basic scientific results of dissertations on legal sciences (Order CCES MES RK №38 from 14.02.2022)

Editorial Board members

Aubakirova I.U. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)– (Chairman)*
Abaydeldinov E.M. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Azer Aliyev – *PhD (Kiel, Germany)*
Akimzhanova M.T. – *PhD (Astana, Kazakhstan)*
Andabekov S.A. – *c.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Akhmetov E.B. – *PhD (Astana, Kazakhstan)*
Bainiyazova Z.S. – *c.j.s. (Saratov, Russian)*
Belih V.S. – *d.j.s. (Ekaterinburg, Russian)*
Vasilevich G.V. – *d.j.s. (Minsk, Belarus)*
Gladun E.F. – *c.j.s. (Tyumen, Russia)*
Zhukov V.N. – *Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)*
Ishekov K.A. – *d.j.s. (Moscow, Russian)*
Karzhaubaev S.S. – *c.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Kulikpaeva M.Zh. – *PhD (Astana, Kazakhstan)*
Malinovski V.A. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Nukusheva A.A. – *c.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Nurmagambetov R.G. – *PhD (Chelyabinsk, Russian)*
Rakhimberdin K.H. – *d.j.s. (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)*
Rahmetov S.M. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Syzdyk B.K. – *c.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Taitorina B.A. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Tebayev D.B. – *PhD (Astana, Kazakhstan)*
Tegizbekova Zh.Ch. – *c.j.s. (Bishkek, Kyrgyzstan)*
Tlepina S.V. – *d.j.s. (Astana, Kazakhstan)*
Frolova E.A. – *Doctor of Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)*
Khassenov M.Kh. – *PhD (Astana, Kazakhstan)*
Zoll Fryderyk – *d.j.s. (Krakow, Poland)*
Juchnevicius Edvardas – *d.j.s. (Gdansk, Poland)*
Ya. Stoilov – *Doctor of Law (Sofia, Bulgaria)*

Chief Editor
Kulzhabayeva Zh.O. – *c.j.s.*

Editor – **Koltubaeva G.B.**
Layout – **Akylbaeva S.A.**
Tel.: 8 (7172) 57-25-01

The certificate of registration of mass media №17761-G from 25.06.2019 from the Information Committee of the Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan (Number and date of primary registration №6592-Zh.07.09.2005.)

Address: The Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, Zhenis ave., 15A,
тел.: 8 (7172) 57-25-01
www.zqai.kz, e-mail: instzak-kz@mail.ru
institutzakonodatelstva@gmail.com

Theory of State and law

A.S. AKHMETOV Some issues in studying the content of legal nihilism.....7

A.M. KALGUZHINOVA, B.A.AMANZHOLOVA Legal awareness of students: research results (using the example of Karaganda Buketov university).....18

Constitutional and Administrative Law

L.T. ZHANUZAKOVA, B.ZH. KUANDYKOV, Y. ADAM On review of regulative legal acts for compliance with the Constitution and laws in the constitutional and administrative courts.....26

N.N. TURETSKIY About lobbying in the legislative process.....38

V.A. MALINOVSKY Constitutional regulation of the economics: Kazakhstan in search of an optimal model.....45

E.B. ABLAEVA Disciplinary liability of kazakhstan judges: historical and modern aspects.....56

I.S. SAKTAGANOVA, E.V. MITSKAYA, A.B. SAKTAGANOVA Application of artificial intelligence in the administration of justice: prospects and challenges.....68

Y.B. ABDRASSULOV, Y.B. AKHMETOV, A.B. AKHMETOVA To issue of analysis of principles of legality and fairness in the system of administrative judicial proceedings of the Republic of Kazakhstan.....81

Civil and Civil Procedure Law

A.A. AMANGELDY Issues of legal protection of individual objects of industrial property under the legislation of the Republic of Kazakhstan and the Eurasian economic union.....92

M.K. ZHUSSUPBEKOVA, K.ZH. KUANDYKOV, E.O. TOYLYBEKOVA Financial instruments as objects of civil law relations.....104

D.B. RAZIYEVA Illegality as an element of disciplinary misconduct of medical workers.....114

Criminal law and Criminal procedure

A.N. AKHPANOV, A.L. KHAN, G.ZH. SULEIMENOVA Activity of a lawyer-defender in the pre-trial stages of the criminal procedure and borders her immunity.....123

B.T. AUESHOVA, A.A. UTENOVA, G.K. IZTURGANOVA Comparative analysis of the legislative experience of the Republic of Kazakhstan and foreign countries in the field of criminal law protection of information security.....135

A.B. SHARIPOVA, A.A. ARYN, G.A. KUANALIYEVA International aspects of fighting crime in the context of globalization of the information society.....147

A.R. ALIMBETOVA, V.R. SARSENGALIEVA About the identification of a citizen with biographical amnesia.....156
G.M. KALMYRZA, G.T.ALAYEVA, A.A. ARALBAYEVA, K.E. ISMAGULOV Criminal liability for the illegal use of trademarks: regulation and law enforcement practice.....164

International law and Comparative law

I.U. AUBAKIROVA, A.A. TOLEUBEK Prospects for the implementation of the general data protection regulation (GDPR) requirements into the legislation of Kazakhstan.....174
ZH.O. KULZHABAYEVA International legal regulation of citizens' access to cultural heritage.....186
R. CZACHOR Constitutional provisions on the constitutional courts in the Republic of Poland and the Republic of Kazakhstan. A comparative study.....197
A.A. NUKUSHEVA, T.S. SMAGULOVA, D.K. RUSTEMBEKOVA Evolution of climate legislation in Kazakhstan under the Paris agreement.....205
I.ZH. AZRETBERGENOVA, B.A. TAITORINA, M.T. BEISSENBAYEVA International marriages: legal problems of marital relations with an alien element.....220
A.K. KURMANOVA, D.O. SALYKOVA Current issues of the practice of recognizing the registration of legal entities as invalid in the Republic of Kazakhstan and foreign countries.....232

Legal monitoring

E.N. KALIAKPEROVA, L.E. KUSMANOVA Exemption from payment of state fees in the courts for socially vulnerable people (monitoring legislation).....245
M.A. UTANOV, E.B. ABLAEVA, V.V. LYUTSIK Analysis of kazakh legislation and judicial practice in cases of theft.....255
A.ZH. KIYAZOVA Control over business and professional activities in the context of self-regulation.....265

From the lawmaking practice in the official language

N.M. PRIMASHEV On clarifying some conceptual terms of the current legislation.....274

Young researchers' tribune

A.K. AKAY The halal industry's impact on international trade law. Challenges before Kazakhstan.....283
T.S. SMAGULOVA Types of tax behavior and their distinctive features as a criterion for the admissibility of the application of the mutual agreement procedure in the framework of tax co nventions.....292
A.M. ADIBAYEV Issues of implementation of ratified international conventions on the protection of the rights of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan.....303
K.M. SALIMOV, E. NIZAMI Some issues of countering the legalization (money-laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.....316

УДК 340.114.5
ГРНТИ 10.07.01

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Ахметов Арман Серикович
Доктор философии (PhD), ассоциированный профессор (доцент), профессор НАО «Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан»; г. Павлодар, Республика Казахстан; e-mail: arman.ahmetov@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5461-7549; Scopus Author ID: 55825505500

Аннотация. *В данной научной статье проводится анализ проблемных вопросов содержания правового нигилизма в современном обществе. Научная статья была написана на основе поиска, сбора данных и анализа различных источников как отечественных, так и зарубежных авторов, научные интересы которых сводятся к анализу правового нигилизма как социального феномена. Целью научной статьи является комплексный анализ и понимание феномена правового нигилизма, определения его структурных компонентов, классификации видов и форм проявлений в обществе. В процессе написания научной статьи был использован комплекс различных методов научного анализа, который способствовал исследованию данного социального явления: анализ, синтез, дедукция, индукция, формализация, сравнение, обобщение, абстрагирование. В научной статье были озвучены различные подходы и позиции авторов на основе их собственных суждений и практического опыта, приведена классификация правового нигилизма по видам, определены его основные элементы. Отдельное внимание в статье уделяется освещению содержания зарубежного опыта, посвященного развитию системы гражданского образования, которое представляется основным средством по противодействию и предупреждению правового нигилизма. На основе анализа положительной зарубежной практики предложены меры по улучшению положения в нашей образовательной системе. Достигнутые результаты научной статьи обусловлены собственными выводами и умозаключениями, а также авторским определением правового нигилизма и рекомендациями в сфере дополнения содержания нормативной базы по данной проблеме. Содержание научной статьи и ее результаты могут быть использованы при создании проектов концепций и программ по вопросам правового нигилизма, применяться в учебном процессе по соответствующим дисциплинам. В заключение сделан вывод о том, что правовой нигилизм является фактическим искажением правосознания личности и влияет на его модель правомерного поведения.*

Ключевые слова: *право, правовой нигилизм, правовое воспитание, правовая культура, правосознание, государство, общество, личность, система, индивид.*

ҚҰҚЫҚТЫҚ НИГИЛИЗМ МАЗМҰНЫН ЗЕРТТЕУДІҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Арман Серікұлы Ахметов
Философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессор (доцент), КеАҚ «Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті» профессоры; Павлодар қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: arman.ahmetov@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5461-7549; Scopus Author ID: 55825505500

Аннотация. *Бұл ғылыми мақалада қазіргі қоғамдағы құқықтық нигилизм мазмұнының проблемалық мәселелері талданады. Ғылыми мақала ғылыми мүдделері құқықтық нигилизмді әлеуметтік құбылыс ретінде талдауға ұласатын отандық және шетелдік авторлардың әртүрлі дереккөздерін іздеу, деректер жинау және талдау негізінде жазылған. Ғылыми мақаланың мақсаты – құқықтық нигилизм құбылысын жан-жақты талдау және түсіну, оның құрылымдық құрамдастарын анықтау, қоғамдағы көріністердің түрлері мен*

формаларын жіктеу. Ғылыми мақала жазу барысында осы қоғамдық құбылысты зерттеуге ықпал еткен ғылыми талдаудың әртүрлі әдістерінің кешені қолданылды: талдау, синтез, дедукция, индукция, формализация, салыстыру, жалпылау, абстракциялау. Ғылыми мақалада авторлардың өз пайымдаулары мен практикалық тәжірибесіне негізделген түрлі көзқарастары мен ұстанымдары айтылып, құқықтық нигилизмнің түрлері бойынша жіктелуі және оның негізгі элементтері айқындалған. Мақалада құқықтық нигилизмге қарсы тұрудың және алдын алудың негізгі құралы болып көрінетін азаматтық білім беру жүйесін дамытуға арналған шетелдік тәжірибенің мазмұнын көрсетуге ерекше назар аударылады. Шетелдік оң тәжірибені талдау негізінде біздің білім беру жүйеміздегі жағдайды жақсарту шаралары ұсынылды. Ғылыми мақаланың қол жеткізген нәтижелері өз тұжырымдарымыз бен тұжырымдарымызға, сондай-ақ автордың құқықтық нигилизмге берген анықтамасына және осы мәселе бойынша нормативтік құқықтық базаның мазмұнын толықтыру саласындағы ұсыныстарына байланысты. Ғылыми мақаланың мазмұны мен оның нәтижелерін құқықтық нигилизм мәселелері бойынша тұжырымдамалар мен бағдарламалардың жобаларын жасауға және тиісті пәндер бойынша оқу процесінде пайдалануға болады. Қорытындылай келе, құқықтық нигилизм жеке тұлғаның құқықтық санасының нақты бұрмалануы болып табылады және оның заңды мінез-құлық үлгісіне әсер етеді деген қорытындыға келеді.

Түйінді сөздер: *құқық, құқықтық нигилизм, құқықтық тәрбие, құқықтық мәдениет, құқықтық сана, мемлекет, қоғам, тұлға, жүйе, жеке тұлға.*

SOME ISSUES IN STUDYING THE CONTENT OF LEGAL NIHILISM

Akhmetov Arman Serikovich
Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Professor of NPJSC «Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan»; Pavlodar c., Republic of Kazakhstan; e-mail: arman.ahmetov@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5461-7549; Scopus Author ID: 55825505500

Abstract. *This scientific article analyzes problematic issues of the content of legal nihilism in modern society. The scientific article was written on the basis of a search, data collection and analysis of various sources, both domestic and foreign authors, whose scientific interests boil down to the analysis of legal nihilism as a social phenomenon. The purpose of the scientific article is a comprehensive analysis and understanding of the phenomenon of legal nihilism, determination of its structural components, classification of types and forms of manifestations in society. In the process of writing a scientific article, a complex of various methods of scientific analysis was used, which contributed to the study of this social phenomenon: analysis, synthesis, deduction, induction, formalization, comparison, generalization, abstraction. The scientific article voiced various approaches and positions of the authors based on their own judgments and practical experience, presented a classification of legal nihilism by type, and identified its main elements. Special attention in the article is paid to highlighting the content of foreign experience devoted to the development of the civic education system, which seems to be the main means of countering and preventing legal nihilism. Based on an analysis of positive foreign practice, measures to improve the situation in our educational system are proposed. The achieved results of the scientific article are due to our own conclusions and conclusions, as well as the author's definition of legal nihilism and recommendations in the field of supplementing the content of the regulatory framework on this issue. The content of the scientific article and its results can be used to create draft concepts and programs on issues of legal nihilism, and be used in the educational process in relevant disciplines. In conclusion, it is concluded that legal nihilism is an actual distortion of an individual's legal consciousness and affects his model of lawful behavior.*

Keywords: *law, legal nihilism, legal education, legal culture, legal consciousness, state, society, personality, system, individual.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_7

Введение

Вопросы изучения феномена правового нигилизма всегда занимали важное место в юридической науке. Современная правовая политика направлена на обеспечение правопорядка в обществе и стабильного функционирования всех институтов гражданского общества. Поэтому проблема наличия нигилистических настроений в обществе вызывает особый интерес у многих исследователей.

В современной правовой науке до сих пор нет единого общепризнанного подхода к пониманию дефиниции правового нигилизма, определению его сущности и содержательной составляющей. Изначально термин «нигилизм» (с лат. «nigil» - ничего или ничто), применялся в философской науке. Но затем его содержание и применение расширилось и применялось как термин, который обозначал людей неверующих, или лжеверующих (еретиков) - «nigilista», автором которого является теолог Августин Аврелий [1, с. 24].

Затем уже в более позднее время, когда переход к эпохе Просвещения ознаменовал основные естественные права человека и провозглашение жизни как высшей ценности, понятие «правовой нигилизм» применялось как отрицание естественных прав личности, т.е. наблюдается развитие данного феномена как отдельной категории правовой действительности. Существует мнение, что в 1787 г. впервые термин «правовой нигилизм» применил член Баварской академии наук - Фридрих Генрих Якоби (Германия)[1].

В настоящее время вопросы содержания правового нигилизма вызывают особый интерес, т.к. данный социальный феномен с одной стороны выступает следствием деформации правосознания, а с другой стороны является одной из разновидности общих мировоззренческих представлений и взглядов личности, что обуславливает ее модель поведения в обществе.

К нормативно-правовым источникам, которые регулируют вопросы, связанные с правовым нигилизмом, можно отнести:

1. Конституция РК;
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года»;
3. Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III «Об образовании»;
4. Закон Республики Казахстан от 9 июля 2004 года № 591-II

«О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности»;

5. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений».

В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года в разделе 7 «Правовое образование, правовая пропаганда» прописано, что «…В целях повышения правовой грамотности, формирования правомерного социально активного поведения у граждан в соответствии с основополагающими ценностями, установленными Конституцией, необходимо продолжить планомерную работу, связанную с правовой пропагандой и правовым образованием…»[2]. Это означает, что развитие правового образования и правовой грамотности является ключевым компонентом в борьбе с проявлением всех форм правового нигилизма в обществе и требует конкретных мер по искоренению данного негативного социального явления.

В Послании Главы государства К.Ж. Токаева было озвучено, что для полноценного развития государственной правовой политики «…Следует также системно повышать правовую и финансовую грамотность граждан…»[3]. Правовая грамотность граждан является гарантом предупреждения нигилистических настроений населения и формирует общий уровень правовой культуры общества.

В феврале 2022 года в одном из интервью национального канала, Президент РК Касым-Жомарт Токаев отметил, что «…Важнейший для нашего общества вопрос - верховенство закона. К сожалению, есть немало граждан, которые не хотят соблюдать законы. Усиливается правовой нигилизм…»[4]. Поэто-

[1] *Jacobi, Friedrich Heinrich. David Hume über den Glauben, oder Idealismus und Realismus. – Breslau, 1787. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10043529?page=1 (дата обращения: 15.01.2024).*

[2] *Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 (дата обращения: 11.01.2024)*

[3] *Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» от 01.09.2022 г. // https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130 (дата обращения: 05.01.2024).*

[4] *Каждый гражданин должен быть патриотом своей страны. Президент Касым-Жомарт Токаев дал интервью нацио-*

му на данный момент вопрос об искоренении правового нигилизма и борьбы с его проявлениями приобретает особый статус актуальности и требует реальных мер с учетом особенностей общественного сознания и уровня развития правосознания населения.

В другом выступлении, Президент РК Касым-Жомарт Токаев отметил, что «… Проводимая государственная политика будет направлена на работу по формированию полной нетерпимости к любым формам и проявлениям радикализма, правового нигилизма, бытового вандализма, которые противоречат действующему законодательству и подрывают стабильность в обществе»[5].

17 ноября 2023 года на своей личной странице в социальной сети Instagram, министр культуры и информации Казахстана Аида Балаева опубликовала свое видеообращение, в котором отразила свою позицию по отношению к правовому нигилизму: «…Современному обществу присущ правовой нигилизм. Особенно тревожно за молодое поколение. Мы, как родители, должны прививать нашим детям культуру борьбы с такими негативными явлениями не только дома, но и в учебных заведениях. У общества должна сложиться устойчивая нулевая терпимость к нарушению закона, насилию, бескультурью…»[6]. Действительно, формирование нетерпимости к правому нигилизму начинается с семейного воспитания, далее на этапе школьного обучения важно привить детям морально-нравственные устои по отношению ко всем проявлениям правовых явлений.

Материалы и методы исследования

Представленная научная статья является результатом поиска и анализа соответствующих отечественных и зарубежных исследований, содержание которых посвящено проблеме изучения такого негативного социального феномена как правовой нигилизм. В работе были использованы нормативные источники, в том числе данные зарубежных независимых организаций.

Для достижения целей и задач научной статьи, относительно изучения содержания понятия «правовой нигилизм» были использованы универсальные методы научного познания: к которым можно отнести: анализ и синтез, дедукция и индукция, аксиоматика и формализация, абстрагирование и дифференцирование, сравнение и обобщение, использование которых позволило раскрыть проблему содержания правового нигилизма. Также были использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования, которые позволили изучить международный опыт борьбы с правовым нигилизмом и выработать рекомендации в борьбе с этим негативным социальным явлением.

Обсуждение

В современном обществе одной из основных черт его функционирования является правовой нигилизм, который представляет собой большую часть общественных отношений, что затрудняет изучение всех его граней и форм проявлений. Этот вопрос является наиболее актуальным в изучении всей правовой науки, т.к. правовой нигилизм как социальный феномен затрагивает практически все области общественной жизни. Одной из важных проблем изучения правового нигилизма является исследование его структуры, которая имеет собственные особенности и специфику.

В классической теоретической юриспруденции имеется распространенный подход относительно структуры правового нигилизма, в основе которого лежит мысль о том, что в качестве его элементов выделяются: 1) правовая психология; 2) правовая идеология. Правовая психология представляет собой совокупность чувств, эмоций, переживаний человека относительно правовой действительности. Правовая идеология выражается на уровне формирования сознания человека, т.е. влияет на его модель правомерного поведения.

На сегодняшний день существует проблема разработки в правовой науке единого подхода к пониманию феномена правового нигилизма. Это объясняется не только большим количеством научных подходов авторов и возможных коллизий в интерпретации данного понятия, но и происходящими изменениями в формах общественных отно-

нальному телеканалу Qazaqstan (Жайна Сламбек) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31726929&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 16.01.2024).

[5] Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на торжественной церемонии вручения государственных наград и премий ко Дню Республики 24 октября 2023 г. // https://akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-torzhestvennoy-ceremonii-vrucheniya-gosudarstvennyh-nagrad-i-premiy-2492626 (дата обращения: 16.01.2024).

[6] Аида Балаева обратилась к казахстанцам - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.zakon.kz/sobytiia/6414284-aida-balaeva-obratilas-k-kazakhstantsam.html (дата обращения: 16.01.2024).

шений, правовых представлений и взглядов в обществе. Правовой нигилизм в зависимости от объекта представляется по-разному и имеет свое содержание.

Правовой нигилизм — это форма негативного отношения к праву, представляющая собой искажение или деформацию правосознания человека и обладает собственной структурой, уровнем проявления и формами реализации на основе совокупности взглядов, представлений и мировоззрений относительно негативного отношения к установленным в государстве правовым нормам [2, с. 192].

Правовой нигилизм представляет собой определенное направление общественной мысли и правовой практики, которое либо полностью отрицает саму ценность права, либо определяет право, как наименее эффективный регулятор общественных отношений. Данный феномен представляет собой одну из форм социального поведения, основанного на собственных мировоззрениях и представлениях о праве [3, с. 39].

Правовой нигилизм, представляющий собой результат деформации правового сознания проявляется посредством наличия двух его форм: правовой негативизм и правовой инфантилизм. Рассмотрим эти две формы.

Правовой негативизм проявляется в полном игнорировании норм правовых актов на уровне сознания. Это выражается в формировании скептического отношения индивида к действующей правовой системе и утраты доверия к ее компонентам. Правовой инфантилизм проявляется в текущем уровне сформированности у индивида правовых взглядов и представлений. Данная форма правового нигилизма зачастую может проявляться в виде правового цинизма, т.е. откровенного, презрительного отношения субъекта к действующим правовым нормам и правилам поведения в обществе.

Современная форма проявления правового нигилизма обладает особенностями и оценочными положениями, которые можно определить следующим образом:

1) Правовому нигилизму свойственен цинично-агрессивный характер, который характеризуется демонстративностью и не влечет практически никакой ответственности, что говорит о его запредельности и хаотичности в процессе проявления его форм;

2) Правовой нигилизм обладает массовым характером, который определяется тем, что данному социальному явлению подвержена не только определенная часть обычных граждан, но и наблюдается в сфере государственного управления;

3) Правовой нигилизм обладает полиформатной формой проявления, т.к. может наблюдаться как в криминогенных, так и в государственных структурах, в бытовых или элитарных формах проявлений, а для некоторых граждан становиться нормой жизни;

4) Правовой нигилизм обладает разрушительным характером, т.е. современная его форма несет в себе оппозиционную или конфронтационную составляющую, что толкает некоторых граждан на проявление нетерпимости, вражды или насилия;

5) Правовой нигилизм ведет к дестабилизации общества посредством слияния его форм и проявлений (государственно-политический, духовно-нравственный, национально-культурный нигилизм);

6) Правовой нигилизм зачастую имеет прямую связь с правовым негативизмом, который характеризуется влиянием на формирование социально-нравственных ориентиров общества;

7) Правовой нигилизм характеризуется проявлением тотального отрицания, т.е. возникает феномен «всеобщего отрицания», когда любые изменения сопровождаются неконструктивной критикой и не принимаются обществом [4, с. 2080].

Правовой нигилизм представлен не только как наличие деформации правового сознания личности, но и имеет различные собственные проявления: частного характера (правонарушения) и общего характера, который зависит от объема проявления (индивидуальный, коллективный, общественный) или отраслевого фактора (административно-правовой нигилизм и т.д.). Каждая форма правового нигилизма зависит от субъекта, который проявляет свое воздействие на объект. Поэтому можно определить структуру правового нигилизма: субъект, объект и содержание.

Если говорить о субъекте правового нигилизма, то здесь можно обозначить две группы субъектов: физическое лицо и юридическое лицо. Объектом правового нигилизма могут выступать сами общественные отношения, которые имеют прямую связь с представлениями индивида о значении правовых ценностей и развитого уровня правовой культуры. Содержание правового нигилизма выражается посредством поведения субъектов, которое отражено в двух формах: правомерное и противоправное поведение [5, с. 50].

По мнению Бугаенко Ю.Ю., структуру правового нигилизма можно представить в следующем виде: объективная сторона, объект, субъективная сторона, субъект. Объективной стороной правового нигилизма является система исторически сформированных социокультурных условий и проявлений, которые способствуют проявлению нигилистических настроений в обществе к правовой политике. К числу субъектов правового нигилизма можно отнести как отдельного индивида, так и группу или общество в целом. В большей мере субъективная сторона правового нигилизма выражается посредством понимания и осознания правовой реальности субъектами и выделение ими таких дефиниций как «свобода действий» и «воля» [6, с. 107].

Минияров В.В., Миниярова В.А. выделяют следующие уровни правового нигилизма: 1) идеологический уровень, влияющий на общественное сознание; 2) ведомственный уровень, который проявляется в работе государственных органов власти; 3) обыденный уровень, который имеет массовый характер и опирается на сформированные представления и стереотипы о неэффективности права как регулятора общественных отношений [7, с. 194].

При изучении содержания правового нигилизма, можно выделить следующие его формы:

1) Наличие и проявление антиправовой идеологии (психологии), которая сопряжена с наличием жестокости и форм насилия, т.е. криминализация модели поведения индивида;

2) Несоблюдение и неприятие действующих правовых норм на уровне сознания, т.е. намерение человека осознано нарушать закон несмотря на возможную уголовную или административную ответственность;

3) Подмена понятий относительно целесообразности правомерной модели поведения, особенно в сфере государственной службы (коррупция);

4) Низкий уровень доверия граждан к работе правоохранительной сферы и к системе обеспечения правопорядка в государстве.

5) Слабый уровень правового образования среди населения, т.е. несоответствие правовых знаний и навыков относительно правовой действительности.

Например, Чижикова А.В. дает следующую классификацию правового нигилизма: 1) инфантильный; 2) фрустрационный; 3) мстительный; 4) возмещающий; 5) регрессивный. Для более полного понимания содержания такой классификации более детально рассмотрим ее положения:

1) Инфантильный правовой нигилизм проявляется в большей мере в раннем (детском) возрасте, поэтому он менее деструктивен. Однако, уже в более взрослом возрасте он может проявляться в виде недостаточного понимания правовой системы или низким уровнем правосознания и правовой культуры индивида.

2) Фрустрационный правовой нигилизм имеет проявление в повышенной потребности в собственной безопасности индивида. Это происходит, когда человек при возникающей опасности может использовать противоправные приемы и действия;

3) Мстительный правовой нигилизм отражается в двух разновидностях: рациональный и иррациональный. Первый вид правового нигилизма обусловлен результатами неэффективной деятельности государственной системы и выражается через акт «мщения» за несправедливые решения с их стороны. Второй вид правового нигилизма не определен четкими основаниями и нормами поведения и вызван происходящей деформацией правосознания индивида;

4) Возмещающий правовой нигилизм вполне схож с предыдущим видом нигилизма, но все же отличается в пользу того, что возникает как следствие затяжного периода фрустрации, связанной с подрывом доверия к правовой системе или утратой веры в справедливость.

5) Регрессивный правовой нигилизм представляет собой наиболее крайнюю степень проявления данного явления. Этот вид проявляется в полном отказе лица от действующих законов и основывается на деструктивных проявлениях в форме проявления жестокости к окружающим, отрицания моральных устоев и норм воспитания [8, с. 121].

По мнению известного ученого-юриста, Матузова Н.И. в зависимости от характера и степени социальной опасности правовой нигилизм выражается в шести проявлениях: 1) умышленное нарушение законодательных актов; 2) систематическое несоблюдение и неисполнение правовых предписаний; 3) правовые коллизии в нормативных актах; 4) подмена законности наличием целесообразности; 5) противоречия в деятельности исполнительских и представительских государственных органов власти; 6) повсеместное нарушение прав и свобод человека. Необходимо остановиться на каждом положении [9, с. 276].

Таким образом, проведенный анализ различных классификаций форм проявления правового нигилизма дает нам основание выделить три основных признака правового нигилизма: 1) любая форма правового нигилизма наносит ущерб обществу как материального, так и морального уровня; 2) наличие правового нигилизма влияет на появление множества различных негативных проблем и последствий во всех областях жизнедеятельности; 3) правовой нигилизм влияет не только на правовые стороны поведения индивида, но и формирует у него целостную негативную оценку всех проявлений государственной политики и отсутствие желания быть полезным обществу.

Причинами правового нигилизма может выступать неспособность государства своевременно реагировать на возникающие угрозы и проблемы, посредством разработки необходимых нормативных актов или слабый уровень их содержания и реализации [10, с. 18].

Качество и эффективность законодательных актов влияет на процесс повышения правовой грамотности населения и предотвращает появление нигилистических настроений в обществе. Большую роль здесь играет правовая культура, особенно среди молодежи, которая является действенной мерой по борьбе с правовым нигилизмом [11, с. 57].

Существуют меры практического характера, направленные на снижение проявления правового нигилизма в обществе и профилактики его проявлений:

Во-первых, необходимо развивать систему правового воспитания детей начиная с дошкольного возраста. С раннего детского возраста важно формировать у детей нравственно-правовые представления и затем в будущем нравственно-правовые суждения и понятия, что даст возможность в будущем развить у них ценностные ориентиры (в том числе и правовые).

Во-вторых, необходимо применять практику пересмотра действующих нормативно-правовых актов на предмет его соответствия современным запросам и потребностям общества. Отдельное место занимает работа по обеспечению механизмов реализации права. Главной задачей в данном направлении является работа по приведению всей законодательной базы к форме для более понятного информативного содержания каждым субъектом права.

По мнению Джиембаева Р.К., основным средством преодоления правового нигилизма граждан является работа по повышению уровня правосознания и правовой культуры населения. Это будет способствовать формированию правомерной модели поведения и в целом укреплению правопорядка в обществе [12, с. 30].

Другой исследователь, Петров С.В. полагает, что необходимо проводить следующую работу по борьбе с правовым нигилизмом: 1) развивать духовную область общественной жизни, посредством повышения уровня правовой культуры; 2) проводить работу по массовой пропаганде роли и значения права, развивать систему правового образования, модернизировать законодательную базу с учетом современных потребностей и запросов общества [13, с. 105].

Меры по противодействию правового нигилизма можно разделить на два вида: 1) стратегические; 2) тактические. Реализация данных мер зависит от уровня опасности проявления нигилизма среди населения. Стратегические меры применяются для изменения самих причин и факторов, которые порождают отклонения правового поведения и толкают личность на самые «крайние» формы правового нигилизма. К таким мерам можно отнести разработку и применение концепций, программ по правовому воспитанию всех социальных групп населения, начиная с самого раннего возраста. Тактические меры направлены именно на сами факты проявления правового нигилизма, т.е. когда уже стратегические меры не оказывают должного эффекта. К таким мерам можно отнести ужесточение наказания по совершенным деликтам в области уголовного и административного права [14, с. 32].

В целом, при анализе проблем относительно проявления правового нигилизма можно утверждать, что данная проблема касается не только государства, но и особая роль по искоренению данного социального явления принадлежит самому обществу. Отсюда следует, что можно выделить три основные группы мер, которые будут наиболее эффективными в борьбе с данным негативным явлением:

1) Первая группа мер носит политический характер и проявляется в обеспечении верховенства закона, контроля законотворческой деятельности и соответствии результата с интересами и запросами общества. Отдельное место отводится превентивным мерам по предотвращению правонарушений и повышению доверия граждан к государственным органам власти;

2) Вторая группа мер сводится к социально-экономической политике государства. Здесь большую роль играет проведение работы в области повышения благосостояния общества, обеспечение граждан рабочими местами, социальной защитой населения, обеспечение и контроль образовательной и медицинской сфер жизни;

3) Третья группа мер носит духовно-культурную составляющую. Сюда можно отнести не просто разработку идеологических программ и концепций, но и повышение общего уровня культуры населения, повышение статуса института семейного воспитания и сохранения традиций.

Таким образом, можно сделать вывод, что преодолеть правовой нигилизм в короткое время просто невозможно. Для этого необходимо не только применение нормативной базы, но и изменение мировоззренческих основ восприятия правовой действительности и роли права как необходимого регулятора общественных отношений. Искоренение правового нигилизма напрямую имеет зависимость от собственной позиции и степени неприятия происходящих правонарушений.

Далее необходимо обратиться к международному опыту в борьбе с правовым нигилизмом. В большинстве стран Европы применяется система гражданского образования, которая выступает основным средством предупреждения правового нигилизма начиная со школьного обучения. Рассмотрим некоторые положения гражданского образования в зарубежных странах с позиций организации самой образовательной деятельности и содержания подходов.

В нормативных документах Совета Европы под понятием «гражданское образование» понимается целостный комплекс, который включает в себя не только правовое образование, но и знания в области политики, экономики, культурологии[7].

Образовательные системы европейских стран используют вариативный подход к определению необходимых дисциплин, которые решают поставленные задачи гражданского образования. По отчету Европейской комиссии от 31 мая 2012 года, в системах образования 21 государств (стран Европейского союза - ЕС), обучение основам гражданственности (Citizenship education) было включено в учебные программы начального и среднего уровня образования. А уже в 2017 году эта цифра выросла до 42 систем образования (в том числе 28 стран - участников ЕС)[8].

Проведенный анализ зарубежной практики показывает, что необходимо выделить следующие подходы к организации и обеспечению гражданского образования на уровне школьного обучения. Первый подход подразумевает включение в учебную программу профильных дисциплин. Причем данная дисциплина может именоваться по-разному и изучаться на протяжении всего этапа школьного обучения. В Великобритании в учебную программу включен предмет «Граждановедение» (Citizenship), который является обязательным компонентом и изучается в средней школе (11-16 лет). Необходимо отметить, что уже в начальной школе (4-11 лет) содержание гражданского образования включает в себя нормы и актуальные вопросы личного и общественного развития и обеспечения здоровья. Содержательная часть данного предмета регулируется общеустановленным документом (типовыми правилами), но каждой школе предоставлена возможность собственного определения и выбора методов преподавания по данной дисциплине.

В 2019-2020 годах в Италии начал преподаваться новый предмет «Гражданство и Конституция», который содержит в себе учебный материал по гражданскому воспитанию детей. В Турции начиная с 4-го класса в школах преподается предмет «Права человека, гражданство и основы демократии» (Human rights, citizenship and democracy), с 5 по 8 классы изучается предмет «Закон и справедливость» (Law and justice) и уже в 9-12 классах в учебную программу включен предмет «Демократия и права человека» (Democracy and human rights).

В США в школах с профориентационной направленностью - «магнитные» школы (magnet schools) существует возможность для учеников выбирать узкопрофильные учебные программы (в том числе и юридического направления). Например, в штате Аризона в Южном Тусоне предлагается 4-х летнее обучение правовым знаниям (9-12 классы).

Во Франции в учебные программы школьного образования включен предмет «Нрав-

[7] *Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека: утв. в рамках Рекомендации CM/Rec(2010)7 Комитета министров // https://www.coe.int/ru/web/compass/council-of-europe-charter-on-education-for-democratic-citizenship-and-human-rights-education (дата обращения: 17.01.2024).*

[8] *Официальный сайт Европейского союза // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/cs/IP_12_514 (дата обращения: 17.01.2024).*

ственное и гражданское воспитание» (Moral and civic education), который изучается на всех этапах обучения в школе. Этому способствует признание того, что развитие личности и процесс воспитания гражданина требуют взаимодействия друг с другом и применением перекрестного подхода обучения[9].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что во многих зарубежных странах уже с раннего школьного возраста обеспечивается обучение гражданского воспитания и образования. Данная практика выступает эффективной мерой по противодействию правового нигилизма с раннего возраста и будет влиять на формирование у личности развитого уровня правосознания. Можно выделить основные особенности гражданского образования в зарубежных системах:

1) Наличие стандартизации гражданского образования в организациях всех уровней обучения;

2) Наличие связи и непрерывности в обучении гражданского воспитания и образования;

3) Обеспечение необходимыми компетенциями, которые связаны с развитием уровня правовой культуры и правового сознания школьников;

4) Применение практико-ориентированного подхода, элементов интерактивного обучения, метода проектного обучения, а также использование цифровых образовательных ресурсов и технологий.

5) Наличие свободы в проектировании учебной программы по гражданскому образованию, т.е. большинство организаций образования обладают автономией при проектировании учебных программ на основе потребностей и запросов общества.

В заключение необходимо сделать вывод, что в зарубежных странах гражданское образование обладает многоплановостью и мультимодальностью ее компонентов. Основой реализации данных образовательных систем является применение деятельностного подхода обучения с использованием цифровых образовательных технологий. Данная практика является основным отличием от других систем и обеспечивает подготовку учеников общеобразовательных школ к активному участию в жизни общества и государства, в том числе и в правовой сфере. Такая подготовка, безусловно, является эффективной мерой в профилактике и предупреждения правового нигилизма, т.к. у человека с раннего возраста уже формируются общие представления о праве и способах его реализации.

Результаты

Таким образом, к мерам по устранению причин проявления правового нигилизма среди населения и формирования у него позитивного отношения к действующей правовой системе можно отнести:

1) Разработка нормативной законодательной базы, которая будет понятна как профессиональным юристам, так и обычным гражданам. Также немаловажно сведение к минимуму разработки бесконечных поправок в законодательные акты, понимание содержание которых вызывает сомнение у многих категорий граждан;

2) Все нормы законодательства должны соответствовать основным принципам нормотворчества, т.е. принципу справедливости и целесообразности с учетом интересов общества;

3) Разработка и реализация долгосрочной стратегической программы по противодействию правовому нигилизму. На данный момент действующие концепции только лишь частично затрагивают вопросы искоренения правового нигилизма;

4) Обеспечение формирования базовых правовых знаний в профессиональной области каждого специалиста (учителя, врача, воспитателя и т.д.);

5) Развитие и активизация работы по правовому просвещению населения, особенно в образовательной среде. В действующей системе образования (школа-колледж-вуз) на неюридических специальностях реализуется учебная дисциплина «Основы права», «Основы правоведения» объем которой не может гарантировать получение необходимых правовых знаний, поэтому повышение учебной нагрузки представляется просто необходимым.

6) Обеспечение связи научных исследований в области правовой политики с практической сферой, посредством использования результатов научных достижений в пользу их практического применения.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым дополнить Раздел 7 «Правовое образование, правовая пропаганда», Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года следующими положениями:

[9] *Гражданское образование в школе в Европе-2017: доклад // Официальный сайт Европейского союза // https://eurydice.eacea.ec.europa.eu/national-education-systems (дата обращения: 16.01.2024).*

1) Разработка и реализация «Программы формирования и повышения уровня правовой культуры населения», для предупреждения и борьбы с правовым нигилизмом среди населения;

2) В образовательной сфере на всех уровнях включение в учебные программы специального учебного цикла (дисциплины) - «Профилактика правового нигилизма» или «Гражданское образование» уже на начальном этапе школьного образования.

Заключение

Правовой нигилизм — это негативное отношение к правовым нормам и в целом к действующей правовой системе, которое характеризуется деформацией общественного и индивидуального правосознания личности и низким уровнем правовой культуры. Проявление правового нигилизма в обществе как социального феномена отражает общий уровень развития государства и степень эффективности проводимых правовых реформ. Вопросы изучения содержания правового нигилизма, форм его проявления, а также разработка мер по искоренению этого социального явления требует дальнейших научных исследований и применение их результатов в практической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Утарбеков Ш.Г. Правовой нигилизм и его преодоление: аналитический обзор подходов к пониманию // Правопорядок: история, теория, практика. - 2019. - №1 (20). - С. 24-30.

2. Момышева Ф.С., Феткулов А.Х., Сейтхожин Б.У., Хакимов Р.Р. Правовой нигилизм: понятие и пути преодоления // Вестник КРСУ. - 2015. - №10. - С. 191-194.

3. Бочков А.А. Концептуально-методологические основы толкования правового нигилизма // Legal Concept. - 2022. - №1. - С. 37-46.

4. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник СГЮА. - 2012. - №4 (87). - С. 2080-2089.

5. Пронина К.Ю. Структура правового нигилизма // Закон и право. - 2020. - №4. - С. 49-52.

6. Бугаенко Ю.Ю. Правовой нигилизм и его трансформация в современном социуме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - №5. - С. 106-112.

7. Минияров В.В., Миниярова В.А. Формирование правовой культуры как условие преодоления правового нигилизма // Проблемы современного педагогического образования . - 2020. - №68-1. - С. 193-196.

8. Чижикова А.В. Современное общество и правовой нигилизм // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2021. - №11-4 (62). - С. 121-124.

9. Актуальные проблемы теории права. Монография / Матузов Н.И. - Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. - 512 с.

10. Тайторина Б.А., Мухматова А.Д., Байсалова Г.Т. Тенденция развития института государственной службы: Казахстан и лучшие мировые практики // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2021. - №1 (101). - С. 16-25.

11. Жумагулов Т.Б., Дарибаев Г.С. Важность правового воспитания и образования в повышении правовой культуры в контексте модернизации общественного сознания // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2021. - №1 (64). - С. 57-70.

12. Джиембаев Р.К. О проблеме повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2018. - №3 (52). - С. 30-37.

13. Петров С.В. Правовой нигилизм: методы преодоления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2024. - №5. - С. 105-108.

14. Канина Ю.С. Особенности выражения правового нигилизма молодежи и пути его преодоления // Социально-политические науки. - 2019. - №4. - С. 30-34.

REFERENCES

1. Utarbekov Sh.G. Pravovoj nigilizm i ego preodolenie: analiticheskij obzor podhodov k ponimaniju // Pravoporjadok: istorija, teorija, praktika. - 2019. - №1 (20). - S. 24-30.

2. Momysheva F.S., Fetkulov A.H., Sejthozhin B.U., Hakimov R.R. Pravovoj nigilizm: ponjatie i puti preodolenija // Vestnik KRSU. - 2015. - №10. - S. 191-194.

3. Bochkov A.A. Konceptual'no-metodologicheskie osnovy tolkovanija pravovogo nigilizma // Legal Concept. - 2022. - №1. - S.37-46.

4. Matuzov N.I. Pravovoj nigilizm kak obraz zhizni // Vestnik SGJuA. - 2012. - №4 (87). - S. 2080-2089.

5. Pronina K.Ju. Struktura pravovogo nigilizma // Zakon i pravo. - 2020. - №4. - S. 49-52.

6. Bugaenko Ju.Ju. Pravovoj nigilizm i ego transformacija v sovremennom sociume // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. - 2019. - №5. - S. 106-112.

7. Minijarov V.V., Minijarova V.A. Formirovanie pravovoj kul'tury kak uslovie preodolenija pravovogo nigilizma // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija . - 2020. - №68-1. - S. 193-196.

8. Chizhikova A.V. Sovremennoe obshhestvo i pravovoj nigilizm // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2021. - №11-4 (62). - S. 121-124.

9. Aktual'nye problemy teorii prava. Monografija / Matuzov N.I. - Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2003. - 512 c.

10. Tajtorina B.A., Muhmatova A.D., Bajsalova G.T. Tendencija razvitija instituta gosudarstvennoj sluzhby: Kazahstan i luchshie mirovye praktiki // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija «Pravo». - 2021. - №1 (101). - S. 16-25.

11. Zhumagulov T.B., Daribaev G.S. Vazhnost' pravovogo vospitanija i obrazovanija v povyshenii pravovoj kul'tury v kontekste modernizacii obshhestvennogo soznanija // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. - 2021. - №1 (64). - S. 57-70.

12. Dzhiembaev R.K. O probleme povyshenija urovnja pravosoznanija i pravovoj kul'tury grazhdan // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. - 2018. - №3 (52). - S. 30-37.

13. Petrov S.V. Pravovoj nigilizm: metody preodolenija // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. - 2024. - №5. - S. 105-108.

14. Kanina Ju.S. Osobennosti vyrazhenija pravovogo nigilizma molodezhi i puti ego preodolenija // Social'no-politicheskie nauki. - 2019. - №4. - S. 30-34.

ZQAI

UDC 316.35
SRSTI 04.41.31

LEGAL AWARENESS OF STUDENTS: RESEARCH RESULTS (USING THE EXAMPLE OF KARAGANDA BUKETOV UNIVERSITY)

Kalguzhinova Aigul Mailybaevna[1]
Master of Law of NJSC «Karaganda University named after Academician E.A. Buketov», Senior lecturer of the department of criminal law, process and criminalistics; Karaganda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: k_aigul_75@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-3812-7504; SCOPUS ID: 57193084293

Amanzholova Botagoz Atymtaevna
Candidate of Legal Sciences of NJSC «Karaganda University named after Academician E.A. Buketov», Professor of the department of criminal law, process and criminalistics; Karaganda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: botanik76@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-9508-2234; SCOPUS ID: 57193081947

Abstract. *The article is devoted to the study of the level of legal awareness of students of Karaganda Buketov University from the perspective of a psychological and legal approach. The building of a civil and legal society depends on the level of development of students' legal awareness. The article reveals the features of the right consciousness of students of the above-mentioned university. The study was conducted within the framework of an intra-university grant "Formation of medical and legal literacy of university students as a factor in improving the quality of the country's human resources potential (using the example of the Resource Center for Inclusive and Special Education)."*

The problem of legal awareness, the study of its real level, state, and content is one of the keys, fundamental scientific areas of legal psychology. Its solution involves the tasks of strengthening law and order, improving the efficiency and quality of law enforcement agencies; combating crime and preventing the causes that give rise to it; comprehending the deep content-psychological mechanisms of social interaction of people; cognition of the driving forces and internal regulators of legally significant behavior. In modern conditions, the issues of studying public opinion, which are part of the general theory of legal awareness, have become particularly acute and relevant. The article uses the methodology of quantitative research in the aspects of determining the level of legal literacy of students (based on the KARA), assessing it as a factor in improving the quality of the human resource of Kazakhstan (using the example of the Resource Center for Inclusive and Special Education).

The main conclusion of the study is the need to promote the formation of law-abiding behavior of students. This is realized by involving representatives of all subjects of educational activity, including parents of students, in the educational system by informing all participants of the process. Visualization of legal situations; solving practical tasks and conducting business games within the educational process are also applied.

Keywords: *legal awareness, legal literacy, resource center, legal literacy of students.*

СТУДЕНТТЕРДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ САНАСЫ: ЗЕРТТЕУ НӘТИЖЕЛЕРІ (БӨКЕТОВ АТЫНДАҒЫ ҚАРАҒАНДЫ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ МЫСАЛЫНДА)

Айгуль Майлыбайқызы Калгужинова
«Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КЕАҚ заң ғылымдарының магистрі, қылмыстық құқық, процесс және криминалистика кафедрасының аға оқытушысы; Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: k_aigul_75@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-3812-7504; SCOPUS ID: 57193084293

[1] *Author for correspondence*

Ботагөз Атымтайқызы Аманжолова
«Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КЕАҚ заң ғылымдарының кандидаты, қылмыстық құқық, процесс және криминалистика кафедрасының профессоры; Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: botanik76@mail.ru e-mail: botanik76@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-9508-2234; SCOPUS ID: 57193081947

Аннотация. *Мақала психологиялық-құқықтық көзқарас тұрғысынан Қарағанды Букетов университетінің студенттерінің құқықтық сана деңгейін зерттеуге арналған. Азаматтық және құқықтық қоғамның құрылуы студенттердің құқықтық санасының даму деңгейіне байланысты. Мақалада жоғарыда аталған университет студенттерінің құқықтық санасының ерекшеліктері анықталды. Зерттеу "ЖОО студенттерінің Медициналық және заңдық сауаттылығын елдің кадрлық әлеуетінің сапасын арттыру факторы ретінде қалыптастыру (инклюзивті және арнайы білім беру ресурстық орталығының мысалында)"ЖОО ішіндегі грант шеңберінде жүргізілді.*

Құқықтық сана мәселесі, оның нақты деңгейін, жағдайын, мазмұнын зерттеу құқықтық психологияның негізгі, іргелі ғылыми бағыттарының бірі болып табылады. Оның шешімімен заңдылық пен құқықтық тәртіпті нығайту, құқық қорғау органдары қызметінің тиімділігі мен сапасын арттыру міндеттері; қылмысқа қарсы күрес және оны тудыратын себептердің алдын алу; адамдардың әлеуметтік өзара іс-қимылының терең мазмұнды-психологиялық тетіктерін түсіну; заңды маңызды мінез-құлықтың қозғаушы күштері мен ішкі реттеушілерін білу байланысты. Қазіргі жағдайда құқықтық сананың жалпы теориясының бөлігі болып табылатын қоғамдық пікірді зерттеу мәселелері ерекше айқындық пен өзектілікке ие болды. Мақалада білім алушылардың заңдық сауаттылығының қалыптасу деңгейін (қару базасында) айқындау, оны Қазақстанның адами ресурсының сапасын арттыру факторы қатарында бағалау (инклюзивті және арнайы білім беру ресурстық орталығының мысалында) аспектілерінде сандық зерттеулер әдіснамасы пайдаланылды.

Зерттеудің негізгі қорытындысы оқушылардың заңға бағынатын мінез-құлқын қалыптастыруға жәрдемдесу қажеттілігі болып табылады. Бұл процестің барлық қатысушыларын хабардар ету арқылы білім беру жүйесіне барлық білім беру субъектілерінің өкілдерін, соның ішінде оқушылардың ата-аналарын тарту арқылы жүзеге асырылады. Сондай-ақ, құқықтық жағдайларды визуализациялау; практикалық міндеттерді шешу және білім беру процесінде іскерлік ойындар өткізу қолданылады.

Түйінді сөздер: *құқықтық сана, құқықтық сауаттылық, ресурстық орталық, студенттердің құқықтық сауаттылығы.*

ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАРАГАНДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ БУКЕТОВА)

Калгужинова Айгуль Майлыбаевна
Магистр правоведения НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова», старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики; г. Караганда, Республика Казахстан; e-mail: k_aigul_75@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-3812-7504; SCOPUS ID: 57193084293

Аманжолова Ботагоз Атымтаевна
Кандидат юридических наук НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова», профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики; г. Караганда, Республика Казахстан; e-mail: botanik76@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-9508-2234; SCOPUS ID: 57193081947

Аннотация. *Статья посвящена исследованию уровня правосознания студентов Карагандинского университета Букетова с позиции психолого-правового подхода. Именно от уровня развития правосознания студентов зависит построение гражданского и правового общества. В статье выявлены особенности правового сознания студентов вышеуказанно-*

го вуза. Исследование проводилось в рамках внутривузовского гранта «Формирование медицинской и юридической грамотности студентов вузов как фактор повышения качества кадрового потенциала страны (на примере Ресурсного центра инклюзивного и специального образования)».

Проблема правосознания, изучения его реального уровня, состояния, содержания относится к числу ключевых, основополагающих научных направлений юридической психологии. С ее решением связаны задачи укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности и качества деятельности правоохранительных органов; борьба с преступностью и предупреждение причин, ее порождающих; постижение глубинных содержательно-психологических механизмов социального взаимодействия людей; познание движущих сил и внутренних регуляторов юридически значимого поведения. В современных условиях особую остроту и актуальность приобрели вопросы изучения общественного мнения, которые являются частью общей теории правосознания. В статье использована методология количественных исследований в аспектах определения уровня сформированности юридической грамотности обучающихся (на базе КарУ), оценки его в числе фактора повышения качества человеческого ресурса Казахстана (на примере Ресурсного центра инклюзивного и специального образования).

Основным выводом исследования является необходимость содействия формированию законопослушного поведения учащихся. Это реализуется путем вовлечения представителей всех субъектов образовательной деятельности, включая родителей учащихся, в систему образования путем информирования всех участников процесса. Также применяется визуализация правовых ситуаций; решение практических задач и проведения деловых игр в рамках образовательного процесса.

Ключевые слова: *правосознание, юридическая грамотность, ресурсный центр, юридическая грамотность студентов.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_18

Introduction

An urgent requirement of the educational process in universities is the vector for the development of legal literacy of students. The education that students receive is interconnected with legal education aimed at obtaining legal competencies.

Essential changes aimed at building a democratic rule of law make legal education the most important task of society. The concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan until 2030 highlights an independent section dedicated to legal education and propaganda. The need to increase civic engagement, which affects the growth of the level of legal culture of an individual and society as a whole, is identified as an essential indicator of Kazakhstan as a rule of law state. In order to improve legal literacy, to form legitimate socially active behavior among the population, based on constitutional values, a system of measures is proposed.

Students belong to the most vulnerable social groups, which are much more likely to be negatively affected by society, face a large number of challenges in everyday life, which determines the need for knowledge and skills in the legal field.

Students, as an advanced part of youth, are an important factor in the development of all spheres of society, largely determining its prospects [1]. Moreover, the formation of legal values of a citizen of the Republic of Kazakhstan is an important part of educational policy, the formation of a professional position of the younger generation.

That is why a higher educational institution, as a mechanism designed to implement the main components of legal education (the development of legal literacy, legal thinking and legal skills) is defined as an object of research.

Within the framework of the grant theme "Formation of medical and legal literacy of university students as a factor in improving the quality of the country's human resource (using the example of the Resource Center for Inclusive and Special Education)", we conducted a study "Legal awareness of students of Buketov Uiversity".

The purpose of the study is to provide information, educational and methodological support for the process of forming and improving the legal literacy of students at the university, improving their skills in understanding and using information on health, law and responsibility, as one of the priorities of the state in improving the quality of the country's human capital.

The main objectives of the study are

defined: to identify the level of legal literacy of students; to create effective conditions for the development of legal knowledge. Also, to increase the level of legal literacy of students, their socialization and preparation for professional activity. To help the formation of law-abiding behavior of students through the involvement of representatives of all subjects of educational activity in the system of education and upbringing.

Methods and materials

The analysis of scientific literature, in particular, the work of Morozova S.A., Ryabko I.F., Sayfullina N.A., Afanasiev I.V., Kunitsyna S.M., J. Rotter, Melnikova V.M., Yampolsky L.T., Khacharoeva A.H., Hunarikova P.H., Pogorov B.A., shows that the common all research focuses on the ability to see the problem of the legal field, determine its nature and take appropriate measures. Such an action should be a conscious and of systematic behavior. Legal literacy of university students is a tool for qualitative changes at the basic level, since it gives students adequate knowledge about their rights.

The study used the methodology of quantitative research in the aspects of determining the level of legal literacy of students, assessing it as a factor in improving the quality of the human resource of Kazakhstan (using the example of the Resource Center for Inclusive and Special Education). The data collection tools used in the study were applied to groups of participants using anonymous online questionnaires in Russian and Kazakh.

550 students of the Kazakh department and 124 students of the Russian department were voluntarily interviewed using the links sent out. The requirements of representativeness by gender and age of students (from 18 to 22 years old) are taken into account. The survey coverage is mainly students of 1-3 courses of all (non-legal) faculties of Buketov University.

The results were directly processed using specialized software (computer programs, as well as Google Forms analytics capabilities). Taking into account the tasks set, the methods of ranking, graphical display, and factorial method were used, which made it possible to organize the results obtained, create infographics for visualizing information, and establish relationships between the answers to the questionnaire questions.

Data on information support for universities of the Republic of Kazakhstan is presented by the results of a study by A.Zh. Aimenov, who conducted a survey among students of the humanities and technical faculties of the Peoples' Friendship University named after Academician A. Kuatbekov. Shymkent, 2021 [2].

Within the framework of the grant, the problems of young people related to the lack of necessary medical knowledge were also studied; a sociological survey was conducted to determine and assess the level of medical and legal literacy among university students [3].

Discussion and results

Modern researchers consider "legal education" and its constituent theory of "legal literacy" as an independent branch of scientific knowledge, focusing on the "conglomerate of pedagogical and legal sciences" [4].

Legal literacy is defined as a quality of personality, as a level (or set) of legal knowledge and skills, as understanding and applying legal knowledge in practice, sufficient to participate fully and effectively in various spheres of society and the state, promote progress and ensure one's own development [5].

Accordingly, the questionnaire highlighted the levels of legal literacy, its structural elements, and models for the formation of this literacy.

71.4% of students of the Russian department assessed their level of legal competence as average. And only 49% students of Kazakh department - assessed it as average.

This circumstance is indicated by the results of the "Rule of Law Index", which noted the conditionality of the low legal literacy of the Kazakh-speaking environment with "a small amount of funds allocated by the state for social projects" and "a shortage of legal specialists providing services in the Kazakh language" [6].

The Rule of Law Index is a global survey that produces a ranking. It assesses the achievements of different countries in providing a legal environment. The index includes eight factors and forty-four indicators: limitation of the powers of government institutions; absence of corruption; open government; protection of fundamental rights; order and security; regulatory law enforcement; civil and criminal justice.

We consider it necessary to note that Kazakhstan has improved its position in recent years: in 2020 - 69th place, in 2021 - 66th place, in 2022 - 65th place[2]. However, at the same time, the number of countries included in the study is increasing.

Among the components of legal literacy,

[2] *Результаты опроса Института государственной политики свидетельствуют о росте правовой грамотности на-*

knowledge of one's rights, basic legal concepts, the ability to use legal knowledge in life situations, a responsible attitude to fulfilling one's duties, active participation in various activities, and the prevention of offenses are highlighted [7].

To measure the subjective and objective levels of legal knowledge, five questions were asked concerning the respondent's self-assessment, the content of their rights and obligations, and various legal situations.

The majority of students of the Kazakh department (71.1%) indicated knowledge of their rights and obligations, and the Russian department indicated lawful behavior (non-commission of offenses) - 65.5% of the surveyed students (Figure 1).

Russian students received significant discrepancies in the answers to the questions "I know the basic legal concepts" (21.4% of students of the Kazakh department and 53.8% of students of the Russian department), "I know how to use legal knowledge in life situations" (28% of students of the Kazakh (department and 35.3% of students of the Russian department).

property of the university (70.6%).

Then, in descending order, the following rights were noted, which should be provided at the university for students: "Choosing a sports section according to their interest", "Free education", "Compliance with the schedule of classes", "Health protection". The same answers were received to the question about the constitutional duties of a citizen of Kazakhstan:

- Protection of the Fatherland (59.8% of students of the Kazakh department and 63.6% of students of the Russian department),
- Employment after graduation from the university (43.4% of students of the Kazakh department and 23.4% of students of the Russian department),
- Payment of legally established taxes and fees (42.4% of students of the Kazakh department and 64.5% of students of the Russian department),
- Preservation of historical and cultural heritage (39.7% of students of the Kazakh department and 54.5% of students of the Russian department).

The students unanimously answered the

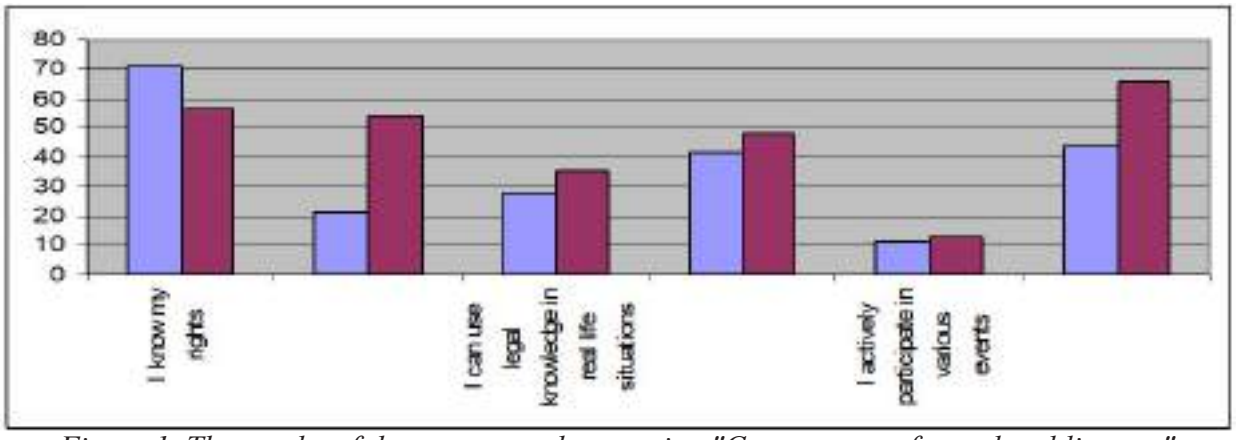


Figure 1. The results of the answer to the question "Components of your legal literacy"

Only in two variants of the answers "I am responsible for fulfilling my duties" and "I actively participate in various activities", the respondents did not show significant discrepancies.

However, when asked about the content of rights and obligations, boys and girls chose the answers that characterize their legal status at the university. Students of the Russian department pointed out the need to provide them with an equipped, warm classroom (66.9%) and rest during recess (72.7%). Students of the Kazakh department – respect the teachers and staff of the university (79%), careful attitude to the

question of what actions do not entail legal responsibility - being late for classes: 56.6% of students of the Kazakh department, 69.4% of students of the Russian department.

The fact that students have not noted other variants of misconduct indicates a high level of assimilation of their legal knowledge.

At the same time, the practical question of the qualification of the actions of undergraduates in relation to first-year students in the dormitory caused difficulties. Russian students did not distinguish between misconduct (19.3% of Kazakh students and 7.4% of Russian students),

селения. https://turanpress .kz/politika-i-vlast/5673-rezultaty-oprosa-instituta-obschestvennoi-politiki-fiksiruyut-rost-pravovoi-gr.html. (дата обращения: 15.02.2024).

offense (59.1% of Kazakh students and 44.6% of Russian students) and crime (21.7% of Kazakh students and 47.9% of Russian students). The ignorance of the laws, President K.J. Tokayev pointed out the lack of awareness of the importance of their strict observance, and the serious consequences of legal illiteracy for the younger generation during the Board of the Ministry of Internal Affairs[3].

Russian students (77.9% of students of the Russian department, 57% of students of the Kazakh department), followed by schools and universities (64.8% of students of the Russian department, 68.9% of students of the Kazakh department) were in the first place in the ranking of institutional factors in the formation of legal literacy. The media and the family lag far behind in their influence on the legal consciousness of the younger generation.

Students of the Russian department (65%) more often than students of the Kazakhstani department (42.5%) found themselves in situations where they felt the lack of legal knowledge.

In case of violation of their rights, students contact their parents and the police. However, about a third of the students (33.9% of students of the Russian department, 21.7% of students of the Kazakh department) chose the answer option "I find it difficult to answer".

Most often, students' rights are violated in cases where students combine study with work: 51% of students of the Kazakh department, 33.3% of students of the Russian department.

Students also note that violations of their rights take place in the educational process, in the field of lending, when making microloans, when renting housing, when finding employment, in household transactions.

In many ways, the survey results are explained by the fact that students did not study the discipline "Fundamentals of Law" at the university: 51.9% of students of the Kazakh department, 57% of students of the Russian department. This discipline is a component of choice. At the same time, students consider additional special courses in law as an effective method of improving legal literacy: 40% of students of the Russian department, 45.3% of students of the Kazakh department.

In September 2023 within the framework of realization of the information and prevention project "Bilgenin Abzal" and intra-university scientific grant at twelve faculties of Buket University a meeting with representatives of law enforcement agencies was held. The meeting was held by the deputy head of the Criminal Police Department of the Internal Affairs Department of Karaganda region, police colonel Ashimov M.I., senior operative of the Criminal Police Department of the Internal Affairs Department of Karaganda region, police Major Tulibergenov A.S.). From the side of the University was a professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics (Amanzholova B.A.). The meetings are devoted to the prevention of offenses, Internet fraud, destructive religious movements, and distribution of synthetic drugs, protection of consumer rights and consequences of micro-loans.

For the prevention of offenses, a set of organizational, legal, economic, social, demographic, educational and other measures to identify and eliminate the causes and conditions of committing offenses or preventing offenses was considered.

The interest of the students was aroused by the discussion of the provisions of the Law of the Republic of Kazakhstan "On the Prevention of offenses", in particular, the purpose, objectives, principles of crime prevention, subjects of crime prevention, general and individual measures of crime prevention.

To prevent online fraud, recommendations were given to be vigilant and follow simple rules: do not disclose your personal data, details of plastic cards to anyone, do not transfer receipts for transfers and, moreover, codes and code words, even to persons posing as bank employees, police, etc.

Youth should also not be influenced by destructive religious or pseudo-religious (imitating religious) organizations seeking to establish complete (total) control over the consciousness and will of their followers.

The next danger for students is the danger of synthetic drugs in their unpredictability. Synthetic drugs are understood as artificially created psychoactive substances that have narcotic properties and are capable of provoking physical and/or psychological dependence. All synthetic drugs or their individual components are produced in chemical laboratories from a variety of substances and are characterized by low cost. Some of them copy the pharmacological properties of herbal drugs and are their artificial analog.

Many drugs of synthetic origin were created

[3] *Токаев предупредил о последствиях правовой безграмотности. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/tokaev-predupredil-posledstviyah-yuridicheskoy-503581 (дата обращения: 15.02.2024).*

on the basis of existing ones by making changes to their chemical formula. Less often, but still fundamentally new narcotic drugs are produced, often based on the side effect of a drug. All synthetic drugs are prohibited for sale and are prosecuted, although legislation in recent years has not been able to cope with the creation of documented restrictive measures due to the appearance of a huge number of such psychoactive substances.

Protection of the rights of students as consumers continues to be relevant today – when buying food, online shopping, and receiving services.

When buying a low-quality product / receiving a low-quality service, it is necessary to apply in writing to the store director, asking for a refund for a low-quality product or service.

When applying for a microloan, students were advised to pay attention to all the conditions for receiving and returning funds, commissions and penalties for late payments and insurance conditions. There is no need to be afraid to ask questions to authorized employees and consult with lawyers.

Teaching staff and students of Buketov University showed interest in the meeting and thanked the speakers for the dialogue aimed at developing students' ability to defend their own opinions, defend their position, make the right choice, have the right guidelines in legal norms and civil aspects.

Conclusion

Thus, the survey showed the average level of legal literacy of students at the Buketov University, which made it possible to consider it among the factors of improving the quality of Kazakhstan's human resource (using the example of the Resource Center for Inclusive and Special Education).

In particular, the main mechanisms of the law were identified, the ways of protection of rights and legitimate interests and the conditions of application of legal liability measures were considered. The prospects for the development of students' legal literacy directly depend on the intensification and diversity of socio-legal interactions, on the rationalization of their life world as a whole. In many ways, the degree of legal loyalty of students will depend on the level of their involvement in legal communication.

A significant potential for increasing the level of legal loyalty of students is seen in the popularization and dissemination of legal knowledge, increasing their demand for real life practices. It is necessary to strengthen the course of jurisprudence within the framework of compulsory educational training, as well as dramatically expand the range of relevant educational programs at various levels. To increase the level of legal literacy, it is not enough to simply inform students about the law. A system of measures is required to educate their citizenship, achieve a state of social maturity, and give legal norms the status of an imperative.

Authors' contributions

Kalguzhinova A.M. - collection, analysis, processing of data for the article; revision, final approval for publication;

Amanzholova B.A. - article concept, study of bibliographic sources, design of literature, transliteration.

REFERENCES

1. Шамиенова Г.Р. Принципы формирования правовой культуры в рамках воспитательной работы со студентами в современном вузе // Правовая культура. - 2020. - №1 (40). - С. 95-106.

2. Айменов А.Ж. Институциональные факторы формирования правовой культуры казахстанских студентов // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 3(54). – С. 4-11.

3. Тебенова Қ.С., Рымханова А.Р., Жусупбекова З.Д., Аманбекова А.Б. Жоғары оқу орындарының студенттерінің медициналық сауаттылығын социологиялық зерттеу // Материалы научно-практической конференции: Перспективы развития медицины труда и медицинской экологии (2-3 ноября 2023 г.). - Караганда: Типография «Санат», 2023. - С. 151-153.

4. Хачароева А.Х., Хунарикова П.Б., Погоров Б.А. Особенности формирования правовой грамотности учащихся // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. – № 70-3. – с. 257-260.

5. Мантурова Н.С. Правовая культура и правовая грамотность: подходы к определению // Система ценностей современного общества. - 2009. – № 9. – С. 78-83.

6. Захарова М. Каков уровень правовой грамотности казахстанцев. Казахстан занима-

ет 66-е место в индексе верховенства права https://365info.kz/2022/08/kakov-uroven-pravovoj-gramotnosti-kazahstantsev (дата обращения: 15.02.2024).

7. Сайфуллина Н.А., Балабанова О.О. Формирование правовой грамотности студентов // Научно-образовательный журнал «StudNet». – 2021. - №2. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravovoy-gramotnosti-studentov/viewer (дата обращения: 15.02.2024).

REFERENCES

1. Shamienova G.R. Principy formirovaniya pravovoj kultury v ramkah vospitatelnoj raboty so studentami v sovremennom vuze // Pravovaya kultura. - 2020. - №1 (40). - S. 95-106.

2. Ajmenov A.Zh. Institucionalnye faktory formirovaniya pravovoj kultury kazahstanskih studentov // Kazanskij socialno-gumanitarnyj vestnik. – 2022. – № 3(54). – S. 4-11.

3. Tebenova Қ.S., Rymkhanova A.R., Zhusupbekova Z.D., Amanbekova A.B. Zhoғary oқu oryndarynyң studentterinің meditsinalyқ sauattylyғyn sotsiologiialyқ zertteu// Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii: Perspektivy razvitiia meditsiny truda i meditsinskoi ekologii (2-3 noiabria 2023 g.). - Karaganda: Tipografiia «Sanat», 2023. - S. 151-153.

4. Hacharoeva A.H., Hunarikova P.B., Pogorov B.A. Osobennosti formirovaniya pravovoj gramotnosti uchashihsya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. - 2021. – № 70-3. – s. 257-260.

5. Manturova N.S. Pravovaya kultura i pravovaya gramotnost: podhody k opredeleniyu // Sistema cennostej sovremennogo obshestva. - 2009. – № 9. – s. 78-83.

6. Zaharova M. Kakov uroven pravovoj gramotnosti naseleniya Kazahstana? Kazahstan zanimaet 66-e mesto v indekse verhovenstva prava https://365info.kz/2022/08/kakov-uroven-pravovoj-gramotnosti-kazahstantsev (data obrasheniya: 15.02.2024).

7. Saifullina N.A., Balabanova O.O. Formirovanie pravovoi gramotnosti studentov // Nauchno-obrazovatelnyi zhurnal «StudNet». – 2021. - №2. https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravovoy-gramotnosti-studentov/viewer (data obrasheniya 15.02.2024).

УДК 342.924
ГРНТИ 10.07

О РАССМОТРЕНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ НА СООТВЕТСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ И ЗАКОНАМ В КОНСТИТУЦИОННОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДАХ

Жанузакова Лейла Тельмановна[1]
Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; профессор Высшей школы права университета «Туран»; главный научный сотрудник Института публичного права Каспийского университета; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: zhanleila@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-0750-2614; SCOPUS ID: 57209973329

Куандыков Бахытжан Журсунович
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права, конституционного и административного права юридического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: elvirab8080@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-9190-8509; SCOPUS ID: 57194021642

Адам Ернар
Магистр юридических наук, самостоятельный соискатель докторской программы Ташкентского государственного юридического университета; г. Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: ernar.adam@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-2904-6315

Аннотация. *Статья посвящена одной из актуальных проблем общей теории права, конституционного права, административного процесса – спорам о проверке на соответствие Конституции и законам нормативных правовых актов в Конституционном и административных судах. В работе изучены теоретические подходы к этой проблеме, существующие в отечественной и зарубежной научной юридической литературе, проведен критический анализ норм Конституции Республики Казахстан, национального законодательства о конституционном, административном и гражданском судопроизводстве и практики его применения, а также в сравнительном плане исследован зарубежный опыт правового регулирования полномочий органов конституционной и административной юстиции, судов общей юрисдикции. На этой основе выявлены отдельные противоречия, пробелы, неточности и иные недостатки в правовом обеспечении деятельности Конституционного Суда и административных судов Казахстана. Так, в Гражданском процессуальном кодексе не определены, какие нормативные правовые акты могут оспариваться с точки зрения их законности в суде. Ставится вопрос и о чрезмерных полномочиях Президента, позволяющие ему вносить в Конституционный Суд представления о соответствии Конституции не только законов в порядке предварительного и последующего контроля, но и действующих правовых актов любых государственных органов, что, по сути, нарушает принцип разделения власти. Отмечается неточность определения формы правления в Конституции Республики, что делает возможным оспаривать в Конституционном Суде конституционность закона, вносящего поправки в Конституцию, устанавливающей неизменность формы правления. Это позволило разработать и обосновать ряд рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства.*

Ключевые слова: *административный суд, закон, Конституция, Конституционный Суд, нормативный правовой акт, оспаривание, право.*

[1] *Автор для корреспонденции*

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК СОТТАРДА НОРМАТИВТІК ҚҰҚЫҚТЫҚ АКТІЛЕРДІҢ КОНСТИТУЦИЯ МЕН ЗАҢДАРҒА СӘЙКЕСТІГІН ҚАРАУ ТУРАЛЫ

Лейла Тельманқызы Жанұзақова
Заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты, конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің бас ғылыми қызметкері; «Тұран» университетінің заң Жоғары мектебінің профессоры; Каспий университетінің Жария құқық институтының бас ғылыми қызметкері; Алматы, Қазақстан Республикасы; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-0750-2614; SCOPUS ID: 57209973329

Бахытжан Жүрсінұлы Қуандықов
Заң ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті заң факультетінің мемлекет және құқық теориясы мен тарихы, конституциялық және әкімшілік құқық кафедрасының аға оқытушысы; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: elvirab8080@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-9190-8509; SCOPUS ID: 57194021642

Адам Ернар
Заң ғылымдарының магистрі, Ташкент мемлекеттік заң университетінің докторлық бағдарламасының дербес ізденушісі; Ташкент қ., Өзбекстан Республикасы; e-mail: ernar.adam@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-2904-6315

Аннотация. *Мақала жалпы құқық теориясының, конституциялық құқықтың және әкімшілік процестің өзекті мәселелерінің бірі – нормативтік құқықтық актілерді Конституция мен заңдарға сәйкестікке келтіру туралы Конституциялық және әкімшілік соттарда қаралу. Жұмыста осы мәселеге отандық және шетелдік ғылыми заң әдебиеттерінде бар теориялық көзқарастар зерделенді, Қазақстан Республикасы Конституциясының нормаларына, конституциялық, әкімшілік және азаматтық сот ісін жүргізу туралы ұлттық заңнамаға және оны қолдану тәжірбесіне сыни талдау жүргізілді, сондай-ақ салыстырмалы түрде конституциялық және әкімшілік әділет органдарының, жалпы юрисдикция соттарының өкілеттіктерін құқықтық реттеудің шетелдік тәжірибесі зерттелді. Осы негізде Қазақстанның Конституциялық Соты мен әкімшілік соттары қызметін құқықтық қамтамасыз етудегі жекелеген қарама-қайшылықтар, олқылықтар, дәлсіздіктер және өзге де кемшіліктер анықталды. Азаматтық процесстік кодексінде де қандай нормативтік құқықтық актілер сотта олардың заңдылығы тұрғысынан дауласуы мүмкін екендігі анықталмаған. Президенттің Конституциялық Сотқа заңдардың алдын-ала және кейінгі бақылау тәртібімен ғана емес, сонымен бірге кез-келген мемлекеттік органдардың қолданыстағы құқықтық актілерімен де Конституцияға сәйкестігі туралы ұсыныстар енгізуге мүмкіндік беретін шамадан тыс өкілеттіктері туралы мәселе туындайды, бұл іс жүзінде билікті бөлу қағидасын бұзады. Республика Конституциясында мемлекеттік басқару нысанын анықтаудың нақтылы еместігі байқалады, бұл Конституцияға өзгерістер енгізу туралы заңның конституцияға сәйкестігін, мемлекеттік басқару нысанының өзгермейтіндігін белгілейтін Конституциялық Сотта даулауға мүмкіндік береді. Бұл заңнаманы жетілдіруге бағытталған бірқатар ұсыныстарды әзірлеуге және негіздеуге мүмкіндік берді.*

Түйінді сөздер: *әкімшілік сот, заң, Конституция, Конституциялық Сот, нормативтік құқықтық акт, даулау, құқық.*

ON CONSIDERATION OF REGULATORY LEGAL ACTS FOR COMPLIANCE WITH THE CONSTITUTION AND LAWS IN THE CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE COURTS

Zhanuzakova Leila Telmanovna
Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of constitutional, administrative legislation and public administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Professor of the Higher School of Law at Turan University; Chief Researcher of the Institute of Public Law at Caspian University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-0750-2614; SCOPUS ID: 57209973329

Kuandykov Bakhytzhan Zhursunovich
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of theory and history of state and law, constitutional and administrative law of the Faculty of Law of the Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: elvirab8080@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-9190-8509; SCOPUS ID: 57194021642

Adam Yernar
Master of Legal Sciences, independent candidate for the doctoral program of Tashkent State Law University; Tashkent c., Republic of Uzbekistan; e-mail: ernar.adam@gmail.com; ORCID: 0009-0001-2904-6315

Abstract. *The article is devoted to one of the current problems of the general theory of law, constitutional law, administrative process - disputes about verification of compliance with the Constitution and laws of regulatory legal acts in Constitutional and administrative courts. The paper examines theoretical approaches to this problem, that exist in domestic and foreign scientific legal literature, conducts a critical analysis of the norms of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, national legislation on constitutional, administrative and civil proceedings and the practice of its application, and also examines foreign experience of legal regulation in a comparative manner powers of bodies of constitutional and administrative justice, courts of general jurisdiction. On this basis, certain contradictions, gaps, inaccuracies and other shortcomings in the legal support for the activities of the Constitutional Court and administrative courts of Kazakhstan have been identified. Thus, the Civil Procedure Code does not define which normative legal acts can be challenged from the point of view of their legality in court. The question is also raised about the excessive powers of the President, allowing him to submit to the Constitutional Court submissions on the compliance of the Constitution not only with laws in the order of preliminary and subsequent control, but also with existing legal acts of any state bodies, which, in essence, violates the principle of separation of powers. There is an inaccuracy in the definition of the form of government in the Constitution of the Republic, which makes it possible to challenge in the Constitutional Court the constitutionality of the law amending the Constitution, establishing the immutability of the form of government. This made it possible to develop and substantiate a number of recommendations aimed at improving legislation.*

Keywords: *administrative court, law, Constitution, Constitutional COURT, normative legal act, challenging, law.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_26

Введение

Ст. 76 Конституции Республики Казахстан основным назначением судебной власти определила защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение исполнения Конституции, законов и иных нормативных правовых актов[2]. Она осуществляется посредством разных

[2] *Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме (с изм. и доп., по состоянию на 17 сентября 2022 г.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000 (дата обращения: 18.05.2024).*

форм судопроизводства, в том числе конституционного и административного.

В современном обществе соответствие нормативных правовых актов Конституции и законам имеет ключевое значение в обеспечении правовой стабильности государства. Важным представляется рассмотрение споров по данным вопросам в конституционных и административных судах. Опыт развитых стран показывает, что именно здесь граждане получают защиту своих нарушенных прав в результате незаконных решений публичной власти.

За последние годы на постсоветском пространстве произошли реформы в этом направлении: созданы административные суды, обеспечена правовая основа их деятельности. В Казахстане в 2020 г. принят Административный процедурно-процессуальный кодекс, в ведение административных судов переданы дела, вытекающие из публично-правовых споров. В 2022 г. воссоздан Конституционный Суд, право обращения в который получили граждане.

Процесс судопроизводства по таким делам может быть сложным и длительным, требующим высокой квалификации со стороны судей. Цель данной статьи - проанализировать современные подходы к рассмотрению дел о соответствии нормативных правовых актов национальной Конституции и законам в конституционных и административных судах, выявить проблемные моменты и предложить пути их решения для обеспечения эффективной работы органов юстиции и защиты прав граждан.

Материалы и методы

При подготовке статьи были изучены научные труды казахстанских и зарубежных ученых в области конституционного, административного права и процесса, которые составили теоретическую основу исследования. В них рассмотрены вопросы деятельности конституционных судов по проверке конституционности нормативных правовых актов, юридической природы нормативных постановлений высших судебных органов, роли административного правосудия в обеспечении баланса интересов граждан и государства и в сдерживании незаконного правотворчества исполнительной власти. Критическому анализу подверглось действующее законодательство Казахстана и практика его применения, изучен зарубежный правовой опыт.

Работа написана на основе общих и частных методов научного познания.

Обсуждение

В настоящее время рассмотрение споров публично-правового характера, где одной из сторон всегда выступает государство, осуществляется в порядке конституционного, административного и гражданского судопроизводства, что вызывает необходимость четкого определения компетенции конституционных и других судов при рассмотрении дел о законности нормативных правовых актов. Ведь права граждан и организаций государственные органы нарушают не только путем принятия решений индивидуального характера, касающихся только этих лиц, но и в связи с принятием нормативных правовых актов, распространяющихся на все потенциальные субъекты, подпадающих под их действие.

В научной литературе на эту тему высказываются разные мнения. Многие авторы обсуждают вопросы судебного контроля по проверке законов и иных нормативных актов на соответствие конституции, а подзаконных актов – также на соответствие законам, в основном, в общем плане, с учетом различий между судами разной юрисдикции. Поднимаются вопросы расширения полномочий конституционных и административных судов по рассмотрению публично-правовых споров, разграничения их компетенции между собой и с другими судами, совершенствования правового регулирования их деятельности [1-10].

Учитывая огромный массив подзаконных актов, так называемого «правоприменительного правотворчества» [11], генерируемого исполнительной властью, которое зачастую сводит на «нет» положения конституции и законов, существенная роль в сдерживании этой негативной тенденции принадлежит судебной власти и осуществляемому ею судебному нормоконтролю.

В законодательстве Казахстана и других стран эти вопросы решаются по-разному. В некоторых регионах мира создаются конституционные суды, которые проверяют соответствие конституции законов и иных правовых актов; в других - их компетенция ограничивается только рассмотрением актов, не вступивших в силу; иногда такие органы вообще отсутствуют, либо их функции передаются судам общей юрисдикции. Отдельные европейские и постсоветские государства создали административные суды или квазисудебные органы, которые проверяют законность нормативных правовых актов органов исполнительных власти и местного самоуправления.

В Азербайджане, Армении, Киргизии,

Литве, Украине конституционные суды проверяют на соответствие конституции законы и нормативные акты высших органов власти (президента, парламента, правительства), а в некоторых из них - и акты органов местного самоуправления, высших органов автономий. Проверка подзаконных нормативных правовых актов на соответствие законам относится к компетенции административных судов, либо это полномочие распределено между конституционной и административной юстицией.

В Германии полномочия по проверке конституционности и законности нормативных правовых актов субъектов федерации (земель) разделены между конституционным судом земли и ее Высшим административным судом[3].

Судебный нормоконтроль осуществляется в отношении не только исполнительных, но и представительных органов, главы государства, местного самоуправления. Правом обращения в суды наделены высшие должностные лица государства, депутаты парламентов, суды, прокуроры, члены контрольных палат, другие органы и должностные лица, физические и юридические лица.

Последствиями решений конституционных и административных судов при выявлении противоречия нормативного акта конституции или закону является признание акта в целом или частично недействительным, что влечет за собой запрет на его применение или отмену.

В Казахстане, с принятием в 2020 г. Административного процедурно - процессуального кодекса[4], функции специализированных административных судов расширились: наряду с рассмотрением дел об административных правонарушениях, они стали проверять законность решений и действий органов публичной власти.

Дела по оспариванию законности нормативных правовых актов до сих пор рассматриваются судами общей юрисдикции по правилам гражданского процесса, несмотря на публично-правовую природу таких случаев. Правом обращения в суд для признания такого акта незаконным обладают физические и юридические лица в случае нарушения их прав и интересов, а также прокурор – при отклонении его протеста соответствующим органом (ст.298 ГПК РК)[5]. Признание судом подзаконного нормативного правового акта противоречащим закону влечет за собой недействительность и недопустимость его применения.

Учитывая публично-правовую природу этой категории дел, где стороны процесса находятся в неравном положении, необходимо передать данное полномочие в административные суды.

Например, согласно ст.122 АПК Азербайджана иски об оспаривании актов нормативного характера государственных и муниципальных органов подаются в административные суды[6].

ГПК РК не оговаривает, какие нормативные правовые акты могут оспариваться в гражданском суде, но поскольку речь идет о признании их противоречащими закону, то очевидно подразумеваются подзаконные акты. Однако противоречия могут возникать и между законами разного уровня, например, между обычным законом и кодексом. Это значит, что оспариваться могут и сами законы. Физические и юридические лица вправе обращаться в суд, если актом нарушаются не только их права, закрепленные законами, но и предусмотренные Конституцией.

Следовательно, нормативные правовые акты могут проверяться судом общей юрисдикции с точки зрения их конституционности. Но признать такие акты неконституционными суд не может.

Есть мнение, что суд обладает правом косвенного (опосредованного) нормоконтроля, который осуществляется при рассмотрении конкретного дела и заключается в отказе от применения судом незаконного правового акта в рамках этого дела, не утрачивая юридическую силу в целом [3, с.88; 5, с.74].

Нужно подчеркнуть, что в Казахстане и некоторых других постсоветских государствах речь идет о невозможности признания судом утраты юридической силы законов

---

[3] Административно-процессуальный кодекс Германии (АПК). Принят 21 января 1960 г., в ред. от 29 марта 1991 г., с изм. от 22 декабря 2010 г. //Сборник законодательный актов отдельных государств по административной юстиции. – Алматы, 2013. - С. 255.

[4] Административный процедурно-процессуальный кодекс РК от 29 июня 2020 г. //https://adilet.zan.kz/eng /docs/K2000000350 (дата обращения: 18.05.2024).

[5] Гражданский процессуальный кодекс РК от 31 октября 2015 г. (с изм. и доп.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1500000377 (дата обращения: 18.05.2024).

[6] Административно процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 г. (по состоянию на 06.03. 2023 г.) //https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30573000 (дата обращения: 19.05.2024).

и обычно подзаконных актов высших и некоторых центральных органов власти, но это не распространяется на акты местных органов власти. При этом правом прямого конституционного нормоконтроля суд не обладает. Согласно ст.78 Конституции РК, он должен приостановить дело и обратиться в Конституционный Суд с ходатайством о признании такого акта, ущемляющим конституционные права человека и гражданина[7].

Необходимо различать термины «конституционность» и «законность». Понятие «законность» в широком смысле подразумевает правовой режим соответствия деятельности всех субъектов права требованиям закона, а понятие «закон» включает в себя все его разновидности, в том числе я Конституцию.

Исходя из этого, некоторые ученые считают, что рассмотрение судами оспариваемых актов без оценки акта на соответствие смыслу и содержанию Конституции невозможно в силу глубоких правовых связей внутри системы законодательства [4, с.48]. Другие авторы придерживаться более узкого взгляда на содержание законности, допускающей проверку судом нормативного акта на соответствие актам более высокой юридической силы, включая законы, кроме Конституции [12; 13].

Такой подход закреплен и в казахстанском законодательстве в целях разграничения полномочий Конституционного Суда и других судов. Президент, председатели Палат, не менее одной пятой депутатов Парламента, Премьер-Министр имеют право обратиться в Конституционный Суд с запросом о проведении проверки конституционности законов до их подписания Президентом, а также постановлений Парламента и его Палат[8].

Проверка законов осуществляется в порядке предварительного контроля, т.е. до их вступления в силу, что предупреждает возможные нарушения Конституции. Суд не вправе проверять конституционность законов по собственной инициативе, т.е. они не все подвергаются внешнему контролю. Однако в некоторых странах он осуществляется по обязательной процедуре.

Так, согласно ст.61 Конституции Франции, «Органические законы до их промульгации, законодательные предложения, предусмотренные в статье 11, до их вынесения на референдум и регламенты палат Парламента до начала их применения должны быть представлены в Конституционный совет, который высказывается об их соответствии Конституции»[9].

Органические законы Франции регулируют статус высших органов власти и другие наиболее важные отношения. В Казахстане эту роль выполняют конституционные законы, которые непосредственно вытекают из норм Конституции и закрепляют статус Президента, Парламента, Правительства, Конституционного Суда и других органов, порядок проведения выборов и республиканского референдума. В иерархии нормативных правовых актов они находятся сразу за законом, которым вносятся изменения и дополнения в Конституцию. Все иные законы и подзаконные акты должны соответствовать не только Конституции, но и таким законам.

На наш взгляд, конституционные законы и вносимые в них поправки должны проверяться на конституционность в обязательном порядке, а Конституционному Суду следует предоставить право проверки соответствия законов нормам конституционных законов.

Постановления Парламента и его Палат проверяются Конституционным Судом лишь в порядке последующего контроля. Причем Конституция РК и Конституционный закон о Конституционном Суде не уточняют, какие парламентские постановления могут быть предметом рассмотрения. Парламент и его Палаты издают постановления нормативного и индивидуального характера, что обусловливает необходимость конкретизации соответствующих статей в части проверки лишь нормативных постановлений.

Суды могут обжаловать в Конституционном Суде законы и подзаконные нормативные правовые акты, подлежащие применению, если они усмотрят, что такие акты нарушают конституционные права и свободы личности[10]. И только Конституционный

[7] *Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме (с изм. и доп., по состоянию на 17 сентября 2022 г.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000 (дата обращения: 18.05.2024).*

[8] *Там же; Конституционный закон РК от 5 ноября 2022 г. «О Конституционном Суде Республики Казахстан» //https://adilet.zan.kz/eng/docs/ Z2200000153 (дата обращения: 18.05.2024).*

[9] *Конституция Франции от 4 октября 1958 г. (с изменениями от 23 июля 2008 г. //https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bankmm/constitution/constitution_ russe.pdf (дата обращения: 20.05.2024).*

[10] *Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме (с изм. и доп., по состоянию на 17 сентября 2022 г.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000 (дата обращения: 18.05.2024).*

Суд вправе признать неконституционным такой акт, что влечет за собой отмену его целиком или отдельных его положений.

Изучение обращений судов в орган конституционного контроля показало, что преимущественно они касаются законов, но очень редко подзаконных актов. Во многом это объясняется отсутствием независимости судов, что влечет игнорирование ими конституционных нарушений в нормативных решениях государственных органов. У гражданских судов есть право рассматривать споры о законности нормативных актов, нарушающих конституционные права и свободы человека. Суды могут отменить такие подзаконные акты. Возникает некая коллизия между Конституцией, Конституционным законом о Конституционном Суде и Гражданским процессуальным кодексом. До сих пор данная категория дел не передана в ведение административных судов. У Конституционного Суда ограниченные возможности по рассмотрению споров из-за небольшого количества судей и численности сотрудников его аппарата.

В этой связи следует административным судам передать полномочия по проверке конституционности и законности подзаконных нормативных правовых актов. Конституционный Суд должен быть наделен правом проверять на соответствие Конституции РК и конституционным законам нормативные правовые акты высших органов власти (Президента, Парламента и Правительства) и ряда центральных ведомств (Центральной избирательной комиссии, Национального Банка, Генерального Прокурора, Уполномоченного по правам человека, Высшей Аудиторской Палаты). Правом обращаться в Конституционный Суд по этому вопросу можно предоставить не только Президенту, но и другим субъектам, в том числе и гражданам.

На административные суды целесообразно возложить полномочия по самостоятельной проверке конституционности и законности актов иных центральных и местных представительных и исполнительных органов.

Президент вправе обжаловать в Конституционном Суде действующие законы или другие правовые акты с точки зрения их конституционности. Какие правовые акты могут быть предметом обжалования в этом случае, Конституция и Конституционный закон о Конституционном Суде умалчивают.

Закон РК «О правовых актах» к правовым актам относит нормативные правовые и ненормативные акты (акты индивидуального применения, системы государственного планирования, официального разъяснения нормативных правовых актов)[11].

Получается, что Президент вправе оспорить в Конституционном Суде акты любых государственных органов, как с нормативным содержанием, так и без него, включая ведомственные, местные и т.д., в том числе и нормативные постановления Конституционного Суда и Верховного Суда, которые ошибочно включены в систему нормативных правовых актов, о чем неоднократно подчеркивалось [14, с.33-34; 15, с.37].

Подобное расширение полномочий Президента усиливает вертикальную зависимость государственных органов, относящихся к разным ветвям власти, и органов местного самоуправления от него, противоречит концепции перехода от суперпрезидентской республики к президентской, малопродуктивно. У него нет времени на рассмотрение всех актов. Индивидуальные акты подчиненных ему органов он может отменить самостоятельно, а по отношению к актам законодательных и судебных органов действует принцип разделения власти.

Целесообразно ограничить данное право Президента только законами и вышеназванными подзаконными нормативными правовыми актами.

Главе государства предоставлено право вносить в Конституционный Суд обращение о даче заключения по вопросу о соответствии вносимых в главный закон страны изменений и дополнений требованиям п.2 ст.91 Конституции (о неизменности независимости государства, унитарности и территориальной целостности, формы правления и др.[12]. Если одно из них нарушено, то Конституционный Суд даст отрицательное заключение, что влечет запрет на рассмотрение законопроекта. Решение Суда здесь носит упреждающий характер возможного нарушения данной конституционной процедуры.

В Конституции форма правления сформулирована как «президентская форма правления». Есть две формы правления – монар-

[11] *Закон РК от 6 апреля 2016 г. «О правовых актах» (с изм. и доп.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1600000480/z480 _1.htm (дата обращения: 20.05.2024).*

[12] *Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме (с изм. и доп., по состоянию на 17 сентября 2022 г.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000 (дата обращения: 18.05.2024).*

хия и республика. Последняя закреплена в официальном названии нашего государства. Президентская или парламентская республика обозначают лишь соотношение компетенции президента и парламента, порядок их избрания. Перераспределение полномочий между ними может изменить соотношение их власти, но не меняет саму республиканскую форму правления. Парламентская республика в Казахстане может быть создана только в результате принятия новой Конституции, действующая Конституция этого не позволяет.

В 2022 г. Генеральному Прокурору, Уполномоченному по правам человека, физическим лицам было предоставлено право оспаривать конституционность действующих нормативных правовых актов. Право Генерального Прокурора по вносимым обращениям не ограничено предметно. Оба конституционных закона, регулирующие статус и полномочия данных органов, не определяют форму обращения главного законника страны, а лишь повторяют норму п.4 ст.72 Конституции и ссылаются на нее.

Между тем, в Конституционном законе «О Прокуратуре» обозначены формы актов прокуратуры, объединенные в 3 группы: акты прокурорского надзора (протест, санкция, представление и т.д.); акты прокурорского реагирования (ходатайство, заявление, обращение и пр.); акты, регулирующие вопросы организации и деятельности органов прокуратуры (приказы, распоряжения и др.)[13]. Обращение в Конституционный Суд возможно только в одной из форм, предусмотренных первыми двумя группами, поскольку они принимаются по результатам проведения проверок законности, оценки действующих актов, т.е. по вопросам деятельности прокуратуры как органа высшего надзора за соблюдением законности в стране. Из них лишь только представление (ст.36), ходатайство (ст.38) и обращение (ст.40) хотя бы внешне подходят для диалога с органом конституционной юстиции.

Представление вносится по вопросам устранения нарушений законности, причин и условий, способствующих совершению уголовных и иных правонарушений, в иных случаях, установленных законами[14]. Если исходить из широкой трактовки термин «законность» с включением в него конституционной законности, то эта форма подходит для обращения в Конституционный Суд. Но п.2 ст.36 перечеркивает эту возможность из-за ее императивности: орган не просто должен его рассмотреть, но и принять меры по устранению нарушений законности в установленный срок.

Ходатайство как форма обращения в орган конституционного контроля также не подходит, ибо касается пересмотра судебных актов, не вступивших в законную силу, и вносится в порядке, установленным процессуальным законодательством[15]. Речь идет об актах, вынесенных судом по уголовным, гражданским, административным правонарушениям и по спорам публично-правового характера между гражданами и государством.

Обращение как акт прокурорского реагирования не совпадает с аналогичным понятием, используемым в Конституции и Конституционном законе о Конституционном Суде, где оно носит родовой характер как термин, равносильный призыву, речи, просьбе к кому-либо. В ст.40 анализируемого закона обращение не ограничено ни по кругу субъектов его внесения (это право имеют любые прокуроры), ни по кругу адресатов (вносится любым госорганам, физическим и юридическим лицам), распространяется через СМИ или другим публичным способом[16]. Цели обращения также не совпадают с целью обращения в Конституционный Суд.

Таким образом, налицо правовой пробел, который нуждается в восполнении. Необходимо в Конституционном законе «О Прокуратуре» обозначить форму акта Генерального Прокурора, с которым он обращается в Конституционный Суд. Целесообразно использовать представление в качестве такой формы, внеся соответствующие изменения и дополнения в ст.36.

Право граждан обратиться в Конституционный Суд является важным инструментом защиты их прав. Конституционный закон устанавливает критерии допустимости рассмотрения таких обращений. Это возможно:

1. после применения судами того или иного нормативного правового акта в конкретном случае, касающемся определенного лица;

---

[13] *Конституционный закон РК от 5 ноября 2022 г. «О Прокуратуре» //https://adilet.zan.kz/ eng/docs/Z2200000155#z319 (дата обращения: 20.05.2024)*

[14] *Там же*

[15] *Там же*

[16] *Там же*

2. если этот акт напрямую затрагивает его конституционные права;

3. после вступления судебного решения в законную силу (человек должен пройти обжалование в апелляционном суде);

4. действие ограничено по времени (одним годом после принятия);

5. без апелляционного обжалования – при наличии нормативного постановления Верховного Суда, предусматривающего однозначный (оспариваемый в данном случае) порядок применения правовой нормы;

6. без предварительного обращения в суд - ввиду императивности правовой нормы, не допускающей иное применение закона.

Последние два случая – это исключения из общих правил.

Следует обратить внимание на стилистическую неточность пп.1) п.2 ст.45 Конституционного закона, искажающую реальный смысл нормы. В ней говорится о допустимости оспаривания гражданином нормативного правового акта, если он применен судом либо непосредственно затрагивает его права и свободы. Слово «либо» предполагает альтернативность одного из этих условий: применение акта судом или затрагивание им конституционных прав данного человека в конкретном деле. Если используется второе условие, то становится необязательным вынесение судебного решения по этому делу, а это императивная норма. Если же применимо только первое условие, то оно противоречит конституционной норме. П.3 ст.72 Конституции РК прямо предусматривает рассмотрение обращений граждан по этому вопросу Конституционным Судом лишь в том случае, если нормативный правовой акт непосредственно затрагивает его конституционные права[17].

Поэтому необходимо исправить данную оплошность.

В случае передачи дел об оспаривании нормативных правовых актов в административные суды Административный процедурно-процессуальный кодекс должен установить механизмы принятия решений по ним. Суд должен иметь возможность обратиться в Конституционный Суд не только по своей инициативе, но и по инициативе гражданина, чей случай он рассматривает.

В настоящее время Конституционный Суд осуществляет официальное толкование норм Конституции. Субъектами обращения являются те же лица, что и в случае оспаривания законов. Но субъект толкования законов до сих пор не определен.

В связи с нашей позицией о наделении Конституционного Суда правом проверки по обязательной процедуре конституционных законов, полагаем, что он мог бы также получить право официального толкования конституционных законов, учитывая их тесную связь с Конституцией и место в иерархии права.

На наш взгляд, важно предоставить Верховному Суду право обращаться в Конституционный Суд по вопросам официального токования норм Конституции и конституционных законов. Судебная система разрабатывает свою практику применения конституционных норм, что иногда вызывает сомнения. Предоставление такого права Верховному Суду является дополнительным средством защиты конституционных прав личности.

Изучение практики Конституционного Суда Казахстана показало весьма плодотворную его работу. За первый год своей работы - 2023 г. – он принял 39 нормативных постановлений, из них 36 – по обращениям на соответствие Конституции нормативных правовых актов, 2 – по утверждению Регламента Суда, по официальному толкованию Конституции. Одно дополнительное постановление касалось истолкования ранее вынесенного постановления Конституционного Совета и официального толкования Конституции.

Из 36 нормативных постановлений Суда по оспариванию нормативных правовых актов в 8 случаях на соответствие Конституции проверялись конституционные законы, в 22 случаях – кодексы, в 13 – законы (обычные), в 4 – нормативные постановления Верховного Суда. По отдельным обращениям одновременно рассматривалась конституционность разных актов.

По 28 обращениям нормативные правовые акты были признаны соответствующими Конституции, но в некоторых случаях в истолковании Суда, по 5 обращениям – неконституционными, в 3 случаях часть норм оспариваемых актов соответствовали Конституции, а часть – нет.

Таким образом, фактически вся деятельность Конституционного Суда была сосредоточена на защите конституционных прав человека и гражданина. Следует констатировать, что, кроме Президента, другие субъекты не воспользовались своим правом обращения в Суд. Особенно это касается Генерального

[17] *Конституция Республики Казахстан. Принята 30 августа 1995 г. на республиканском референдуме (с изм. и доп., по состоянию на 17 сентября 2022 г.) // https://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000 (дата обращения: 18.05.2024).*

Прокурора, Уполномоченного по правам человека и судов – органов, которые должны стоять на страже прав и интересов граждан.

Можно отметить и тот факт, что в отношении актов, не вступивших в юридическую силу, уполномоченные субъекты не обращались в Суд, хотя данная функция у них сохранилась. А ведь определение конституционности законов до их подписания Президентом может предупреждать нарушения прав и интересов физических и юридических лиц, а также самого государства.

В этой связи Конституционный Суд мог бы в своем Послании о состоянии конституционной законности обратить на это особое внимание Президента, Парламента, Правительства и других органов.

В данной статье не представлена практика административных судов Казахстана, поскольку дела об оспаривании нормативных правовых актов пока остаются в орбите гражданского судопроизводства.

Результаты

На основе исследования предлагаются следующие рекомендации.

1. В ст.2 Конституции Республики Казахстан, устанавливающей форму правления, слово «президентской» заменить словом «республиканской».

2. Расширить полномочия Конституционного Суда РК путем внесения следующих изменений и дополнений в Конституцию и Конституционный закон РК «О Конституционном Суде Республики Казахстан»:

- предоставить ему право рассматривать на соответствие Конституции вновь принимаемые конституционные законы и вносимые в них изменения и дополнения по обязательной процедуре;

- наделить его правом проверки соответствия законов нормам конституционных законов;

- конкретизировать, что проверке на конституционность подлежат только нормативные постановления Парламента и его Палат;

- ограничить полномочия Президента по оспариванию в Конституционном Суде любых действующих правовых актов: предоставить ему и другим субъектам право вносить обращения в Суд о проверке на соответствие Конституции и конституционным законам действующих нормативных правовых актов высших органов власти (Президента, Парламента и Правительства) и ряда центральных ведомств (Центральной избирательной комиссии, Национального Банка, Генерального Прокурора, Уполномоченного по правам человека, Высшей Аудиторской Палаты), ограничив право оспаривания актов по этим вопросам Уполномоченного и физических лиц только в случае нарушения конституционных прав человека и гражданина;

- наделить Конституционный Суд правом официального толкования конституционных законов с правом обращения к нему по этому вопросу Верховного Суда РК;

- исключить в пп.1) п.2 ст.45 Конституционного закона альтернативность условий допустимости оспаривания нормативного правового акта гражданами, заменив слово «либо» на слово «и».

3. Расширить полномочия административных судов путем внесения следующих изменений и дополнений в Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан:

- передать на их рассмотрение вопрос о законности нормативных правовых актов государственных органов, исключив данную категорию споров из гражданского судопроизводства;

- возложить на них полномочия по самостоятельной проверке конституционности актов иных центральных и местных органов; установить механизмы рассмотрения и принятия решений по данной категории дел;

- наделить их правом обращения в Конституционный Суд по проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов не только по собственной инициативе, но и по инициативе граждан.

4. В ст.36 Конституционного закона РК «О Прокуратуре» определить представление как форму обращения в Конституционный Суд.

Заключение

Для повышения эффективности процесса рассмотрения нормативных правовых актов на соответствие Конституции и законам в судах Республики целесообразно пересмотреть некоторые подходы к их деятельности, критерии разграничения полномочий судов конституционной, административной и гражданской юрисдикции. Необходимо расширить и уточнить компетенцию Конституционного Суда, усилить активность субъектов обращения, передать все категории публично-правовых споров, включая оспаривание законности нормативных правовых актов, из ведения гражданских судов в подведомственность административных судов. Такие меры позволят повысить прозрачность, объективность и эффективность работы судебной системы, что, в свою очередь, способствует укреплению правового государства.

Вклад авторов

Жанузакова Л.Т. – обсуждение и результаты;

Куандыков Б.Ж. – введение, материалы и методы, заключение;

Адам Е. – аннотация, ключевые слова – на 3 языках, изучение литературы и законодательства, оформление библиографии, транслитерация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жанузакова Л.Т. Оспаривание правовых актов: сравнительный анализ законодательства постсоветских стран // Право и государство. – 2016. - № 4 (73). – С.48-53*
2. *Markhgeym M., Zagaynova G., Gutorova A., Nifanov A., Tonkov E. Constitutional experiment: regulatory approaches in France and Spain // Humanities & Social Sciences Reviews. - 2019. - Vol. 7. - № 5. - P.917-920*
3. *Никитин С.В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. — 2014. - № 1. – С.88-101*
4. *Тараборин Р.С., Хвастунов К.В. Проблемы разграничения компетенции судов общей юрисдикции и органов региональной конституционной (уставной) юстиции // Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 1. – С.45-50*
5. *Курас Т.Л. Вопросы разграничения подведомственности между Конституционным судом РФ и судами общей юрисдикции РФ по делам об оспаривании федеральных нормативных правовых актов // Сибирский юридический вестник. - 2004. - № 4. - С.74-78*
6. *Шардаева А.С. Проблемы рассмотрения и разрешения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов // Вопросы российской юстиции. – 2018. - № 6. - С.577-582*
7. *Kustra-Rogatka A. The Kelsenian Model of Constitutional Review in Times of European Integration – Reconsidering the Basic Features // Sciendo ISLR. - 2019. - Vol.19. - № 1. - P.7-37. Published by Palacký University Olomouc, Czech Republic.*
8. *Подопригора Р.А. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние, перспективы // Право и государство. – 2014. - № 4. – С.46-56*
9. *Putrijanti A. The Competence of the Administrative Court and Administrative Justice //Fiat Justisia. Jurnal Ilmu Hukum. - 2020. – Vol. 14. - № 2. – P.97-112. - http://jurnal.fh.unila.ac.id/index.php/fiat - Дата обращения: 17.05.2024*
10. *Demchenko S., Kostruba A., Melekh B., Bolokan I., Melnychuk O. Theoretical approaches to delimiting the jurisdiction of commercial, civil and administrative courts // Amazonia Investiga. - 2022. –Vol. 11 - Issue 11 (52). – P.204-211*
11. *Ahdout Z.P. Enforcement lawmaking and judicial review // Harvaard Law Review. – 2022. – Volume 135. - № 4. – P. 937-1006*
12. *Еремина О.А. Оспаривание нормативных правовых актов // https://www.garant.ru/article/6644/ - (дата обращения: 19.05.2024).*
13. *Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука // Российская газета. - 1998. - 30 июня.*
14. *Жанузакова Л.Т. К вопросу о юридической природе нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан // Зангер. – 2018. - № 6. – С.32-36*
15. *Жанузакова Л.Т. Об иерархии нормативных правовых актов // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2022. - № 2. - С.32-39.*

REFERENCES

1. *Zhanuzakova L.T. Osparivanie pravovyh aktov: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva postsovetskih stran // Pravo i gosudarstvo. – 2016. - № 4 (73). – S. 48-53*
2. *Markhgeym M., Zagaynova G., Gutorova A., Nifanov A., Tonkov E. Constitutional experiment: regulatory approaches in France and Spain // Humanities & Social Sciences Reviews.*

- 2019. - Vol. 7. - № 5. - P.917-920

3. Nikitin S.V. Kosvennyj sudebnyj normokontrol': ponyatie i problemy realizacii // Zhurnal rossijskogo prava. — 2014. № 1. – S.88-101

4. Taraborin R.S., Hvastunov K.V. Problemy razgranicheniya kompetencii sudov obshchej yurisdikcii i organov regional'noj konstitucionnoj (ustavnoj) yusticii // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. - 2019. - № 1. – S.45-50

5. Kuras T.L. Voprosy razgranicheniya podvedomstvennosti mezhdu Konstitucionnym sudom RF i sudami obshchej yurisdikcii RF po delam ob osparivanii federal'nyh normativnyh pravovyh aktov // Sibirskij yuridicheskij vestnik. - 2004. - № 4. - S.74-78

6. Shardaeva A.S. Problemy rassmotreniya i razresheniya administrativnyh del ob osparivanii normativnyh pravovyh aktov // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2018. - № 6. - S.577-582

7. Kustra-Rogatka A. The Kelsenian Model of Constitutional Review in Times of European Integration – Reconsidering the Basic Features //Sciendo ISLR. - 2019. - Vol.19. - № 1. R.7-37. Published by Palacký University Olomouc, Czech Republic,

8. Podoprigora R.A. Administrativnaya yusticiya v Kazahstane: istoriya, sostoyanie, perspektivy // Pravo i gosudarstvo. – 2014. - № 4. – S.46-56

9. Putrijanti A. The Competence of the Administrative Court and Administrative Justice // Fiat Justisia. Jurnal Ilmu Hukum. - 2020. – Vol. 14. - № 2. – R. 97-112. - http://jurnal.fh.unila.ac.id/index.php/fiat - Data obrashcheniya: 17.05.2024

10. Demchenko S., Kostruba A., Melekh B., Bolokan I., Melnychuk O. Theoretical approaches to delimiting the jurisdiction of commercial, civil and administrative courts // Amazonia Investiga. - 2022. –Vol. 11 - Issue 11 (52). – R. 204-211

11. Ahdout Z.P. Enforcement lawmaking and judicial review //Harvaard Law Review. – 2022. – Volume 135. - № 4. – P. 937-1006

12. Eremina O.A. Osparivanie normativnyh pravovyh aktov // https://www.garant.ru/article/6644/ - (data obrashcheniya: 19. 05. 2024).

13. Osoboe mnenie sud'i Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii N. V. Vitruka // Rossijskaya gazeta. - 1998. - 30 iyunya.

14. Zhanuzakova L.T. K voprosu o yuridicheskoj prirode normativnyh postanovlenij Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan // Zanger. – 2018. - № 6. – S.32-36

15. Zhanuzakova L.T. Ob ierarhii normativnyh pravovyh aktov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2022. - № 2. - S.32-39.

УДК 342.52
ГРНТИ 10.15.35

О ЛОББИЗМЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Турецкий Николай Николаевич
Доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: tnnik@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению лоббирования в законодательном процессе в Республике Казахстан. Рассмотрена попытка принятия закона «О лоббировании» и сопутствующего ему закона в 2009-2012 гг. Законопроекты были направлены на исключение ведомственного давления и продвижения корпоративных интересов в ущерб общественным. Депутаты рассматривали эти законопроекты два с половиной года. Изучена деятельность Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан по проведению экспертизы проектов законов и разработке проектов нормативных правовых актов. Проведен анализ международного опыта правового регулирования лоббизма, а также национального законодательства о лоббировании в законодательном процессе, что позволило сформулировать соответствующие выводы и предложения. Лоббирование в демократически развитых странах мира – это устоявшийся институт общественно-политической жизни. В действующем законодательстве Казахстана закреплены положения, которые можно отнести к элементам института лоббирования в законодательной деятельности. В частности, благодаря открытости казахстанской правовой системы, граждане, общественные организации (политические партии, Национальная палата предпринимателей) имеют возможность выразить свою позицию по любому законопроекту. В определенной степени к институту лоббирования можно отнести положения о петициях. Под петицией понимается коллективные сообщение, отклик или предложение, направленные в государственный орган. Административный процедурно-процессуальный кодекс дополнен главой 12-1 «Петиция» (Закон РК от 02.10.2023 г. № 31-VIII). В Казахстане нет запрета на лоббистскую деятельность в законодательном процессе. Принятие соответствующего закона или поправок в действующее законодательство существенно не изменит устоявшийся порядок прохождения и обсуждения законопроектов, однако может способствовать снижению уровня коррупционных рисков. Вместе с тем, сам термин «лоббирование» воспринимается далеко не позитивно, это может негативно воспринято как гражданами, так и бизнес сообществом среднего уровня.*

Ключевые слова: *лоббирование в законодательном процессе, лоббистская деятельность, открытость законодательного процесса, международный опыт, петиция, действующее законодательство.*

ЗАҢНАМАЛЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ ЛОББИЗМ ТУРАЛЫ

Николай Николаевич Турецкий
Заң ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының заңнаманың тиімділігін талдау бөлімінің бас ғылыми қызметкері; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: tnnik@mail.ru

Аннотация. *Мақала Қазақстан Республикасындағы заң шығару процесіндегі лоббизмді зерттеуге арналған. Мақалада 2009-2012 жылдар аралығында «Лоббизм туралы» заңды қабылдау және оған қатысты заң жобасын қарау талқыланған. Бұл заң жобалары ведомстволық қысымды және корпоративтік мүдделерді қоғам мүдделеріне қарсы алға жылжытуды жоюға бағытталған. Депутаттар бұл заң жобаларын екі жарым жыл бойы қарады. Лобби қызметін құқықтық реттеудің халықаралық тәжірибесіне, сондай-ақ заңнамалық үдерістегі лоббирлік жөніндегі ұлттық заңнамаға талдау жүргізілді,*

бұл тиісті қорытындылар мен ұсыныстарды тұжырымдауға мүмкіндік берді. Басқа ғалымдар лоббистік қызметті заңнамалық реттеу ерекшеліктерін англосаксондық немесе континентальдық құқықтық модельге байланысты қарастырады. Заң шығару процесіндегі лоббизм туралы ұлттық заңнаманы талдау келесі қорытындылар мен ұсыныстарды тұжырымдауға мүмкіндік береді. Дамыған демократиялық елдерде лоббизм қоғамдық-саяси өмірдің қалыптасқан институты болып табылады. Белгілі бір дәрежеде лоббизм институтына петициялар туралы ережелерді жатқызуға болады. Петиция мемлекеттік органға жіберілетін ұжымдық хабарлама, жауап немесе ұсыныс ретінде түсініледі. Әкімшілік рәсімдік-процессуалдық кодекс «Петиция» атты 12-1 тараумен толықтырылды (ҚР Заңы 2023 жылғы 2 қазан № 31-VIII). Қазақстанның қолданыстағы заңнамасында лоббизм институтының элементтеріне жатқызуға болатын ережелер бар. Қазақстанның құқықтық жүйесі нормативтік құқықтық актілерді әзірлеу мен қабылдау кезінде ашықтықты пайдаланады. Азаматтар, қоғамдық ұйымдар, оның ішінде саяси партиялар мен Ұлттық кәсіпкерлер палатасы кез келген заң жобасы бойынша өз ұстанымдарын білдіруге құқылы. Қазақстанда заң шығару процесінде лоббистік қызметке тыйым салынбаған. Заңды қабылдау жылдар бойы қалыптасқан заң жобаларын талқылау және қабылдау тәртібін айтарлықтай өзгертпейді. Дегенмен, жеке заңды немесе қолданыстағы заңнамаға түзетулерді қабылдау сыбайлас жемқорлық тәуекелдерін азайтады.

Түйінді сөздер: *заң шығару процесіндегі лоббизм, лоббистік қызмет, заң шығару процесінің ашықтығы, халықаралық тәжірибе, петиция, қолданыстағы заңнама.*

ABOUT LOBBYING IN THE LEGISLATIVE PROCESS

Turetskiy Nikolay Nikolaevich
Doctor of Legal Sciences, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Republic of Kazakhstan;
e-mail: tnnik@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of lobbying in the legislative process in the Republic of Kazakhstan. The article reviews the attempt to pass the "On Lobbying" law and its accompanying bill from 2009-2012. These bills aimed to eliminate departmental pressure and the promotion of corporate interests at the expense of public interests. Deputies considered these bills for two and a half years. The article also examines the activities of the National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan in conducting examinations of draft laws and developing draft normative legal acts. We conducted an analysis of international experience in the legal regulation of lobbying, as well as national legislation on lobbying in the legislative process, which allowed us to formulate relevant conclusions and proposals. Other scholars consider the peculiarities of legislative regulation of lobbying activities depending on the Anglo-Saxon or continental legal model. The analysis of national legislation on lobbying in the legislative process allows for the formulation of the following conclusions and recommendations. Lobbying in democratically developed countries is an established institution of socio-political life. In Kazakhstan's current legislation, various laws contain provisions that can be attributed to elements of the lobbying institution in legislative activities. To a certain extent, we can refer the provisions on petitions to the institution of lobbying. A petition is a collective message, response, or proposal sent to a government body. The Administrative Procedural Code has been supplemented with Chapter 12-1 "Petition" (Law of the Republic of Kazakhstan dated 02.10.23 No. 31-VIII). The Kazakh legal system promotes transparency in the development and passage of normative legal acts. Citizens, public organizations, including political parties, and the National Chamber of Entrepreneurs have the opportunity to express their positions on any bill. There is no prohibition on lobbying in the legislative process in Kazakhstan. The adoption of the law will not significantly change the established process of drafting and discussing bills over the years. However, the adoption of a separate law or amendments to the current legislation will reduce corruption risks.*

Keywords: lobbying in the legislative process, lobbying activities, legislative transparency, international experience, petition, current legislation.

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_38

Введение

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что правовое поле нашего государства соответствует или максимально приближено к международным требованиям. Это утверждение касается многих отраслей права. В частности, в действующем законодательстве Республики Казахстан регламентировано участие Национальной палаты предпринимателей РК «Атамекен», гражданского общества, ученых и специалистов в законотворческом процессе как на подготовительной стадии, так и при обсуждении в рабочих группах Парламента. Это позволяет говорить об открытости законодательного процесса.

В ряде законов закреплены нормы о публичном обсуждении законопроектов на различных этапах его прохождения, имеются положения о привлечении заинтересованных субъектов к обсуждению законопроектов на портале «Открытые НПА», парламентская оппозиция вправе инициировать проведение парламентских слушаний.

Таким образом, несмотря на то что официально лоббизм в Казахстане не признан, нельзя сказать, что у нас полностью отсутствуют возможности, благодаря которым бизнес легитимным путем может оказывать влияние при разработке законопроектов. Так, в пп. 5 п. 2 ст. 3 Закона РК «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан» (далее – закон о НПП) определено, что одной из задач Национальной палаты является участие в процессе совершенствования законодательства Республики Казахстан, затрагивающего интересы предпринимательства[1].

Взаимодействие Правительства страны и Национальной палаты предполагает участие последней в разработке и экспертизе консультативных документов регуляторной политики, проектов нормативных правовых актов, проектов правовых актов в области системы государственного планирования, затрагивающих интересы субъектов частного предпринимательства (ст.5 закона о НПП)[2].

Кроме того, посредством своих представительств Национальная палата принимает участие в разработке нормативных правовых актов, осуществляет обязательную экспертизу проектов законов и иных нормативных правовых актов (ст. 9 закона о НПП)[3].

На практике коммерческие организации для продвижения своих интересов используют бывших сотрудников-специалистов в соответствующей отрасли экономики, перешедших на работу в государственные органы. Иногда компания принимает на работу бывшего работника государственного аппарата, имеющего нужные связи. Основной ресурс лоббирования – доступ к чиновнику [1]. Как справедливо отмечают сторонники принятия закона о лоббизме, ситуация, когда лоббисты в стране есть, а закона, регулирующего эти процессы – нет, выглядит как минимум странно, если не сказать подозрительно [2].

Научные исследования в Казахстане проводились на уровне кандидатских диссертаций. В частности, Д. Сатпаев защитился по теме: «Особенности лоббистской деятельности в политической системе РК». Свою позицию он раскрывает в статье «Как в Казахстане 30 лет пытаются узаконить лоббистов» утверждая, что противники законодательного ограничения лоббистской деятельности делятся на две группы. Первые считают, что принятие специального закона развяжет руки группам давления, что приведет к разгулу коррупции. Вторые исходят из того, что не обязательно разрабатывать и принимать конкретный закон о лоббистской деятельности, так как достаточно эффективно реализовывать уже принятые законы, которые бы регулировали лоббистскую деятельность косвенным образом. И здесь ссылка нередко идет на многие страны, где такого закона вообще нет[4].

Позиция государственных органов, мнение научного сообщества о целесообразности законодательного регулирования лоббистской деятельности в Казахстане неоднозначное.

Неслучайно в марте 2023 г. на открытии первой сессии Парламента РК VIII созыва Президент Казахстана озвучил, что надо из-

---

[1] *Закон РК «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31416500 38259854 (дата обращения: 10.01.2025).*

[2] *Закон РК «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31416500 38259854 (дата обращения: 10.01.2025).*

[3] *Закон РК «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31416500 38259854 (дата обращения: 10.01.2025).*

[4] *Сатпаев Д.: Как в Казахстане 30 лет пытаются узаконить лоббистов. https://forbes.kz/articles/dosyim_satpaev_kak_v_kazahstane_30_let_pyitayutsya_uzakonit_lobbistov (дата обращения: 29.01.2025).*

учить международный опыт законодательного регулирования и контроля лоббистской деятельности.

Материалы и методы

Материалами для данной работы стали результаты исследования теоретических аспектов лоббирования в законодательном процессе, анализа действующего законодательства, а также международного опыта в данной сфере.

В ходе исследования использован комплекс общенаучных методов и специальные методы юридической науки (системно-правовой анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования).

Обсуждение и результаты

История. Вопрос законодательной регламентации лоббистской деятельности неоднократно поднимался в стране, прописывался в программных документах по противодействию коррупции; даже предпринимались попытки принять закон. Так, 30 декабря 2009 г., в последний рабочий день года были направлены в Мажилис, а 30 июня 2012 г., в последний рабочий день сессии Парламента Правительством – отозваны из Мажилиса два законопроекта «О лоббировании» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам лоббирования»[5].

Законопроекты были направлены с целью исключения незаконного продвижения интересов отдельных финансово-промышленных групп. Депутаты рассматривали эти законопроекты два с половиной года. Основной проект закона состоял из 12 статей, определяющих цели, задачи и принципы работы лоббистской деятельности. Сопутствующим проектом вносились поправки в три закона: Кодекс об административных правонарушениях, Закон Республики Казахстан от 7 мая 1997 г. «О комитетах и комиссиях Парламента Республики Казахстан», Закон Республики Казахстан от 18 марта 2002 г. «Об органах юстиции».

Действующее законодательство. В действующем законодательстве страны имеется термин **«лоббирование».** Так, в Предпринимательском кодексе государственная поддержка и развитие частного предпринимательства возложено на Правительство Казахстана, которое создает условия для внешнего спроса путем лоббирования интересов национальных экспортеров на территории других стран (ст. 98 Предпринимательского кодекса РК)[6]. На наш взгляд, в данном контексте, где речь идет о компетенции Правительства Республики Казахстан в области государственной поддержки и развития частного предпринимательства, термин «лоббирование» не уместен, и было бы рационально заменить его другим понятием.

При этом возникает вопрос: какие финансовые средства выделялись на лоббирование интересов национальных экспортеров и к каким положительным результатам это привело с момента введения в действие Предпринимательского кодекса (2015 год)?

Управляющий партнер Qazaqstan Institute of Social Studies Азиз Искаков, отмечает, что на международном уровне Казахстан вполне успешно применяет механизмы легального лоббизма на основании договора Министерства юстиции Казахстана с международным консалтинговым агентством о представлении интересов нашей страны в США и Италии с почасовой оплатой услуг (один час работы международных лоббистов стоит 1360 долларов) [2].

Следующий момент: в определенной степени к институту лоббирования можно отнести положения о петициях. Под петицией понимаются коллективные сообщения, отклик или предложение, направленные в государственный орган, местный представительный и исполнительный орган в форме электронного документа (п.31-1 ст.1 Административного процедурно-процессуального кодекса РК, далее – АППК).

Законом РК от 2 октября 2023 г. № 31-VIII АППК дополнен главой 12-1 «Петиция» (введена в действие с 4 апреля 2024 г.). В данной главе определяются порядок подачи петиции и процедура прохождения.

При этом в п. 3 ст. 90-2 АППК закреплены вопросы, которые не могут быть предметом петиции, всего их 17. Два из них касаются законодательства: вопросы уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, администра-

---

[5] *См.: Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2009 года № 2246 «О проекте Закона Республики Казахстан "О лоббировании"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090002246_ (дата обращения: 05.10.2024); Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2009 года № 2247 «О проекте Закона Республики Казахстан "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам лоббирования"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090002247_ (дата обращения: 05.10.2024).*

[6] *Предпринимательский кодекс РК. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854 (дата обращения: 10.01.2025).*

тивного процедурно-процессуального законодательства Республики Казахстан и законодательства Республики Казахстан об административных правонарушениях (пп. 8); вопросы, регулируемые законодательством Республики Казахстан о выборах и республиканском референдуме (пп.13)[7].

В Казахстане действует 301 самостоятельный закон. Исходя из принципа «что не запрещено, то разрешено» следует, что по остальным законам, за исключением названных в пп. 8 и 13, граждане могут обращаться с предложениями и замечаниями в форме петиций. Так, в 2024 г. гражданами была апробирована процедура обращения с петицией на постановление Правительства «О порядке исчисления времени на территории Республики Казахстан».

Таким образом, в действующем законодательстве страны термин «лоббирование» используется, но не в том смысле, в каком его обычно применяют.

Мы поддерживаем позицию Р.К. Сарпекова и В.Т. Конусовой, что «лоббирование как явление существует в Казахстане без юридического оформления и признания» [3, с.27].

Характер и особенности лоббистских групп в современном Казахстане достаточно подробно раскрыты А. Шомановым в статье «Лоббизм и экономические реформы в Казахстане в постсоветский период», утверждающим, что конституционные нормы, призванные регулировать лоббистскую деятельность между тремя ветвями власти, с правовой точки зрения, вполне понятны и прозрачны. Однако, на практике этот процесс представляет собой сложную и запутанную систему, т.к. скрытое лоббирование всегда существовало и будет существовать, пока в обществе наличествуют системы власти и группы интересов[8].

Теория. С английского языка слово lobbing переводится как «коридор», «кулуары». В теории права даны несколько определений лоббизма, касающихся непосредственно принятия законов:

1) особая система и практика организации отдельных групп общества путем целенаправленного влияния на органы законодательной и исполнительной власти [4, с.12];

2) оказание давления на парламентариев с целью добиться принятия или отклонения какого-либо законопроекта [5, с.252].

А.П. Любимов дает определение понятию «лоббист». Лоббист – это посредник между бизнесом и властью, получающий вознаграждение за свою работу и имеющий поэтому свой личный интерес в продвижении того или иного закона [6, с.12].

Обобщая мнения правоведов, отметим, что лоббизм чаще всего проявляется в органах законодательной власти, но не следует определять лоббизм как хождение по кулуарам парламента. Лоббизм, по мнению ученых, это и механизм «обратной связи», предназначенной для выявления позиций граждан относительно их удовлетворенности проводимой политикой [7, с.141].

Лоббизм следует признать, как объективное явление общественной жизни со своими плюсами и минусами; рассматривать как процесс вовлечения бизнеса, некоммерческих организаций и других групп граждан в решение общественно полезных задач. Сама природа лоббизма такова, что он, как правило, зарождается и развивается вне правового воздействия [1].

Международный опыт. Исходя из правового регулирования лоббизма государства делятся на три группы: 1) страны, где лоббизм жестко регламентирован законодательством (США, Канада); 2) страны, где лоббизм регулируется в рамках мягкого права, регистрация лоббистов необязательна (часть стран Европы); 3) страны, где лоббизм не регламентирован специальным законом (большинство современных государств).

Правоведы рассматривают особенности законодательного регулирования лоббистской деятельности также в зависимости от правовой модели – англосаксонской или континентальной. Следует подчеркнуть, что в последние годы происходит сближение названных правовых систем. И при рассмотрении закона о лоббистской деятельности в законодательном процессе классические отличия правовых моделей не так очевидны.

Не углубляясь в теорию, отметим, что правовая система Казахстана впитала в себя лучшие положения каждой из названной правовых систем. Следовательно, целесообразно рассматривать вопрос, исходя не из особенностей правовой системы, а из необходимости разработки и принятия самостоятельного закона, посвященного лоббистской деятельности, или из актуальности поправок

[7] *Административный процедурно-процессуальный кодекс РК. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35132264 (дата обращения: 10.01.2025).*

[8] *Шоманов А. Лоббизм и экономические реформы в Казахстане в постсоветский период. https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/61/ackap/ackap-2.html (дата обращения: 29.01.2025).*

в действующее законодательство. При этом, необходимо учитывать особенности национальных традиций и уровень правого нигилизма граждан и особенно в среде среднего и малого бизнеса, не имеющего возможность влиять на законотворческий процесс.

К примеру, в Литве Закон «О лоббистской деятельности» приняли в 2000 г. Необходимость его принятия была продиктована тем, что «большинство коррупционных дел в этой стране было связано с парламентариями и депутатами местного самоуправления. Типичным предметом скандалов выступало незаконное влияние на законотворческий процесс, незаконное финансирование политических партий. Именно для устранения этих явлений и был разработан документ» [8].

В Польше лоббизм регулируется Законом от 7 июля 2005 г. «О лоббистской деятельности в законодательном процессе». «В соответствии с ним Совет министров страны должен готовить, по крайней мере раз в шесть месяцев, программу законодательной работы. В ней указывается точная информация о планируемых изменениях в законы, орган, который ответственен за разработку закона, фамилия, имя специалиста» [8].

В США Закон о регулировании лоббизма был принят в 1946 г. В Конгрессе зарегистрировано около 20 тыс. лоббистов [9]. Занятие лоббистской деятельностью – один из видов бизнеса [10]. Т. Ремингтон подчеркивает, что в США лоббисты обычно являются экспертами в отраслях, которые они представляют, так как депутат не может быть специалистом во всех вопросах и ему необходима при принятии решения та информация, которой владеет лоббист [11, с.151].

Конституция России предусматривает право на обращение в форме петиции или народной правотворческой инициативы. Существует еще такая форма, как всенародное обсуждение законопроекта. Представители общественности могут на парламентских слушаниях выражать свои позиции относительно принимаемых властью мер. Этим непосредственно занимается Общественная палата Российской Федерации. Однако закрепленные законодательством формы продвижения интересов вряд ли можно назвать лоббизмом [1]

Заключение

Проведенный анализ международного опыта и национального законодательства о лоббировании в законодательном процессе позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Лоббирование в демократически развитых странах мира – это устоявшийся институт общественно-политической жизни. Так как действующая казахстанская правовая система демонстрирует открытость при разработке нормативных правовых актов и прохождении ими процедур оформления и согласования, некоторые положения, закрепленные в различных законах, можно отнести к элементам института лоббирования в законодательной деятельности. Граждане, общественные организации, в том числе политические партии, Национальная палата предпринимателей имеют возможность выразить свою позицию по любому законопроекту.

Однако практика разработки, обсуждения, согласования с заинтересованными государственными органами законопроектов не исключает ведомственного или корпоративного использования административного ресурса, давления на парламентариев, в том числе через средства массовой информации.

В Казахстане нет запрета на лоббистскую деятельность, но в то же время она не регламентирована. Некоторые правоведы отмечают, что внедрение института лоббистской деятельности в законодательный процесс является преждевременным и принятие самостоятельного закона существенно не изменит устоявшийся порядок прохождения и обсуждения законопроектов.

Изучив действующую практику, мы поддерживаем позицию Е.М. Мухаметкалиевой, что в Казахстане отсутствует необходимость законодательного урегулирования института лоббизма[9]. Однако есть предпосылки к тому, что принятие закона о лоббистской деятельности в законодательном процессе или дополнение Закона РК «О правовых актах» самостоятельной главой «Лоббистская деятельность» в конечном итоге поможет сделать законодательный процесс прозрачнее и снизит уровень коррупционных рисков. Вместе с тем, сам термин «лоббирование» воспринимается далеко не позитивно, это может быть негативно воспринято как гражданами, так и бизнес сообществом среднего и малого уровня.

[9] Мухаметкалиева Е.М. «Участие общественности в процессе принятия законодательных решений: легализация лоббизма в Казахстане». file:///C:/Users/TS/Downloads/3605.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильметдинова З.М. Лоббизм в российской и зарубежной практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – №2 (16). – С. 122-126 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/n/lobbizm-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy-praktike#:~:text=% (дата обращения: 12.09.2024).

2. Величко А. Никто не хочет «отвечать» за слова: почему в Казахстане нет закона о лоббизме? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://golos-naroda.kz/33469-nikto-ne-khochet-otvechat-za-slova-pochemu-v-kazakhstane-net-zakona-o-lobbizme-1717983541/ (дата обращения: 01.10.2024).

3. Сарпеков Р.К., Конусова В.Т. К вопросу о законодательной регламентации лоббирования в Казахстане // Вестник Института законодательства и правовой информации. – 2022. – № 4. – С. 20-28.

4. Меньшенина Н.Н., Пантелеева М.В. Лоббизм: Курс лекций. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 136 с.

5. Конституционное право: Словарь / И.А. Алебастрова, Г.Н. Андреева, А.Ш. Будагова и др.; отв. ред. В.В. Маклакова. – М., 2001. – 559 с.

6. Любимов А.П. История лоббизма в России. – М., 2005. – 208 с.

7. Васильева С. Не стоит искать лоббизм там, где его нет: к вопросу о правовом понимании этого института в России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 1 (162). – С. 138-144.

8. Полонская Ю. Лоббизму нужен лобби // Казахстанская правда. - 2023. - 4 апр.

9. Власова И. Лоббистские инвестиции растут // Газета. 2008. 18 июня.

10. Кашин В., Цуканов И., Рожкова М. 300000 $ за визу: как американские лоббисты зарабатывают деньги на россиянах? // Ведомости. - 2007. - 18 апр.

11. Ремингтон Т. Лоббирование и представительство интересов в законодательных и исполнительных органах власти // Сравнительное конституционное право. – 2008. – № 1 (62).

REFERENCES

1. Gil'metdinova Z.M. Lobbizm v rossijskoj i zarubezhnoj praktike // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – №2 (16). – S. 122-126 - [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/ article/n/lobbizm-v-rossiyskoy-i-zarubezhnoy-praktike#:~:text=% (data obrashhenija: 12.09.2024).

2. Velichko A. Nikto ne hochet «otvechat'» za slova: pochemu v Kazahstane net zakona o lobbizme? [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://golos-naroda.kz/33469-nikto-ne-khochet-otvechat-za-slova-pochemu-v-kazakhstane-net-zakona-o-lobbizme-1717983541/ (data obrashhenija: 01.10.2024).

3. Sarpekov R.K., Konusova V.T. K voprosu o zakonodatel'noj reglamentacii lobbirovanija v Kazahstane // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii. – 2022. – № 4. – S. 20-28.

4. Men'shenina N.N., Panteleeva M.V. Lobbizm: Kurs lekcij. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. – 136 s.

5. Konstitucionnoe pravo: Slovar' / I.A. Alebastrova, G.N. Andreeva, A.Sh. Budagova i dr.; otv. red. V.V. Maklakova. – M., 2001. – 559 s.

6. Ljubimov A.P. Istorija lobbizma v Rossii. – M., 2005. – 208 s.

7. Vasil'eva S. Ne stoit iskat' lobbizm tam, gde ego net: k voprosu o pravovom ponimanii jetogo instituta v Rossii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. – 2008. – № 1 (162). – S. 138-144.

8. Polonskaja Ju. Lobbizmu nuzhen lobbi // Kazahstanskaja pravda. - 2023. - 4 apr.

9. Vlasova I. Lobbistskie investicii rastut // Gazeta. 2008. 18 ijunja.

10. Kashin V., Cukanov I., Rozhkova M. 300000 $ za vizu: kak amerikanskie lobbisty zarabatyvajut den'gi na rossijanah? // Vedomosti. - 2007. - 18 apr.

11. Remington T. Lobbirovanie i predstavitel'stvo interesov v zakonodatel'nyh i ispolnitel'nyh organah vlasti // Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo. – 2008. – № 1 (62).

УДК 34.342
ГРНТИ 10.15.01

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ: КАЗАХСТАН В ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Малиновский Виктор Александрович
Доктор юридических наук, профессор, Заместитель директора - руководитель Центра конституционной экономики Евразийского института экономико-правовых исследований Университета Нархоз; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: viktor.malinovskiy@narxoz.kz

Аннотация. *В настоящей статье внимание сосредоточено на определении содержания экономических отношений, закрепленных конституционными актами Республики Казахстан. Предмет конституционного регулирования в 1990-1995 гг. выстраивался в условиях учреждения и утверждения государственного суверенитета и государственной независимости Казахстана; перехода от социалистической модели экономики к рыночной; преодоления существовавших на этом этапе острых объективных и субъективных, внутренних и внешних вызовов и угроз.*

В конституциях 1993 и 1995 гг. произошло сокращение аксиологических истоков института экономических основ общественного строя с преобладанием специального гражданско-правового начала. В итоге не получилось сформировать работающую комплексную конституционную модель целостной экономической системы Казахстана в совокупности ее классических элементов. Адекватно, были ограничены возможности воздействия Конституции на нее.

Сегодня, обладая собственным опытом (как позитивным, так и негативным), нам стало гораздо более ясным видеть каковы должны быть новые приоритеты экономических отношений, чем нужно пополнить Конституцию для открытия и укрепления этих новелл, какие положения нужно поднять из законодательства более низкого уровня для придания нормам более высокой по уровню прочности и степени защищенности от различных «непониманий» и «недоговоренностей», нестыковок и нарушений так, чтобы кардинально переформатировать доктринальные подходы, правотворческую и правоприменительную, в том числе, правоохранительную деятельность на основе обновленных ценностей, в первую очередь, справедливости, ответственности и доверия казахстанцев.

Для выправления ситуации целесообразно определить и закрепить в Основном законе казахстанскую экономику в качестве конституционной ценности, главным социальным предназначением которой выступает обеспечение государственной независимости и экономического (финансового, технологического, экологического и др.) суверенитета (безопасности) страны, смягчение социальных противоречий, продолжение последовательной консолидации общества, повышение благосостояния граждан.

В итоге экономика Казахстана получит должное конституционно-правовое регулирование, конституционно-идеологическое обеспечение и высшую конституционно-правовую защиту. Она продолжит свое стабильное и устойчивое преобразование в конституционную экономику.

Ключевые слова: *конституционные экономические отношения, конституционная экономика, экономическая конституция, принадлежность природных ресурсов народу, экономическая безопасность.*

ЭКОНОМИКАНЫ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ РЕТТЕУ: ҚАЗАҚСТАН ОҢТАЙЛЫ ҮЛГІНІ ІЗДЕУДЕ

Виктор Александрович Малиновский
Заң ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз университетінің Еуразиялық экономикалық-құқықтық зерттеулер институтының Конституциялық экономика орталығының басшысы-директор орынбасары; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: viktor.malinovskiy@narxoz.kz

Аннотация. *Осы мақалада Қазақстан Республикасының конституциялық актілерінде бекітілген экономикалық қатынастардың мазмұнын айқындауға назар аударылады. 1990-1995 жылдардағы конституциялық реттеу пәні Қазақстанның мемлекеттік егемендігі мен мемлекеттік тәуелсіздігін құру және бекіту; экономиканың социалистік моделінен нарық моделіне көшу; осы кезеңде болған өзекті объективті және субъективті, ішкі және сыртқы тегеуріндер мен қатерлерді еңсеру жағдайында құрылды.*

Әлеуметтік жүйенің экономикалық негіздері институтының аксиологиялық бастаулары 1993 және 1995 жылдардағы конституцияларда арнайы азаматтық-құқықтық қағидаттардың басымды болуына байланысты қысқарды. Нәтижесінде Қазақстанның біртұтас экономикалық жүйесінің классикалық элементтерінің жиынтығында жұмыс істейтін кешенді конституциялық моделін қалыптастыру мүмкін болмады. Конституцияның оған әсер ету мүмкіндігі шектеулі болды.

Бүгінгі таңда өз тәжірибемізбен (жағымды да, жағымсыз да) бұл новеллаларды ашу және нығайту үшін Конституцияны қандай нормалармен толықтыру, экономикалық қатынастардың жаңа басымдықтары қандай болуы керек екенін, нормаларға жоғары деңгейлік күш беру үшін төменгі деңгейдегі заңнамадан беріктік пен қорғаныс дәрежесі бар әр түрлі «түсінбеушіліктерден», сәйкессіздіктерден және құқықбұзушылықтардан қорғау ережелерін көтеру, осылайша, доктриналық тәсілдерді, құқық шығармашылық және құқық қолдану, оның ішінде құқық қорғау қызметін жаңартылған құндылықтар, бірінші кезекте қазақстандықтардың әділдігі, жауапкершілігі мен сенімі негізінде түбегейлі қайта форматтау қажеттігін әлдеқайда айқын көре бастадық.

Қазір жағдайды түзету үшін Негізгі заңда басты әлеуметтік мақсаты мемлекеттік тәуелсіздік пен елдің экономикалық (қаржылық, технологиялық, экологиялық және т.б.) егемендігін (қауіпсіздігін) қамтамасыз ету, әлеуметтік қайшылықтарды жеңілдету, қоғамды дәйекті шоғырландыруды жалғастыру, азаматтардың әл-ауқатын арттыру болып табылатын қазақстан экономикасын конституциялық құндылық ретінде айқындап бекіткен жөн. Нәтижесінде Қазақстан экономикасы тиісті конституциялық-құқықтық реттеуге, конституциялық-идеологиялық қамтамасыз етуге және жоғары конституциялық қорғауға ие болады. Ол өзінің бірқалыпты және тұрақты конституциялық экономикаға айналуын жалғастырады.

Түйінді сөздер: *конституциялық экономикалық қатынастар, конституциялық экономика, экономикалық конституция, табиғи ресурстардың халыққа тиесілі болуы, экономикалық қауіпсіздік.*

CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE ECONOMICS: KAZAKHSTAN IN SEARCH OF AN OPTIMAL MODEL

Malinovsky Victor Alexandrovich
Doctor of Legal Sciences, Professor, Deputy Director and Head of the Center for Constitutional Economics of the Eurasian Institute of Economic and Legal Studies of Narkhoz University; Almaty c., Republic of Kazakhstan;
e-mail: viktor.malinovskiy@narxoz.kz

Abstract. *In this article, we focus attention on determining the content of economic relations enshrined in the constitutional acts of the Republic of Kazakhstan. The subject of constitutional regulation in 1990-1995 was built in the conditions of the establishment and assertion of state sovereignty and state independence of Kazakhstan; the transition from a socialist model of the economy to a market one; overcoming acute objective and subjective, internal and external challenges and threats that existed at this stage.*

In the Constitutions of 1993 and 1995, there was a reduction in the axiological origins of the institute of economic foundations of the social system with the predominance of a special civil law principle. As a result, it was not possible to form a working comprehensive constitutional model of the integral economic system of Kazakhstan in the aggregate of its classical elements. Adequately, the possibilities of the Constitution's influence on it were limited.

Today, having our own experience (both positive and negative), it has become much clearer to us what the new priorities of economic relations should be, what the Constitution needs to be

replenished in order to open and strengthen these novels, what provisions need to be lifted from lower-level legislation to give norms a higher level of strength and degree of protection from various "misunderstandings", inconsistencies and violations. So, in order to radically reformat doctrinal approaches, law-making and law enforcement, including law enforcement activities based on updated values, first of all, justice, responsibility and trust of Kazakhstanis.

To correct the situation, it is advisable to define and consolidate the Kazakh economy in the Basic Law as a constitutional value, the main social purpose of which is to ensure state independence and economic (financial, technological, environmental, etc.) sovereignty (security) of the country, mitigate social contradictions, continue the consistent consolidation of society, improve the welfare of citizens.

As a result, the economics of Kazakhstan will continue its stable and sustainable transformation into a constitutional economics.

Keywords: *constitutional economics relations, constitutional economics, economical constitution, belonging of natural resources to the people, economics security.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_45

Введение

В настоящее время верховной властью, исходя из запросов общества, проводится глубокое обновление содержания декларированных в Основном законе конституционных ценностей, конституционных и конституционно-правовых норм, регулирующих важнейшие экономические отношения.

В оглашенном 2 сентября 2024 г. К.К. Токаевым Послании Главы государства народу Казахстана в очередной раз подчеркнута изначальная системообразующая ценность справедливости. «Народ Казахстана сегодня живет в совершенно новой политической реальности. За последние пять лет реализованы масштабные реформы, через кардинальную трансформацию прошла политическая система. Фундаментальные изменения происходят в общественном сознании, повышается уровень правовой культуры граждан, в обществе формируются новые модели поведения и укореняются новые ценности и культурные коды нации. Одним словом, идет строительство Справедливого Казахстана, и, что особенно важно, все это полностью соответствует чаяниям народа. Поэтому мы продолжим неуклонно следовать нашим стратегическим курсом и не свернем с намеченного пути…»[1].

Упрочение фундаментальных начал Республики Казахстан в качестве справедливого, конституционного, демократического и социального государства с рыночной экономикой требует объединения усилий правоведов и экономистов, а также гуманитариев других отраслей знаний. Иными словами, концентрации накопленных ими потенциалов на проведении совместных приоритетных междисциплинарных исследований.

Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи был проведен анализ «экономических статей» актов о становлении и укреплении государственного суверенитета и независимости Республики Казахстан и действующей Конституции Казахстана 1995 г. (с последующими изменениями и дополнениями), некоторых решений казахстанских органов конституционного контроля.

Были также использованы отдельные доктринальные источники – работы казахстанских и зарубежных авторов, посвященные вопросам конституционно-правового регулирования экономики.

Применены общенаучные и специальные методы, включая аксиологический, исторический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и критического анализа.

Результаты и обсуждение

1. Как известно, на референдуме 5 июня 2022 г. пункт 3 статьи 6 Конституции был изложен в новой редакции: «Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы принадлежат народу. От имени народа право собственности осуществляет государство. Земля может находиться также в частной собственности

[1] *Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана: «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130 (дата обращения: 06.09.2024).*

на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом»[2].

Сегодня среди ученых-юристов развернулась широкая дискуссия относительно понимания новой политико-правовой категории (или даже конституционного института) «принадлежность природных ресурсов народу», в том числе, в ее соотношении с «осуществлением от имени народа права собственности государством».

При этом, например, д.ю.н., профессором Идрышевой С.К. остро высказывается позиция о необходимости материализации обладающей наивысшей по своему политическому и правовому наполнению формулы о «принадлежности природных ресурсов народу» во всех отраслевых законах и подзаконных актах взамен декларированного ранее «нахождения природных ресурсов в государственной собственности» [1].

Авторитетная ученая-правовед считает, что в провозглашенной в пункт 3 статьи 6 Конституции новелле право собственности на природные ресурсы определено как «особое вещное право» [2].

Однако, д.ю.н., профессор Мухамеджанов Э.Б. придерживается иного мнения. «В новой редакции эти объекты стали принадлежать народу, но все равно право собственности осталось у государства. Отмеченное порождает вопрос, а не популизм ли это, так как государство как было собственником, так им и осталось?». И далее он продолжает: «…положения п. 3 ст. 6 Конституции, не получили логического развития по причине спешности разработки и принятия Закона о внесении дополнений и изменений в Конституцию» [3].

В июле 2023 года по обращению К.К. Токаева Конституционным Судом РК был рассмотрен и признан соответствующим Конституции принятый Парламентом по инициативе депутатов и представленный на подпись Главе государства Закон РК «О возврате государству незаконно приобретенных активов».

Принадлежность народу природных ресурсов, по утверждению Суда, требует от государства осуществления права собственности на них с учетом, прежде всего, интересов народа, общества в целом и будущих поколений. Обновленная норма Основного Закона обязывает государство предпринять все необходимые меры по защите принадлежащего народу Казахстана права собственности на эти объекты и возврату незаконно полученных природных ресурсов и связанных с ними активов законному владельцу для их использования непосредственно в интересах народа, воля которого по данному вопросу отчетливо была выражена на республиканском референдуме 2022 г. и закреплена в Конституции РК.

Конституционный Суд подчеркнул, что, принимая названный Закон, государство определяет систему восстановления нарушенных прав народа Казахстана для устойчивого экономического и социального развития страны. Возврат государству незаконно приобретенных активов соответствует конституционно значимым целям, направлен на поддержание баланса личных, общественных и государственных интересов при неукоснительном соблюдении конституционно обоснованных принципов справедливости, разумности и соразмерности.

При условии надлежащего системного контроля и регулирования вопросов, относящихся к праву собственности, развития экономики в интересах всего народа государство будет иметь больше финансовых и иных возможностей реализовать свои социально-экономические, экологические, политические и правовые обязательства перед гражданами и обществом, обеспечить должный уровень национальной безопасности, требуемые Конституцией[3].

Как видим, Конституционным Судом были сняты сомнения, присутствовавшие у отдельных групп казахстанцев, в части соответствия Основному закону проводимой по инициативе Президента РК К.К. Токае-

---

[2] *Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с последующими изменениями и дополнениями) – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 06.08.2024).*

[3] *Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2023 года «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов», Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О прокуратуре», законов Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам возврата государству незаконно приобретенных активов», «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» и «О внесении дополнения в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)» –[Электронный ресурс]. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32551359 (дата обращения: 06.09.2024).*

ва политики возврата государству незаконно приобретенных активов. Также посредством официального толкования устранены усматриваемые кем-то нестыковки между «принадлежностью народу», «правом собственности народа» и «осуществляемого государством от имени народа права собственности».

В телевизионной программе от 25 октября 2024 г. д.ю.н., профессор Е.Э. Дуйсенов в унисон решению Конституционного Суда особо выделил следующее: «Более того, хочу отметить, что прошедшая последняя конституционная реформа закрепила еще один вид собственности – общенародную собственность… Сегодня мы можем смело говорить, что только народ является собственником тех природных запасов и земли и только народ вправе распоряжаться ею» [4].

Как бы то ни было, какими правовыми характеристикам не надлежит наделить новый конституционный институт, конечно же однозначно права профессор Идрышева С.К. в том, что он требует законодательного определения и регулирования.

Считаю также, что как один их ключевых вопросов конституционных начал права собственности он может быть решен только посредством его междисциплинарного исследования с использованием возможностей конституционно- и гражданского-правовой, а также других отраслей юриспруденции.

В качестве положительного примера такого толкования статьи 6 Основного закона сошлюсь на опубликованный в 2018 году научно-практический комментарий Конституции РК. В нем усилены именно конституционные начала права собственности в сочетании его экономического, политического и правового компонентов. Обращу внимание на наиболее важные мысли автора данного комментария – д.ю.н., профессора Каудырова Т.Е.

«6.1. Комментируемая статья определяет экономические основы существования государства Казахстан. Она закрепляет и регулирует важнейшие экономические и правовые отношения, складывающиеся в государстве по поводу собственности. Её содержание позволяет определить, в чьих руках, каким субъектам принадлежат земля, средства производства и предметы потребления, главным образом определяющие смысловое, экономическое наполнение термина «собственность»».

«…Из содержания данной статьи также можно определить крупные группы субъектов отношений – собственников, обладающих властью над материальными богатствами, то есть определить форму присвоения благ, закрепленную в нашей стране и, тем самым, определить экономический тип государства Казахстан.»

«Выявление круга объектов и субъектов государственной и частной собственности, некоторых пределов пользования ими, позволяет выявить два важнейших правила, содержащихся в п. 1 статьи 6 Конституции. Выделяя государственную и частную собственность, законодатель указывает, что они признаются и равным образом защищаются. Слово «признаются» следует толковать так, что только эти два вида, иногда их называют две «формы» собственности, и признаются в Республике Казахстан, что кроме этих двух разновидностей, других форм собственности попросту, нет и быть не могут».

«Равенство в защите государственной и частной собственности означает, что предусмотренные в праве способы охраны собственности – гражданско-правовая, административная и уголовная – одинаково применимы для защиты любого объекта собственности, независимо от того, государственная или частная это собственность».

«6.2. Рыночный характер экономики Казахстана, направленность индивидуального субъекта имущественных отношений на получение выгоды и дохода от использования принадлежащего ему объекта собственности и имущественных прав, не перечеркивают и не отрицают общественного характера отношений собственности, значимости собственности не только для её обладателя, но и для всех других лиц, поскольку действует известное правило о том, что «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Суть этого правила кратко выражена в первой фразе второго пункта комментируемой статьи 6 – собственность обязывает».

«…необходимость служения собственности общественному благу подтверждается со стороны законодателя тем, что право собственности не абсолютно и не безгранично. Это право регламентировано законом, может быть ограничено, но только законом».

«6.3. Третий пункт комментируемой статьи перечисляет объекты, правовой режим которых отличается от режима другого имущества. Если земля может находиться как в государственной, так и в частной собственности, то недра земли, вода, растительный и животный мир, другие природные ресурсы

находятся только в государственной собственности.

Очевидно, что названные объекты составляют богатство всего народа, во многом определяют жизнь и благосостояние будущих поколений казахстанцев и, поэтому, меры по изменению статуса данных объектов, любые действия с этими объектами, любые попытки как-то определить отношение к ним определенных групп людей, особенно – иностранцев – вызывает живой интерес представителей самых разных слоев населения и общества.»

«Центральным экономическим наполнением государственности, опорой и материальным объектом распространения суверенитета является, конечно же, земля.» [5, с. 83-88].

Конечно, научное толкование Конституции требует показать пребывание сложнейших объектов ее предмета в различных гуманитарных сферах и ракурсах, в итоге объясняющих необходимость закрепления их главных характеристик на высшем уровне правового регулирования – Основного закона. Именно такой кросс дисциплинарный подход с использованием методологий и методов различных отраслей науки права, философии, политологии, социологии, экономики призван демонстрировать орган конституционного контроля, действующий на вершине конституционных ценностей и принципов.

Поэтому представляется изначально неправильным допускаемое иногда правоведами-отраслевиками оставление без внимания конституционной ценности права собственности в качестве отправного начала именно для общественного и государственного строя, суверенитета и государственной независимости (экономического суверенитета, экономической безопасности, научно-технологической независимости и пр.), прав человека и гражданина. Поиск содержания конституционной нормы лишь или преимущественно в действующих законах или подзаконных актах также обедняет Конституцию, ограничивает или вовсе лишает ее одного из важнейших предназначений (функций) – стимулировать развитие правовой системы. Не нужно также забывать и об идеологическом предназначении (функции) Основного закона.

Показателен такой случай. На заседании Научно-консультативного совета при Конституционном Суде РК 7 июня 2024 г. (на нем автор настоящей статьи присутствовал лично) были рассмотрены сформулированные Судом правовые позиции по проблемам собственности. В дискуссии по докладу кратко выступил уважаемый доктор Фолькер Фробарт – Посол, глава офиса Программы ОБСЕ в Европе в городе Астане. Он обратился с призывом к присутствующим ученым взглянуть на вопросы собственности пошире, выйдя за пределы цивилистики. Что опять же свидетельствует о востребованности междисциплинарного подхода.

Попутно заметим, что современное толкование профессором Т.Е. Каудыровым пунктов 1 и 3 статьи 6 в части признания Конституцией видов (форм) собственности подтверждает правоту вывода профессора Дуйсенова Э.Э. об учреждении на референдуме 5 июня 2022 г. нового вида собственности – общенародной. Данный наивысший позыв – признание Конституцией нового вида собственности – должен быть адекватно услышан и воплощен в действующее законодательство.

2. Вместе с тем, при всей значимости затронутого вопроса права собственности, им не охватывается вся проблематика конституционного регулирования экономических отношений в Казахстане. Представляет большой интерес сопоставление «экономических» положений и норм последней советской Конституции Казахской ССР 1978 г., исторических актов периода учреждения суверенитета и независимости Казахстана, первой –1993 г. и действующей –1995 г. конституций.

В Конституции Казахской ССР от 20 апреля 1978 г., применявшейся до вступления в силу Конституции РК 1993 г., глава 2 называлась «Экономическая система». Она объединяла статьи 10 – 18[4].

Из них четыре были посвящены формам собственности: основе экономической системы Казахской ССР – социалистической, в форме государственной (общенародной) собственности (она провозглашалась общим достоянием всего советского народа, основной формой социалистической собственности); собственности колхозов и других кооперативных организаций, их объединений; личной собственности граждан. В статье 14 декларировалось, что источником роста

[4] *Конституция (Основной Закон) Казахской Советской Социалистической Республики от 20 апреля 1978 года – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1027292 (дата обращения: 06.09.2024).*

общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского гражданина является свободный от эксплуатации труд советских людей; в статье 15 – высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей; в статье 16 – экономика Казахской ССР является составной частью единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории СССР, руководство ею осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития; в статье 17 – о допущении в соответствии с законом индивидуальной трудовой деятельности в перечисленных здесь же областях и видах деятельности, основанных исключительно на личном труде граждан и членов их семей; в статье 18 – о принятии необходимых мер для охраны и научно-обоснованного, рационального использования земли, ее недр и других природных ресурсов.

Понятно, что ряд из приведенных статей пришли в принципиальное противоречие со стратегическим курсом на смену общественно-экономической формации.

В Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. (далее – Декларация о госсуверенитете) провозглашалось нахождение в исключительной собственности Республики, составляя основу ее суверенитета, земли и ее недр, воды, воздушного пространства, растительного и животного мира, других природных ресурсов, культурных и исторических ценностей народа, всего экономического, научно-технического потенциала – всего национального богатства, имеющегося на ее территории (пункт 9)[5].

В Казахской ССР обеспечивается многообразие и равенство форм собственности и гарантируется их защита. Казахстан гарантирует охрану имущественных прав Союза ССР, других союзных республик, иностранных государств, их граждан и организаций; был вправе образовать государственный национальный банк, подчиненный Верховному Совету Республики, свою финансово-кредитную систему, самостоятельно формирует государственный бюджет, организует налоговую и союзно-республиканскую таможенную системы; имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе соответственно вкладу Республики, в том числе в алмазном, валютном фондах и золотом запасе и др.(пункты 10-11).

В Конституционном законе РК от 16 декабря 1991 г. «О государственной независимости Республики Казахстан» (далее – Конституционный закон о госнезависимости) уже имеется самостоятельная глава 4 под названием «Экономические основы государственной независимости Республики Казахстан»[6].

В соответствии со статьей 11, в исключительной собственности Республики Казахстан, составляя основу ее государственной независимости, находятся земля и ее недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные ресурсы, экономический и научно-технический потенциал.

Республика Казахстан обладает самостоятельной экономической системой, соответствующей статусу независимого государства и основывающейся на многообразии и равенстве всех форм собственности.

Согласно статье 12, Казахстан имеет Государственный национальный банк, вправе создать свою финансово-кредитную, денежную системы, организует республиканские налоговую и таможенную системы, а также формирует свои золотой запас, алмазный и валютный фонды.

В период с апреля 1990 по январь 1993 года шел активный процесс по поиску теоретических отправных позиций в трансформации экономической системы от социалистической к рыночной. Острые споры сотрясали различные дискуссионные площадки, включая Конституционную комиссию, ее Рабочую группу по подготовке проекта первой Конституции суверенного Казахстана.

Не будет большим преувеличением сказать, что многие ученые-правоведы с начала 90-х годов по ключевым вопросам заняли выжидательную позицию. Конституционалисты надеялись на инициативу специалистов-цивилистов, а цивилисты – на новаторство профессионалов-теоретиков права и конституционалистов, особенно обладающих специальными знаниями в сфере кон-

[5] Декларация о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700 (дата обращения: 06.08.24.)

[6] Конституционный закон РК от 16 декабря 1991 г. «О государственной независимости Республики Казахстан». –[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400 (дата обращения: 06.08.24).

ституционного права зарубежных стран.

В результате столкновения различных мнений и подходов в Конституционной комиссии и ее Рабочей группе, а также среди депутатов Верховного Совета двенадцатого созыва, в раздел II «Общество, основы его устройства» Конституции РК от 28 января 1993 г. была включена глава 8 «Собственность и предпринимательство». Она состояла из пяти статей[7].

В статье 45 было закреплено, что экономика Республики Казахстан основывается на многообразных формах собственности. Государство обеспечивает равенство перед законом всех субъектов собственности. Объекты и субъекты собственности, разновидности их основных форм, пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом.

Статья 46 была посвящена вопросам исключительной собственности государства. «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы, находятся исключительно в государственной собственности. Пределы и субъекты осуществления от имени государства правомочий собственника на указанные объекты определяются законом».

В статье 47 устанавливалась неприкосновенность частной собственности. Никто не может быть лишен своей собственности, иначе как по решению суда. Реквизиция может применяться лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом. Республика Казахстан защищает право собственности своих граждан и юридических лиц на их имущество, находящееся на территории других государств.

Статьей 48 введена обязанность государства гарантировать свободу частной предпринимательской деятельности и обеспечения ее защиты и поддержки, статьей 49 – специальные гарантии для иностранцев и лиц без гражданства.

Представляется позитивным присутствие отдельной главы 19, поименованной «Финансы». Она также включала пять статей, посвященных: финансовой системе Республики Казахстан (статья 119), бюджетной системе Республики Казахстан (статья 120), банковской системе в Республике Казахстан (статья 121). Государство создает специальные денежные фонды, предназначенные для экономической, социальной, пенсионной, медицинской и иных видов государственной поддержки (статья 122), а также оказывает содействие развитию негосударственных форм страхования и банковского дела (статья 123).

Если попытаться максимально кратко сформулировать предмет регулирования Конституцией 1993 г. экономической сферы, то он был сосредоточен главным образом на вопросах собственности, основах предпринимательской деятельности и ее государственной защиты для казахстанцев, иностранных граждан и лиц без гражданства. В числе главных характеристик Республики Казахстан – демократического, светского и унитарного государства отсутствовали ключевые составляющие «правовое» и «социальное». При провозглашении равенства перед законом всех субъектов собственности конституционная гарантия неприкосновенности закреплялась только за частной собственностью в обход государственной.

Не были воспроизведены положения Декларации о госсуверенитете об исключительной собственности Республики, составляющей основу ее суверенитета; Конституционного закона о госнезависимости об экономических основах государственной независимости Республики Казахстан, а также о том, что Республика Казахстан обладает самостоятельной экономической системой, соответствующей статусу независимого государства. Вне регулирования Основного закона остались финансовая и бюджетная системы; целевая направленность специальных денежных фондов, предназначенных для экономической, социальной, пенсионной, медицинской и иных видов государственной поддержки. Тем самым была принижена именно уникальная конституционная ценность экономических отношений.

В Конституции РК 1995 г. конфигурация подхода к конституционному регулированию экономических отношений частично изменилась[8].

В статье 1 Республика Казахстан провозглашена утверждающимся как демократическим, светским, правовым, так и социаль-

[7] *Конституция Республики Казахстан. Принята Верховным Советом Республики Казахстан 28 января 1993 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000 (дата обращения: 06.08.24).*

[8] *Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года, с последующими изменениями и дополнениями) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 06.08.24).*

ным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы (пункт 1). В числе основополагающих принципов деятельности Республики декларированы общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа.

В статье 6 восстановлена допущенная ранее несправедливость в отношении государственной собственности: «В Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность» (пункт 1), отчасти закреплено ее социальное предназначение «Собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу», а также предметы регулирования законом (пункт 2).

Согласно пункту 3 «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности[9]. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом».

В самостоятельную статью 26 объединены нормы, посвященные гарантиям права частной собственности граждан (пункты 1-3) а также свободе каждого на занятие предпринимательской деятельностью, регулированию и ограничению законом монополистической деятельности и запрету недобросовестной конкуренции (пункт 4).

Не будем забывать и о том, что ряд по своей сути экономических отношений закреплен в статьях конституций 1993 и 1995 гг. о правах и свободах человека и гражданина, а также о полномочиях Президента Республики, Парламента и его Палат, Правительства, местных представительных и исполнительных органов и др.

Конечно, в действующей Конституции 1995 г. заложены отдельные концептуальные начала в стремлении к ее превращению в политико-правовую модель экономической основы Казахстана. Об этом свидетельствует формулирование норм-принципов и норм-целей в преамбуле и разделе I «Общие положения» (которые вполне можно оценивать и понимать в качестве основ конституционного, либо государственного и общественного строя). «Экономическое развитие на благо всего народа» непосредственно и неразрывно объединено с иными основополагающими принципами деятельности Республики Казахстан, каждый из которых не может существовать в отрыве друг от друга. Это единство обеспечивает нерушимость государственного суверенитета и независимости Казахстана.

Вместе с тем, в Конституции 1995 г. вновь не нашли подтверждения, заявленные в Декларации о госсуверенитете и Конституционном законе о госнезависимости отправные начала экономических отношений именно в качестве «экономических основ» и именно «государственной независимости Республики Казахстан»; что перечисленные объекты исключительной собственности Республики Казахстан «составляют основу ее государственной независимости». К таковым относятся и названные в этом списке «экономический и научно-технический потенциал». Весьма важный задел заложен в формулу «Республика Казахстан обладает самостоятельной экономической системой, соответствующей статусу независимого государства», которая также ушла в Историю вместе с данным конституционным законом.

Отдельные фрагменты регулирования экономических отношений включены в статью 26 в качестве требований о свободной предпринимательской деятельности. Однако, думается, по своему потенциалу они заслуживают более масштабной оценки в качестве основ в целом экономической деятельности. Но опять же своим содержанием не охватывают всего комплекса экономических, правовых и управленческих методов государственного управления экономикой.

В Конституцию так и не были внесены нормы об основах финансово-бюджетных (включая банковские) отношений (пусть и в измененном по сравнению с Конституцией 1993 г. варианте).

Таким образом, с одной стороны, ценностная составляющая конституционных основ экономических отношений была урезана, что снизило эффективность реализации Конституции в этой части.

С другой, получилось, что ограниченный ресурс ценностей «экономических основ конституционного строя» остался как бы дремлющим и не был максимально развернут в последующих нормах-правилах Конституции и нормах-измерителях законов.

В итоге вновь не удалось отстроить работающую конституционную модель це-

[9] *Как отмечалось выше, на референдуме 5 июня 2022 г. была конституционно закреплена принадлежность природных ресурсов народу и осуществление от имени народа права собственности государством.*

лостной экономической системы Казахстана в совокупности всех ее классических элементов. Интересно, что даже такие традиционные понятия как «экономика Казахстана», «экономическая система Казахстана» и «экономическая деятельность» не нашли должного использования в тексте Конституции 1995 г. Они не были применены даже в пункте 3 статьи 61 для поименованных закрепленных регулируемых законами сферах экономики, приведенных в подпунктах 1), 2), 4), 5), 8) и 9).

В русле эволюции конституционного института права собственности «первый» Конституционный Суд (1992-1995 гг.), Конституционный Совет (1996-2022 гг.) и «второй» Конституционный Суд (2023 г. и ныне) в своих постановлениях сформулировали ряд правовых позиций. Однако при осуществлении конституционного контроля опять же не представляется возможным выйти за пределы обращений и расширить предмет регулирования отношений, установленных непосредственно нормами Основного закона.

За пределами конституционных актов остались, например, известные зарубежным конституциям вопросы характеристики экономической системы в единстве ее государственного и частного секторов; организации государственного управления экономикой (в том числе, государственного планирования); установления гарантий и стимулирования национальных предпринимателей); введения ограничений на передачу земли (использование переданных земельных участков) в частную собственность. Вполне возможны и другие вопросы, требующие именно конституционного уровня закрепления и, соответственно, защиты.

Конечно, в каждом из перечисленных документов об учреждении и укреплении государственной независимости были заложены свои исторические возможности. Так что все эти акты были объективно ограничены.

Однако сегодня, обладая собственным опытом (как позитивным, так и негативным), нам стало гораздо более ясным видеть каковы должны быть новые приоритеты экономических отношений, чем нужно пополнить Конституцию для открытия и укрепления этих новелл, какие положения нужно поднять из законодательства более низкого уровня для придания нормам более высокой по уровню прочности и степени защищенности от различных «непониманий» и «умалчиваний», нестыковок и нарушений. Так, чтобы кардинально переформатировать доктринальные подходы, правотворческую и правоприменительную, в том числе, правоохранительную, деятельность на основе обновленных ценностей, в первую очередь, справедливости, ответственности и доверия казахстанцев.

Конституционализация будет постепенно захватывать все сферы, процессы и всех участников экономических отношений. Это будет означать развитие существующей рыночной экономики по пути ее последовательного выхода на принципиальный, прогрессивный и ранее неизвестный уровень – ее преобразования в конституционную экономику. Данный жизненно важный вывод среди ученых в Казахстане находит все больше единомышленников [6, с.334-343].

Заключение

В целях повышения эффективности конституционного воздействия на экономические отношения в Казахстане целесообразно пересмотреть и расширить предмет регулирования Основным законом экономики с использованием собственного казахстанского опыта и передовой практики зарубежных стран. При этом определить и закрепить

1. экономику Республики Казахстан в качестве конституционной ценности, главным социальным предназначением которой выступает обеспечение экономико-финансового суверенитета и государственной независимости страны, повышение благосостояния граждан, смягчение социальных противоречий и упрочения консолидации общества;
2. характеристику экономической системы Республики Казахстан, основанной на многообразии, равноправии и равной защите всех форм собственности, включающей объекты принадлежности природных ресурсов народу, государственной и частной собственности, которые в своей совокупности призваны работать на достижение общих ценностей и целей;
3. характеристику и роль государственной собственности, возможность и условия перевода сфер экономики и отдельных объектов из государственной в частную собственность и наоборот;
4. принципы экономической деятельности, включающей предпринимательскую деятельность;
5. важнейшие отношения в сферах финансов и банковской деятельности;
6. также будет полезным предоставить субъектам предпринимательской деятельности право обращения в Конституционный

Суд РК на предмет проверки конституционности законов, представленных на подпись Президенту Республики. Все спорные вопросы должны решаться с позиции обеспечения экономического суверенитета страны, ее национальных интересов и прав собственников.

В дальнейшем осуществить развитие данных конституционных положений и норм в отраслевом законодательстве.

При подготовке экономистов и юристов усилить междисциплинарный поход, разработать новую учебную дисциплину «Конституционная экономика в Республике Казахстан», а по другим специальностям – ввести всеобуч по конституционной экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идрышева С.К. Реализация конституционной новеллы о праве собственности народа Казахстана на природные ресурсы. – электронный ресурс. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36065002 (дата обращения: 06.08.2024).

2. Идрышева С.К. Особенности института «право народа Казахстана на природные ресурсы». – электронный ресурс. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38369269 (дата обращения: 06.08.24).

3. Мухамеджанов Э.Б. К вопросу о положении п.3 ст.6 Конституции РК или кому принадлежат земля и недра Казахстана. – электронный ресурс. – режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc id=35551629 (дата обращения: 06.08.2024).

4. Дуйсенов Е., Мустафаев А. Новый взгляд: День Республики – электронный ресурс. – режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=GONtMVs4jew. (дата обращения: 06.08.2024).

5. Каудыров Т.Е. Комментарий к статье 6 Конституции Республики Казахстан. В кн.: Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. - Астана, 2018. – 640 с.

6. Абдрасулов Е.Б., Айтхожин К.К. Раздел III, глава 2, § Конституционно-правовое регулирование экономических отношений в Республике Казахстан. В кн.: Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс: в 2-х т. Т.1. Под общ. ред. д.ю.н., проф. К.А. Мами. Авт. предисл., отв. ред. и руков. авт. колл. д.ю.н., проф. К.А. Мами. – Алматы, 2021. – 640 с.

REFERENCES

1. Idrysheva S.K. Realizacija konstitucionnoj novelly o prave sobstvennosti naroda Kazahstana na prirodnye resursy. – jelektronnyj resurs. – rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36065002 (data obrashhenija: 06.08.2024).

2. Idrysheva S.K. Osobennosti instituta «pravo naroda Kazahstana na prirodnye resursy». – jelektronnyj resurs. – rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38369269 (data obrashhenija: 06.08.24).

3. Muhamedzhanov Je.B. K voprosu o polozhenii p.3 st.6 Konstitucii RK ili komu prinadlezhat zemlja i nedra Kazahstana. – jelektronnyj resurs. – rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc id=35551629 (data obrashhenija: 06.08.2024).

4. Dujsenov E., Mustafaev A. Novyj vzgljad: Den' Respubliki –jelektronnyj resurs. – rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=GONtMVs4jew. (data obrashhenija: 06.08.2024).

5. Kaudyrov T.E. Kommentarij k stat'e 6 Konstitucii Respubliki Kazahstan. V kn.: Konstitucija Respubliki Kazahstan. Nauchno-prakticheskij kommentarij. - Astana, 2018. – 640 s.

6. Abdrasulov E.B., Ajthozhin K.K. Razdel III, glava 2, § Konstitucionno-pravovoe regulirovanie jekonomicheskih otnoshenij v Respublike Kazahstan. V kn.: Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan. Akademicheskij kurs: v 2-h t. T.1. Pod obshh. red. d.ju.n., prof. K.A. Mami. Avt. predisl., otv. red. i rukov. avt. koll. d.ju.n., prof. K.A. Mami. – Almaty, 2021. – 640 s.

УДК 347.962.6
ГРНТИ 10.71.31

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЗАХСТАНСКИХ СУДЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

Аблаева Эльвира Бекболатовна
Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы права Университета Туран, г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Аннотация. *Представленная работа посвящена вопросу дисциплинарной ответственности казахстанских судей по законодательству Республики Казахстан за совершение ими какого-либо дисциплинарного проступка, несовместимого с судейской должностью, посягающего на законность и противоречащего судейской этики, их основания, условия, порядок и последствия наложения дисциплинарного взыскания.*

В работе актуализируется нерешенность проблем оспаривания законности решений, обжалования правомерности действий или бездействий органов судейского сообщества, уполномоченных законом на осуществление дисциплинарного производства в отношении судей и привлечение их к дисциплинарной ответственности. Автор обращает внимание на нормы законодательства Республики Казахстан, которыми казахстанские судьи, привлеченные к дисциплинарной ответственности, полностью лишены гарантируемого им конституционного права на судебную защиту. В тоже время, установлено, что по сей день, законодательство Республики Казахстан уводит казахстанских судей от привлечения к ответственности и применения к ним взыскания за совершение судейской ошибки.

Выявлены дефекты и пробелы в законодательстве, свидетельствующие о том, что им не дано конкретное определение понятию дисциплинарного проступка, не приведены критерии, разграничивающие между собой их виды, не регламентированы четкие основания, условия, порядок и последствия привлечения судей к дисциплинарной ответственности. Автором отмечено об отсутствии процессуальной формы судопроизводства, установленного законодательством для рассмотрения и разрешения судами дел и споров, связанных с привлечением судей к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, апеллирует статистическими данными о возбужденных в отношении казахстанских судей дисциплинарных дел и материалов за последние 3 года. Кроме того, анализирует практику и правовую позицию Конституционного Суда, идущих вразрез с конституционными нормами и общепризнанными принципами права. В завершении проведенного исследования автор заключает свои выводы и рекомендации.

Ключевые слова: *дисциплинарный проступок судей, дисциплинарная ответственность судей, дисциплинарное производство, дисциплинарные суды, дисциплинарное взыскание, грубое нарушение законности, порочащий проступок, нарушение судейской этики, качество правосудия, судебное жюри.*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ СУДЬЯЛАРДЫҢ ТӘРТІПТІК ЖАУАПТЫЛЫҒЫ: ТАРИХИ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ АСПЕКТІЛЕР

Эльвира Бекболатқызы Аблаева
Заң ғылымдарының кандидаты, «Тұран» университетінің Жоғары құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Аннотация. *Ұсынылған жұмыс қазақстандық судьялардың судья лауазымына сәйкес келмейтін, заңдылыққа қол сұғатын және судья этикасына қайшы келетін қандай да бір тәртіптік теріс қылық жасағаны үшін Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша тәртіптік жауаптылығы мәселесіне, олардың тәртіптік шара қолданудың негіздеріне, шарттарына, тәртібі мен салдарына арналған.*

Жұмыста судьяларға қатысты тәртіптік іс жүргізуді жүзеге асыруға және оларды тәртіптік жауаптылыққа тартуға заңмен уәкілеттік берілген судьялар қоғамдастығы органдарының шешімдерінің заңдылығына дау айту, олардың әрекеттерінің немесе әрекетсіздігінің заңдылығына шағымдану мәселелерінің шешілмеуі өзектілігін алады. Автор Қазақстан Республикасы заңнамасының нормаларымен тәртіптік жауаптылыққа тартылған қазақстандық судьялар оларға кепілдік ретінде берілген өз құқықтары мен бостандықтарының сот арқылы қорғалу конституциялық құқығынан толығымен айырылғанына назар аударады. Сонымен қатар, осы күнге дейін Қазақстан Республикасының заңнамасы судьялық қателік жасағаны үшін қазақстандық судьяларды жауаптылыққа тартудан және оларға жаза қолданудан бас тартқандығы анықталды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының заңнамасы бүгінгі күнге дейін қазақстандық судьяларды сот қателігі үшін жауаптылыққа тартудан және оларға жаза қолданудан жалтаратындығы анықталды.

Заңнамадағы ақаулар мен олқылықтар ретінде тәртіптік теріс қылық ұғымына нақты анықтама берілмегендігі, олардың түрлерін бір-бірінен ажырататын өлшемдер келтірілмегендігі, судьяларды тәртіптік жауаптылыққа тартудың нақты негіздері, шарттары, тәртібі мен салдары реттелмегендігі анықталды. Автор судьяларды тәртіптік жауаптылыққа тартуға байланысты істер мен дауларды соттардың қарауы мен шешуі үшін заңнамада белгіленген қандай да болмасын сот ісін жүргізудің нысаны жоқтығы туралы атап өтті. Сонымен қатар, автор соңғы 3 жылда қазақстандық судьяларға қатысты қозғалған тәртіптік істер мен материалдар туралы статистикалық деректерге сүйенеді. Одан өзге, Конституциялық Соттың конституциялық нормаларға және жалпыға бірдей танылған құқық қағидаларына қайшы келетін тәжірибесі мен құқықтық ұстанымын да талдайды. Зерттеу соңында автор өз тұжырымдарын және ұсыныстарын қорытындылайды.

Түйінді сөздер: *судьялардың тәртіптік теріс қылығы, судьялардың тәртіптік жауаптылығы, тәртіптік іс жүргізу, тәртіптік соттар, тәртіптік жаза, заңдылықты өрескел бұзу, теріс қылық, судьялық әдепті бұзу, сот төрелігінің сапасы, сот жюриі.*

DISCIPLINARY LIABILITY OF KAZAKHSTAN JUDGES: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS

Ablaeva Elvira Bekbolatovna
Candidate's degree in Jurisprudence, Associate Professor of Higher School of Law of Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Abstract. *The presented work is devoted to the issue of disciplinary liability of Kazakhstani judges under the legislation of the Republic of Kazakhstan for committing any disciplinary offense incompatible with judicial office, infringing on legality and contrary to judicial ethics, their grounds, conditions, procedure and consequences of imposing disciplinary punishment.*

The work actualizes the unresolved problems of challenging the legality of decisions, appealing against the legality of actions or omissions of bodies of the judicial community authorized by law to carry out disciplinary proceedings against judges and bring them to disciplinary responsibility. The author draws attention to the norms of the legislation of the Republic of Kazakhstan, by which Kazakhstani judges brought to disciplinary responsibility are completely deprived of the constitutional right to judicial protection guaranteed to them. At the same time, it has been established that to this day, the legislation of the Republic of Kazakhstan leads Kazakhstani judges away from bringing to justice and imposing penalties on them for committing a judicial error.

Defects and gaps in legislation have been identified, indicating that they have not been given a specific definition of the concept of disciplinary misconduct, criteria distinguishing between their types are not given, clear grounds, conditions, procedure and consequences of bringing judges to disciplinary responsibility are not regulated. The author notes the absence of a procedural form of legal proceedings established by law for the consideration and resolution by courts of cases and disputes related to bringing judges to disciplinary responsibility. At the same time, he appeals with statistical data on disciplinary cases and materials initiated against Kazakhstani judges over

the past 3 years. In addition, he analyzes the practice and legal position of the Constitutional Court, which run counter to constitutional norms and generally recognized principles of law. At the end of the study, the author concludes his conclusions and recommendations.

Keywords: *disciplinary misconduct of judges, disciplinary responsibility of judges, disciplinary proceedings, disciplinary courts, disciplinary punishment, gross violation of the rule of law, defamatory misconduct, violation of judicial ethics, quality of justice, judicial jury.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_56

Введение

Проблема дисциплинарной ответственности судей всегда остается в центре внимания правового государства. Эта проблема не обошла стороной и Республику Казахстан, в которой вопросы привлечения к дисциплинарной ответственности судей возникли незадолго до ее выхода из состава Союза ССР. А сегодня в условиях признания самостоятельности судебной власти от всех иных ветвей власти и независимости судей от кого бы там ни было, в том числе и от вышестоящих судей, при рассмотрении дел и вынесении по ним решений, особо обострилась.

Актуальность названной темы определяется тем, что судьи являются единственными носителями судебной власти и должностными лицами государства. К их исключительным полномочиям относится осуществление от имени государства Республики Казахстан правосудия, судебного контроля в сфере государственного управления и местного самоуправления, судебного нормоконтроля за правовым содержанием нормативных правовых актов. С одной стороны, государство предоставляет судьям конституционные гарантии их неприкосновенности при осуществлении ими судейских полномочий, а с другой стороны, возлагает на них бремя юридической ответственности за допущенные ими судейские ошибки. Соответственно нормы законодательства о привлечении судей к дисциплинарной ответственности должны строго обеспечивать справедливый баланс между принципами законности и независимости судей при рассмотрении и разрешении ими дел, а их правовая регламентация и дисциплинарная практика исключать любые попытки оказания давления на судей за принятые ими судебные акты, несоответствующих закону или несогласующихся с правовыми позициями вышестоящих судов, а равно за совершение ими в повседневной жизни проступков, несвязанных с выполнением обязанностей судей.

Прежде чем приступить к изучению вопроса дисциплинарной ответственности казахстанских судей, следует вкратце остановиться на весьма важных моментах, требующих своего освещения. Это обусловлено с тем, что нужно соблюсти хронологическую последовательность изложенных в работе материалов, объективной оценки ныне сложившейся ситуации, выявления преемственности права и его поэтапного развития. Итак, в конце 1991 года бывшая союзная республика Казахская ССР, ныне Республика Казахстан, провозгласила всему миру о своей независимости, и она международным сообществом признана самостоятельным субъектом международного права. Однако, с 1991 года вплоть до 2000-ых годов, на территории современного Казахстана продолжали действовать акты бывшего Советского Союза и союзной республики КазССР. Объяснением тому служит объективный фактор, связанный с переходом едва появившейся на постсоветском пространстве независимой республики на новый политический режим. Формирование собственной национальной системы действующего права потребовало значительное время и достаточных усилий. Соответственно, в переходный для современного Казахстана период, до принятия соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих важнейшие сферы деятельности казахстанского общества, на ее территории действовали нормы союзного законодательства.

Методы и материалы

В качестве методов познания объективной действительности применены логические, теоретические, эмпирические и социологические методы, в числе которых также статистические сведения, показатели судебной и конституционной практики, экспертные заключения, а также историко-правовой и сравнительно-правовой. В качестве материалов использовались действующее законодательство Республики Казахстан, в том числе постановления Конституционного Суда и разъяснения Верховного Суда, а в качестве сравнительного – ранее действующее на территории современного Казахстана законодательство.

Результаты и их обсуждение

Представляется важным начать изучение вопросов привлечения судей Казахстана к дисциплинарной ответственности именно с исследования законодательства Союза ССР и союзной республики КазССР, принятых в пореформенный, советский, постсоветский и переходный период. Так, надзор за судебными установлениями и должностных лиц судебного места регулировался разделом 8 Учреждения судебных установлений от 1864 года. По общему правилу надзор принадлежал высшему судебному органу в порядке подчиненности. В частности, 1) кассационным департаментам; 2) судебным палатам; 3) окружным судам. Высший судебный орган, обнаружив неправильные действия, беспорядки, злоупотребление нижестоящего судебного органа, принимал меры, направленные на восстановление нарушенного порядка, а при необходимости возбуждал дисциплинарное производство и привлекал виновных к ответственности. Учреждение судебных установлений предусматривал ближайший надзор и общий надзор. Ближайший надзор за быстрым и правильным движением дел в судах, за точным исполнением должностными лицами своих обязанностей осуществлял первоприсутствующий или председательствующий любого судебного органа. Общий надзор осуществлял министр юстиции, действующий на правах генерал-прокурора. Министр юстиции, обнаружив в судах неисправности, связанные с нарушением сроков рассмотрения дел, требовал представить объяснения причин и принятия мер. В тех случаях, когда такие нарушения явились следствием неисправности суда, тогда возбуждалось дисциплинарное производство. В полномочия министра юстиции также входило проведение ревизии в судах лично, через товарищей, а проведение ревизии в окружных и мировых судах могло быть поручено членам судебных палат. Прокурорам, состоящим при судах, обер-прокурорам могло быть поручено принятие мер по факту нарушений в судах правил внутреннего распорядка и делопроизводства. Устав предусматривал дисциплинарную и уголовную ответственность должностных лиц судов. В отношении них налагались дисциплинарные взыскания в виде предостережения, замечания, выговора без внесения в послужной список, вычета из жалования, ареста до 7 суток, понижение в должности. Предостережения и замечания выносились только Кассационными Департаментами Правительствующего Сената [1, с. 34-35].

В 1920-1933 гг. в сфере государственной службы и госуправления были приняты множество нормативных правовых актов, принятых ВЦИК и СНК РСФСР, регламентирующих дисциплинарную ответственность[1]. Их обзор указывает на три важных момента. Во-первых, огромный перечень нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере правоотношений свидетельствует о том, что их принятие обусловлено поднятием и укреплением дисциплины в советских учреждениях. Во-вторых, учреждения, органы и должностные лица, стоящие у власти советского государства, осуществляли активную борьбу с чиновнической бюрократией, безответственностью и канцелярской волокитой. В-третьих, мерами противодействия им, а также содействия эффективной реализации, отмеченной выше советской политики, способствовала организация устройства и функционирования деятельности специализированных судов, именуемых Дисциплинарные суды.

В частности, на II-ой сессии ВЦИК, прошедшей 07 июля 1923 г., постановлено учредить при ВЦИК Главный Дисциплинарный Суд и губернские дисциплинарные суды, состоящие при губернских исполкомах. Правовое регулирование организации и функционирования деятельности этих судов осуществлялось в соответствии с Положением о Дисциплинарных Судах, принятого

[1] *Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26.04.1920 г. «О дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов исполнительных комитетов и служащих в советских учреждениях»; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26.04.1920 г. «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний»; Декрет ВЦИК от 15.05.1920 г. «О дополнении к декрету "О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний"»; Декрет ВЦИК от 27.01.1921 г. «О дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях»; «Положение о дисциплинарных судах», утвержденное постановлением ВЦИК от 07.07.1923 г.; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14.06.1926 г. «Об утверждении Положения о Дисциплинарных Судах»; «Положение о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности», утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 04.07.1927 г.; Постановление ЦИК и СНК СССР от 13.10.1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик»; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.09.1931 г. «Об утверждении устава службы в исправительных трудовых учреждениях РСФСР»; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.03.1932 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности»; «Положение о дисциплинарной ответственности работников юстиции», утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10.08.1933 г. (дата обращения: 20.09.2024).*

07 июля 1923 г. Рассмотрение и разрешение дел в этих судах проходило в коллегиальном составе членов-судей. Состав Губернских (областных) дисциплинарных судов был смешанным, состоял из: 1 члена президиума областного или губернского исполкома, 1 члена – судьи местного губернского суда, 1 члена, назначаемого председателем губернского (областного) исполкома, который одновременно являлся председателем этого суда. В состав Главного Дисциплинарного Суда входили председатель и 2 члена, назначаемые по выбору Президиума ВЦИК[2] .

Внешне губернские дисциплинарные суды представляли нижестоящие инстанции, чьи акты в 7-дневный срок обжаловались в вышестоящую инстанцию – Главный Дисциплинарный Суд. Акты последнего окончательные, пересмотру не подлежат. Примечательно, что советское законодательство не оставило без внимания давностные сроки привлечения должностного лица к ответственности за совершение ими служебного проступка или упущения по службе. Дисциплинарное производство в Дисциплинарных судах не могло быть возбуждено, а возбужденное подлежало прекращению, если со дня совершения служебного проступка или упущения по службе, прошел 1 год. К компетенции Главного Дисциплинарного Суда, областных или губернских исполкомов отнесен надзор за деятельностью нижестоящих дисциплинарных судов, при которых те состояли. В свою очередь, деятельность вышестоящего Дисциплинарного Суда была поднадзорной Президиуму ВЦИК. Дисциплинарным Судам были подсудны категории дел, связанные со служебными упущениями и проступками должностных лиц, если их действия не влекли за собой установленную советским законодательством уголовную ответственность. Правила подсудности определены в статье 3 и 4 Положения о Дисциплинарных Судах. Критерием разграничения дел, подлежащих рассмотрению и разрешению Губернскими дисциплинарными судами и Главному дисциплинарному суду, служили категории должностей, то есть дела распределялись по правилам персональной подсудности. Так, Губернским Дисциплинарным судам подсудны дела, возбужденные в отношении: 1) членов губернских и уездных исполнительных комитетов; 2) должностных лиц, избираемых или утверждаемых губернским исполнительным комитетом; 3) директоров и членов правления трестов, а также отдельных предприятий, подведомственных губернским советам народного хозяйства. Главному Дисциплинарному Суду подсудны дела, возбужденные в отношении: 1) членов ВЦИК и ЦИК Автономных Республик; 2) Народных Комиссаров и их заместителей, членов коллегий Наркомата, членов СТО и Малого Совета Народных Комиссаров, председателей и членов президиумов губернских исполкомов и ответственных должностных лиц центральных учреждений и Наркоматов, не ниже заведующих отделами; 3) директоров и членов правления трестов и отдельных предприятий, подчиненных непосредственно центру[3].

Следует сказать несколько слов о пределах действия Положения о Дисциплинарных Судах. Общеизвестно, что 26 августа 1920 г. Декретом ВЦИК и СНК как часть РСФСР образовалась Автономия Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики[4]. Три года спустя, 28 декабря 1923 г. под председательством С. Мендешева проходит Большой Президиум Киргизского (Казахского) ЦИК. На повестку дня вынесены четыре вопроса, один из них посвящен организации при КЦИК Главного Дисциплинарного Суда. По итогам обсуждения третьего вопроса, с учетом мнения А.А. Сольц, члена Центральной Контрольной Комиссии Компартии, ответственного за контроль партийной дисциплины, учрежден Главный Дисциплинарный Суд при КЦИК. Состав суда состоял из следующих товарищей: Озоль – председатель, Алибеков, Шарипов и Данилов – члены. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 02.02.1925 г. утверждено Положение об Отделении Главного Дисциплинарного Суда при КЦИК.

М. Брагинский сообщает, что данное постановление устанавливает общее начало, согласно которому как названное отделение, так и губернские дисциплинарные суды в пределах Киргизской АССР действуют на основании Положения о Дисциплинарных Судах от 07 июля 1923 г. Однако в отношении Киргизской АССР оно применяется

[2] *Положение о дисциплинарных судах, утвержденное постановлением ВЦИК от 7 июля 1923 года. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4720#aXmQ4VUUpx5eHVs6 (дата обращения: 20.09.2024).*

[3] *Там же.*

[4] *Декрет ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 года «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» // URL: http://istmat.info/node/42477 (дата обращения: 20.09.2024)*

с изъятиями, обусловленными необходимостью охраны прав автономной республики и ее органов [2, с. 167].

В соответствии со статьями 35 и 74 Закона КазССР о судоустройстве КазССР, судьи КазССР, в том числе судьи по административному и исполнительному производству несли дисциплинарную ответственность по основаниям и в порядке, предусмотренных законодательством Союза ССР и КазССР[5]. Основным актом, регламентирующим дисциплинарную ответственность советских судей, являлся Закон СССР о статусе судей в СССР. В соответствии со ст. 18 данного закона, основаниями дисциплинарной ответственности советских судей признаются: 1) нарушение законности при рассмотрении судебных дел; 2) совершение другого служебного проступка; 3) совершение порочащего поступка; 4) преднамеренное нарушение закона, повлекшее за собой отмену или изменение судебного акта; 5) недобросовестность, повлекшая существенные последствия[6]. Нормативным правовым актом, регламентирующим дисциплинарную ответственность судей КазССР, является Положение о дисциплинарной ответственности, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов КазССР, принятое на основании вышеназванного Закона СССР. Соответственно, основания привлечения к дисциплинарной ответственности судей, предусмотренные этим Положением аналогичны тем, что предусмотрены Законом СССР о статусе судей в СССР от 1989 г.

Действия либо бездействия судей, подпадающие под основания привлечения их к дисциплинарной ответственности, именовались просто проступками. Органами, рассматривающими и разрешающими дела о дисциплинарных проступках судей, являлись Квалификационные коллегии судей, состоящие при Верховном суде КазССР, облсудах и Алма-Атинском горсуде, а также Верховный Совет КазССР.

Дисциплинарное производство возбуждалось на основании постановления председателя Верховного Совета КазССР и председателей судов, а также приказа начальников управлений юстиции исполкомов областных, Алма-Атинского горсовета народных депутатов. Это говорит о том, что в вопросах привлечения судей КазССР к дисциплинарной ответственности непосредственное участие принимали представители законодательной, судебной и исполнительной ветвей государственной власти. Возбуждение дисциплинарного производства оформлялось постановлениями и приказами с указанием основания возбуждения. До его возбуждения осуществлялась предварительная проверка. Дела о дисциплинарных проступках со всеми материалами передавались соответствующим ККС, с которыми судьи, подлежащие к дисциплинарной ответственности, должны заранее ознакомиться, дать соответствующие объяснения по ним, заявить ходатайства о проведении дополнительных проверок.

Указ Президента РК «О судах и статусе судей в Республике Казахстан» от 1995 г. предусматривал 5 оснований дисциплинарной ответственности судей: 1) нарушение законности при рассмотрении судебных дел; 2) грубое нарушение закона при рассмотрении судебных дел, послужившее отмене или изменению судебного акта; 3) порочащий проступок; 4) грубое несоблюдение установленных законом процессуальных сроков рассмотрения дел; 5) нарушение трудовой дисциплины. Кроме того, основанием дисциплинарной ответственности председателей судов, судебных коллегий, старших судей являлось ненадлежащее исполнение ими своих должностных обязанностей[7]. Как и прежде, дисциплинарное производство в отношении судей возбуждалось министром юстиции, начальником управления юстиции, председателями судов.

Конституционный закон РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» предусматривает дисциплинарную ответственность судьи за совершение им дисциплинарного проступка, каковым признается: « … виновное действие (бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения настоящего Конституционного закона и (или) Кодекса судейской этики, что

---

[5] Закон КазССР от 23 ноября 1990 года «О судоустройстве Казахской ССР». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001400_ (дата обращения: 20.09.2024).

[6] Закон СССР от 4 августа 1989 г. N 328-1 "О статусе судей в СССР". URL: http://base.garant.ru/6596894/a573badcfa856325a7f6c5597efaaedf/ (дата обращения: 20.09.2024).

[7] Указ Президента Казахстана, имеющий силу Конституционного закона от 20 декабря 1995 года N 2694 «О судах и статусе судей в Республике Казахстан». URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002694_ (дата обращения: 20.09.2024).

повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи»[8]. Таким образом, одного лишь факта нарушения судьей положений указанных правовых актов недостаточны для привлечения его к дисциплинарной ответственности, поскольку они обязательны должны повлечь за собой, указанные в законе последствия.

Остается неизвестным, какими же именно действиями или бездействиями судья умалил авторитет судебной власти и нанес ущерб репутации судьи, что, собственно, является авторитетом судебной власти или репутацией судьи? В Кодексе судейской этике дается лишь определение понятию авторитету судьи, под которым понимается сформированная в обществе уверенность в добросовестности, честности, справедливости, беспристрастности, независимости судьи. Глядя на крайнее недовольство казахстанского населения судебными актами и поведением судей, вряд ли можно согласиться с тем, что в казахстанском обществе сегодня окончательно сформировано доверие к судебной ветви власти? На верный взгляд С.А. Старостина, под таковыми нужно понимать возникновение у участников процесса и иных лиц в результате действия или бездействия судьи недоверия к нему, суду и судебной системе в целом, формирование у них представления о порочности, несправедливости судебной власти и ее носителей [3, с.237].

Полагаю, что грубое нарушение законности при рассмотрении судебных дел и материалов, порочащий проступок, противоречащий судейской этике, а также ненадлежащее исполнение должностных обязанностей представляются разновидностями дисциплинарных проступков, но никак основанием дисциплинарной ответственности, каковым считается сам дисциплинарный проступок судьи.

Рассмотрим, что является грубым нарушением законности, порочащим поступком и ненадлежащим исполнением должностных обязанностей по законодательству РК. Так, п. 1) ч. 1 ст. 39 КЗ «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» гласит: «Под грубым нарушением законности понимается очевидное и существенное нарушение закона, которое было допущено судьей вследствие его недобросовестности или небрежности. Факт грубого нарушения законности устанавливается вышестоящей судебной инстанцией, отменившей или изменившей судебный акт по этому основанию, и указывается в представлении по вопросу привлечения судьи к дисциплинарной ответственности за грубое нарушение законности, подписанном коллегиальным составом судей, рассмотревшим дело»[9]. В соответствии с п. 21 Положения о Судебном жюри, кроме решения пленарных заседаний облсудов и Верховного Суда и решения комиссий по судейской этике основаниями для рассмотрения Судебным жюри материалов в отношении судьи является представление Председателя Верховного Суда РК, то есть Председатель ВС вправе внести представление в Судебное жюри в отношении любого судьи[10]. В свою очередь, ВС разъясняет, что «этот перечень оснований является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит»[11].

Обратим внимание на ст. 427 ГПК РК, содержащей основания к отмене либо изменению решения суда в апелляционном порядке, части 5 и 6 ст. 438 ГПК РК, содержащих основания для пересмотра судебных актов в порядке кассации или кассационных постановлений в порядке пересмотра по представлению председателя ВС или протесту Генпрокурора[12], среди которых отсутствует факт грубого нарушения судьей законности, за исключением существенного нарушения закона. Возникает вопрос, является ли законным привлечения судей к дисциплинарной ответственности за грубое нарушение им законности? Судя по комментируемым нормам процессуального закона, нет. В таких случаях существуют опасения того, что

---

[8] *Конституционный закон Казахстана от 25 декабря 2000 года N 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_ (дата обращения: 20.09.2024).*

[9] *Там же.*

[10] *Указ Президента Казахстана от 26 июня 2001 года N 643 «Об утверждении положений, предусмотренных Конституционным законом Республики Казахстан "О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан". URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000643_ (дата обращения: 20.09.2024).*

[11] *Нормативное постановление Верховного суда Казахстана от 14 мая 1998 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о судебной власти в Республике Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P98000001S_ (дата обращения: 20.09.2024).*

[12] *Гражданский процессуальный кодекс Казахстана от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 (дата обращения: 20.09.2024).*

«неугодные» для вышестоящих судов судьи будут отстранены от должности судьи, а «угодные» судьи, действительно допустившие грубое нарушение законности, будут уведены от дисциплинарной ответственности, поскольку факт об этом устанавливается только вышестоящим судом. На верный взгляд Д.А. Братусь, «привлечение судьи к ответственности не должно становиться завуалированным посягательством на его независимость (если судья, например, стал «неугоден» председателю суда» [4]. Еще ранее, Г.Ж. Сулейменова писала, что КЗ РК «О судебной системе и статусе судей РК» не разграничивает основания привлечения судей к дисциплинарной ответственности и не содержит в себе перечень лиц, правомочных инициировать вопрос о начале возбуждения дисциплинарного производства и исчерпывающий круг оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности [5]. Поэтому желательно, чтобы стороны при пересмотре дела в том или ином порядке, обращали особое внимание вышестоящих судов на грубое нарушение судьями законности и ходатайствовать о привлечении их к дисциплинарной ответственности.

Следующим дисциплинарным проступком, за совершение которого судья привлекается к дисциплинарной ответственности, является порочащий проступок, противоречащий судейской этике. Привлекая судей к дисциплинарной ответственности за совершение порочащего проступка, законодательство РК и Кодекс судейской этики не описывают действие или бездействие, которые можно квалифицировать в качестве таковых. Судейское сообщество, устанавливая в ст. 5 Кодекса о судейской этике обязанность судей по соблюдению этических норм в обществе, призывают их к тому, чтобы они поддерживали авторитет судебной власти, общественное доверие, убежденность в честности, объективности и независимости суда, избегали взаимоотношений, влияющих на независимость, воздерживались от любого негативного поведения в обществе и всего того, что может умалить его достоинство и авторитет судебной власти в целом в глазах общественности, проявлять вежливость, открытость, не допускать фактов грубости, унижения достоинства, бестактности и некорректного поведения, не давать своим поведением повода для критики, обеспечивая прозрачность своих действий, но при этом конкретно не оговаривает эти этические нормы[13]. Кроме того, ч. 4 ст. 10 Кодекса судейской этики предусматривает ответственность судьи за нарушение его норм в виде наложении на него общественного порицания, которое не относится к дисциплинарной ответственности ввиду отсутствия в нем квалифицирующих признаков, а считается мерой реагирования органами судейского сообщества на нарушение судьей этических норм[14]. Между тем, законодательство и Кодекс судейской этики не определяет квалифицирующие признаки дисциплинарной ответственности, что считается пробелом.

Последний дисциплинарный проступок – это ненадлежащее исполнение должностных обязанностей председателями судов и судебных коллегий судов, факт выявления и установления которого не вызывает сложностей, так как обязанности председателей райсудов, облсудов, ВС и Судебных коллегий четко определены в статьях 9, 14, 15, 20 и 21 КЗ «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»[15].

Вызывает ряд возмущений практика и статистика дисциплинарных дел и материалов, возбужденных в отношении судей. К сожалению, в официальных источниках отсутствуют полные сведения о дисциплинарных делах и материалах, возбужденных в отношении судей, за всю деятельность Судебного жюри, кроме 1 полугодий последних 3 лет. Так, данные показывают, что количество дисциплинарных дел и материалов, возбужденных в отношении судей, за 1 полугодия 2019-2021 годов в целом остается на прежнем уровне. В частности, в разрезе судов факт привлечения судей райсудов к дисциплинарной ответственности находится на высоком уровне, а в разрезе возраста и стажа увеличивается количество судей в возрасте от 40 до 50 лет со стажем от 10 до 20 лет, привлекаемых к дисциплинарной ответственности[16]. Казалось бы, такие критерии, как старший возраст судей с большим

[13] *Кодекс судейской этики, принятый очередным IX Съездом судей Казахстана 4 октября 2024 года. URL: https://krso.kz/ru/akt/kodeks-sudejskoj-etiki (дата обращения: 20.10.2024).*

[14] *Там же. URL: https://krso.kz/ru/akt/kodeks-sudejskoj-etiki*

[15] *Конституционный закон Казахстана от 25.12.2000 г. N 132. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000132_ (дата обращения: 20.09.2024).*

[16] *Обобщение практики Судебного жюри при Высшем Судебном Совете за первое полугодие 2021 года. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/press/article/details/62942?lang=ru (дата обращения: 20.09.2024).*

стажем, являются обнадеживающими качествами судей, которые в силу своего возраста и опыта могут выносить законные и обоснованные судебные акты. Поэтому при такой удручающей статистике встает резонный вопрос: «как такие судьи могут допустить в своей деятельности грубое нарушение законности, порочащий проступок, ненадлежащее выполнение своих обязанностей?». Должно быть у таких судей давно сформировалось правильное понимание о праве и законе, правильное истолкование и правильное применение их норм на практике.

Привлечение судей в возрасте от 40 до 50 лет с судейским стажем от 10 до 20 лет, как раз-таки, наталкивает на мысль о том, что принципиальность правовой позиции таких судей является «неугодным» для вышестоящих судов и в целом для судейского сообщества, а ознакомиться с их особым мнением закон нам не позволяет. Тем временем, молодые судьи с малым стажем в силу недостаточности знаний и опыта или боязни привлечения к ответственности могут при рассмотрении дел и вынесении по ним решений сослаться на правовые позиции вышестоящих судов, служащих для них указанием в разрешении однородных категорий дел. К тому же, как правильно выразился с сожалением один из российских адвокатов, «… проработав в современном российском следствии, надзоре или самом суде на технической должности секретаря либо помощника, любой молодой специалист, волей-неволей получает перекос профессиональной деформации в сторону обвинения» [6].

Согласно Национальном Докладу № 5 о состоянии Судейских кадров в РК от 2023 г., анализ дисциплинарных дел показывает увеличение более чем в 5 раз количества взысканий в виде освобождений от должности судьи, налагаемых чаще всего за совершение порочащего проступка, противоречащего судейской этике, грубого нарушения законности при отправлении правосудия, снижение на четверть количества замечаний и выговоров[17]. Согласно Национальному Докладу № 6 о состоянии Судейских кадров в РК от 2024 г., к порочащим проступкам, противоречащим судейской этике, за совершение которых в 2023 г. привлечены к дисциплинарной ответственности 15 судей, причисляются семейно-бытовые конфликты, не процессуальные контакты с заинтересованными лицами, посещение игорных заведений, нецелевое использование служебного жилья, некорректное поведение при службе или в быту, совершение административных транспортных правонарушений, дача незаконных поручений[18].

По мнению Н.К. Жукоковой, с которым нужно согласиться, недостатком нашего законодательства в вопросах привлечения судей к дисциплинарной ответственности является то, что его нормы предоставляет органам судейского сообщества широкие полномочия, казахстанские судьи лишены возможности обжаловать в суд решения о наложении в отношении них дисциплинарного взыскания и у нас отсутствует Дисциплинарный Суд [7, с.50-52].

По справедливому замечанию Г.Ж. Сулейменовой, независимо от того, есть или нет вины судьи, отмена вынесенного им судебного акта считается низким показателем его профессиональной деятельности, а лишение судьи признанного Судебным жюри профессионально негодным права обжаловать их решения противоречит международным стандартам в области правосудия. Поэтому основания и порядок привлечения судей к дисциплинарной ответственности должны быть регламентированы только законом, а не подзаконными правовыми актами, исключая из закона такие формулировки, которые позволяют их произвольно толковать и по своему субъективному усмотрению решать вопрос о возбуждении дисциплинарного производства [8].

Исследуя причины низкого уровня доверия казахстанского населения к судебной системе, С.С. Каржаубаев с серьезной критикой отнесся к деятельности Комиссии по качеству отправления правосудия и Судебного жюри, признающих судей профессионально непригодными и применяющих к ним дисциплинарные взыскания, которые по его справедливому замечанию есть административные рычаги давления на судей, прямо или косвенно влияющих на отправление правосудия, способы вытеснения «неугодных» судей. Автор считает, что усовершенствование механизма подбора и расстановки судейских кадров и исключение дисципли-

[17] *Национальный доклад № 5 о состоянии судейских кадров в Республике Казахстан от 2023 г. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/documents/details/413888?lang=ru&fbclid=IwAR38dpNC3R84Pk2cxqGJdGle_2VQynq32V4I_uY4T3ycxEafzC8dmKpzx-I (дата обращения: 25.09.2024).*

[18] *Национальный Доклад № 6 «О состоянии судейских кадров в Республике Казахстан» от 2014 г. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/vss/documents/details/600182?lang=ru (дата обращения: 25.09.2024).*

нарной ответственности судей по основаниям изменения или отмены, вынесенных ими судебных актов, вышестоящими судами, способствуют повышению уровня доверия населения к судебной системе [9, с.223-225].

За последние 15 лет практически ничего не изменилось. По сей день, судьям не предоставлены способы и средства защиты его профессиональной деятельности, то есть право на обжалование в суд решений Комиссии по качеству правосудия, Судебного жюри, Высшего Судебного Совета о наложении дисциплинарного взыскания, в том числе освобождение от должности судьи, председателя суда или судебной коллегии. Законодательство не предусматривает порядок обжалования или оспаривания решений, действий, бездействий органа, уполномоченного на применение дисциплинарных взысканий в отношении них, в какой-либо процессуальной форме.

Поэтому административный иск Дуйсембиева К.К., освобожденного от занимаемой должности судьи, был возвращен ему Специализированным межрайонным административным судом г. Астаны. Истец, посчитав, что ограничительные нормы обжалования решений Комиссии или Судебного жюри только в ВСС, предусмотренные п. п. 2) ч. 4 ст. 3 Административного процедурно-процессуального кодекса РК, исключают возможность реализовать предусмотренное Конституцией фундаментальное право каждого на судебную защиту лиц, обратился в Конституционный Суд. Однако, КС посчитал, что ввиду особого порядка освобождения от должности судей установленная конституционными и иными законами процедура обжалования решений Комиссии по качеству правосудия или Судебного жюри в ВСС не ущемляет его право на судебную защиту, закрепленное в ст. 13 Конституции[19].

Анализ и обобщение деятельности КС выходит за рамки исследуемой темы, тем не менее, нужно сказать, что ими выработана конституционно-судебная практика отказа в принятии обращений граждан и возбуждении по ним конституционного производства, а в случаях принятия и возбуждения признание оспариваемой нормы «конституционной», но при этом в целях устранения пробелов и противоречий в законодательстве рекомендуется или предлагается органам, например, ВС, ВСС, Правительству рассмотреть вопрос о его совершенствовании с учетом правовых позиций КС, в течение 6 месяцев разработать и внести в Парламент законопроект, предусматривающий внесение изменений или дополнений в действующее законодательство по тем или иным вопросам, ставшим предметом обращения в КС[20]. Вместо проверки оспариваемой нормы на предмет соответствия Конституции и признания ее «неконституционной», КС предпочел «удобную» для себя и «бесполезную» для нас позицию консультативно-совещательного органа, дающего госорганам «рекомендации» и «предложения», оправдываемую им тем, что в соответствии с законодательством КС не вмешивается в деятельность госорганов и должностных лиц. Казалось бы, КС обязан в целях обеспечения верховенства Конституции и верховенства конституционных прав человека и гражданина обязан осуществить проверку оспариваемой нормы закона или иного нормативного правового акта на предмет их соответствия Конституции и по итогу выносить соответствующие решения, а не рекомендации и предложения. Между тем, такая конституционно-судебная практика напоминает своего рода «предбанник», установленный вышестоящими судами при пересмотре ими тех или иных дел в порядке кассации, когда всего лишь 1 судья из коллегиального состава суда самостоятельно решает вопрос о наличии или отсутствии оснований для их пересмотра.

Заключение

Анализ прежнего законодательства, действовавшего на территории современного Казахстана, не показал существенных изменений, кроме отстранения представителей органов исполнительной власти от решения вопросов привлечения судей к дисциплинарной ответственности и вовлечения в него органов судейского сообщества. Нормы действующего законодательства о привлечении судей к дисциплинарной ответственности, правовые позиции Конституционного Суда, а также анализ и обобщение дисциплинар-

[19] Нормативное постановление Конституционного Суда Казахстана от 21.04.2023 г. № 10 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан пункта 4 статьи 44, пункта 3 статьи 44-1 Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года "О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан" и пункта 1 статьи 24 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года "О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан". URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000010 (дата обращения: 30.09.2024).

[20] См.: Конституционную практику Конституционного суда Казахстана за период 2023-2024 годы.

ной практики Судебного жюри показали отсутствие четких оснований и регламентированного порядка привлечения судей к ответственности за совершение грубого нарушения законности и порочащего проступка. Недостатком законодательства в рассматриваемых вопросах продолжает оставаться безнаказанность судей за судейские ошибки, имеющие схожие последствия при грубых нарушениях законности, разграничиваемые между собой лишь преднамеренностью или непреднамеренностью, т. е. формой вины.

Отсутствие установленного законодательством порядка рассмотрения и разрешения судами решений Комиссий, Судебного жюри и ВСС в той или иной процессуальной форме ущемляет конституционное право каждого на судебную защиту и свободу обжалования актов, нарушает принцип независимости судьи при рассмотрении дел и вынесении по ним решений, покушает на судейский иммунитет.

Наряду с ними, вызывает недоумение то, что, Конституционный Суд, во-первых, право на обжалование или оспаривание до суда во внесудебном административном порядке решений, действий или бездействий органа, уполномоченного на применение в отношении судей дисциплинарных взысканий, принимает за конституционное право каждого на судебную защиту, которое предполагает право каждого на обращение в суд с соответствующими исками, заявлениями. Во-вторых, обжалование или оспаривание до суда во внесудебном административном порядке решений, действий или бездействий органа, уполномоченного на применение дисциплинарных взысканий в отношении судей, приравнял к судебному порядку разбирательства дел, осуществляемого в той или иной форме гражданского, уголовного или административного судопроизводства. В-третьих, в нарушение ч. 2 ст. 76 Конституции, определяющей предназначение судебной власти и ее преимущественное положение, в соответствии с которой, она распространяется на все дела и споры, возникающие на основе Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров[21], решения Комиссии, Судебного жюри, ВСС, не образующих судебную систему и не наделенных конституционными полномочиями по осуществлению правосудия и судебного контроля, поставил выше актов судебной власти, придавая им силу судебного акта, равного закону.

Выводы

Отказ судами в принятии иска или заявления от лиц, досрочно прекративших полномочия судей, либо привлеченных к дисциплинарной ответственности, ввиду отсутствия, установленного для них законодательством порядка рассмотрения и разрешения, следует считать недействительным, поскольку речь идет об абсолютном, неотчуждаемом никем и гарантируемом государством Казахстана конституционном праве каждого на судебную защиту. Судьи, как и все другие граждане вправе обратиться в суд за защитой и восстановлением своих прав. Подобного рода обращения в суды, по сути, образуют споры, вытекающие из сферы публичных правоотношений. В целях дальнейшего развития права, совершенствования судебной практики, расширения сферы административной юстиции, следует в Административном процедурно-процессуальном кодексе РК предусмотреть производство по делам об оспаривании законности решений, действий или бездействий органов, уполномоченных на применение в отношении судей дисциплинарных взысканий. В этом плане, показательным является судебная практика по рассмотрению Дисциплинарной Коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности, опыт которого стоило бы нам изучить и позаимствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Судебные уставы 20 ноября 1864 года. - [Б. м.: Б. и., 1864]. – 455 с.*
2. *Брагинский М. Обзор советского законодательства за время с 8 по 14 февраля 1925 года // Еженедельник Советской Юстиции. - 1925. - № 7(21 февраля). – С. 166-167.*
3. *Старостин С.А. Дисциплинарная ответственность судей // Lex Russica. – 2016. - № 5 (114). – С. 235-238.*
4. *Братусь Д.А. Судейская этика: понятие и санкции за нарушение. URL: https://online.*

[21] *Конституция Казахстана от 30 августа 1995 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.09.2024).*

zakon.kz/Document/?doc_id=39171047 (дата обращения: 20.08.2024).

5. Сулейменова Г.Ж. Судебное жюри: идеи и реальность. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34565046 (дата обращения: 20.08.2024).

6. Багатурия Вадим. О возрастном цензе для судей. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-vozrastnom-tsenze-dlya-sudey/ (дата обращения: 20.08.2024).

7. Жукокова Н.К. Дисциплинарная ответственность судей: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан // Пролог: журнал о праве. – 2014. - № 2 (6). – С. 49-53.

8. Сулейменова Г.Ж. Судебное жюри: идеи и реальность // Информационная система «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34565046 (дата обращения: 17.09.2024).

9. Каржаубаев С.С. К вопросу о повышения доверия общества к судебной системе // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. – 2022. - № 2 (77). – С. 220-226.

REFERENCES

1. Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 goda. - [B. m. : B. i., 1864]. - 455 s.

2. Braginskij M. Obzor sovetskogo zakonodatel'stva za vremja s 8 po 14 fevralja 1925 goda // Ezhenedel'nik Sovetskoj Justicii, 1925. № 7 (21 fevralja). – S. 166-167.

3. StarostinS.A.Disciplinarnajaotvetstvennost'sudej//LexRussica,2016.№5(114).–S.235-238.

4. Bratus' D.A. Sudejskaja jetika: ponjatie i sankcii za narushenie. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39171047 (data obrashhenija: 20.08.2024).

5. Sulejmenova G.Zh. Sudebnoe zhjuri: idei i real'nost'. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34565046 (data obrashhenija: 20.08.2024).

6. Bagaturija Vadim. O vozrastnom cenze dlja sudej. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-vozrastnom-tsenze-dlya-sudey/ (data obrashhenija: 20.08.2024).

7. Zhukokova N.K. Disciplinarnaja otvetstvennost' sudej: sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan // Prolog: zhurnal o prave, 2014. – S. 49-53.

8. Sulejmenova G.Zh. Sudebnoe zhjuri: idei i real'nost' // Informacionnaja sistema «Jurist». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34565046 (data obrashhenija: 17.09.2024).

9. Karzhaubaev S.S. K voprosu o povyshenija doverija obshhestva k sudebnoj sisteme // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK. – 2022. - № 2 (77). – S. 220-226.

УДК 342.565
ГРНТИ 10.15.33

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Сактаганова Индира Советовна[1]
Кандидат юридических наук, профессор кафедры Конституционного и гражданского права Евразийского Национального университета им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: Aridnis@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7218-197X; Researcher ID WOS: JNA-1605-2023; Scopus Author ID: 57202532606

Мицкая Елена Владимировна
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова; г. Шымкент, Республика Казахстан; e-mail: elenamits@mail.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5210-0028; Scopus Author ID: 57225969155

Сактаганова Акмарал Бакытовна
Доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Евразийского гуманитарного института им. А.К. Кусаинова; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-0457-7794; Scopus Author ID: 58650812400

Аннотация. *В силу того, что судебная деятельность как разновидность государственной так или иначе будет и дальше подвержена цифровой трансформации, необходимо задуматься над тем, каким должно быть расширение применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия. В настоящее время в Казахстане отсутствует какое бы то ни было системное регулирование применения искусственного интеллекта не только в правосудии, но и в других сферах жизнедеятельности. В то время как искусственный интеллект при всех его положительных возможностях систематизации данных, обобщения, неограниченных возможностях хранения и оперативного поиска нельзя отнести полностью к безопасной программе. Искусственный интеллект несёт определённые угрозы негативного влияния на безопасность человека и его основные права. Технические возможности искусственного интеллекта не должны снижать качество судебных решений. Следовательно, в настоящее время есть острая необходимость исследования тенденций развития судебной системы на предмет правового регулирования применения искусственного интеллекта в правосудии, выявления возможных проблем его внедрения, потенциальных угроз и рисков с точки зрения достижения единообразия правоприменительной судебной практики. На основе научных теоретико-правовых подходов к развитию цифровой трансформации судебной системы, выявлении рисков, проблем использования искусственного интеллекта в правосудии, в данной статье предложены первоочередные меры по формированию нормативно-правовой регламентации применения искусственного интеллекта во благо защиты прав и свобод граждан, юридических лиц судом: ограничение сферы применения искусственного интеллекта в правосудии для вынесения им судебного решения; введение обязательной сертификации искусственного интеллекта с целью обеспечения безопасности персональных данных участников судебного процесса, прозрачности его действия, исправления в случае сбоя, а также ответственности разработчика искусственного интеллекта за программирование интеллекта на определенный вредоносный результат, запрета на перекладывание ответственности за вынесение судебных решений на искусственный интеллект.*

Ключевые слова: *правосудие; искусственный интеллект; цифровизация; угрозы и риски применения искусственного интеллекта в правосудии; правовое регулирование.*

[1] *Автор для корреспонденции*

СОТ ТӨРЕЛІГІН ЖҮЗЕГЕ АСЫРУДА ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТТІ ҚОЛДАНУ: ПЕРСПЕКТИВАЛАР МЕН ҚИЫНДЫҚТАР

Индира Советовна Сактаганова
Заң ғылымдарының кандидаты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Aridnis@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7218-197X; Researcher ID WOS: JNA-1605-2023; Scopus Author ID: 57202532606

Елена Владимировна Мицкая
Заң ғылымдарының докторы, М.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің қылмыстық құқық және қылмыстық процесс кафедрасының профессоры; Шымкент қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: elenamits@mail.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5210-0028; Scopus Author ID: 57225969155

Акмарал Бакытовна Сактаганова
Философия докторы (PhD). А.К. Құсайынов атындағы Еуразия гуманитарлық институтының заң пәндері кафедрасының аға оқытушысы; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-0457-7794; Scopus Author ID: 58650812400

Аннотация. *Мемлекеттік қызметтің бір түрі ретінде сот қызметі цифрлық трансформацияға ұшырайтындығына байланысты, сот төрелігін жүзеге асыру кезінде жасанды интеллектті қолданудың кеңеюі қандай болуы керек екендігі туралы ойлану керек. Қазіргі уақытта Қазақстанда жасанды интеллектті сот төрелігінде ғана емес, өмірдің басқа да салаларында қолдануды жүйелі реттеу жоқ. Ал жасанды интеллект деректерді жүйелеудің, жалпылаудың, сақтаудың және жедел іздеудің барлық оң мүмкіндіктерімен толығымен қауіпсіз бағдарламаға жатқызуға болмайды. Жасанды интеллект адамның қауіпсіздігіне және оның негізгі құқықтарына теріс әсер ету қаупін тудырады. Жасанды интеллекттің техникалық мүмкіндіктері сот шешімдерінің сапасын төмендетпеуі керек. Демек, қазіргі уақытта сот жүйесінің даму тенденцияларын сот төрелігінде жасанды интеллектті қолдануды құқықтық реттеу, оны енгізудің ықтимал проблемаларын, ықтимал қауіптер мен тәуекелдерді құқық қолдану практикасының біркелкілігіне қол жеткізу тұрғысынан анықтау тұрғысынан зерттеудің шұғыл қажеттілігі бар. Сот жүйесінің цифрлық трансформациясын дамытуға, сот төрелігінде жасанды интеллектті пайдаланудың тәуекелдерін, проблемаларын анықтауға ғылыми теориялық-құқықтық тәсілдер негізінде осы мақалада азаматтардың, заңды тұлғалардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау үшін жасанды интеллектті қолданудың нормативтік-құқықтық регламентін қалыптастыру бойынша бірінші кезектегі шаралар ұсынылған: сот төрелігінде жасанды интеллектті қолдану аясын шектеу. оларға сот шешімі; сот процесіне қатысушылардың дербес деректерінің қауіпсіздігін, оның іс-әрекетінің ашықтығын, істен шыққан жағдайда түзетуді, сондай-ақ жасанды интеллектті әзірлеушінің интеллектті белгілі бір зиянды нәтижеге бағдарламалағаны үшін жауапкершілігін, сот шешімдерін шығарғаны үшін жауапкершілікті жасанды интеллектке ауыстыруға тыйым салуды қамтамасыз ету мақсатында жасанды интеллектті міндетті сертификаттауды енгізу.*

Түйінді сөздер: *сот төрелігі; жасанды интеллект; цифрландыру; жасанды интеллектті сот төрелігінде қолданудың қауіптері мен тәуекелдері; құқықтық реттеу.*

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: PROSPECTS AND CHALLENGES

Saktaganova Indira Sovetovna
Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilev Eurasian National University; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: Aridnis@mail.ru, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7218-197X; Researcher ID WOS: JNA-1605-2023; Scopus Author ID: 57202532606

Mitskaya Elena Vladimirovna
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at M. Auezov South Kazakhstan University; Shymkent c., Republic of Kazakhstan; e-mail: elenamits@mail.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5210-0028; Scopus Author ID: 57225969155

Saktaganova Akmaral Bakytovna
PhD, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines at A.K. Kusainov Eurasian Humanitarian Institute; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: Aridnissakta.11@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-0457-7794; Scopus Author ID: 58650812400

Abstract. *Due to the fact that judicial activity as a type of state activity will continue to be subject to digital transformation in one way or another, it is necessary to reflect on what should be the expansion of the use of artificial intelligence in the administration of justice. Currently, Kazakhstan lacks any systematic regulation of the application of artificial intelligence not only in justice, but also in other spheres of life. While artificial intelligence with all its positive possibilities of data systematisation, generalisation, unlimited possibilities of storage and operational search cannot be attributed completely to a safe programme. Artificial intelligence carries certain threats of negative impact on human security and fundamental rights. The technical capabilities of artificial intelligence should not reduce the quality of judicial decisions. Consequently, at present there is an urgent need to study the trends in the development of the judicial system in terms of legal regulation of the use of artificial intelligence in justice, identifying possible problems of its implementation, potential threats and risks in terms of achieving uniformity of law enforcement judicial practice. On the basis of scientific theoretical and legal approaches to the development of digital transformation of the judicial system, identification of risks and problems of the use of artificial intelligence in justice, this article proposes priority measures for the formation of normative and legal regulation of the use of artificial intelligence for the protection of the rights and freedoms of citizens and legal entities by the court: limitation of the scope of application of artificial intelligence in justice for its adjudication; introduction of mandatory certification of artificial intelligence in order to ensure the security of personal data of participants in the judicial process, transparency of its action, correction in case of failure, as well as the responsibility of the developer of artificial intelligence for programming the intelligence for a certain malicious result, prohibition of shifting the responsibility for adjudication to artificial intelligence.*

Keywords: *justice; artificial intelligence; digitalisation; threats and risks of application of artificial intelligence in justice; legal regulation.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_68

Введение

Цифровизация общественных отношений – это наша реальность. Такие цифровые технологии как «Интернет; нейротехнологии; технологии цифрового сервиса; BigData; сервисы облачного вычисления; роботехнические комплексы; искусственный интеллект [1, p. 16; 2, с. 36]»; «социальные сети, IT-платформы услуг и сервисов; сервисы автоматической идентификации» [3, с. 26] и другие широко внедряются в различные сферы деятельности человека. Эволюция цифровых технологий и цифровая трансформация не могут быть вне правового поля. В то

же время цифровая трансформация не могла не затронуть и право. Правовое регулирование осуществляется с широким применением цифровых технологий. Так, например, МВД предоставляет 95% государственных услуг в электронном формате (выдача водительских удостоверений, регистрация транспорта, выдача номера автотранспорта, оформление виз иностранцам), нарушения правил дорожного движения выявляются в автоматическом режиме, протоколы административных правонарушений оформляются в электронном виде, с помощью программы «Қорғау» камерами видеонаблюдения выявляются автомобили с подложными номерами, без страховки, находящиеся в розыске, а также водители, лишенные прав, систематически нарушающих ПДД и не оплачивающих штрафы, внедрен электронный формат ведения уголовного дела и др. Деятельность нотариусов осуществляется в рамках Единой нотариальной информационной системы, интегрированной с банками и другими государственными информационными системами и базами данных, благодаря информационным технологиям стало возможным обращение граждан к нотариусу в электронном формате с использованием ЭЦП, а выдаваемый нотариусом документ имеет QR-код, нотариально оформляемые права на недвижимость автоматически регистрируются в государственном уполномоченном органе и т.д. Суды Казахстана также не остались в стороне от цифровизации: с 2014 года действует система автоматического распределения дел между судьями, внедрён онлайн-сервис по электронной подаче заявления (жалобы, ходатайства и др.), оплаты государственной пошлины и отслеживания хода рассмотрения дела – «Судебный кабинет», судебные заседания проводятся в онлайн формате, при этом судебный процесс в любом формате имеет аудио и видеофиксацию, интегрированы автоматизированная база данных Единый реестр досудебных расследований и информационно-аналитическая система судебных органов «Төрелік». Верховный Суд РК отмечает 92,5% фиксации судебных дел по стране электронным протоколом.[2] Благодаря IT-технологиям стало возможным определение экстерриториальной подсудности по гражданским делам автоматическим способом - выбор суда осуществляется информационно-аналитической системой «Төрелік». Использование информационно-аналитической системы «Төрелік» теперь в законодательном порядке возможно для подготовки проектов процессуальных документов по гражданским делам,[3] то есть по сути запущен процесс реализации прогностического правосудия.

Цифровая трансформация сферы права будет продолжена. Президент РК К.-Ж. Токаев в своем Послании народу 6 июня 2022 года говоря о необходимости обеспечить верховенство права и качество отправления правосудия, особое внимание обращает на цифровизацию правосудия, благодаря которой возможно достичь единообразия в его отправлении.[4] Действительно, праву априори присуща высокая степень формализации и логической строгости [4, с. 61], объяснимые регулятивными свойствами права [5, с. 203]. Именно единообразие норм позволило автоматизировать некоторые процессы правоприменения [6, с. 234]. Соответственно, цифровая трансформация правосудия как достижение судебной системы [7, с. 21] является ничем иным как продолжением процесса формализации права, находящего проявление не только в единообразии формулировок норм права, но и в их применении. При этом определение критериев качества судебных решений, «ошибочности судейского усмотрения, справедливости дачи разрешения на апелляцию (пересмотр) судебного решения»[5] процесс не простой, он не может быть быстрым и требует обстоятельного ис-

---

[2] Благодаря цифровизации Казахстан занимает 4-е место в Doing Business по «Обеспечению исполнения контрактов. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://sud.gov.kz/rus/massmedia/blagodarya-cifrovizacii-kazahstan-zanimaet-4-e-mesto-v-doing-business-po-obespecheniyu (дата обращения: 03.11.2024).

[3] Закон Республики Казахстан от 20 декабря 2021 года № 84-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39218292&show_di=1&pos=3;-107#pos=3;-107 (дата обращения: 03.11.2024).

[4] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» (г. Нур-Султан, 1 сентября 2022 года). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34360969 (дата обращения: 04.11.2024).

[5] Аленов М.А. Аналитическая справка по изучению международного опыта по определению критериев оценки качества вынесенных судебных решений и возможности внедрения в судебную систему Казахстана). - [Электронный ресурс].

следования. В силу этого вопросы замены физических отношений между участниками судебного процесса на цифровые (электронные) как дематериализации судебного процесса не могут не волновать с точки зрения реализации традиционного отправления правосудия, но с перспективой использования искусственного интеллекта как одной из ключевых технологий, используемых в процессе цифровизации [8; 9, с. 151].

С одной стороны, информационные технологии способны сделать документооборот суда более легким в его обобщении, анализе, систематизации, а с другой стороны – таят в себе определенные угрозы, учет которых очень важен для определения будущего правового регулирования искусственного интеллекта при отправлении правосудия.

Материалы и методы

Методология данного исследования основывается на нескольких методах научного исследования угроз применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия. Метод системного анализа, синтеза, обобщения был использован при исследовании сути искусственного интеллекта, раскрываемой в трудах иностранных авторов по данной тематике, как наиболее первых столкнувшихся с определенными проблемами использования искусственного интеллекта при попытке автоматизированного регулировании общественных отношений. Метод сравнения был использован при исследовании Акта Европейского Союза об искусственном интеллекте, академической литературы по практике применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия, позволяющие подтвердить факт того, что до сих пор алгоритмическая логика искусственного интеллекта не смогла заменить юридическую логику. Совокупность использованных методов позволила разработать определенные рекомендации по основам неотложного будущего правового регулирования искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждение

Использование цифровых технологий при отправлении правосудия имеет неоспоримые преимущества по сравнению с потенциальными возможностями одного лица или даже нескольких лиц:

- создание базы хранения неограниченного числа источников (НПА, судебных решений, комментарии законов и т.д.);

- систематизация источников с возможностью автоматического избавления от НПА, утративших силу;

- быстрый доступ к базе данных и систематизированным источникам, а также поиск необходимого документа;

- ускорение процесса анализа и толкования правовой нормы;

- возможность ведения электронного документооборота, отслеживания хода судебного разбирательства, автоматизированных расчетов возмещения причиненного вреда, отчислений в фонд компенсации потерпевшим и др.;

- возможность спрогнозировать решение и проверить проект решения, выносимого электронной программой на основе исследования и оценки ею доказательств, на его соответствие действующему законодательству.

Такие возможности способствуют дебюрократизации отправления правосудия, делают правосудие экономичным, доступным, оперативным. Информационные системы способны сопоставлять большие массивы данных, фактических обстоятельств [10, с. 49], обеспечивая достаточно высокую точность соответствия окончательного решения по делу закону [11, с. 148]. На основе вспомогательных возможностей использования цифровых технологий Дэвид Уриэль Сокол де ла Оса и Нидия Ремолина выделяют несколько моделей искусственного интеллекта: прогнозирующий (позволяет определить вероятность наступления определённого события), предписывающий (позволяет определить наиболее подходящие действия для достижения намеченной цели, т.е. оптимизирует принятие решений) и генерирующий (работающий с ещё большими базами данных, имеющий еще более сложный алгоритм действий, позволяющий в том числе генерировать речь человека и вступать с диалог с человеком) [12, p. 10]. Интерпретируя к отправлению правосудия, прогнозирующая модель искусственного интеллекта поможет судье дать вероятный исход дела на основе прошлых решений суда. Предписывающий искусственный интеллект поможет систематизировать все ресурсы для вынесения правильного судебного решения, а генерирующий - обобщить сложные документы, подготовить аргу-

- Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36219327&pos=53;-46#pos=53;-46 (дата обращения: 04.03.2025).

ментацию, т.е. уже системно оптимизирует принятие решения по определенному делу, на основе алгоритма единообразной судебной практики [12, p. 10]. Причём в США рассматривается возможность пользоваться возможностями искусственного интеллекта не только судейскому корпусу, но и обычным гражданам, чтобы они смогли так же, как и судья спрогнозировать исход дела, получить систематизированные ресурсы по их делу и аргументацию своей позиции. С.В. Чиен, М. Ким, А. Радж и Р. Ратиш считают, что так простым людям будет обеспечиваться равенство в суде и доступ к правосудию с использованием искусственного интеллекта [13]. Надо сказать, Международный совет при Верховном Суде Республики Казахстан по вопросам цифровизации правосудия рекомендовал судам продолжать размещать тексты судебных актов на платформе Smart-Bridge для обеспечения равного доступа внешних пользователей к судебной информации с целью возможности спрогнозировать исход судебного дела.[6]

Однако, расширение цифровых технологий в ущерб качества отправления правосудия при автоматизации правоприменения не может не волновать. Не перейдем ли мы с углублением цифровых технологий отправления правосудия от единообразия выносимых судебных решений к их шаблонности? Не исчезнет ли индивидуализация наказания по уголовным делам в связи с автоматизацией принятия решений?

Очевидно, что применение цифровых технологий необходимо анализировать с точки зрения разнообразия правовых отношений. По административным делам о нарушении правил дорожного движения – автоматизация правоприменения вполне приемлема, имеется положительная практика взыскания штрафов. Любое административное взыскание фиксируется в базе данных, поэтому у дорожного полицейского даже нет возможности вместо штрафа вынести предупреждение, так как дважды применить предупреждение за нарушение ПДД система не даст. Автоматическое правоприменение было бы возможным по административным делам при привлечении к административной ответственности за деятельность без соответствующей лицензии или разрешения[7] в силу того, что алгоритм установления сроков приостановления или запрещения такой деятельности вполне можно запрограммировать согласно сроку, установленному в санкциях статей Особенной части КоАП РК.

Хотя, Е.Н. Кулюшин допускает в административном процессе возможность вынесения в автоматическом режиме решения «при анализе и толковании норм о злоупотреблении правами лицами, участвующими в деле, с целью принятия мер по предотвращению этих злоупотреблений» [10, с. 50].

Таким образом, нами не исключается автоматическое производство по делам об административных правонарушениях. Оно возможно, но по очень ограниченной категории дел по бесспорным требованиям, по которым не нужен анализ различных факторов для того, чтобы вынести обоснованное, справедливое решение.

По гражданским и уголовным делам считаем, что вынесение судебного решения искусственным интеллектом и перенесения ответственности за него с судьи на нейросети невозможно. С 2022 года в Казахстане внедрена роботизированная система для рассмотрения гражданских дел.[8] Искусственный интеллект используется судьёй на стадии подготовки судебного решения в качестве вспомогательного инструмента для обеспечения единообразия в применении закона, поскольку судье предоставляются похожие дела, выявляются несоответствия в судебных решениях и прогноз исхода данного гражданского дела. Окончательное решение принимает судья сам, что, конечно же, с помощью предоставленного искусственным интеллектом анализа судебной практики по похожим делам, с одной стороны, способствует унификации правоприменительной практики, а с другой не исключается принятие шаблонных решений. Соответственно, вопрос о том, что в гражданском судопроизводстве искусственный интеллект будет нести ответственность

---

[6] *Протокол заседания Международного Совета при Верховном Суде Республики Казахстан от 11 марта 2022 года № 12 «О цифровизации правосудия: реалии, тренды, перспективы». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39744192&pos=20;-46#pos=20;-46 (дата обращения: 26.02.2025).*

[7] *Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 года № 12 «О некоторых вопросах применения судами норм Общей части Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P160000012S (дата обращения: 04.11.2024).*

[8] *Судебная администрация в Казахстане: достижения и перспективы. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000012S (дата обращения: 18.11.2024).*

за принятое решение в настоящее время не имеет нормативного закрепления. И, надеемся, что правового закрепления ответственности искусственного интеллекта не будет. Иначе придётся приравнять искусственный интеллект к государству как субъекту возмещения вреда, причиненного должностными лицами государственных органов, поскольку такой вред подлежит возмещению. Это значит, что в случае принятия искусственным интеллектом неправомерного судебного решения – вред будет возмещаться из казахстанского бюджета.

В уголовном процессе при обязывании уголовного закона осуществлять при назначении наказания учёт целого ряда обстоятельств – общие начала назначения наказания и специальные правила назначения наказания [14, с.21], при изобилии оценочных категорий, разъяснение которых слабо представлено в нормативных разъяснениях Верховного Суда РК, обеспечение единообразия судебной практики вынесения приговоров по уголовным делам с помощью искусственного интеллекта представить очень сложно.

Очевидно, что в условиях реализации Концепции развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы[9] перед государством и обществом встают новые риски и проблемы по обеспечению прав человека. Совсем не случайно Европейский Союз применение искусственного интеллекта в предотвращении преступлений, в правоохранительных и судебных органах относит к сфере высокого риска в силу того, что искусственный интеллект способен негативно повлиять на безопасность человека и его основные права. Акт Европейского Союза об искусственном интеллекте[10] является первым нормативным актом, направленным на коллективное обеспечение единообразного правового регулирования использования искусственного интеллекта, имеющего как определённые прогрессивные положительные преимущества, так и огромные риски. Есть примеры прогностической модели искусственного интеллекта, в которых тяжело определить их прозрачность, они нарушали справедливость [15, p. 134]. Искусственный интеллект способен сам фантазировать и создавать не существующие в судебной практике решения, т.е. фактически фальсифицирует документы и создает угрозу вынесения сфальсифицированного приговора. Как это случилось в США по делу Роберто Мата против авиакомпании Avianca.[11] Исследователи применения искусственного интеллекта отмечают, что он может быть непредсказуем (он может выдать результат отличный от ожидаемого [16, p. 1360], который будет читаем, но не объяснимым с точки зрения существующей судебной практики), ему невозможно доверять, его действия не прозрачны для человеческого понимания [17, p. 1370], он может быть предвзятым [18, p. 2-3]. Выбор решения искусственным интеллектом может быть основан на том количестве источников, которые он посчитает нужным, т.е. он самостоятельно делает выборку важных документов (например, из 100 по теме выберет только 2, игнорируя все остальные), а потому что модель принятия решений основывается на определенном цифровом коде и некоторые цифры не могут быть сжаты искусственным интеллектом без потерь [18, p. 5]. В данной связи некоторые вполне справедливо считают, что так называемый простой искусственный интеллект «по автоматизированному вводу и обработке информации при осуществлении делопроизводства, рассмотрению поступающих в суд процессуальных документов с целью выявления их несоответствия требованиям процессуального законодательства, идентификации личности и полномочий для участия в судебном разбирательстве» [19, с. 190] может быть широко использован в организационной деятельности суда, поскольку он не в состоянии качественно повлиять на функциональное назначение правосудия, а вот к внедрению профессионального искусственного интеллекта, который требует привлечения специальных юридических познаний непосредственно при отправлении правосудия следует подходить с осторожностью [19, с. 190].

---

[9] Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы, утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592 (дата обращения: 03.11.2024).

[10] Artificial Intelligence Act version of 13 June 2024. - [Electronic resource]. – Access Mode: https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/ (date of reference: 04.11.2024).

[11] Mata v. Avianca, Inc. (2023). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://caselaw.findlaw.com/court/us-dis-crt-sd-new-yor/2335142.html (дата обращения: 25.02.2025).

Роман Ямпольский ужасается тому, что мы можем поставить знания машины (искусственного интеллекта) выше, чем знания человека и при этом функциональные особенности некоторых из них мы вообще не сможем проследить, объяснить и понять [18, p. 4]. Действительно, искусственный интеллект – это не одна какая-то программа. Европейский Союз определяет искусственный интеллект в первую очередь как «компьютерную систему, которая предназначена для работы с различными уровнями автономии и которая может проявлять адаптивность после развертывания, и которая для достижения явных или неявных целей на основе получаемых входных данных делает выводы о том, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут повлиять на физическую или виртуальную среду» - такое определение дано в Акте Европейского Союза об искусственном интеллекте.[12] Соответственно, автоматизированных программ искусственного интеллекта может быть неограниченное количество. Вот почему Акт не противопоставляет искусственный интеллект человеку, а более того, защищает человека от искусственного интеллекта, закрепив право подавать в уполномоченные национальные органы жалобы на искусственный интеллект. Практика применения искусственного интеллекта для вынесения судебных решений в Сингапуре показывает проблемы неправильного понимания искусственным интеллектом сути рассматриваемого дела в силу того, что право невозможно понимать как сумму простых правил и согласованных фактов, правила на практике бывают нечеткими, а юридический спор объясняется наличием разногласий сторон [20, p. 48]. В Китае также говорят об опасениях вынесения неправильного судебного решения искусственным интеллектом. Китайские исследователи Дж. Яо и П. Хуэй открыто заявляют о том, что применение в правосудии искусственного интеллекта для принятия судебных решений создаёт ряд рисков: «ослабление свободы усмотрения, судебная дискриминация, судебная диктатура, защита частной жизни и т.д., что по сути противоречит судебной реформе Китая и построению верховенства закона» [21, p. 1]. По нашему мнению, при вынесении судебного решения искусственным интеллектом говорить о судебном усмотрении вообще не придётся, усматриваются основания для установления судебной диктатуры искусственного интеллекта.

Мнение о том, что одним из достоинств искусственного интеллекта является его незаинтересованность в итоговом решении и неподкупность [22, с. 139], достаточно спорное и условное, поскольку незаинтересованность или беспристрастность будет зависеть от разработчиков данных программных устройств. Если разработчик в программу заложит критерий отдавать предпочтение лицам определенной расовой принадлежности [23, p. 139], определенному гендеру, в пользу государственного органа и т.д., то ни о какой незаинтересованности даже речи не будет, использование такой технологии возымеет обратный эффект – дискриминацию, нарушение равенства всех перед законом, вынесение несправедливого, а значит не правосудного судебного вердикта. Не трудно представить себе каким будет решение суда, если в программу искусственного интеллекта заложить команду решения спора в пользу государственных органов. С введением административного процедурно-процессуального кодекса граждане Казахстана наконец-то стали выигрывать публично-правовые споры с государственными органами.[13] Хотя до этого выиграть спор с государственным органом было практически невозможно и без искусственного интеллекта. Да и вообще сложно выстраивались отношения даже по обращениям граждан в государственные органы [24, с. 19]. Следовательно, потенциально возможное использование искусственного интеллекта для вынесения им судебного решения сопряжено с большой проблемой – создание для него базы в виде уникальных судебных прецендентов для достижения единообразия в судебной практике и главным образом для достижения качества отправления правосудия.

Складывается неоднозначная ситуация: во-первых, достаточно сложно определить какой набор данных или судебных прецендентов будет заложен в основу искусственного интеллекта, а, во-вторых, не известно как искусственный интеллект их интерпре-

[12] *Artificial Intelligence Act version of 13 June 2024. - [Electronic resource]. – Access Mode: https://artificialintelligenceact.eu/ai-act-explorer/ (date of reference: 04.11.2024).*

[13] *Госорганы и чиновники проигрывают казахстанцам в суде каждое второе дело. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.zakon.kz/pravo/6408851-gosorgany-i-chinovniki-proigryvayut-kazakhstantsam-v-sude-kazhdoe-vtoroe-delo.html (дата обращения: 25.02.2025).*

тирует для решения рассматриваемого в суде спора, правонарушения (какие команды будут заложены в основу, учитывая его способность к автономии). Это заставляет нас обратить внимание на необходимость обязательного законодательного закрепления требований к информационным технологиям, которые будут применяться в судопроизводстве, в том числе и обязательную сертификацию. Кроме того, вопрос технической безопасности при отправлении правосудия с применением информационных технологий не перестаёт быть актуальным. И он не менее важный, чем собственно судебный процесс с использованием искусственного интеллекта. Взлом почтовых ящиков, преступные манипуляции с ЭЦП – на сегодня уже не вызывают удивления. При этом мы не имеем четкой законодательной защиты персональных данных [25, с. 82], утечка персональных данных в открытый доступ вызывает недоверие к техническому обеспечению их безопасности, защите.

Таким образом, поддерживая потенциальные возможности искусственного интеллекта повысить автоматизацию процессов организации судебной деятельности по обработке данных, оцифровке материалов, оперативности реагирования на различные запросы, ускорения разрешения дел, считаем, что дальнейшее расширение искусственного интеллекта в отправлении правосудия для вынесения им судебного решения преждевременно в силу рисков, напрямую влияющих на законность и качество принимаемых судебных решений.[14]

Мы согласны с рекомендацией Международного Совета при Верховном Суде Республики Казахстан , что на современном этапе развития правосудия с применением искусственного интеллекта следует совершенствовать его использование как вспомогательной технологии в организационной деятельности суда. При этом правовое регулирование искусственного интеллекта должно быть соответствующим его планируемому расширенному применению в правосудии. Нельзя не согласиться с Ж.У. Тлембаевой в том, что необходимы системные исследования по правовому обеспечению внедрения искусственного интеллекта [26, с. 67] для того, чтобы сформировать основы законодательства в данной сфере. По мере накопления практики использования искусственного интеллекта вполне возможно, что будет корректироваться его правовое регулирование. Однако, есть определенные положения, которые, по нашему мнению, усилят контроль за искусственным интеллектом и установят ответственность разработчиков за вредоносный результат, они должны найти закрепление в законе об искусственном интеллекте. Нами предлагается в проект закона об искусственном интеллекте[15] включить следующее.

В часть 1 статьи 8 проекта закона «Ответственность и подконтрольность» необходимо ввести обязательную сертификацию программных информационных систем на предмет безопасности персональных данных лиц, участвующих в процессе, наличия системы оперативной проверки искусственного интеллекта на достижимость поставленного перед ним результата, а также для исправления специалистами в области высоких технологий сбоя в его работе. Как обращают внимание казахстанские ученые, в целях предотвращения вредных последний искусственный интеллект обязательно должен контролироваться людьми, а не автоматизированными механизмами [27, с. 83]. Соответственно, от сертификации искусственного интеллекта будет зависеть безопасность его практического применения, снижение потенциальных рисков, которые он в себе несёт. Часть 1 статьи 8 проекта, определяющую ответственность и подконтрольность искусственного интеллекта, предлагается изложить в следующей редакции: «1. Система искусственного интеллекта должна *пройти обязательную сертификацию,* всегда оставаться под контролем ее собственника, владельца и пользователя в объеме и порядке, зависящем от их роли на всех этапах жизненного цикла системы искусственного интеллекта». В компетенцию уполномоченного органа в сфере искусственного интеллекта в п.5 ч.1 ст.13 добавить: утверждает перечень документации на систему искусственного интеллекта *для обязательной сертификации.* В часть 2 статьи 8 проекта следует внести уточнения за что разработчики искусственного ин-

[14] Рекомендации Международного совета при Верховном Суде Республики Казахстан по вопросам внедрения искусственного интеллекта в судах и эффективным способам защиты интересов граждан, ставших жертвами интернет-мошенничества, в зарубежных странах от 8 ноября 2024 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/rekomendacii_ms _08.11.24.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

[15] Досье на проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071&pos=137;-53#pos=137;-53 (дата обращения: 25.02.2025).

теллекта несут ответственность – именно за программирование деятельности систем искусственного интеллекта на определённый вредоносный результат и изложить данную часть в следующей редакции: «2. Все субъекты, занимающиеся созданием, эксплуатацией систем искусственного интеллекта, несут ответственность *за программирование деятельности систем искусственного интеллекта на определённый вредоносный результат,* а также за результаты деятельности систем искусственного интеллекта, исходя из их роли на всех этапах жизненного цикла системы искусственного интеллекта».

В числе первоочередных мер по правовому регулированию применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия следует строго ограничить сферу применения искусственного интеллекта при принятии судебных решений производством по бесспорным административным правонарушениям, закрепив это в новой части 4 статьи 18 «Правовой режим систем искусственного интеллекта». В ней же, кроме этого, необходимо установить запрет на введение ответственности искусственного интеллекта, в том числе и за вынесение судебных решений.

Далее. Ответственность разработчика искусственного интеллекта за программирование интеллекта, используемого при отправлении правосудия, на какой-то определенный конечный вредоносный результат – незаконные привилегии, преимущества или предпочтения, ущемляющие права другого человека, т.е. когда фактически заложенная в систему ошибка будет выдаваться ею как правильное решение, считаем, что необходимо закрепить в уголовном законодательстве в статье 218 УК РК «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов»,[16] в название которой включить искусственный интеллект – «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ, искусственного интеллекта и программных продуктов». И в диспозицию данной уголовно-правовой нормы добавить « …. программирование интеллекта на какой-то определенный конечный вредоносный результат – незаконные привилегии, преимущества или предпочтения, ущемляющие права другого человека, а равно умышленные использование и (или) распространение такой программы, искусственного интеллекта или программного продукта - наказывается….».

Заключение

Расширение сферы применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия в первую очередь следует осуществлять как вспомогательную возможность для судей, но не замену им. Информационные технологии способны выявить на основе анализа огромного массива вынесенных судебных решений проблемы формирования единообразного применения правовых норм. Однако, искусственный интеллект не может нести ответственность за неправильно принятое им решение, которое будет подлежать обжалованию. Ответственность за вынесенное решение должна оставаться за судьей. Практика использования искусственного интеллекта в других государствах позволила выявить большие проблемы: искусственный интеллект неправильно интерпретирует предшествующие судебные решения при вынесении нового решения, не способен давать оценочные суждения, высокая вероятность предвзятости, избирательности. В обоснование применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия необходимо искать пути устранения дисбаланса технического развития и юридического его сопровождения. Правовое регулирование искусственного интеллекта должно быть надлежащим его использованию. Соответственно для того, чтобы применение искусственного интеллекта соответствовало целям правового регулирования и принципам правосудия необходима его юридическая адаптация с точки зрения как правовой категории, так и процессуальной формы осуществления правосудия.

Вклад авторов:

Сактаганова И.С. – аннотация, ключевые слова, введение;

Мицкая Е.В. – материалы и методология исследования, результаты и обсуждение;

Сактаганова А.Б. – заключение, оформление литературы, транслитерация, изучение библиографических источников, информация об авторах.

[16] *Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/ (дата обращения 26.02.2025 г.)*

ЛИТЕРАТУРА

1. Yablonsky S.A. Multidimensional Data-Driven Artificial Intelligence Innovation // Technology Innovation Management Review. – 2019. - №9(12). – pp. 16-28.

2. Дубинкин Д.М. Искусственный интеллект как элемент цифрового общения // Data Science. - 2024. – №1. - С.32-37.

3. Карцхия А.А. Цифровые технологии - правовой аспект // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. - 2019. - № 2. - С. 21-30.

4. Хорунжий С.Н. Правовой баланс как самостоятельная юридическая ценность: механизмы его обеспечения и регулирования: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 526 с.

5. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. – М.: Юрайт, 1999. – 432 с.

6. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С.231-236.

7. Егежанова Д.Р. Некоторые вопросы развития и совершенствования цифрового образования судей // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Право. – 2023. – № 2(143). – С.21–31.

8. Рыжкова Е.А., Рыжкова Е.К. Искусственный интеллект как элемент цифрового отношения – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-element-tsifrovogo-otnosheniya

9. Толочко О.Н. Цифровая трансформация системы отправления правосудия: новые вызовы // Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт: материалы междунар. круглого стола, Респ. Беларусь, Минск, 15 окт. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.С. Михайловский (гл. ред.), Л.А. Краснобаева, А.В. Шидловский. – Минск: БГУ, 2022. – С. 151-156.

10. Кулюшин Е.Н. О применении технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2. – С. 48–54.

11. Курочкин С.А. Цифровые технологии и арбитраж // Третейский суд. – 2022. – № 2/3. – С. 147–160.

12. Socol de la Osa D.U., Remolina N. Artificial intelligence at the bench: Legal and ethical challenges of informing - or misinforming - judicial decision-making through generative AI // Data & Policy. – 2024. - №6. – pp.1-30. doi:10.1017/dap.2024.53

13. Chien C.V., Kim M., Raj A. and Rathish R. How Generative AI Can Help Address the Access to Justice Gap Through the Courts (January 4, 2024). Loyola of Los Angeles Law Review. – [Electronic resource]. – Access Mode: https://ssrn.com/abstract=4683309 (date of reference: 25.02.2025).

14. Алтынбек К.М., Жорабеков С.Ж., Мицкая Е.В. Судейское усмотрение формализовать невозможно // Web of Scholar. – 2016. – № 4 (4). – С. 20–22.

15. Cantens T. How will the state think with ChatGPT? The challenges of generative artificial intelligence for public administrations // AI & Society. – 2024. - №40. – P.133–144. https://doi.org/10.1007/s00146-023-01840-9

16. Selbst A.D. Negligence and AI's Human Users // 100 Boston University Law Review. – 2020. – pp.1315-1377.

17. Dufour J.-M. Some impossibility theorems in econometrics with applications to structural and dynamic models // Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1997. - №65(6). - pp. 1365-1387.

18. Yampolskiy R.V. Unexplainability and Incomprehensibility of Artificial Intelligence // Journal of Artificial Intelligence and Consciousness. – 2019. - №7(02). – pp.1-15.

19. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – №5. - С.188-191.

20. Chesterman S., Moses B.L. & Pagallo U. All Rise for the Honourable Robot Judge? Using Artificial Intelligence to Regulate AI: a debate // Technology and Regulation. – 2023. - №2023. – pp. 45-57.

21. Yao J., Hui P. Research on the Application of Artificial Intelligence in Judicial Trial: Experience from China //Journal of Physics Conference Series. – 2020. - №1487(1). – pp.1-6.

22. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №3. – С.135–139.

23. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. - NY: New York University Press, 2018. – 248 p.

24. Мицкая Е.В. О сущности и принципах административной юстиции // Наука. – 2020. - №1(64). – С.18-24.

25. Мицкая Е.В. Правовое обеспечение защиты персональных данных (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан) // Теория государства и права. – 2016. – №2. – С.78–83.

26. Тлембаева Ж.У. О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. - №2(65). - С.61-74.

27. Аубакирова И.У., Молдабеков Б.С. Внедрение технологии искусственного интеллекта в законотворческую деятельность: современные вызовы, риски и перспективы // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. - №1(76). - С.78-86.

REFERENCES

1. Yablonsky S.A. Multidimensional Data-Driven Artificial Intelligence Innovation // Technology Innovation Management Review. – 2019. - №9(12). – rr. 16-28.

2. Dubinkin D.M. Iskusstvennyj intellekt kak jelement cifrovogo obshhenija // Data Science. - 2024. – №1. - S.32-37.

3. Karchija A.A. Cifrovye tehnologii - pravovoj aspekt // Intellektual'naja sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. - 2019. - № 2. - S. 21-30.

4. Horunzhij S.N. Pravovoj balans kak samostojatel'naja juridicheskaja cennost': mehanizmy ego obespechenija i regulirovanija: monografija. – Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2019. – 526 s.

5. Cherdancev A.F. Teorija gosudarstva i prava. – M.: Jurajt, 1999. – 432 s.

6. Ponkin I.V. Koncept mashinochitaemogo prava // Juridicheskaja tehnika. – 2021. – № 15. – S.231-236.

7. Egezhanova D.R. Nekotorye voprosy razvitija i sovershenstvovanija cifrovogo obrazovanija sudej // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija Pravo. – 2023. – № 2(143). – S.21–31.

8. Ryzhkova E.A., Ryzhkova E.K. Iskusstvennyj intellekt kak jelement cifrovogo otnoshenija – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-element-tsifrovogo-otnosheniya

9. Tolochko O.N. Cifrovaja transformacija sistemy otpravlenija pravosudija: novye vyzovy // Problemy cifrovizacii gosudarstvennogo upravlenija: Respublika Belarus' i zarubezhnyj opyt: materialy mezhdunar. kruglogo stola, Resp. Belarus', Minsk, 15 okt. 2022 g. / Belorus. gos. un-t; redkol.: V.S. Mihajlovskij (gl. red.), L.A. Krasnobaeva, A.V. Shidlovskij. – Minsk: BGU, 2022. – S. 151-156.

10. Kuljushin E.N. O primenenii tehnologij iskusstvennogo intellekta v administrativnom sudoproizvodstve // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2024. – № 2. – S. 48–54.

11. Kurochkin S.A. Cifrovye tehnologii i arbitrazh // Tretejskij sud. – 2022. – № 2/3. – S. 147–160.

12. Socol de la Osa D.U., Remolina N. Artificial intelligence at the bench: Legal and ethical challenges of informing - or misinforming - judicial decision-making through generative AI // Data & Policy. – 2024. - №6. – rr.1-30. doi:10.1017/dap.2024.53

13. Chien C.V., Kim M., Raj A. and Rathish R. How Generative AI Can Help Address the Access to Justice Gap Through the Courts (January 4, 2024). Loyola of Los Angeles Law Review. – [Electronic resource]. – Access Mode: https://ssrn.com/abstract=4683309 (date of reference: 25.02.2025).

14. Altynbek K.M., Zhorabekov S.Zh., Mickaja E.V. Sudejskoe usmotrenie formalizovat' nevozmozhno // Web of Scholar. – 2016. – № 4 (4). – S. 20–22.

15. Cantens T. How will the state think with ChatGPT? The challenges of generative artificial intelligence for public administrations // AI & Society. – 2024. - №40. – R.133–144. https://doi.org/10.1007/s00146-023-01840-9

16. Selbst A.D. Negligence and AI's Human Users // 100 Boston University Law Review. – 2020. – rr.1315-1377.

17. Dufour J.-M. Some impossibility theorems in econometrics with applications to structural and dynamic models // Econometrica: Journal of the Econometric Society. – 1997. - №65(6). - pp. 1365-1387.

18. Yampolskiy R.V. Unexplainability and Incomprehensibility of Artificial Intelligence // Journal of Artificial Intelligence and Consciousness. – 2019. - №7(02). – rr.1-15.

19. Momotov V.V. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve: sostojanie, perspektivy ispol'zovanija // Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGJuA). – 2021. – №5. - S.188-191.

20. Chesterman S., Moses B.L. & Pagallo U. All Rise for the Honourable Robot Judge? Using Artificial Intelligence to Regulate AI: a debate // Technology and Regulation. – 2023. - №2023. – rr. 45-57.

21. Yao J., Hui P. Research on the Application of Artificial Intelligence in Judicial Trial: Experience from China //Journal of Physics Conference Series. – 2020. - №1487(1). – rr.1-6.

22. Apostolova N.N. Iskusstvennyj intellekt v sudoproizvodstve // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. – 2019. – №3. – S.135–139.

23. Noble S.U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. - NY: New York University Press, 2018. – 248 r.

24. Mickaja E.V. O sushhnosti i principah administrativnoj justicii // Nauka. – 2020. - №1(64). – S.18-24.

25. Mickaja E.V. Pravovoe obespechenie zashhity personal'nyh dannyh (na primere Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan) // Teorija gosudarstva i prava. – 2016. – №2. – S.78–83.

26. Tlembaeva Zh.U. O nekotoryh podhodah k pravovomu regulirovaniju iskusstvennogo intellekta // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2021. - №2(65). - S.61-74.

27. Aubakirova I.U., Moldabekov B.S. Vnedrenie tehnologii iskusstvennogo intellekta v zakonotvorcheskuju dejatel'nost': sovremennye vyzovy, riski i perspektivy // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2024. - №1(76). - S.78-86.

УДК 351/35
ГРНТИ 10.17.31

К ВОПРОСУ АНАЛИЗА ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Абдрасулов Ермек Баяхметович
Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-4835-9760; Scopus Author ID: 57188854156

Ахметов Ерик Булатович[1]
Доктор философии (Ph.D), руководитель отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: Akhmetov.e@zqai.kz; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1618-8231; Scopus Author ID: 55776841300

Ахметова Айгуль Булатовна
Доктор философии (Ph.D), ассоциированный профессор Павлодарского педагогического университета имени Әлкей Марғұлан; г. Павлодар, Республика Казахстан; e-mail: aigul0884@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-5183-6962; Scopus Author ID: 59300632200

Аннотация. *В статье подробно рассматривается значение и роль правовых принципов в административной юстиции в Республике Казахстан. Исследуя модели перехода стран бывшего Союза ССР к системе административной юстиции и специфику ее внедрения в Казахстане, авторы останавливаются на юридическом закреплении принципов законности и справедливости в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. Системный анализ необходимости применения принципа справедливости наряду с принципом законности лег в методологическую основу статьи. В статье исследуются труды казахстанских и зарубежных ученых в сфере применения норм и принципов закона в административном судопроизводстве. Кроме того, в статье рассматриваются некоторые аспекты совершенствования системы административной юстиции в плане законодательной регламентации применения правовых принципов.*

Особое внимание уделяется анализу практических аспектов реализации принципов законности и справедливости в судебной практике, в частности административном судопроизводстве, что позволяет более глубоко понять механизмы их применения в контексте современной правовой системы Казахстана. Рассматриваются и проблемы, с которыми сталкиваются судьи и участники административного судопроизводства при интерпретации и применении этих принципов, а также возможные пути совершенствования судебной практики.

Научная новизна заключается в изучении важных соподчиненных руководящих начал, влияние которых является определяющим для принципов административного судопроизводства, а значит, и всей системы публичного управления. В частности, внимание акцентируется на взаимодействии принципов законности и справедливости с другими ключевыми принципами административного судопроизводства. Данный комплексный подход позволяет выявить новые перспективы для совершенствования теоретических и практических аспектов развития административной юстиции в Республике Казахстан.

Ключевые слова: *правовые принципы, принцип законности и справедливости, административная юстиция, административные процедуры, административное судопроизводство, Верховный суд, административный суд.*

[1] *Автор для корреспонденции*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ӘКІМШІЛІК СОТ ІСІН ЖҮРГІЗУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ЗАҢДЫЛЫҚ ПЕН ӘДІЛЕТТІЛІК ҚАҒИДАТТАРЫН ТАЛДАУ МӘСЕЛЕСІНЕ

Ермек Баяхметұлы Абдрасулов
Заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат Институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің бас ғылыми қызметкері; Астана қ., Қазақстан Республикасы e-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-4835-9760; Scopus Author ID: 57188854156

Ерік Болатұлы Ахметов
Философия докторы (Ph.D), Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат Институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің басшысы; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Akhmetov.e@zqai.kz; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1618-8231; Scopus Author ID: 55776841300

Айгүл Болатқызы Ахметова
Философия докторы (Ph.D), Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университетінің қауымдастырылған профессоры; Павлодар қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aigul0884@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-5183-6962; Scopus Author ID: 59300632200

Аннотация. *Мақалада Қазақстан Республикасындағы әкімшілік әділет саласындағы құқықтық принциптердің маңызы мен рөлі егжей-тегжейлі қарастырылады. Бұрынғы КСР Одағы елдерінің әкімшілік әділет жүйесіне көшу үлгілерін және оны Қазақстанда енгізу ерекшеліктерін зерттей отырып, авторлар Қазақстан Республикасының Әкімшілік рәсімдік-процестік кодексінде заңдылық пен әділеттілік қағидаттарын заңды бекітуге тоқталады. Әділдік принципін заңдылық принципімен қатар қолдану қажеттілігін жүйелі талдау мақаланың әдіснамалық негізіне айналды. Мақалада әкімшілік сот ісін жүргізуде заң нормалары мен қағидаттарын қолдану саласындағы қазақстандық және шетелдік ғалымдардың еңбектері зерттеледі. Сонымен қатар, мақалада құқықтық принциптерді қолдануды заңнамалық реттеу тұрғысынан әкімшілік әділет жүйесін жетілдірудің кейбір аспектілері қарастырылады.*

Сот тәжірибесінде, атап айтқанда әкімшілік сот ісін жүргізуде заңдылық пен әділеттілік қағидаттарын іске асырудың практикалық аспектілерін талдауға ерекше назар аударылады, бұл Қазақстанның қазіргі құқықтық жүйесі контекстінде қолдану тетіктерін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Судьялар мен әкімшілік сот ісін жүргізуге қатысушылар осы қағидаттарды түсіндіру және қолдану кезінде кездесетін проблемалар, сондай-ақ сот практикасын жетілдірудің мүмкін жолдары қарастырылады.

Ғылыми жаңалық-әкімшілік процедуралардың принциптерін, демек, қоғамдық басқарудың бүкіл жүйесін анықтайтын ықпалы бар маңызды бағыныштылық принциптерді зерттеу. Атап айтқанда, заңдылық пен әділеттілік қағидаттарының әкімшілік сот ісін жүргізудің басқа да негізгі қағидаттарымен өзара іс-қимылына баса назар аударылады. Бұл кешенді тәсіл Қазақстан Республикасында әкімшілік әділетті дамытудың теориялық және практикалық аспектілерін жетілдіру үшін жаңа перспективаларды анықтауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: *құқықтық принциптер, заңдылық және әділеттілік қағидаты, әкімшілік әділет, Әкімшілік рәсімдер, әкімшілік сот ісін жүргізу, Жоғарғы сот, әкімшілік сот.*

TO ISSUE OF ANALYSIS OF PRINCIPLES OF LEGALITY AND FAIRNESS IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE JUDICIAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abdrassulov Yermek Bayahmetovich
Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Constitutional, Administrative and Public Administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-4835-9760; Scopus Author ID: 57188854156

Akhmetov Yerik Bulatovich
Ph.D., Head of the Department of Constitutional, Administrative and Public Administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Kazakhstan Republic; e-mail: Akhmetov.e@zqai.kz; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1618-8231; Scopus Author ID: 55776841300

Akhmetova Aigul Bulatovna
Ph.D, Associate Professor of Pavlodar Pedagogical University named after Alkei Margulan; Pavlodar c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aigul0884@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-5183-6962; Scopus Author ID: 59300632200

Abstract. *The article examines in detail the importance and role of legal principles in administrative justice in the Republic of Kazakhstan. Exploring the models of transition of the countries of the former USSR to the administrative justice system and the specifics of its implementation in Kazakhstan, the authors focus on the legal consolidation of the principles of legality and justice in the Administrative Procedural Code of the Republic of Kazakhstan. A systematic analysis of the need to apply the principle of justice along with the principle of legality formed the methodological basis of the article. The article examines the works of Kazakhstani and foreign scientists in the field of application of the norms and principles of the law in administrative proceedings. In addition, the article discusses some aspects of improving the administrative justice system in terms of legislative regulation of the application of legal principles.*

Special attention is paid to the analysis of practical aspects of the implementation of the principles of legality and justice in judicial practice, in particular administrative proceedings, which allows a deeper understanding of the mechanisms of their application in the context of the modern legal system of Kazakhstan. The problems faced by judges and participants in administrative proceedings in the interpretation and application of these principles, as well as possible ways to improve judicial practice, are also considered.

The scientific novelty lies in the study of important subordinate guiding principles, the influence of which is decisive for the principles of administrative procedures, and therefore the entire system of public administration. In particular, attention is focused on the interaction of the principles of legality and fairness with other key principles of administrative proceedings. This comprehensive approach allows us to identify new prospects for improving the theoretical and practical aspects of the development of administrative justice in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *legal principles, principle of legality and justice, administrative justice, administrative procedures, administrative proceedings, Supreme court, administrative court*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_81

Введение

Правовые принципы имеют большое значение в процессе применения норм законов, несмотря на то что их юридическая природа еще не до конца раскрыта, не обозначена четкая грань между правовыми нормами и правовыми принципами, изложенными в законодательстве. Dr. Jordan Daci правильно указывает на сложность определения правовых принципов в связи с тем, что они, в одних случаях, рассматривается в качестве конкретных правовых норм, в других случаях - в качестве общих правовых предписаний, при третьих обстоятельствах они

преподносятся как стандарты, но основе которых основываются правовые нормы [1].

Важность же выработки относительно точного определения заключается в том, чтобы обеспечить соответствие и корреляцию научной доктрины, практики законодательства и его применения в системе правового регулирования общественных отношений [2].

Следует согласиться с мнением некоторых исследователей, что принципы права, с одной стороны, являются общими установками, выработанными правовой наукой и косвенно определяющими направление и содержание нормативно-правовой регламентации. С другой стороны, правовые принципы выступают в качестве правовых предписаний, применение которых способствует реализации целей и задач современного правосудия [3]. Об этом хорошо пишет Joost Huysmans, отмечая, что правовые принципы, указанные в законодательстве, непосредственно не имеют такого конкретного содержания, которое заключено в обычных правовых нормах, но они в значительной мере оказывают влияние, хотя и косвенное, на юридическое значение других правовых норм в процессе их применения [4].

К правовым принципам, отраженным в законодательстве, следует отнести такие, как принцип законности, справедливости, правомерности, равноправия, правового доверия, добросовестности и др., которые особенно актуальны в сфере взаимоотношений государства, его институтов с человеком и гражданином.

В постсоветском пространстве с момента обретения независимости республиками бывшего Союза ССР начался процесс построения демократических государств, высшими ценностями которых на конституционном уровне были объявлены человек, его права и свободы. В этом процессе значительная роль начала отводиться выстраиванию отношений между государством и личностью, разрешению споров и конфликтов граждан и их объединений, связанных с действиями (бездействиями) и решениями публичной власти. Начинается период становления и развития административной юстиции, суть деятельности которой заключается в системе принятия решений административными учреждениями, советами, комиссиями и специализированными судами. Значение административной юстиции метко выражено в следующем тезисе: гораздо больше граждан имеют свои права, определенные этими органами, чем судами общей юрисдикции [5, p.192].

В данном процессе немаловажная роль отводится научной доктрине и законодательному закреплению применения правовых принципов в административном судопроизводстве, о которых будет идти речь в данной статье.

Материалы и методы

Данная статья направлена на анализ значения и роли правовых принципов в системе административной юстиции в Казахстане, в особенности принципов законности и справедливости. В статье также уделяется внимание опыту прибалтийских стран, которые одними из первых в постсоветском пространстве начали переход к системе административной юстиции.

В работе рассматривается уровень системных связей между некоторыми из принципов, включая традиционные ценности. Выявляется взаимосвязь между принципом законности и справедливости, идет поиск ответов на вопросы о том, к какому принципу необходимо отдать предпочтение в конкретных обстоятельствах, почему принцип справедливости необходим, несмотря на наличие принципа законности.

В статье уделяется внимание и текстовому изложению содержания правовых принципов в административном судопроизводстве, насколько полно и объемно раскрыта их суть в статьях закона. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства с точки зрения юридической техники изложения правовых норм, касающихся правовых принципов. Несмотря на то, что статья посвящена правовым основам применения принципов законности и справедливости в административном судопроизводстве Республики Казахстан, авторы также останавливаются на опыте прибалтийских стран по формированию системы защиты прав и свобод граждан от неправомерных действий публичной власти. Кроме того, в статье показывается возможность применения принципов справедливости и законности по аналогии с практикой Верховного Суда Республики Казахстан по гражданским делам.

В целях всестороннего анализа принципов законности и справедливости в системе административной юстиции авторы предприняли попытку изучить исследовательские работы казахстанских и зарубежных ученых, специалистов в области теории и философии права, применения права, административного права. Системный анализ, сравнение, теоретическое и правовое прогно-

зирование выступили той методологической основой исследования, которая позволила прийти к тем или иным выводам в данной статье. Значительное внимание было уделено работам зарубежных ученых-юристов, изучавших проблемы применения правовых принципов и исследовавших вопросы административной юстиции: Jordan Daci, Lorne Sossin, Janis Načisčionis, Richard W. Wright, Krishna Iyer, Elise Poillot, Ajay K. Mehrotra, Robert James Allen, A.V Skorobogatov, A.V Krasnov, О.Н. Шупицкая и др. Особое внимание было уделено работам казахстанских авторов М.Т. Алимбекова, В. Конусовой, Р.К. Сарпекова, Б.К. Нургазинова и др.

Результаты и обсуждение

Первыми в процессе перехода к административной юстиции стали прибалтийские государства, в которых быстро начался отказ от приоритета интересов государства над личными интересами, а административное право стала актуализировать общечеловеческие ценности [6, p .129]. В статье 2 Административно-процессуального Закона Латвии предусматривается подчинение контролю независимой, объективной и компетентной судебной власти действий исполнительной власти, касающихся конкретных публично-правовых отношений между государством и лицом.

Аналогичная норма установлена в административно-процессуальном кодексе Эстонской республики, в котором статья 2 задачей административного судопроизводства определяет защиту прав лиц от противоправной деятельности при осуществлении исполнительной власти.

В Литовской Республике Закон о производстве по административным делам статьей 15 наделяет суд определять законность принятых субъектами государственного администрирования правовых актов и законность их действий, а также законность и обоснованность отказа этих субъектов от выполнения отнесенных к их компетенции действий или затягивании их выполнения.

В Республике Казахстан, как отмечали предыдущие исследователи, вопросы организации административной юстиции также были очень актуальными, поскольку цель ее формирования заключалась в создании четкой правовой базы по контролю над действиями государственных органов. Административная юстиция должна была обеспечить дополнительную защиту прав человека и гражданина, повысить инвестиционную привлекательность Казахстана [7].

Вместе с тем, создание подлинной административной юстиции в Казахстане затянулось вплоть до 2020 года, поскольку принимавшиеся начиная с 2010 года меры разработчиков законопроекта были направлены изначально на попытку совместить в одном законе два противоречащих друг другу полномочия административного суда: с одной стороны, осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, с другой - разрешение публично-правовых споров и обеспечение защиты прав лиц от противоправной деятельности компетентных должностных лиц и органов. Впоследствии, осознав противоречивость данного подхода, авторы идеи создания административной юстиции начали в 2015 году разработку нового проекта закона, работа над которым завершилась 29 июня 2020 году принятием Парламентом Республики Казахстан Административного процедурно-процессуального кодекса (далее – АППК РК)[2].

Указанный нормативный правовой акт, введенный в действие с 1 июля 2021 года, стал началом полноценного функционирования системы административных процедур и административного судопроизводства в Республике Казахстан, поскольку их задачами стали обеспечение комплекса мер по достижению баланса частных и общественных интересов в публично-правовых отношениях, в первую очередь через защиту прав и свобод человека от возможного произвола исполнительной власти.

Достижение поставленных целей и задач административных процедур и административного судопроизводства реализуется посредством правильного применения конкретных материальных и процессуальных норм, а также через применение правовых принципов. Законодатель, закрепляя право использования физическими и юридическими лицами правовых принципов и правомочие суда, других компетентных органов применять правовые принципы при разрешении дел, не ограничил их количество указанными в АППК РК принципами.

В АППК РК установлены следующие принципы административных процедур и административного судопроизводства:

[2] *Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (дата обращения: 03.02.2025)*

законности, справедливости, защиты прав, свобод и законных интересов; соразмерности, принцип пределов осуществления административного усмотрения, принцип охраны права на доверие; принцип запрета злоупотребления формальными требованиями; презумпция достоверности, принцип активной роли суда; разумный срок административного судопроизводства.

В отличие от гражданского процессуального и уголовного процессуального законодательства в АППК РК введены новые принципы, применение которых, на наш взгляд, должно обеспечить повышение эффективности правовой регламентации соответствующих отношений.

Установление новых правовых принципов еще не означает, что выработаны системные связи между некоторыми из принципов, включая традиционные. К примеру, принцип справедливости выделен и стоит отдельно от принципа законности. Какова их взаимосвязь, и к какому принципу необходимо отдать предпочтение в конкретных обстоятельствах? Если принцип законности предполагает строгое следование правовым предписаниям, то принцип справедливости, его концепция представляет не пустую оболочку, а категорию, имеющую глубокое содержание. Справедливость охватывает не только формальное равенство (одинаковое отношение к подобным случаям), но и существенное равенство, основанное на равном достоинстве каждого человека, которое требует предоставления каждому человеку его «должного», что является его правом требования [8]. Известный индийский судья Кришна Айер отмечал, что справедливость — это всепроникающий факт светского права, где духовное прикосновение оживляет законодательство и судебное разбирательство, чтобы сделать справедливость жизненным кредо. У него много цветов и оттенков, много форм и очертаний [9].

Однако содержание справедливости не определено точно ни в одном законодательном акте, в том числе и в законодательстве об административном судопроизводстве Казахстана. Следование субъекта применения права принципу справедливости описано в АППК РК, с одной стороны, как обеспечение равных возможностей и условий для реализации участниками административного дела права на всестороннее и полное исследование обстоятельств дела. С другой стороны, принцип справедливости рассматривается как критерий при разрешении соответствующих вопросов судом. В целом признавая верность такого подхода законодателя к содержанию принципа справедливости, вместе с тем полагаем, что суть принципа раскрыта не в полной мере. Норма о применении принципа справедливости сопровождено необходимостью следования критериям разумности, объективности и беспристрастности, которые сами требуют раскрытия их содержания ввиду оценочного характера данных понятий. Более того, принцип справедливости выражен больше в процессуальном аспекте, а, как известно, нормы материального права, применяемые судом в административном деле, отражены во множественной системе нормативных правовых актов, в которых вообще нет упоминания о принципе справедливости. И такое положение имеет место несмотря на то, что суть административных процедур и административного судопроизводства заключается в конечном итоге в законном и справедливом решении административного дела по существу, а не в формальном соблюдении процессуального требования принципа справедливости.

В этой связи пробел из-за отсутствия принципа справедливости в текстах системы материальных норм, регулирующих публично-правовые отношения, мог бы быть восполнен в АППК с установлением более точного требования, чтобы не только судья, а любой другой субъект, представляющий публичную власть в административном деле и применяющий нормы материального права, руководствовался принципом справедливости.

Установление взаимосвязи принципа справедливости с принципом законности, как было сказано выше, также требует более пристального внимания. Пункт 2 статьи 5 АППК, раскрывая задачи административного судопроизводства, предписывает необходимость справедливого, беспристрастного и своевременного разрешения административных дел, упуская при этом в качестве задачи требование в первую очередь законного разрешения дел. Важность установления соотношения законности и справедливости проявляется часто при таких обстоятельствах, когда речь идет о возможном выборе между принципом законности и справедливости, если учесть, что в АППК содержание принципа законности раскрыто и предполагает обязанность судьи точно соблюдать требования Конституции и законов, а содержание принципа справедливости изложено абстрактно и с опорой на другие оценочные

понятия. Конечно, гармония закона и справедливости презюмируется, закон по своей сути должен быть справедливым. В конечном итоге защита и справедливое обращение с гражданами — это суть того, к чему должен стремиться закон в демократическом государстве [8]. В этой связи закон всячески акцентирует внимание на том, что судья или другой субъект применения права должен подчиняться только закону, у него не должно быть субъективного отношения к тем или иным событиям или лицам. Однако жизнь всегда оказывается сложнее тех требований, которые устанавливаются в системе правоотношений. В этой связи, в какой- то мере мы соглашаемся с тем, что наличие пробела, противоречия или иных дефектов закона могут создать угрозу для справедливого правосудия, если без критического осмысления следовать возможным противоречивым требованиям закона и не использовать принцип справедливости в совокупности с другими аналогичными ценностями.

Акцентирование внимания судьи на необходимости следовать принципу справедливости при разрешении административного дела, раскрытие при возможности содержания данного принципа в законе было бы значительным достижением в системе правовой регламентации публично-правовых отношений, поскольку даже в традиционной правовой системе имеются уникальные способы решать конфликты и споры, примиряя общие понятия права с конкретными требованиями индивидуальной справедливости.

Необходимость использования правовых принципов в административном судопроизводстве в процессе применения материальных норм объективно обусловлено. Как справедливо отмечают зарубежные исследователи, почему вообще в законе отступают от буквального значения, апеллируя к правовым принципам, аналогии, прецеденту вместо четких юридических правил, парадоксам метафоры вместо буквального значения и истины? Как бы мы ни понимали абсурдность, текстологический подход вроде бы отдает приоритет языку, используемому в тексте в его обычном смысле, над другими свидетельствами авторского намерения. Судьям часто говорят, что толкование законов просто требует определения буквального значения принятых слов [10, p. 8]. Какой смысл облекать закон, контракт, договор или завещание в слова, если только эти слова не следует рассматривать как обязательные? [11].

Отвечая на этот вопрос, отметим, что достаточно обратиться к системе законодательства любого государства в сфере публично-правовых отношений, затрагивающих права и свободы человека, и увидеть, что она не может содержать, и, как правило, не содержит правовых норм, которые были бы направлены на решение всех частных случаев со всеми их вариациями. Конечно, любая система права по умолчанию предполагает определенные общие принципы взаимосвязи, устанавливающие отношения между сферами деятельности, подлежащими режимам нормативно-правового регулирования. С этой точки зрения считается, что каждая правовая система стран континентальной системы должна быть последовательной, полной и закрытой в смысле регулирования всех предполагающихся видов общественных отношений. Здесь принцип полноты и закрытости означает, что правовая система уже включает правовое регулирование для каждого предполагаемого случая, которое может возникнуть из множества всех общественных отношений. Однако, как пишет Рональд Дж. Аллен, юридическая практика постоянно демонстрирует неразрешимый конфликт между желанием издавать законы в форме четких, конкретных, последовательных и рациональных правил и невозможностью сделать это. Законодатель пытается принимать четкие руководящие нормы и принципы в законах, потому что считает несправедливым налагать обязательства там, где отсутствуют ясные правила или затрудняется приведение поведения в соответствие с требованиями закона. Тем не менее, четкие и конкретные правила часто направлены на разрешение отдельных случаев, не предусматривая разрешение споров и конфликтов при других обстоятельствах. Поэтому они быстро теряют свой регулирующий эффект, приобретая характер системы казуистических норм. Более того, человеческому разуму не под силу предвидеть все или даже большую часть возникающих в жизни обстоятельств, с которыми может столкнуться правило. Система общественных отношений невероятно сложна, поскольку каждый человек действует в сети взаимодействия с огромным количеством объектов, людей и учреждений в постоянно меняющихся комбинациях и перестановках. По мере возникновения новых обстоятельств, возникновение которых законодатель не предполагал, он начинает часто вносить изменения в принятые нормативные правовые акты, но человеческий опыт слишком сложен, чтобы позволить ему заранее предусмотреть все без исключения

жизненные обстоятельства. В итоге попытка законодателя сделать это путем бесконечных поправок в законы приводит к тому, что они становятся слишком сложными, громоздкими и противоречивыми в ходе непрерывного процесса модификаций законов и подзаконных актов [12, p. 2-3].

В этой связи более рациональным нам представляется не метод, основывающийся на попытках урегулирования всех отдельных случаев и отражения этого в массиве нормативных правовых актов, а путь применения в необходимых случаях правовых принципов, направленных на принятие законных и справедливых решений. Функция права состоит именно в том, чтобы разрешить конфликт противоположных прав и интересов, применяя, в отсутствие какого-либо конкретного положения закона, других норм права, разрешающих сходные общественные отношения и конфликты. В более сложных случаях необходимо применять общие принципы и положения права, тем самым находя выход из трудной ситуации и решая проблему, поскольку использование аналогических рассуждений продиктовано природой закона, который требует применения правил к конкретным фактам с использованием различных приемов и методов реализации правовых предписаний.

Пункт 2 статьи 6 АППК в целом согласуется с доктриной о возможности и необходимости применения общих принципов права, выработанных наукой, и предписывает, что установленные в главе 2 принципы административных процедур не являются исчерпывающими и не могут быть препятствием для применения других принципов права. Вместе с тем, использование в норме только слова «административных процедур» без привязки его к административному судопроизводству может при буквальном толковании привести систему правового регулирования к противоречивым результатам. С одной стороны, административные органы, принимая решения в отношении юридических лиц и физических лиц, могут, следуя букве закона, применять другие принципы права, не указанные в АППК, а судам такого дозволения не предоставлено, если исходить из буквального толкования нормы.

Еще один момент, касающийся применения принципа законности. В АППК РК установлена обязанность суда обращаться в Конституционный Суд РК о признании закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению, неконституционным, если он усмотрит, что этот акт ущемляет закрепленные Конституцией права и свободы человека и гражданина. Обязательность обращения суда в Конституционный Суд РК, даже если он уверен в том, что закон или иной нормативный акт противоречит Конституции, по нашему мнению, противоречит принципу независимости судебной власти и принципу прямого действия конституционных норм. Возможность обращения суда в Конституционный Суд Республики Казахстан должна быть не обязанностью, а правом суда, если он будет иметь сомнения в конституционности закона или иного нормативного правового акта. При убежденности судьи в неконституционности нормативного правового акта, он должен иметь право применить соответствующие нормы Конституции, имеющей прямое действие на территории Республики, без обращения в Конституционный Суд Республики Казахстан.

Применение принципа справедливости в административной юстиции затруднено в будущем тем, что такая практика не была распространена даже в системе судов общей юрисдикции Казахстана. Полагаем, что некоторый опыт Верховного Суда РК, изредка применявшего принцип справедливости, будет неким ориентиром для использования по аналогии такого подхода при разрешении административных дел. В целом небольшая правоприменительная практика показала, что суд может согласовать и скорректировать конфликтующие интересы или требования таким образом, чтобы обеспечить их справедливый баланс. В результате эти конфликты разрешаются путем придания юридической силы одному или нескольким справедливым интересам, которые, таким образом, становятся законным правом или просто «правом» [13]. Так, в юридической литературе описывается пример, когда гражданская коллегия Верховного Суда Республики Казахстан увидела в имущественных притязаниях гражданина правовые обоснования несмотря на то, что такие нормативные предписания в точности не содержались в системе права Республики, но в абстрактной форме были изложены в правовых принципах и основах национального законодательства. С применением принципа справедливости было принято решение Верховного суда, на основе которого семья участника афганской войны вернула себе квартиру, вопреки тому, что гражданин не в полной мере выполнил требования по соблюдению определенных процедур по получению жилья по льготной цене [14, с. 286-287].

В судебной практике примечательным

для ориентира является в этом плане и решение гражданской коллегии Верховного Суда, где она удовлетворила ходатайство стороны судебного дела на основе применения принципа справедливости и фундаментальных смыслов национального законодательства. Содержание решения заключается в том, что по вине медицинских работников, выразившейся в непрофессионально сделанной хирургической операции, скончалась супруга заявителя. Муж покойной требовал в суде первой и второй инстанций взыскать с городской больницы за причиненный моральный вред 5 млн. тенге. Суд первой инстанции удовлетворил жалобу истца лишь частично, установив взыскание с ответчика 1 млн. тенге, а апелляционная инстанция снизила эту сумму до 100 тыс. тенге.

Верховный суд, удовлетворяя ходатайство в полном объеме, подчеркнул, что конституционные принципы, направленные на справедливость и законность и утверждающие высшими ценностями государства и общества жизнь, права и свободы человека, являются фундаментальной основой при осуществлении правосудия. Суд апелляционной инстанции не учел тот факт, что ответчик своими непрофессиональными действиями оборвал жизнь человека, сделав невосполнимой и тяжелой утрату для близких его людей [15, с.47].

Заключение

Принятие Административного процедурно-процессуального кодекса ознаменовало переход Республики Казахстан к системе административной юстиции, направленной на обеспечение прав и свобод граждан, защиту их интересов от неправомерных действий и решений публичной власти. Однако само по себе принятие нормативного правового акта не означает, что цели и задачи административной юстиции будут реализованы в полном объеме. Многое будет зависеть от эффективности применения судебными органами системы нормативных правовых актов при разрешении споров и конфликтов между государственной администрацией и гражданами. В этом аспекте большая роль отводится правовым принципам, изложенным в законе.

Умение находить судом баланс между принципом справедливости и принципом законности зависит от многих факторов, в первую очередь от законодательного раскрытия смысла принципа справедливости. При определении понятия справедливости следует исходить из того, что она понималась многими известными мыслителями как истинная свободная добродетель, имеющая своим источником сострадание, именно из справедливости практически вытекают и теоретически выводятся все остальные добродетели.

При судебном применении принцип справедливости требует максимально индивидуализированного подхода, отвечающего конкретным обстоятельствам и личным качествам человека. Но закон не может предусматривать и закреплять все индивидуальные факторы, которые имеют значение для справедливой юридической оценки конкретного правоотношения. И с этой точки зрения законность и справедливость могут противоречить друг другу [16, с.103]. В этой связи разрешение административным судом данного противоречия должно исходить из формулы, что «справедливым в рамках закона может быть признано единственно возможное в конкретном случае, наиболее оптимальное, разумное и гуманное решение» [17, с. 89-90].

Правоприменительная практика судов общей юрисдикции Казахстана имеет опыт такого использования принципа справедливости, что позволит по аналогии реализовывать его в системе административной юстиции.

Вклад авторов

Абдрасулов Е.Б. - результаты и обсуждение;
Ахметов Е.Б. – введение, заключение;
Ахметова А.Б. – материалы и методы, оформление литературы, транслитерация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? Academicus International Scientific Journal MMX(2). — [Electronic resource]. — Access mode: https://www. researchgate.net /publication/307795533_Legal_Principles_Legal_Values_and_Legal_Norms_are_they_the_same_or_different (date of reference: 10.10.2024).

2. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Philosophical and legal nature of the law principle:

methodological problems of research // Журнал права РУДН. – 2020. - № 24 (3). - С. 547–571.

3. Шупицкая О.Н. Реализация конституционных принципов в судебном правоприменении // Журнал «Право». – 2020.- № 1. - С.56-64.

4. Huysmans J. The role of formal principles in legal reasoning // «Policy within and through law». – 2015. - № 1. - P. 237 – 259.

5. Sossin L. Future of Administrative Justice.// Canadian Journal of Administrative Law & Practice. - 2008.-Volume 21. – P. 192-222.

6. Načisčionis J., Urmonas A. Administrative Law in the Sphere of Public Policy upon Restoration of Independence of Latvia and Lithuania // «Public policy and administration». – 2021 - Volume 20. - № 11. - P.127-143.

7. Сарпеков Р.К., Конусова В.Т., Нургазинов Б.К. Formation and Development of Administrative Justice of the Republic of Kazakhstan. - [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www. abacademies. org/articles/formation-and-development-of-administrative-justice-of-the-repu bl icof - kazakhstan-10816.html (дата обращения: 1.11.2024).

8. Wright R. The principles of justice. - [Electronic resource]. — Access mode: file:///C:/Users/Admin/Downloads/SSRN-id246931.pdf (date of reference: 1.11.2024).

9. Esher Barrat Principle of natural justice and its legal implecations. - [Electronic resource]. — Access mode: https://www.cusb.ac.in/images/cusb-files/ 2020 /el/ law/ PRINCIPLE %20 OF%20 NATURAL% 20JUSTICE _6th%20 Sem.pdf (date of reference: 1.11.2024).

10. Poillot E. The true story of the active role of courts in consumer litigation: Introduction to the Speech given by Etienne Rigal // «National Judges and the Case Law of the Court of Justice of the European Union». – 2021. - № 1. – P.8. -15.

11. Kaptein H., Velden B. Analogy and Exemplary Reasoning in Legal Discourse. - [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/328907547Analogical_reasoning_and_extensive_interpretation (date of reference: 2.11.2024)

12. Allen, R. J. The Nature of Discretion // Scientific journal «Law &Contemp. Probs. Autumn». – 1984. - № 1. - P. 2-3.

13. McManaman, L. J. Social Engineering: The Legal Philosophy of Roscoe Pound. - [Electronic resource]. — Access mode: https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4478&context=lawreview (date of reference: 31.10.2024).

14. Алимбеков М. Т. Судебное правотворчество и применение гражданско-правовых норм в механизме правовой реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Т. Алимбеков. - Алматы, 2010. - 287 с.

15. Алимбеков М.Т. Юридическая природа нормативных постановлений Верховного суда РК. Монография. – Астана: Баспа, 2009. – 380 с.

16. Свергузов Д.Ш. О свободе, справедливости и законе. // Российский юридический журнал – 2013.- № 4(91). – С.101-107.

17. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – Москва: Рос.право, 1992. – 320 с.

REFERENCES

1. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? Academicus International Scientific Journal MMX (2). — [Electronic resource]. — Access mode: https://www. researchgate.net /publication/307795533_Legal_Principles_Legal_Values_and_Legal_Norms_are_they_the_same_or_different (date of reference: 10.10.2024).

2. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Philosophical and legal nature of the law principle: methodological problems of research // Zhurnal prava RUDN. – 2020. - № 24 (3). - S. 547–571.

3. Shupickaja O.N. Realizacija konstitucionnyh principov v sudebnom pravoprimenenii // Zhurnal «Pravo». – 2020.- № 1. - S.56-64.

4. Huysmans J. The role of formal principles in legal reasoning // «Policy within and through law». – 2015. - № 1. - P. 237 – 259.

5. Sossin L. Future of Administrative Justice. // Canadian Journal of Administrative Law & Practice. - 2008.-Volume 21. – P. 192-222.

6. Načisčionis J., Urmonas A. Administrative Law in the Sphere of Public Policy upon Restoration of Independence of Latvia and Lithuania // «Public policy and administration». – 2021 - Volume 20. - № 11. - P.127-143.

7. Sarpekov R.K., Konusova V.T., Nurgazinov B.K. Formation and Development of Administrative Justice of the Republic of Kazakhstan. - [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://www. abacademies. org/articles/formation-and-development-of-administrative-justice-of-the-repu bl icof - kazakhstan-10816.html (data obrashhenija: 1.11.2024).

8. Wright R. The principles of justice. - [Electronic resource]. — Access mode: file:///C:/Users/Admin/Downloads/SSRN-id246931.pdf (date of reference: 1.11.2024).

9. Esher Barrat Principle of natural justice and its legal implecations. - [Electronic resource]. — Access mode: https://www.cusb.ac.in/images/cusb-files/ 2020 /el/ law/ PRINCIPLE %20 OF%20 NATURAL% 20JUSTICE _6th%20 Sem.pdf (date of reference: 1.11.2024).

10. Poillot E. The true story of the active role of courts in consumer litigation: Introduction to the Speech given by Etienne Rigal // «National Judges and the Case Law of the Court of Justice of the European Union». – 2021. - № 1. – P.8. -15.

11. Kaptein H., Velden B. Analogy and Exemplary Reasoning in Legal Discourse. - [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/328907547Analogical_reasoning_and_extensive_interpretation (date of reference: 2.11.2024)

12. Allen, R. J. The Nature of Discretion // Scientific journal «Law &Contemp. Probs. Autumn». – 1984. - № 1. - P. 2-3.

13. McManaman, L. J. Social Engineering: The Legal Philosophy of Roscoe Pound. - [Electronic resource]. — Access mode: https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4478&context=lawreview (date of reference: 31.10.2024).

14. Alimbekov M. T. Sudebnoe pravotvorchestvo i primenenie grazhdansko-pravovyh norm v mehanizme pravovoj realizacii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / M.T. Alimbekov. - Almaty, 2010. - 287 s.

15. Alimbekov M.T. Juridicheskaja priroda normativnyh postanovlenij Verhovnogo suda RK. Monografija. – Astana: Baspa, 2009. – 380 s.

16. Sverguzov D.Sh. O svobode, spravedlivosti i zakone. // Rossijskij juridicheskij zhurnal – 2013.- № 4(91). – S.101-107.

17. Bonner A.T. Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimenitel'noj dejatel'nosti. – Moskva: Ros.pravo, 1992. – 320 s.

ZQAI

ӘОЖ 347.1
ҒТАМР 10.27.23

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚТЫҢ ЗАҢНАМАСЫ БОЙЫНША ӨНЕРКӘСІПТІК МЕНШІКТІҢ ЖЕКЕЛЕГЕН ОБЪЕКТІЛЕРІН ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚОРҒАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Айжан Амангелдікызы Амангелді
Заң ғылымдарының докторы, Қонаев Университетінің азаматтық- құқықтық пәндер кафедрасының профессоры, ҚР ІІМ Академиясы Ғылыми-зерттеу орталығының ғылыми қызметкері; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5971-1219

Аннотация. *Мақалада автор кейбір өнеркәсіптік меншік объектілерін құқықтық қорғаудың жекелеген аспектілерін қарастырады, интеграциялық процестерді дамытудың маңыздылығын және ЕАЭО-ға қатысушы елдердің заңнамаларын үйлестіру қажеттілігін ашады.Автор ЕАЭО аумағында бір - Еуразиялық патенттік конвенцияны қоспағанда, авторлық құқық, сабақтас құқықтар саласындағы, тауар белгілері және дараландырудың басқа да құралдары бойынша бірыңғай конвенциялардың болмауы мәселелерін көтерді.*

Мақаланың өзектілігі ЕАЭО-ға қатысуға байланысты заңнаманы үйлестіру нәтижесінде ҚР Заңнамасына енгізілген тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі және географиялық көрсеткіш сияқты зияткерлік меншік объектілерін зерттеу және ашу болып табылады. Жоғарыда аталған объектілер зияткерлік меншіктің дәстүрлі объектілерінің біріне жатқызуға мүмкіндік бермейтін ерекшеліктеріне байланысты ғылыми зерттеуге қызығушылық тудырады.

Бұдан басқа, мақалада 20.06.22 ж. №128-VII ҚР Заңына сәйкес ҚР Патенттік Заңына 34-1-баппен енгізілген «тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі» жаңа институтына талдау жүргізіледі. Қауіпсіздік критерийлері авторлық құқық объектілері үшін критерийлерге ұқсас, бұл берілген объект авторлық құқыққа немесе патентке қатысты ма деген мәселені шешуді талап етеді.

Автор географиялық нұсқау институтын, оның ұқсас және айрықша белгілерін тауарлардың шыққан жерлерінің атауымен зерттеді. Белгілі бір ұқсастыққа қарамастан, географиялық көрсеткіш дараландырудың тәуелсіз құралы болып табылады.

Мақалада Ресейде тіркелген тауар белгілерімен ұқсастығына байланысты тауар белгілерін тіркеуді жарамсыз деп тануға қатысты Қазақстанда туындаған тәжірибеге талдау жасалды, өйткені қазақстандық соттар жосықсыз бәсекелестік деп танылады.

Түйінді сөздер: *зияткерлік меншік, Еуразиялық экономикалық одақ (ЕАЭО), Еуразиялық патент, тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі, географиялық нұсқау, жаңашылдық, өзіндік ерекшелік, үйлестіру*

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Амангельды Айжан Амангельдыкызы
Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Университета Кунаева, научный сотрудник Научно-исследовательского центра Алматинской Академии МВД РК им. М. Есболатова; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5971-1219

Аннотация. *В статье автор рассматривает отдельные аспекты правовой охраны некоторых объектов промышленной собственности, раскрывает значение развития интеграционных процессов и необходимость гармонизации законодательств стран-участниц ЕАЭС. Автором подняты вопросы отсутствия на территории ЕАЭС единых конвенций в сфере авторского права, смежных прав, по товарным знакам и другим средствам индивидуализации, за исключением одной - Евразийской патентной конвенции.*

Актуальность статьи заключается в исследовании и раскрытии таких объектов интеллектуальной собственности, как незарегистрированный промышленный образец и географическое указание, которые были введены в законодательство РК в результате гармонизации законодательства в связи с участием в ЕАЭС. Вышеупомянутые объекты представляют интерес для научного исследования ввиду их особенностей, не позволяющих причислить к одним из традиционных объектов интеллектуальной собственности.

Кроме того, в статье проводится анализ нового института «незарегистрированный промышленный образец», который был введен в Патентный закон РК статьей 34-1 в соответствии с Законом РК от 20.06.22 г. № 128-VII. Критерии охраноспособности схожи с критериями для объектов авторского права, что требует разрешения вопроса, относится ли данный объект к авторскому праву или патентному.

Автором исследован институт географического указания, его сходные и отличительные черты с наименованием мест происхождения товаров. Несмотря на определённую схожесть, все же географическое указание является самостоятельным средством индивидуализации.

В статье проведен анализ практики, возникшей в Казахстане, относительно признания регистрации товарных знаков недействительными в связи их с тождественностью с товарными знаками, зарегистрированными на территории России, поскольку казахстанскими судами признаются недобросовестной конкуренцией.

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийский патент, незарегистрированный промышленный образец, географическое указание, новизна, оригинальность, гармонизация*

ISSUES OF LEGAL PROTECTION OF INDIVIDUAL OBJECTS OF INDUSTRIAL PROPERTY UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Amangeldy Aizhan Amangeldykyzy
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Kunaev University, researcher of the Research Center of Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbolatov;
Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aizhan_amangeldy@mail.ru;
ORCID iD: https://orcid.org/0000-0001-5971-1219

Abstract. *In the article, the author examines certain aspects of the legal protection of certain objects of industrial property, reveals the importance of the development of integration processes and the need to harmonize the legislation of the EAEU member states. The author raised the issues of the absence of uniform conventions in the field of copyright, related rights, trademarks and other means of individualization on the territory of the EAEU, with the exception of one - the Eurasian Patent Convention.*

The relevance of the article lies in the study and disclosure of such intellectual property objects as an unregistered industrial design and a geographical indication, which were introduced into the legislation of the Republic of Kazakhstan as a result of harmonization of legislation in connection with participation in the EAEU. The above-mentioned objects are of interest for scientific research due to their features, which do not allow them to be classified as one of the traditional objects of intellectual property.

In addition, the article analyzes the new institution "unregistered industrial design", which was introduced into the Patent Law of the Republic of Kazakhstan by Article 34-1 in accordance with

the Law of the Republic of Kazakhstan dated 06/20/2012 No. 128-VII. The criteria for protection are similar to those for copyright objects, which requires resolving the question of whether this object belongs to copyright or patent law.

The author has studied the institute of geographical indication, its similarities and distinctive features with the designation of places of origin of goods. Despite certain similarities, geographical indication is still an independent means of individualization.

The article analyzes the practice that has arisen in Kazakhstan regarding the recognition of trademark registration as invalid due to their identity with trademarks registered in Russia, since Kazakhstani courts recognize unfair competition.

Keywords: *intellectual property, Eurasian Economic Union (EAEU), Eurasian patent, unregistered industrial design, geographical indication, novelty, originality, harmonization*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_92

Кіріспе

Еуразиялық интеграция қатысушы мемлекеттер үшін: Ресей, Қазақстан, Беларусь, Қырғызстан және Армения үшін тауарлар, жұмыстар мен қызметтер нарығын біріктіру үшін маңызды құбылыс болып табылады. Бұл кооперацияда зияткерлік меншік ЕАЭО экономикасының маңызды құрамдас бөлігі ретінде әрекет етеді.

Заң әдебиеттерінде атап өткендей, ЕАЭО-дағы зияткерлік меншік (ЗМ) институтын жетілдіру цифрландырудың жаһандық сын-қатерлері аясында жүзеге асырылады. Интернет желісіндегі ЗМ объектілеріне құқықтардың бұзылуына қарсы күрес ерекше маңызға ие болады. Зияткерлік меншіктің салалық экономиканың дамуына әсерін кеңейту және тереңдету ЗҚН күзетінің интеграциясы мәселелерін қарастыруды анықтайды. Салалық қағидат салалық ерекшелікті ескеруге және инновациялық-техникалық жобаларға терең сараптама жүргізуге мүмкіндік береді.Ресейде 2018 жылдан бастап инвестициялық ресурстарды коммерциялық жағынан ең тартымды жобаларға шоғырландыруға және бағыттауға мүмкіндік беретін салалық венчурлық қорларды құрудың тұрақты тенденциясы байқалды. Салалық қағидат ЗҚН-ті экономиканың түрлі секторларында пайдалануға, технологиялар трансфері нарығын дамытуға мүмкіндік береді [1].

Айта кетейік, Қазақстанда венчурлық жобаларға деген қызығушылық артып келеді, мұндай жобалардың негізінде зияткерлік қызмет жатыр.

Әдістер мен материалдар

Мақала диалектикалық, формальды-логикалық, жүйелік, салыстырмалы-құқықтық, ғылыми танымның жалпы және жеке зерттеу әдістерін пайдалана отырып дайындалған.

Нәтижелер мен талдаулар

ЕАЭО аумағында бірыңғай конвенциялар жоқ: авторлық құқық, сабақтас құқықтар саласында, тауар белгілері және басқа да даралау құралдары бойынша. Бірақ ЕАЭО аумағында тек Еуразиялық патенттік конвенция (өнертабыстарды қорғауды реттейтін) жұмыс істейді, ҚР оның қатысушысы болып табылады және осы Конвенцияға Өнеркәсіптік үлгілерді қорғау жөніндегі хаттаманы ратификациялады. Қатысушы елдердің Еуразиялық патенттік Конвенциясының жетілмегендігін атап өткен жөн.

Л.С. Воронцова патенттік заңнаманы үйлестіру мәселелерін зерттей отырып, Еуразиялық патенттік конвенцияны қабылдаудың арқасында мүмкін болған Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы шеңберінде Еуразиялық патентті енгізу мен интеграцияның маңыздылығын атап өтті. Автор интеграцияға деген ұмтылыс тек ТМД елдері үшін ғана емес, сонымен қатар Африкалық зияткерлік меншік ұйымын (бұдан әрі - АЗМҰ)мысалға келтіреді [2, с. 3]. Л.С. Воронцова Еуразиялық патенттік жүйені құрудың орындылығын негіздейтін негізгі факторлардың қатарына Еуразиялық патенттік конвенцияға қатысушы барлық елдердің аумағында өнертабысты бірыңғай қорғау құжатымен-Еуразиялық патентпен қорғау мүмкіндігін жатқызу керек, бұл өнертабысты құқықтық қорғауға жұмсалатын шығындарды бір мезгілде айтарлықтай азайтуға және рәсімдік операциялармен ұштасқан бірқатар технологиялық операциялардың жоғары сенімділігін қамтамасыз етуге мүмкіндік береді деген қорытындыға келді [2, с. 17].

Еуразиялық экономикалық одақ туралы шарттың (Астана қ., 2014 жылғы 29 мамыр) 89-бабының 1-тармағына сәйкес мүше мемлекеттер зияткерлік меншік объектілеріне құқықтарды қорғау және қорғау саласын-

дағы ынтымақтастықты жүзеге асырады және кеңес құқығын құрайтын халықаралық құқық нормаларына, халықаралық шарттарына және актілеріне және мүше мемлекеттер заңнамасына сәйкес өз аумағында құқықтарды қорғауды қамтамасыз етеді.

Мүше мемлекеттердің ынтымақтастығы мынадай негізгі міндеттерді шешу үшін жүзеге асырылады:

зияткерлік меншік объектілеріне құқықтарды қорғау және қорғау саласындағы мүше мемлекеттердің заңнамасын үйлестіру;

мүше мемлекеттердің зияткерлік меншік объектілеріне құқықтар иелерінің мүдделерін қорғау[1].

Т.М. Гончар Еуразиялық патенттік ұйымның базасында өнеркәсіптік үлгіні қорғаудың Еуразиялық жүйесін құруды осы Өнеркәсіптік меншік объектісіне құқықтарды ресімдеудің өңірлік тетігін құру ісіндегі прогресс ретінде бағалау керек деп санайды, өйткені еуразиялық кеңістік мемлекеттері осы бағыт бойынша басқа өңірлермен (мысалы, Еуропа, Африка) салыстырғанда оң нәтижелерге қол жеткізген жоқ. Алайда, құрылған Өнеркәсіптік үлгілерді қорғаудың Еуразиялық жүйесінің тұжырымдамалық ережелері ЕАЭО үшін бостандық тұрғысынан жоғары оң нәтиже бере алады деп екіталай деп санаймыз [3, с. 165].

Бұл ретте халықаралық ғалымдар өңірлік интеграция процестерін зерттей отырып, олардың тиімділігін белгілеу мақсатында Еуразиялық интеграция институттарына ЕАЭО моделі бойынша оған тәуелсіз Еуразиялық патенттік ұйымға (унитарлы эффектісі бар еуропалық патентке ұқсас) сүйене отырып, Зияткерлік меншік объектілеріне қатысты дауларды қараудың жалпы процестік режимін қамтамасыз ететін құқықтық режим құруды ұсынады. Мұндай жалпы іс жүргізу режимінің болмауы бірігу және үйлестіру дәрежесіне қарамастан, аймақтық интеграциялық білім беру шеңберіндегі құқықтық режимдердің бөлшектенуіне байланысты жағдайды тудырады, бұл құқықтық қорғауға теріс әсер етеді [4 с.12-13]. Осылайша, автор ұлттық, аймақтық және халықаралық құқықтық қорғау тетіктерін зерделеу кезінде өнертабыстарды, пайдалы модельдер мен өнеркәсіптік үлгілерді аймақтық интеграциялық құрылымдар деңгейінде құқықтық қорғау өнертабыстарды, пайдалы модельдер мен өнеркәсіптік үлгілерді құқықтық қорғаудың кешенді сипатын пайдаланатынын анықтады.Аймақтық деңгейде өнертабыстар, пайдалы модельдер және өнеркәсіптік үлгілерді ұлттық қорғау, құқықтық қорғау контрукциясына жақын өнертабыстар мен өнеркәсіптік үлгілерін аймақты құқықтық қорғау айрықша ерекшелік болып табыла отырып,патент беру кезінде ғана емес, сонымен унитарлы эффектпен байланысты европалық патенттің үлгісі бойынша құқықтық режимді жүзеге асырудың ұлттық кезеңін алып тастау тенденциясы туралы айтуға мүмкіндік береді [4, с. 13].

Қазақстанда 2022 жылғы 20 маусымда «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне зияткерлік меншік саласындағы заңнаманы жетілдіру және мемлекет кепілдік берген заң көмегін көрсету мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» № 128-VII Заң қабылданды, оған сәйкес Еуразиялық патентпен конвеницямен және өнеркәсіптік үлгілерді қорғау туралы хаттамасымен ҚР Патенттік заңнамасы мен ҚР дараландыру құралдарына арналған заңнаманы үйлестіру үрдісі байқалады.

1994 жылғы 9 қыркүйектегі Еуразиялық патенттік конвенцияға өнеркәсіптік үлгілерді қорғау туралы хаттаманы (бұдан әрі - Хаттама) ратификациялауға байланысты Еуразиялық патент туралы ҚР Патенттік Заңының жекелеген баптарына және Еуразиялық патенттің жарамсыз деп тану мүмкіндігіне өзгерістер қабылданды.

Хаттаманың 6-бабы (2) тармақшасына сәйкес өнеркәсіптік үлгіге Еуразиялық патент осы Хаттаманың ережелерін ескере отырып, барлық уағдаласушы мемлекеттердің аумағында бір мезгілде қолданылады[2]. Әзірбайжан Республикасы, Қырғыз Республикасы, Армения Республикасы, Беларусь Республикасы, Қазақстан Республикасы, Тәжікстан Республикасы, Ресей Федерациясы және Түрікменстан үкіметтері хаттама қабылдады[3].

---

[1] *Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31565247&sub_id=890000&pos=1192;-48#pos=1192;-48. (дата обращения: 28.03.2024).*

[2] *Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 9 сентября 1994 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34099796. (дата обращения: 28.03.2024).*

[3] *Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 9 сентября 1994 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34099796. (дата обращения: 28.03.2024).*

Мәселен, ҚР Патенттік Заңының 1-бабының 2-1) тт. сәйкес, Еуразиялық өтінім дегеніміз - 1994 жылғы 9 қыркүйектегі Еуразиялық патенттік Конвенцияға немесе 1994 жылғы 9 қыркүйектегі Еуразиялық патенттік конвенцияға Өнеркәсіптік үлгілерді қорғау туралы хаттамаға сәйкес берілген өтінім[4].

ҚР Патенттік Заңының 1-бабы 2-2) тт. сәйкес, еуразиялық патент, 1994 жылғы 9 қыркүйектегі Еуразиялық патенттік Конвенцияға немесе 1994 жылғы 9 қыркүйектегі Еуразиялық патенттік конвенцияға Өнеркәсіптік үлгілерді қорғау туралы хаттамаға сәйкес берілген патент ретінде айқындалған[5].

Тиісінше, Еуразиялық өтінім берілді немесе Еуразиялық патент өнертабысқа ғана емес, сонымен қатар өнеркәсіптік үлгіге де қатысты қолданылады.

ҚР Патенттік Заңының 30-бабының 1-тармағына сәйкес қорғау құжаты және (немесе) Еуразиялық патент сот шешімі негізінде толық немесе ішінара жарамсыз деп танылады.

Патент иеленуші қорғау құжатына және (немесе) Еуразиялық патентке өнертабыстың, пайдалы модельдің немесе өнеркәсіптік үлгінің патентке қабілеттілігін қамтамасыз ететін формулаға, сипаттамаға, сызбаларға немесе бейнеге өзгерістер енгізген жағдайда қорғау құжаты және (немесе) Еуразиялық патент ішінара жарамсыз деп танылады. Қорғау құжатына және (немесе) евразиялық патентке өзгерістер енгізілген жағдайда, ол өз қолданысын сол нөмірлермен жалғастыра береді.

Толық немесе ішінара жарамсыз деп танылған өнертабысқа, пайдалы модельге немесе өнеркәсіптік үлгіге патент, патентке өтінім берілген күннен бастап өз күшін жояды.

Кейіннен жарамсыз деп танылған патент негізінде жасалған лицензиялық шарттар патенттің жарамсыздығы туралы шешім шығарылған кезде олар орындалған шамада қолданысын сақтайды.

Патентті жарамсыз деп тану өнертабысқа, пайдалы модельге немесе өнеркәсіптік үлгіге патент беру туралы шешімнің күшін және тиісті мемлекеттік тізілімдегі жазбаның күшін жоюды білдіреді[6].

Демек, ҚР Патенттік Заңының 30-бабының күші ҚР сараптама ұйымы берген Патенттік құқық объектілерін қорғау құжаттарына ғана емес, сонымен қатар Еуразиялық патентке де қолданылады.Тиісінше, ҚР Патенттік Заңының 33-бабы 1-тармағының 2-1-тармақшасына сәйкес қорғау құжатын ғана емес, сонымен қатар ҚР АІЖК сәйкес сот тәртібімен Еуразиялық патентті де жарамсыз деп тануға болады.

ҚР 20.06.22 ж. № 128-VII Заңына сәйкес, ҚР Патенттік заңы 34-1-баппен толықтырылды, сол арқылы "тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі" жаңа институты енгізілді.Бұл объект жаңашылдық пен өзіндік ерекшелік талаптарына сәйкес келетін өнеркәсіптік үлгі ретінде айқындалған, өнеркәсіптік үлгі Қазақстан Республикасында алғаш рет жарияланған (ашылған) күннен бастап үш жыл бойы қорғау құжатын тіркеусіз және берусіз сақталуы мүмкін (ҚР Патенттік Заңының 34-1-бабының 1-тармағы)[7].

Сонымен қатар, бұл ережеде патентке қабілеттілік критерийлері қарастырылған: жаңалық және өзіндік ерекшелік.

Тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі алғаш жарияланған (ашылған) күнге дейін бірдей өнеркәсіптік үлгі жарияланбаған (ашылған) болса, тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі жаңа болып саналады. Тіркелмеген өнеркәсіптік үлгінің түпнұсқалығы осы Заңның 8 бабы 1 тармағының 2 талаптарына сәйкес келуге тиіс[8].

Патенттік құқық объектісі ретінде өнеркәсіптік үлгіге құқықтар мемлекеттің құқықтық қорғауды беруіне байланысты ғана туындауы мүмкін. Тіркелмеген өнеркәсіптік үлгінің Қазақстан Республикасында алғаш рет жарияланған (ашылған) күннен бастап үш жыл бойы тіркеу және қорғау құжатын бермей қорғалуы оны қорғау мерзімі неғұрлым қысқартылған авторлық құқық объектілері – туындыларымен жақындастырады.

ҚР Патенттік Заңының 34-1-бабының

---

[4] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[5] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[6] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[7] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[8] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні 28.03.2024).*

2-тармағы тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі, егер ол жарияланған, көрмеге қойылған, саудада пайдаланылған немесе Қазақстан Республикасында жұмыс істейтін кәсіпкерлік қызметтің осы секторында мамандандырылған топтарға дұрыс хабарланған болса, алғаш рет жария етілген (ашылған) болып есептеледі.Құпиялылықтың келісілген немесе болжамды шарттарында тек үшінші тұлғаға ашылған тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі жарияланды деп есептелмейді[9].

Бұл критерийлер авторлық құқық объектілері үшін қауіпсіздік критерийлеріне ұқсас екені анық.

Әлемде өнеркәсіптік үлгілердің құқықтық табиғаты туралы екі теория бар: өнеркәсіптік үлгі патенттік құқықтың объектісі ретінде Германияда қарастырылады, мысалы, Францияда авторлық құқықтың объектісі болып саналады және оның түсіндірмесі бар.Өнеркәсіптік үлгі патент қабілеттілігінің өзіндік ерекшелігі ретінде сипатталады, ал өзіндік ерекшелігі авторлық құқық объектілерін қорғау критерийі болып табылады.Сонымен қатар, өнеркәсіптік үлгі – бұл кез-келген заттың сыртқы түрі, немесе басқаша айтқанда, дизайн, және өздеріңіз білетіндей, авторлық құқық объектілерінің бірі-бұл өнеркәсіптік үлгілер ретінде ұсынылуы мүмкін өнер туындылары.

Неліктен мұндай «қосалқы институтты» тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі ретінде енгізу қажеттілігі туындады?

Зияткерлік меншіктің шексіз мүмкіндіктерін дәлелдеу артық. Шығармашылық зияткерлік қызметтің шегі жоқ, яғни ол зияткерлік меншіктің жаңа объектілерін құруға алдын-ала жоспарланған.

Қысқа өмір сүру циклі бар өнімдердің сыртқы түрін құқықтық қорғаудың оңтайлы нұсқасын іздеу Еуропалық Одақта тіркелмеген өнеркәсіптік үлгінің құқықтық режимін енгізуге әкелді (құқықтық қорғау үш жылға дейін беріледі), ол тек өнімнің сыртқы түрін көшіруден қорғайды. Бұл ретте тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіге құқықтар оның жұртшылыққа алғаш ашылған сәтінен бастап туындайды. Дизайнды құқықтық қорғауды алу тіркелген өнеркәсіптік үлгілерге қатысты да жеңілдетілді, өйткені өтініш берушіге жүктелетін тіркеу және өзге де рәсімдік ауыртпалықты барынша азайту мақсатында мәні бойынша сараптама жүргізілмейді [5].

Қазақстанда өнеркәсіптік үлгі патенттік құқық объектілері санатына жатқызылғанына және 2022 жылғы 20 маусымнан бастап тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі ретінде жаңа объект енгізілгеніне назар аударған жөн.

М.С. Николаева қысқа өмірлік циклі бар бұйымдардың дизайнын қорғауға арналған жаңа режим сияқты тіркелмеген өнеркәсіптік үлгінің ерекшеліктерін атап көрсетеді [6]. Дизайн-бұл эстетикалық және утилитарлық ерекшеліктерден тұратын өнімнің сыртқы түрі. Автор дизайнның негізгі құндылығы-өнімнің сыртқы түрінің жалпы тұжырымдамасы, құқықтық қорғау, басқаша айтқанда, жалпы әсер осыған бағытталуы керек деп жазады. Дәл осы дизайн ерекшелігі авторлық-құқықтық қорғаудың тиімділігі туралы айтуға мүмкіндік бермейді, ол өнімді толық көлемде немесе оның бір бөлігін көбейтуден қорғайды. Жалпы әсерді қорғауға өнеркәсіптік үлгі ретінде дизайнды патенттік-құқықтық қорғау бағытталған. Дизайнның екінші маңызды ерекшелігі-оның өзектілігін тез өзгерту. Осылайша, ЕО-да тіркеусіз, бірақ қысқа мерзімге, тіркелмеген өнеркәсіптік үлгідегі институт шеңберінде шектеулі өкілеттіктермен және құқық иесіне дәстүрлі айрықша құқық беретін тіркеумен қорғауды көздейтін өнімдердің сыртқы түрін қорғау жүйесі пайда болды [6].

Жалпы ұстаным тіркелмеген өнеркәсіптік үлгі қысқа өмірлік циклі бар сыртқы, көркемдік және дизайнерлік шешімдерге құқықтық қорғауды алу үшін қажет екендігіне байланысты, осылайша құқық иеленушіге осы объектілерге құқықтарды тіркеу және үш жыл ішінде құқықтық қорғауды алу тәртібін жеңілдетеді, бұл тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіге айрықша құқықтардың қолданылу мерзімі үш жылды құрайды.

А.И. Минакова айтқандай, бұл объектіге айрықша құқық «әлсіреген» құқықтың нұсқасы болып көрінеді [5].

Осылайша, А.И. Минакова дұрыс атап өткендей, дизайнды құқықтық қорғау режимі авторлық құқық пен патенттік құқық арасындағы компромиссты қорғау нұсқасы болып табылады.Ол авторлық құқықтың ерекшеліктерін (атап айтқанда дизайнды тіркеуге қойылатын талаптардың жоқтығын) және объектіге қойылатын талаптар алынған патенттік құқықты, сондай-ақ қорғаудың кең көлемін, атап айтқанда имитациядан қамтиды [5].

ЕАЭО–ға мүше кейбір мемлекеттерде қорғалатын өнеркәсіптік үлгідегі бұйымда

[9] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні 28.03.2024).*

пайдалануды тану үшін бұйымның бейнесінде ұсынылған барлық елеулі белгілердің бұйымда болуын анықтау қажет, ЕАЭО – ға мүше басқа мемлекеттерде басқа элементтер де пайдаланылуы мүмкін (мысалы, бірдей жалпы әсер беретін елеулі белгілердің бір бөлігі). Бұл сәйкессіздіктер сот практикасының біркелкілігін жасай алмайды [3, с. 167].

ҚР Патенттік Заңында көзделген өнеркәсіптік үлгіге патенттің қолданылу мерзімі өнеркәсіптік үлгілерді қорғау жөніндегі хаттаманың нормаларымен үйлестірілді, ол қазір 2022 жылғы 20 маусымнан кейін жиырма бес жылға тең.

Тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіге құқықты қорғау сот тәртібімен жүзеге асырылады.

Тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіге құқықтар субъектілерінің шеңбері анықталды:

1) өнеркәсіптік меншік объектісінің авторы (авторлары);

2) егер жұмыскер мен оның арасындағы шартта өзгеше көзделмеген жағдайларда жұмыс беруші;

3) құқық мирасқоры (құқық мирасқорлары), оның ішінде басқаға беру тәртібімен тиісті құқық алған (алған) адам (адам);

4) олардың арасында келісім болған жағдайда тұлғаларға бірлесіп (ҚР Патенттік Заңының 34-1-бабы).

ҚР Патенттік Заңының 34-1-бабының 5-тармағына сәйкес тіркелмеген өнеркәсіптік үлгінің иесі, егер даулы пайдалану оның тіркелмеген өнеркәсіптік үлгісін көшірудің салдары болып табылса ғана, Заңның 11-бабының 2-тармағында көрсетілген пайдалану әрекеттеріне кедергі жасауға құқылы.Даулы пайдалану, егер ол автордың басқа өнеркәсіптік үлгісін жасау жөніндегі тәуелсіз жұмыс нәтижесінде пайда болса, тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіні көшірудің салдары болып саналмауға тиіс, ол жарияланған өнеркәсіптік үлгі туралы мәліметтерді иеленбеген тұлға болып негізді түрде есептелуі мүмкін[10].

Жалпы тіркелмеген өнеркәсіптік үлгіні енгізу жеңіл өнеркәсіп саласындағы дизайнерлік шешімдерге айрықша құқықтардың иелері үшін оң мәнге ие деп есептейміз, бұл оларға өнеркәсіптік үлгілермен салыстырғанда неғұрлым жеңілдетілген тәртіппен құқықтық қорғауды алуға мүмкіндік береді.

Талқылау нәтижесінде Қазақстан Республикасының заңнамасындағы даралау құралдарының саны географиялық нұсқауды толықтырды (ҚР АК 961-бабының 3-тармағы), бұл зияткерлік меншік объектілерінің осы түрін реттейтін 2022 жылғы 20 маусымнан кейін заң атауының өзгеруіне әкелді: «Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқаулар және тауарлар шығарылған жерлердің атауларында туралы» 1999 жылғы 26 шілдедегі Қазақстан Республикасының Заңы.

Осылайша, қабылданған өзгерістер нәтижесінде ҚР АК 1034-1037-баптарына географиялық нұсқау енгізілді, өз кезегінде ҚР АК 1033-бабының 2-тармағына және ҚР Тауар белгілері туралы Заңының 1-бабының 3-тармақшасына «географиялық нұсқау» ұғымы толықтырылды және нақтыланды.

Айта кету керек, Ресей заңнамасында бұл тұжырымдама 2018 жылы енгізілген.

Зияткерлік меншік объектілеріне құқықтарды қорғау және қорғау туралы хаттамаға (2014 жылғы 29 мамырдағы Еуразиялық экономикалық одақ туралы шартқа № 26 қосымша) сәйкес VI бапта зияткерлік меншік объектілері ретінде географиялық нұсқаулар көзделген. Атап айтқанда, хаттаманың 17-тармағына сәйкес географиялық көрсеткіш дегеніміз, егер тауардың сапасы, беделі немесе басқа сипаттамалары оның географиялық шығу тегіне байланысты болса, тауарды осы аумақтағы мүше мемлекеттің, аймақтың немесе аймақтың аумағынан шыққан деп анықтайтын белгі деп түсініледі. 18-тармақта, егер мұндай құқықтық қорғау осы мүше мемлекеттің заңнамасында немесе ол қатысушысы болып табылатын халықаралық шарттарда көзделсе, географиялық нұсқауға мүше мемлекеттің аумағында құқықтық қорғау берілуі мүмкін екендігі көзделген[11].

Осылайша, географиялық нұсқауларды зияткерлік меншік объектілерінің қатарына қосу ЕЭК[12] жүргізген талдамалық шолудың нәтижесі болды, онда осы институтты

---

[10] *Қазақстан Республикасының патент заңы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 16 шілдедегі № 427-I Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51013991#activate_doc= 2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[11] *Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности (приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31568089&base_id=1&TryBillingDoc=1&pos=63;-54#pos=63;-54. (дата обращения: 28.03.2024).*

[12] *Аналитический обзор в сфере интеллектуальной деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/c9f/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-16.07.2020.pdf. (дата обращения: 28.03.2024).*

ЕАЭО-ға мүше елдердің заңнамасына енгізу ұсынылды.

ҚР Тауар белгілері туралы Заңының 1-бабының 3-тармақшасына сәйкес географиялық нұсқау - географиялық объектінің аумағынан шығатын, белгілі бір сапасы, беделі немесе басқа да сипаттамалары оның географиялық шығу тегіне едәуір дәрежеде байланысты тауарды сәйкестендіретін белгі. Осы географиялық объектінің аумағында оның сипаттамаларын қалыптастыруға елеулі әсер ететін тауар өндірісінің ең болмағанда бір сатысы жүзеге асырылуға тиіс[13].

Г.И. Тахировпен «географиялық нұсқау» ұғымының мазмұнын заңда бекіту ұсынылады, ол табиғи ортасы немесе оның этнографиялық факторлары тауардың қасиеттері мен сапаларына әсер ететін, тұтынушыда аталған қасиеттерге байланысты тауардың тұрақты беделін тудыратын белгілі бір географиялық аймақтан шыққан тауарларды сәйкестендіруге қызмет ететін белгіні біледі. Географиялық нұсқау деп әртүрлі семантикалық сипаттамалары бар екі объектіні түсіну керек екендігі анықталды: тауардың шыққан жерін көрсету және тауардың шыққан жерінің атауы [7, с. 8].

О.Ю. Широкова сәл өзгеше позицияны ұстанады. Ол белгілі бір аумақтан шыққан кезде тауарды даралау үшін қолданылатын даралау құралдары ретінде тауардың шығу тегі, тауардың шыққан жерінің атауы және географиялық көрсеткішін ажырату керек деген қорытындыға келді. Географиялық нұсқау пен ТШЖА-ны тауардың шығу аумағымен шартталған ерекше қасиеттері/сапасы азды-көпті дәрежеде болатын тауарды дараландыратын белгілеулер тобын құрайтын ретінде қарастыру ұсынылады, өз кезегінде тауардың шығу тегін көрсету тауарды сәйкестендіретін белгі ретінде қарастырылуы керек, белгілі бір аумақтан ерекше қасиеттермен/сапамен, беделмен байланысы жоқ [8, с. 12-13].

Э. А. Шахназарова тауарлар мен қызметтердің географиялық шығу тегін көрсететін және олардың ерекше қасиеттерінің, сапасының, беделінің халықаралық және ұлттық деңгейде құқықтық қорғалатын жекелендіру құралдарының географиялық объектісімен байланысын куәландыратын алуан түрлілігіне байланысты және осындай белгілерге қатысты терминологиялық белгісіздіктің сақталуына байланысты деп жазады, доктриналық деңгейде олар үшін «географиялық белгілеу» ұжымдық терминін енгізу ұсынылады. Яғни, автор іс жүзінде осы институт шеңберінде тауарлардың географиялық белгіленуі және шыққан жерінің атаулары сияқты түрлерді бөліп көрсете отырып, «географиялық белгілеу» түрлік ұғымын бөліп көрсетті.

Географиялық белгілеу дегеніміз-белгілі бір географиялық объектіден тауардың пайда болуын көрсететін даралау құралы, оның табиғи және адами факторлары оның ерекше қасиеттеріне, сапасына, беделіне байланысты. Географиялық белгілерге тауарлардың шығарылған жерінің атаулары мен географиялық нұсқаулар жатады [9, с. 14-15].

Бір қарағанда, бұл объектілердің көптеген ұқсас белгілері бар, бұл географиялық нұсқаутын тәуелсіздігіне және оның жеке өмір сүру қажеттілігіне күмән келтіруі мүмкін.

ҚР Тауар белгілері туралы заңының 1 бабының 11-тармақшасына сүйене отырып, тауар шығарылған жердің атауы – елдің, елді мекеннің, жердің немесе басқа географиялық объектінің қазіргі немесе тарихи, ресми немесе бейресми, толық немесе қысқартылған атауы бар, осындай атауды немесе осындай атаудың туындысын қамтитын және оны тауарға қатысты пайдалану нәтижесінде белгілі болған, айрықша қасиеттері тек немесе негізінен осы географиялық сипатта айқындалатын белгі объектінің табиғи жағдайлары және (немесе) адам факторлары. Осы географиялық объектінің аумағында тауардың ерекше қасиеттерін қалыптастыруға елеулі әсер ететін тауар өндірісінің барлық кезеңдері жүзеге асырылуға тиіс[14].

Э.А. Шахназарова тауарлар шығарылған жерлердің атауларын және географиялық көрсеткіштерді саралау критерийі ретінде барлық сатылардың (тауарлар шығарылған жердің атаулары болған жағдайда) немесе тауар өндірісінің белгілі бір сатысының (географиялық нұсқаулар болған жағдайда) географиялық объектімен байланысын пайдалануды ұсынады. Бұл тәсілді Ресей заңнамасында және басқа мемлекеттердің ұлттық заңнамаларында географиялық нұсқаулар мен тауарлардың шығарылған жерлерінің

---

[13] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[14] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні 28.03.2024).*

атауларын бір мезгілде қорғауды көздейтін немесе енгізуге ниетті қолданған жөн. Бұл ретте ЕО заңнамасында ауыл шаруашылығы өнімдері мен азық-түлікке қатысты іске асырылған аталған критерийді ұлттық заңнамаға, сондай-ақ Ресей заңнамасында ауыл шаруашылығы өнімдері мен азық-түлік өнімдеріне ғана емес, сонымен қатар нақтыланған тауарлардың басқа да санаттарына да тарату ұсынылады (мысалы, ЕО № 1308/2013 регламентінде, күзетуге қатысты жасалғандай жүзім шараптары), тауарлардың өзге (оның ішінде азық-түлікке жатпайтын) санаттарының қорғалуын қамтамасыз ету үшін тауарлар шығарылған жердің географиялық нұсқаулары мен атауларын саралау мақсатында осы тауарлардың ерекшелігін және оларды өндірудің негізгі кезеңдерін ескеретін, өйткені тауар шығарылған жерлердің атаулары мен географиялық нұсқаулары тауар өндірісінің географиялық объектімен байланыс деңгейі бойынша саралау тауар санатына және саласына қарамастан қолданылуы мүмкін [9, с. 17-18].

Екі объектіге талдау жасай отырып, олардың ортақтығы туралы қорытынды жасалады, бұл өнімді дараландыратын құралдар. Алайда айырмашылықтар да бар.

Біріншіден, географиялық нұсқау байланысты аумақта өндірістің кем дегенде бір кезеңі орналастырылуы керек, ал тауар шығарылған жердің атауы байланысты аумақта тауар өндірісінің барлық кезеңдері жүзеге асырылуы керек.

Екіншіден, географиялық нұсқау үшін тауардың сипаттамалары тек географиялық шығу тегімен байланысты, ал тауардың шыққан жерінің атауы үшін тауардың сипаттамаларына географиялық объектінің табиғи жағдайлары және (немесе) адам факторы әсер етеді.

Үшіншіден, географиялық нұсқау үшін географиялық объектінің аумағынан шығу тегін сәйкестендіретін белгі ғана тән, ал тауар шығарылған жердің атауы үшін елдің, елді мекеннің, жердің немесе басқа географиялық объектінің қазіргі немесе тарихи, ресми немесе бейресми, толық немесе қысқартылған атауы бар, осындай атауды немесе оның туындысын қамтитын белгі болуы мүмкін осындай атаумен және оны тауарға қатысты пайдалану нәтижесінде белгілі болады.

Екі объектінің ерекшелігі оларға айрықша құқықтың мазмұнында да көрінеді.

Нгуен Ван Чанг тауарлық белгілер жағдайынан айырмашылығы, географиялық нұсқауларға осы өнеркәсіптік меншік объектісіне монополиялық құқық берілген субъектінің жеке анықталған иесі жоқ деп санайды. Айрықша құқықтар институтының мәні болып табылатын біреудің монополиялық құқығын географиялық көрсеткіштерге мүлдем белгілеу мүмкін емес. ТШЖА немесе географиялық нұсқаулардың заңды пайдаланушыларына билік ету құқығы да, тыйым салу құқығы да берілмейді. Егер олардың тауарлары ерекше қасиеттерімен ерекшеленсе және өз атауын өз тауарларына орналастырылған географиялық белгіге берген жерде өндірілсе, олар тек тиісті мемлекеттік органнан географиялық белгіні пайдалануға рұқсат алады. Мұның бәрінен заңды пайдаланушыларға географиялық нұсқаулар берілген субъективті құқықтың айрықша құқықтар саласында баламасы жоқ екендігімен қортындылауға болады. Сондықтан ТШЖА заңды пайдаланушыларының субъективті құқығын және географиялық нұсқауларды айрықша құқықтарға теңестіруге болмайды. Бұл құқық ерекше құқық болып табылады - sui generis құқығы [10, с. 12-13].

ҚР Тауар белгілері туралы заңының 25-40-бабы тауар шығарылған жердің атауына ғана емес, сонымен қатар географиялық нұсқауға де қатысты қолданылады. Тауар белгілері туралы заңның 27-бабының жаңартылған редакциясына сәйкес және тіркеуге тыйым салатын нормалармен толықтырылған тауарлар шығарылған жерлердің географиялық нұсқаулары мен атаулары ретінде бұрын географиялық нұсқау ретінде тіркелген белгілер және сол түрдегі тауарға қатысты тауар шығарылған жердің атауы тіркелмейді; егер тауарлар шығарылған жердің осындай географиялық нұсқаулары мен атауларын пайдалану тұтынушыны тауарға және оны өндірушіге қатысты жаңылыстыруға қабілетті болса, басқа тұлғаның атына бұрын тіркелген белгілеумен бірдей немесе ұқсас. Тауар шығарылған жердің географиялық нұсқау және атауы болып танылмайды және оны құқықтық қорғау мақсаттары үшін географиялық объектінің атауын білдіретін немесе қамтитын болса да, бірақ Қазақстан Республикасында оны өндіру орнына байланысты емес белгілі бір түрдегі тауардың белгісі ретінде жалпыға бірдей пайдалануға енген белгі тіркелуге жатпайды[15].

ҚР Тауар белгілері туралы заңының 28-бабы 2-тармағы өтінім берушінің географи-

[15] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаула-*

ялық нұсқаулардың мемлекеттік тізіліміне немесе тауар шығарылған жер атауларының мемлекеттік тізіліміне енгізілгенге дейін оларды қараудың кез келген кезеңінде тауар шығарылған жердің географиялық нұсқауына немесе атауына өтінімді кері қайтарып алу мүмкіндігі көзделген[16].

ҚР Тауар белгілері туралы заңының 29-бабы 2-тармағы географиялық нұсқауға өтінімге қойылатын талаптар нақтыланды. Осылайша, географиялық нұсқауға өтінім үлгілік бланкіде ұсынылуға тиіс және онда: географиялық нұсқауды мемлекеттік тіркеу туралы және (немесе) өтініш берушіні (өтініш берушілерді), сондай-ақ оның (олардың) орналасқан жерін немесе тұрғылықты жерін көрсете отырып, осындай географиялық нұсқауға құқық беру туралы өтініш; мәлімделетін белгі; өзіне қатысты сұралатын тауардың түрі қамтылуға тиіс географиялық нұсқауды мемлекеттік тіркеу; тауардың шығарылған (өндірілген) орнын (географиялық объектінің шекараларын) көрсету; тауар сипаттамаларының шығарылған (өндірілген) жерімен байланысына қатысты мәліметтер; тауар сапасының, беделінің және (немесе) оны өндіру үшін пайдаланылатын бастапқы материалды, физикалық, химиялық, микробиологиялық, органолептикалық немесе өзге де сипаттамаларды қоса алғанда) оның географиялық шығу тегімен едәуір дәрежеде айқындалатын өзге де сипаттамаларының сипаттамасы; тауарды өндіру тәсілінің сипаттамасы, сондай-ақ, егер бұл тауардың сипаттамаларын қалыптастыруға және сақтауға айтарлықтай әсер етсе, оны сақтау және тасымалдау шарттары туралы ақпарат; егер Қазақстан Республикасының заңдарында көзделген болса, тауар өндіру жөніндегі қызметті жүзеге асыру құқығын растайтын мәліметтер[17].

Егер атауы географиялық нұсқау ретінде мәлімделетін географиялық объект ҚР аумағында болса, өтінімге жергілікті атқарушы органның осы географиялық объектінің шекарасында өтінім беруші тауардың ерекше қасиеттерін қалыптастыруға елеулі әсер ететін тауар өндірісінің ең болмағанда бір сатысын жүзеге асыратыны туралы қорытындысы қоса беріледі.Сондай-ақ өтінімге мәлімделген тауардың белгілі бір сапасы, беделі және (немесе) басқа да сипаттамалары едәуір дәрежеде оның географиялық шығу тегімен айқындалатынын растайтын құжат (құжаттар) қоса беріледі (ҚР тауар белгілері туралы заңының 29-бабының 3-тармағы).

ҚР Тауар белгілері туралы заңының 30-бабының 1-тармағына сәйкес тауардың шығарылған жерін географиялық көрсетуге және атауына өтінімдерге сараптама жүргізу мерзімі 30 жұмыс күнінен 3 айға дейін ұзартылды. 30-баптың 2-тармағының 2-бөлігіне сәйкес өтініш берушінің сараптама ұйымы сұратқан қосымша материалдарды ұсыну мерзімі 3 айдан 6 айға дейін ұзартылды[18].

Тауар белгілері туралы ҚР заңы 30-1 және 30-2-баптармен толықтырылды, олар тиісінше географиялық нұсқауға өтінім және тауар шығарылған жердің атауына өтінім туралы мәліметтерді жариялау жөніндегі талаптарды, сондай-ақ оларды тіркеуге және (немесе) пайдалану құқығын беруге қарсылық беру тәртібін көздейді[19].

Біздің ойымызша, тауардың шығарылған жерлерін географиялық көрсетуге және атауға келіп түскен өтінімдер туралы жариялауға қатысты инновация аталған даралау құралдарына құқықтық қорғауды ұсынудың ашық және болжамды рәсімін жасайды, сондай-ақ ҚР тауар белгілері туралы заңының 42 бабының 1 тармағының 1 тармақшасына сәйкес Қазақстанда тауардың шығарылған жерін географиялық көрсетуге және оның атауына куәлік берудің заңдылығы туралы сот дауларының санын азайтады.

ҚР тауар белгілері туралы заңының 32-бабының 2-тармағына сәйкес өтінім беруші өтінім бойынша шешім қабылданғанға дейін

ры туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).

[16] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[17] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[18] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[19] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

географиялық нұсқауға өтінімді тауар шығарылған жердің атауына өтінімге және керісінше, заң талаптары сақталған жағдайда түрлендіруге құқылы[20]. Осыған ұқсас құқық ҚР Патенттік заңының 28-бабына сәйкес өнертабысқа және пайдалы модельге өтінімдер бойынша өтініш беруші үшін көзделген.

ҚР тауар белгілері туралы заңының 35-бабына сәйкес географиялық нұсқаулардың мемлекеттік тізіліміне және тауарлар шығарылған жерлердің мемлекеттік тізіліміне енгізілген тауарлар шығарылған жерлердің географиялық нұсқаулары мен атауларын тіркеуге қатысты мәліметтерді жариялау тәртібі мен мерзімі өзгертілді. Мұндай мәліметтерді сараптама ұйымы апта сайын оның интернет-ресурсында орналастырады[21].

ҚР тауар белгілері туралы заңының 40-бабының 2-тармағында тауар шығарылған жердің географиялық нұсқаулары мен атауын пайдалану құқығының қолданылуын тоқтату негіздерінің тізбесі кеңейтілді:

құқық иеленушінің өзіне қатысты географиялық нұсқаулардың мемлекеттік тізілімінде және тауарлар шығарылған орындар атауларының мемлекеттік тізілімінде көрсетілген ерекше қасиеттері, сапасы, беделі және басқа да сипаттамалары бар тауар өндіру жөніндегі қызметті жүзеге асыру құқығынан айырылуы;

тауар белгілері туралы заңның 40-бабының 1-тармағында көрсетілген негіздер бойынша тауар шығарылған жердің географиялық көрсеткіші мен атауын құқықтық қорғауды тоқтату;

шетелдік заңды тұлғаның, шетелдіктің немесе азаматтығы жоқ адамның осы географиялық көрсеткішке және тауар шығарылған елдегі тауар шығарылған жердің атауына құқығынан айырылуы[22].

Қорытынды

Сондай-ақ, зияткерлік меншіктің жекелеген объектілерінің гибридті құқықтық режимдерін құру тенденциясын атап өткен жөн, мысалы, тіркелмеген өнеркәсіптік үлгілердің пайда болуы және реттелуі, бұл авторлық және патенттік құқық режимі арасындағы белгілі бір компаға келу, өмірлік циклі салыстырмалы түрде қысқа, бірақ маңызды болып табылатын шешімдер үшін құқықтық қорғауды алуға неғұрлым мобильді тәсілді қамтамасыз ету мақсатында құрылған индустрияны, атап айтқанда жеңіл өнеркәсіпті дамыту.

Қазақстан заңнамасына тауарлар шығарылған жерлердің атауынан ерекшеленетін географиялық нұсқау сияқты объектілерді енгізу экономикалық қатынастарды дамытудағы икемділікті тағы да растайды, ал құқық қатынастардың регламенттелген негізін қамтамасыз етуге арналған. Әрине, адамдардың зияткерлік іс-әрекетінің жаңа объектілер мен өзара әрекеттесу формаларының пайда болу қабілеті.

Сонымен қатар, ЕАЭО мемлекеттерінің ұлттық заңнамаларын үйлестіру жолында жаңа міндеттер туындайды: қолданыстағы постулаттар арасындағы тепе-теңдікті табу, мысалы, тауар белгілеріне қатысты айрықша құқықтардың аумақтық сипаты және жосықсыз бәсекелестік.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Ивлиев Г.П., Егорова М.А. Частное право: Обеспечение правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и коммерциализации прав на них в ЕАЭС // https://rospatent.gov.ru/ru/news/chastnoe-pravo-tom-74-11-2021. (дата обращения: 28.03.2024).

2. Воронцова Л.С. Правовая модель евразийского патента и гармонизация патентного законодательства: автореф. дисс. … к.ю.н. – М., 1996. - 20 с.

3. Гончар Т.М. Правовая охрана промышленных образцов в соответствии с протоколом об охране промышленных образцов к Евразийской Патентной конвенции 1994 г. // Сборник научных статей / главный редактор С. Е. Чебуранова. – Гродно: ГрГУ, 2020. – Часть 2. - 194 с.

[20] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[21] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

[22] *Тауар белгілері, қызмет көрсету белгілері, географиялық нұсқамалар және тауарлар шығарылған жерлердің атаулары туралы Қазақстан Республикасының 1999 ж. 26 шілдедегі № 456-1 Заңы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51014203#activate_doc=2 (жүгінген күні: 28.03.2024).*

4. Галиакперов А.С. Международно-правовая охрана изобретений, полезных моделей и промышленных образцов на региональном уровне: автореф. дисс ... к.ю.н. – М., 2014. – 33 с.

5. Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipcmagazine.ru/patent-law/issues-intersection-legal-regimes-workof-design-and-industrial-design. (дата обращения: 28.03.2024).

6. Николаева М.С. Незарегистрированный промышленный образец ЕС: перспективы введения аналогичного режима в России // Пробелы в российском законодательстве. № 5. – 2015. // - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistrirovannyy-promyshlennyy-obrazets-esperspektivy-vvedeniya-analogichnogo-rezhima-v-rossii. (дата обращения: 28.03.2024).

7. Тахиров Г.И. Совершенствование правовой охраны географических указаний в Республике Таджикистан: автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2004 - 26 с.

8. Широкова О.Ю. Виды средств индивидуализации товара, происходящего с определенной территории: автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2016. – 31 с.

9. Шахназарова Э.А. Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве: автореф. ... к.ю.н. – М., 2019. - 33 с.

10. Нгуен Ван Чанг. Географические указания как объекты правовой охраны во Вьетнаме и в России: автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2003. – 34 с.

REFERENCES

1. Ivliev G.P., Egorova M.A. Chastnoe pravo: Obespechenie pravovoj ohrany rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti i kommercializacii prav na nih v EAJeS // https://rospatent.gov.ru/ru/news/chastnoe-pravo-tom-74-11-2021. (data obrashhenija: 28.03.2024).

2. Voroncova L.S. Pravovaja model' evrazijskogo patenta i garmonizacija patentnogo zakonodatel'stva: avtoref. diss. ... k.ju.n. – M., 1996. - 20 s.

3. Gonchar T.M. Pravovaja ohrana promyshlennyh obrazcov v sootvetstvii s protokolom ob ohrane promyshlennyh obrazcov k Evrazijskoj Patentnoj konvencii 1994 g. // Cbornik nauchnyh statej / glavnyj redaktor S. E. Cheburanova. – Grodno: GrGU, 2020. – Chast' 2. - 194 s.

4. Galiakperov A.S. Mezhdunarodno-pravovaja ohrana izobretenij, poleznyh modelej i promyshlennyh obrazcov na regional'nom urovne: avtoref. diss ... k.ju.n. – M., 2014. – 33 s.

5. Minakova A.I. Voprosy peresechenija pravovyh rezhimov proizvedenija dizajna i promyshlennogo obrazca – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ipcmagazine.ru/patent-law/issues-intersection-legal-regimes-workof-design-and-industrial-design. (data obrashhenija: 28.03.2024).

6. Nikolaeva M.S. Nezaregistrirovannyj promyshlennyj obrazec ES: perspektivy vvedenija analogichnogo rezhima v Rossii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. № 5. – 2015. // - [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/nezaregistrirovannyy-promyshlennyy-obrazets-esperspektivy-vvedeniya-analogichnogo-rezhima-v-rossii. (data obrashhenija: 28.03.2024).

7. Tahirov G.I. Sovershenstvovanie pravovoj ohrany geograficheskih ukazanij v Respublike Tadzhikistan: avtoref. diss. ... k.ju.n. – M., 2004 - 26 s.

8. Shirokova O.Ju. Vidy sredstv individualizacii tovara, proishodjashhego s opredelennoj territorii: avtoref. diss. ... k.ju.n. – M., 2016. – 31 s.

9. Shahnazarova Je.A. Ohrana sredstv individualizacii, soderzhashhih ukazanie na geograficheskoe proishozhdenie tovarov, v mezhdunarodnom chastnom prave: avtoref. ... k.ju.n. – M., 2019. - 33 s.

10. Nguen Van Chang. Geograficheskie ukazanija kak ob#ekty pravovoj ohrany vo V'etname i v Rossii: avtoref. diss. ... k.ju.n. – M., 2003. – 34 s.

ӘОЖ 347.1
ҒТАМР 10.27.23

ҚАРЖЫ ҚҰРАЛДАРЫ АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ОБЪЕКТІЛЕРІ РЕТІНДЕ

Мадина Қойшыбайқызы Жусупбекова[1]
Заң ғылымдарының кандидаты, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің «Құқықтану» кафедрасының доценті; Қызылорда қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-3858-0472

Қалдарбек Жүнісбайұлы Қуандықов
Заң ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Кеден, қаржы және экологиялық құқық» кафедрасының доценті; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: kuandykov_kzh@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org /0000-0002-1200-3247

Эльмира Орынтайқызы Тойлыбекова
Заң ғылымдарының кандидаты, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің «Құқықтану» кафедрасының аға оқытушысы; Қызылорда қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: elmira-01-1981@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0002-9301-9626

Аннотация. *Мақала азаматтық құқықтық қатынастар объектілерінің бірі-қаржы құралдарына арналған. Қазіргі қоғамда бизнесті тиімді басқару үшін қаржы құралдары қажет, олар стратегиялық шешімдер қабылдауда, қаржылық процестерді оңтайландыруда және экономиканың тұрақтылығы мен өсуін қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады. Сонымен қатар, қаржы құралдары кірістер мен шығыстарды болжауға және бақылауға, тәуекелдерді басқаруға, инвестицияларды тартуға және қаржылық операцияларды жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Осыған байланысты, мақалада авторлар шаруашылық жүргізуші субъектілердің инвестициялық белсенділігін, олардың бәсекеге қабілеттілігін, жалпы ұлттық экономиканы арттыратын қаржы құралдарын практикаға енгізу қажеттілігін көрсетеді. Мақалада авторлар қаржы құралдарының анықтамаларын, шетелдік және отандық ғалымдардың мәліметтерін, нормативтік құқықтық актілер мен халықаралық құжаттарда көрсетілген анықтамаларды ұсынады.*

Мақала авторлары қаржы құралдарының негізгі белгілерін көрсетеді: болашақ ақша ағындарын құру қабілеті, ұйымдасқан және ұйымдастырылмаған нарықтарда сауда жасау қабілеті, ақшалай құндылықты сақтау қабілеті, келісімшарт түрінде заңды нысаны бар. Сонымен қатар, мақалада авторлар тәуекелді азайту, қысқа мерзімді пайда алу, қаржыландыру көздерін жұмылдыру және қаржылық операцияларды жеңілдету болып табылатын қаржы құралдарының артықшылықтарын анықтайды.

Авторлар тақырып бойынша біршама қорытындылар жасап, қаржы құралдарының екі түрі бар: бастапқы және туынды - деп пікір білдіреді. Бастапқы қаржы құралдары - бұл белгілі бір қаржылық активті сатып алуды-сатуды немесе жеткізуді-алуды көздейтін, нәтижесінде өзара қаржылық талаптар туындайтын қаржы құралдары. Туынды қаржы құралы - бұл болашақта оның тараптары арасындағы болашақ баға бойынша ақшалай есеп айырысу жүзеге асырылатын шарт.

Түйінді сөздер: *азаматтық құқық объектілері, қаржы құралдары, форвард, своп, облигациялар, фьючерстер, опциялар, бағалы қағаздар.*

[1] *Хат-хабарларға арналған автор*

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Жусупбекова Мадина Койшибаевна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоведение» Кызылординского университета имени Коркыт Ата; г. Кызылорда, Республика Казахстан; e-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-3858-0472

Қуандықов Қалдарбек Жүнісбаевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Таможенное, финансовое и экологическое право» КазНУ имени аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: kuandykov_kzh@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org /0000-0002-1200-3247

Тойлыбекова Эльмира Орынтаевна
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Правоведение» Кызылординского университета имени Коркыт Ата; г. Кызылорда, Республика Казахстан; e-mail: elmira-01-1981@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0002-9301-9626

Аннотация. *Статья посвящена одним из объектов гражданских правоотношений – финансовым инструментам. В современном обществе финансовые инструменты нужны для выгодного управления бизнесом, они играют важную роль в принятии стратегических решений, оптимизации финансовых процессов и обеспечении стабильности и роста экономики. Помимо этого, финансовые инструменты позволяют прогнозировать и контролировать доходы и расходы, управлять рисками, привлекать инвестиции и осуществлять финансовые операции. В этой связи авторы в статье указывают на необходимость введения в практику финансовых инструментов, которые повышают инвестиционную активность хозяйствующих субъектов, их конкурентноспособность, в общем национальную экономику. В статье авторами приводятся определения финансовых инструментов, данные зарубежными и отечественными учеными, определения указанные в нормативно-правовых актах и международных документах.*

Авторы статьи выделяют основные признаки финансовых инструментов: способность создавать будущие денежные потоки, способность торговать на организованных и неорганизованных рынках, способность сохранять денежную ценность, имеющую юридическую форму в форме договора. Кроме того, в статье авторы определяют преимущества финансовых инструментов, которые заключаются в снижении риска, получении краткосрочной прибыли, мобилизации источников финансирования и упрощении финансовых операций.

Авторы приходят к выводу о том, что существует два типа финансовых инструментов: первичный и производный. Первичные финансовые инструменты - это финансовые инструменты, которые предполагают покупку-продажу или доставку - приобретение определенного финансового актива, что приводит к взаимным финансовым требованиям. Производный финансовый инструмент - это договор, по которому в будущем между его сторонами будет осуществлен денежный расчет по будущей цене.

Ключевые слова: *объекты гражданского права, финансовые инструменты, форвард, своп, облигации, фьючерс, опции, ценные бумаги.*

FINANCIAL INSTRUMENTS AS OBJECTS OF CIVIL LAW RELATIONS

Zhussupbekova Madina Koishybaevna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence at Korkyt Ata Kyzylorda University; Kyzylorda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-3858-0472

Kuandykov Kaldarbek Zhunisbaevich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Customs, Financial and Environmental Law at Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: kuandykov_kzh@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org /0000-0002-1200-3247

Toylybekova Elmira Oryntayeva
Candidate of of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Law at Korkyt Ata Kyzylorda University; Kyzylorda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: elmira-01-1981@ mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0002-9301-9626

Abstract. *The article is devoted to one of the objects of civil relations – financial instruments. In modern society, financial instruments are needed for profitable business management, they play an important role in making strategic decisions, optimizing financial processes and ensuring stability and economic growth. In addition, financial instruments allow you to predict and control income and expenses, manage risks, attract investments and carry out financial transactions. In this regard, the authors in the article point to the need to introduce into practice financial instruments that increase the investment activity of business entities, their competitiveness, and in general the national economy. In the article, the authors provide definitions of financial instruments given by foreign and domestic scientists, definitions specified in normative legal acts and international documents.*

The authors of the article point to such basic features of financial instruments as: the ability to generate future cash flows, the ability to trade in organized and unorganized markets, the ability to contain monetary value, and have a legal form in the form of a contract. At the same time, in the article, the authors identify the advantages of financial instruments, which consist in reducing risk, obtaining short-term profits, mobilizing sources of financing and facilitating financial transactions.

The authors draw some conclusions on the topic and claim that there are two types of financial instruments: primary and derivative. Primary financial instruments are financial instruments that involve the purchase-sale or delivery-acquisition of a certain financial asset, which leads to mutual financial requirements. A derivative financial instrument is an agreement under which a monetary settlement will be made between its parties at a future price in the future.

Keywords: *objects of civil law, financial instruments, forward, swap, bonds, futures, options, securities.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_104

Кіріспе

Объектілер азаматтық құқықтық қатынастардың құрамдас бөліктерінің бірі болып табылады. Ғылыми заң әдебиеттерінде азаматтық құқықтық қатынастардың объектілері деп азаматтық құқықтық қатынастар субъектілерінің құқықтары мен міндеттері неге бағытталғандығы түсініледі. Азаматтық құқықтық қатынастардың объектілеріне материалдық және рухани игіліктер жатады, оларға қатысты азаматтық құқық субъектілері бір-бірімен құқықтық қатынасқа, яғни құқықтық қатынастарға түседі.

Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің (бұдан әрі - ҚР Азаматтық кодексі) 115-бабына сәйкес, «азаматтық құқықтар объектілерінің түрлеріне мүліктік және жеке мүліктік емес игіліктер мен құқықтар жатады»[2].

Мүліктік игіліктер мен құқықтарға заттар, ақша, оның ішінде шетел валютасы, қаржы құралдары, жұмыстар, қызметтер, шығармашылық зияткерлік қызметтің объективті нәтижелері, фирмалық атаулар, тауар белгілері және бұйымдарды дараландырудың өзге де құралдары, мүліктік құқықтар, цифрлық активтер және басқа да мүлік жатады.

Жеке мүліктік емес игіліктер мен құқықтарға мыналар жатады: өмір, денсаулық, жеке адамның қадір-қасиеті, абырой, жақсы есім, іскерлік бедел, жеке өмірге қол сұғылмаушылық, жеке және отбасылық құпия, атау құқығы, авторлық құқық, туындыға қол сұғылмаушылық құқығы және

[2] *Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі:https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

басқа да материалдық емес игіліктер мен құқықтар[3].

Зерттеудің мақсаты - азаматтық-құқықтық қатынастар объектілері ретінде қаржы құралдарын құқықтық реттеуді теориялық талдау.

Зерттеу әдістері мен материалдары

Зерттеудің әдіснамалық негізі ғалымдардың ғылыми еңбектері мен азаматтық-құқықтық қатынастардың объектілері ретінде қаржы құралдарына арналған нормативтік-құқықтық актілерге теориялық талдауды қамтиды. Зерттеу барысында талдау және синтез, тарих және диалектикалық даму әдістері қолданылды.

Талқылау мен нәтижелер

Қаржы құралдары азаматтық-құқықтық қатынастар объектілері ретінде ҚР Азаматтық кодексінде 2008 жылы пайда болды. Қаржы құралдарын практикаға енгізу қажеттілігі ұлттық экономиканы дамыту, бәсекеге қабілеттілікті арттыру үшін шаруашылық жүргізуші субъектілердің инвестициялық белсенділігін арттыру қажеттігінен туындады.

Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік Кодексінің 274-бабына сәйкес, «инвестициялар деп лизинг шартын жасасқан кезден бастап қаржы лизингі нысанасын, сондай-ақ оларға құқықты қоса алғанда, заңды тұлғаның жарғылық капиталына немесе кәсіпкерлік қызмет үшін, сондай-ақ мемлекеттік - жекешелік әріптестік жобасын, оның ішінде концессиялық жобаны іске асыру үшін пайдаланылатын тіркелген активтерді ұлғайтуға инвестор салатын мүліктің барлық түрлерін айтамыз»[4].

Демек, инвестициялар деп дивидендтер, роялти және т.б. түрінде пайда әкелетін активтер түсініледі. Өзінің активтерін басқа ұйымдарға салған инвестор оларды акцияларды, берілген несиелерді және т.б. біліретін активтер жиынтығы ретінде есепке алады. Басқа ұйымға - инвестициялау объектісіне берілген бұл мүлік белгілі бір айналым жасай отырып, басқа нысандарға айналады. Бұл қатысуды көрсететін құжаттар қаржы құралдары деп аталады.

Қаржы құралы ұғымының заңды анықтамасы ҚР Азаматтық Кодексінің 128-1-бабында берілген, онда «қаржы құралы - операциялар нәтижесінде бір тұлғада - қаржы активі және басқасында қаржылық міндеттеме немесе үлестік құрал бір мезгілде туындайтын ақша, туынды бағалы қағаздарды қоса алғанда, бағалы қағаздар, туынды қаржы құралдары және басқа да қаржы құралдары» делінген[5].

Бұдан шығатыны, қаржы құралы - бұл бір субъектінің қаржылық активтері мен басқа субъектінің қаржылық міндеттемелерінің өсуі орын алатын кез келген келісімшарт, демек, бұл қаржы нарығында қысқа мерзімді және ұзақ мерзімді инвестициялаудың әртүрлі нысандарымен жүзеге асырылатын сауда. Демек, басқаша айтқанда, қаржы құралдары - бұл қаржы әлемінде көмектесетін және белгілі бір міндеттемелерді орындайтын құжаттар. Мысалы, бағалы қағаздар, акциялар, облигациялар және т.б.

Қаржы құралдары бағалы қағаздар айналымының дамуымен бірге пайда болған және тек бағалы қағаздарды қамтумен шектелмейтін, сонымен қатар қаржылық қызметті ұйымдастырумен жүзеге асырылатын кең ауқымды механизмдерді қамтитын экономикалық категория екені белгілі.

Шетелдік заң әдебиеттерінде «қаржы құралдары» терминіне қатысты көптеген анықтамалар бар. Сонымен, кейбір шетелдік ғалымдар, мысалы, Блэк.Дж. «Экономика бойынша Оксфорд түсіндірме сөздігінде» «қаржы құралдарын» бағалы қағаздармен теңестіреді [1], басқалары «қаржы құралдарын» біршама кеңірек анықтайды және оларды ақша мен бағалы қағаздар деп түсіндіреді [2, с. 116], басқалары, мысалы Ф. Фабоцци «қаржы құралдарын» «болашақ ақшалай құндылықта болатын қаржылық материалдық активтер» деп анықтайды [3, с. 27], төртіншілердің пікірі бойынша «қаржы құралдары» заңды келісім болып табылатын және ақшалай құндылықты қамтитын нақты немесе болжамды құжат ретінде қабылданады [4, p. 34].

Сонымен қатар, «қаржы құралдары» терминінің анықтамасы көптеген халықаралық құжаттарда және әртүрлі елдердің норма-

---

[3] *Сол жерде. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі:https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[4] *Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексі 2015 жылғы 29 қазанында №375-V - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[5] *Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы №.409-I - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

тивтік актілерінде берілген. Сонымен, «500 Халықаралық бағалау стандарты: Қаржы құралдары» құжатында "қаржы құралын" тараптар арасында ақшаны, басқа қаржылық сыйақыны немесе үлестік құралдарды алу немесе төлеу бойынша құқықтар мен міндеттемелерді тудыратын шарт ретінде анықтайды[6].

Қырғыз Республикасының «Бағалы қағаздар нарығы туралы» заңында «қаржы құралы» - бұл Қырғыз Республикасының аумағында айналысқа жіберілген бағалы қағаздар, ұлттық және шетел валютасындағы ақшалай қаражат және өзге де инвестициялық активтер екендігі көрсетілген[7].

Ресей Федерациясының «Бағалы қағаздар нарығы туралы» заңында «қаржы құралы» бағалы қағаз немесе туынды қаржы құралы ретінде танылады[8].

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, «қаржы құралы» термині бұрыннан бар және ол латынның financia, яғни «төлемді аяқтау, түпкілікті есеп айырысу» және латынның instrumentum, яғни «жабдық» деген сөзінен шыққан деген қорытынды жасауға болады.

Сонымен, АҚШ-та туынды құралдар (туынды құрал - көмекші қаржы құралы, болашақта болатын оқиға туралы шарт) және бұл туынды қаржы құралдары «securities» деп танылады, бұл біздің бағалы қағаздарымыздың белгілі бір аналогі сияқты. Бірақ «securities» пен бағалы қағаздарды толық сәйкестендіру толығымен дұрыс емес, өйткені ағылшын-американдық бағалы қағаздар теориясында «бағалы қағаздар» ұғымы жоқ, кейбір бағалы қағаздар үшін жалпыланған анықтама ғана бар (қарапайым және аударым векселі, чек) — айналым құжаты (negotiable instrument). Осылайша, Америка Құрама Штаттарында туынды құралдар азаматтық құқықтардың объектілері ретінде танылуы керек болғанына қарамастан, «бағалы қағаздар» терминіне роман-герман әлемінде бар бағалы қағаздардың барлық мағыналары мен сипаттамаларын қосуға болмайды [5, с. 269-271].

Қаржы құралдары отандық заңнамада нарықтық қатынастардың дамуымен байланысты кейінірек пайда болды. Қазақстандық ғалым Ф.С.Карагусов ҚР Азаматтық кодексінің тиісті баптарын талдай отырып, «қаржы құралы» ұғымы англо-саксондық құқық тұжырымдамасына негізделген деп есептейді, оған сәйкес құрал субъективті мүліктік құқық куәландырылатын және үшінші тұлғаға берілуі мүмкін құрал болып табылады. Сондай-ақ, егер мұндай құрал кез-келген валютадағы ақша сомасына қатысты өкілеттіктерді немесе оларды алу құқығын растайтын болса, онда бұл құралдар қаржы құралдары деп аталады. Ғалым сондай-ақ мұндай қаржылық интрузивтерге бағалы қағаздар, ақша беру шарттары, сондай-ақ ақшаның өзі кіретінін атап көрсетеді және қаржы құралдарының мазмұны ақшаға немесе қаржы нарықтарының объектілері болып табылатын ақшалай міндеттемелерге мүліктік құқықтардың кез келген заңды маңызды расталуын білдіретінін түсіндіреді [6, с. 6].

Сондықтан Ф.С. Карагусов ҚР Азаматтық кодексінде көрсетілген азаматтық құқық объектісі болып табылатын қаржыны, яғни азаматтық құқықтық қатынастардың жекелеген қатысушыларына тиесілі ақшалай талаптарды куәландыруға және беруге мүмкіндік беретін мүліктік құқықтарды куәландырудың осындай нысандарына жататын қаржы құралдары екенін әділ атап өтеді. Сонымен қатар, ғалым ҚР Азаматтық кодексінің 128-1 - бабына талдау жасай отырып, заң шығарушының біржақты көзқарасын атап өтеді, бұл бап азаматтардың қатысуымен қандай да бір салада қаржы құралдарының айналымына жол бермейді және мұндай қатынастар тек заңды тұлғалар арасында туындауы мүмкін және осыған байланысты заңды тұлғаларға қатысты қандай да бір білікті талаптарды көздеуді ұсынады [6, с. 7].

Жоғарыда айтылғандарды қорытындылай келе, Н.Моради Санидің пікірімен келісу керек деп ойлаймыз, ол кең мағынада қаржы құралдарын жоғары өтімді активтер мен міндеттемелер, сондай-ақ қаржылық ресурстарды қалыптастыру, бөлу және қайта бөлу процесінде шарттық негізде қаржы нарығында пайда болатын үлестік құралдар ретінде таниды, және оның ақшалай құны және болашақ ақша ағындарын құру мүмкіндігі бар. Тар мағынада ғалым қаржы

---

[6] *IVS 500: Financial Instruments - [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ivsc.org/files/file/view/id/672. (date of reference: 23.05.2024).*

[7] *Қырғыз Республикасының «Бағалы қағаздар нарығы туралы» 2009 жылғы 24 шілдедегі №251 Заңы. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30455765. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[8] *Ресей Федерациясының «Бағалы қағаздар нарығы туралы» 1996 жылғы 22 сәуірдегі №39 Федерация Заңы. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https:// https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22041996-n-39-fz-o/. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

құралдарын қаржылық есеп беруде, бағалауда, инвестициялауда және қызметтің басқа түрлерінде көрсету үшін қажетті шарт, қаржылық өнім және азаматтық құқықтардың басқа объектісі ретінде қарастырады [7, с. 58].

Осылайша, қаржы құралдары келісуге болатын және ақшалай құны бар және қаржы нарығында қаржылық операцияларды жүзеге асыруға көмектесетін әртүрлі қаржылық құжаттар ретінде танылады.

Жоғарыда айтылғандармен қатар, «қаржылық құралдар» заңды түрде бекітілген және келісім немесе келісім-шарт жасасуды білдіретінін мойындау керек, қаржы құралының кең таралған түрі бағалы қағаздар болып табылады. Қаржы құралдарының негізгі белгілеріне: болашақ ақша ағындарын құру қабілеті, ұйымдасқан және ұйымдастырылмаған нарықтарда сауда жасау қабілеті, ақшалай құнды ұстап тұру және келісімшарт түрінде құқықтық нысанда болу мүмкіндігін жатқызуға болады.

Қаржы құралдарының артықшылығы, біріншіден, тәуекелді төмендету, яғни қауіпсіздік торы бар. Қауіпсіздік торы - болашақта пайдалану үшін тараптарды қанағаттандыратын қазіргі жағдайда тоқтатылады. Екіншісі - қысқа мерзімді пайда алу, үшіншісі - қаржыландыру көздерін жұмылдыру, қаржылық операцияларды жеңілдету.

Қаржылық құралдарға мыналар жатады: қаржылық актив, қаржылық міндеттеме, үлестік құрал.

Қаржылық актив – бұл ақша немесе қандай да бір жағдайда оны талап ету құқығы; немесе үлестік құралды немесе басқа қаржы құралын ұсыну. Активтерге барлық қолда бар ақша қаражаттары, коммерциялық дебиторлық берешек, инвестициялар және бағалы қағаздар кіреді.

Айта кету керек, 2020 жылғы 25 маусымда ҚР-ның бірқатар заңнамалық актілеріне түзетулер енгізілді. Мәселен, ҚР Азаматтық кодексінің 115-бабы ҚР-ның нормативтік-құқықтық актілерімен және «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілерімен реттелетін айналымы материалдық игіліктің немесе мүліктің түрі болып табылатын «цифрлық актив» ұғымымен толықтырылды[9].

Бұдан басқа, 2023 жылғы 6 ақпандағы ҚР-ның «Қазақстан Республикасындағы цифрлік активтер туралы» заңының 5-бабында цифрлық актив қаржы құралы немесе қаржы активі болып табылмайтыны айтылған[10]. Демек, цифрлық актив қаржылық актив емес, бірақ азаматтық құқық объектілерінің шеңберіне кіреді.

Қаржылық міндеттеме - бұл бір тараптың құқықтық қатынастардың басқа қатысушысының қаржылық активтерін талап ете алатын шарт.

Міндеттемелерге кредиторлық берешек, сондай-ақ қарыздың барлық басқа түрлері кіреді.

Үлестік құрал - активтердің бір бөлігін алуға құқық беретін шарт.

Қаржы құралдарының екі түрі бар: бастапқы және туынды.

Бастапқы қаржы құралдары - бұл белгілі бір қаржылық активті сатып алуды-сатуды немесе жеткізуді-алуды көздейтін, нәтижесінде өзара қаржылық талаптар туындайтын қаржы құралдары. Бастапқы қаржы құралдарына мыналар жатады: қарыз шарты, несие шарты, факторинг, лизинг, үлестік құралдар және, ақша және т.б. Демек, бастапқы қаржы құралдары - бұл сатып алу-сату, қаржы активін (ақша қаражаты, мүлік, дайын өнім және т.б.) жалдау шарттарының нысандары.

ҚР Азаматтық кодексінің 128-2-бабына сәйкес, «туынды қаржы құралдары - болашақта осы шарт бойынша есеп айырысуды жүргізуді көздейтін, құны шарттың базалық активінің мөлшеріне (мөлшердің ауытқуын қоса алғанда) тәуелді шарт. Туынды қаржы құралдарына опциондар, фьючерстер, форвардтар, своптар және осы белгілерге сай келетін басқа да туынды, оның ішінде жоғарыда аталған туынды қаржы құралдарының комбинациясы болып табылатын қаржы құралдары жатады»[11].

Туынды қаржы құралы - бұл болашақта оның тараптары арасындағы болашақ баға бойынша ақшалай есеп айырысу жүзеге асырылатын шарт. Бұл болашақ бағаны тараптар анықтайды және базалық актив ретінде таңдалған мүліктің мөлшеріне байланысты болады.

Осылайша, туынды қаржы құралдары базалық активті сатып алу және жеткізу не-

---

[9] *Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[10] *ҚР-ның «Қазақстан Республикасындағы цифрлік активтер туралы» 2023 жылғы 6 ақпандағы №193-VII Заңы. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z2300000193. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[11] *Сол жерде. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген*

месе осы активтің кейбір сипаттамасымен байланысты кірісті алу және төлеу құқығын сатып алу және сату мүмкіндігін қамтамасыз ететін қаржы құралдары болып табылады. Туынды немесе қайталама қаржы құралдары, оларды туынды құралдар деп те атайды - бұл объектісі қандай да бір базистік актив болып табылатын қаржы құралдары.

Туынды қаржы құралдарына осы белгілерге жауап беретін опциондар, фьючерстер, форвардтар, своптар және басқа да туынды қаржы құралдары, соның ішінде жоғарыда аталған туынды қаржы құралдарының жиынтығы жатады. Демек, бұл тізім толық емес, туынды құралдардың белгілеріне сәйкес келетін басқа түрлері болуы мүмкін.

Туынды қаржы құралдарының базалық активтері тауарлар, тауарлардың стандарттанған партиялары, бағалы қағаздар, валюта, индекстер, пайыздық мөлшерлемелер және нарықтық құны, болашақ оқиғасы немесе жағдайы, туынды қаржы құралдары бар басқа активтер болып табылады.

Базалық актив мыналар болуы мүмкін: бағалы қағаздар (акциялар, облигациялар), валюта, тауар (бидай, бағалы металдар), қор индексі (Dow Jones), пайыздық мөлшерлеме (LIBOR) немесе тіпті басқа туынды құрал (фьючерстер). Туынды құралдың бағасы базалық активтің бағасымен «байланысты» Бұл байланыс базистік активтің нарықтық бағасының күтілетін динамикасымен анықталады. Базистік активтің бағасы неғұрлым тұрақсыз болса, одан алынған қаржы құралының бағасы соғұрлым жоғары болады.

Опцион немесе опцион шарты латынның опцион сөзінен аударғанда таңдау, қалау, тілек, таңдау құқығы, белгілі бір ақыға алынған дегенді білдіреді.

ҚР Азаматтық кодексінің 128-3-бабына сәйкес, «опцион - оған сәйкес бір тарап (опцион сатушысы) екінші тарапқа (опционды сатып алушы) болашақта келісілген жағдайларда пәтуаласқан баға бойынша базалық актив сатып алу немесе сату құқығын сататын туынды қаржы құралы»[12].

Сондықтан, опционды кейінге қалдыру шартымен жасалған мәміле деп тануға болады. Бұл жағдайда опционды сатушының ол бойынша орындауды ұсыну міндетін орындау опционды сатып алушы тарапынан тек опционды сатып алушының қалауы бойынша ұсынылуы немесе ұсынылмауы мүмкін тиісті талаптың көрсетілуіне байланысты болады. Базалық актив құны бар айналымға қабілетті мүлік болады.

ҚР Азаматтық кодексінің 128-3-баптың мәтінінде опцион сыйлықақы деп аталатын ақыға сатылады, яғни сыйлықақы азаматтық құқық объектісі – опцион үшін сатып алу-сату шартының бағасы болып табылады деп көрсетілген[13]. Демек, опцион - опционда келісілген баға бойынша көрсетілген мүлікті беруді немесе қабылдауды талап ету құқығы. Бұл опционның бағасын опциондағы мүлік бағасынан ажырату керек дегенді білдіреді.

Келісілген шарттар нені білдіреді? Бұл міндетті шарттар бойынша келісім, мысалы: базалық активті анықтау, базалық активтің жалпы құны, базалық активтің бағасы, опционның сыйақысы, опционның мерзімі мен түрі және т.б.

Келесі туынды қаржы құралы форвард болып табылады, ағылшын тілінен аударғанда алға, алдын ала дегенді білдіреді. Бұл тараптарды белгілі бір шарттарда және шарт жасау кезінде белгіленген баға бойынша белгілі бір мерзімде активті сатып алу немесе сату бойынша мәмілені жүзеге асыруға міндеттейтін келісім. ҚР Азаматтық кодексінің 128-5-баптың мәтінінде «форвард ұйымдастырылмаған нарықта жасалады»[14].

Фьючерс ағылшын тілінен аударғанда болашақ дегенді білдіреді. ҚР Азаматтық кодексінің 128-6-бабына сәйкес, «фьючерс - сатып алушы (немесе сатушы) ұйымдастырылған нарықта белгіленген стандартты шарттарға сәйкес базалық активті сатып алудың (немесе сатудың) белгіленген мерзімі өткеннен кейін міндеттемені өзіне алатын тек ұйымдастырылған нарықта айналымға түсетін туынды қаржы құралы»[15].

Бұл болашақта белгілі бір уақытта белгілі бір активті сатып алуға немесе сатуға арналған келісім-шарт. Яғни, іс жүзінде

күні: 23.05.2024).

[12] *Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[13] *Сол жерде. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[14] *Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

[15] *Сол жерде. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

бұл сізге қажет мерзімге кез-келген тауардың бағасын белгілейтін құрал. Фьючерстік келісім-шарттар компанияның акциялары, мұнай, қымбат металдар, валюта немесе тіпті ауа-райы болсын, активтердің кез келген түріне жасалады.

Қорлардың туынды құралдары дегеніміз не: опциондар, фьючерстер, форвардтар, своптар?

Ағылшын тілінен аударылғанда «своп» алмасу деген мағынаны білдіреді. ҚР Азаматтық кодексінің 128-4-бабына сәйкес, «своп - оған сәйкес тараптар келісілген шарттармен базалық активтер немесе болашақтағы базалық активтер бойынша төлемдерді айырбастау жөнінде пәтуаласатын туынды қаржы құралы»[16].

Своп сонымен қатар, осы активті белгіленген бағамен кері сатып алу бойынша қосымша міндеттемемен активті сату туралы келісім болып табылады. Своп бағалы қағаздардың белгілі бір көлемін алып, қысқа мерзімді мәміле жасау қажет болған кезде қолданылады. Своп - бұл активті белгіленген бағамен қайта сатып алу туралы қосымша міндеттемесі бар активті сату шарты. Бұл құралды, мысалы, бағалы қағаздардың белгілі бір көлемін алу және қысқа мерзімді мәміле жасау үшін пайдалануға болады.

Форвард - екі тарапты да келісілген мерзімде активті белгілі бір шарттарда және шарт жасасу сәтінде белгіленген баға бойынша сатып алу/сату бойынша мәміле жүргізуге міндеттейтін шарт. Форвардтық келісім-шарт, сонымен қатар, активті нақты жеткізуді келісілген мерзімде жүзеге асырмауға мүмкіндік береді, бірақ бұл жағдайда келісімшартта көрсетілген баға мен нарықтық баға арасындағы айырмашылық орындалу күнінде есептеледі, содан кейін айырмашылықты бір тарап екінші тараптың пайдасына өтейді.

Қорытынды

Қаржы құралдарын реттейтін ҚР Азаматтық кодексінің нормаларын талдау мынадай қорытынды жасауға мүмкіндік береді:

1) Қаржы құралдары азаматтық құқықтық қатынастардың объектілері болып табылады. Қаржы құралы - бұл бір субъектінің қаржылық активтері мен басқа субъектінің қаржылық міндеттемелерінің өсуі орын алатын кез келген келісім-шарт, демек, бұл қаржы нарығында қысқа мерзімді және ұзақ мерзімді инвестициялаудың әртүрлі нысандарымен жүзеге асырылатын сауда. Басқаша айтқанда, қаржы құралдары - бұл қаржы әлемінде көмектесетін және белгілі бір міндеттемелерді орындайтын құжаттар. Демек, қаржы құралдары - бұл қаржы әлемінде көмектесетін және белгілі бір міндеттемелерді орындайтын құжаттар. Мысалы, бағалы қағаздар, акциялар, облигациялар және т.б.

2) Қаржы құралдары келісуге болатын және ақшалай құны бар және қаржы нарығында қаржылық операцияларды жүзеге асыруға көмектесетін әртүрлі қаржылық құжаттар ретінде танылады. Сонымен қатар, қаржылық құралдар заңды түрде бекітілген және келісім немесе келісім-шарт жасасуды білдіретінін мойындау керек, қаржы құралының кең таралған түрі бағалы қағаздар болып табылады. Қаржы құралдарының негізгі белгілеріне: болашақ ақша ағындарын құру қабілеті, ұйымдасқан және ұйымдастырылмаған нарықтарда сауда жасау қабілеті, ақшалай құнды ұстап тұру және келісімшарт түрінде құқықтық нысанда болу мүмкіндігін жатқызуға болады.

3) Қаржы құралдарының артықшылығы, мынада көрінеді. Біріншіден, оның тәуекелді төмендетуге алып баратын қауіпсіздік торы бар. Екіншіден, қаржы құралдарының қысқа мерзімді пайда алып келу мүмкіндігі бар. Үшіншіден, қаржы құралдарының қаржыландыру көздерін жұмылдыруға және қаржылық операцияларды жеңілдетуге мүмкіндігі зор.

4) Қаржы құралдарының бастапқы және туынды түрлері бар. Бастапқы қаржы құралдары дегеніміз белгілі бір қаржылық активті сатып алуды-сатуды немесе жеткізуді-алуды көздейтін, нәтижесінде өзара қаржылық талаптар туындайтын қаржы құралдары. Бастапқы қаржы құралдарына мыналар жатады: қарыз шарты, несие шарты, факторинг, лизинг, үлестік құралдар және, ақша және т.б. Демек, бастапқы қаржы құралдары - бұл сатып алу-сату, қаржы активін (ақша қаражаты, мүлік, дайын өнім және т.б.) жалдау шарттарының нысандары.

5) Туынды қаржы құралы дегеніміз болашақта оның тараптары арасындағы болашақ баға бойынша ақшалай есеп айырысу жүзеге асырылатын шарт. Бұл болашақ бағаны тараптар анықтайды және олар базалық актив ретінде таңдалған мүліктің мөлшері-

[16] *Сол жерде. - [Электрондық ресурс] - Айналыс режимі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүгінген күні: 23.05.2024).*

не байланысты болады. Осылайша, туынды қаржы құралдары базалық активті сатып алу және жеткізу немесе осы активтің кейбір сипаттамасымен байланысты кірісті алу және төлеу құқығын сатып алу және сату мүмкіндігін қамтамасыз ететін қаржы құралдары болып табылады. Туынды қаржы құралдары дегеніміз объектісі қандай да бір базистік актив болып табылатын қаржы құралдары.

6) Базалық актив мыналар болуы мүмкін: бағалы қағаздар (акциялар, облигациялар), валюта, тауар (бидай, бағалы металдар), қор индексі (Dow Jones), пайыздық мөлшерлеме (LIBOR) немесе тіпті басқа туынды құрал (фьючерстер). Туынды құралдың бағасы базалық активтің бағасымен «байланысты». Бұл байланыс базистік активтің нарықтық бағасының күтілетін динамикасымен анықталады. Базистік активтің бағасы неғұрлым тұрақсыз болса, одан алынған қаржы құралының бағасы соғұрлым жоғары болады.

7) Қаржы құралы ұғымының өзі англо-саксондық құқық тұжырымдамасына негізделген, оған сәйкес құрал субъективті мүліктік құқық осы мүліктік құқықты үшінші тұлғаға тиімді беруге мүмкіндік беретін куәландырылатын құрал (әдетте жазбаша құжат түрінде) болып табылады. Қаржы құралдарын азаматтық құқықтық қатынастардың объектісі ретінде қарастыру және қаржы құралдарын реттейтін нормативтік-құқықтық актілерге теориялық талдау жасау азаматтық құқықтың бағалы қағаздар мен туынды бағалы қағаздарды реттеудегі олқылықтардың орнын толтыруға көмектеседі.

Авторлардың қосқан үлесі

М.Қ. Жусупбекова нәтижелер мен талқылауға жауапты.

Қ.Ж. Қуандықов зерттеу әдістемесіне жауапты. Кіріспе мен қорытынды жазды. Статистикалық деректерге талдау жүргізді.

Э.О. Тойлыбекова библиографиялық дереккөздерді өңдеді және талдады. Әдебиет пен транслитерацияны ресімдеуге қатысты.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Экономика. Оксфордский толковый словарь: англо-русский. Пер. с англ.; сост. Дж. Блэк. – М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2000. – 840с.

2. Миллер, Р.Л. Современные деньги и банковское дело / Р.Л. Миллер, Д.Д. Ван-Хуз. – Пер. 3-го англ. изд. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 856с.

3. Фабоцци, Ф. Финансовые инструменты / Ф. Фабоцци. – М.: Эксмо, 2010. – 864с.

4. Alexander, C. Pricing, Hedging and Trading Financial Instruments / C. Alexander. – West Sussex: John Wiley & Sons, 2008. – 386 p.

5. Слинков, С. В. Правовое регулирование и признаки производных финансовых инструментов / С. В. Слинков. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 24 (419). — С. 269-271.

6. Карагусов Ф.С. О регулировании режима финансовых инструментов нормами гражданского кодекса Республики Казахстан (тезисы доклада). / Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права собственности и иных вещных прав» 26 февраля 2014» под ред. Б.А.Жетписбаева и Г.Б.Мукалдиевой. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2014. - С. 6-7.

7. Моради Сани Н. Финансовые инструменты: теоретические подходы к определению их сущности. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10527.pdf. (дата обращения: 23.05.2024).

REFERENCES

1. Jekonomika. Oksfordskij tolkovyj slovar': anglo-russkij. Per. s angl.; sost. Dzh. Bljek. – M.: INFRA-M, Ves' mir, 2000. – 840s.

2. Miller, R.L. Sovremennye den'gi i bankovskoe delo / R.L. Miller, D.D. Van-Huz. – Per. 3-go angl. izd. – M.: INFRA-M, 2000. – 856s.

3. Fabocci, F. Finansovye instrumenty / F. Fabocci. – M.: Jeksmo, 2010. – 864s.

4. Alexander, C. Pricing, Hedging and Trading Financial Instruments / C. Alexander. – West Sussex: John Wiley & Sons, 2008. – 386 p.

5. Slinkov, S. V. Pravovoe regulirovanie i priznaki proizvodnyh finansovyh instrumentov / S. V. Slinkov. — Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. — 2022. — № 24 (419). — S. 269-271.

6. Karagusov F.S. O regulirovanii rezhima finansovyh instrumentov normami grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazahstan (tezisy doklada). / Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy prava sobstvennosti i inyh veshhnyh prav» 26 fevralja 2014» pod red. B.A.Zhetpisbaeva i G.B.Mukaldievoj. – Almaty: KazNU im. Al'-Farabi, 2014. - S. 6-7.

7. Moradi Sani N. Finansovye instrumenty: teoreticheskie podhody k opredeleniju ih sushhnosti. - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10527.pdf. (data obrashhenija: 23.05.2024).

УДК 349.225.65
ГРНТИ 10.63.47

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Разиева Динара Багдатовна
Доктор PhD, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин в Alikhan Bokeikhan University; г. Семей, Республика Казахстан; e-mail: razieva@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-9930-4375; SCOPUS ID: 57189506572

Аннотация. *Статья посвящена проблеме определения противоправности как обязательного элемента дисциплинарного проступка медицинских работников. Актуальность исследования связана с важностью вопросов юридической ответственности медицинских работников в современном обществе, поскольку от качества медицинской помощи и добросовестности работников зависят самые дорогие блага любого человека – жизнь и здоровье.*

На основании теоретического анализа литературы автор приходит к выводу о том, что в науке вопросы медицинской ответственности раскрываются преимущественно с точки зрения уголовного и гражданского права. В то же время вопросы дисциплинарной ответственности медицинских работников носят отраслевой характер, в связи с чем, нуждаются в исследовании через призму норм трудового права.

В статье раскрывается значение противоправности как обязательного признака дисциплинарного проступка, установление которого соответствует правовому принципу верховенства закона, и отвечает представлениям о справедливости наказания.

Автором предпринята попытка провести классификацию дисциплинарных проступков медицинских работников в зависимости от признака противоправности. На основании этого, а также анализа судебной практики, предложено подразделить дисциплинарные проступки на профильные, исполнительские, управленческие (должностные), коррупционные, этические проступки.

В исследовании признается, что наличие вреда не является обязательным элементом состава дисциплинарного проступка, и может повлиять лишь на тяжесть применяемого взыскания, а не на основание дисциплинарной ответственности. Такой подход, по мнению автора, гармонично сочетается с деонтологической моделью медицинской этики, рассматриваемой как обязанность медицинского работника точно соблюдать нормы, требования и правила поведения осуществления профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *медицинские работники, противоправность, дисциплинарная ответственность, дисциплинарные взыскания, дисциплинарный проступок, деонтологическая модель.*

ҚҰҚЫҚҚА ҚАЙШЫЛЫҚ МЕДИЦИНА ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ТӘРТІПТІК ТЕРІС ҚЫЛЫҚТАРЫНЫҢ ЭЛЕМЕНТІ РЕТІНДЕ

Динара Багдатовна Разиева
PhD докторы, Alikhan Bokeikhan University «Азаматтық-құқықтық пәндер» кафедрасының аға оқытушысы; Семей қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: razieva@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-9930-4375; SCOPUS ID: 57189506572

Аннотация. *Мақала медицина қызметкерлерінің тәртіптік теріс қылықтарының міндетті элементі ретінде заңсыздықты анықтау мәселесіне арналған. Зерттеудің өзектілігі қазіргі қоғамдағы медицина қызметкерлерінің құқықтық жауапкершілігі мәселелерінің маңыздылығымен байланысты, себебі кез келген адамның ең қымбат игілігі – өмірі мен денсаулығы – медициналық көмектің сапасы мен қызметкерлердің өз жұмысына деген адалдығына байланысты.*

Әдебиеттерді теориялық талдау негізінде автор ғылымда медициналық жауапкершілік мәселелері ең алдымен қылмыстық және азаматтық құқық тұрғысынан ашылады деген қорытындыға келеді. Сонымен қатар, медицина қызметкерлерінің тәртіптік жауапкершілігінің мәселелері салалық сипатқа ие, сондықтан оларды еңбек құқығы нормалары призмасы арқылы зерттеу қажет.

Мақалада заңсыздықтың заң үстемдігінің құқықтық принципіне сай келетін және жазаның әділдігі туралы идеяларға жауап беретін тәртіптік теріс қылықтың міндетті белгісі ретіндегі мәні ашылады.

Автор медицина қызметкерлерінің тәртіптік теріс қылықтарын заңсыздық белгісіне қарай жіктеуге әрекет жасаған. Осыны негізге ала отырып, сондай-ақ сот практикасын талдау жасай отырып тәртіптік теріс қылықтарды бейінді, атқарушылық, басқарушылық (лауазымдық), сыбайлас жемқорлық, этикалық теріс қылықтарға бөлу ұсынылды.

Зерттеу зиянның болуы тәртіптік құқық бұзушылықтың міндетті элементі болып табылмайтынын және тәртіптік жауапкершіліктің негізіне емес, тек қолданылатын жазаның ауырлығына әсер етуі мүмкін екені айтылған. Автордың пікірінше, бұл тәсіл медициналық қызметкердің кәсіби қызметті жүзеге асырудың нормаларын, талаптары мен ережелерін дәл сақтау міндеті ретінде қарастырылатын медициналық этиканың деонтологиялық моделімен үйлесімді.

Түйінді сөздер: *медицина қызметкерлері, заңсыздық, тәртіптік жауапкершілік, тәртіптік жазалар, тәртіптік теріс қылық, деонтологиялық үлгі.*

ILLEGALITY AS AN ELEMENT OF DISCIPLINARY MISCONDUCT OF MEDICAL WORKERS

Raziyeva Dinara Bagdatovna
PhD, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines at Alikhan Bokeikhan University; Semey c., Republic of Kazakhstan; e-mail: razieva@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-9930-4375; SCOPUS ID: 57189506572

Abstract. *This article addresses the issue of defining illegality as an essential element of disciplinary misconduct by medical workers. The relevance of this research is underscored by the importance of legal responsibility for medical professionals in contemporary society, as the quality of medical care and the conscientiousness of healthcare workers directly affect the most precious assets of any individual – life and health.*

Based on a theoretical analysis of the literature, the author concludes that the issues of medical responsibility are predominantly explored from the perspectives of criminal and civil law. However, the issues of disciplinary responsibility for medical workers are sector-specific and thus require examination through the lens of labor law norms.

The article elucidates the significance of illegality as an essential characteristic of disciplinary misconduct, establishing it in line with the legal principle of the rule of law and aligning with notions of just punishment.

The author attempts to classify disciplinary misconduct by medical workers based on the criterion of illegality. Using this classification and an analysis of judicial practices, the author proposes categorizing disciplinary misconduct into professional, performance-related, managerial (administrative), corruption-related, and ethical violations.

The study acknowledges that harm is not a mandatory element of disciplinary misconduct, influencing only the severity of the sanctions imposed rather than the grounds for disciplinary responsibility. According to the author, this approach aligns well with the deontological model of medical ethics, viewed as the obligation of medical professionals to strictly adhere to norms, requirements, and rules of professional conduct.

Keywords: *medical workers, illegality, disciplinary responsibility, disciplinary sanctions, disciplinary misconduct, deontological model.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_114

Введение

Тема ответственности медицинских работников привлекает повышенное внимание нашего общества, и как закономерность, обладает несомненной актуальностью в науке. Проблема «ненадлежащего врачевания» и неразрывно связанные с ней вопросы юридической ответственности медицинского персонала и медицинских организаций за профессиональные правонарушения (в первую очередь, неоказание и ненадлежащее оказание медицинской помощи) представляют собой одну из самых сложных проблем, которые медицинская практика поставила перед правом [1].

Интерес к указанной проблеме обусловлен совокупностью факторов. Прежде всего, от качества оказанной медицинской помощи и добросовестности медицинских работников зависят самые дорогие блага любого человека – жизнь и здоровье, как доминанты наивысшей ценности любого правового государства. По этой причине практически каждый случай медицинских правонарушений вызывает серьезный общественный резонанс, привлекает внимание средств массовой информации.

Острота обозначенной темы связана и с возросшим уровнем врачебных ошибок, не только в стране, но и во всем мире. Члены Международной ассоциации медицинского права называют ятрогению молчаливой эпидемией - настолько сильно от ее уровня зависит благополучие нации[1].

Теоретический анализ литературы демонстрирует, что в науке вопросы медицинской ответственности раскрываются преимущественно с точки зрения уголовного и гражданского права. Тщательному исследованию подвергаются проблемы уголовно - правовой охраны жизни и здоровья личности, квалификации медицинских преступлений, их предупреждения и профилактики [2], [3], [4].

Учеными - цивилистами раскрываются вопросы гражданско- правовой ответственности медицинских работников через призму договора возмездного оказания услуг, и правового механизма защиты прав потребителей и пациентов [5], [6], [7], [8].

Перечисленные исследования бесспорно вносят серьезный вклад в научные представления о юридической ответственности в сфере здравоохранения, однако раскрывать дисциплинарную ответственность медицинских работников через призму категорий уголовного и гражданского права не представляется верным, в силу её отраслевой специфики.

Материалы и методология

Основой исследования выступили нормативные правовые акты Республики Казахстан, научные труды казахстанских и зарубежных ученых, материалы судебной практики.

При проведении исследования использовались различные методы.

Автор выработал теоретические концепции, опираясь на методы дедукции и индукции, а также используя принципы аналогии и тождества.

С помощью метода описания, автор разработал оригинальный подход к формированию стиля изложения, обеспечивая структурированность и логическую последовательность, ясность и точность исследовательской мысли, а также установил гармоничную связь между описательной частью и другими компонентами исследования.

При изучении судебной практики применен метод эмпирического исследования и функционального подхода.

Метод правового анализа позволил автору провести анализ нормативных правовых актов.

Обсуждение

Категория противоправности дисциплинарных проступков медицинских работников

Трудовое законодательство РК не содержит специальных норм относительно дисциплинарной ответственности медицинских работников, в связи с чем, данные вопросы разрешаются путем применения положений ст. 64-66 ТК РК[2].

Основанием дисциплинарной ответственности по общим нормам трудового законодательства выступает дисциплинарный проступок. Дисциплинарный проступок как форма правонарушения имеет ряд характерных признаков, среди которых противоправность имеет принципиально важное

[1] *https://spbu.ru/news-events/novosti/molchalivaya-epidemiya-problema-vrachebnyh-oshibok-v-rf-vse-bolee-aktualna?ysclid=la9nm4oj1y522735795. (дата обращения: 10.04.2024).*

[2] *Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию*

значение. Противоправность характеризует проступок как запрещаемое и осуждаемое различного рода предписаниями правонарушение, под угрозой применения соответствующих мер взыскания. Необходимость установления противоправности в каждом конкретном случае соответствует правовому принципу верховенства закона «Nulla poena sine lege», и отвечает представлениям о справедливости наказания.

Интересен взгляд цивилистов, рассматривающих вопросы гражданско- правовой ответственности в сфере медицинской деятельности, на категорию противоправности. Так, Ю.С. Сидорович раскрывает противоправность как действие или бездействие медицинского персонала, которые нарушают определенные правила, нормы стандартов, регулирующих медицинскую деятельность, в результате чего ухудшается здоровье пациента, а также нарушаются его субъективные права [9, с.60].

Такой подход вполне оправдан для науки гражданского права, где наличие вреда и причиненных убытков выступает обязательным условием деликтных правоотношений. В трудовом праве, напротив, наличие вреда не является обязательным элементом состава дисциплинарного проступка, и может повлиять лишь на тяжесть применяемого взыскания, а не на основание дисциплинарной ответственности.

Данное утверждение гармонично сочетается с деонтологической моделью медицинской этики, рассматриваемой как совокупность «должных» правил, соответствующих той или иной конкретной области медицинской практики, и обязательных для всех участников лечебного процесса. Деонтологическая модель провозглашает основной принцип «Соблюдения долга», означающий обязанность медицинского работника точно соблюдать нормы, требования и правила поведения осуществления профессиональной деятельности [10, с.10-11]. В соответствии с идеей долга, для возбуждения дисциплинарного производства необходим лишь факт нарушения установленных предписаний либо невыполнение предусмотренных обязательств.

Поддерживая мнение М.Х. Хасенова, о том, что медицинские работники обладают специальными статусными свойствами как субъекты трудовых отношений [11], считаем, что противоправность дисциплинарных проступков медицинских работников устанавливается не только общими нормами трудового законодательства, но и нормами, содержащимися в специальных нормативных правовых актах.

Признак противоправности как основание классификации дисциплинарных проступков медицинских работников

Признание того, что характер противоправности зависит от норм специального законодательства, предоставляет возможность провести классификацию дисциплинарных проступков медицинских работников. Так, в зависимости от признака противоправности, дисциплинарные проступки делятся на следующие виды:

1) профильные проступки посягают на установленные стандарты оказания медицинской помощи. Они выражаются в противоправном, виновном неисполнении или ненадлежащем исполнении работником своих профильных трудовых обязанностей, обусловленных спецификой медицинской профессии. Зачастую такие правонарушения носят признаки уголовно- наказуемого деяния, что не исключает возможности привлечения работника и к дисциплинарной ответственности.

В качестве примера рассмотрим приговор Кокшетауского городского суда Акмолинской области от 05 апреля 2022 года по делу № 1110-21-00-1/293 о ненадлежащем выполнении врачами акушерами-гинекологами Перинатального центра Многопрофильной областной больницы при Управлении здравоохранения Акмолинской области гр.Н. и гр.М. своих профессиональных обязанностей, повлекших по неосторожности смерть человека, вследствие небрежного и недобросовестного отношения.

Так судом установлено, что гр.Н. и гр.М., действуя в группе лиц, в нарушении возложенных на них должностных инструкций, присяги врача, будучи дипломированными специалистами в сфере медицины, проявляя преступную небрежность, а так же недобросовестное выполнение профессиональных обязанностей, выраженное в не проведении лапаротомии органов малого таза, для установления источника кровотечения у пациентки, достоверно зная о возможном наступлении тяжких последствий для здоровья пациентки, бездействуя, проявляя самонадеянность и халатность, допустили нарушение Клинического протокола №17 «Послеродо-

на 11.02.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832. (дата обращения: 10.03.2024).

вое кровотечение» от 08 декабря 2016 года, что повлекло за собой ухудшение состояния здоровья пациентки[3].

Помимо этого, гр.Н. и гр.М. поздно провели консилиум, где выставили диагноз: «Атонически-травматическое кровотечение. Геморрагический шок 2 степени, ДВС синдром. Анемия тяжелой степени. Холестатический гепатоз» и продолжили консервативный метод лечения.

Вышеуказанные дефекты оказания медицинской помощи допущенными ответственными врачами гр.Н. и гр.М. повлекли неблагоприятный исход в виде смерти гр.Б., что подтверждается заключением судебно-медицинской экспертизы за №2033 от 05 сентября 2018 года[4].

Таким образом, к профильным проступкам относятся такие правонарушения, которые противоречат установленным правилам в сфере медицины. К профильным проступкам, по нашему мнению, не относятся ситуации допущения врачебной ошибки (медицинского инцидента). В этом направлении представляется верной позиция М.Х Хасенова, считающего, что «профессиональная (врачебная) ошибка не является правонарушением, и, соответственно, в случае ее совершения медицинский работник независимо от последствий не должен, привлекаться к юридической ответственности, в том числе и к дисциплинарной» [11].

2) исполнительские проступки проявляются в нарушении правил трудового распорядка, локальных актов, условий трудового и коллективного договоров, должностных инструкций, неисполнении либо ненадлежащем исполнении трудовых обязанностей, невыполнение управленческих распоряжений непосредственного руководителя и актов работодателя. Так, Жамбылским районным судом Северо-Казахстанской области от 04 мая 2022 года дело № 5946-22-00-2/39 установлено, что гр.Б. была принята на работу в качестве фельдшера доврачебного кабинета в Жамбылскую районную больницу на ставку 1,0 согласно статье 30 п.1 пп.1 ТК РК со 02 марта 2021 года с испытательным сроком на 3 месяца.

По истечении испытательного срока, гр.Б. нарушила трудовую дисциплину, поскольку отсутствовала на рабочем месте. В связи с этим, приказом №161 от 25 августа 2021 года ей объявлен строгий выговор. Однако 30 декабря 2021 года гр.Б. вновь допустила нарушение трудовой дисциплины, в виде прогула, о чем имеется соответствующий акт, составленный комиссией в составе заместителя директора ЖРБ гр.К., заведующей поликлиникой гр.Н., инспектора отдела кадров гр.Н. На основании пп. 1,2 ч.2 ст. 22, ст. 23, п. 8 ч.1 ст.52 ТК РК суд признал законным расторжение с гр.Б. трудового договора[5].

Таким образом, исполнительские проступки имеют основанием нарушение общих норм трудового законодательства, направленных на обеспечение трудовой дисциплины. В данных проступках медицинский работник выступает общим субъектом дисциплинарной ответственности, в соответствии с чем, обязан выполнять трудовые обязанности согласно нормам ТК РК, условиям соглашений, договоров, актов работодателя.

В этом направлении представляет сложность вопрос правовой регламентации дежурства на дому. Сейчас п. 1 ст. 67 ТК РК относит дежурства на дому к рабочему времени. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 22 ноября 2017 года № 857 «Об утверждении Правил организации и оплаты дежурств медицинских работников» предусматривает организацию и оплату дежурства, как периода времени, в течение которого работник в соответствии с Трудовым кодексом, актами работодателя и условиями трудового договора выполняет трудовые обязанности в ночное время, праздничные и выходные дни (п.2)[6].

В то же время, вопрос организации дежурства на дому остается на усмотрение работодателя, поскольку единой нормативной базы нет. В связи с этим, рекомендуется закрепить дефиницию «дежурство на дому» и трактовать ее как пребывание медицинского работника вне места медицинской организа-

[3] *Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.02.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832. (дата обращения: 10.03.2024).*

[4] *Приговор Кокшетауского городского суда Акмолинской области от 05 апреля 2022 года по делу № 1110-21-00-1/293 // http://office.sud.kz/act/5a62bf06-3f19-43d5-a7f6-fa0932c2a78d. (дата обращения: 10.04.2024).*

[5] *Решение Жамбылского районного суда Северо-Казахстанской области от 04 мая 2022 года дело № 5946-22-00-2/39 // http://office.sud.kz/act/153675f8-424a-4649-9bbc-e5ff2b86ed42. (дата обращения: 10.04.2024).*

[6] *Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 22 ноября 2017 года № 857. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 11 декабря 2017 года № 16071. Об утверждении Правил организации и оплаты дежурств медицинских работников // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700016071 (дата обращения: 02.05.2024).*

ции в ожидании вызова на работу для оказания помощи в экстренной или неотложной форме; установить, что общая продолжительность рабочего времени медицинского работника с учетом времени дежурства на дому не должна превышать норму рабочего времени медицинского работника медицинской организации за соответствующий период.

3) управленческие (должностные) проступки выражаются в осуществлении управленческих функций, должностных полномочий вопреки интересам работодателя, нарушающих законные права работников и третьих лиц, а также в неисполнении или ненадлежащем исполнении должностных обязанностей по предупреждению совершения правонарушений подчиненными сотрудниками.

Так, Риддерским городским судом Восточно-Казахстанской области были удовлетворены исковые требования гр.О., гр. М., гр.К. к Риддерской городской больнице Управления здравоохранения Восточно-Казахстанского областного акимата о признании незаконным бездействия руководителя больницы.

Суд признал незаконным бездействие руководителя Риддерской городской больницы по непредставлению с мая 2020 года в Комиссию ВКО списка по определению размера ежемесячных надбавок в установленный срок работников гр.О., гр. М., гр.К., как задействованных в противоэпидемических мероприятиях в рамках борьбы с коронавирусом COVID-19 с информацией о начисленных суммах надбавок к заработной плате по 3-ей группе риска за период с 15 апреля 2020 года по 31 декабря 2020 года, предусмотренных Приказом Министерства здравоохранения Республики Казахстан от 4 апреля 2020 года № КР ДСМ-28\2020 «О некоторых вопросах финансовой поддержки работников организаций здравоохранения, задействованных в противоэпидемических мероприятиях в рамках борьбы с коронавирусом COVID-19»[7]. Учитывая обстоятельства дела и основываясь на п.20 ст.23 ТК РК суд посчитал исковые требования обоснованными и подлежащими удовлетворению[8].

Управленческие проступки предполагают, что правонарушитель имеет особый правовой статус в силу занимаемой должности, в связи с чем, обязан добросовестно осуществлять предоставленные полномочия.

4) коррупционные проступки проявляются в нарушении коррупционного законодательства, в несоблюдении работником ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных законодательством о противодействии коррупции.

Согласно статистическим данным Агентства РК по противодействию коррупции, в 2023 году система здравоохранения признана сферой в наибольшей степени подверженной коррупции. Из 311 зарегистрированных коррупционных преступлений в социальной сфере, 64 относятся к сфере здравоохранения. Из 95 осуждённых – 20 человек работники медицинских организаций[9].

Как верно отмечает А.С. Ахметов: «… при коррупции страдают не только национальные интересы государства, но и подвергается разрушению сам рынок, происходит отрицательные изменения в сфере функционирования государственных органов, понижается уровень доверия граждан к государству и как следствие возникает социальное напряжение в обществе» [12].

Проявим уверенность, что коррупция в такой важной сфере как здравоохранение, представляет особую опасность, поскольку закрепляет в сознании граждан чувство незащищенности, лишает их веры в ценность собственной жизни.

Коррупционные проступки представлены различными правонарушениями корыстного характера. Для этого необходимо обращаться не только к законодательным и иным нормативным правовым актам, но и к локальным документам, закрепляющим правовой статус медицинского работника, а также регламентирующим содержание его полномочий.

5) этические проступки – нарушают про-

---

[7] *Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 4 апреля 2020 года № ҚР ДСМ-28/2020. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 4 апреля 2020 года № 20304. О некоторых вопросах финансовой поддержки работников системы здравоохранения, задействованных в противоэпидемических мероприятиях в рамках борьбы с коронавирусом COVID-19. Утратил силу приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 11 октября 2021 года № ҚР-ДСМ -102 // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020304. (дата обращения: 06.03.2024).*

[8] *Решение Риддерского городского суда Восточно- Казахстанской области по делу №6324-21-00-2\585 от 17 августа 2021 года // http://office.sud.kz/act/16aff5b9-f788-4e42-994d-653af7039c20 (дата обращения: 10.04.2024).*

[9] *https://www.zakon.kz/obshestvo/6423711-prichinu-korruptsii-v-sotsialnoy-sfere-nazvali-v-antikore.html (дата обращения: 10.04.2024).*

возглашенные принципы и морально-этические нормы.

С древнейших времен моральный облик врача привлекал особое внимание общества. Гиппократ в свое время сформулировал одно из требований к врачам в виде «презрения к деньгам, совестливости, скромности, простоты в одежде, решительности, опрятности, знания всего того, что полезно для жизни, и отвращения к пороку» [10, с.7-8].

Медицинская этика включает в себя принципы и нормы, регулирующие поведение всех медицинских работников при выполнении профессиональных обязанностей. Указанные нормы должны быть закреплены на нормативном, локальном либо договорном уровнях. При таком условии они приобретают силу правовых регуляторов.

Так, п.4 Приказа Министра здравоохранения Республики Казахстан от 23 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-319/2020 «Об утверждении Кодекса чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан» в числе принципов осуществления медицинской и фармацевтической деятельности указывает: беспристрастность, честность и объективность, порядочность, профессиональная компетентность, безупречное поведение, лояльность, конфиденциальность информации, гуманность, независимость[10].

В качестве примера рассмотрим решение Специализированного административного суда города Павлодар №5512-20-00-3/5113 от 18 августа 2020 года, которым была установлена противоправность поведения заместителя начальника по поликлинике ГУ «МВД РК «Госпиталь с поликлиникой ДП Павлодарской области» гр.Б., которая 12 мая 2020 года, находясь на своем рабочем месте, получила от представителя фармацевтической компании ТОО «Vitaman» гр.У. денежное вознаграждение в размере 4000 за продвижение лекарственных средств указанной фармацевтической компании[11] .

Противоправность в действиях медицинского работника выражается в финансовом сговоре с уполномоченным представителем фармацевтической компании, с целью получения личной выгоды при назначении пациентам определенных лекарственных средств и медицинских изделий, что запрещено п.7 Приказа Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-294/2020 «Об утверждении правил этики продвижения лекарственных средств и медицинских изделий»[12].

Результаты

Таким образом, противоправность в дисциплинарном проступке медицинского работника, подразумевает нарушение широкого спектра норм законодательства и условий договора, что существенно затрудняют оценку степени правомерности и противоправности в действиях работника. В связи с этим каждый случай привлечения к дисциплинарной ответственности должен подлежать тщательному исследованию, с целью верного установления природы дисциплинарных проступков в зависимости от степени его противоправности.

Заключение

Противоправность в составе дисциплинарного проступка устанавливается в норме путем прямого или косвенного запрета совершать определенное действие.

Прямой запрет выражается в том, что законодатель прямо признает деяние противоправным, используя словосочетания «не допускается» или «запрещается». К примеру, в п.2 ст.62 Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» предусмотрено, что не допускается использование электронных информационных ресурсов, содержащих персональные медицинские данные, в целях причинения имущественного и (или) морального вреда, ограничения реализации прав и свобод, гарантированных законами Республики Казахстан; статья 154 Кодекса регламентирует, что осуществление эвтаназии в Республике Казахстан запреща-

---

[10] *Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 23 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-319/2020. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 24 декабря 2020 года № 21890. Об утверждении Кодекса чести медицинских и фармацевтических работников Республики Казахстан // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021890. (дата обращения: 10.04.2024)*

[11] *Решение Специализированного административного суда города Павлодара №5512-20-00-3/5113 от 18 августа 2020 года // http://office.sud.kz/act/9c1a971f-26b0-46c6-b700-ba4c8de838a9 (дата обращения: 10.04.2024).*

[12] *Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-294/2020. Об утверждении правил этики продвижения лекарственных средств и медицинских изделий // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021870. (дата обращения: 10.04.2024).*

ется[13].

В некоторых случаях законодатель содержит косвенный запрет на осуществление какого- либо действия, либо бездействия через указание на меру юридической ответственности, которая возникает у субъекта правоотношения, нарушившего соответствующую норму закона. Не содержит прямого запрета либо предписания, но логически его предполагает, регламентируя последствия его нарушения. Именно таким образом медицинскому работнику запрещается отсутствовать на работе без уважительной причины в течение трех и более часов подряд за один рабочий день либо рабочую смену (пп.8 п.1 ст.52 ТК РК)[14].

Противоправность поведения заключается не только в том, что медицинские работники, как субъекты трудовых правоотношений, допускают нарушение норм права и других юридических предписаний. Противоправным будет считаться также поведение, противоречащее условиям трудового договора и локальным актам работодателя. Естественно, при этом не должны нарушаться права личности, гарантированные Конституцией РК и действующим законодательством.

Противоправность лишь в совокупности с другими признаками создает состав правонарушения, поскольку противоправным признается виновное общественно опасное деяние. Именно за его совершение закон устанавливает меры ответственности, преследующие цели общей и частной превенции.

Статья подготовлена в рамках Грантового финансирования по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы: AP19674495 «Эффективность механизмов юридической ответственности в системе здравоохранения Республики Казахстан: национальные приоритеты и международные стандарты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев Ю. Д. Медицинское право. Учебный комплекс в 3 т. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. - 784 с. - http://vmede.org/sait/?page=57&id=Sudebmaya_m_sergeev_2008&menu=Sudeb(дата обращения: 01.03.2024).

2. Рустемова Г. Р. Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере медицинского обслуживания населения: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. - Алматы, 2003. - 359 с.

3. Айкумбеков Н. Р. Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: монография // – Алматы: Лантар Трейд, 2019. – 120 с.

4. Сейданов А. Б. Расследование медицинских уголовных правонарушений (на примере статьи 317 Уголовного кодекса Республики Казахстан) // https://abu.edu.kz/uploads/182/467/712/6a23f80a57e0886647aea557be78d37f.pdf (дата обращения: 05.03.2024).

5. Шалхаров Е. С. Вопросы правового регулирования деятельности медицинских работников: диссертация на соискание степени доктора (PhD) по профилю: 6D030100 – Юриспруденция - Алматы: 2018. — 150 с.;

6. Шаяхметова А. Р. Договор возмездного оказания медицинских услуг: проблемы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 - Екатеринбург, 2011. - 150 с.;

7. Абдуллина В. С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Казань, 2007. - 171 с.;

8. Кириченко Д. Ф. Правовое регулирование защиты прав потребителей медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – М., 2010. - 177 с.

9. Сидорович Ю. С. Гражданско- правовая ответственность за медицинскую ошибку: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). - Москва, 2005. - 211 с.

[13] *Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2024 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34464437. (дата обращения: 10.05.2024).*

[14] *Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.02.2024 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832. (дата обращения: 10.03.2024).*

10. Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении: учебно - методическое пособие под ред. А.Т. Щастного. – Витебск: ВГМУ, 2018 – 310 с.

11. Хасенов М. Х. Реформирование законодательства Республики Казахстан о трудоправовой ответственности медицинских и фармацевтических работников в контексте международных стандартов и передовой зарубежной практики - Вестник Карагандинского университета» издается Карагандинским Государственным Университетом имени академика Е.А. Букетова. 2022 // https://articlekz.com/article/35820. (дата обращения: 15.04.2024).

12. Ахметов А. С. (2023). Некоторые аспекты изучения понятия коррупции. Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 4 (75). https://doi.org/10.52026/2788-5291_2023_75_4_21 (дата обращения: 15.04.2024).

REFERENCES

1. Sergeev Ju. D. Medicinskoe pravo. Uchebnyj kompleks v 3 t. M.: GJeOTAR-Media, 2008. - 784 s. - http://vmede.org/sait/?page=57&id=Sudebmaya_m_sergeev_2008&menu=Sudeb(data obrashhenija: 01.03.2024).

2. Rustemova G. R. Problemy sovershenstvovanija bor'by s prestuplenijami v sfere medicinskogo obsluzhivanija naselenija: dissertacija ... doktora juridicheskih nauk: 12.00.08. - Almaty, 2003. - 359 s.

3. Ajkumbekov N. R. Ugolovno-pravovaja ohrana reproduktivnogo zdorov'ja: monografija // – Almaty: Lantar Trejd, 2019. – 120 s.

4. Sejdanov A. B. Rassledovanie medicinskih ugolovnyh pravonarushenij (na primere stat'i 317 Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan) // https://abu.edu.kz/uploads/182/467/712/6a23f80a57e0886647aea557be78d37f.pdf (data obrashhenija: 05.03.2024).

5. Shalharov E. S. Voprosy pravovogo regulirovanija dejatel'nosti medicinskih rabotnikov: dissertacija na soiskanie stepeni doktora (PhD) po profilju: 6D030100 – Jurisprudencija - Almaty: 2018. — 150 s.;

6. Shajahmetova A. R. Dogovor vozmezdnogo okazanija medicinskih uslug: problemy teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 - Ekaterinburg, 2011. - 150 s.;

7. Abdullina V. S. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' za narushenija v sfere okazanija medicinskih uslug: nekotorye voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. - Kazan', 2007. - 171 s.;

8. Kirichenko D. F. Pravovoe regulirovanie zashhity prav potrebitelej medicinskih uslug: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 – M., 2010. - 177 s.

9. Sidorovich Ju. S. Grazhdansko- pravovaja otvetstvennost' za medicinskuju oshibku: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Ros. gos. gumanitar. un-t (RGGU). - Moskva, 2005. - 211 s.

10. Biomedicinskaja jetika i kommunikacii v zdravoohranenii: uchebno - metodicheskoe posobie pod red. A.T. Shhastnogo. – Vitebsk: VGMU, 2018 – 310 s.

11. Hasenov M. H. Reformirovanie zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan o trudopravovoj otvetstvennosti medicinskih i farmacevticheskih rabotnikov v kontekste mezhdunarodnyh standartov i peredovoj zarubezhnoj praktiki - Vestnik Karagandinskogo universiteta» izdaetsja Karagandinskim Gosudarstvennym Universitetom imeni akademika E.A. Buketova. 2022 // https://articlekz.com/article/35820. (data obrashhenija: 15.04.2024).

12. Ahmetov A. S. (2023). Nekotorye aspekty izuchenija ponjatija korrupcii. Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan», 4 (75). https://doi.org/10.52026/2788-5291_2023_75_4_21 (data obrashhenija: 15.04.2024).

УДК 343.132
ГРНТИ 10.79.37

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ГРАНИЦЫ ЕЁ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Ахпанов Арстан Нокешевич[1]
Доктор юридических наук, профессор, профессор Astana International University; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3256-8875; Researcher ID WOS: E-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300;

Хан Александр Леонидович
Кандидат юридических наук, доцент, профессор Академии «Bolashaq»; г. Караганда, Республика Казахстан; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4422-927X

Сулейменова Гульнар Жахановна
Кандидат юридических наук, профессор, профессор Caspian University, адвокат Алматинской городской коллегии адвокатов; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: sgkz@ya.ru

Аннотация. *Выверенный баланс между публичным и частным интересами способствует выстраиванию разумной модели уголовного судопроизводства. В её основе - принцип благоприятствования защите (favor defensionis), предполагающий заведомые преимущества и привилегии адвоката-защитника. УПК РК предусматривает систему подобных гарантий как в процессе доказывания, так и в сфере процессуального принуждения. В этой связи вопросы: о границах невмешательства органов уголовного преследования в деятельность адвоката-защитника, вся ли она подпадает по широко толкуемое понятие как адвокатская тайна? Вопросы рассматриваются сквозь призму одного из эффективных способов собирания доказательств – п негласные следственные действия в отношении адвоката-защитника в контексте ч. 8 ст. 232 УПК РК. Между тем законодателем допущен необоснованный перенос гарантий неприкосновенности адвоката-защитника из сферы процессуального принуждения в область уголовно-процессуального доказывания. Согласно УПК РК, подобными гарантиями неприкосновенности (аналогично консульской) не обладает ни один участник процесса, даже наделённый конституционными привилегиями от уголовного преследования. Авторами сформулированы обоснованные рекомендации по сохранению и усилению уголовно-процессуальных гарантий при риске разглашения адвокатской тайны. Следует законодательно допустить проведение негласных следственных действий в отношении адвоката-защитника в исключительных случаях, лишь при подготовке и совершении им уголовного правонарушения. При этом органы уголовного преследования обязаны обосновать перед следственной судьёй основания проведения негласного следственного действия в отношении адвоката достаточными, достоверными и допустимыми доказательствами о его преступной деятельности. Материально-правовые основания для проведения негласных следственных действий в отношении адвоката целесообразно сузить до положения п. 1) ч. 4 ст. 232 УПК РК - по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы свыше одного года. Обязательное условие санкционирования любого следственного действия в отношении адвоката-защитника – исключение или минимизация разглашения обстоятельств адвокатской тайны.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, досудебное производство, статус адвоката-защитника, собирание доказательств, негласные следственные действия, пределы их производства в отношении адвоката-защитника, гарантии его неприкосновенности, адвокатская тайна.*

[1] *Автор для корреспонденции*

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТІҢ СОТҚА ДЕЙІНГІ САТЫЛАРЫНДАҒЫ АДВОКАТ-ҚОРҒАУШЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚОЛ СҰҒЫЛМАУШЫЛЫҒЫ ШЕКАРАСЫ

Арыстан Нөкешұлы Ақпанов
Заң ғылымдарының докторы, профессор, Astana International University профессоры; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3256-8875; Researcher ID WOS: Ē-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300

Александр Леонидович Хан
Заң ғылымдарының кандидаты, доцент, «Болашақ» академиясының профессоры; Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4422-927X

Гульнар Жақанқызы Сулейменова
Заң ғылымдарының кандидаты, профессор, Caspian University профессоры, Алматы қалалық адвокаттар алқасының адвокаты; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: sgkz@ya.ru

Аннотация. *Қоғамдық және жеке мүдделер арасындағы тексерілген тепе-теңдік қылмыстық сот ісін жүргізудің ақылға қонымды моделін құруға ықпал етеді. Оның негізінде адвокат - қорғаушының белгілі артықшылықтары мен артықшылықтарын қамтитын қорғауды қолдау принципі (favor defensionis) бар. ҚР ҚІЖК дәлелдеу процесінде де, процестік мәжбүрлеу саласында да осындай кепілдіктер жүйесін көздейді. Осыған байланысты сұрақтар: адвокат-қорғаушының қызметіне қылмыстық қудалау органдарының араласпауының шекаралары туралы, оның барлығы адвокаттық құпия ретінде кеңінен түсіндірілетін тұжырымдамаға сәйкес келе ме? Сұрақтар дәлелдерді жинаудың тиімді тәсілдерінің бірі – ҚР ҚІЖК 232-бабының 8-бөлігі контекстінде қорғаушы-адвокатқа қатысты жасырын тергеу әрекеттері арқылы қаралады. Сонымен қатар, заң шығарушы адвокат-қорғаушының қол сұғылмаушылық кепілдіктерін процестік мәжбүрлеу саласынан Қылмыстық-процестік дәлелдеу саласына негізсіз ауыстыруға жол берді. ҚР ҚІЖК-нің мәліметінше, процестің бірде-бір қатысушысы, тіпті қылмыстық қудалаудан Конституциялық артықшылықтарға ие болмаса да, қол сұғылмаушылыққа (консулдыққа ұқсас) ұқсас кепілдіктерге ие емес. Авторлар адвокаттық құпияны жария ету тәуекелі кезінде қылмыстық іс жүргізу кепілдіктерін сақтау және күшейту жөнінде негізделген ұсынымдар тұжырымдады. Адвокат-қорғаушыға қатысты қылмыстық құқық бұзушылықты дайындау және жасау кезінде ғана айрықша жағдайларда жасырын тергеу әрекеттерін жүргізуге заң жүзінде жол беру керек. Бұл ретте қылмыстық қудалау органдары тергеу судьясының алдында адвокатқа қатысты жасырын тергеу әрекетін жүргізу негіздерін оның қылмыстық қызметі туралы жеткілікті, анық және жол берілетін дәлелдемелермен негіздеуге міндетті. Адвокатқа қатысты жасырын тергеу әрекеттерін жүргізудің материалдық-құқықтық негіздерін ҚР ҚІЖК 232-бабы 4-тармағының 1) тармақшасына дейін қысқартқан жөн-қылмыстар туралы істер бойынша, оларды жасағаны үшін санкциясы бір жылдан астам бас бостандығынан айыру түріндегі жазаны көздейді. Адвокат-қорғаушыға қатысты кез келген тергеу әрекетін санкциялаудың міндетті шарты – адвокаттық құпияның мән-жайларын жария етуді болдырмау немесе азайту.*

Түйінді сөздер: *қылмыстық процесс, сотқа дейінгі іс жүргізу, қорғаушының мәртебесі, дәлелдемелерді жинау, жасырын тергеу әрекеттері, қорғаушыға қатысты олардың жасалу шегі, оның иммунитетінің кепілдіктері, адвокат-клиенттің артықшылығы.*

ACTIVITY OF A LAWYER-DEFENDER IN THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCEDURE AND BORDERS HER IMMUNITY

Akhpanov Arstan Nokeshevich
Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Astana International University; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3256-8875; Researcher ID WOS: E-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300

Khan Alexander Leonidovich
Candidate of Jurisprudence, Associate professor, Professor of the Academy «Bolashak»; Karaganda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: kaforp@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-4422-927X

Suleimenova Gulnar Zhakhanovna
Candidate of Jurisprudence, Professor, Professor of the Caspian University, Lawyer of the Almaty City Bar Association; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: sgkz@ya.ru

Abstract. *A balanced balance between public and private interests helps to build a reasonable model of criminal proceedings. It is based on the principle of favor defensionis, which presupposes the obvious advantages and privileges of a defense attorney. The CPC of the Republic of Kazakhstan provides for a system of such guarantees both in the evidentiary process and in the field of procedural coercion. In this regard, the questions are: about the limits of non-interference of criminal prosecution authorities in the activities of a defense lawyer, does it all fall under the widely interpreted concept of attorney-client privilege? The issues are considered through the prism of one of the most effective ways of collecting evidence – secret investigative actions against a defense lawyer in the context of Part 8 of Article 232 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan. Meanwhile, the legislator allowed the unjustified transfer of guarantees of the inviolability of a defense lawyer from the sphere of procedural coercion to the field of criminal procedural evidence. According to the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, no participant in the process has such guarantees of inviolability (similar to consular), even those endowed with constitutional privileges from criminal prosecution. The authors have formulated well-founded recommendations on preserving and strengthening criminal procedural guarantees at the risk of disclosure of attorney-client privilege. It is necessary to legislatively allow secret investigative actions against a defense lawyer in exceptional cases, only when preparing and committing a criminal offense. At the same time, the criminal prosecution authorities are required to substantiate before the investigating judge the grounds for conducting a secret investigative action against a lawyer with sufficient, reliable and acceptable evidence about his criminal activities. It is advisable to narrow down the material and legal grounds for conducting secret investigative actions against a lawyer to the provisions of paragraph 1) of Part 4 of Article 232 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan in cases of crimes sanctioned by imprisonment for more than one year. A prerequisite for authorizing any investigative action against a defense attorney is the exclusion or minimization of disclosure of the circumstances of attorney-client privilege.*

Keywords: *criminal process, pre-trial proceedings, status of the defense lawyer, collection of evidence, covert investigative actions, the limits of their production in relation to the defense lawyer, guarantees of his immunity, attorney-client privilege.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_123

Введение

Анализ проводимого реформирования уголовного судопроизводства в Республике Казахстан, позволяет прийти к выводу о том, что одной из ключевых проблем, поставленных Президентом РК [1], выступает поиск баланса приоритетов между противоборствующими сторонами, т. е. разрешение вопроса о соотношении частного и публичного интересов в уголовном процессе, на

что всегда справедливо указывал известный русский процессуалист И.Я. Фойницкий. [2, с.192]. И именно сторона защиты, в лице адвокатов, создает барьер, который не позволяет публичной власти преступить грань дозволенного законом и превратить правосудие в травлю обвиняемого, [3, с.3] виновность которого может установить только суд в поставленном им судебном приговоре (ч. 1 ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса РК от 4 июля 2014 года – далее УПК).

При этом роль судебной ошибки при оправдании виновного (чему возможно способствует деятельность адвоката-защитника), ни в коей мере не умаляет значения законных усилий адвоката, поскольку осуждение невиновного - это уже преступление. [4, с.55] Указанный постулат обусловливает необходимость соблюдения принципа благоприятствования защите (favor defensionis) [5; с.3-5, с.15] при конструировании уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего определённые процессуальные преимущества и привилегии для адвоката-защитника, как противовес обвинительной публичной власти органов уголовного преследования и судебной власти.

К ним можно отнести:

- обязательность участия адвоката (ст. 67 УПК) и право на защиту от предъявленного обвинения (ст.ст. 27; пп. 3, 6 ч. 9 ст. 64 УПК);

- обязательность предоставления времени для выработки и согласования линии защиты с подзащитным (ч. 3 ст. 67; п. 5 ч. 9 ст. 64; ч. 3 ст. 196 УПК);

- обязательность участия в проводимом досудебном расследовании и заблаговременном уведомлении о проведении следственных (и иных процессуальных) действий в отношении подзащитного (ч. 2 ст. 70 УПК);

- возможность урегулирования расхождения правовых позиций с органом уголовного преследования посредством обращения к следственной судье (ч. 3 ст. 70 УПК);

- возможность непредставления органу уголовного преследования значимого для защиты доказательства на момент ознакомления с материалами дела (ч. 4 ст. 296 УПК) и т.д.

Но наиболее существенными среди привилегий адвоката, на наш взгляд, выступают следующие:

- запрет на производство допроса адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с выполнением своих обязанностей (ч. 2 ст. 78 УПК);

-запрет на отстранение адвоката от участия в досудебном расследовании (ст. 67 УПК), а также его удаления из судебного заседания и наложения на него денежного взыскания (ч. 1 ст. 346 УПК);

-запрет на проведение негласных следственных действий (далее – НСД) в отношении адвоката, за исключением случаев, когда имеются основания полагать, что ими готовится или совершено тяжкое, или особо тяжкое преступление (ч. 8 ст. 232 УПК).

Материалы и методы

Исследованию вопроса о границах неприкосновенности адвоката-защитника в стадии досудебного расследования сопутствовали классические методы научного познания в праве: структурно-функциональный анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия и обратная сила закона, сравнительно-правовое исследование, что позволило выявить сущность, предназначение и пределы процессуальных гарантий его неприкосновенности при собирании доказательств органами уголовного преследования. Авторы опирались на нормативные и теоретические источники уголовного процесса, материалы национальной и зарубежной правоприменительной практики, личный многолетний опыт адвокатской и следственной практики.

Результаты и их обсуждение

Безусловно, адвокатская деятельность является важной гарантией обеспечения равноправия сторон в уголовном процессе, но возникает закономерный вопрос: каковы границы невмешательства в деятельность адвоката и вся ли эта деятельность охватывается таким ёмким понятием, как адвокатская тайна?[2] Полагаем, что для разрешения указанной проблемы необходимо рассмотреть её в плоскости правомерности проведения НСД в отношении адвокатов, как способа получения информации без уведомления лица, в отношении которого они проводятся (п. 12 ст. 7 УПК).

Как показала следственная и судебная практика, НСД - один из эффективных способов собирания доказательств в условиях

[2] *Председателем РКА выражена весьма неоднозначная, небесспорная позиция, абсолютизирующая неприкосновенность адвоката-защитника (под эгидой адвокатской тайны и независимости адвокатов) при собирании доказательств в случаях совершения им уголовного правонарушения // Конституционный Суд не должен принимать обращение, угрожающее независимости адвокатов. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://advokatura.kz/ru/news/rka-konstitucionnyj-sud-ne-dolzen-prinimat-obrasenie-ugrozausee-nezavisimosti-advokatov (дата обращения:19.12.2024).*

противодействия неочевидным, законспирированным и организованным формам преступной деятельности. Поэтому, исходя из публично-правовых интересов государства раскрытия подобного рода преступлений, изобличения виновных и привлечения их к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 8 УПК), закон допускает проведение НСД в отношении всех лиц, а применительно к отдельным категориям – в ограниченных пределах и в особом порядке.

В уголовном процессе НСД признаются легальным ограничением конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны при совокупности следующих условий (гарантий):

1. начало досудебного расследования после регистрации повода к нему в Едином реестре досудебных расследований;

2. квалификация содеянного для всех, кроме адвокатов, как уголовное правонарушение, за совершение которого УК РК предусмотрено наказание свыше одного года лишения свободы (п. 1 ч. 4 ст. 232 УПК);

3. квалификация содеянного исключительно для адвокатов как тяжкого и особо тяжкого преступления;

4. подозреваемый, обвиняемый и иные лица, подпадающие под производство НСД, могут располагать сведениями об уголовном правонарушении (мотивированность, обоснованность и достоверность основания о проведении НСД);

5. достаточные основания полагать, что в результате НСД будут получены сведения, имеющие значение для дела;

6. санкция следственного судьи для производства НСД, предусмотренных пунктами 1) – 6) статьи 231 УПК;

7. проверка и оценка процессуальным прокурором достоверности информации, предоставленной в ходе санкционирования следственным судьёй негласного следственного действия.

Однако, поскольку применение НСД допускает скрытое вторжение органов уголовного преследования в сферу адвокатской тайны, главной целью сужения сферы проведения НСД в отношении адвоката является недопустимость или минимизация разглашения обстоятельств уголовного дела, которые стали известны ему в связи с выполнением своих обязанностей (адвокатская тайна). Объясняется это тем, что адвокатская тайна принадлежит не только адвокату, а прежде - его доверителю. Её составляют: факт его обращения к адвокату; сведения о содержании устных и письменных переговоров с доверителем, а также с другими лицами - касательно информации, сообщенной доверителем; информация о характере, содержании и результатах, предпринимаемых в интересах доверителя действий; тактика и стратегия линии защиты, а также иная информация, касающаяся оказания юридической помощи (ч. 1 ст. 37 Закона РК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК).

Возложенная на адвоката данным законом обязанность хранения адвокатской тайны не ограничена во времени. Поэтому адвокаты обязаны принимать необходимые меры для сохранения адвокатской тайны, в том числе и её защиты от несанкционированного доступа. За разглашение адвокатской тайны без согласия доверителя адвокат может быть привлечен к ответственности.

Адвокатская тайна не может считаться абсолютной категорией, гарантирующей полную неприкосновенность адвоката от уголовного преследования и применения мер уголовно-процессуального принуждения. В то же время следует иметь в виду, что адвокатская тайна не включает информацию и сведения о готовящемся или совершенном уголовном правонарушении самого адвоката и в соучастии его доверителя. В этой связи противоправная деятельность адвоката и его соучастника-доверителя не поставлена законом под защиту института адвокатской тайны.

Принимая во внимание задачи уголовного процесса по раскрытию уголовных правонарушений, изобличению и привлечению к уголовной ответственности лиц, их совершивших, учитывая государственную политику Казахстана по внедрению инструментов искусственного интеллекта, в том числе в уголовное судопроизводство, в перспективе будет расширен доступ органов уголовного преследования в рамках оперативно-розыскной деятельности и негласных следственных действий к информации в публичном пространстве. При этом важно обеспечить соблюдение таких гарантий как защита персональных данных, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, адвокатская тайна и иные виды охраняемых законом тайн.

Вместе с тем правовая природа подобного рода ограничений в области уголовно-процессуального доказывания исключительно для адвокатов противоречит положениям Конституции РК, пункт 1 статьи 14 которой гласит, что «Все равны перед законом

и судом». Основным законом страны установлен строго очерченный круг субъектов, к которым относятся лица, обладающие привилегиями от уголовного преследования. Ими являются Президент РК, Генеральный прокурор РК, судьи Конституционного Суда РК, депутаты Парламента РК, судьи, Уполномоченный по правам человека.

Привилегии (по аналогии с гарантиями консульской неприкосновенности) защищают их в уголовном процессе от применения мер пресечения и иных процессуального принуждения, кроме случаев задержания на месте преступления или совершения тяжких преступлений. В частности, установленный запрет на осуществление привода разрешает только добровольное, по своему усмотрению, непосредственное участие в следственных и иных процессуальных действиях.

Между тем опосредованное проведение в отношении указанных лиц следственных действий (осмотр места происшествия, обыск, выемка), в том числе негласных, законом не запрещено. Тогда как ограничение в сфере уголовно-процессуального доказывания в зависимости от тяжести преступления предусмотрено только для адвокатов. Ни для судей, ни для прокуроров подобной гарантии УПК РК не содержит. Для последних такого рода гарантии относятся к сфере применения к ним в особом порядке мер уголовно-процессуального принуждения. Но в области уголовно-процессуального доказывания действуют общие для всех предписания закона. Для сравнения, согласно ч. 4 ст. 12 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года специальные оперативно-розыскные мероприятия (аналог НСД) проводятся, в том числе и в отношении адвокатов, для выявления, предупреждения и пресечения тяжких и особо тяжких преступлений, а также предусмотренных определённым перечнем статей УК РК преступлений средней тяжести.

Суть приведённого предписания при НСД для адвокатов, как мы уже упоминали выше, базируется на принципе благоприятствования защите (favor defensionis), как деятельности, противостоящей публично-правовой власти, препятствующей трансформации правосудия в произвольное преследование обвиняемого, подсудимого. Этим положением формально обусловлен и запрет на проведение НСД в отношении адвокатов, поскольку в противном случае нормы об адвокатской тайне (ч. 5 ст. 70 УПК) и исключении указанного субъекта из числа лиц, подлежащих обязательному допросу (п. 3 ч. 2 ст. 78 УПК), превратятся в фикцию, не имеющую под собой соответствующих уголовно-процессуальных гарантий.

В то же время следует иметь ввиду, что закон распространяет данные гарантии лишь на законную деятельность адвоката-защитника в рамках возложенных на него полномочий по уголовному делу. В других ситуациях действуют положения ч. 1 ст. 21 УПК о равенстве всех перед законом, следовательно, НСД, как и иные способы доказывания, могут применяться к нему на общих основаниях, без условий подготовки либо совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Помимо этого, если адвокат совершает или подготавливается к совершению уголовного правонарушения, то обеспечивающие легитимность адвокатской деятельности гарантии на него не распространяются, т. к. он выступает здесь как обычный субъект правонарушения, для установления которого социальный статус лица безразличен. В этой связи решение о проведении НСД в отношении адвоката должно расцениваться как законное при ограничении только санкцией соответствующей нормы УК РК (п. 1 ч. 4 ст. 232 УПК).

Подобный подход полностью соответствует общепризнанным стандартам правосудия, закрепленным в соответствующих международно-правовых документах, на основе которых в отношении адвоката в законодательстве зарубежных государств сформулированы аналогичные подходы к ограничению в проведении в отношении указанного участника каких-либо следственных действий, в том числе негласных.

Международные стандарты и принципы неприкосновенности адвоката и его защиты от вмешательства со стороны органов уголовного преследования:

- Согласно **Основным Положениям о роли адвокатов,** принятым ООН в августе 1990 года, адвокаты должны пользоваться защитой от произвольного вмешательства со стороны государства в их профессиональную деятельность. Пункт 20 этих принципов гласит, что адвокаты не должны подвергаться преследованию за законное выполнение своих профессиональных обязанностей[3].

[3] *Основные Положения о роли адвокатов // Приняты ООН в августе 1990 года https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175940 (дата обращения:19.12.2024)*

- Судебные разбирательства в Европейском суде по правам человека (далее - ЕСПЧ) неоднократно касались вопросов конфиденциальности общения адвокатов с клиентами и проведения следственных действий в отношении адвокатов. Например, в деле Michaud v. France (2012) ЕСПЧ подчеркнул, что вмешательство в профессиональную деятельность адвокатов должно быть минимально возможным и соответствовать стандартам пропорциональности, иначе это может нарушать статьи 6 и 8 Конвенции. ЕСПЧ также указал на необходимость особой защиты адвокатской тайны и предотвращения злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.[4]

Аналогичные подходы восприняты и ведущими странами как континентальной, так и англосаксонской моделей уголовного судопроизводства. К примеру, в США адвокатский иммунитет от следственных действий также ограничен. Следственные органы могут получить доступ к адвокатским документам и данным только при наличии веских доказательств преступной деятельности со стороны самого адвоката, однако конфиденциальная информация, относящаяся к клиентам, защищена attorney-client privilege. Дело Zolin v. United States (1989) демонстрирует, что в случаях, когда адвоката подозревают в преступной деятельности, суды могут разрешать расследование при условии минимизации риска утечки адвокатской тайны.[5]

Ст. 450.1 УПК Российской Федерации определены особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Указанные следственные действия (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) проводятся только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, на основании обоснованного и мотивированного постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки и в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, представителя соответствующей адвокатской палаты. Осмотр жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, в случаях, не терпящих отлагательства, может быть произведен при обнаружении признаков совершения преступления без участия представителя соответствующей адвокатской палаты. В ходе обыска, осмотра и (или) выемки в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства.[6]

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ (аналогичная норма – п. 3 ч. 2 ст. 78 УПК РК) недопустимы в качестве доказательств показания защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением защиты. Между тем п. 3 Определения Конституционного суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-0 было установлено, что эта норма «не исключает его [адвоката] право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений».[7]

Указанная правовая позиция нашла свое подтверждение и в п. 5 Постановления Конституционного суда РФ от 29 июня 2004 г. № 2 13-П. Тем самым, Конституционный суд РФ также придерживается точки зрения, согласно которой нормы, нацеленные на защиту интересов обвиняемого, не могут служить основанием для признания недопустимыми выгодных ему доказательств.[8]

УПК ФРГ. § 97 (1). Выемке не подлежат

---

[4] Европейский суд по правам человека: дело Michaud v. France (2012) // https://base.garant.ru/70418764/ (дата обращения:19.12.2024).

[5] Дело Zolin v. United States (1989) // https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep491/usrep491554/usrep491554.pdf (дата обращения:19.12.2024).

[6] УПК Российской Федерации от 18.12.2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения:19.12.2024).

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 N 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42271/ (дата обращения:19.12.2024).

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с

также предметы, на которые распространяется право на отказ от дачи показаний адвокатов, если они находятся в фактическом владении указанной в данном положении консультации. Ограничения выемки не действуют, если на основании определённых фактов существует подозрение, что лицо, имеющее право на отказ от дачи показаний, является участником преступного деяния или укрывательства), воспрепятствования наказанию или скупки краденого, или если речь идёт о предметах, которые были созданы в процессе или в результате преступного деяния или были использованы, или предназначены для совершения преступного деяния или приобретены посредством преступного деяния.

Если обвиняемый является представителем профессии, члены которых имеют право на отказ от дачи показаний согласно §§ 53, 53a (например, адвокатом), выемка предметов у него допускается, однако эти предметы могут использоваться в процессе только против него самого, но не против его клиентов. Предметы, находящиеся у обвиняемого, не подлежат выемке только в случаях, предусмотренных в § 148 (переписка с защитником).

§ 100a. [Контроль телекоммуникации]

(4) Если существуют фактические основания для предположения, что вследствие применения меры согласно абзацу 1 будет получена исключительно информация, относящаяся к внутренней сфере частной жизни, применение меры недопустимо. Использование информации о внутренней сфере частной жизни, полученной вследствие применения меры согласно абзацу 1, недопустимо. Соответствующие записи должны быть незамедлительно уничтожены. Факт получения и уничтожения должен быть внесён в материалы дела.

§ 100c. [Меры, применяемые без ведома лиц, которых они касаются]

(1) Разговоры, которые ведутся в жилище непублично, могут прослушиваться и записываться при помощи технических средств, если:

1. существует подозрение, основанное на конкретных фактах, в том, что определённое лицо совершило особо тяжкие преступные деяния, указанные в абзаце 2, в качестве исполнителя или участника, или покушение на такое преступное деяние, если покушение является уголовно наказуемым,

2. преступное деяние является особо тяжким также в конкретном случае и

3. на основании конкретных фактов существует предположение, что при помощи применяемых мер будут зафиксированы высказывания обвиняемого, имеющие значение для расследования фактических обстоятельств дела или установления места нахождения другого обвиняемого в том же уголовном производстве, и

4. исследование обстоятельств дела или установление местопребывания лица, обвиняемого в том же процессе, иным способом было бы несоразмерно усложнено или не имело бы шансов на успех.

(5) Прослушивание и запись должны быть незамедлительно прерваны, если в процессе прослушивания появляются основания предполагать, что будут зафиксированы высказывания, которые относятся к внутренней сфере частной жизни. Записи таких высказываний должны быть незамедлительно уничтожены. Использование информации о таких высказываниях недопустимо. Факт получения информации и её уничтожения должен быть внесён в материалы дела.[9]

Приведенные примеры наглядно демонстрируют действие принципа благоприятствования защите посредством ограничительного вмешательства в деятельность адвоката лишь в случаях крайней необходимости и только в строго установленных законом процедурах.

Между тем в отечественной практике судопроизводства вопрос о границах вмешательства в адвокатскую деятельность при наличии информации о его возможной (предполагаемой) преступной деятельности, не связанной и не вытекающей из возложенных на него законом обязанностей по осуществлению защиты по конкретному уголовному делу, и проведению, в связи с этим, негласных следственных действий, достаточно актуален и подлежит тщательному теоретическому обоснованию (толкованию).

В качестве примера можно рассмотреть обращение осуждённого гр-на А. и его представителя адвоката Ы.А.[10] о рассмотрении

запросом группы депутатов Государственной Думы». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/ (дата обращения:19.12.2024).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://publishup.uni-potsdam.de/frontdoor/index/index/docId/6039 (дата обращения:19.12.2024).

[10] Впоследствии указанное обращение до его рассмотрения Конституционным Судом РК было отозвано, однако проблема остаётся неразрешённой.

на соответствие Конституции Республики Казахстан части восьмой статьи 232 УПК РК и абзаца шестого пункта 7 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 года № 5 «О санкционировании негласных следственных действий» (далее – НП ВС), которая 23 сентября 2024 года была принята к производству Конституционным Судом РК. По мнению субъектов обращения, положения части восьмой статьи 232 УПК и абзаца шестого пункта 7 НП ВС в ситуации, когда орган уголовного преследования проводит негласные следственные действия на основании изначально зарегистрированного тяжкого преступления в последующем переквалифицированного на преступление средней тяжести, противоречат пунктам 1, 2 статьи 18 Конституции и в нормативном единстве нарушают ряд ее статей (13, 14, 39, 75, 76). В обращении указывалось, что после рассекречивания НСД подозрение - подготовка тяжкого преступления, ставшее основанием для его производства, не нашло своего подтверждения ввиду переквалификации прокурором деяния на преступление средней тяжести. В то время как результаты данного НСД не признаны недопустимыми доказательствами.

Анализируя указанную ситуацию, полагаем, что вопрос о наличии или отсутствии материально-правовых и уголовно-процессуальных оснований для принятия решения о санкционировании НСД рассматривался следственным судьёй по представленным органами уголовного преследования материалам уголовного дела в соответствии с предписаниями закона. Согласно статье 5 УПК РК о действии уголовно-процессуального закона во времени уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом, введенным в действие к моменту выполнения процессуального действия, принятия процессуального решения. Кроме того, допустимость доказательств определяется в соответствии с законом, действовавшим в момент их получения.

Однако авторы обращения без достаточных оснований и аргументов оценили, как не соответствующие Конституции РК (без приведения ее норм), вышеприведённые идентичные положения части восьмой статьи 232 УПК РК и абзаца 6 пункта 7 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 декабря 2020 года №5 «О санкционировании негласных следственных действий». Полагаем, что квалификация уголовного правонарушения имеет значение лишь на момент принятия решения о производстве НСД. Поэтому последующее изменение квалификации деяния на закон о менее тяжком преступлении не должно влиять на оценку законности проведенного НСД.

Помимо этого, следует учитывать, что «обоснованность подозрения» для следственной судьи, как оценочное понятие, означает запрет вторжения в компетенцию органов досудебного расследования (ст. 56 УПК) и следственный судья не вправе подвергать сомнению правильность квалификации деяния органом уголовного преследования. Судья проверяет лишь законность (соблюдение чч. 1, 8 ст. 232 УПК и др. норм УПК) и обоснованность основания для проведения того или иного НСД (наличие в уголовном деле фактических данных и доказательств, их достоверность и достаточность для выдвижения в отношении лица подозрения и квалификации деяния). Указанное положение обусловлено диспозицией ст. 5 УПК РК о действии уголовно-процессуального закона во времени: уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законом, введённым в действие к моменту выполнения процессуального действия, принятия процессуального решения. Кроме того, данная норма устанавливает, что допустимость доказательств определяется в соответствии с законом, действовавшим в момент их получения. Нельзя игнорировать и тот факт, что суд, на момент санкционирования НСД рассматривал лишь материалы первичного подозрения в совершении тяжкого преступления, ограничиваясь лишь уголовно-процессуальными средствами. Поэтому без проведения НСД, вопрос об окончательной квалификации деяния мог бы и не соответствовать последующему решению прокурора. Из этого следует, что приведенное выше обращение осужденного и его представителя в Верховный суд РК о признании недопустимыми результатов НСД, в корне противоречит принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 24 УПК РК) и задачам, стоящим перед защитой.

В данной и подобных уголовно-процессуальных ситуациях речь идёт о неприменимости обратной силы норм УПК РК. Объясняя такое положение, проф. И.Я. Фойницкий имел в виду, что процессуальная норма, в отличие от нормы материальной, никогда не имеет обратной силы. Обратная сила уголовного закона означает, что все ранее воз-

никшие правоотношения переделываются под новые требования. В процессуальных отраслях это может обернуться параличом правоприменения, т.к. равнозначно повороту процесса, т.е. проведению его заново, с самого начала, что чаще всего практически невозможно (отменяя прежнюю норму и постановляя вместо нее новую, государство тем самым вынуждено признать прежний порядок уголовного судопроизводства несостоятельным, как не обеспечивающим интересы правосудия). [6, с.58].

Безусловно, оппоненты могут возразить, ссылаясь на конституционный принцип о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, содержащий систему гарантий защиты прав и свобод человека, в том числе и включающие правовые запреты на собирание и распространение конфиденциальной информации о лице без его согласия.

В соответствии с действующим законодательством, гарантии неприкосновенности сферы частной жизни, личной и семейной тайны включают: а) недопустимость произвольного вмешательства в частную жизнь; б) собирание конфиденциальной информации о лице без его согласия исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом; в) предоставление человеку права в соответствии с законом на ознакомление с полученной о нем информацией; г) предоставление человеку права на истребование, уничтожение и опровержение конфиденциальной или недостоверной информации о нем; д) руководство принципом добропорядочности человека; е) эффективность действующего механизма юридической защиты тайны и неприкосновенности частной жизни лица; ж) возмещение морального вреда, причиненного незаконным вмешательством в сферу частной жизни и использованием конфиденциальной информации; з) доступ к правосудию при нарушении неприкосновенности частной жизни.

Не допускается кем бы то ни было любое вторжение в сферу частной, личной и семейной жизни человека: - визуальное наблюдение любым способом из вне за находящимися в помещении лицами (в жилище, служебных кабинетах, офисах и т.п.); - техническое документирование (видеозапись, фотографирование и т.п.) деяний этих лиц; - фиксация поведения лица без его согласия; - прослушивание разговоров граждан наедине.

Перечисленные действия признаются незаконными безусловно, а полученная при этом информация не допускается к использованию в качества доказательств по уголовному делу. Исключение из данного принципа составляют только случаи, предусмотренные законом РК «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года, а также регламентированные главой 30 УПК РК «Негласные следственные действия».

Согласно п. 3 ст. 18 Конституции РК участники процесса имеют право на ознакомление с затрагивающими их частную жизнь, личную и семейную тайну процессуальными документами, решениями и источниками информации (ст. ст. 201 ч. 1, 295, 296 УПК). Несоблюдение данного принципа влечет уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни и персональных данных (ст. 147 УК РК), тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 148 УК РК).

Конституционные нормы и международные стандарты об уважении и защите чести и достоинства личности конкретизированы ст. 13 УПК. В целях, не связанных с интересами и задачами уголовного процесса, закон категорически запрещает:

- совершать, в том числе при проведении НСД, действия, унижающие и умаляющие достоинство участника уголовного процесса;

- совершать действия, унижающие честь и умаляющие достоинство участника уголовного процесса (например, ст. 112 ч. 1 УПК признает недопустимыми при собирании доказательств пытки, насилие, угрозы, обман, иные незаконные действия и жестокое обращение, исключающие для лица возможность контролировать своё сознание);

- собирать, использовать и распространять сведения о частной жизни, а равно сведения личного характера, которые лицо считает необходимым сохранить в тайне (например, вторжение в частную жизнь граждан допускается с санкции следственного судьи или суда, при наличии законных оснований и веских, достаточных доказательств).

В результате можно констатировать, что в оспариваемой ситуации по обращению осуждённого гр-на А. и его представителя адвоката Ы. А. конституционный принцип неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны не нарушался.

Заключение

Таким образом, проведенный нами правовой анализ действующих норм закона и практики их применения, а также изучение национальной и иностранной научной лите-

ратуры, дает возможность обобщить и сформулировать следующие рекомендации по сохранению и усилению уголовно-процессуальных гарантий в случаях, когда имеется риск разглашения адвокатской тайны:

1) допустимость особого порядка лишения неприкосновенности адвокатов, по аналогии с обладающими привилегиями от уголовного преследования лицами и исключительно при применении к ним мер уголовно-процессуального принуждения, не распространяя его на их деятельность в области уголовно-процессуального доказывания;

2) проведение негласного следственного действия в отношении адвоката в исключительных случаях, лишь при подготовке и совершении им уголовного правонарушения (основания возможно детализировать в завершающем абзаце п. 7 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 декабря 2020 года № 5 «О санкционировании негласных следственных действий»);

3) материально-правовые основания для проведения негласных следственных действий в отношении адвоката целесообразно сузить до положения п. 1) ч. 4 ст. 232 УПК РК - по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы свыше одного года

4) рассмотреть вопрос о постановке на утрату части восьмой статьи 232 УПК РК и абзаца 6 пункта 7 нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 декабря 2020 года № 5 «О санкционировании негласных следственных действий» для приведения статуса адвоката в соответствие с п. 1 ст. 14 Конституции РК;

5) обоснование органами уголовного преследования перед следственным судьёй основания проведения того или иного негласного следственного действия в отношении адвоката достаточными, достоверными и допустимыми доказательствами о преступной деятельности адвоката;

6) обязательное условие санкционирования следственного действия в отношении адвоката – исключение или минимизация разглашения обстоятельств адвокатской тайны;

7) ст. 70 УПК РК дополнить нормой, что при собирании доказательств против адвоката органы расследования принимают меры к неразглашению обстоятельств адвокатской тайны, в т.ч. с применением правил ст. 29 и ст. 201 УПК РК;

8) следственные действия в отношении адвоката (следственный осмотр, обыск, выемка) могут проводиться только в присутствии представителя коллегии адвокатов, обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, как и ознакомление с рассекреченными результатами НСД до их использования по уголовному делу.

Указанные рекомендации, на наш взгляд, в дальнейшем можно использовать в законотворческой деятельности в целях оптимизации отечественного уголовного судопроизводства.

Вклад авторов

Ахпанов А.Н. – аннотация, изучение библиографических источников, изучение и анализ нормативных актов, результаты и обсуждение, заключение

Хан А.Л. – введение, методология, обработка статданных, изучение и анализ нормативных актов, изучение библиографических источников

Сулейменова Г.Ж. – изучение и анализ адвокатской практики, изучение и анализ нормативных актов, оформление литературы, транслитерация или инфо об авторах

Данная статья опубликована за счёт проекта BR24992826 «Инновационные подходы обеспечения доступности правосудия населению Республики Казахстан, с использованием инструментов искусственного интеллекта» (источник финансирования — Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» — Официальный сайт Президента Республики Казахстан // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588 (дата обращения:19.12.2024).

2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 1. Изд. четвёртое. - Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная польза», 1912. – 567 с.

3. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное / По изданию 1885 г. // Allpravo.Ru, 2004. – 64 с.

4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. Изд. третье, пересм. и доп. - Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1910. – 573 с.

5. Владимиров Л.Е. Advocatus miles: Пособие для уголовной защиты. - Санкт-Петербург, 1911. – 230 с.; Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) и его проявление в современном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Михеенкова - Москва, 2012. – 279 с.

6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. - Том 1. - Санкт-Петербург, 1996. – 607 с.

REFERENCES

1. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Jekonomicheskij kurs Spravedlivogo Kazahstana» — Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan // [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588 (data obrashhenija:19.12.2024)

2. Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 1. Izd. chetvjortoe. - Sankt-Peterburg: Tipografija t-va «Obshhestvennaja pol'za», 1912. – 567 s.

3. Fojnickij I.Ja. Zashhita v ugolovnom processe kak sluzhenie obshhestvennoe / Po izdaniju 1885 g. // Allpravo.Ru, 2004. – 64 s.

4. Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 2. Izd. tret'e, peresm. i dop.. - Sankt-Peterburg: Senatskaja tipografija, 1910. – 573 s.

5. Vladimirov L.E. Advocatus miles: Posobie dlja ugolovnoj zashhity. - Sankt-Peterburg, 1911. – 230 s.; Miheenkova M.A. Blagoprijatstvovanie zashhite (favor defensionis) i ego projavlenie v sovremennom ugolovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09 / M.A. Miheenkova - Moskva, 2012. – 279 s.

6. Fojnickij I.Ja. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 1. - Sankt-Peterburg, 1996. – 607 s.

ӘОЖ 343.34
ҒТАМР 81.93.29

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ШЕТ МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ АҚПАРАТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚОРҒАУ САЛАСЫНДАҒЫ ЗАҢНАМАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕСІН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Багдат Тлектесовна Ауешова[1]
Заң ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ қауымдастырылған профессоры, Ш.Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университетінің құқықтану кафедрасының меңгерушісі; Ақтау қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: baueshova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1449-9941; Researcher ID WOS:C-8118-2018; SCOPUS ID: 57205601320

Айгуль Айдарбаевна Утенова
Құқық магистрі, Ш.Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университетінің профессор ассистенті; Ақтау қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aygul.utenova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0005-2673-9000

Гулнар Қосшықызы Ізтұрғанова
Құқық магистрі, Ш.Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университетінің профессор ассистенті; Ақтау қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: izturganova_gulnar@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0007-0170-5079

Аннотация. *Ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қорғау тақырыбын зерделеу жаңа технологиялардың пайда болуы, қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларында, оның ішінде мемлекеттік қызметтер көрсету саласында цифрландыру жетістіктерін енгізу тұрғысынан ұлттық қылмыстық заңнаманы дамыту мен жетілдірудің кейбір аспектілерін қарауға бағытталған. Елдің ұлттық қауіпсіздігінің құрамдас бөлігі ретінде ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету тек заңнамалық қана емес, сонымен қатар мемлекет органдары тарапынан құқық қолдану қызметін де қамтиды. Жұмыста зерттелетін зерттеу тақырыбы бойынша нормативтік-құқықтық актілер, сондай-ақ оларды жүзеге асыру тетіктері сипатталған. Ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету объектісі ретіндегі «ақпарат» ұғымы мазмұнының мәні осы саладағы отандық, сондай-ақ шетелдік зерттеушілердің идеяларына сүйене отырып қарастырылады. Мақала авторлары қоғамдық қатынастардың зерттелетін саласында қабылданатын заңнамалық актілердің Қазақстан Конституциясында белгіленген азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделеріне сәйкестігі қажеттілігін қолдайды. Осыған байланысты халықаралық құжаттарды олардың ақпараттық қауіпсіздікті қорғаудың негізгі терминологиясы мен тетіктерін белгілеу бөлігінде қарау өзекті болып табылады. ТМД-ға кіретін немесе Қазақстанмен заңнаманы дамытудың ортақ тарихи тәжірибесі бар мемлекеттердің тәжірибесі ерекше көрсетілген. Осыған байланысты заңнаманың тиісті ережелерін жеке тарауға немесе бөлімге бөлу немесе зерттелетін мәселені құқық бұзушылық құрамының саралауына байланысты әр түрлі тараулардың ережелері негізінде реттеу бөлігінде ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қорғау жөніндегі елдердің тәсілдерін бөліп көрсетуге болады. Әр түрлі мемлекеттердің заңнамалары терминологияны («Киберқылмыс», «Ақпараттық қауіпсіздікке қарсы қылмыстар» және т.б.) зерттелетін жұмыс тақырыбына қатысты ережелерді бұзғаны үшін жауапкершілікті анықтауда қолданады. Жұмыста ақпараттық қауіпсіздікті қорғаудың қолданыстағы тетігінің оны бұзуға мүмкіндік беретін технологияларға сәйкестігі жөніндегі қызметті жүзеге асыру қажеттігін куәландыратын статистикалық материал келтірілген.*

Түйінді сөздер: *ақпараттық қауіпсіздік, қылмыстық заңнама, ақпарат, ақпараттық технологияларды дамыту, қылмыс, цифрландыру.*

[1] *Хат-хабарларға арналған автор*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ауешова Багдат Тлектесовна
Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор (доцент) МОН РК, заведующая кафедрой Каспийского университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова; г. Актау, Республика Казахстан; e-mail: baueshova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1449-9941; Researcher ID WOS:C-8118-2018; SCOPUS ID: 57205601320

Утенова Айгуль Айдарбаевна
Магистр права, ассистент профессора Каспийского университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова; г. Актау, Республика Казахстан; e-mail: aygul.utenova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0005-2673-9000

Ізтұрғанова Гулнар Қосшықызы
Магистр права, ассистент профессора Каспийского университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова; г. Актау, Республика Казахстан; e-mail: izturganova_gulnar@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0007-0170-5079

Аннотация. *Изучение темы уголовно-правовой охраны информационной безопасности направлено на рассмотрение некоторых аспектов развития и совершенствования национального уголовного законодательства в свете появления новых технологий, внедрения достижений цифровизации в различных сферах общественной жизни, в том числе в области предоставления государственных услуг. Обеспечение информационной безопасности как составляющего компонента национальной безопасности страны включает в себя не только законодательную, но и правоприменительную деятельность со стороны органов государства. В работе описаны нормативно-правовые акты по изучаемой теме исследования, а также механизмы для их реализации. Сущность содержания понятия «информация» как объекта обеспечения информационной безопасности рассмотрена, опираясь на идеи отечественных, а также зарубежных исследователей в данной области. Авторы статьи поддерживают необходимость соответствия принимаемых законодательных актов в изучаемой сфере общественных отношений с правами и законными интересами граждан, установленных в Конституции Казахстана. В этой связи актуально рассмотрение международных документов в части установления ими основной терминологии и механизмов защиты информационной безопасности. Особо показателен опыт государств, входящих в СНГ или имеющих общий исторический опыт развития законодательства с Казахстаном. В этой связи можно выделить подходы стран по уголовно-правовой охране информационной безопасности в части выделения соответствующих положений законодательства в отдельную главу или раздел либо регулирования изучаемого вопроса на основе положений различных глав в зависимости от квалификации состава правонарушения. Законодательства различных государств используют терминологию («Киберпреступность», «Преступления против информационной безопасности» и т.д.) в определении ответственности за нарушение положений относительно исследуемой темы работы. В работе приведен статистический материал, свидетельствующий о необходимости осуществления деятельности по соответствию действующего механизма защиты информационной безопасности технологиям, позволяющим ее нарушать.*

Ключевые слова: *информационная безопасность, уголовное законодательство, информация, развитие информационных технологий, преступление, цифровизация.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF INFORMATION SECURITY

Aueshova Bagdat Tlektesovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department at Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov; Aktau c., Republic of Kazakhstan; e-mail: baueshova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-1449-9941; Researcher ID WOS:C-8118-2018; SCOPUS ID: 57205601320

Utenova Aigul Aidarbaevna
Master of Law, Assistant Professor at Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov; Aktau c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aygul.utenova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0005-2673-9000

Izturganova Gulnar Kosshykyzy
Master of Law, Assistant Professor at Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov; Aktau c., Republic of Kazakhstan; e-mail: izturganova_gulnar@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0009-0007-0170-5079

Abstract. *The study of the topic of criminal law protection of information security is aimed at considering some aspects of the development and improvement of national criminal legislation in the light of the emergence of new technologies, the introduction of digitalization achievements in various spheres of public life, including in the field of public services. Ensuring information security as an integral component of the national security of the country includes not only legislative, but also law enforcement activities on the part of state bodies. The paper describes the normative legal acts on the studied research topic, as well as the mechanisms for their implementation. The essence of the content of the concept of "information" as an object of information security is considered, based on the ideas of domestic as well as foreign researchers in this field. The authors of the article support the need for compliance of the adopted legislative acts in the studied sphere of public relations with the rights and legitimate interests of citizens established in the Constitution of Kazakhstan. In this regard, it is important to consider international documents in terms of establishing their basic terminology and mechanisms for protecting information security. The experience of the CIS member states or those with common historical experience in the development of legislation with Kazakhstan is particularly indicative. In this regard, it is possible to distinguish the approaches of countries on the criminal law protection of information security in terms of allocating the relevant provisions of legislation into a separate chapter or section or regulating the issue under study based on the provisions of various chapters, depending on the qualification of the offense. The legislation of various states uses terminology ("Cybercrime", "Crimes against information security", etc.) in determining responsibility for violating the provisions regarding the topic of study. The paper provides statistical material indicating the need to carry out activities to ensure that the current information security protection mechanism complies with technologies that allow it to be violated.*

Keywords: *information security, criminal law, information, information technology development, crime, digitalization.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_135

Кіріспе

Ақпараттық технологияларды, желілерді тарату және оларды жедел жетілдіру ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге ерекше өзектілік береді. Бұл ретте осы құқықтық қатынастардың мәні - ақпарат және ақпараттық технологияларда заңсыз әрекеттерді жүзеге асыру құралына айналды[1]. Сондықтан Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде ақпараттандыру және байланыс саласындағы қылмыстық құқық бұзушылықтарға қатысты құқықтық қатынастарды реттеу жеке 7-тарауды бөлу арқылы іске асырылады. Дегенмен, интернет ақпарат

алудың негізгі көзі және құралы болып табылатын жаңа техникалық шешімдердің пайда болуы заңнаманы іске асыру мәселелерінің артуына әкеледі. Бұл заң шығарушы тарапынан белгілі бір шешімдерді талап етеді. Осыған байланысты ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қамтамасыз ету ақпараттық саланың дамуын білдіруге және азаматтар, қоғам үшін мүмкін болатын жағымсыз салдарға уақтылы жауап беруге тиіс. Ақпараттық қауіпсіздікті қорғауға қатысты тиімді қызмет заңнаманың өзгермелі қоғамдық қатынастарға тұрақты өзгеруі, қолданыстағы құқық нормаларының тиімділігін арттыру және өзге елдермен өзара іс-қимыл негізінде жүзеге асырылады. Атап айтқанда, жеке өмірге қол сұғылмаушылық және жеке деректер туралы ақпарат құқығын қылмыстық-құқықтық қорғаудың тиімділігі, бұл шектеулі жария ету туралы ақпаратқа қатысты, 20 ғасырдың ортасынан бастап пайда болды. Бұл дербес деректерді қорғау қажеттілігін түсінумен және соның салдарынан жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығын белгілейтін халықаралық құжаттарды қабылдаумен байланысты болды. Сонымен қатар, бұл өзгерістер ақпараттық технологиялардың дамуына байланысты болды. Бұл ретте заңнама кибершабуылдар үшін жауапкершілікке қатысты мәселелер күтілетін режимде тұр[2], бірақ мұндай термин заңнамада қолданылмаса да, қылмыстық кодексте компьютерге, ұялы телефонға және басқа да байланыс құралдарына арналған вирустық бағдарламалардың таралуы анықталған, ал кодтық вариациялардың, жеке парольдердің заңсыз айналымына қатысты құқықтық қатынастар, жеке ақпаратты заңсыз өңдеу әлі заңнамалық тұрғыдан бекітілмеген. Ақпараттық қауіпсіздік пен заңнамамен қорғалатын ақпаратты қорғауға қарсы емес, ақпараттандыру және байланыс саласындағы қылмыстар ретінде бір-бірімен біріккен заңнамалық ережелердің болуы, Л.В. Головконың пікірінше, зерттелетін салада заңнамалық нормаларды үнемі жетілдіруді талап ететін табиғи процесс болып табылатын «қылмыстық заң нормаларының инфляциясының» көрінуіне себеп болады [2].

Материалдар мен әдістер

Жұмыста отандық және шетелдік ғалымдардың ақпараттық қауіпсіздік институтының мазмұнын қарау саласындағы еңбектері пайдаланылды. Сонымен қатар, қарастырылып отырған елдердің заңнамаларынан, халықаралық құжаттардан, сондай-ақ зерттеліп жатқан салада Қазақстан Республикасының аумағында тіркелген құқық бұзушылықтар бойынша статистикалық материалдардан ережелер келтірілген.

Мақаланың тақырыбын қарастыруда зерттеудің негізгі әдістері жалпы ғылыми, ресми-құқықтық, талдау және синтез, сондай-ақ салыстырмалы-құқықтық әдіс орын алды. Материалдарды зерделеу нәтижесінде ақпараттық қауіпсіздіктің бұзылуына жол бермеу және мемлекет азаматтарының жеке өміріне қол сұғылмаушылықты қорғау үшін ТМД мен шет елдердің заңнамалық тәжірибесін пайдалану қажет екендігі анықталды.

Бұл жұмыстың мақсаты ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қорғауды заңнамалық реттеу мәселесінде шет мемлекеттердің әртүрлі тәсілдерін зерделеу, тиісті ережелерді талдау және оны жетілдіру бойынша қылмыстық заңнамаға ұсыныстар енгізу мүмкіндігін қарастыру болып табылады.

Талқылау

«Ақпараттық қауіпсіздік» ұғымына қатысты оның анықтамасы «Ұлттық қауіпсіздік туралы» Қазақстан Республикасының Заңында белгіленген[3]. Ол бүкіл ақпараттық саланың және азаматтық, қоғамдық, мемлекеттік құқықтар мен мүдделердің қоршаған әлемнің белгілі бір қауіптерінен ажыратуға және тұрақты даму мен жетілдіруді қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін ерекше жағдайын білдіреді. Технологияны дамытудың азаматтық қоғам мен әлемдік қоғамдастық үшін жағымсыз жақтары болуы мүмкін [3, с. 27]. Бұл киберқауіпсіздікті ұлттық қауіпсіздік саласына енгізуді негізді етеді. Қазіргі уақытта киберқылмыс өткен жылдармен салыстырғанда ең ауқымды қауіптердің біріне айналуда. Осыған байланысты ақпараттық қақтығыстардың пайда болу мүмкіндігі әлемде бұрыннан бар қарулы қақтығыстар аясында нақты болады.

Сондықтан ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мақсатында мемлекетте киберқауіпсіздік тұжырымдамасы немесе «Қазақстанның киберқауіпсіздігі» немесе

---

[2] *210 бап. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226 (жүгінген күні 25.12.2023).*

[3] *Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздік туралы. Қазақстан Республикасының 2012 жылғы 6 қаңтардағы Заңы № 527-IV Заңы // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1200000527 (жүгінген күні 12.12.2023).*

«Қазақстанның киберқалқаны» әзірленді[4]. Бұл құжат электрондық нысаны бар немесе электрондық ақпараттық ресурстар мен жүйелерде қамтылған ақпаратты қорғауды қамтамасыз етуге бағытталған. Мазмұны бойынша киберқауіпсіздік ақпараттандыру саласында іске асырылатын ақпараттық қауіпсіздік түрі ретінде айқындалады. Бұл ретте ақпараттық қауіпсіздік үшін тұтастай алғанда іргелі компоненттер белгіленді: оның объектісінің, ақпараттың тұтастығы, қолжетімділігі, сондай-ақ құпиялылығы. Соңғы компонентті сақтамау ақпаратқа заңсыз қол жеткізу ретінде анықталады. Ақпараттың тұтастығы тұрғысынан маңызды ақпараттық объектілерге, механизмдерге қатысты ерекше сипатқа ие болатын бастапқы, нақты нысанды сақтау қажет. Оларға қызметі өңір, мемлекет азаматтарына қызмет көрсететін ақпараттық жүйелер, құралдар, ресурстар болып табылатын стратегиялық маңызы бар объектілер жатады және олардың жұмысын тоқтату не жұмыстағы өзге де іркілістер халықтың мемлекеттік қызметтерді алу мүмкіндігін жоғалтуына әкеп соғады. Бұл жүйелер қазіргі уақытта банктер мен өзге де қаржы ұйымдарының, авиацияның, денсаулық сақтау объектілерінің, коммуналдық ұйымдардың және т. б. қызметтер саласында қызметтер көрсету саласын жетілдіруге бағытталған.

Компьютерлік жүйелер саласындағы ақпараттық қауіпсіздікті қорғауды қамтамасыз ету бөлігінде шешімдердің бірі ақпарат қауіпсіздігін қорғау жөніндегі ережелерді сақтамаудың алдын алу үшін зерттелетін саладағы қауіптерге мониторинг жүргізетін, сондай-ақ жылдам шешімдер қабылдауда және жасалған заңсыз әрекеттің теріс нәтижелерін жою жөніндегі іс-қимылдарды іске асыруда құзыретті жедел орталықтарды қалыптастыру болып айқындалды [4]. Компьютерлік инциденттерге әрекет ету ұлттық қызметінің (KZ-CERT) жұмысына назар аудару қажет: ол ақпараттық қауіпсіздіктің жай-күйі және оны бұзудың ықтимал қауіптері туралы ақпаратты талдауға, оның негізінде мемлекеттік органдарға талдау беріледі, сондай-ақ зерттелетін саладағы қызметті жетілдіру жөнінде ұсыныстар дайындауға бағытталған. Бұл ретте аталған қызмет мемлекеттік басқару органдарының барлық ақпараттық жүйесіне мониторингті жүзеге асырады. Бұл функция «Ақпараттандыру туралы» Заңда[5] бекітілген және әртүрлі мемлекеттік серверлердің жұмысына заңсыз қол сұғушылықтардың көбеюіне қатысты.

Ақпараттық қауіпсіздік институтын құқықтық реттеуді қарастыра отырып, іске асыру және қорғау тетігі туралы түсінік беретін бірыңғай әмбебап заңнамалық актінің болуы туралы айтуға болмайды. Қайнар көздер ретінде Қылмыстық кодекстің ережелері, Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодекс, «Дербес деректер және оларды қорғау туралы»[6], «Ақпаратқа қол жеткізу туралы» Заң[7] және т. б. Бұл нормативтік актілер зерттелетін институттың жекелеген аспектілерін қарастырады. Бұл ретте ақпараттық қауіпсіздік нысанасын құрайтын объектілердің белгілі бір техникалық ерекшеліктерінің болуына байланысты мамандардың, атап айтқанда ақпараттық-коммуникациялық техникалық құралдарды қолдануға қатысты түсіндірмелері қажет. Бұл ерекшелік ақпараттық қауіпсіздік пен ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қорғау саласындағы бірыңғай талаптарды бекіткен Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулысын қабылдау тұрғысынан өзекті болып табылады[8]. Бұл компьютерлік технологиядағы қауіпсіздікке қатысты негізгі стандарттар.

Ақпараттық жүйе, ресурстар, технологиялар сияқты ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге байланысты ұғымдарды қарастыра отырып ақпараттық-коммуникациялық желі, электрондық тасымалдаушылар және басқалар, олардың мазмұны «Ақпараттандыру

---

[4] *Киберқауіпсіздік тұжырымдамасын («Қазақстанның киберқалқаны») бекіту туралы. Қазақстан Республикасының Үкіметінің 2017 жылғы 30 маусымдағы № 407 қаулысы // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000407 (жүгінген күні 22.12.2023).*

[5] *Ақпараттандыру туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 24 қарашадағы № 418-V ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418 (жүгінген күні 18.01.2024).*

[6] *Дербес деректер және оларды қорғау туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000418 (жүгінген күні 18.01.2024).*

[7] *Ақпаратқа қол жеткізу туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 401-V ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000401 (жүгінген күні 18.01.2024).*

[8] *Ақпараттық-коммуникациялық технологиялар және ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саласындағы бірыңғай талаптарды бекіту туралы. Қазақстан республикасы Үкіметінің 2016 жылғы 20 желтоқсандағы № 832 қаулысы //https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1600000832 (жүгінген күні 24.01.2024).*

туралы» Заңда айқындалады. Қылмыстық кодекс ақпараттық технологияларға қатысты заңсыз әрекеттерді қарау кезінде осы институттарды пайдаланады. Бұл ретте осы институттардың қарастырылып отырған құқықтық қатынастарды реттеудегі орны толық анық емес: заңсыз қол сұғушылықтарды іске асырудың мәні немесе құралы, атап айтқанда, ақпаратқа заңсыз қол жеткізу, оны жою, иемдену, мәжбүрлеу электрондық өнімді беру, тарату және т. б.[9] Заңсыз әрекеттерді жүзеге асыру кезінде қолданылатын ақпараттық технологиялар қол сұғу құралы ретінде олар бұзушылыққа ұшырайды, яғни олар әрекет объектісінің қасиеттерін алады. Осыған байланысты бұл технологияларды қорғаудың әртүрлі тәсілдері бұзылуы мүмкін, желінің өзі немесе оларды қолданатындарға зиян тигізеді. Сондықтан Қылмыстық кодекстің 205, 208, 209, 211, 212, 213 баптарын қарастыру барысында, белгілі бір адамдардың ақпарат алу құқығы қылмыстық әрекеттің объектісіне айналады.

Ақпараттың өзі ұлттық заңнамада азаматтық құқықтарының дербес объектісі ретінде белгіленбейтіні атап өткен жөн[10]. Бұл ретте ақпарат иесі оның құндылығына қарай оған қол жеткізуді шектейтін қызметтік, коммерциялық ақпарат азаматтық заңнама нормаларымен қорғалуға тиіс[11]. Осыған байланысты заң шығарушы ерекше режим мен құқықтық қорғау шаралары қолданылатын ақпарат түрін анықтады. Кодексте анықтама берілмеген, «ақпарат иесі» термині қолданылады. Сондай-ақ, иесінің ережесін, оның құқықтарының мазмұнын белгілейтін құжат жоқ. Ресей Федерациясының заңнамасында ақпарат иесі-белгілі бір ақпаратқа қол жеткізуді шектеу, рұқсат беру мүмкіндігі бар заңды түрде жасаушы немесе сатып алушы [5, с. 105]. Сонымен бірге, осы тұжырымдаманы еңгізе отырып, оған меншік құқығын тану қажет, бұл тек бір меншік иесіне тиесілі болуды талап етеді. Ақпарат белгіленбеген адамдар санына таралуымен сипатталады. Сондықтан, оған қатысты меншік мәселелерін анықтай отырып, заңнама оларды ақпарат тасымалдаушыларына жүгінеді. Сондықтан қылмыстық заңнаманың баптарында құқықтарды бұзу бөлігінде олардың кімге қатысты бұзылғаны, сондай-ақ ақпараттық-коммуникациялық желі арқылы өтетін ақпараттың тиесілігі белгісіз болады.

Осыған байланысты шетелдік зерттеушілер тарапынан ақпарат ұғымына көзқарасы қызығушылық тудырады. Атап айтқанда, О. Керр ақпарат алу оны бақылау екенін айтады [6]. Бұл жағдайда ол жеке немесе басқа түрге қарамастан қорғалуы керек, өйткені оған қол жеткізу үшін электрондық поштаны ашу, сілтеме арқылы өту, сайтқа кіру және т.б. жеткілікті. Қол жеткізу құралы компьютер немесе ноутбук болуы міндетті емес. Америка Құрама Штаттарында ақпараттық қауіпсіздік бойынша қылмыстық жауапкершілікті белгілейтін заң 1977 жылы қабылданды. Осыған сүйене отырып, компьютерлік технологияның дамуымен оларды қолдану туралы алаяқтық туралы заң шығарылды.

М. Нилесқа сәйкес ақпараттық қауіпсіздік ақпарат пен жүйелерді құпиялылықты, тұтастықты және қолжетімділікті қамтамасыз ету мақсатында рұқсатсыз қол жеткізуден, пайдаланудан, ашудан, бұзудан, өзгертуден немесе жоюдан қорғау ретінде анықталады[7]. Ақпараттық қауіпсіздікті бақылау шараларын мұқият енгізу ұйымның ақпараттық активтерін, сондай-ақ оның беделін, құқықтық жағдайын, қызметкерлерін және басқа да материалдық немесе материалдық емес активтерін қорғау үшін өте маңызды. Бұл ретте Д.Каннаттачи ақпараттық қауіпсіздікті қорғау жөніндегі заңнаманың шамадан тыс дамуы азаматтардың жеке өміріне, дербес деректеріне қол сұғылмаушылық бөлігінде құқықтарының бұзылуына әкелуі мүмкін деп санайды [8]. Жоғарыда аталған тәсілдердің әрқайсысы орын алады және біз соңғысын ең маңызды деп санаймыз, себебі осы саладағы заңнаманы дамыту адамның конституциялық құқықтарын бұзбауы керек. Осыған байланысты жақын маңдағы мемлекеттер мен өзге де шет елдердің ақпараттық қауіпсіздікті қылмыстық-құқықтық қорғауға қатысты заңнамалық тәжірибесіне назар аудару қажет.

ТМД елдеріне қатысты 2001 жылы олардың арасында зерттелетін саладағы құжат-

---

[9] 7 тарау. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. Қазақстан Республикасының кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226 (жүгінген күні 25.12.2023).

[10] 115 бап. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі. Қазақстан Республикасының кодексі 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-XIII ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_ (жүгінген күні 25.12.2023).

[11] 126 бап. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі. Қазақстан Республикасының кодексі 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-XIII ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_ (жүгінген күні 25.12.2023).

тарға қол қойылды: «Киберқылмыс туралы» Конвенция[12], қылмыстарға қатысты компьютерлік ақпаратпен өзара іс-қимыл туралы келісім[13]. Бұл құжаттардың ерекшелігі - негізгі институттардың мазмұнын анықтау. Компьютерлік деректер ұғымы Конвенцияда беру және қабылдау мүмкіндігімен байланыс құралы болып табылатын ақпарат ретінде қамтылған. Конвенция оларды компьютерлік жүйемен өңдеуге болатын ақпарат, фактілер, берудің басқа түрлері ретінде анықтайды. Осылайша, Конвенциядағы анықтама адам анықтай алмайтын бағдарламалық жасақтаманы қамтымайды, бірақ ол компьютер жүйесінің қызметі үшін қажет. Оған кез-келген қол сұғушылық азаматтар үшін ауыр зардаптарға әкеледі, сондықтан Конвенцияда белгіленген анықтама толық болып табылады. Сонымен қатар, Келісім компьютерлік ақпаратқа қатысты қылмыстың мазмұнын компьютердегі ақпарат объектісі болып табылатын заңсыз қол сұғушылық ретінде анықтайды. Айта кету керек, бұл ақпарат қол сұғудың құралы бола алады.

Ақпараттық қауіпсіздік саласындағы қылмыстардың құрамына қатысты бұл құжаттар бір атауды көрсетсе де, оған әртүрлі мазмұнын белгілейді. Атап айтқанда, Келісім ақпаратқа заңсыз қол жеткізуді компьютерге, ақпараттық жүйелерге, желілерге немесе ақпараттың өзіне қатысты жою, бұзу, бұғаттау және т.б. түрінде тиісті салдары бар қылмыстық жазаланатын әрекет ретінде анықтайды. Конвенция оларға заңсыз қол жеткізуді өзге біліктілік белгілерін белгілемей, заңсыз қол сұғушылық ретінде айқындайды[9]. Осы құжаттарда ақпараттық қауіпсіздікке қол сұғатын іс-әрекеттердің мазмұнына қатысты осындай сәйкессіздіктер байқалады; қолданылатын терминологияның мазмұнына көзқарастар және бұл ТМД-ға қатысушы мемлекеттерге ұлттық заңнаманы қолдану мен енгізуде қиындықтар туғызады. Сондықтан мұндай мәселелерді халықаралық-құқықтық әдістермен, атап айтқанда, елдер арасында консультациялық іс-шаралар өткізу арқылы шешу қажет.

ТМД-ға кіретін елдер үшін Модельдік Қылмыстық кодексте[14] зерттелетін тақырыпқа қатысты «Ақпараттық қауіпсіздікке қарсы қылмыстар» атты жеке тарау бар, ол аттас бөлімге кіреді. Онда ақпаратқа заңсыз қол жеткізуге, оны модификациялауға, иемденуге, вирустық қамтамасыз етуді өндіруге, қолдануға және таратуға, ақпаратқа заңсыз қол жеткізуге арналған құралдарға, сондай-ақ ақпараттық желіні пайдалану жөніндегі ережелерді сақтамауға қатысты жеті бап айқындалған. Ақпараттық қауіпсіздік саласындағы қылмыстық жауапкершілікті реттеудің осындай құрылымын Беларусь Республикасы[15] мен Тәжікстан[16] қабылдады, олардың қылмыстық заңнамасында сол атаумен тарау мен бөлім бар. Зерттелетін тақырып бойынша мәселелерді реттеу бойынша Өзбекстан Республикасының Қылмыстық кодексінде[17] жеке тарауда қарастырылған, онда қол сұғушылық ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыс деп аталады. Қылмыстың нақты атауын компьютерлік ақпарат саласындағы заңсыз әрекеттерге қатысты жеке тарау бар Ресей Федерациясының[18], Түрікменстанның[19], Қырғыз Республикасының[20], Армения Республикасының[21]

---

[12] *«Киберқылмыс туралы» Конвенция – Convemtion on Cybercrime. 2001 жылдың 23 қарашада Будапештте қабылданды // https://kk.mgwiki.top/wiki/Convention_on_Cybercrime (жүгінген күні 02.01.2024).*

[13] *ТМД қатысушы мемлекеттердің ақпараттық технрологиялар саласындағы қылмыстармен күрестегі ынтымақтастығы туралы келісімді ратификациялау туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2019 жылғы 9 желтоқсандағы № 277-VI ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000277 (жүгінген күні 18.01.2024).*

[14] *Модельный Уголовный кодекс для государств Содружества Независимых Государств. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 года*

[15] *12-бөлім, 31-тарау. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З //https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 20.01.2024).*

[16] *11-бөлім, 28-тарау. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 20.01.2024).*

[17] *20-1--тарау. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 20.01.2024).*

[18] *9-бөлім, 28-тарау. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073 (дата обращения: 20.01.2024).*

[19] *23-бөлім, 33-тарау. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 20.01.2024).*

[20] *29-бөлім, 227-228-1 баптар. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 20.01.2024).*

[21] *9-бөлім, 24-тарау. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 года// https://wipolex-res.wipo.int/*

қылмыстық заңнамасы анықтайды. Грузияның Қылмыстық кодексі[22] компьютерлік қылмыстар үшін жауапкершілікті анықтауда ақпарат түрін нақтылайды. Бұл Әзірбайжан Республикасы Қылмыстық кодексінің[23] «Киберқылмыс» тарауының атауына ұқсас.

Эстония, Латвия сияқты елдердің қылмыстық заңнамасы ақпараттық қауіпсіздікке қарсы қылмыстарды жеке тарауға бөлмейді, бірақ басқа тараулар мен бөлімдер аясында қарастырылады. Атап айтқанда, Латвия Республикасының Қылмыстық кодексі[24] ақпаратты меншік құқығының объектісі ретінде анықтайды, сондықтан «Меншік саласындағы қылмыстар» тарауында, және «Қоғамдық қауіпсіздікке қарсы қылмыстар» тарауында қарастырады [10, с. 52]. Эстония заңнамасы осындай көзқарасты ұстанады, қарастырылып отырған құқықтық қатынастарды мүліктік сипатқа ие деп анықтайды[25].

Сонымен қатар, интернет пен компьютерлік қылмысқа қарсы бағытталған алғашқы халықаралық құжат компьютерлік қылмыстар туралы Конвенция болды[26]. Бұл құжаттың мақсаты іс жүргізу іс-шараларын жүргізу арқылы мемлекеттер арасындағы тиімді өзара іс-қимылды қалыптастыру, деректерді қорғауды құқықтық қамтамасыз етуге, жедел іс-шараларды жүзеге асыруға қатысты, сондай-ақ ақпараттық технологияларды қолдана отырып, заңсыз қол сұғушылықтан, оның ішінде шабуылдардан, алаяқтықтан, порнографияны таратудан, зияткерлік меншік және зияткерлік меншік саласындағы заңнаманы сақтамаудан қорғауға қатысты ережелерді елдердің ұлттық заңнамаларына енгізу болып табылады.

Нәтижелер

Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, елдердің заңнамалық тәжірибесі қолданылатын терминологиясының қазіргі жағдайға сәйкессіздігін, демек, заңнаманың ережелерін іске асырудың төмен тиімділігін көрсететінін атап өткен жөн. «Компьютерлік қылмыс» институты ақпараттық жүйенің техникасына, құрамдас бөлігіне қатынасын айқындайды. Бұл ақпарат айналымы саласында, оның ішінде ұялы телефон, спутниктік және деректерді берудің өзге де жүйелері және т. б. қолданылатын түрлі технологиялар түрлерімен орынсыз болып табылады.

Әлеуметтік қатынастардың зерттелетін саласындағы технологиялардың күрделілігі әртүрлі құқық бұзушылықтардың пайда болуының алғышарттарын жасайды[11]. Бұл ретте оларды ұлттық заңнаманың ережелерімен қамтымау мүмкіндігі қалады.

Кесте 1. Ақпараттық қауіпсіздік саласындағы құқық бұзушылықтар саны

№	Позиция атауы	2022 жыл	2023 жыл	% ұлғаю (+) кему (-)
1	Барлық құқық бұзушылықтар	8,9 мың	12,9 мың	+ 46,3 %
2	Вирустық бағдарламаларды жасау және тарату	5,9 мың	8,5 мың	+ 41,8 %
3	Кибершабуылдарды жүзеге асыру (ботнеттер)	1,6 мың	2,4 мың	+ 53,8 %
4	Әлеуметтік медиа сілтемелерін тарату арқылы алаяқтық (фишинг)	461	379	- 18 %
5	Деректерге заңсыз қол жеткізу және өзгерту	41	245	+ 6 есе

edocs/lexdocs/laws/ru/am/am012ru.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

[22] *35-тарау Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года// https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/16426 (дата обращения: 20.01.2024).*

[23] *30-тарау. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 21.01.2024).*

[24] *20-тарау. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ// http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf (дата обращения: 21.01.2024).*

[25] *14-тарау. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 1 сентября 2002 года// https://constitutions.ru/?p=24972&ysclid=ls308s51pz906093362 (дата обращения: 20.01.2024).*

[26] *Конвенция о компьютерных преступлениях (Конвенция Совета Европы о киберпреступности, Convention on cybercrime CETS № 185). Будапешт,23 ноября 2001 года// https://rm.coe.int/1680081580(дата обращения: 21.01.2024).*

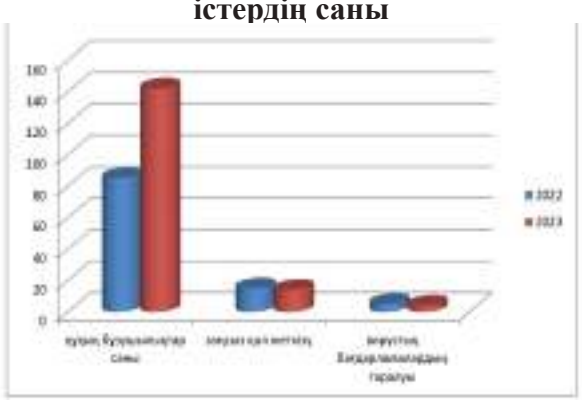
Ақпараттық қауіпсіздік саласындағы құқық бұзушылықтарды қарастыра отырып, жоғарыда аталған KZ-CERT қызметінің жұмысына назар аудару қажет. Ол жүргізген мониторингке сәйкес, Қазақстанда құқық бұзушылықтар саны артып келеді[27].

Кестеде зерттелетін қоғамдық қатынастар саласындағы бұзушылықтар жағдайларының көбеюі расталады, атап айтқанда вирустық бағдарламалардың таралу санының артуымен көрінеді. Қолданылған кибершабуылдар немесе ботнеттер саны 53,8 пайызға өсті. Әлеуметтік желілерде сілтемелерді 18 пайызға жіберу арқылы мүліктік сипаттағы заңсыз іс-әрекеттер санының азаюы аясында, деректерге заңсыз қол жеткізу бөлігінде ақпараттық қауіпсіздікті бұзу жағдайлары алты есе өсті.

Цифрлардың азаюына не ұлғаюына мемлекеттің ақпараттық кеңістігін қорғау тетігі сияқты цифрландырудың ықпалы мен дамуы да әсер етеді. «Қазақстанның киберқалқаны» сияқты техникалық және ұлттық қорғаныс жүйелері бар. Бұл мән-жайлар қорғау тетігінің тиімділігін немесе осы саладағы құқық бұзушылықтар санының азаюын белгілей алмайды.

Зерттелетін тақырып бойынша қылмыстық істерді сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай тізілімінде тіркеу бөлігінде құқық бұзушылықтардың 15 пайызға артқаны байқалады. Бұл ретте негізгі саны заңсыз қол жеткізуге, деректерді өзгертуге келеді, олардың саны 7 пайызға азайды. Вирустық бағдарламалардың таралуы бөлігінде 2022 жылмен салыстырғанда құқық бұзушылықтар саны сақталуда.

Диаграмма 1. Тіркелген қылмыстық істердің саны

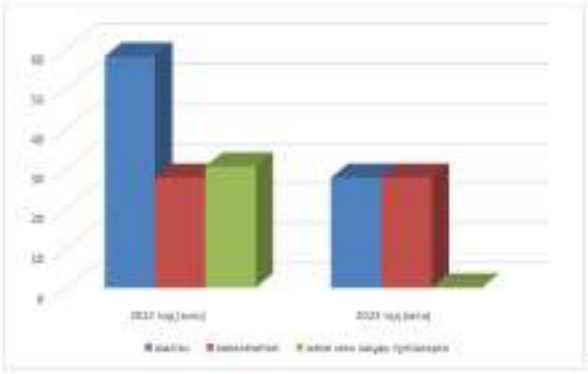


Осы санатың қылмыстық істерді сот органына жеткізу қиындығы - ол кінәлі адамды анықтау, дәлелдемелер базасын жинау қиындығы. Бұл ретте күдікті адам немесе «хакер» ақпараттық жүйеге ену, вирустық бағдарламаларды құру және тарату, деректерге заңсыз қол жеткізу және т.б. үшін білім мен дағдыларға ие. Бұл ретте қылмыстық жауапкершілікке тартылғандардың көпшілігі отыз-отыз тоғыз жастағы ер адамдар. Әйелдер мен кәмелетке толмағандар сирек кездеседі.

Ақпараттық қауіпсіздікке қарсы қылмыстар жасауға байланысты келтірілген материалдық залалға қатысты 2-диаграмма жәбірленуші қатысушыларды бөле отырып, соңғы екі жылдағы жалпы залалдың динамикасын көрсетеді. 2022 жылы мемлекетке материалдық залал осы құқықтық қатынастардың басқа қатысушыларына қарағанда жабылды.

Бұл ретте, осы статистикалық ақпарат Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне сәйкес ақпараттық қауіпсіздік саласындағы қылмыстардың жай-күйін көрсетеді. Бұл ретте ақпараттық кеңістікпен заңсыз әрекеттерге бағытталған, бірақ істердің басқа санаттары бойынша, көбіне меншікке қатысты сараланатын қылмыстар жасалады. Атап айтқанда, төлем карточкаларын қолдана отырып, банктік және қаржы мекемелерінің ақпараттық желілерін бұза отырып, интернеттегі алаяқтық әрекеттер және т. б.

Диаграмма 2. Материалдық залалдың мөлшері туралы ақпарат



Осылайша, ақпараттық технологиялардың ерекшелігі мен күрделі техникалық сипаттамаларының болуы, қылмыстық істердің осы санаты бойынша дәлелдемелер жинаудағы қиындықтар тіркеудің төмен көлеміне, сотқа жеткізудің негіздемесі болып табылады. Бұл ретте осы технологияларды жетілдіру қылмыстық заңнамада белгіленбеген қылмыстардың жаңа құрамдарының пайда болуына әкеп соғуы мүмкін, ол ақпараттық

[27] *В Казахстане растет число киберпреступлений// https://wfin.kz/publikatsii/kazakhstan-v-tsifrakh/91787-v-kazakhstane-rastjot-chislo-kiber-prestuplenij.html?ysclid=lupjetzha36877422 (дата обращения: 26.01.2024).*

қауіпсіздікке заңсыз қол сұғудың неғұрлым күрделі жаңа нысандарын қалыптастыруға алып келеді. Сондықтан ақпаратты өңдеу құралдарының техникалық ерекшеліктері мен мазмұнын егжей-тегжейлі түсіндіретін ұғымдардың нақты анықтамаларын қалыптастыру қажет. Бұл өзгеріп отырған қоғамдық қатынастарға уақтылы ден қоюға мүмкіндік береді. Бұдан басқа, бұл құқық қорғау және өзге де мемлекеттік органдардың құқық қолдану тәжірибесін, атап айтқанда, жасалған іс-әрекеттердің біліктілігіне қатысты айтарлықтай жеңілдетеді; қателіктер, дәлсіздіктер жіберу мүмкіндігін азайтады.

Цифрландырудың өсуі, қоғамдық өмірдің әртүрлі маңызды салаларына цифрлық технологияларды енгізу құқықтық қатынастарға қатысушылардың өмір сүру жағдайларын жеңілдетіп қана қоймай, ақпаратты қорғау жөніндегі іс-шараларды жүзеге асыруды талап етеді. Ақпараттық қауіпсіздікті қорғау жүйесі тұрақты бақылауда және жетілдіруде болуға тиіс. Осы саладағы заңсыз қол сұғушылықтардың санын азайту үшін ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің құқықтық, техникалық, ұйымдастырушылық әдістерін кешенде пайдалану қажет. Технологиялық инновацияларды бір мезгілде енгізу, дамыту арқылы оларды қолдана отырып, заңсыз әрекеттер санының артуы байқалады. Бұл ретте зерттелетін салада білімі мен дағдылары бар қызметкерлердің кадрлық қамтамасыз етуі аз санды құрайды. Сондықтан ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету жөніндегі шараларды жетілдіру мәселелері қазіргі уақытта өзекті болып табылады және болашақта күшейтілетін болады. Осы шараларды әзірлеу мен қабылдаудың мақсаты зерттелетін саладағы заңсыз әрекеттердің теріс нәтижелерін азайтуға, олардың пайда болуының алдын алуға жәрдемдесу болып табылады.

Қорытынды

Ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін үш міндет бойынша іс қимылдарды жүзеге асыру қажет деп санаймыз:

- зерттелетін салада мемлекеттік, өңірлік және халықаралық деңгейде заңнамалық негіз қалаушы ережелерді қалыптастыру;
- ақпараттық қауіпсіздік саласындағы қылмыстардың алдын алу тетігін жетілдіру;
- ақпараттық қауіпсіздік саласындағы құқық бұзушылықтарға қарсы іс-қимыл бойынша елдер арасындағы өзара іс-қимылды жүзеге асыру.

2023 жылы ТМД Парламентаралық Ассамблеясы «Киберқылмысқа қарсы іс-қимыл туралы» модельдік заң қабылдады. Ол осы саладағы негізгі ұғымдарды, соның ішінде киберқылмыс терминінің мазмұнын, осы тұжырымдамаға кіретін құқық бұзушылықтардың тізімін анықтады, сондай-ақ мемлекеттік биліктің барлық тармақтары органдарының өкілеттіктерін қарастырды. Бұдан басқа, онда аталған құқық бұзушылықтардың алдын алу, сондай-ақ мемлекет азаматтары, шетел азаматтары және азаматтығы жоқ адамдар болып табылатын адамдарды қылмыстық жауапкершілікке тарту жөніндегі шаралар қаралды. Осы субъектілердің ішінде кейбір белгіленген жағдайларда шетелдік заңды тұлғалар ерекшеленеді. Осы заңның негізінде ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің бірыңғай құқықтық тетігін әзірлеу қажет.

Зерттелетін проблеманың шешімдерінің бірі жұмыс істеп тұрған ақпарат алмасу, ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету саласындағы құқық бұзушылықтарды оларды жасау тәсілдері бойынша, сәйкестендіру кодтары негізінде және т.б. есепке алатын мемлекетаралық ақпараттық банкті қалыптастыру болуы мүмкін. Осыған байланысты мемлекеттер жәрдемдесу туралы сұрау салулардың орындалу уақытына қатысты уағдаласуы қажет, өйткені мұндай әрекет ТМД-ға қатысушы мемлекеттердің 2018 жылғы Ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстармен күрестегі ынтымақтастығы туралы келісімнің ережелерінде көрсетілген[28]. Бұл процестің уақыт шеңбері белгіленбеген. Бұл ереже ақпараттық қауіпсіздікті бұзу фактісі пайда болған кезде бірден күдікті адам орналасқан мемлекетке ақпараттың барлық көлемін жіберуге мүмкіндік береді.

Ақпараттық қауіпсіздіктің бұзылуына қарсы іс-қимыл бөлігінде осы бұзушылықтарды тудыратын жағдайлар мен себептерді анықтау және жою зерттелетін мәселенің шешімі бола алады. Осыған байланысты келесі әрекеттерді анықтауға болады:

- мемлекеттің ақпараттық ресурстарына шабуылдар мониторингі;
- ақпараттық желілерде киберқылмыс

[28] *ТМД қатысушы мемлекеттердің ақпараттық технологиялар саласындағы қылмыстармен күрестегі ынтымақтастығы туралы келісімді ратификациялау туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2019 жылғы 9 желтоқсандағы № 277-VI ҚРЗ // https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1900000277 (жүгінген күні 28.09.2024).*

белгілері бар әртүрлі деректер мен материалдардың таралуын анықтау және жою;

- мемлекеттің ақпараттық ресурстарында дербес деректерді қорғау және оларды өңдеу тетігін құру;

- консультациялық және ақпараттық-түсіндіру іс-шараларын жүзеге асыру;

- цифрлық валюталардың айналысы жөніндегі қызметті бақылау;

- қоғамдық ұйымдармен, азаматтармен ақпараттық қауіпсіздікті бұзудың алдын алу бойынша бірлескен іс-қимылдар.

Мемлекеттегі ақпараттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету міндеті ұлттық ауқымнан асып түседі, сондықтан халықаралық ынтымақтастықтың қажеттілігі айқын. Заңсыз әрекеттерді жасаған адам және жәбірленуші адам әртүрлі юрисдикцияларда болуы мүмкін. Бұл электрондық дәлелдемелерді алуға, кінәлі адамдарды ұстап беруге, сот үкімін орындауға, қылмыстық қудалауға және т. б. қатысты уақтылы ден қою тетігін талап етеді. Бұдан басқа, мемлекеттердің құқықтық көмегі активтерге тыйым салуды жүзеге асыруға, осы кірістерді заңдастыруға, сот билігі органдарының актілерін тануға және т.б. қатысты көрінеді.

Қазақстанда ақпараттық қауіпсіздік саласында жеткілікті заңнамалық база құрылды, сондықтан қазіргі уақытта оны іске асыру және киберқылмысқа қарсы іс-қимыл тетігі қажет. Мұндай тетікті құруға ақпараттық қауіпсіздікті бұзуға қарсы іс-қимылдың бірыңғай халықаралық тетігін айқындайтын әмбебап халықаралық актіні қабылдау ықпал етуі мүмкін.

Авторлардың қосқан үлесі

Ауешова Б.Т. зерттеу әдістемесіне жауапты. Кіріспе мен қорытынды жазды. Статистикалық деректерге талдау жүргізді.

Утенова А.А. нәтижелер мен талқылауға жауапты. Библиографиялық дереккөздерді өңдеді және талдады. Әдебиет пен транслитерацияны ресімдеуге қатысты.

Ізтұрғанова Г.Қ. деректерді жинауға және өңдеуге жауапты. Зерттеу әдістері туралы бөлім жазды. Авторлар мен олардың үлестері туралы ақпарат дайындады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. *Marco G. Understanding cybercrime: phenomena, challenges and legal response - [Electronic resource] // URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/Cybercrime2014_R.pdf (date of reference:15.01.2024)7*

2. *Головко Л.В. Анализ Концепции проекта Уголовного кодекса Республики Казахстан - [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31141571 (дата обращения: 25.12.2023).*

3. *Михайлов Б.П., Хазов Е.Н., Богданов А.В. и др. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска: учебное пособие // Москва: Юнити-Дана, 2016. - 151 с.*

4. *Багий Э. Информационная безопасность в Казахстане - [Электронный ресурс] // URL: https://mg-partner.com/novosti/informacionnaya-bezopasnost-v-kazahstane?ysclid=lshjer4ml0554042142 (дата обращения: 29.12.2023).*

5. *Ханов Т.А., Нуркеев А.Ж. Современные подходы к определению компьютерной преступности и особенности компьютерных преступлений // Известия Алтайского государственного университета. - 2017. - № 6 (98). - С. 105–111.*

6. *Kerr O.S. Cyber Security: Protecting America's New Frontier: Hearing Before the H. Subcomm on the Crime, Terrorism, and Homeland Security of the H. Comm. on the Judiciary, 112th Cong., November 15, 2011 (Statement of Orin S. Kerr, Prof. of Law, GW Law School) - [Electronic resource] // URL: https://scholarship.law.gwu.edu/faculty_testimony/3/ (date of reference: 29.12.2023).*

7. *Nieles M., Dempsey K., Pillitteri V.Y. An Introduction to Information Security - [Electronic resource] // URL: https://www.academia.edu/57270668/ An_introduction_to_information_security (date of reference: 12.01.2024).*

8. *Cannataci J.A. Privacy, Technology Law and religions across cultures // Journal of Information, Law & Technology. – 2009. - №(1). – P. 1-22.*

9. *Лоскутов И.Ю. Преступления в сфере информационных технологий в проекте новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан - [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31254918 (дата обращения: 18.01.2024).*

10. *Киютин В.Г., Новиков А.П. Правовое регулирование борьбы с киберпреступностью,*

кибертерроризмом и трафиком людей: опыт Европейского Союза // Бишкек; Москва: Кыргызско-Российский Славянский университет, 2010. - 240 с.

11. Мухамеджанова А. Д. Особенности динамики киберпреступности в Республике Казахстан и ее влияние на вопросы её предупреждения // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2022. – С.49-55 - [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dinamiki-kiberprestupnosti-v-respublike-kazahstan-i-ee-vliyanie-na-voprosy-eyo-preduprezhdeniya?ysclid=lupipc khby711682946 (дата обращения: 12.01.2024).

REFERENCES

1. Marco G. Understanding cybercrime: phenomena, challenges and legal response - [Electronic resource] // URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/Cybercrime2014_R.pdf (date of reference:15.01.2024)7

2. Golovko L.V. Analiz Koncepcii proekta Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan - [Jelektronnyj resurs] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31141571 (data obrashhenija: 25.12.2023).

3. Mihajlov B.P., Hazov E.N., Bogdanov A.V. i dr. Osobennosti protivodejstvija kiberprestupnosti podrazdelenijami ugolovnogo rozyska: uchebnoe posobie // Moskva: Juniti-Dana, 2016. - 151 s.

4. Bagij Je. Informacionnaja bezopasnost' v Kazahstane - [Jelektronnyj resurs] // URL: https://mg-partner.com/novosti/informacionnaya-bezopasnost-v-kazahstane?ysclid=lshjer4ml0554042142 (data obrashhenija: 29.12.2023).

5. Hanov T.A., Nurkeev A.Zh. Sovremennye podhody k opredeleniju komp'juternoj prestupnosti i osobennosti komp'juternyh prestuplenij // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2017. - № 6 (98). - S. 105–111.

6. Kerr O.S. Cyber Security: Protecting America's New Frontier: Hearing Before the H. Subcomm on the Crime, Terrorism, and Homeland Security of the H. Comm. on the Judiciary, 112th Cong., November 15, 2011 (Statement of Orin S. Kerr, Prof. of Law, GW Law School) - [Electronic resource] // URL: https://scholarship.law.gwu.edu/faculty_testimony/3/ (date of reference: 29.12.2023).

7. Nieles M., Dempsey K., Pillitteri V.Y. An Introduction to Information Security - [Electronic resource] // URL: https://www.academia.edu/57270668/ An_introduction_to_information_security (date of reference: 12.01.2024).

8. Cannataci J.A. Privacy, Technology Law and religions across cultures // Journal of Information, Law & Technology. – 2009. - №(1). – R. 1-22.

9. Loskutov I.Ju. Prestuplenija v sfere informacionnyh tehnologij v proekte novoj redakcii Ugolovnogo kodeksa Respubliki Kazahstan - [Jelektronnyj resurs] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31254918 (data obrashhenija: 18.01.2024).

10. Kijutin V.G., Novikov A.P. Pravovoe regulirovanie bor'by s kiberprestupnost'ju, kiberterrorizmom i trafikom ljudej: opyt Evropejskogo Sojuza // Bishkek; Moskva: Kyrgyzsko-Rossijskij Slavjanskij universitet, 2010. - 240 s.

11. Muhamedzhanova A. D. Osobennosti dinamiki kiberprestupnosti v Respublike Kazahstan i ee vlijanie na voprosy ejo preduprezhdenija // Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal. – 2022. – S.49-55 - [Jelektronnyj resurs] // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dinamiki-kiberprestupnosti-v-respublike-kazahstan-i-ee-vliyanie-na-voprosy-eyo-preduprezhdeniya?ysclid=lupipc khby711682946 (data obrashhenija: 12.01.2024).

ӘОЖ 341.4
ҒТАМР 10.87.89

АҚПАРАТТЫҚ ҚОҒАМНЫҢ ЖАҺАНДАНУЫ ЖАҒДАЙЫНДА ҚЫЛМЫСҚА ҚАРСЫ КҮРЕСТІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Асель Бостановна Шарипова
Заң ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ қылмыстық құқық, қылмыстық іс жүргізу және криминалистика кафедрасының қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aselya.sharipova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0441-858; Web of Science Researcher ID- FYA-1344-2022; Scopus Author ID: 57193676940

Айжан Арынқызы Арын[1]
PhD докторы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ қылмыстық құқық, қылмыстық іс жүргізу және криминалистика кафедрасының доценті м.а.; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Aizhanmoon777@gmail.com; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0605-9727; Web of Science Researcher ID- A-6210-2015; Scopus Author ID: 57224292156

Гульдана Амангельдиевна Куаналиева
Заң ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ кеден, қаржы және экологиялық құқық кафедрасының профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: kuanalieva.guldanakz@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/ - 0000-0003-4634-8363; Web of Science Researcher ID - A-5382-2015; Scopus Author ID: 55945226300

Аннотация. *Бұл мақалада авторлар цифрлық кеңістіктегі қауіпсіздіктің халықаралық тәжірибесіне шолу жасады, себебі ақпараттық қауіпсіздік төнетін қатерлердің деңгейі күн сайын өсуде және ол көп көңіл бөлуді және талдауды қажет етеді. Авторлар технологиялардың қарқынды дамуы мен цифрлық қызметтердің кеңеюі әлеуметтік және экономикалық прогреске жаңа мүмкіндіктер ашып қана қоймай, сонымен қатар, халықаралық деңгейде киберқылмыс сияқты елеулі қауіптер туғызғанына назар аударады. Мақалада жаһандану-дың әртүрлі аспектілері, мысалы, халықаралық нарықтардың интеграциясы, трансшекаралық өзара әрекеттестік және ақпарат алмасу, қылмысқа қарсы күрес үдерістерін едәуір күрделендіретін факторлар ретінде қарастырылады. Ерекше назар трансұлттық қылмыстық желілерді зерттеуге аударылады, олар өздерінің заңсыз әрекеттерін жаһандық деңгейде жүзеге асыру үшін ақпараттық технологиялардың артықшылықтарын белсенді түрде пайдаланады. Бұл мұндай қауіптермен күресте халықаралық ынтымақтастық пен күш-жігерді үйлестірудің түбегейлі жаңа тәсілдерін талап етеді. Авторлар жаһандану технологияларын қолданумен байланысты қылмыстарға қарсы күрес стратегияларын егжей-тегжейлі ұсынады, оның ішінде киберқауіпсіздік саласындағы заңнаманы жетілдіру, халықтың құқықтық сауаттылығын арттыруға бағытталған білім беру бастамаларын дамыту және инновациялық құқық қолдану әдістерін енгізу арқылы жүзеге асыруды қарастырады. Мақалада сондай-ақ Қазақстан Республикасында осы қауіптерге қарсы күреске бағытталған шаралар талданып, бұл салада халықаралық ынтымақтастық пен озық тәжірибе алмасудың маңыздылығы атап өтіледі. Қорытындысында ұлттық стратегияларды жаһанданған әлемге бейімдеудің қажеттілігі туралы тұжырымдар келтіріледі, бұл цифрлық ортада қылмыстың алдын алуға арналған интеграцияланған механизмдерді құруды, халықаралық құқық тәртібін нығайтуды және киберқылмысқа қарсы тұру үшін жаһандық стандарттарды әзірлеуді көздейді. Бұл мақала жаһандану және ақпараттық қоғам жағдайында қылмысқа қарсы күрестің құқықтық аспектілері жөніндегі пікірталасқа елеулі үлес қосып, осы күрделі міндеттерді шешуге кешенді көзқарасты ұсынады.*

Түйінді сөздер: *ақпараттық қоғам, қылмыстық құқық бұзушылықтар, киберқылмыс, цифрлық қызметтер, киберқауіп.*

[1] *Хат-хабарларға арналған автор*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Шарипова Асель Бостановна
Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики КазНУ имени аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aselya.sharipova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0441-858; Web of Science Researcher ID- FYA-1344-2022; Scopus Author ID: 57193676940

Арын Айжан Арынкызы
Доктор PhD, и.о. доцента кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики КазНУ имени аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: Aizhanmoon777@gmail.com; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0605-9727; Web of Science Researcher ID- A-6210-2015; Scopus Author ID: 57224292156

Куаналиева Гульдана Амангельдиевна
Доктор юридических наук, профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права КазНУ им. аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: kuanalieva.guldanakz@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/ - 0000-0003-4634-8363; Web of Science Researcher ID - A-5382-2015; Scopus Author ID: 55945226300

Аннотация. *В данной статье авторы рассмотрели международный опыт безопасности в цифровом пространстве, которая требует большого внимания и анализа, поскольку возрастает уровень угроз информационной безопасности. Авторы акцентируют внимание на том, что стремительное развитие технологий и распространение цифровых услуг создали как новые возможности для социального и экономического прогресса, так и серьезные угрозы, включая киберпреступность на международном уровне. В статье рассматриваются различные аспекты глобализации, такие как интеграция международных рынков, трансграничное взаимодействие и обмен информацией, которые значительно усложняют процессы борьбы с преступностью. Особое внимание уделяется изучению транснациональных преступных сетей, которые активно используют преимущества информационных технологий для осуществления своей противоправной деятельности на глобальном уровне, что требует кардинально новых подходов к международному сотрудничеству и координации усилий в борьбе с такими угрозами. Авторы предлагают детализированные стратегии противодействия преступлениям, связанным с использованием технологий глобализации, в том числе через улучшение законодательства в сфере кибербезопасности, развитие образовательных инициатив, направленных на повышение правовой грамотности населения, и внедрение инновационных правоприменительных методов. В статье также анализируются меры, предпринимаемые в Республике Казахстан для борьбы с этими угрозами, подчеркивая важность международного сотрудничества и обмена передовым опытом в данной области. В заключение приводятся выводы о необходимости адаптации национальных стратегий к новым реалиям глобализированного мира, что предполагает создание интегрированных механизмов предотвращения преступлений в цифровой среде, укрепление международного правопорядка и разработку глобальных стандартов для противодействия киберпреступности. Данная статья представляет собой значимый вклад в дискуссию о правовых аспектах борьбы с преступностью в условиях глобализации и информационного общества, предлагая комплексный подход к решению этих сложных задач.*

Ключевые слова: *информационное общество, уголовные правонарушения, киберпреступность, цифровые услуги, киберугроза.*

INTERNATIONAL ASPECTS OF FIGHTING CRIME IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF THE INFORMATION SOCIETY

Sharipova Assel Bostanovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan, e-mail: aselya.sharipova@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0441-858; Web of Science Researcher ID- FYA-1344-2022; Scopus Author ID: 57193676940

Aryn Aizhan Arynkyzy
PhD doctor, Acting Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: Aizhanmoon777@gmail.com; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-0605-9727; Web of Science Researcher ID- A-6210-2015; Scopus Author ID: 57224292156

Kuanaliyeva Guldana Amangeldievna
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Customs, Fiscal and Environmental Law at Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: kuanalieva.guldanakz@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/-0000-0003-4634-8363; Web of Science Researcher ID - A-5382-2015; Scopus Author ID: 55945226300

Abstract. *In this article, the authors reviewed international experience in security in the digital space, which requires great attention and analysis, as the level of information security threats increases. The authors emphasize that the rapid development of technology and the spread of digital services have created both new opportunities for social and economic progress and serious threats, including cybercrime at the international level. The article examines various aspects of globalization, such as the integration of international markets, cross-border interaction, and information exchange, which significantly complicate the processes of combating crime. Special attention is given to the study of transnational criminal networks that actively exploit the advantages of information technologies to carry out their illegal activities on a global scale, necessitating radically new approaches to international cooperation and coordination of efforts in addressing such threats. The authors propose detailed strategies for countering crimes associated with the use of globalization technologies, including improving cybersecurity legislation, developing educational initiatives aimed at increasing the legal literacy of the population, and implementing innovative law enforcement methods. The article also analyzes the measures being taken in the Republic of Kazakhstan to combat these threats, emphasizing the importance of international cooperation and the exchange of best practices in this field. In conclusion, the authors draw conclusions about the need to adapt national strategies to the new realities of a globalized world, which involves creating integrated mechanisms for preventing crimes in the digital environment, strengthening international law and order, and developing global standards to counter cybercrime. This article makes a significant contribution to the discussion on the legal aspects of combating crime in the context of globalization and the information society, offering a comprehensive approach to addressing these complex challenges.*

Keywords: *information society, criminal offenses, cybercrime, digital services, cyber threat.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_147

Кіріспе

Жаһандану тақырыбы қазіргі әлеуметтік ғылымдарда белсенді түрде талқылануда және талқылау осы құбылыстың жағымды және жағымсыз жақтарын қамтиды.

Жаһандану экономикалық, саяси, әлеуметтік, мәдени, демографиялық, ақпараттық және басқа салаларда көрініс табады.

Жаһанданудың негізгі идеясын жаһандық деңгейде әмбебап алмасу және өзара әрекет-

тесу деп санауға болады. Экономиканың, мәдениеттің және этникалық топтардың өзара әрекеттесуі мен ықпалы әрқашан тән болғанымен, бұл процестердің жаһандық және динамикалық сипаты авиация және интернет сияқты заманауи байланыс, көлік және коммуникация технологияларының дамуымен ғана мүмкін болғандығын айта кету керек.

Осылайша, өмірдің барлық салаларында айтарлықтай дамуға ие болған жаһандық процесс XXI ғасырдағы әлемдік прогрестің негізгі элементіне айналды. Ол қазіргі заман тәртібін түбегейлі өзгертетін ақпараттық технологиялар төңірегінде шоғырланған ғылыми-техникалық эволюцияның жаңа кезеңіне байланысты.

Бұл ғылыми-техникалық революцияның бірегейлігі оның ақпараттық салаға әсер етуімен сипатталады, негізгі процестерге, мысалы, ақпаратты генерациялау және өңдеу, сақтау және жеткізу сияқты фундаменталды процестерді қамтумен, бұл экономика, саясат, мәдениет сияқты қоғамдық салаларда, сондай-ақ адамның ойлау қабілетінде елеулі өзгерістерге әкеледі, нәтижесінде жаңа қоғам түрінің – постиндустриалдық қоғамның қалыптасуына ықпал етеді [1, с. 121].

Бұрын атап өтілгендей, бұл тенденцияның оң жақтарымен қатар, теріс жақтары да бар. Атап айтқанда, инновациялық технологиялардың жаңа мүмкіндіктерін қолдану, батыс құндылықтары мен өмір салтын насихаттау қоғамда ақпараттық қақтығыстардың пайда болуына ықпал етеді. Сол сияқты, қазіргі заманғы интернет технологияларының мүмкіндіктері қылмыстың жаңа көріністерінің көзіне айналуда.

Цифрлық қызметтер мемлекеттік, білім беру және медициналық қызметтер туралы пікірді өзгертті. Инфрақұрылымы дамыған елдерде цифрлық технологияларды, мобильді байланысты және электрондық сервистерді белсенді енгізу жүзеге асырылып, олардың құнын төмендетуде. Алайда, цифрландырудың және технологиялық инновациялардың жылдам өсуі қосымша қауіптерді, соның ішінде қылмыстық әрекеттерді де тудырады. Қылмыскерлер өзгеріп жатқан жағдайларға тез бейімделіп, жаңа технологияларды игеріп, оларды заңсыз мақсаттарда пайдаланады. Қылмыстық әлем құқық қорғау органдарынан алда жүр, ал ғаламдық үдерістер қылмыспен күрес мәселелерін күрделендіреді.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу барысында Біріккен Ұлттар Ұйымының есептері, Есірткіні бақылау жөніндегі ұлттық комитетінің мәліметтері, сондай-ақ Интерпол және Халықаралық киберқауіпсіздік одағы (ICSPA) сияқты үкіметтік және халықаралық ұйымдардың материалдары сияқты ашық дереккөздерден алынған мәліметтер пайдаланылды. Қазақстан Республикасындағы киберқылмыстың динамикасын талдау үшін ішкі істер органдары ұсынған статистикалық ақпарат, сондай-ақ ақпараттандыру және байланыс саласындағы тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы деректер пайдаланылды. Зерттеудің әдістемелік негізі Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық базасын талдауды, қылмысқа қарсы күрес жөніндегі халықаралық стратегияларды салыстырмалы талдауды, сондай-ақ киберқылмыс мәселелері бойынша ғылыми жарияланымдар мен есептердің мазмұндық талдауын қамтитын кешенді тәсіл болды. Зерттеу барысында трансұлттық қылмыстар мен киберқатерлердің өсу тенденцияларын зерттеуге, сондай-ақ осы құбылыстармен күресте қолданыстағы халықаралық шаралардың тиімділігін бағалауға ерекше назар аударылды. Қылмысқа қарсы күрес стратегияларының тиімділігін бағалау үшін ақпараттық технологиялардың дамуы мен қоғамдағы криминогендік факторлардың күшеюі арасындағы өзара байланысты анықтауға мүмкіндік беретін жүйелік талдау әдістері қолданылды. Сонымен қатар, киберқылмыстың жаһандық контексте даму перспективаларын бағалау үшін болжау әдістері қолданылды.

Талқылау. Нәтижелер

Цифрлық кеңістікте шекаралардың болмауына байланысты киберқылмыс халықаралық сипатқа ие болып, трансұлттық қылмыстарға айналуда. Халықаралық деңгейде қылмыстарды анықтаудағы келісілмеген тәсілдер мен байланыс желілерінің қолжетімділігі қылмыскерлерге ең қолайлы заңнамасы бар елдерді таңдауға және жазалаудың тәуекелдерін барынша азайтуға мүмкіндік береді. Бұл мәселені шешу мемлекеттік-жекеменшік әріптестікті, соның ішінде әртүрлі елдердің үкіметтері мен құқық қорғау органдарының ынтымақтастығын талап етеді. Электрондық дәлелдерді бағалау және олардың жасандылығымен күресу үшін әлемдік стандарттарды әзірлеу қажет, сонда соттар бүкіл әлемде тиімді жұмыс істей алады [2, 6- с. 7].

Цифрлық дәлелдемелер қазіргі заманғы киберқылмыстарды тергеуде негізгі рөл атқарады, бұл құқық қорғау органдарынан

деректерді жинау мен талдауға арналған арнайы әдістерді қолдануды талап етеді. Кейси атап өткендей, цифрлық дәлелдерді өңдеу олардың түпнұсқалығын және тұтастығын қамтамасыз етуге бағытталған бірегей процестерді қамтиды, бұл сот ісін жүргізу үшін өте маңызды [3, p. 17].

Қазіргі заманғы коммуникациялық жүйелер ақпараттың киберкеңістікте қауіпсіз берілуін қамтамасыз етіп, оны барынша құпия және бірнеше минут ішінде әлемнің кез келген нүктесінен қолжетімді етеді, сонымен бірге ең аз із қалдырады. Осыған байланысты қазіргі заманғы технологиялар мен жаһандық ақпараттық жүйелер трансұлттық қылмыстық қызмет үшін бірегей мүмкіндіктер ұсынады және қылмыстық топтарға заңсыз операцияларды неғұрлым тиімді және табысты жүзеге асырудың жаңа тәсілдерін береді. Қылмыстық топтар өздерінің өнімдері мен қызметтерін бүкіл әлем бойынша таратады. Әлемдік заңсыз сауданың ең айқын мысалдарының бірі – есірткі заттарының заңсыз саудасы, ол жаһандық маңызға ие болып, негізгі халықаралық тауарға айналды. Біріккен Ұлттар Ұйымының Есірткіні бақылау жөніндегі ұлттық комитеті 2021 жылы жариялаған бағалау деректері бойынша, криптонарықтардағы есірткі саудасының жылдық жиынтық көлемі шамамен 315 миллион долларды құрайды, ал есірткі саудасының жалпы жылдық көлемі 600 миллиард долларға жетеді, бұл әлемдік сауданың 8%-на тең[2].

Тағы бір маңызды жайтқа назар аудару қажет. Адамзат тарихында тұңғыш рет ештеңе өндірмейтін және тек өзін ғана қайта құратын виртуалды экономика пайда болды. Экономика әрқашан өндірістік сипатта болған, ал соңғы 25-30 жылда пайда болған виртуалды экономика ештеңе өндірмек түгілі, оны жасай алмайды да. Мысалы, ақшаның әмбебап эквивалент ретіндегі функциясы тез арада өзінің маңызын жоғалта бастады, бұл адам қызметінің басқа түрлерін ынталандырмайды. Ақша өздері сауда объектісіне айналды. 2022 жылғы сәуірде жарияланған есепке сәйкес, осы жылдың сәуір айында әлемдегі валюта саудасының көлемі жаңа рекордқа жетіп, тәулігіне 7,5 триллион долларды құрады, бұл 2019 жылмен салыстырғанда 14%-ға артқан. Сондықтан банктерге жасалатын хакерлік шабуылдардың ақша қаражатын алып кету мақсатында банктік операцияларға қол жеткізу үшін жиілеуі таңқаларлық емес[3].

Осылайша, әлемдік деңгейде компьютерлік технологиялардың дамуы және қаржы операцияларының күрделілігінің артуы ең алдымен халықаралық қаржы транзакцияларының көлемін, жылдамдығын және құпиялылығын арттыру үшін жағдай жасауға әсер етті. Бұл өз кезегінде трансұлттық ұйымдасқан қылмыстың мүмкіндіктерін кеңейтіп, оны анықтау мен алдын алу ықтималдығын төмендетті. Енді қылмыстық топтар заңсыз қызметтен түскен кірістерді еш қиындықсыз заңдастыра алады.

Сарапшылардың пікірінше, бұл процесс қара нарықта есірткі саудасынан басқа, қару-жарақ және адам ағзаларын сатумен қатар, ақшаны жылыстату операциялары және трансұлттық қылмыстық топтардың басқа да қылмыстық қызмет түрлерін жандандыруға ықпал етті. Бұл қылмыстық топтар арасындағы байланыстарды жеңілдетіп, әлемдік деңгейде ұйымдасқан қылмыстың өсуіне ықпал етіп, қылмысты мемлекеттік деңгейде бақылауды әлдеқайда қиындатып жіберді дегенді білдіреді.

Жекелеген мемлекеттер деңгейінде жағдай аса қолайлы емес, мысалы, 2018 жылдан 2021 жылға дейінгі кезеңде Қазақстан Республикасында ақпараттандыру және байланыс саласында 364 қылмыстық құқық бұзушылық және 43911 интернет-алаяқтық жасалған. Келтірілген статистика жағдайды толық сипаттай алмайды, өйткені азаматтар ұсақ алаяқтық әрекеттердің құрбаны болған жағдайда, бұл туралы құқық қорғау органдарына жүгінуді жүйке мен уақытты босқа кетіру деп санап, бас тартуы мүмкін. Қылмыскерлер азаматтардың қылмысқа немқұрайлы қарауын пайдаланып, ұсақ сомаларға көбірек алаяқтық жасауда [4].

Жоғарыда келтірілген мәліметтерге сәйкес, ең көп тіркелген қылмыстық құқық бұзушылықтар интернет-алаяқтықпен байланысты істерде байқалады. Жалпы алғанда, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 7-тарауында көзделген қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша жыл сайын интернет-алаяқтық істеріне қарағанда әлдеқайда аз фактілер тіркеледі. Тіркелген қылмыстық істердің сандық қатынасының айтарлықтай айырмашылығын ескере отырып, тереңірек зерттеу үшін және талдауды

[2] *Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН). - Доклад за 2023 г. [Электронный ресурс]: // https://unis.unvienna.org/unis/uploads/documents/2024-INCB/2325540R_INCB_Annual_Report.pdf (дата обращения: 10.07.2024) .*

[3] *Triennial Central Bank Survey of foreign exchange and Over-the-counter (OTC) derivatives markets in 2022 // https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm (date of reference: 11.07.2024).*

жеңілдету мақсатында, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 7-тарауында көзделген қылмыстық құқық бұзушылықтарды интернет-алаяқтықтан бөлек талдау орынды болады. Сонымен, киберқылмыстың динамикасын зерттей отырып, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 7-тарауында көзделген ең кең таралған қылмыстық құқық бұзушылықтардың үштігіне мыналар кіретінін атап өткен жөн:

1. Ақпаратқа, ақпараттық жүйеге немесе телекоммуникациялар желісіне құқыққа сыйымсыз қол жеткізу (ҚР ҚК 205-бабы), бұл қылмыстық құқық бұзушылықтардың жалпы санының 56%-ын құрайды;

2. Ақпаратты құқыққа сыйымсыз иеленіп алу (ҚР ҚК 208-бабы), оның тіркелу пайызы 12%-ды құрайды;

3. Ақпаратты құқыққа сыйымсыз жою немесе түрлендіру (ҚР ҚК 206-бабы), тіркелу пайызы 10%-ды құрайды.

Интернет-алаяқтықтардың тіркелуінің өсуін бақылап, бір жағынан, осы әрекеттердің алдын алу және профилактика шараларының жеткіліксіздігі мен тиімсіздігі туралы қорытынды жасауға болады; екінші жағынан, азаматтардың сенгіштігі мен құқықтық сауатсыздығы, алаяқтық мобильді қосымшалардың бақылаусыз таралуы, қаржылық интернет-пирамидалардың ашық жарнамасы, төлем интернет-платформаларының қолданыстағы киберқорғау шараларының тиімсіздігі, киберқауіпсіздік саласындағы мамандардың тапшылығы және басқа да мәселелер туралы айтуға болады.

Халықаралық технологиялық компаниялардың көшбасшылары мемлекеттер мен халықаралық ұйымдарды жаһандық киберкеңістікті басқаруға белсенді қатысуға шақырады. Соңғы жылдары қаскөйлер тек компаниялар мен жеке тұлғаларға ғана емес, сонымен қатар қоғамдық маңызы бар нысандарға да кибершабуылдар жасауды жиілетті. «Интернет-офшорлармен» күрес те бірлескен күш-жігерді қажет етеді: қылмыскерлер басқа домендерге ауысқан кезде де жауапкершіліктен құтыла алмайтынын түсінуі керек, өйткені олар халықаралық нормаларды бұзады. Сондықтан киберқылмыспен күресуге арналған халықаралық ережелер мен стандарттарды мүмкіндігінше тезірек әзірлеу және осы қызметті реттеуге жауапты халықаралық орган құру қажет. Қолданыстағы тәжірибе негізінде ақпараттық кеңістіктегі үрдістердің дамуын болжау және жаңа қауіптерді анықтау, сондай-ақ киберқауіпсіздікті қамтамасыз етудің бірыңғай жүйесін әзірлеп, енгізу қажет.

Бродхерст пен Чанг Азиядағы киберқылмыстың өсуі тығыз халықаралық ынтымақтастықты қажет ететінін атап көрсетеді. Олар аймаққа тән мәліметтерді құқықтық қорғаудың әлсіздігі және киберинфрақұрылымның жоғары осалдығы сияқты ерекше проблемаларды бөліп көрсетеді, бұл қылмыскерлерді қудалауды қиындатып, алдын алу шараларының тиімділігін төмендетеді [5, p. 78].

Киберқылмысқа қатысты құқықтық аспекттер бірыңғай халықаралық стандарттар мен тетіктерді әзірлеуді талап етеді. Клоуф құқықтық жүйелердің әртүрлілігіне қарамастан, қылмыскерлерді қудалау тиімділігін арттыру үшін елдерге киберқылмысқа қарсы күрестің бірыңғай қағидаларын қалыптастыру қажет екенін атап көрсетеді [6, p. 57].

Ақпараттық қоғамдағы қылмыспен халықаралық күрес ғаламдық келісімдер мен конвенцияларсыз мүмкін емес, олар құқықтық шектерді белгілеп, елдер арасындағы ынтымақтастықты қамтамасыз етеді. Осы саладағы негізгі халықаралық конвенциялардың бірі – 2001 жылы Еуропа Кеңесіне мүше елдер қабылдаған Будапешт киберқылмыс туралы Конвенциясы. Бұл конвенция киберкеңістіктегі қылмыстармен күресуге бағытталған алғашқы құжат болып табылады және елдерге трансұлттық қылмыстарға жедел әрекет етуге мүмкіндік беретін ақпарат алмасу қағидаларын белгілейді. Ол сонымен қатар қатысушы мемлекеттерді киберқауіпсіздік саласындағы халықаралық стандарттарға сәйкес өз заңнамаларын үйлестіруге шақырады және киберқылмыскерлерді тиімді қудалауға ықпал етеді. Осы конвенцияның арқасында елдердің құқық қорғау органдары тергеу жүргізу үшін бір-біріне көмек сұрап жүгіне алады, бұл цифрлық ортадағы қылмыспен күрестің тиімділігін айтарлықтай арттырады.

Киберқылмыстардың қаупі Біріккен Ұлттар Ұйымын да айналып өтпеді, 2021 жылғы 29 маусымда қылмыстық мақсатта ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалануға қарсы күрес туралы Конвенция қабылданды[4].

Конвенцияда оның мақсаттары мен міндеттері көрсетілген, әрбір бабы ақпараттық-құқықтық салада жасалатын қылмыстардың жекелеген түрлерін сипаттап, қылмыскерлерді жауапкершілікке тартуға

[4] *Всестороннее исследование проблемы киберпреступности. - Организация Объединенных Наций. - Нью-Йорк, 2013. - [Электронный ресурс] – Access Mode: https://www.unodc.org/documents/orga-nized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения: 11.07.2024).*

шақырады және олардың әрекеттері үшін жазаның бұлтартпастығын қамтамасыз етеді[5].

Киберқылмыспен күрес жөніндегі халықаралық ұйымдардың міндеттері: интернет салаларындағы қылмысқа жатқызылатын іс-әрекеттерге қатысты бірыңғай халықаралық стандарттарды әзірлеу; бірыңғай терминология мен ұғымдық аппаратты қалыптастыру; ұлттық деңгейде тиісті қылмыстық-құқықтық нормаларды қабылдауда кеңес беру көмегін көрсету.

Сонымен қатар, киберқауіптерге қарсы халықаралық көпжақты серіктестік (IMPACT) бар, ол ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар мәселелері бойынша БҰҰ-ның мамандандырылған мекемесі – Халықаралық электрбайланыс одағының (ХЭО) киберқауіпсіздік саласындағы атқарушы органы болып табылады.

IMPACT – бұл ақпараттық қауіпсіздікті қорғау тиімділігін арттыру мақсатында үкіметтерді, академиялық институттарды және саланың жетекші сарапшыларын біріктіретін киберқауіптерге қарсы күрестегі бірегей халықаралық одақ. IMPACT мүшелері киберқауіптерге қарсы тиімді күресу үшін мамандандырылған білімге, ресурстарға және құралдарға қол жеткізіп, БҰҰ ұйымдарына олардың ақпараттық-телекоммуникациялық инфрақұрылымын қорғауда қолдау көрсетеді.

Халықаралық киберқауіпсіздік одағы (ICSPA) киберқылмыспен халықаралық деңгейде күресу және осы салада тәжірибе алмасу мақсатында үкіметтер, халықаралық бизнес және құқық қорғау органдары, соның ішінде Еурополдың күш-жігерін біріктіреді.

Интерпол, ең ірі халықаралық полиция ұйымы ретінде, ақпараттық-телекоммуникациялық технологияларды пайдалану арқылы жасалатын трансшекаралық қылмыстарды анықтау және әшкерелеу үшін мүше мемлекеттердің құқық қорғау органдарымен белсенді түрде ынтымақтасады. Сингапурдағы Интерполдың Халықаралық инновациялар орталығы киберқылмыспен күресу үшін жаңа қызметтер мен стратегияларды әзірлеп, іске асырады [7, с. 147].

Интерпол, IMPACT және ICSPA сияқты халықаралық ұйымдар киберкеңістікте бірыңғай стандарттар мен ережелерді әзірлеуге бағытталған ынтымақтастық механизмдерін белсенді түрде әзірлеуде. Олардың қызметінің маңызды аспектілерінің бірі халықаралық құқықтық алаңды қалыптастыру болып табылады, мұнда:

Интернет саласындағы қылмысқа жатқызылатын әрекеттердің критерийлері анықталады.

Елдер арасындағы үйлесімділікті қамтамасыз ететін бірыңғай терминология мен ұғымдар әзірленеді.

Ұлттық қылмыстық-құқықтық нормаларды енгізу барысында кеңес беру көмегі көрсетіледі.

Қорытынды

Мемлекет ұлттық құқықтық жүйеде қолданатын халықаралық нормалар мен стандарттар Қазақстан Республикасында киберқылмысқа қарсы күресті құқықтық реттеу шарттарының бірі болып табылатындығын атап өткен жөн. Әлемдік қоғамдастық деңгейінде киберқылмыспен күрестің тиімді тетіктері апробациядан өтті. Мысалы, 2001 жылғы 23 қарашада Будапешт қаласында қол қойылған Еуропалық Одаққа мүше елдер арасында жасалған Компьютерлік қылмыстар туралы (киберқылмыс) Еуропалық конвенцияға сәйкес, олардың аумақтарында мәліметтер алу үшін жеңілдетілген механизм қолданылады. Ал Орталық Азия елдерінің аумақтарында халықаралық тапсырмалар Минск және Кишинев конвенциялары арқылы орындалады.

Ақпараттық қоғам жағдайында қылмыспен тиімді күресу үшін дүниежүзі елдері тәжірибе алмасып, өздерінің киберқауіпсіздігін нығайту мақсатында үздік тәжірибелерді қолданады. Осы тұрғыда киберқылмыспен күресу стратегиялары назар аударуға лайық бірқатар елдердің тәжірибесі ерекше қызығушылық тудырады. Мысалы, Ұлыбритания киберқауіпсіздікке кешенді тәсіл енгізіп, киберқылмыспен күресуде күш-жігерді үйлестіру және ұлттық инфрақұрылымды қорғау үшін Ұлттық киберқауіпсіздік орталығын (NCSC) құрды. Германия өз кезегінде нормативтік-құқықтық актілерін нығайтып, құқық қорғау органдарының киберқауіптерге қарсы тұру мүмкіндіктерін едәуір кеңейтті.

Осы елдердің халықаралық тәжірибесі киберқылмыспен күресудің тиімділігін арттыруға бағытталған «Қазақстанның киберқалқаны» («Кибершит Казахстана») тұжырымдамасын әзірлеу кезінде ескерілді. Бұл тәжірибені қолдану Қазақстан Республикасына киберқорғаудың озық әдістерін белсенді енгізуге және киберкеңістіктегі қылмыстардың алдын алудың жаңа тәсіл-

[5] *Конвенция Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях от 29.06.2021г. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 20.07.2024).*

дерін әзірлеуге мүмкіндік береді. Халықаралық ауқымдағы маңыздылығын қарастыратын болсақ, киберқылмыспен күресудің негізгі қағидаттары мен бағыттары, алдын алу және тергеу мақсаттары мен міндеттері бүкіл әлемде бірдей, бірақ әр мемлекетте заңнама мен құқықтық жүйеге сәйкес өзіне тән ерекшеліктер бар.

Қазақстан Республикасындағы ақпараттық кеңістікте құқықтар мен заңды мүдделерді қорғау саласындағы заңнама Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 7-тарауын, сондай-ақ 2017 жылғы 30 маусымдағы № 407 Қазақстан Республикасы Үкіметінің «Киберқауіпсіздік тұжырымдамасын бекіту туралы» қаулысын қамтиды.

Дегенмен, киберқылмыскерлер қаншалықты жағымсыз естілсе де, бір қадам алда, сондықтан халықаралық ұйымдар мен барлық мемлекеттер үйлесімді жұмыс істеп, келесі мәселелерді шешіп, назарға алуы қажет:

1. Құқықтық реттеуге виртуалды кеңістіктегі қоғамдық қатынастарды енгізу ұсынылады.

2. Интернет-пирамидалар және экстремистік немесе заңнамаға қайшы келетін басқа да қауіпті контенті бар сайттарды жабу үшін интернетті бақылау қажет.

3. Ішкі істер органдарының басқа құқық қорғау және мемлекеттік органдармен, сондай-ақ коммерциялық ұйымдармен алаяқтық сайттар мен колл-орталықтарды жедел жабу мақсатында ынтымақтастық механизмдерін әзірлеу.

4. Шетелдік IP-мекен-жайлармен тіркеуден бас тартуды және пайдаланушыларды сәйкестендіру үшін дауыс биометриясын енгізуді қоса алғанда, IP-телефония қызметтерін ұсыну туралы заңнаманы қатаңдатуды қарастыру.

5. Сот және тергеу практикасын талдау негізінде компьютерлік ақпарат және ақпараттық-телекоммуникациялық технологиялар саласындағы қылмыстарды анықтау және тергеу бойынша әдістемелік ұсынымдар әзірлеу.

6. Компьютерлік ақпарат саласындағы қылмыстарды жасау әдістері және олардан қорғану тәсілдері туралы қоғамды бұқаралық ақпарат құралдары және білім беру кампаниялары арқылы хабардар ету.

7. Киберқылмыспен тиімді күресу үшін ішкі істер органдарына профильді білімі бар адамдарды қызметке тартып, олардың қайта даярлануын қамтамасыз ету.

8. Киберқылмыспен күресу үшін халықаралық ынтымақтастық механизмдерін әзірлеп, оларды тиісті құжаттарда бекіту.

9. Коммерциялық ұйымдар мен IT-компаниялардың көмегімен ақпарат беру арналары мен деректер базаларын рұқсатсыз қол жеткізуден қорғау жүйесін жетілдіру.

10. Жеке деректерді заңсыз жариялау немесе иесінің келісімінсіз пайдалану үшін, әсіресе ақпарат қызметтік міндеттерін атқару барысында берілген немесе алынған жағдайда, қатаң жаза тағайындау туралы ұсыныстарды қарастыру.

11. Ұйымдасқан қылмыс, экстремизм, есірткі, порнография және жыныстық қанау сияқты компьютерлік ақпарат пен ақпараттық технологияларға қатысты қылмыстарға қарсы күресті күшейту.

12. Ата-аналарды балаларға қолжетімді контентке қырағылық танытуға және оларды зиянды ақпараттан қорғауға ынталандыру.

13. Киберқауіпсіздікті қамтамасыз етудің тиімділігін арттыру мақсатында киберқылмысты зерттеуді жандандыру.

Осылайша, бұл мәселені шешу көптеген факторларға, соның ішінде әрбір жекелеген мемлекеттің қатысуына байланысты. Себебі, бұл мемлекеттердің технологиялық дамуы мен осы саладағы заңнамалық базасының деңгейі әртүрлі, және олардың арасындағы ақпарат алмасу, сөзсіз, қажетті әсер береді, дегенмен, киберқылмыс сияқты құқыққа қайшы құбылыстың түп-тамырын жоя алмайды.

Сондай-ақ, киберқауіптерге тиімді қарсы тұру үшін мемлекеттердің құқық қорғау органдарының жұмысын жетілдіру және ұлттық деңгейде барлық мүдделі тараптардың, соның ішінде кәсіпкерлік қауымдастық, қоғамдық ұйымдар, зерттеу мекемелері және азаматтардың күш-жігерін біріктіру қажет.

Авторлардың мақаладағы үлесі

Шарипова А.Б.- кіріспе, талқылау және нәтижелер, библиографиялық қайнар көздерді талдау.

Арын А.А.- материалдар мен әдістер, қорытынды, әдебиеттерді рәсімдеу, транслитерация.

Куаналиева Г.А.- талқылау, қорытынды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Проблемы глобализации. - М., 1999. - Т.4. - №4. - С. 121-127.

2. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.

3. Casey, E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers and the Internet. 3rd ed.- UK: Elsevier Academic Press, 2011. - 807 p.

4. Мухамеджанова А.Д. Особенности динамики киберпреступности в Республике Казахстан и ее влияние на вопросы её предупреждения // Российско-азиатский правовой журнал. - М., 2022. - [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dinamiki-kiberprestupnosti-v-respublike-kazahstan-i-ee-vliyanie-na-voprosy-eyo-preduprezhdeniya (дата обращения: 15.07.2024).

5. Broadhurst, R., & Chang, L. Cybercrime in Asia: Trends and Challenges. - London: Palgrave Macmillan, 2013. - 458 p.

6. Clough, J. Principles of Cybercrime. - Cambridge: Cambridge University Press, 2015. - 430 p.

7. Мороз Н.О. Деятельность Интерпола по координации сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. - 2011. - № 14. - С. 147.

REFERENCES

1. Cheshkov M. Globalizacija: sushhnost', nyneshnjaja faza, perspektivy // Problemy globalizacii. - M., 1999. - T.4. - №4. - S. 121-127.

2. Dolgova A. I. Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshhestvo. - M.: Rossijskaja kriminologicheskaja associacija, 2003. – 572 s.

3. Casey, E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers and the Internet. 3rd ed.- UK: Elsevier Academic Press, 2011. - 807 r.

4. Muhamedzhanova A.D. Osobennosti dinamiki kiberprestupnosti v Respublike Kazahstan i ee vlijanie na voprosy ejo preduprezhdenija // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. - M., 2022. - [Jelektronnyj resurs] // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dinamiki-kiberprestupnosti-v-respublike-kazahstan-i-ee-vliyanie-na-voprosy-eyo-preduprezhdeniya (data obrashhenija: 15.07.2024).

5. Broadhurst, R., & Chang, L. Cybercrime in Asia: Trends and Challenges. - London: Palgrave Macmillan, 2013. - 458 r.

6. Clough, J. Principles of Cybercrime. - Cambridge: Cambridge University Press, 2015. - 430 p.

7. Moroz N.O. Dejatel'nost' Interpola po koordinacii sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'ju v sfere vysokih tehnologij // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. - 2011. - № 14. - S. 147.

УДК 34.06
ГРНТИ 10.79.21

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ГРАЖДАНИНА, СТРАДАЮЩЕГО БИОГРАФИЧЕСКОЙ АМНЕЗИЕЙ

Алимбетова Алида Робертиновна
Доктор PhD, доцент кафедры «Экономика, услуги и право» Алматинского Гуманитарно-Экономического университета; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: alimbetova_alida@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-8675-9135; Researcher ID WOS: 2553-2022; Scopus Author ID: 57203201585

Сарсенгалиева Виктория Руслановна[1]
Студент Университета «Туран», специальность «Юриспруденция»; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: viktorya-2003@bk.ru

Аннотация. *Предметом настоящей работы являются основные проблемы, возникающие при установлении личности граждан с биографической (или ретроградной) амнезии. Целью настоящей работы является определение эффективности существующих методов идентификации лиц и поиск способов их возможного совершенствования. В настоящей работе были даны общие характеристики рассматриваемого диссоциативного расстройства, в частности, такие как причина возникновения, стадии диссоциативной амнезии, основная симптоматика, периоды длительности заболевания, особенности поведения лиц в стадиях диссоциативной фуги и диссоциативной амнезии. Остальные характеристики данного заболевания служат предметом изучения психологии и признаны автором не имеющими значения для производства досудебного расследования. В ходе исследования были проанализированы следственные действия, которые могут помочь в установлении личности гражданина, страдающего ретроградной амнезией, и рассмотрены основные ситуации, с которыми могут столкнуться сотрудники органов внутренних дел при розыске таких граждан. Результаты настоящей работы применимы в оперативно-розыскной деятельности и в деятельности по розыску ответчика, а также деятельности по розыску без вести пропавших лиц. Выводы: с развитием технологий в современном мире качество розыска и установления личности пропавших без вести значительно возросло, что можно наблюдать и в случае поиска граждан, страдающих ретроградной амнезией, ведь раньше считалось, что найти человека, находящегося в состоянии диссоциативной фуги, не представляется возможным. В настоящее же время мы можем оценить, насколько эффективными могут быть меры, используемые в ходе оперативно-розыскной деятельности, при поиске без вести пропавших лиц. В частности, порядок розыска граждан, страдающих биографической амнезией практически не отличается от общего порядка проведения розыска, за исключением ограниченности используемого инструментария и обязательного привлечения расследования эксперта или специалиста в области клинической психологии или психиатрии при производстве досудебного расследования.*

Ключевые слова: *психология, диссоциация, амнезия, органы внутренних дел, идентификация, международное сотрудничество, автобиографическая память.*

ӨМІРБАЯНДЫҚ АМНЕЗИЯДАН ЗАРДАП ШЕГУШІ АЗАМАТТЫҢ ЖЕКЕ БАСЫН АНЫҚТАУ ТУРАЛЫ

Алида Робертиновна Алимбетова
PhD докторы, Алматы гуманитарлық-экономикалық университетінің «Экономика, қызмет көрсету және құқық» кафедрасының доценті; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: alimbetova_alida@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-8675-9135; Researcher ID WOS: 2553-2022; Scopus Author ID: 57203201585

[1] *Автор для корреспонденции*

Виктория Руслановна Сарсенгалиева
«Тұран» университетінің студенті, «Құқықтану» мамандығы; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: viktorya-2003@bk.ru

Аннотация. *Бұл жұмыстың тақырыбы – өмірбаяндық (немесе ретроградтық) амнезиясы бар азаматтарды анықтау кезінде туындайтын негізгі мәселелер. Бұл жұмыстың мақсаты - беттерді анықтаудың қолданыстағы әдістерінің тиімділігін анықтау және оларды жақсарту жолдарын табу. Бұл жұмыста қарастырылатын диссоциативті бұзылыстың жалпы сипаттамасы, атап айтқанда, диссоциативті амнезияның пайда болу себебі, кезеңдері, негізгі белгілері, аурудың ұзақтығы, диссоциативті фуга және диссоциативті кезеңдердегі тұлғалардың мінез-құлық ерекшеліктері келтірілген. амнезия. Бұл аурудың қалған белгілері психологиялық зерттеу нысаны ретінде қызмет етеді және автор сотқа дейінгі тергеу үшін маңызы жоқ деп таныды. Зерттеу барысында ретроградтық амнезиядан зардап шегетін азаматты анықтауға көмектесетін жедел-іздестіру әрекеттері талданды, сондай-ақ мұндай азаматтарды іздеу кезінде ішкі істер органдарының қызметкерлері кездесетін негізгі жағдайлар қарастырылды. Бұл жұмыстың нәтижелері жедел-іздестіру іс-шараларында және сотталушыны іздестіру іс-шараларында, сондай-ақ хабар-ошарсыз кеткен адамдарды іздеу бойынша іс-шараларда қолданылады. Қорытынды: қазіргі әлемдегі технологияның дамуымен жоғалған адамдарды іздеу және анықтау сапасы айтарлықтай өсті, бұл ретроградтық амнезиямен ауыратын азаматтарды іздеу жағдайында байқалады, өйткені бұрын бұл мүмкін емес деп есептелген. диссоциативті фуга күйіндегі адамды табу. Қазіргі уақытта із-түзсіз жоғалған адамдарды іздестіру кезінде жедел іздестіру шаралары кезінде қолданылған шаралардың қаншалықты тиімді болатынын бағалауға болады. Атап айтқанда, өмірбаяндық амнезиядан зардап шегетін азаматтарды іздестіру тәртібі іс жүзінде іздестіруді жүргізудің жалпы тәртібінен айырмашылығы жоқ, бұған пайдаланылатын құралдардың шектеулілігі және сотқа дейінгі тергеп-тексеру жүргізу кезінде клиникалық психология немесе психиатрия саласындағы сарапшының немесе маманның міндетті түрде тергеуін тарту қосылмайды.*

Түйінді сөздер: *психология, диссоциация, амнезия, ішкі істер органдары, идентификация, халықаралық ынтымақтастық, автобиографиялық жады.*

ABOUT THE IDENTIFICATION OF A CITIZEN WITH BIOGRAPHICAL AMNESIA

Alimbetova Alida Robertinovna
PhD, Associate Professor of the department of Economics, services and law at Almaty Humanitarian-Economic University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: alimbetova_alida@mail.ru; ORCID iD: https://orcid.org/0000-0002-8675-9135; Researcher ID WOS: 2553-2022; Scopus Author ID: 57203201585

Sarsengalieva Victoria Ruslanovna
Student of Turan University, specialty "Jurisprudence"; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: viktorya-2003@bk.ru

Abstract. *The subject of this paper is the main problems arising in the identification of citizens with biographic amnesia. The aim is to determine the effectiveness of the existing methods of identification of persons and to find ways of their possible improvement. The general characteristics of the dissociative disorder in question have been outlined in the present work. The other characteristics of the disease are the subject of psychology and are recognized by the author as irrelevant to the pre-trial investigation. The author analyzed investigative actions that can help in establishing the identity of a citizen suffering from retrograde amnesia and considered situations that can complicate this process. The results of the present work are applicable in operative-search activity and in the activity of searching for the defendant, as well as in the activity of searching for missing persons. Conclusions: with the development of technology in the modern world, the quality of search and identification of missing persons has increased significantly. Nowadays, we can assess how effective*

the measures used in the course of operative-search activities can be when searching for missing persons. In particular, the search procedure for citizens suffering from biographical amnesia does not really different from the general search procedure. However, it requires the mandatory involvement of an expert in the field of clinical psychology or psychiatry in the pre-trial investigation. In addition, law enforcement agencies may conduct fewer investigative activities than usual.

Keywords:*psychology, dissociation, amnesia, internal affairs bodies, identification, international co-operation, autobiographical memory.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_156

Введение

Тема биографической (ретроградной) амнезии в контексте осуществления досудебного расследования была выбрана авторами не только в силу праздного интереса, но также из осознания необходимости защиты лиц, страдающих данным расстройством, от возможных преступных посягательств. Кроме того, в процессе подготовки материала авторами было отмечено, что данная тема практически не исследовалась в отечественной психолого-правовой литературе. По мнению авторов, данный пробел необходимо восполнить, поскольку даже в настоящее время риск внезапного возникновения данного расстройства крайне высок.

В частности, достаточно важным представляется исследования такого аспекта ретроградной амнезии, как состояние диссоциативной фуги, при котором лицо не только теряет способность к самоидентификации, но и оказывается в совершенно чужой среде. Стоит отметить, что, равно как и биографическая амнезия состояние диссоциативной фуги так же мало изучено. Тем не менее, относительно некоторых его особенностей ученым постсоветского пространства удалось достичь единого мнения. Именно поэтому авторам удалось рассмотреть данное явление как одно из исключительных условий осуществления розыскной деятельности как в рамках досудебного расследования, так и при разрешении гражданского дела.

Следует уточнить, что для достижения целей настоящей работы не имели значения ни анамнез заболевания, ни причины возникновения симптомов, ни их классификация, ни иные клинические характеристики упомянутого расстройства, а потому в тексте они будут упомянуты вскользь. Основной же задачей является оценка эффективности существующих методов идентификации личности в описываемой ситуации.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования были изучены материалы научных статей как в сфере юриспруденции (для лучшего отражения порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые по мнению авторов, могут оказаться наиболее эффективными при установлении личности лица, страдающего ретроградной амнезией), так и в сфере психологии (для большего понимания феномена «диссоциативной фуги» и определения его значения при осуществлении розыскной деятельности). В частности, были изучены работы таких авторов, как Аралбаева С.С. «Оперативно-розыскные мероприятия»; Джиембаева Р.К., Салкебаева Т.С. «Организационные и правовые аспекты государственной деятельности по охране общественного порядка в Республике Казахстан: возможности и перспективы»; Миловановой М.М. «Специфика ложных показаний», а также Мицкой Е.В., Имашева Б.Е., Амантаева А.А. «О совершенствовании законодательной регламентации фальсификации доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов». Анализировались и труды зарубежных авторов: Головченко А.А. «Применение искусственного интеллекта в поисках без вести пропавших людей»; Никитина Е.Л., Дытченко Г.В. «Проблемы обеспечения законности сер государственного принуждения в оперативно-розыскном процессе»; Мирзаевой Г.А. «Методические рекомендации по проведению опроса сторон и других участников гражданского процесса»; Гречкиной Ю.С. «Вопросы идентификации личности: правовые аспекты» и Новичихина П.Г., Вицке Р.Э. «О некоторых проблемах юрисдикционных полномочий сотрудников полиции, связанных с доставлением и задержанием».

Психологическую основу настоящей работы составляет исследование Перехова А.Я. «Психопатология «модных» диссоциативных расстройств».

Нормативную основу настоящей работы составляют Закон РК от 15 сентября 1994 г. № 154. «Об оперативно-розыскной деятельности» и Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 4 августа 2017 года

№ 78 «Об утверждении Правил ведения, использования и хранения специальных учетов разыскиваемых лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, а также лиц, уклоняющихся от отбывания наказания или осуществления пробационного контроля, разыскиваемых лиц, пропавших без вести, утративших связь с родственниками, не способных сообщить о себе установочные данные, трупов, личность которых не установлена, и разыскиваемых лиц, являющихся должниками по исполнительным производствам, ответчиками по искам, предъявленным в интересах государства, а также о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровью, смертью кормильца».

Во время работы над настоящей статьей авторами использовались такие методы научного исследования, как наблюдение, описание, анализ, сравнение и синтез.

Обсуждение

Итак, диссоциативная фуга представляет собой одну из стадий биографической амнезии, характеризующаяся внезапным желанием человека покинуть обычное место его пребывания, которое сопровождается не только переездом, но и «стиранием» из памяти его идентичности. Авторы соглашаются, что следует считать диссоциативную фугу именно стадией иных психических расстройств, поскольку она характерна не только для ретроградной амнезии, но и для других неврологических заболеваний [1, с. 26]. Для подобного состояния характерны внезапное возникновение желания сменить место нахождения и утрата воспоминаний о своей идентичности. Это привело к тому, что рассматриваемый феномен стал прочно ассоциироваться с паническим бегством, что и сыграло определенную роль в выборе термина для его обозначения (слово «фуга» имеет латинское происхождение и переводится как «бегство»). Диссоциации же представляют собой группу расстройств, связанных с нарушением функций памяти и осознания собственной идентичности [2, с. 98].

Диссоциативная фуга обычно возникает после того, как человек переживает сильнейший стресс, причинами которого могут быть тяжелая ситуация в семье или на работе, экзистенциальный кризис, мания преследования и пр. Возможно, что именно желание выйти из стрессового состояния и перерастает в желание куда-либо уехать. Кроме того, у человека в таком состоянии наблюдается утрата так называемой «автобиографической памяти», которая заключает в себе возможность осознания событий прожитых лет и способность их воспроизведения, в том числе, облечения воспоминаний в словесную форму» [2, с. 101]. Следовательно, по переезде в другую местность человек перестает осознавать свою «прошлую» личность. Как правило, диссоциативная фуга длится недолго и через некоторое время (от нескольких недель до нескольких лет) автобиографическая память полностью восстанавливается, однако теряются воспоминания о том, что происходило с личностью в период амнезии.

Пациенты, страдающие биографической амнезией, переживают этот период по-разному. Нередки случаи, когда они обращаются за помощью к психологам или сотрудникам органов внутренних дел, что повышает вероятность того, что их личность будет установлена в кратчайшие сроки, после чего можно будет незамедлительно приступить к исполнению программы по восстановлению воспоминаний. Однако, большинство лиц, страдающих рассматриваемым расстройством, вовсе не переживают относительно того, что они потеряли свою «самость» [2, с. 102]. Чаще всего они либо замыкаются в себе, либо создают новую личность, хоть им бывает сложно «вспомнить» какие-либо детали из новой биографии (так, при создании новой идентичности как правило берутся наиболее распространенные имена, пациент не способен ответить на вопросы, касающиеся его места рождения, обучения или работы, или использует вместо них вымышленные наименования, в реальности которых он, однако, не сомневается). Именно это обстоятельство, а также то, что у лица, страдающего ретроградной амнезией, воспоминания не просто смутные, а полностью отсутствуют, значительно осложняет процесс идентификации. Еще одной важной характеристикой диссоциативной фуги является то, что на сегодняшний день до конца не известен механизм ее появления, что означает, что она может возникнуть у любого человека в любой момент времени, например, в то время, как подходит срок выполнения обязательства в гражданских правоотношениях или у преступника после совершения уголовно наказуемого деяния.

Таким образом, необходимость в идентификация лица, находящегося в состоянии диссоциативной фуги может возникнуть при розыске уклоняющегося от суда ответчика, уклонившегося от следствия и суда подозре-

ваемого (обвиняемого), а также при розыске без вести пропавшего лица.

Как указано в Законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности», к основным задачам такой деятельности относится защита прав, свобод и законных интересов граждан от преступного посягательства, а также осуществление розыска лиц, уклоняющихся от дознания, следствия или суда[2]. В свою очередь, необходимость идентификации лица, находящегося в состоянии диссоциативной фуги (ретроградной амнезии) обусловлена тем, что страдающий данным расстройством гражданин становится потерянным и уязвимым, что делает его потенциальной жертвой правонарушения [3, с. 73]. Следовательно, для розыска лица, страдающего ретроградной амнезией, может потребоваться проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 219].

Среди перечисленных в Законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскных мероприятий, наиболее подходящими для осуществления розыска гражданина, находящегося в состоянии диссоциативной фуги, представляются следующие процедуры:

— Опрос лиц, когда-либо контактировавших с разыскиваемым;

— Наведение о нем справок;

— Поиск и отождествление личности по приметам;

— Осуществление личного досмотра задержанных лиц[3].

Без сомнения, иные указанные в законе мероприятия также могут быть довольно эффективными при осуществлении розыскной деятельности, однако они оказываются бесполезными в рассматриваемых условиях, поскольку у лица, находящегося в состоянии диссоциативной фуги, полностью отсутствуют воспоминания о своей «прошлой» личности. Поэтому осуществление такого мероприятия как применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность, или, например, преследование такого лица могут привести только к усилению тревожности у разыскиваемого, что в перспективе только ухудшит его состояние. Следовательно, одним из обязательных условий задержания гражданина, находящегося в состоянии диссоциативной фуги, является ограничение непосредственного контакта с лицом до момента его задержания и ограничение применения психологического и иного давления. Теперь же можно перейти к анализу выделенных ранее оперативно-розыскных мероприятий.

Результаты

При розыске лица, пропавшего без вести, крайне важно собрать максимально полную информацию [1, с. 26]. При розыске лица, страдающего ретроградной амнезией, важность сбора информации о его личности увеличивается вдвойне, поскольку позволит не только установить приблизительное место его нахождения, но и поможет в оказании разыскиваемому эффективной помощи в восстановлении его воспоминаний. В частности, наиболее ценные сведения в рассматриваемой ситуации могут быть получены от близких родственников или партнеров разыскиваемого по работе. Однако следует помнить, что достаточно часто в ходе опроса свидетели могут предоставлять ложные и (или) искаженные сведения [5, с. 11]. Вполне может оказаться, что «внезапное желание уехать» у разыскиваемого никогда не возникало, а сообщение о ретроградной амнезии – лишь одна из попыток скрыть настоящее преступление. Впрочем, порой искаженные сведения о пропавшем могут формироваться под влиянием особенного восприятия опрашиваемым действительности или нарушений репродукционных функций памяти, а также в случае, если психическое или эмоциональное состояние опрашиваемого в период прохождения разыскиваемым первой стадии ретроградной амнезии было нестабильным [6, с. 9].

Наведение справок о разыскиваемом лице кажется более эффективной мерой, поскольку задокументированная информация все же имеет большее значение для объективного расследования дела [7, с. 21]. Однако, исследование документов может дать только основные данные о разыскиваемом лице (место учебы, работы, отдельные характеристики его личности и пр.), т.е. содержание воспоминаний, которые теряются при автобиографической амнезии. Это означает то, что если разыскиваемый находился на момент исчезновения в состоянии диссоциативной фуги, то вряд ли эти данные могут помочь устано-

[2] Закон РК от 15 сентября 1994 г. № 154. «Об оперативно-розыскной деятельности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_ (дата обращения 22.02.2024).

[3] Закон РК от 15 сентября 1994 г. № 154. «Об оперативно-розыскной деятельности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_ (дата обращения 22.02.2024).

вить текущее его местонахождение. С другой стороны, они могут помочь в последующем восстановлении личности, а потому нельзя недооценивать полезность добытой в ходе наведения справок информации.

Собранная в результате проведения вышеописанного мероприятия информация может быть занесена в специальный модель, функционирующий в рамках Единого реестра досудебных расследований, именуемый «Журналом розыска» при условии наличия оснований для заведения электронного розыскного дела. Таковыми признаются постановление органа, ведущего уголовный процесс, об объявлении лица в розыск; соответствующее поручение следователя и дознавателя; регистрация в КУИ (книге учета информации) заявления о розыске лица или сообщения о лице, не способном сообщить о себе сведения, необходимые для его, а также санкционированное прокурором поручение о розыске истца или ответчика по гражданскому делу[4].

Поиск и отождествление личности по приметам, на взгляд автора, является одной из наиболее эффективных мер по установлению личности гражданина, страдающего ретроградной амнезии. Случаи, когда такие лица сознательно изменяют свою внешность или пытаются ее скрывать в период амнезии, крайне редки. Обусловлено это тем, что страдающие рассматриваемым нарушением не осознают, по какой причине они оказались в незнакомой местности, и не помнят, от чего именно они бежали. Поэтому, в первую очередь ими движет желание не скрыться от органов внутренних дел, а выжить в новой для них окружающей среде. Следовательно, лица, находящиеся в состоянии диссоциативной фуги, с высокой вероятностью будут выглядеть точно так же, как и в день пропажи, и отследить их по камерам, фотографиям и иным изображениям не должно составить проблем [8, с. 111].

Осуществление личного досмотра при задержании, в том числе личного досмотра задержанных при незаконном пересечении границы, помогут обнаружить при задержанном различные личные вещи, которые могут помочь в установлении его личности. Так, если на момент задержания гражданин находится в состоянии диссоциативной фуги, то при нем могут находиться паспорт, удостоверение личности и иные идентифицирующие документы. Если же на момент задержания лицо уже находится в состоянии диссоциативной амнезии, то при нем могут оказаться личные вещи (чаще всего аксессуары), значения которых задержанный не знает, но которые могут быть опознаны знакомыми ему людьми или близкими родственниками. И в том, и в другом случае основной задачей задержавшего становится доставление лица в ближайший департамент полиции для дальнейшего опроса с привлечением эксперта (специалиста) в области клинической психологии [9, с. 87].

Интересен также случай задержания на территории Республики Казахстан незаконного иммигранта, страдающего ретроградной амнезией, поскольку при нем могут быть обнаружены документы, сделанные на имя гражданина Республики Казахстан. Происходит это потому, что из-за полного отсутствия воспоминаний о своей «прошлой» жизни, но при сохранении основных знаний и навыков, страдающий данным расстройством человек может попытаться создать себе новую идентичность. То есть, зачастую при повторном приобретении документов гражданин может представиться другим именем и назвать иную дату рождения, из-за чего могла произойти ошибка, в результате которой он и получает новое удостоверение личности. В таком случае документ должен быть изъят, а в отношении лица, выдавшего его должно быть проведено расследование. В частности, должно быть выявлено: знал ли сотрудник о наличии у обратившегося действительного документа, удостоверяющего личность; представил ли обратившийся все данные, необходимые для выдачи документа, удостоверяющего личность; было ли получено сотрудником не предусмотренное вознаграждение за выдачу документа, удостоверяющего личность. Следует учесть, что намеренная выдача иностранному гражданину, не предоставившему необходимые сведения, идентифицирующих документов с нарушением действующего законодатель-

[4] *Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 4 августа 2017 года № 78 «Об утверждении Правил ведения, использования и хранения специальных учетов разыскиваемых лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, а также лиц, уклоняющихся от отбывания наказания или осуществления пробационного контроля, разыскиваемых лиц, пропавших без вести, утративших связь с родственниками, не способных сообщить о себе установочные данные, трупов, личность которых не установлена, и разыскиваемых лиц, являющихся должниками по исполнительным производствам, ответчиками по искам, предъявленным в интересах государства, а также о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровью, смертью кормильца». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700015639 (дата обращения: 13.07.2024).*

ства Республики Казахстан может быть квалифицирована и как фальсификация доказательств [10, с. 100].

При розыске граждан Республики Казахстан или иностранцев, лиц без гражданства, страдающих ретроградной амнезией, немаловажным является международное сотрудничество. В частности, необходимость в обращении к компетентным органам зарубежных стран возникает при пересечении такими лицами государственной границы. Процедура объявления в международный розыск лица, страдающего биографической амнезией, осуществляется в общем порядке.

Заключение

На основании изложенного выше материала можно сделать следующие выводы:

— Состояние диссоциативной фуги представляет собой не самостоятельное заболевание, а один из его симптомов. Однако это не умаляет его потенциальную опасность, поскольку в настоящее время до сих пор окончательно не установлен механизм его возникновения. Кроме того, указанное состояние усложняет процесс идентификации лица, поскольку оно связано не только с утратой воспоминаний о собственной идентичности, но и с перемещением в пространстве, в том числе на территорию иного государства;

— Несмотря на упомянутое выше обстоятельство, идентификация лица, страдающего ретроградной амнезии или находящегося в состоянии диссоциативной фуги, не является невозможным, поскольку с текущим развитием технологий информация о лице, не способном сообщить о себе идентифицирующие сведения, может распространиться гораздо быстрее. Следовательно, подобное сообщение имеет более высокий шанс привлечь внимание как органов, осуществляющих розыскную деятельность, так и специалистов в клинической психологии, способных оказать им помощь;

— В настоящее время, по мнению авторов, наиболее эффективными оперативно-розыскными мероприятиями при установлении лица, находящегося в состоянии диссоциативной фуги, являются опрос лиц, когда-либо контактировавших с разыскиваемым; наведение о нем справок; поиск и отождествление личности по приметам; осуществление личного досмотра задержанных лиц. Учитывая стремление государственной власти к совершенствованию деятельности по осуществлению досудебного расследования, а также объем предполагаемых исследований, связанных с рассмотренной темой, авторы допускают, что со временем могут появиться и иные способы, которые позволят идентифицировать «неустановленное лицо» независимо от того, страдает ли оно от расстройств памяти или намеренно укрываются от суда и следствия.

Вклад авторов

В процессе подготовки настоящей статьи *Алимбетова А.Р.* осуществляла подбор методов исследования, формировала введение к настоящей статье, оформила список использованной литературы и провела перевод и транслитерацию данных. Кроме того, ею осуществлялся контроль в течение всего периода написания работы, принимались и передавались *Сарсенгалиевой В.Р.* корректировки. *Сарсенгалиева В.Р.* в свою очередь является ответственной за содержание обсуждения, результатов и заключения в настоящей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головченко А.А. Применение искусственного интеллекта в поисках без вести пропавших людей // Инновационная наука. (Серия: Технические науки). – 2021. – № 4. – С. 25-28.

2. Перехов А.Я. Психопатология «модных» диссоциативных расстройств // Социальная и клиническая психиатрия. (Серия: Дискуссии). – 2022. – Том 32. – № 3. – С. 98-107.

3. Джиембаев Р.К., Салкебаев Т.С. Организационные и правовые аспекты государственной деятельности по охране общественного порядка в Республике Казахстан: возможности и перспективы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. (Серия: Уголовное право и уголовный процесс). – 2022. – Том 1. – № 68. – С. 66-75.

4. Никитин Е.Л., Дытченко Г.В. Проблемы обеспечения законности сер государственного принуждения в оперативно-розыскном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – Том 6. – № 149. – С. 217-225.

5. Мирзаева Г.А. Методические рекомендации по проведению опроса сторон и других

участников гражданского процесса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/UZB (дата обращения 22.02.2024).

6. Милованова М.М. Специфика ложных показаний // Правовой альманах. – 2021. – Том 8. – № 12. – С. 7-11.

7. Аралбаев С.С. Оперативно-розыскные мероприятия. Учебно-методическое пособие. – Костанай: КРУ им. А. Байтурсынова, 2020. – 67 с.

8. Гречкина Ю.С. Вопросы идентификации личности: правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России (Серия: Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-розыскная деятельность). – 2020. – Том 4. – № 55. – С. 110-115.

9. Новичихин П.Г., Вицке Р.Э. О некоторых проблемах юрисдикционных полномочий сотрудников полиции, связанных с доставлением и задержанием // Евразийская адвокатура (Серия. Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве). – 2022. – Том 3. – № 58. – С. 86-90.

10. Мицкая Е.В., Имашев Б.Е., Амантаев А.А. О совершенствовании законодательной регламентации фальсификации доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. (Серия: Уголовное право и уголовный процесс). – 2023. – Том 3. – № 74. – С. 132-141.

REFERENCES

1. Golovchenko A.A. Primenenie iskusstvennogo intellekta v poiskah bez vesti propavshih lyudej // Innovacionnaya nauka. (Seriya: Tehnicheskie nauki). – 2021. – № 4. – S. 25-28.

2. Perehov A.Ya. Psihopatologiya «modnyh» dissociativnyh rasstrojstv // Socialnaya i klinicheskaya psihiatriya. (Seriya: Diskussii). – 2022. – Tom 32. – № 3. – S. 98-107.

3. Dzhiembaev R.K., Salkebaev T.S. Organizacionnye i pravovye aspekty gosudarstvennoj deyatelnosti po ohrane obshestvennogo poryadka v Respublike Kazahstan: vozmozhnosti i perspektivy // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. (Seriya: Ugolovnoe pravo i ugolovnyj process). – 2022. – Tom 1. – № 68. – S. 66-75.

4. Nikitin E.L., Dytchenko G.V. Problemy obespecheniya zakonnosti ser gosudarstvennogo prinuzhdeniya v operativno-rozysknom processe // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – 2022. – Tom 6. – № 149. – S. 217-225.

5. Mirzaeva G.A. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu oprosa storon i drugih uchastnikov grazhdanskogo processa. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/UZB (data obrasheniya 22.02.2024)

6. Milovanova M.M. Specifika lozhnyh pokazanij // Pravovoj almanah. – 2021. – Tom 8. – № 12. – S. 7-11.

7. Aralbaev S.S. Operativno-rozysknye meropriyatiya. Uchebno-metodicheskoe posobie. – Kostanaj: KRU im. A. Bajtursynova, 2020. – 67 s.

8. Grechkina Yu.S. Voprosy identifikacii lichnosti: pravovye aspekty // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii (Seriya: Ugolovnyj process, kriminalistika i operativno-rozysknaya deyatelnost). – 2020. – Tom 4. – № 55. – S. 110-115.

9. Novichihin P.G., Vicke R.E. O nekotoryh problemah yurisdikcionnyh polnomochij sotrudnikov policii, svyazannyh s dostavleniem i zaderzhaniem // Evrazijskaya advokatura (Seriya. Pravosudie i pravoohranitelnaya deyatelnost v evrazijskom prostranstve). – 2022. – Tom 3. – № 58. – S. 86-90.

10. Mickaya E.V., Imashev B.E., Amantaev A.A. O sovershenstvovanii zakonodatelnoj reglamentacii falsifikacii dokazatelstv i operativno-rozysknyh, kontrrazvedyvatelnyh materialov // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. (Seriya: Ugolovnoe pravo i ugolovnyj process). – 2023. – Tom 3. – № 74. – S. 132-141

УДК 341.3
ГРНТИ 10.77.51

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Қалмырза Ғазиза Махкәмқызы
Магистр юридических наук, докторант Университета «Туран»;
г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-5154-6180

Алаева Гульназ Турсуновна
Кандидат юридических наук, профессор Университета «Туран»;
г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1672-2238

Аралбаева Айгерим Адиловна
Кандидат юридических наук, ассистент профессора Школы права и государственного управления Университета Нархоз; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: aralbaeva81@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-9505-9578

Исмагулов Кайрат Еслямкалиевич[1]
Доктор юридических наук, аналитик Конституционного Суда Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: ismagulovqairat@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3390-8273

Аннотация. *Авторами в статье рассмотрены правовые аспекты уголовной ответственности за незаконное использование товарных знаков в Республике Казахстан и подчеркивают важность их защиты для стабильного развития экономики и обеспечения добросовестной конкуренции.*

Введение уголовной ответственности и санкций за нарушения в сфере товарных знаков является важным инструментом защиты интеллектуальной собственности. Оно способствует снижению риска финансовых потерь правообладателей и препятствует распространению контрафактной продукции. Авторы приводят историко-правовые данные, раскрывая эволюцию законодательства о товарных знаках в Казахстане и за рубежом, начиная с первых законодательных актов во Франции и Великобритании и заканчивая современными нормами.

Особое внимание уделено статье 222 Уголовного кодекса Республики Казахстан, где закреплены меры ответственности за незаконное использование товарного знака. Исследование показывает, что правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей, таких как редкость дел, связанных с нарушениями товарных знаков, и трудности в определении экономического ущерба, причиненного нарушителями. Представлены два подхода к расчету крупного ущерба: по потерям правообладателя и по стоимости лицензионных платежей, что подчеркивает необходимость комплексного подхода для повышения эффективности защиты интеллектуальных прав.

Примеры судебных дел и статистические данные демонстрируют важность более строгих мер уголовного воздействия, которые способствуют защите права на товарный знак и обеспечивают конкурентное преимущество для законных владельцев.

Авторы делают вывод о важности уточнения критериев для определения ущерба, что может повысить правовую определенность и эффективность защиты прав владельцев товарных знаков в Казахстане.

Ключевые слова: *товарный знак, незаконное использование товарного знака, интеллектуальная собственность, уголовная ответственность, Уголовный кодекс, санкция*

[1] *Автор для корреспонденции*

ТАУАР БЕЛГІЛЕРІН ЗАҢСЫЗ ПАЙДАЛАНҒАНЫ ҮШІН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПКЕРШІЛІК: РЕТТЕУ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚОЛДАНУ ПРАКТИКАСЫ

Ғазиза Махкәмқызы Қалмырза
Заң ғылымдарының магистрі, «Тұран» университетінің докторанты; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-5154-6180

Гульназ Турсуновна Алаева
Заң ғылымдарының кандидаты, «Тұран» Университетінің профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1672-2238

Айгерим Адиловна Аралбаева
Заң ғылымдарының кандидаты, Narxoz университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің профессор ассистенті; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aralbaeva81@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-9505-9578

Қайрат Еслямқалиұлы Исмагулов
Заң ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының талдаушысы; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: ismagulovqairat@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3390-8273

Аннотация. *Мақалада авторлар Қазақстан Республикасында тауар белгілерін заңсыз пайдаланғаны үшін қылмыстық жауаптылықтың құқықтық аспектілерін қарастырып, оларды экономиканың тұрақты дамуы мен адал бәсекелестікті қамтамасыз ету үшін қорғаудың маңыздылығын атап өтті.*

Тауар таңбаларын бұзғаны үшін қылмыстық жауапкершілік пен санкцияларды енгізу зияткерлік меншікті қорғаудың маңызды құралы болып табылады, құқық иелерінің қаржылық шығындарының қаупін азайтады және контрафактілік өнімнің таралуына жол бермейді. Авторлар Франция мен Ұлыбританиядағы алғашқы заңнамалық актілерден бастап қазіргі заманғы нормаларға дейінгі Қазақстандағы және шетелдегі тауар белгілері туралы заңнаманың эволюциясын ашып, тарихи-құқықтық деректерді келтіреді.

Тауар таңбасын заңсыз пайдаланғаны үшін жауапкершілік шаралары бекітілген Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 222-бабына ерекше назар аударылды. Зерттеу көрсеткендей, құқық қолдану практикасы бірқатар қиындықтарға тап болады, мысалы, сауда белгілерінің бұзылуымен байланысты істердің сирек кездесуі және құқық бұзушылардың экономикалық залалын анықтаудағы қиындықтар. Зияткерлік құқықтарды қорғаудың тиімділігін арттыру үшін кешенді тәсілдің қажеттілігін көрсететін ірі залалды есептеудің екі тәсілі ұсынылған: құқық иесінің шығындары және лицензиялық төлемдердің құны бойынша.

Сот істерінің мысалдары мен статистика тауар белгісін қорғауға ықпал ететін және заңды иелер үшін бәсекелестік артықшылықты қамтамасыз ететін қатаң қылмыстық ықпал ету шараларының маңыздылығын көрсетеді.

Авторлар зиянды анықтау үшін өлшемшарттарды нақтылаудың маңыздылығы туралы қорытынды жасайды, бұл Қазақстандағы тауар таңбалары иелерінің құқықтарын қорғаудың құқықтық сенімділігі мен тиімділігін арттыруы мүмкін.

Түйінді сөздер: *тауар белгісі, тауар белгісін заңсыз пайдалану, зияткерлік меншік, қылмыстық жауапкершілік, Қылмыстық кодекс, санкция*

CRIMINAL LIABILITY FOR THE ILLEGAL USE OF TRADEMARKS: REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Kalmyrza Gaziza Makhkamkyzy
Master of Legal Sciences, doctoral student at Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: g.kalmyrza@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-5154-6180

Alayeva Gulnaz Tursunovna
Candidate of Legal Sciences, Professor at Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: g.alayeva@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1672-2238

Aralbayeva Aigerim Adilovna
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor at School of Law and Public Administration of Narxoz University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aralbaeva81@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-9505-9578

Ismagulov Kairat Eslyamkalievich
Doctor of Legal Sciences, Analyst of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: ismagulovqairat@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-3390-8273

Abstract. *The authors of the article consider the legal aspects of criminal liability for the illegal use of trademarks in the Republic of Kazakhstan, emphasizing the importance of their protection for the stable development of the economy and ensuring fair competition.*

The introduction of criminal liability and sanctions for trademark violations is an important tool for intellectual property protection. It helps to reduce the risk of financial losses to copyright holders and prevents the spread of counterfeit products. The authors provide historical and legal data, revealing the evolution of trademark legislation in Kazakhstan and abroad, starting with the first legislative acts in France and the United Kingdom and ending with modern standards.

Special attention is paid to article 222 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, which establishes liability measures for the illegal use of a trademark. The study shows that law enforcement practice faces a number of difficulties, such as the rarity of cases involving trademark violations and difficulties in determining the economic damage caused by violators. Two approaches to calculating major damage are presented: for the loss of the copyright holder and for the cost of royalties, which emphasizes the need for an integrated approach to improve the effectiveness of intellectual property rights protection.

Examples of court cases and statistical data demonstrate the importance of stricter criminal measures that contribute to the protection of trademark rights and provide a competitive advantage for legitimate owners.

The authors conclude that it is important to clarify the criteria for determining damage, which can increase the legal certainty and effectiveness of protecting the rights of trademark owners in Kazakhstan.

Keywords: *trademark, illegal use of a trademark, intellectual property, criminal liability, Criminal Code, sanction*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_164

Введение

Товарные знаки играют важную роль в современной экономике, служа средством индивидуализации товаров и услуг, а также инструментом для создания и поддержания репутации брендов. Незаконное использование товарных знаков (пиратство, контрафактная продукция, и плагиат) представляет серьёзную угрозу для правообладателей, потребителей и экономики в целом.

Как пишет Борчашвили И.Ш. «с развитием института интеллектуальной собственности, содержание которого характеризуется авторскими разработками, использованием индивидуальных программ, товарных знаков и новейших компьютерных технологий важ-

ным признается охрана интеллектуальной собственности с помощью различных законодательных инструментов [1, с. 426].

Наряду с этим, одним из наиболее сложных и спорных аспектов правовой защиты средств индивидуализации товаров и услуг является установление законодательных критериев, которым должно соответствовать обозначение для получения статуса товарного знака и соответствующей правовой охраны. Проблема индивидуализации товаров и услуг, а также их правовая охрана стала особенно актуальной в условиях увеличения числа конкурирующих производителей товаров и услуг в мире. Средства индивидуализации, такие как товарные знаки и наименования места происхождения товаров, помогают привлечь внимание потенциальных покупателей к товару, выделить его среди аналогичных товаров на рынке и облегчить его распознавание после знакомства с ним.

Создание равных условий для различных производителей, внедрение конкуренции в их деятельность и повышение ответственности, а также необходимость насыщения рынка товарами и услугами для удовлетворения потребностей населения обуславливают объективную потребность в правовом механизме, обеспечивающем должную индивидуализацию производимых товаров и услуг. В этой связи действующее законодательство закрепляет основные положения, обеспечивающие правовую охрану объектов интеллектуальной собственности, включая товарные знаки и наименования мест происхождения товаров.

Законодательство о товарных знаках в мире является относительно молодым. Анализ некоторых источников показывает, что первый закон о товарных знаках был принят 23 июня 1857 года во Франции – это был Закон о производстве и товарном знаке, который являлся не только первым в своем роде, но и устанавливал две системы охраны товарных знаков: охрану, основанную на факте раннего использования товарного знака, и охрану, предоставляемую по итогам подачи заявки и регистрации товарного знака [2].

В Великобритании Законом о товарных знаках от 7 августа 1862 года впервые установлена уголовная ответственность за имитацию товарного знака другого лица с целью введения в заблуждение. Закон о регистрации товарных знаков 1875 года предоставил возможность зарегистрировать товарный знак в ведомстве Великобритании. Данным законом впервые введено понятие охраноспособного товарного знака, определяя его как обозначение или знак, имя физического или юридического лица, напечатанные в особой и различительной манере; либо письменную подпись, либо копию письменной подписи физического или юридического лица; либо различительное лого или билет. Впоследствии был принят закон 1905 года, который был изменен в 1919 и 1937 годах, а в 1938 году был принят действующий ныне закон, существенно повлиявший на законодательство о товарных знаках в США и Японии. Этот закон впервые установил систему публикации заявок, которая была принята в Казахстане только в июне 2018 года. Закон содержал множество новшеств, которые впоследствии были приняты по всему миру, включая Казахстан [3].

Вопросы интеллектуальной собственности всегда имели значение для развития Республики Казахстан. В 2014 году в своем Послании народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» Первый Президент Республики Казахстан – Елбасы

Н.А. Назарбаев подчеркивал о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в области защиты интеллектуальной собственности[2].

Справочно:

В независимом Казахстане, развитие законодательства о товарных знаках началось с принятием в 1993 году Закона «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». Указанный Закон действовал более шести лет и утратил силу с принятием ныне действующего Закона Республики Казахстан от 26 июня 1999 года «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров»[3].

Регулирование товарных знаков в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) основывается на национальных законодательных актах каждой страны, а также

[2] *Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г. // https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g (дата обращения: 20.05.2024).*

[3] *Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года N 456«О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров». Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456_ (дата обращения: 01.06.2024).*

на соглашениях и договорах, подписанных в рамках ЕАЭС. Среди таких договоров ключевым является Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 года[4], который создает единые правила для охраны товарных знаков. Предусмотрена возможность регистрации товарных знаков в рамках единой системы на территории ЕАЭС, что снижает административные барьеры и ускоряет процесс получения правовой охраны.

С усилением экономической глобализации и развитием международной торговли необходимость защиты прав правообладателей товарных знаков стала особенно актуальной. Незаконное использование товарных знаков наносит ущерб не только производителям, но и подрывает доверие потребителей, снижает качество продукции на рынке и подрывает экономическую стабильность.

Для борьбы с этими явлениями страны ввели уголовную ответственность за незаконное использование товарных знаков, Уголовные санкции играют важную роль в борьбе с контрафакцией и другими формами нарушения прав на товарные знаки, поскольку они обеспечивают более серьезную защиту интеллектуальной собственности и сдерживают потенциальных нарушителей. Введение уголовной ответственности за незаконное использование товарных знаков подчеркивает важность защиты экономических и коммерческих интересов государства, предпринимателей и потребителей. Регулирование охраны товарных знаков эволюционировало от простых механизмов защиты до введения строгих мер уголовной ответственности. Эти меры помогают бороться с незаконной деятельностью и способствуют формированию благоприятной правовой среды для добросовестных участников рынка.

Более подробно вопросы уголовной ответственности за рассматриваемые преступления будет рассмотрен в разделе «Результаты и обсуждение».

Материалы и методы

При написании статьи использовались научные источники по товарным знакам, международные договоры и соглашения, а также применены следующие методы: историко-правовой, сравнительно-правовой метод и анализ правоприменительной практики.

Результаты и обсуждение

Регулирование уголовной ответственности за незаконное использование товарных знаков занимает важное место в правовых системах различных стран, однако подходы к решению этой проблемы значительно различаются. Международные договоры, такие как Парижская конвенция по охране промышленной собственности (далее – Парижская конвенция), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТАПИС) и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (далее – Мадридская система), создают общие рамки для защиты интеллектуальной собственности, однако национальные законодательства предлагают разные механизмы и меры ответственности.

Справочно:

Парижская конвенция, принятая 20 марта 1883 года, является одним из первых международных документов по вопросам охраны промышленной собственности, включает товарные знаки и предусматривает равные условия для всех государств-участников, обеспечивает национальный режим охраны товарных знаков. ТАПИС заключено в конце Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле в 1994 году - является частью системы Всемирной торговой организации, устанавливает минимальные стандарты охраны товарных знаков и обязывает государств-участников предусматривать уголовные и гражданские санкции за незаконное использование товарных знаков. Мадридская система от 28 сентября 1978 года управляется Всемирной организацией интеллектуальной собственности и позволяет правообладателям зарегистрировать товарный знак сразу в нескольких странах, что значительно упрощает процесс регистрации и снижает связанные с ним затраты.

Необходимо отметить, что в Казахстане за незаконное использование товарного знака предусмотрена уголовная, гражданская или административная ответственность.

Как правильно писала Амангельды А.А.: «Деление отраслей права происходит на основе двух критериев: предмета и метода правового регулирования. Вместе с тем ни одна отрасль права не существует сама по себе, нормы права находятся в тесной взаимосвязи. Право интеллектуальной собственности не является исключением. Обеспечивая регулирование общественных отношений в области творческой интеллектуальной дея-

[4] *Закон Республики Казахстан от 1 апреля 2021 года № 28-VII ЗРК. «О ратификации Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000028 (дата обращения: 01.06.2024).*

тельности, оно взаимодействует с иными отраслями права» [4].

Не заостряя внимание о видах ответственности, рассмотрим именно уголовную ответственность за незаконное использование товарных знаков.

Справочно;

При разработке и принятии Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), в том числе и норм, регламентирующих ответственность за незаконное использование товарных знаков, активно использовались положения Модельного Уголовного кодекса, рекомендательного законодательного акта 1996 года для стран-участниц СНГ [5, с.25].

Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака закреплена в статье 222 УК РК[5]. Деяния, предусмотренные частью первой и второй, относятся к уголовным проступкам[6] и совершаются умышленно, то есть лицо осознаёт противоправность использования чужого товарного знака, а также предвидит возможность или неизбежность причинения ущерба правообладателю и желает этого, либо сознательно допускает.

Если обратиться к правовой статистике, то за последние годы (с 2021 по 2023 гг.) в Казахстане было совершено 181 979 в 2021 году, в 2022 году – 184 244 и в 2023 - 165 660 уголовных правонарушений. По статье 222 УК РК в 2021 году было зарегистрировано 11 уголовных правонарушений и 10 окончено производством, в 2022 году – зарегистрировано и окончено производством – 9, в 2023 году - 7, окончены производством – 5.

За 9 месяцев 2024 года совершено 130 401 уголовных правонарушений, из них по статье 222 УК РК было зарегистрировано 2 правонарушения и окочено производством - 1.

Вышеизложенная статистика показывает, что уголовные правонарушения, связанные с незаконным использованием товарных знаков, остаются крайне редкими. Снижение числа дел, завершённых производством, говорит о сложностях в расследовании и доказывании фактов нарушения прав на товарные знаки.

Общественная опасность данных уголовных проступков заключается в существенном экономическом ущербе, который препятствует авторам и владельцам товарных знаков полноценно использовать свои достижения, получать надлежащие доходы и развивать производство. Нарушение прав на товарные знаки подрывает ключевые механизмы рыночной экономики, такие как добросовестная конкуренция и соблюдение прав и законных интересов других собственников.

Уголовная ответственность по статье 222 УК РК наступает лишь в случае причинения крупного ущерба.

Справочно:

В части второй статьи 199 «Незаконное использование товарного знака» УК РК 1997 года в качестве конструктивных признаков состава была определена неоднократность. В УК РК 2014 года такой признак уже отсутствует.

К примеру, в статье 180 УК Российской Федерации установлена уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, совершенное неоднократно или причинившее крупный ущерб. Определены, в качестве конструктивных признаков состава, - неоднократность и крупный ущерб.

Под крупным ущербом, согласно пункту 38) статьи 3 УК РК, следует понимать ущерб, причиненный гражданину на сумму, в двести раз превышающую месячный расчетный показатель (далее – МРП), либо ущерб, причиненный организации или государству на сумму, в две тысячи раз превышающую МРП.

Санкцией по части первой и второй предусматривается штраф в размере до 80 МРП либо исправительные работы в том же размере, либо привлечение к общественным работам на срок до восьмидесяти часов, либо арест на срок до двадцати суток.

Справочно:

В УК РК от 16 июля 1997 года (далее - УК РК 1997 года)[7] также была закреплена ответственность за незаконное использование товарного знака (часть первая статьи 199). Отличительной чертой этой статьи является то, что она охваты-

---

[5] *Уголовный кодек Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226. (дата обращения: 01.06.2024).*

[6] *В соответствии с частью третьей статьи 10 УК РК - уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.*

[7] *Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_ (дата обра-*

вает незаконное использование товарного знака, знака обслуживания, фирменного наименования, наименования места происхождения товара или сходных обозначений, но с условием, что нарушитель уже подвергался административному взысканию за аналогичное деяние в течение года. Санкцией предусматривался штраф в размере от 200 до 500 МРП, либо привлечением к общественным работам на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

Таким образом, указанная статья предусматривает ответственность только за повторное правонарушение, после административного наказания, тогда как статья 222 УК 2014 года может применяться сразу, без предварительных административных мер. Помимо этого, статья 199 УК 1997 года имела больше возможностей для строгого наказания, так как здесь предлагались более суровые меры наказания.

Примером применения части первой статьи 222 УК является уголовное дело, рассмотренное 01 марта 2024 года межрайонным судом по уголовным делам города Ш. в отношении А., который весной 2023 года снял в аренду помещение, где собирался изготавливать и выпускать напиток с использованием товарного знака «G.», принадлежавший ТОО «G.A.». Обвиняемый А. был привлечён к ответственности за незаконное использование товарного знака в целях материального обогащения и для дальнейшего сбыта на территории города Ш., причинив своими действиями крупный ущерб.

В процессе расследования и судебного разбирательства было доказано, что действия А. были умышленными и направлены на извлечение незаконной прибыли за счёт использования известного бренда. Суд вынес обвинительный приговор и назначил наказание в виде штрафа в сумме 138 000 (сто тридцать восемь тысяч) тенге, взыскано с А. в пользу ТОО «G.A.» сумма причиненного ущерба 12 533 846 (двенадцать миллионов пятьсот тридцать три тысячи двести восемьдесят сорок шесть) тенге 88 тиын. Помимо этого, с А. взыскана сумма государственной пошлины в сумме 376 015 (триста семьдесят шесть тысяч пятнадцать) тенге 40 тиын и принудительный платеж в Фонд компенсации потерпевшим в сумме 17 250 (семнадцать тысяч двести пятьдесят) тенге. А. для добровольного исполнения решения по гражданскому иску предоставили один месяц[8].

Сумма ущерба была определена судом на основании стоимости контрафактной продукции, изъятой в ходе расследования. В частности, было установлено, что на месте производства находилось 21 187 банок энергетического напитка под маркой «G.», стоимость которых составила 278 тенге 44 тиын за бутылку и 54 460 пустых жестяных банок под тем же брендом, стоимость которых была рассчитана по цене 57 тенге 11 тиын за банку. Общая сумма ущерба за изъятые банки (готовая продукция и пустые банки) составила 9 009 518 тенге 88 тиын.

Еще одним примером, является рассмотренное 22 апреля 2024 года межрайонным судом по уголовным делам города Ш. дело в отношении Д. по части первой статьи 222 УК РК, которая при неустановленных следствием обстоятельствах приобрела контрафактные подгузники «М.З.», товарный знак которого принадлежит ТОО «М.З.» и занималась продажей контрафактных подгузников без согласия правообладателя. В результате Д. было назначено наказание в виде штрафа в размере 40 месячных расчетных показателей (147 680 тенге), а также удовлетворён гражданский иск на возмещение ущерба в размере 25 839 000 тенге.

Касательно определения суммы ущерба в данном случае, судом на основании стоимости изъятых контрафактных подгузников, незаконно использующих товарный знак «М.З.», был рассчитан исходя из официальной цены 1 пачки подгузников, установленной правообладателем (5500 тенге за пачку), и умножен на общее количество контрафактных товаров, изъятых у Д. (4698 пачек). Общая сумма ущерба составила 25 839 000 тенге, что квалифицируется как крупный ущерб в соответствии с уголовным законодательством Республики Казахстан.

Анализ указанных судебных актов показывает, что правонарушители, особенно индивидуальные предприниматели, нередко заявляют, что приобрели контрафактные товары у третьих лиц, и, следовательно, не несут ответственности за нанесение чужих товарных знаков и введение контрафактной продукции в гражданский оборот.

Кроме наложения штрафа, суд также применяет конфискацию товаров, содержащих незаконно использованный товарный знак, знака обслуживания, наименование места происхождения товара или схожие обозна-

щения: 20.09.2024).

[8] *Банк судебных актов https://office.sud.kz/ (дата обращения: 20.09.2024).*

чения для однородных товаров или услуг.

Эти примеры подчёркивают необходимость строгого соблюдения прав на товарные знаки и важность ужесточения контроля за нарушениями в этой сфере, а также актуальность статьи 222 УК РК в правоприменительной практике.

На практике значительную сложность составляет определение суммы крупного ущерба по статье 222 УК РК. Как указывает Сеитова А.Н. на практике правообладателям не остается иного выхода, чем определить размер понесенных убытков в зависимости от стоимости оригинального товара с товарным знаком [6, с. 75-76]. Во многих случаях оценка причинённого ущерба требует тщательного анализа коммерческой деятельности правообладателя, стоимости нарушенных прав на товарные знаки и потенциальных экономических потерь. Кроме того, необходимо учитывать не только прямые финансовые убытки, но и косвенные последствия, такие как снижение репутации бренда, потеря клиентской базы и доли рынка.

Считаем, что отсутствие чётких критериев для оценки ущерба усложняет правоприменительную практику, что может привести к расхождениям в судебных решениях. В зависимости от специфики бизнеса и объёма контрафактной продукции, сумма крупного ущерба может сильно варьироваться, что затрудняет её определение в рамках уголовного дела.

По вопросу определения крупного ущерба выделяют два основных подхода:

1) при определении суммы ущерба необходимо учитывать действующие цены на продукцию, аналогичную контрафактной. Убытки «могут определяться по принципу: одна единица товара (продукции), реализованная с использованием чужого товарного знака, приравнивается к одной единице товара (продукции), не реализованной владельцем знака (правообладателем). Стоимость контрафактной продукции при этом устанавливается из расчета: сколько стоит аналогичная оригинальная единица товара в зависимости от той цены (оптовой или розничной), по которой этот товар незаконно был введен пиратом в гражданский оборот.

2) при исчислении крупного ущерба от незаконного использования товарного знака «за основу следует брать сумму платежей, которые нарушитель исключительных прав должен был бы произвести его обладателю в случае приобретения им лицензии на право использования товарного знака, размер которых в свою очередь равен части доходов, получаемых в результате такого использования [7, с. 292].

Первый подход позволяет точно оценить финансовый ущерб в тех случаях, когда контрафактная продукция полностью замещает оригинал на рынке и учитывает фактические потери в доходах правообладателя. Между тем, данный подход игнорирует косвенные убытки, такие как потеря репутации бренда, и не учитывает возможные последствия для долгосрочных продаж. Также сложно точно оценить ущерб, если контрафакт и оригинальная продукция не полностью замещают друг друга.

Второй подход учитывает права правообладателя на вознаграждение за использование его интеллектуальной собственности и более точно отражает справедливую компенсацию за использование знака. Она эффективна в случаях, когда нарушитель мог бы законно пользоваться товарным знаком, но уклонился от этого. Этот метод может недооценивать ущерб в случаях, когда нарушитель продавал продукцию в значительно больших объёмах, чем лицензионные соглашения обычно позволяют, или если контрафакт имел значительное влияние на рынок.

По нашему мнению, оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны, однако ни один из них не является идеальным в каждом конкретном случае. В зависимости от ситуации могут быть применимы оба метода.

Оптимальным вариантом является комбинированный подход. Суды могут использовать оба метода для комплексной оценки ущерба: основной ущерб можно исчислять на основе упущенной выгоды (первый подход), а дополнительную компенсацию — на основе лицензионных платежей (второй подход). Это позволит обеспечить более справедливое возмещение ущерба, как материального, так и нематериального, нанесённого правообладателю.

Более подробно рассмотрение уголовного законодательства в странах ближнего и дальнего зарубежья в части незаконного использования товарного знака, будет продолжена в следующих работах.

Заключение

Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков играет важную роль при защите интеллектуальной собственности как в Казахстане, так и во всем мире.

Анализ правоприменительной практики

показывает, что количество таких правонарушений остается крайне низким, что может быть связано как с трудностями в выявлении и расследовании, так и с недостаточной эффективностью правовых механизмов. Помимо этого, если доказать полное копирование бренда не сложно, то случаи смешанного копирования представляют сложность. Однако бывают спорные ситуации, где два разных товарных знака или продукции по-разному описаны, изображены.

Необходимым шагом для обеспечения эффективной защиты интеллектуальной собственности является введение более четких критериев определения крупного ущерба от незаконного использования товарных знаков. Рассмотренные подходы к определению ущерба обладают как преимуществами, так и недостатками, и ни один из них не является универсальным. В зависимости от обстоятельств дела, использование одного из методов может быть более обоснованным, однако в большинстве случаев оптимальным, по нашему мнению, является их комбинированное применение. Комбинированный подход предполагает оценку основного ущерба на основе упущенной выгоды, что позволяет учитывать реальные экономические потери правообладателя, а дополнительную компенсацию — по стоимости лицензионных платежей, что отражает справедливую компенсацию за использование знака. Такой подход даст возможность более полно возместить как материальный, так и нематериальный ущерб, нанесенный правообладателю, и повысит эффективность правоприменения в области защиты товарных знаков.

Анализ санкции по статье 222 УК показывает, что максимальный штраф составляет 80 МРП (80 * 3692 тенге = 295 360 тенге), что является недостаточной для сдерживания правонарушителей в сфере интеллектуальной собственности.

Хотелось бы отметить на несоответствие диспозиции части первой и второй статьи 222 УК РК, что может вызвать правовую неопределенность и затруднения в правоприменительной практике.

Помимо этого, в указанной статье имеется два разных объекта уголовных правонарушений. В первом случае речь идет о незаконном использовании уже зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности (товарных знаков, знаков обслуживания, фирменных наименований, географических указаний и наименований места происхождения товара) или сходных с ними обозначений. Во втором случае - о незаконном использовании предупредительной маркировки, указывающей на правовую защиту в отношении объектов, не зарегистрированных в Республике Казахстан.

Как общеизвестно, конструкция частей статей УК позволяет четко разграничивать основные и отягчающие составы уголовных правонарушений, а также обеспечивать правовую определенность и единообразное применение норм. Это особенно важно для правоприменителей, судей и адвокатов, которые должны точно понимать и правильно интерпретировать положения УК при рассмотрении дел. Часть первая статьи УК часто описывает основное деяние, квалифицируемое как уголовное правонарушение и содержит диспозицию, определяющую объективную сторону уголовного правонарушения, а также основные признаки состава уголовного правонарушения. В части второй статьи описывается отягчающие обстоятельства, усугубляющие ответственность: действия, совершенные с особой жестокостью; группой лиц по предварительному сговору; в отношении определенных категорий потерпевших, и т.д.

В обоих случаях уголовная ответственность наступает при причинении крупного ущерба гражданину на сумму, в двести раз превышающую месячный расчетный показатель, либо ущерб, причиненный организации или государству на сумму, в две тысячи раз превышающую месячный расчетный показатель (200*3692 тенге=738 400 тенге или 2000*3692=7 384 000 тенге).

Для поддержания консистентности в правоприменении требуется внесение изменений и дополнений в УК РК, а именно предлагается в статье 222 УК РК оставить уголовные правонарушения в сфере незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания, фирменного наименования, географического указания и наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров или услуг, а уголовные правонарушения в сфере незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Республике Казахстан товарного знака, знака обслуживания, географического указания и наименования места происхождения товара выделить в самостоятельную статью 222-1 УК РК.

Помимо этого, в предложенных статьях УК РК необходимо увеличить санкции, а

именно: «наказывается штрафом в размере до ста восьмидесяти месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до ста восьмидесяти часов, либо арестом на срок до сорока пяти суток.».

На наш взгляд, действующие санкции указанных статей не совсем отвечают целям наказания. Ужесточение послужит мощным сдерживающим фактором для потенциальных нарушителей. Более строгие наказания увеличивают риски для тех, кто рассматривает возможность незаконного использования товарных знаков, что способствует снижению уровня правонарушений.

Вклад авторов

Қалмырза Ғ.М. – введение, результаты и обсуждение, поиск и обработка статданных, заключение;

Алаева Г.Т. – составление списка библиографических источников, информация об авторах, обработка статданных, введение, заключение;

Аралбаева А.А. – аннотация, методология, результаты и обсуждение, заключение, оформление литературы, транслитерация;

Исмагулов К.Е. – изучение библиографических источников, результаты и обсуждение, обработка статданных, заключение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2. Bently L., Ginsburg J.C., Davis J. / The Making of Modern Trade Marks Law the Construction of the Legal Concept of Trade Mark (1860-1880) // Cambridge University Press. – 2008. - №6. – P.3-41.

3. Маклаков В.В. Конституция зарубежных государств. Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство БЕК, 1999. – 584 с.

4. Амангельды А.А. Взаимодействие права интеллектуальной собственности с отраслями публичного права в Республике Казахстан. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36373527&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 04.02.2025).

5. Кондрашина В.А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран. Дис…канд. юрид. наук. - Казань, 2004. - С. 159.

6. Сеитова А.Н. Правовое регулирование охраны и защиты товарных знаков в Республике Казахстан: вопросы теории и практики. Дисс…докт. философии (PhD). – Алматы, 2024. – 104 с.

7. Навроцкая А.С. Уголовная ответственность за незаконное использование средств индивидуализации: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства // Образование и прав. 2020. -№ 5. – С.291-298.

REFERENCES

1. Borchashvili I.Sh. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Kazahstan. Osobennaya chast' (tom 2). – Almaty: Zheti Zharғy, 2015. – 1120 s.

2. Bently L., Ginsburg J.C., Davis J./ The Making of Modern Trade Marks Law the Construction of the Legal Concept of Trade Mark (1860-1880) // Cambridge University Press. – 2008. - №6. – R. 3-41.

3. Maklakov V.V. Konstituciya zarubezhnyh gosudarstv. Uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Izdatel'stvo BEK, 1999. – 584 s.

4. Amangel'dy A.A. Vzaimodejstvie prava intellektual'noj sobstvennosti s otraslyami publichnogo prava v Respublike Kazahstan. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36373527&pos=6;-108#pos=6;-108 (data obrashcheniya: 04.02.2025).

5. Kondrashina V.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie tovarnogo znaka po zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnyh stran. Dis…kand. yurid. nauk. - Kazan', 2004. - S. 159.

6. Seitova A.N. Pravovoe regulirovanie ohrany i zashchity tovarnyh znakov v Respublike Kazahstan: voprosy teorii i praktiki. Diss…dokt. filosofii (PhD). – Almaty, 2024. – 104 s.

7. Navrockaya A.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie sredstv individualizacii: sravnitel'no-pravovoj analiz rossijskogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva // Obrazovanie i prav. 2020. - № 5. – S.291-298.

УДК 341:342(4/9)
ГРНТИ: 10.87.17

О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И КАЗАХСТАНЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аубакирова Индира Ураловна[1]
Доктор юридических наук, директор Института законодательства и правовой информации МЮ РК; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: aubakirova.i@zqai.kz; IstinaResearcherID (IRID): 22529478; eLIBRARY ID: 819608

Толеубек Айжан Аманбайкызы
Магистрант Maqsut Narikbayev University; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: aizhantoleubekk@gmail.com

Аннотация. *Право на конфиденциальность частной жизни относится к базовым правам человека и гражданина. Оно закреплено в международных правовых документах, конституциях государств, в том числе Конституции Республики Казахстан. В современных реалиях развития цифровых технологий аспекты, связанные с регулированием и реализацией указанного права, приобрели особую актуальность. В данной статье рассматриваются нормативные акты, закрепляющие нормы по защите персональных данных в Европейском союзе, проводится сравнительный их анализ с нормами казахстанского законодательства, а также рассматривается соответствующая правоприменительная практика. Особое внимание уделяется требованиям Общего Регламента о защите персональных данных (GDPR), который является основным нормативным документом, регулирующим обработку персональных данных физических лиц в рамках Европейского союза. Авторы исследуют особенности осуществления процедур сбора, обработки и сроков хранения персональных данных в Казахстане сквозь призму требований GDPR. Проводится сравнительный анализ текущей ситуации по защите персональных данных в законодательствах ЕС и РК, на основе которого предлагаются рекомендации по совершенствованию норм законодательных актов. В результате исследования выявлено наличие пробелов в правовом регулировании защиты персональных данных в ЕС и РК. Авторами было определено, что и в требованиях GDPR, и нормах законодательства Казахстана по защите персональных данных, отсутствует установление сроков хранения информации. Однако в случае GDPR существует прецедентная практика, компенсирующая неопределенность законодательства, тогда как для казахстанского законодательства подобный пробел чреват негативными последствиями. Анализ проблемы защиты персональных данных проводится на основе реальных судебных дел. Авторы акцентируют внимание на том, что ориентация казахстанского законодателя на европейские нормотворческие практики могло бы усилить защищенность казахстанских граждан в вопросах, касающихся их права на конфиденциальность частной жизни.*

Ключевые слова: *персональные данные, сроки хранения персональных данных, сбор и обработка персональных данных, регламент GDPR, закон РК «О персональных данных и их защите», право на частную жизнь, права человека, право на защиту персональных данных.*

ЖАЛПЫ ДЕРЕКТЕРДІ ҚОРҒАУ РЕГЛАМЕНТІ (GDPR) ТАЛАПТАРЫН ҚАЗАҚСТАН ЗАҢНАМАСЫНА ИМПЛЕМЕНТАЦИЯЛАУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Индира Ураловна Аубакирова
Заң ғылымдарының докторы, ҚР ӘМ Заңнама және құқықтық ақпарат институты директоры; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aubakirova.i@zqai.kz; IstinaResearcherID (IRID): 22529478; eLIBRARY ID: 819608

[1] *Автор для корреспонденции*

Айжан Аманбайқызы Төлеубек
Maqsut Narikbayev University магистранты; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: aizhantoleubekk@gmail.com

Аннотация. *Жеке өмірдің құпиялылығына құқық – адам мен азаматтың негізгі құқықтарының бірі. Бұл құқық халықаралық құқықтық құжаттарда және Қазақстан Республикасының Конституциясында бекітілген. Сандық технологиялардың дамуы жағдайында аталған құқықты реттеу және жүзеге асыру аспектілері ерекше өзектілікке ие болуда. Бұл мақалада Еуропалық Одақта дербес деректерді қорғау жөніндегі нормаларды бекітетін нормативтік актілер қаралады, оларды қазақстандық заңнама нормаларымен салыстырмалы талдау жүргізіледі, сондай-ақ тиісті құқық қолдану практикасы қаралады. Еуропалық Одақ шеңберінде жеке тұлғалардың дербес деректерін өңдеуді реттейтін негізгі нормативтік құжат болып табылатын дербес деректерді қорғау туралы жалпы Регламенттің (GDPR) талаптарына ерекше назар аударылады. Авторлар Қазақстандағы дербес деректерді жинау, өңдеу және сақтау мерзімдерін жүзеге асыру ерекшеліктерін GDPR талаптары тұрғысынан зерттейді. Еуропалық Одақ пен Қазақстан Республикасының дербес деректерді қорғау саласындағы заңнамалық жағдайының салыстырмалы талдауы жүргізіледі. Осы талдаудың негізінде заңнамалық актілер нормаларын жетілдіруге қатысты ұсыныстар жасалған. Зерттеу нәтижесінде ЕО мен ҚР-дағы дербес деректерді құқықтық реттеуде олқылықтардың бар екендігі анықталды. Авторлар GDPR талаптарында да, Қазақстан Республикасының дербес деректерді қорғау туралы заңнамасында да ақпаратты сақтау мерзімінің нақты белгіленбегенін атап көрсетеді. Алайда, GDPR жағдайында заңнамалық белгісіздікті өтейтін прецеденттік практика бар, ал Қазақстан заңнамасында мұндай олқылық жағымсыз салдарға әкелуі мүмкін. Дербес деректерді қорғау мәселесі нақты сот істерінің негізінде талданады. Авторлар Қазақстан заңнамасының еуропалық заң шығару тәжірибелеріне бағдарлануы ел азаматтарының жеке өмірдің құпиялылығы құқығы саласындағы қорғалу деңгейін арттыра алатынын атап өтеді.*

Түйінді сөздер: *дербес деректер, дербес деректерді сақтау мерзімдері, дербес деректерді жинау және өңдеу, GDPR регламенті, ҚР «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» заңы, жеке өмірге құқық, адам құқықтары, дербес деректерді қорғау құқығы.*

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GENERAL DATA PROTECTION REGULATION (GDPR) REQUIREMENTS INTO THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN

Aubakirova Indira Uralovna
Doctor of Law, Director of the Institute of Legislation and Legal Information of the Ministry of Justice of the RK; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aubakirova.i@zqai.kz; IstinaResearcherID (IRID): 22529478; eLIBRARY ID: 819608

Toleubek Aizhan Amanbaykyzy
Master's Student at Maqsut Narikbayev University; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: aizhantoleubekk@gmail.com

Abstract. *The right to privacy is one of the fundamental human and civil rights. It is enshrined in international legal instruments and the Constitution of the Republic of Kazakhstan. In the modern era of digital technology development, issues related to the regulation and implementation of this right have gained particular relevance. This article examines the regulations that establish the norms for the protection of personal data in the European Union, conducts a comparative analysis of them with the norms of Kazakh legislation, and also examines the relevant law enforcement practice. Particular attention is paid to the requirements of the General Data Protection Regulation (GDPR), which is the main regulatory document governing the processing of personal data of individuals within the European Union. The authors analyze the peculiarities of personal data collection, processing, and retention periods in Kazakhstan through the lens of GDPR requirements. A comparative analysis of the current situation regarding personal data protection in the legislation*

of the EU and Kazakhstan is conducted, based on which recommendations for improving legislative norms are proposed. The study identifies gaps in the legal regulation of personal data protection in both the EU and Kazakhstan. The authors determine that both GDPR requirements and the norms of Kazakhstan's legislation on personal data protection lack explicit provisions regarding data retention periods. However, in the case of GDPR, there is established case law that compensates for legislative uncertainty, whereas for Kazakhstan's legal system, such a gap may lead to negative consequences. The analysis of personal data protection issues is based on real court cases. The authors emphasize that aligning Kazakhstan's legislative framework with European regulatory practices could enhance the protection of Kazakhstani citizens in matters related to their right to privacy.

Keywords: *personal data, data retention periods, personal data collection and processing, GDPR regulation, Law of the Republic of Kazakhstan "On Personal Data and Their Protection", right to privacy, human rights, right to personal data protection.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_174

Введение

В современном мире эволюция международного права, включая сферу прав человека, объективно актуализирует проблематику соотношения его с национальным законодательством. Цифровые технологии приобретают особую значимость, влияя на темпы модернизации экономики, развитие сфер образования, здравоохранения, культуры. Позитивной стороной этого феномена является улучшение бизнес-процессов, расширение спектра коммуникационных возможностей и доступа к информации, распространение онлайн-образования, развитие телемедицины и других технологий в сфере здравоохранения. Цифровые технологии, безусловно, подняли на более высокий уровень качество оказания государственных и банковских услуг, вовлекая широкие слои населения в использование потенциала электронного правительства.

Вместе с тем, в стремительно меняющихся условиях цифровой эпохи проблематизируется вопрос защиты персональных данных. С каждым годом объем личной информации, собираемой, обрабатываемой и хранимой организациями, в том числе государственными, увеличивается в геометрической прогрессии. Данный процесс становится предметом рассмотрения как отечественных, так и зарубежных ученых и практиков с точки зрения роста потребности в релевантных механизмах обеспечения защиты граждан от использования их личных данных в преступных или недобросовестных целях. По существу, сегодня концепция защиты частной жизни приобрела ключевой аспект в проблематике прав человека и гражданина. Защита персональных данных, являясь неотъемлемой частью конституционного права личности на конфиденциальность своей частной жизни, безусловно, имеет глубокий международно-правововой контекст. В казахстанском юридическом дискурсе справедливо подмечается, что международный опыт демонстрирует различные подходы к регулированию области защиты права на неприкосновенность частной жизни. Так, к частной жизни публичной фигуры допускается более повышенный общественный интерес, чем к обычному гражданину [1]. При этом отечественные ученые-конституционалисты дают следующее определение: «Под правом человека и гражданина на личную неприкосновенность понимается закрепленное в Конституции и законодательстве Республики субъективное право каждого человека на всемерную защиту со стороны государства не только физической, психической и духовной жизни индивида, но и тех условий, которые создают ему возможность беспрепятственно пользоваться своими благами для реализации личных потребностей, если это не противоречит интересам индивида, общества и государства» [2].

Важнейшим инструментом защиты права на приватность в период масштабного использования информационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта (ИИ), является разработка государствами соответствующих стандартов по обработке и хранению персональных данных. При этом внедрение подобных систем вызывает среди юридической общественности особое внимание, учитывая, что эта сфера тесно сопряжена с принципом конституционной неприкосновенности частной жизни. Как отмечается в научной литературе, сегодня актуализировалась потребность в четких международных стандартах разработки и использования технологий искусственного интеллекта, которые бы устанавливали запреты и ограничения в тех направлениях деятельности, которые входят в противоречие

с идеей конституционализма. Например, на использование ИИ для массового распознавания лиц и других форм биометрической идентификации публичными и частными субъектами [3].

В настоящее время правовые механизмы контроля и защиты, направленные на обеспечение безопасности личных данных граждан, активно внедряются на европейском пространстве. Заметим, что институт защиты персональных данных и зародился в Европе еще в XIX веке, когда юристы, прежде всего, адвокаты, ратовали за регулирование вопросов, связанных с личной информацией (соблюдение privacy). На это большое влияние оказала христианская традиция тайны исповеди. Сегодня к личной информации относится намного более широкий перечень данных, включая системы биометрических и иных данных, хранящихся в удостоверяющих личность документах, используемых в современных государственных и иных организациях.

В Казахстане государственной структурой, в компетенцию которой входит обеспечение защиты персональных данных, основываясь на принципах законности и конфиденциальности, является Комитет по информационной безопасности Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности. Нормативно-правовое сопровождение сферы обеспечения кибербезопасности и разработка соответствующих рекомендаций по защите персональных данных входит в число основных функций Комитета. Однако сфера защиты персональных данных с неизбежностью входит в той или иной степени в круг полномочий фактически всех государственных органов. Глава государства К.-Ж.К Токаев в этом ракурсе на расширенном заседании Правительства 28 января 2025 года отмечал необходимость объединения усилий Правительства, Комитета национальной безопасности, Генеральной прокуратуры и других ведомств, чтобы помочь МВД РК в раскрытии разного рода преступлений для обеспечения максимальной защиты персональных данных граждан. Учитывая, что рассматриваемая проблематика носит развивающийся и одновременно злободневный для страны характер, и при этом практика зачастую опережает процессы по совершенствованию правового регулирования рассматриваемой сферы, то, полагаем, для казахстанских государственных органов было бы весьма плодотворным познать особенности опыта европейских стран.

Материалы и методы

Материалами для данной статьи стали нормативные требования стран-участниц Европейского Союза, установленные в Общем Регламенте о защите персональных данных (GDPR), материалы по правовому регулированию сферы защиты персональных данных в Республике Казахстан, а также судебные дела. Изучены нормы законодательства европейских стран в правовом регулировании отношений, связанных с правом граждан на конфиденциальность частной жизни. В ходе исследования использовались сравнительно-правовой, диалектический, аналитический, логический и структурно-функциональный методы научного познания.

Результаты и обсуждение

Обратимся к сравнительному анализу казахстанского законодательства с подходами к правовому регулированию рассматриваемых проблем в европейском законодательстве. Вопрос защиты персональных данных и права на частную жизнь является одной из ключевых тем в современных правовых системах, особенно в условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации информационных потоков. Казахстанское законодательство в данной сфере основывается на ряде международных и национальных правовых актов, которые в совокупности формируют систему защиты персональных данных. В этом разделе представлен детальный анализ основных источников права, регулирующих рассматриваемую область, с акцентом на различия между казахстанским и европейским подходами.

Основные источники права, касающиеся предмета рассматриваемой проблематики.

Защита персональных данных и право на неприкосновенность частной жизни регламентируются как международными, так и национальными правовыми актами. Основные источники права в данной области включают следующие нормативные документы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (ратифицирован Казахстаном 28 ноября 2005 года).

Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) является одним из ключевых международных документов, закрепляющих базовые права и свободы человека, включая право на частную жизнь.

— Статья 17.1. пакта закрепляет право каждого человека на защиту от произволь-

ного или незаконного вмешательства в его частную жизнь, семью, жилище или переписку, а также от посягательств на его честь и репутацию.

— В контексте персональных данных данное положение интерпретируется как гарантия защиты информации, относящейся к частной жизни человека. Это подчеркивает необходимость строгого регулирования сбора, хранения и обработки персональных данных, исключая их неправомерное использование.

— Пакт накладывает на государства-участники обязательства по созданию законодательной базы, обеспечивающей реализацию данного права. Казахстан, ратифицировав данный пакт, принял на себя международные обязательства по защите персональных данных и внедрению соответствующих законодательных норм.

— Комитет по правам человека ООН, уполномоченный толковать положения Пакта, неоднократно подчеркивал важность защиты персональных данных как неотъемлемой части права на частную жизнь.

Таким образом, нормы МПГПП служат основой для национального законодательства Казахстана в области защиты персональных данных, определяя общие принципы, которые должны быть учтены при разработке законов и правоприменительной практики.

2. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 (принят 27 апреля 2016 года и вступил в силу 25 мая 2018 года).

Общий регламент о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR) — это фундаментальный нормативный акт ЕС, регулирующий обработку персональных данных физических лиц. Этот документ, принятый 27 апреля 2016 года и вступивший в силу 25 мая 2018 года, считается одним из самых строгих и современных стандартов защиты персональных данных в мире.

— GDPR устанавливает строгие требования к обработке персональных данных, обеспечивая их законность, добросовестность и прозрачность, а также ограничивая их использование только заранее определенными и законными целями. Регламент вводит принцип минимизации данных, требуя сбора только необходимого объема информации, а также устанавливает ограничение сроков хранения, согласно которому персональные данные не могут храниться дольше, чем необходимо.

— Данный документ вводит строгие требования к операторам персональных данных, включая необходимость получения согласия на обработку, обязательства по защите данных и права граждан на доступ к своим данным, их исправление или удаление.

Таким образом, GDPR представляет собой один из наиболее детализированных нормативных актов в сфере защиты персональных данных, устанавливая высокие стандарты обработки, хранения и безопасности информации. Казахстан не является участником GDPR. Однако его требования оказывают значительное влияние на национальные стандарты регулирования персональных данных во многих странах, что позволяет рассматривать их в качестве ориентира и для совершенствования казахстанского законодательства, гармонизации его с лучшими практиками в сфере защиты права на частную жизнь.

3. Конституция Республики Казахстан (принята 30 августа 1995 года на всенародном референдуме).

— В соответствии со статьей 1 Конституции РК, высшей ценностью государства признается человек, его жизнь, права и свободы.

— Статья 18 Конституции закрепляет основные принципы защиты личных данных, утверждая право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Диспозиция указанной статьи гарантирует защиту чести и достоинства граждан.

Конституция Казахстана служит фундаментом формирования национального законодательства в области защиты персональных данных, устанавливают правовую основу для разработки специализированных законов и механизмов защиты данных, обеспечивая основные гарантии конфиденциальности и недопустимости незаконного сбора и распространения личной информации,

4. Закон Республики Казахстан «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года.

— Регулирует вопросы сбора, обработки, хранения и защиты персональных данных на территории Казахстана.

— Устанавливает правила взаимодействия между субъектами персональных данных, операторами и уполномоченными органами.

— С учетом необходимости обеспечения прав и свобод граждан в процессе обработки персональных данных предусматривает ответственность за нарушение установленных норм.

Указанному закону принадлежит важнейшая роль в обеспечении правовой защиты персональных данных, установлении инструментария по их обработке и хранению. Он нацелен на обеспечение права на конфиденциальность и безопасность личной информации, регулирование взаимоотношений между субъектами персональных данных, операторами и государственными органами.

Закон имеет особую значимость в формировании и развитии национальной системы правового регулирования рассматриваемой сферы, и его положения необходимо соотносить с международными стандартами, заимствовать лучшие зарубежные подходы в правовом регулировании.

Сравнительный анализ правовых положений в области персональных данных согласно GDPR и РК.

1. Общее и особенное в основных положениях GDPR и законодательстве Республики Казахстан по защите персональных данных.

Общий регламент по защите данных (GDPR) дает следующее определение понятия персональных данных – это «любая информация, относящаяся к субъекту данных, то есть идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу. Под «поддающимся идентификации физическим лицом» понимается лицо, которое можно прямо или косвенно идентифицировать, в частности, посредством ссылки на идентификатор, такой как имя, идентификационный номер, данные о местоположении, онлайновый идентификатор, либо на один или несколько факторов, специфичных для физической, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности этого физического лица.

Если обратиться к Закону Республики Казахстан «О персональных данных и их защите», то в нем под персональными данными понимаются сведения, относящиеся к определенному или определяемому на их основании субъекту персональных данных, зафиксированные на электронном, бумажном и (или) ином материальном носителе.

Исходя из проведенной аналогии, следует отметить, что ряд признаков, зафиксированных в GDPR, казахстанский законодатель не счел необходимым включить в определение понятия персональных данных.

Сходство в двух рассматриваемых правовых актах наблюдается по следующим позициям:

- Относительно сбора минимально необходимых данных:

GDPR (5 статья) устанавливает принцип минимизации данных, по которому собираемые данные должны быть ограничены лишь необходимой для конкретных целей обработки.

Закон РК (7 статья, п.8) закрепляет аналогичный принцип, подразумевающий сбор и обработку только тех персональных данных, которые необходимы для достижения заявленных целей.

- Относительно прозрачности процесса сбора:

GDPR (5 статья) требует, чтобы обработка персональных данных осуществлялась на основе открытости и прозрачности, необходимости предоставления соответствующим субъектам сведений о целях, правовом основании и других аспектах обработки затрагивающей их информации.

Закон РК (7 статья) фиксирует, что субъекты данных должны быть информированы об обработке их персональных данных, а цели обработки должны быть определены заранее и легко доступны.

- Относительно согласия субъекта данных:

GDPR (5 статья) требует получение четкого согласия от субъекта данных на обработку его личной информации, если нет иного законного основания для этой обработки.

Закон РК (8 статья) закрепляет необходимость согласия субъекта на обработку его персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных законом.

- Относительно определения сроков хранения:

GDPR (5 статья) закладывает принцип ограничения сроков хранения данных, указывая, что данные должны храниться лишь столько, сколько необходимо для достижения целей обработки.

Закон РК (7 статья, п.8; статья 24, п.1) аналогично предусматривает определение сроков хранения персональных данных в зависимости от целей их обработки.

2. Пробельность, связанная с защитой персональных данных в ЕС и РК.

Рассматривая и анализируя два указанных выше основных акта, можно определить следующее:

2.1. Особенности отсутствия норм, регулирующих сроки хранения

Как в GDPR, так и в казахстанском законе утверждаются лишь общие принципы, требующие хранения персональных данных в

течение определенного периода, необходимого для целей обработки данных. Полагаем, что подобная пробельность влечет негативные последствия.

Проиллюстрируем проблемы, связанные со сроками хранения данных на материалах дела "Google против Испании". В 2014 году гражданин Испании Марио Костеха Гонсалес обратился с запросом к компании Google об удалении информации о его финансовых трудностях. Конфликт, возникший вокруг этого случая, связан с несовершенством правовых механизмов обеспечения безопасности обработки персональных данных в Интернете. В судебном решении по данному делу было подчеркнуто, что граждане ЕС имеют право требовать удаления своих персональных данных из поисковых систем, если эти данные устарели или перестали быть актуальными. Важно отметить, что указанное дело "Google против Испании" (Google spain sl, Google inc. v. agencia espanola de proteccion de datos, Mario Costeja Gonzalez) отразило необходимость особого внимания к соблюдению сроков хранения, предусмотренных в GDPR. Вынесенное решение было в пользу Марио Костеха Гонсалеса и благодаря ему признано право граждан требовать удаления устаревших или неактуальных персональных данных из поисковых систем. Также возник судебный прецендент, согласно которому поисковые сервисы, такие как Google, были обязаны соблюдать установленные сроки хранения данных, тем самым подчеркивалась важность соблюдения GDPR в отношении обработки и хранения персональных данных [4].

Аспекты данной проблемы также достаточно определенно проявились в деле «Гохран против Соединенного Королевства» (Gaughran v. The United Kingdom). Заявитель был задержан за вождение в нетрезвом виде в Северной Ирландии. В этот день у властей были взяты его биометрические данные, включая отпечатки пальцев и образец ДНК. Заявитель потребовал уничтожения или возврата своих данных, что было отклонено. Высший суд Северной Ирландии и Верховный суд Великобритании признали «вмешательство в права заявителя», однако посчитали это оправданным и соразмерным, поскольку вождение автомобиля в алкогольном состоянии является серьезным правонарушением. В своем решении ЕСПЧ отметил, что долгосрочное хранение биометрических данных после задержания было несоразмерным и нарушало стандарты, установленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5]. Решение отразило важность соблюдения принципов демократии, обеспечения контроля и возможности обжалования решений при сборе и хранении подобных данных. Оно ориентирует на необходимость соблюдения баланса между интересами государства и правами частных лиц. Решение ЕСПЧ послужило важным прецедентом по укреплению прав граждан в сфере сбора, сроков хранения и использования биометрических данных в контексте ситуаций, касающихся пределов сроков хранения данных.

Заметим, в современных условиях вопрос о сроках хранения данных становится особенно актуальной в связи с развитием Big Data и автоматизированной обработкой информации. Как справедливо отмечается в юридической литературе, в современных реалиях цифровой эпохи традиционные механизмы защиты персональных данных уже не могут в полной мере обеспечивать безопасность хранения информации. При этом принципы GDPR хотя и создают основу для защиты персональных данных, но не всегда отвечают требованию надлежащего хранения информации. В условиях растущего объема данных и их трансграничного перемещения усиливается значимость не только четкого определения сроков хранения персональных данных, но и эффективного механизма контроля за их соблюдением [6].

Можно констатировать, что в правовом регулировании защиты персональных данных (и в требованиях GDPR, и в законодательстве Республики Казахстан) наблюдается отсутствие установления четких временных рамок для хранения информации. Однако при этом следует отметить, что на практике в условиях реализации положений GDPR играет значимую роль прецедентная (адаптационная) практика, компенсирующая подобную неопределенность. Тогда как казахстанская система работает иначе, и фактор неопределенности в правовом регулировании затрудняет и ухудшает правоприменительную практику, создавая возможность произвольных трактовок при определении оптимальных периодов хранения данных. Подобный пробел создает широкую дискрецию в толковании соответствующих положений. Отсутствие должного регулирования сроков хранения персональных данных, на наш взгляд, на практике создает условия для ненадлежащей охраны персональных данных и их неправомерного уничтожения.

Итак, в случае с Европейским союзом неопределенность в установлении сроков хранения персональных данных является не столь критичной проблемой, по сравнению с Казахстаном, поскольку там развита прецедентная практика, которая может устранить неоднозначность толкования норм законодательства, снизив потенциальные негативные последствия.

2.2. Опыт государств-членов ЕС в отношении сроков хранения персональных данных

Государства-члены Европейского союза имеют возможность адаптировать Регламент GDPR под свое национальное законодательство. Германия, к примеру, обязана следовать GDPR, но также она вправе адаптировать те или иные его положения к национальному законодательству. В германском законодательстве сроки хранения данных подразделены на категории с учетом специфики конкретной сферы. Так, банковские и бухгалтерские документы могут храниться до 10 лет, деловые письма до 6 лет, медицинские записи от 10 до 30 лет, трудовые документы – после окончания рабочих отношений до 6 лет [7]. Возможность адаптировать регламент GDPR под свои потребности свидетельствует о гибкости в подходах к стандартам и важности их адаптации с учетом особенностей национального законодательства. Подобный подход подразумевает необходимость соответствия местным условиям, правовой культуре и правовой идентичности. В отличии от государств-членов ЕС, отсутствие конкретных норм в казахстанском законе по срокам хранения персональных данных создает ситуацию неопределенности для соответствующих организаций и влечет высокую долю субъективизма и разночтений.

2.3. Проблематика эффективности политики конфиденциальности

Политика конфиденциальности неразрывно связана с аспектами сбора, обработки и сроков хранения персональных данных и определяет обязательства, которые организации, носители информации и операторы должны соблюдать при работе с персональными данными. Она нацелена на то, чтобы защитить право граждан на конфиденциальность путем установления строгих требований по предотвращению неправомерного использования персональных данных. Политика конфиденциальности подразумевает честное, законное и безопасное обращение с личной информацией, гарантию того, что персональные данные будут использоваться в соответствии с законом и уважением к праву на защиту частной жизни каждого человека.

Следует присоединиться к мнению Элены Гил Гонсалес и Пола де Херт, согласно которому отсутствие четкости в правовом регулировании обработки и профилирования персональных данных повышает правовые риски. Субъекты персональных данных не всегда могут контролировать, каким образом информация используется в дальнейшем. Авторы подчеркивают, что принципы прозрачности и справедливости, закрепленные в GDPR, могут компенсировать возникающие неопределенности, особенно в случаях автоматизированного принятия решений. GDPR требует от компаний внедрения механизмов справедливости и подотчетности, чтобы минимизировать риски дискриминации, необоснованного профилирования и недостаточной информированности пользователей о целях обработки данных. Такой подход становится особенно актуальным в условиях стремительного роста автоматизированного анализа данных и технологий искусственного интеллекта [8].

Пробелы в регулировании и отсутствие четких стандартов создает среду, где злоумышленники могут использовать персональные данные в мошеннических целях, включая фишинг, кибератаки. Так, интернет-ресурсы могут хранить на устройствах пользователей невидимые файлы, называемые «cookie», которые отслеживают активность в сети. Эти файлы позволяют владельцам сайтов собирать и анализировать информацию о пользователях, что может нарушать их право на конфиденциальность частной жизни [9]. В литературе описывается механизм работы cookies с указанием их преимуществ (например, ускорение загрузки страниц), а также их недостатки, связанные с неконтролируемым сбором данных и рисками киберугроз. Автоматизированные алгоритмы, встроенные в маркетинговые платформы и социальные сети могут анализировать поведение пользователей, составляя их цифровые профили без согласия. Согласно статье 4 GDPR, нарушение безопасности персональных данных определяется как «событие, приводящее к случайному или незаконному уничтожению, потере, изменению, несанкционированному разглашению или доступу к передаваемым, хранимым или обрабатываемым персональным данным». Исследователи предлагают рекомендации по защите персональных данных

в интернете, включая использование VPN, отказ от хранения паролей в браузерах, применение анонимных поисковых систем и ограничение работы cookie-файлов. Эти аспекты особенно важны в условиях возрастающего цифрового отслеживания, когда пользователи часто не осознают масштаб сбора касающейся их информации [10].

2.4 Резонансные дела, связанные с нарушением персональных данных

Проиллюстрируем важность рассматриваемой проблематики в ракурсе реальных практических ситуаций. Одно из громких дел связано было с деятельностью Управления комиссара по информации Соединенного Королевства (ICO) в отношении компании «British Airways». Данный кейс произошел в сентябре 2018 года и был связан с перенаправлением трафика пользователей с сайта «British Airways» на ложный сайт, через который мошенники собирали данные клиентов, получив в результате доступ к личной информации примерно 500 000 клиентов, включая информацию о платежных картах, бронировании путешествий, имя и адрес проживания. Компания была оштрафована на 204 600 000 евро за нарушение статьи 32 GDPR о безопасности обработки персональных данных [11].

Казахстанское информационное пространство также время от времени сотрясают новости об утечке персональных данных граждан. Так, в феврале 2020 году произошла утечка информации из баз Генпрокуратуры РК. О том, что данные, которые находятся в базе указанного государственного органа, стали доступны для пользователей Сети, сообщили специалисты Центра анализа и расследования кибератак (ЦАРКА). Согласно их сообщению, «утечка охватывает данные всех граждан Казахстана и иностранцев, по которым когда-либо проводилось административное делопроизводство. Система в настоящее время передает в Интернет разнообразную информацию, включая штрафы, предупреждения, адреса проживания, фотографии нарушителей, номера автомобилей, данные из техпаспортов, информацию о владельцах имущества и многое другое. Особенно беспокойным является то, что доступ к системе позволяет не только получать данные, но и редактировать их, удалять или создавать фиктивные дела» [12].

Другой резонансный случай связан с функционированием приложения «Damumed», разработанного для удобства медицинского обслуживания населения. ЦАРКА получил анонимное сообщение, в котором утверждалось, что конфиденциальная информация «сотен тысяч пациентов» из сети клиник стала публично доступной. Вскоре была официально подтверждена информация о передаче данных третьим лицам. Аналитики ЦАРКА считают, что утечка произошла из-за элементарной ошибки – несанкционированного доступа к медицинским документам организации [13].

Стоит отметить, что Закон РК «О персональных данных и их защите» не содержит требования о необходимости уведомления государственных органов или клиентов о произошедшей утечке данных, за исключением случаев, когда утечка касается персональных данных ограниченного доступа или является критичной для общественных объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры. Полагаем, подобное требование надо предусмотреть в указанном законе.

2.5 Особенности защиты персональных данных в положениях Регламента GDPR с позиции подходов к данной сфере в Казахстане

Регламент GDPR более эффективен в вопросе установления конфиденциальности данных по сравнению с Законом РК «О защите персональных данных». В тексте Закона РК, к примеру, отсутствует понятие «чувствительные данные», которое широко используется в европейском законодательстве. «Чувствительные данные» включают информацию, обработка которой может представлять повышенные риски для прав и свобод человека. К таким данным европейский законодатель относит сведения о расовой или этнической принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, сексуальной ориентации, генетические и биометрические данные. GDPR устанавливает сравнительно более высокие стандарты в обеспечении защиты рассматриваемого права граждан, требуя от организаций подтверждения, принимаемых ими мер безопасности. Такой подход способствует повышению кибербезопасности, снижению рисков и защите конфиденциальности личной информации. GDPR предусматривает высокие штрафы за нарушения, что стимулирует компании активнее улучшать принимаемые ими меры безопасности.

Полагаем, в Казахстане необходимо ужесточить систему санкций за нарушение и невыполнение требований законодательства

о персональных данных, поскольку ужесточение законодательства может стать серьезным стимулом для компаний и самого населения к соблюдению требований по защите персональных данных. В противном случае конфиденциальность и права человека на частную жизнь могут быть нарушены при обработке, сборе и хранении информации по вине персонала компании и самой компании, а значит, привести к серьезным инцидентам в вопросах информационной безопасности, что может повлечь непоправимый ущерб и многочисленные риски как для компании, так и для человека. Также Казахстану необходимо перенять опыт Европейского союза в информировании граждан о кибербезопасности. Сотрудничество государственных органов и общества в повышении осведомленности граждан о цифровых правах и защите персональных данных будет способствовать улучшению общей безопасности информационных ресурсов.

Необходимо отметить, важно использовать не только правовые, но и компьютерно-технические способы защиты информации. Использование технических методов, таких как «кибертуман», для защиты конфиденциальной информации является эффективным подходом. Суть «кибертумана» заключается в разбивке секретной информации на фрагменты, которые затем распределяются по различным серверам и устройствам конечных пользователей. Этот подход повышает уровень безопасности, поскольку даже в случае взлома одной части данных злоумышленнику не удается получить доступ ко всей информации. Подобный метод снижает риски преступных действий, усложняя доступ к конфиденциальной информации [14].

Следует во внимание принимать вопрос о рисках, связанных со стремительным использованием технологий искусственного интеллекта. Казахстан и другие страны нуждаются в четких международных стандартах разработки и использования технологий ИИ, в которых бы устанавливались «красная линия» для вторжения в частную жизнь отдельного человека, снижались бы риски доступа к персональным данным, в том числе биометрическим.

Заключение

В контексте обеих юрисдикций, а именно Республики Казахстан и Европейского Союза, можно выделить позитивные правовые инициативы, направленные на обеспечение безопасного сбора, обработки и хранения персональных данных. В процессе сравнительного анализа законодательных актов были выявлены схожие положения, различия и некоторые недостатки. Оба правовых документа подчеркивают важность ограничения периода хранения данных, получения согласия субъектов на их обработку, а также информирования субъектов о целях обработки, что соответствует принципу минимизации данных.

Тем не менее, выявлены определенные недостатки, такие как нечеткость и неопределенность сроков хранения персональных данных, отсутствие четких «норм» сроков хранения данных и неэффективность политики конфиденциальности, включая низкий уровень санкций за нарушение. Важно также отметить, что отсутствие ежегодных отчетов от Министерства цифрового развития и аэрокосмической промышленности (МЦРИАП) мешает предоставлению ясной картины ситуации в стране по утечкам персональных данных. Такая неопределенность может затруднить управление проблемами и угрозами в исследуемой сфере.

Релевантное ведение и хранение персональных данных требует эффективного правового регулирования. В этом контексте опыт Европейского союза весьма полезен с точки зрения установления строгих требований к обеспечению защиты персональных данных, предотвращению неконтролируемого их сбора и хранения. Пробельность в этой сфере может привести к злоупотреблениям со стороны соответствующих субъектов и росту кибер-мошенничества. Неопределенные сроки хранения данных могут стать причиной их утечки. Следует также отметить, что на данный момент законодательство РК не устанавливает обязанность уведомления государственных органов и граждан о случаях утечек данных, за исключением ситуаций, когда утечка касается персональных данных с ограниченным доступом или представляет серьезную угрозу для общественных объектов.

Опыт ЕС учит, что необходимо обеспечивать разумный баланс между безопасностью и прозрачностью в сфере обработки персональных данных. Казахстану необходимо ужесточить санкции за нарушение и невыполнение требований законодательства о персональных данных, поскольку подобная мера может стать серьезным стимулом для компаний и населения для соблюдения требований по защите персональных данных.

В завершение отметим, что существенную роль в обеспечении конфиденциальности персональной информации, а значит и кибербезопасности, играет правовая грамотность граждан. Изучение опыта Европейского союза в информировании граждан по вопросам информационной гигиены представляется особенно значимым. Осведомленные граждане менее подвержены угрозам в ракурсе сохранения персональных данных. В этом ракурсе эффективное взаимодействие государственных органов и гражданского общества в области повышения цифровой грамотности, знаний о способах защиты персональных данных является важным фактором усиления правовой защищенности казахстанцев.

Вклад авторов

Авторами статьи проведена совместная работа по исследованию перспектив имплементации GDPR в законодательство Казахстана.

Толеубек А.А. осуществила детальный анализ нормативно-правовой базы, изучила судебную практику, провела сравнительное исследование законодательства ЕС и РК, а также сформулировала ключевые выводы и рекомендации.

Аубакирова И.У., как научный руководитель, обеспечила экспертное сопровождение исследования, направляя его в соответствии с научными стандартами, участвовала в формировании аналитической базы и редактировании итогового текста. Оба автора внесли равнозначный вклад в разработку структуры статьи, анализ правоприменительной практики и подготовку выводов, что обеспечило всестороннее исследование заявленной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кужукеева Г. Право на частную жизнь и право на свободу выражения: проблемы соотношения / Портал Право и СМИ Центральной Азии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medialaw.asia/node/431 (дата обращения: 11.02.2025).

2. Конституция Республики Казахстан: научно-практический комментарий / рук. ред. кол.: И. И. Рогов. – Астана, 2018.

3. Аубакирова И.У., Молдабеков Б.С. Конституционно-правовые аспекты внедрения технологии искусственного интеллекта в правовую систему // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет / Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. - М.: Изд-во МосГУ, 2024.

4. Court of Justice of the European Union. Judgment of the Grand Chamber of 13 May 2014 in Case C-131/12 "Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González". – [Electronic resource]. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62012CJ0131 (date of reference: 01.01.2025).

5. European Court of Human Rights. Case of Gaughran v. The United Kingdom, Application No. 45245/15, Judgment of 13 February 2020. - [Electronic resource]. – Access mode: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-200817%22]} (date of reference: 01.01.2025).

6. Оганесян Т.Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – №. 2. – С. 48-63.

7. Overview of the retention periods of business records // Hermann Schwelling Maschinenbau (HSM). - [Electronic resource]. – Access mode: http://surl.li/pgarc (date of reference: 28.12.2024).

8. Gil González E., De Hert P. Understanding the legal provisions that allow processing and profiling of personal data—an analysis of GDPR provisions and principles // Era Forum. – Berlin/Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2019. – V. 19. – №. 4. – P. 597-621.

9. Tsesis A. The right to erasure: Privacy, data brokers, and the indefinite retention of data //Wake Forest L. Rev. – 2014. – V. 49. – P. 433-484.

10. Ткаченко А.Л., Сафронов Е.С., Кузнецова В.И. Анализ эффективности защиты персональных данных и проблема cookie файлов // Дневник науки. – 2021. – №. 6(54). – С. 57-65.

11. Великобритания оштрафует British Airways из-за утечки данных клиентов // Ведомости. 2019. 8 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/08/806042-velikobritaniya-mozhet (дата обращения 28.12.2024).

12. Обнаружена утечка данных из базы Генпрокуратуры РК // Казахстанское интер-

нет-издание Zakon.kz. – 2020. – 14 февраля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.zakon.kz/tekhno/5007366-obnaruzhena-utechka-dannyh-iz-bazy.html (дата обращения 25.12.2024).

13. Утечка данных тысяч пациентов произошла в Казахстане // TengriNews. – 2019. – 9 июля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/utechka-dannyih-tyisyach-patsientov-proizoshla-v-kazahstane-373363/ (дата обращения 25.12.2024).

14. Бегларян М.Е., Мамакаев Х.В. Кибератаки и законодательство РФ // Право и практика. – 2017. – №. 2. – С. 46-50.

REFERENCES

1. Kuzhukeeva G. Pravo na chastnuju zhizn' i pravo na svobodu vyrazhenija: problemy sootnoshenija / Portal Pravo i SMI Central'noj Azii. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://medialaw.asia/node/431 (data obrashhenija: 11.02.2025).

2. Konstitucija Respubliki Kazahstan: nauchno-prakticheskij kommentarij / ruk. red. kol.: I. I. Rogov. – Astana, 2018.

3. Aubakirova I.U., Moldabekov B.S. Konstitucionno-pravovye aspekty vnedrenija tehnologii iskusstvennogo intellekta v pravovuju sistemu // Pravovoe obespechenie social'noj spravedlivosti i gosudarstvennyj suverenitet / Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. T. A. Soshnikova. - M.: Izd-vo MosGU, 2024.

4. Court of Justice of the European Union. Judgment of the Grand Chamber of 13 May 2014 in Case C-131/12 "Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González". – [Electronic resource]. – Access mode: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:62012CJ0131 (date of reference: 01.01.2025).

5. European Court of Human Rights. Case of Gaughran v. The United Kingdom, Application No. 45245/15, Judgment of 13 February 2020. - [Electronic resource]. – Access mode: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-200817%22]} (date of reference: 01.01.2025).

6. Oganesjan T.D. Pravo na zashhitu personal'nyh dannyh: istoricheskij aspekt i sovremennaja konceptualizacija v jepohu Big Data // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. – 2020. – №. 2. – S. 48-63.

7. Overview of the retention periods of business records // Hermann Schwelling Maschinenbau (HSM). - [Electronic resource]. – Access mode: http://surl.li/pgarc (date of reference: 28.12.2024).

8. Gil González E., De Hert P. Understanding the legal provisions that allow processing and profiling of personal data—an analysis of GDPR provisions and principles // Era Forum. – Berlin/Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2019. – V. 19. – №. 4. – P. 597-621.

9. Tsesis A. The right to erasure: Privacy, data brokers, and the indefinite retention of data //Wake Forest L. Rev. – 2014. – V. 49. – P. 433-484.

10. Tkachenko A.L., Safronov E.S., Kuznecova V.I. Analiz jeffektivnosti zashhity personal'nyh dannyh i problema cookie fajlov // Dnevnik nauki. – 2021. – №. 6(54). – S. 57-65.

11. Velikobritanija oshtrafuet British Airways iz-za utechki dannyh klientov // Vedomosti. 2019. 8 ijulja. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/08/806042-velikobritaniya-mozhet (data obrashhenija 28.12.2024).

12. Obnaruzhena utechka dannyh iz bazy Genprokuratury RK // Kazahstanskoe internet-izdanie Zakon.kz. – 2020. – 14 fevralja. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.zakon.kz/tekhno/5007366-obnaruzhena-utechka-dannyh-iz-bazy.html (data obrashhenija 25.12.2024).

13. Utechka dannyh tysjach pacientov proizoshla v Kazahstane // TengriNews. – 2019. – 9 ijulja. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/utechka-dannyih-tyisyach-patsientov-proizoshla-v-kazahstane-373363/ (data obrashhenija 25.12.2024).

14. Beglarjan M.E., Mamakaev H.V. Kiberataki i zakonodatel'stvo RF // Pravo i praktika. – 2017. – №. 2. – S. 46-50.

УДК 341
ГРНТИ 10.87.51

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОСТУПА ГРАЖДАН К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

Кулжабаева Жанат Орынбековна
Кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь Института законодательства и правовой информации РК; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail:kulzhabai@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9443-5165; Scopus Author ID: 56027586900

Аннотация. *Данная статья рассматривает вопросы международного регулирования доступа граждан к культурному наследию. Отмечается, что культурное наследие рассматривается как основание цивилизационной идентичности, уникальности той или иной национальной или этнической группы. Государство оказывает воздействие на культурное развитие граждан, создает механизмы охраны и воспроизводства культурных ценностей. Автор статьи обозначил систему международных правовых актов по вопросам охраны и защиты культурного наследия, специальных международных органов, осуществляющих функции контроля в рассматриваемой сфере правоотношений. Определена важная роль культуры в обеспечении международного мира и безопасности в Резолюции Советом Безопасности ООН 2347 (2017). Дан обзор научных публикаций зарубежных и отечественных авторов по проблемным вопросам доступа граждан к культурному наследию. Обозначены теоретические позиции по соотношению понятий «культурные ценности», «культурное наследие», «общее наследие человечества». Международно-правовое регулирование доступа граждан к культурному наследию является дополнительной к проводимым каждым государством мерам охраны и защиты. Оно охватывает множество аспектов, включая охрану культурных объектов, предотвращение их незаконного вывоза, поощрение культурного обмена и защиту прав человека на доступ к культурным благам. Обеспечение доступа к культурному наследию требует баланса между его защитой и предоставлением возможности обществу пользоваться этим богатством. Международно-правовое регулирование доступа граждан к культурному наследию направлено на защиту, сохранение и обеспечение доступности культурных ценностей для всех людей. Оно охватывает множество аспектов, включая охрану культурных объектов, предотвращение их незаконного вывоза, поощрение культурного обмена и защиту прав человека на доступ к культурным благам.*

Ключевые слова: *культурные ценности, культурное наследие, законодательство, международное право, доступ, правовое регулирование, идентичность.*

АЗАМАТТАРДЫҢ МӘДЕНИ МҰРАҒА ҚОЛЖЕТІМДІЛІГІН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Жанат Орынбекқызы Құлжабаева
Заң ғылымдарының кандидаты, доцент, ҚР Заңнама және құқықтық ақпарат институтының Ғылыми хатшысы; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail:kulzhabai@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9443-5165; Scopus Author ID: 56027586900

Аннотация. *Бұл мақала азаматтардың мәдени мұраға қолжетімділігін Халықаралық реттеу мәселелерін қарастырады. Мәдени мұра өркениеттік бірегейліктің, белгілі бір ұлттық немесе этникалық топтың бірегейлігінің негізі ретінде қарастырылатыны атап өтілді. Мемлекет азаматтардың мәдени дамуына әсер етеді, мәдени құндылықтарды қорғау және молайту тетіктерін жасайды. Мақаланың авторы Мәдени мұраны қорғау және қорғау мәселелері бойынша халықаралық құқықтық актілер жүйесін, құқықтық қатынастардың қарастырылып отырған саласында бақылау функцияларын жүзеге асыратын арнайы халықаралық органдарды белгіледі. БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің 2347 (2017) қарарында халықаралық бейбітшілік пен қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі мәдениеттің маңызды рөлі анықталды. Азаматтардың мәдени мұраға қол жеткізуінің проблемалық мәселелері бойынша шетел-*

дік және отандық авторлардың ғылыми жарияланымдарына шолу жасалды. "Мәдени құндылықтар", "мәдени мұра", "адамзаттың ортақ мұрасы"ұғымдарының арақатынасы бойынша теориялық ұстанымдар белгіленді. Азаматтардың мәдени мұраға қолжетімділігін халықаралық-құқықтық реттеу әрбір мемлекет жүргізетін қорғау және қорғау шараларына қосымша болып табылады. Ол мәдени нысандарды қорғау, оларды заңсыз әкетудің алдын алу, мәдени алмасуды ынталандыру және мәдени игіліктерге қол жеткізу құқығын қорғауды қоса алғанда, көптеген аспектілерді қамтиды. Мәдени мұраға қол жетімділікті қамтамасыз ету оны қорғау мен қоғамға осы байлықты пайдалануға мүмкіндік беру арасындағы тепе-теңдікті талап етеді. Азаматтардың мәдени мұраға қолжетімділігін халықаралық-құқықтық реттеу барлық адамдар үшін мәдени құндылықтарды қорғауға, сақтауға және олардың қолжетімділігін қамтамасыз етуге бағытталған. Ол мәдени нысандарды қорғау, оларды заңсыз әкетудің алдын алу, мәдени алмасуды ынталандыру және мәдени игіліктерге қол жеткізу құқығын қорғауды қоса алғанда, көптеген аспектілерді қамтиды.

Түйінді сөздер: *мәдени құндылықтар, мәдени мұра, заңнама, Халықаралық құқық, қол жетімділік, құқықтық реттеу, сәйкестілік.*

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CITIZENS' ACCESS TO CULTURAL HERITAGE

Kulzhabayeva Zhanat Orynbekovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academic Secretary of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail:kulzhabai@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9443-5165; Scopus Author ID: 56027586900

Abstract. *This article examines the issues of international regulation of citizens' access to cultural heritage. It is noted that cultural heritage is considered as the basis of civilizational identity, uniqueness of a particular national or ethnic group. The State influences the cultural development of citizens, creates mechanisms for the protection and reproduction of cultural values. The author of the article outlined a system of international legal acts on the protection and protection of cultural heritage, special international bodies performing control functions in the field of legal relations under consideration. The important role of culture in ensuring international peace and security is defined in the UN Security Council Resolution 2347 (2017). An overview of scientific publications by foreign and domestic authors on problematic issues of citizens' access to cultural heritage is given. Theoretical positions on the relationship between the concepts of "cultural values", "cultural heritage", and "common heritage of mankind" are outlined. The international legal regulation of citizens' access to cultural heritage is additional to the measures of protection and protection carried out by each State. It covers many aspects, including the protection of cultural sites, the prevention of their illegal export, the promotion of cultural exchange and the protection of human rights to access cultural goods. Ensuring access to cultural heritage requires a balance between protecting it and enabling society to enjoy this wealth. The international legal regulation of citizens' access to cultural heritage is aimed at protecting, preserving and ensuring accessibility of cultural values for all people. It covers many aspects, including the protection of cultural sites, the prevention of their illegal export, the promotion of cultural exchange and the protection of human rights to access cultural goods.*

Keywords: *cultural values, cultural heritage, legislation, international law, access, legal regulation, identity.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_186

Введение

Одним из важных источников истории любого государства является культурное наследие как основание цивилизационной идентичности, уникальности той или иной национальной или этнической группы.

Объекты материального культурного наследия государств являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия, оказывая существенное влияние на многие аспекты жизни общества, личности и международных отношений. Надо отметить, что, по-прежнему, имеются некоторые угрозы для объектов культурного наследия, а именно:

разрушение, уничтожение объектов в период военных конфликтов, незаконная коммерциализация, изменения климата, факты вандализма. Имеющиеся международные и национальные механизмы защиты и охраны культурного наследия способствуют формированию идентичности – память о своем происхождении и уникальность; развитию экономики – стимулирует экономику посредством развития туристической индустрии; укрепляют социальную сплочённость, объединяя человечество общими ценностями и традициями; мотивируют культурный диалог к обучению и просвещению

Вышеобозначенное свидетельствует о том, что культурное наследие является важным инструментом для развития любого государства, отражает историю, культуру, самобытность того или иного народа, передаваемое и сохраняемое для будущих поколений.

Материалы и методы

Первым правовым актом в сфере защиты культурного наследия на международном уровне принято считать Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников («Пакт Рериха») 15 апреля 1935 года, который определил базовые принципы международного сообщества по вопросам защиты охраны культурного наследия [1].

Статья 27 Всеобщей декларация прав человека 1948 года[1] гарантирует каждому право на участие в культурной жизни общества, пользование достижениями культуры и участие в её развитии. В статье 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года[2] определена обязанность государства признавать право каждого на участие в культурной жизни и доступ к культурному наследию.

Конвенция ЮНЕСКО о защите культурного наследия в случае вооружённого конфликта 1954 и Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года, принятый в 1999 году[3] определяют международный механизм защиты культурных объектов во время войны и доступ к ним в мирное время. В Конвенции 1954 года отмечается, что ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для всего человечества.

В системе международно-правовых актов по вопросам охраны и защиты культурного наследия особое место занимает Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест 1964 года (Венецианская хартия). В 1964 году на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам обсуждался вопрос важности и необходимости сохранения памятников, обеспечения контроля и особой заботы со стороны государства для сохранения их целостности, выявления их ценности и представления подобающим образом.[4]

В 1970 году принимается Парижская конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности[5]. Данный правовой акт направлен на предотвращение хищения и незаконной торговли культурными ценностями. Одним из действенных средств обеспечения охраны национальных культурных ценностей государств является необходимость международного сотрудничества. По состоянию на февраль 2024 года Конвенцию ратифицировали 143 государства, в том числе Республика Казахстан.[6]

Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972[7] обязывает государства-участников

---

[1] Всеобщая декларация прав человека 1948 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[2] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[3] Конвенция ЮНЕСКО о защите культурного наследия в случае вооружённого конфликта 1954. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf; Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[4] Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест 1964 года // Вестник реставрация музейных ценностей. – 1998. – №1. – С.55–58.

[5] Конвенция ЮНЕСКО 1970 года о мерах по запрещению и предотвращению незаконного ввоза, экспорта и передачи права собственности на культурные ценности. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.unesco.org/en/node/66148 (дата обращения: 17.09.2024).

[6] Закон Республики Казахстан от 9 декабря 2011 года № 507-IV «О ратификации Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000507 (дата обращения: 17.09.2024).

[7] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. - [Электронный ресурс]. - Режим досту-

сохранять объекты культурного наследия, представляющих всемирную ценность, и содействовать их доступности. В Конвенции даётся определение понятия охраны всемирного культурного и природного наследия. Конвенцией установлено, что государства-участники Конвенции, по возможности, стремятся проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определённых функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования.

Культурное наследие является одним из важных компонентов самобытности субъектов международного права, их социальной сплоченности, в связи с чем его преднамеренное разрушение может иметь неблагоприятные последствия для человеческого достоинства и прав человека. Сферой применения Декларации 2003 года, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия, являются вопросы неблагоприятных последствий для человеческого достоинства и прав человека, включая культурное наследие, связанное с природным объектом. Преднамеренное разрушение культурного наследия в случае вооруженного конфликта может относиться к одному из военных преступлений.[8]

Конвенция ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года[9] усилила необходимость обеспечения равного доступа к культурным ресурсам и культурному разнообразию для более широкого взаимодействия культур в условиях глобализации, которым способствует быстрое развитие информационных и коммуникационных технологий. Среди региональных актов по сохранению культурного наследия и доступа к нему отметим принятие в 2005 году в городе Фаро (Португалия) Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества[10], «которая признавая права, относящиеся к культурному наследию как неотъемлемую часть права на участие в культурной жизни, как это определено во Всеобщей декларации прав человека 1948 года» признает индивидуальную и коллективную ответственность в отношении культурного наследия и сохранение культурного наследия и направление его устойчивого использования на развитие человека и на качество жизни.

Итогом признания международной общественностью важной роли культуры в обеспечении международного мира и безопасности явилось единогласное принятие Советом Безопасности ООН Резолюции 2347 (2017) на 7907-м заседании 24 марта 2017 года[11]. Данная Резолюция стала первой, полностью посвященной защите культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов. Она направлена на осуждение незаконного уничтожения культурных ценностей, особенно террористическими группами, и подчеркивает связь между незаконным оборотом культурных ценностей и финансированием терроризма. В резолюции содержится ряд рекомендаций для государств-членов ООН, направленных на предотвращение уничтожения культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов. В результате принятия данной резолюции были усилены меры по защите культурного наследия, признана незаменимая роль международного сотрудничества в осуществлении мер в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в целях борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей и связанными с ним преступлениями всеобъемлющим и эффективным образом.

В 2020 году Межпарламентская ассамблея СНГ принимает Конвенцию о сохранении объектов культурного наследия государств — участников Содружества[12]. Для эффективного и дальнейшего развития сотрудничества в рамках региональной международной организации по вопросам сохранения и использования объектов культурного наследия государства-участники договорились о создании коллективных механизмов коор-

na: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[8] Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[9] Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 17.09.2024).

[10] Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rm.coe.int/1680083829 (дата обращения: 17.09.2024).

[11] Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/2347(2017) (дата обращения: 17.09.2024).

[12] Конвенция о сохранении объектов культурного наследия государств — участников Содружества Независимых государств 27 ноября 2020 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/normativnopravovie_dokumenti_sng_podgotovlennie_mpa_sng (дата обращения: 17.09.2024).

динации, взаимодействия и взаимопомощи. Отметим, что в данном правовом акте акцентировано внимание на научное обеспечение сохранения и использования объектов культурного наследия, а также подготовки профессиональных кадров в этой сфере.

Система международно-правовых актов определяет механизм защиты всемирного культурного наследия посредством юридических обязательств государств и деятельностью специальных международных органов, осуществляющих функции контроля. Например, в 1976 году был создан Межправительственный комитет по охране всемирного культурного наследия, основной функцией которого является составление и постоянное обновление списка объектов всемирного культурного наследия. Этот перечень, соответствующий определенным критериям своей универсальной ценности, составляется каждым государством отдельно. Основная цель существования другого специального органа – Фонда охраны всемирного культурного наследия, созданного в 1972 году в рамках Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, – помощь государствам – участникам Конвенции в поиске, определении, установлении охраны, а также дальнейшем развитии объектов всемирного культурного наследия. Кроме того, «дополнительно содействие ЮНЕСКО в охране культурных ценностей оказывают некоторые международные неправительственные организации, например: Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест, созданный в 1965 году (ИКОМОС); Международный союз архитекторов, основанный в 1948 году (МСА); Международный совет музеев, образованный в 1946 году (ИКОМ) и другие [1, с. 9].

Таким образом, на сегодняшний день сформирован международный механизм защиты всемирного культурного наследия, включающий в себя, во-первых, конвенционное регулирование обязательств государств в данной сфере правоотношений. Во-вторых, реализация данного механизма обеспечена деятельностью специально созданных международных органов.

Результаты

Приоритетными аспектами правового регулирования являются законодательное регулирование как на национальном, так и международном уровнях; наличие механизма охраны таких объектов; алгоритм имплементации международных стандартов в национальное законодательство, и, наконец, наличие эффективных санкций за нарушение соответствующего законодательства.

Международно-правовое обеспечение культурного наследия исследовано в работах J.Blake[2], F. Lieber [3]. Блейк исследует правовые акты ЮНЕСКО и Гаагскую конвенцию 1954 года, роль государства и международных организаций в вопросах защиты культурного наследия. Труд Либера посвящен анализу правовых механизмов сохранности культурного наследия в условиях вооруженного конфликта. Такие авторы как Алексашин С., Вешнякова Е., Д. Симпсон (D. Simpson), Демина Е.В. [4] рассматривают интеграцию международных стандартов в национальное законодательство как материального, так и нематериального культурного наследия.

Необходимо заметить, что наряду с проблемами защиты наследия в условиях военных конфликтов (например, разрушение памятников в Ираке и Сирии), приоритетными вопросами доступа граждан к культурному наследию являются проблемы, связанные с разрушением памятников архитектуры и исторических объектов в процессе урбанизации [5]. Объективно возникает конфликтная ситуация между необходимостью сохранения культурного наследия и совершенствованием элементов городской инфраструктуры. Приобретает новый подход проблемы реституции культурных ценностей, т.е. возврат культурных объектов, вывезенных незаконно. Уголовно-правовые аспекты охраны культурного наследия, в том числе ответственность за незаконный вывоз, разрушение и кражу объектов, требуют незамедлительного правового регулирования в соответствии с общепринятыми международными стандартами. Об этом в своих научных исследованиях отмечают Мартыненко И.Э. [6] и Вешнякова Е. Н. [7].

Анализ научных публикаций по вопросам доступа к культурному наследию показал, что необходимо совершенствование законодательства в области рационального использования и охраны исторических и культурных объектов, требуется обновление в классификации памятников [8]. Вызывает научный интерес статья Бирмановой А.И., Шукеновой Ж.С., Рустембековой Д.Ж., рассматривающих развитие культурных прав в корпоративном поведении обучающихся и преподавателей. Соглашаясь с мнением авторов о том, что без доступа к культурному наследию невозможно решение задач вос-

питания, социализации молодежи, вместе с тем является дискуссионным тезис о рассмотрении права на образование как неотъемлемого компонента сущности культурных прав [9]. Теоретическое осмысления культурных прав становится междисциплинарным предметом исследования в правовой науке. О необходимости усиления внимания к проблемам культурного развития государства в целом, культурным правам и свободам личности, в частности со стороны как общественности, так и соответствующих органов государства рассуждают авторы статьи «Механизм реализации основных культурных прав» [10].

В статье Кайжакпаровой А.Б. проведен анализ действующего законодательства по состоянию на март 2023 года по вопросам государственной охраны объектов культурного наследия [11]. Автор считает, что перечень задач является недостаточно полным. В качестве аргумента указывается, что объекты историко-культурного наследия являются достоянием народа, который должен беречь и заботиться об их сохранности и возможности передачи своему поколению. «Поэтому на наш взгляд одной из основных задач охраны и использования объектов историко-культурного наследия является реализация прав граждан и организаций на доступ к таким объектам. Кроме того, дополнительной задачей должна также являться забота граждан о сохранности историко-культурного наследия. Верно, точно и правильно изложенные задачи в Законе позволят обеспечить гарантию безопасности и сохранения объектов историко-культурного наследия Казахстана» [11].

В современных условиях модернизации всех сфер общественной жизни вопросы культурной политики государства требуют дальнейшего совершенствования. В марте 2023 года была утверждена Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы,[13] где были определены проблемные вопросы в сфере историко-культурного наследия государства: недостаточный объем научно-реставрационных и археологических работ, слаборазвитая инфраструктура, недостаточное финансирование объектов и элементов, включенных и планируемых к включению в списки ЮНЕСКО.

Законодательство об охране и использовании объектов историко-культурного наследия основывается на Конституции Республики Казахстан 1995 года, законах «О культуре» (2006), «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» (2019), «О Национальном архивном фонде и архивах» (1998) и регулирует отношения, связанные с охраной, использованием и популяризацией объектов историко-культурного наследия. Эти источники обеспечивают правовой механизм доступа и сохранения культурного наследия в Казахстане.

Культурное наследие как бесценный и уникальный объект обеспечивается совершенствованием правового механизма защиты как на международном, так и на национальном уровнях. Представляется, что приоритетное значение имеет международно-правовое регулирование [12].

Обсуждение

Понятие «культурное наследие» получило правовое регулирование в статье 1 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО в 1972 году. При этом, при обсуждении элементов, характеризующих культурное наследие, отмечались такие характеристики как особая категория объектов культуры, наличие универсальной ценности. Культурное наследие включает предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью, включая символическую, историческую, художественную, эстетическую, этнографическую или археологическую, имеющие научное и общественное значение. Представляется верным заметить, что такое многообразие ракурсов изучения определений культурного наследия оправдано значимостью и важностью объекта изучения и, соответственно, расширяются варианты его толкования [13].

Как указано ранее, понятие «культурное наследие» используется в пяти конвенциях соответствующих конвенциях ЮНЕСКО, рекомендациях этой организации по охране культурного наследия. В настоящее время культурное наследие является составной частью общих интересов всего человечества [14]. В ряде правовых актов, а именно, Гаагской конвенции 1899 года, Положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года, Договора «О защите учреждений,

[13] *Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 250 «Об утверждении Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250 (дата обращения: 28.11.2024).*

служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников», или Пакт Рериха 1935 года, Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»1954 года, Конвенции «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передач и права собственности на культурные ценности» 1970 года и других применяется термин «культурные ценности». М. М. Богуславский считал, что понятие «культурные ценности» тождественно понятию «культурное наследие» [15, с. 20-28], а С. Н. Молчанов определял «культурные ценности» наиболее универсальным, включая в себя и наиболее значимую, особо ценную их часть — культурное наследие (достояние) народов. Поскольку культурное наследие (достояние) представляет собой особый случай культурных ценностей, то и категориальную проблематику культурного наследия (достояния) нужно рассматривать в более широком контексте — в контексте проблематики культурных ценностей» [16]. Д. С. Лихачев также подчеркивал понятие культурного наследия в проекте Декларации прав культуры, понимая под ним форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества [17]. Представляется, что сущность понятия «культурная ценность» является объектом изучения различных областей научного знания. Правовой режим культурных ценностей рассматривается с позиций различных отраслей международного права: международного уголовного, международного гуманитарного, международного права интеллектуальной собственности. Четко различимый переход от «культурных ценностей» к «культурному наследию», происходит в Конвенции о всемирном наследии от 1972 года [14, p. 228].

Полагаем необходимым упомянуть концепцию общего наследия человечества как основу для международного сотрудничества в области освоения космоса и морского дна, которые являются общим наследием. Признание достоинства и ценности каждой культуры является частью общего наследия человечества.

Первое упоминание о концепции «общего наследия человечества» было озвучено в 1967 году представителем Мальты Арвидом Пардо в ООН, который предлагал признать достоянием всего человечества глубоководные районы морского дна и их ресурсы. В последствии, этот термин стал все чаще фигурировать в международных соглашениях, а именно: в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, согласно которой районы морского дна за пределами национальной юрисдикции не могут быть присвоены каким-либо государством; в Договоре о космосе 1967 года, распространяющее концепцию на космическое пространство и небесные тела; в Договоре об Антарктиде 1959 года, определяющим нейтральный статус континента; в Конвенция ЮНЕСКО о Всемирном наследии 1972 года, – устанавливающим механизм охраны культурных и природных объектов.

Причинами принятия данной концепции являлись необходимость предотвращения конфликта за природные ресурсы, паритетное и справедливое распределение богатств, находящихся за пределами национальных границ, сохранение природного и культурного наследия, наличие угрозы разрушения уникальных природных и исторических объектов, системы мер по их международной защиты. Обеспечение экологической безопасности океанов, космоса и Антарктиды защищает данные объекты от неограниченная эксплуатация могла привести к необратимым последствиям для планеты.

Мартыненко И. Э. определяет содержание концепции общего наследия человечества [18] в области культуры: 1) каждая культура вносит свой вклад в развитие человеческой цивилизации; цивилизация будет обеднена, если будут утеряны ее достижения; 2) охрана культурного наследия — дело не только того государства, на территории которого находятся выдающиеся памятники культуры, но всех государств; 3) охрана памятников культуры предполагает международное сотрудничество в деле сохранения, консервации, восстановления объектов, обладающих универсальной ценностью; 4) вопросы собственности не имеют принципиального значения для общего наследия человечества (памятники культуры могут находиться в собственности государства, частных лиц, муниципальных образований, общественных организаций); 5) части общего наследия обладают национальным характером; 6) общее наследие человечества влечет за собой признание необходимости общего пользования культурными ценностями (все люди имеют право на равное пользование достижениями культуры, в том числе и мировой).

В научной литературе отмечается, процесс расширения сферы применения концепции общего наследия человечества начался с области культуры [19, p. 191]; что культурное наследие постепенно станет все

шире охватываться общим наследием человечества [20, С. 314]; защита культурного наследия определенно входит в круг общечеловеческих интересов» [21].

Таким образом, вопросы международно-правовой защиты, охраны культурного наследия следует из концептуальных положений общего наследия человечества.

Статья 4 Конвенции1972 года определяет и признает обязательство каждого государства обеспечивать охрану и передачу будущим поколениям культурного наследия, которое расположено на его территории. Очень важно констатировать, что международно-правовая регламентация способствует «созданию системы международного сотрудничества и помощи государствам» (ст. 7 Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия от 1972 года), т.е. является дополнительной к проводимым каждым государством мерам охраны. Культурные объекты находятся под охраной как внутригосударственного, так и международного права.

В списке Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО от Республики Казахстан значатся 10 объектов. В ближайшей перспективе намерены увеличить численность объектов данного списка от Казахстана с 10 до 16 единиц к 2025 году. В настоящее время разрабатываются новые номинационные досье. В этой связи совместно с Кыргызской Республикой, республиками Таджикистан и Узбекистан ведется работа по подготовке и продвижению серийной транснациональной номинации «Великий Шелковый путь: Фергано-Сырдарьинский коридор».[14]

Заключение

Обеспечение доступа к культурному наследию требует баланса между его защитой и предоставлением возможности обществу пользоваться этим богатством.

Международно-правовое регулирование доступа граждан к культурному наследию направлено на защиту, сохранение и обеспечение доступности культурных ценностей для всех людей. Оно охватывает множество аспектов, включая охрану культурных объектов, предотвращение их незаконного вывоза, поощрение культурного обмена и защиту прав человека на доступ к культурным благам.

Существуют система компонентов доступа к культурному наследию:

- физический как возможность посещать музеи, памятники, исторические места, архивы, библиотеки и другие объекты культурного значения;

-информационный как свободный доступ к знаниям о культурных объектах, через публикации, цифровые базы данных и виртуальные туры;

-культурный как возможность участвовать в культурных мероприятиях, традициях, обрядах и обмениваться опытом с другими культурами;

- образовательный как включение культурного наследия в образовательные программы для повышения знаний;

-равенство в доступе как обеспечение возможностей для всех слоёв общества, включая людей с ограниченными возможностями, жителей отдалённых регионов и социально уязвимые группы.

В мировой практике доступа к культурному наследию, по-прежнему, имеются факты уничтожения культурных объектов и ограничение доступа к ним. С экономической стороны проблемным вопросом является недостаток финансирования на содержание объектов и развитие инфраструктуры доступа. Не уменьшается количество незаконно вывезенных культурных ценностей из стран происхождения без возможности их возврата. Обеспечение доступа к культурным объектам расширяется через цифровые технологии.

Международное право продолжает развиваться, стремясь сбалансировать защиту культурного наследия с правом граждан на его использование и доступ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моргачев В.Б. Пакт Рериха и современная международно-правовая охрана культурного наследиz // Материалы международной общественно-научной конференции, посвященной 60-летию Пакта Рериха. М.: Международный Центр Рерихов, 1996. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://lib.icr.su/node/953 (дата обращения: 17.09.2024).

[14] *Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 250 «Об утверждении Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250 (дата обращения: 28.11.2024).*

2. Blake J. Cultural heritage and international law. – United Kingdom: Oxford University Press, 2015. – 460 p.

3. Lieber F. Laws of War and protection of cultural property. Correspondence, orders, reports, and returns of the union authorities from January 1 to December 31, 1863. – [Electronic resource]. - Access mode: http://www.civilwarhome.com/liebercode.htm (date of reference: 17.09.2024).

4. Алексашин С. В. Правовое регулирование охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2019. – 262 с.; Вешнякова Е. Международные стандарты охраны культурного наследия и их реализация в российском праве. – М.: Норма, 2012. – 185 с.; Д. Симпсон (D. Simpson). Intangible Cultural Heritage in Law and Policy. – United Kingdom: Cambridge University Press, 2014. – 158 p; Демина Е. В. Охрана нематериального культурного наследия: российское и международное право. – М.: Юристъ, 2018. – 164 с.; Мартыненко И. Понятие и состав культурного наследия Республики Казахстан // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2013. – Март, № 3. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4551149-ponjatie-i-sostav-kulturnogo-nasledija.html (дата обращения:10.12.2024).

5. Михайлов А.В. Предметы охраны объектов культурного наследия. Нематериальные аспекты // Урбанистика. — 2023. - № 3. - С.25-34. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.3.43592. URL: https://e-notabene.ru/urb/article_43592.html (дата обращения: 17.09.2024).

6. Мартыненко И.Э. Уголовная ответственность за преступления против культурного наследия: опыт установления в странах СНГ // Журнал «Юридическая наука». – 2013.- №4. - С.122-131.

7. Вешнякова Е. Н. Международные стандарты охраны культурного наследия и их реализация в российском праве. - М.: Норма, 2012. — 320 с.

8. Сураганова З. К. Анализ опыта формирования концепции культурного наследия в Республике Казахстан // Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет. — 2017. - № 1 (60). – С.241-246.

9. Бирманова А.И., Шукенова Ж.С., Рустембекова Д.Ж. Білім алушылар мен оқытушылардың корпоративтік мінез-құлқындағы мәдени құқықтар. // Вестник Института законодательства и правовой информации РК— 2023. - №4(75). – 13-20 б.

10. Бирманова А.И.., Рустембекова Д.Ж., Нукушева А.А. Негізгі мәдени құқықтарды іске асыру. // Вестник Института законодательства и правовой информации РК— 2023. - №2(73). – 13-21 б.

11. Кайжакпарова А.Б. Объекты культурного наследия в системе государственной охраны (анализ действующего законодательства) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35481232 (дата обращения: 28.11.2024).

12. Павлова, Л. В. Имплементация международно-правового механизма защиты всемирного культурного наследия в законодательстве Республики Беларусь. // Труды факультета международных отношений 2010: научный сборник. Выпуск 1. — 2010. — С. 93–98.

13. Курьянова, Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика (аспекты по культурологии и искусствоведение) // Вестник Томского Государственного Университета – 2011. - №2. — С. 12–18

14. Francesco Francioni. A Dynamic Evolution of Concept and Scope: From cultural property to cultural heritage. // Standard-setting in UNESCO edited by Abdulqawi A. Yusuf, 2007. - Volume 1. - 431 p.

15. Богуславский, М. М. Международная охрана культурных ценностей. — М.: Международные отношения, 1979. — 192 с.

16. Молчанов, С. Н. Культурное право России. Информационный портал «Культурное право России» - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.culturnoepravo.narod.ru (дата обращения: 12.09.2024).

17. Лихачев, Д. С. Декларация прав культуры и ее международное значение - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/znachenie/ (дата обращения: 28.11.2024)

18. Мартыненко, И. Э. Конвенции ЮНЕСКО по защите культурного наследия: проблемы реализации в национальное законодательство. // Університетські наукові записки. – 2007. - №2 (22). - С. 386–395. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.univer.km.ua (дата обращения: 12.05.2013).

19. Segura-Serrano, A. Internet regulation: a hard-law proposal // New York University School

of Law, Jean Monnet working paper. 10/2006. P. 43; Segura-Serrano A. Internet regulation and the role of international law // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2006. – Vol. 10. – P. 191–272.

20. Лукашук, И. И. Международное право: особенная часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 517 с.

21. Бабекин, Д. В. Международно-правовой принцип сохранения культурного наследия «in-situ» в процессе глобализации. // Культура: управление, экономика, право. – 2012. - №1 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// lawinfo.ru/catalog/contents-2012/4536/1 (дата обращения: 17.09.2024).

REFERENCES

1. Morgachev V.B. Pakt Reriha i sovremennaja mezhdunarodno-pravovaja ohrana kul'turnogo naslediz // Materialy mezhdunarodnoj obshhestvenno-nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 60-letiju Pakta Reriha. M.: Mezhdunarodnyj Centr Rerihov, 1996. - [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://lib.icr.su/node/953 (data obrashhenija: 17.09.2024).

2. Blake J. Cultural heritage and international law. – United Kingdom: Oxford University Press, 2015. – 460 p.

3. Lieber F. Laws of War and protection of cultural property. Sorrespondence, orders, reports, and returns of the union authorities from January 1 to December 31, 1863. – [Electronic resource]. - Access mode: http://www.civilwarhome.com/liebercode.htm (date of reference: 17.09.2024).

4. Aleksashin S. V. Pravovoe regulirovanie ohrany ob#ektov kul'turnogo nasledija v Rossijskoj Federacii. – M.: Jurajt, 2019. – 262 s.; Veshnjakova E. Mezhdunarodnye standarty ohrany kul'turnogo nasledija i ih realizacija v rossijskom prave. – M.: Norma, 2012. – 185 s.; D. Simpson (D. Simpson). Intangible Cultural Heritage in Law and Policy. – United Kingdom: Cambridge University Press, 2014. – 158 p; Demina E. V. Ohrana nematerial'nogo kul'turnogo nasledija: rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo. – M.: Jurist#, 2018. – 164 s.; Martynenko I. Ponjatie i sostav kul'turnogo nasledija Respubliki Kazahstan // Specializirovannyj ezhemesjachnyj zhurnal «JuRIST». – 2013. – Mart, № 3. – [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4551149-ponjatie-i-sostav-kulturnogo-nasledija.html (data obrashhenija:10.12.2024).

5. Mihajlov A.V. Predmety ohrany ob#ektov kul'turnogo nasledija. Nematerial'nye aspekty // Urbanistika. — 2023. - № 3. - S.25-34. DOI: 10.7256/2310-8673.2023.3.43592. URL: https://e-notabene.ru/urb/article_43592.html (data obrashhenija: 17.09.2024).

6. Martynenko I.Je. Ugolovnaja otvetstvennost' za prestuplenija protiv kul'turnogo nasledija: opyt ustanovlenija v stranah SNG // Zhurnal «Juridicheskaja nauka». – 2013.- №4. - S.122-131.

7. Veshnjakova E. N. Mezhdunarodnye standarty ohrany kul'turnogo nasledija i ih realizacija v rossijskom prave. - M.: Norma, 2012. — 320 s.

8. Suraganova Z. K. Analiz opyta formirovanija koncepcii kul'turnogo nasledija v Respublike Kazahstan // Memlekettik basқaru zhәne memlekettik қyzmet. — 2017. - № 1 (60). – S.241-246.

9. Birmanova A.I., Shukenova Zh.S., Rustembekova D.Zh. Bilim alushylar men oқytushylardyң korporativtik minez-құlқyndaғy mәdeni құқyқtar. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK— 2023. - №4(75). – 13-20 b.

10. Birmanova A.I.., Rustembekova D.Zh., Nukusheva A.A. Negizgi mәdeni құқyқtardy iske asyru. // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii RK— 2023. - №2(73). – 13-21 b.

11. Kajzhakparova A.B. Ob#ekty kul'turnogo nasledija v sisteme gosudarstvennoj ohrany (analiz dejstvujushhego zakonodatel'stva) - [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35481232 (data obrashhenija: 28.11.2024).

12. Pavlova, L. V. Implementacija mezhdunarodno-pravovogo mehanizma zashhity vsemirnogo kul'turnogo nasledija v zakonodatel'stve Respubliki Belarus'. // Trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij 2010: nauchnyj sbornik. Vypusk 1. — 2010. — S. 93–98.

13. Kur'janova, T. S. Kul'turnoe nasledie: smyslovoe pole i praktika (aspekty po kul'turologii i iskusstvovedenie) // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – 2011. - №2. — S. 12–18

14. Francesco Francioni. A Dynamic Evolution of Concept and Scope: From cultural property to cultural heritage. // Standard-setting in UNESCO edited by Abdulqawi A. Yusuf, 2007. - Volume 1. - 431 p.

15. Boguslavskij, M. M. Mezhdunarodnaja ohrana kul'turnyh cennostej. — M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1979. — 192 s.

16. Molchanov, S. N. Kul'turnoe pravo Rossii. Informacionnyj portal «Kul'turnoe pravo Rossii» - [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://www.culturnoepravo.narod.ru (data obrashhenija: 12.09.2024).

17. Lihachev, D. S. Deklaracija prav kul'tury i ee mezhdunarodnoe znachenie - [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/znachenie/ (data obrashhenija: 28.11.2024)

18. Martynenko, I. Je. Konvencii JuNESKO po zashhite kul'turnogo nasledija: problemy realizacii v nacional'noe zakonodatel'stvo. // Universitets'ki naukovi zapiski. – 2007. - №2 (22). - S. 386–395. - [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: www.univer.km.ua (data obrashhenija: 12.05.2013).

19. Segura-Serrano, A. Internet regulation: a hard-law proposal // New York University School of Law, Jean Monnet working paper. 10/2006. P. 43; Segura-Serrano A. Internet regulation and the role of international law // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2006. – Vol. 10. – P. 191–272.

20. Lukashuk, I. I. Mezhdunarodnoe pravo: osobennaja chast': Uchebnik dlja studentov juridicheskih fakul'tetov i vuzov. Izd. 3-e, pererab. i dop. — M.: Volters Kluver, 2005. — 517 s.

21. Babekin, D. V. Mezhdunarodno-pravovoj princip sohranenija kul'turnogo nasledija «in-situ» v processe globalizacii. // Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo. – 2012. - №1 - [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http:// lawinfo.ru/catalog/contents-2012/4536/1 (data obrashhenija: 17.09.2024).

УДК 341.2
ГРНТИ 10.15.33

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В КОНСТИТУЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Чахор Рафал Ришардович
Доктор политических наук, кандидат политических и юридических наук, профессор Университета Яна Вижиковского; г. Польковице, Республика Польша; e-mail: r.czachor@ujw.pl; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5929-9719

Аннотация. *Предметом настоящего исследования являются особенности правового статуса Конституционных судов в Республике Польша и Республике Казахстан. Исследование, основанное на соответствующих положениях конституций обеих стран, проведено с применением сравнительного и догматического методов, что позволило рассмотреть ключевые аспекты, такие как состав судов, порядок назначения судей, гарантии их независимости и объем компетенций.*

В ходе исследования выявлено, что оба органа принадлежат к централизованной модели конституционного правосудия, играя важную роль в обеспечении верховенства Конституции, защите прав и свобод граждан. Тем не менее, несмотря на схожесть их функций, между ними существуют значительные различия. Эти различия касаются, в частности, количества судей, участвующих в работе судов, процедуры их назначения, круга субъектов, имеющих право на подачу обращений, а также объёма предоставленных судам полномочий и их характера.

Отдельное внимание в статье уделено значению конституционного судопроизводства как основы демократического правового государства.

Подчеркивается, что выявленные в ходе анализа конституционных положений различия между Конституционным Трибуналом Республики Польша (КТ РП) и Конституционным Судом Республики Казахстан (КС РК) обусловлены спецификой политических систем обеих стран. В Польше система конституционного контроля тесно связана с доминирующей ролей парламента, тогда как в Казахстане она отражает особенности президентской формы правления. Эта разница проявляется, в частности, в порядке назначения судей Конституционных судов: в Республике Польша судей КТ РП назначает исключительно парламент, тогда как в Республике Казахстан часть судей назначается Президентом РК. Кроме того, различия касаются объема компетенций Конституционных судов по отношению к парламентам и Президентам. Например, в Республике Польша Конституционный Трибунал не участвует в процедуре импичмента.

Таким образом, проведённое исследование подчеркивает значимость изучения института конституционного правосудия для глубокого понимания механизма защиты прав человека и демократических основ государства в различных политико-правовых системах.

Ключевые слова: *сравнительное конституционное право, конституционное судопроизводство, механизмы защиты права, Конституционный трибунал Республики Польша, Конституционный суд Республики Казахстан*

ПОЛЬША РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ КОНСТИТУЦИЯЛАРЫНДАҒЫ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ СОТТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖАҒДАЙЫ. САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Рафал Ричардович Чахор
Саяси ғылымдарының докторы, саяси және заң ғылымдарының кандидаты, Ян Вижиковский университетінің профессоры; Польковице қ., Польша Республикасы; e-mail: r.czachor@ujw.pl; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5929-9719

Аннотация. *Осы зерттеудің тақырыбы Польша Республикасы мен Қазақстан Республикасындағы Конституциялық соттардың құқықтық мәртебесінің ерекшеліктері болып табылады. Екі ел Конституцияларының тиісті ережелеріне негізделген зерттеу салыстырмалы және догматикалық әдістерді қолдана отырып жүргізілді, бұл соттардың құрамы, судьяларды тағайындау тәртібі, олардың тәуелсіздігінің кепілдіктері және құзыреттер көлемі сияқты негізгі аспектілерді қарастыруға мүмкіндік берді.*

Зерттеу барысында екі орган да Конституцияның үстемдігін қамтамасыз етуде, азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауда маңызды рөл атқара отырып, Конституциялық сот төрелігінің орталықтандырылған моделіне жататындығы анықталды. Дегенмен, олардың функцияларының ұқсастығына қарамастан, олардың арасында айтарлықтай айырмашылықтар бар. Бұл айырмашылықтар, атап айтқанда, соттардың жұмысына қатысатын судьялардың санына, оларды тағайындау рәсіміне, өтініш беруге құқығы бар субъектілер тобына, сондай-ақ соттардың өкілеттіктерінің тізбесіне қатысты.

Мақалада демократиялық құқықтық мемлекеттің негізі ретінде Конституциялық сот ісін жүргізудің маңыздылығына ерекше назар аударылады.

Польша Республикасының Конституциялық трибуналы (РП КТ) мен Қазақстан Республикасының Конституциялық соты (ҚР ҚК) арасындағы конституциялық ережелерді талдау барысында анықталған айырмашылықтар екі елдің саяси жүйелерінің ерекшелігіне байланысты екені атап өтіледі. Польшада конституциялық бақылау жүйесі екі палаталы Парламенттің басым рөлдерімен тығыз байланысты, ал Қазақстанда ол президенттік басқару нысанының ерекшеліктерін көрсетеді. Бұл айырмашылық, атап айтқанда, Конституциялық соттардың судьяларын тағайындау тәртібімен көрінеді: Польша республикасында РП КТ судьяларын тек парламент тағайындайды, ал Қазақстан Республикасында судьялардың бір бөлігін ҚР Президенті тағайындайды.

Осылайша, жүргізілген зерттеу Конституциялық Сот төрелігі институтын зерттеудің адам құқықтарын қорғау механизмін және әртүрлі саяси-құқықтық жүйелердегі мемлекеттің демократиялық негіздерін терең түсіну үшін маңыздылығын көрсетеді.

Түйінді сөздер: *салыстырмалы конституциялық құқық, Конституциялық сот ісін жүргізу, құқықты қорғау тетіктері, Польша Республикасының Конституциялық трибуналы, Қазақстан Республикасының Конституциялық соты*

CONSTITUTIONAL PROVISIONS ON THE CONSTITUTIONAL COURTS IN THE REPUBLIC OF POLAND AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN. A COMPARATIVE STUDY

Czachor Rafal
Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal and Political Sciences, Professor of Jan Wyzykowski University; Polkowice c., the Republic of Poland; e-mail: r.czachor@ujw.pl; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5929-9719

Abstract. *The paper zooms on the specific features of the legal status of the Constitutional Courts in the Republic of Poland and the Republic of Kazakhstan. The research founded on the constitutional provisions of both states was conducted using comparative and dogmatic methods, which allowed for an examination of key aspects such as the composition of the courts, the procedure for appointing judges, ensuring their independence, and the scope of their competencies.*

The study revealed that both institutions belong to a centralized model of constitutional justice, playing a crucial role in upholding the Constitution's supremacy and protecting citizens' rights and freedoms. However, despite the similarity of their functions, there are significant differences between them. These differences relate, in particular, to the number of judges participating in the work of the courts, the procedure for their appointment, the range of subjects entitled to file appeals, and the list of powers of the courts.

Special attention in the article is given to the significance of constitutional adjudication as the foundation of a democratic rule-of-law state.

The study of the constitutional provisions allows us to conclude, that the differences between the Constitutional Tribunal of the Republic of Poland and the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan are due to the specific characteristics of the political systems in both countries. In the Republic of Poland, the system of constitutional review is closely linked to the dominant role of a bicameral parliament, whereas in Kazakhstan, it reflects the features of a presidential form of government. This distinction is evident in the appointment of judges to the Constitutional Courts (in the Republic of Poland, judges of the Constitutional Tribunal are exclusively appointed by the Parliament, while in the Republic of Kazakhstan, part of the judges are appointed by the President), as well as in the scope of the courts' competencies concerning the Parliaments and Presidents (in the Republic of Poland, the Constitutional Court does not participate in the impeachment procedure).

Thus, the study emphasizes the importance of examining the institution of constitutional justice to fully understand the mechanisms for protecting human rights and the democratic foundations of the state in various political and legal systems.

Keywords: *Comparative Constitutional Law, constitutional judiciary, legal mechanisms of the rights protection, Constitutional Court of the Republic of Poland, Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_197

Введение

Конституционное судопроизводство представляет собой специализированную форму судебной деятельности, направленную на проверку соответствия нормативных актов и действий органов публичной власти конституции. В правовом демократическом государстве институты конституционного судопроизводства выполняют ключевую функцию в обеспечении защиты конституционных принципов, укреплении стабильности правовой системы и гарантировании прав и свобод граждан. Их деятельность способствует поддержанию верховенства Конституции, правовой определенности и баланса между ветвями власти, что является неотъемлемым условием функционирования современного демократического государства.

После Второй мировой войны этот институт получил широкое распространение в капиталистических странах Европы. В социалистических государствах, включая Польскую Народную Республику и Советский Союз, он был внедрен лишь в 1980-е годы. Социалистическая правовая наука относилась скептически к идее судебного контроля за законодательством, обосновывая это принципом единства государственной власти, сосредоточенной в руках парламента. Современное правоведение рассматривает эффективное функционирование конституционного судопроизводства как важнейший элемент демократического правового государства и гарантию принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную [1, . 201; 2, s. 122].

В Республике Польша (далее – РП) орган конституционного судопроизводства, Конституционный Трибунал (далее – КТ РП), был учрежден в 1982 году, однако начал свою деятельность только в 1985 году после принятия соответствующего закона[1]. В последние годы законодательство, регулирующее его компетенции, многократно изменялось, а последняя поправка была принята 13 сентября 2024 года.

История Конституционного Суда Республики Казахстан (далее – КС РК) более сложна. Он был создан в 1992 году и функционировал до принятия новой Конституции РК в 1995 году, когда был заменен Конституционным Советом [3]. Его функции и место в политической системе РК напоминали модель, функционирующую в Пятой Французской Республике. В 2022 году в РК была проведена конституционная реформа, в частности вновь введшая КС РК[2]. Недавние изменения в обеих странах – вписывающиеся в более широкий контекст конституционных реформ в постсоциалистических странах – являются доказательством значимости конституционного судопроизводства для укрепления демократического государственного управления [4, s. 35; 5, s. 77]. Этот фактор также обосновывает необходимость проведения сравнительных исследований.

[1] *Dz.U. 1985 nr 22 poz. 98. — [Zasoby elektroniczne] - Tryb dostępu: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19850220098 (data odwołania: 06.01.2025).*

[2] *Конституция Республики Казахстан. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 06.01.2025).*

Материалы и методы

Вопрос конституционного судопроизводства является сложным и многогранным. Настоящая обзорная статья ставит своей целью сравнить, каким образом статус Конституционных судов зафиксирован в Основных Законах Республики Польша (РП) и Республики Казахстан (РК). Таким образом, в центре внимания статьи — анализ конституционных положений, определяющих статус этих судов в РП и РК.

После распада социалистического блока оба государства начали процесс демократической трансформации, что стало предметом исследований специалистов в области конституционного права и политологии. В данной статье применяются сравнительно-правовой и догматический методы. Основу исследования составляют Конституции РП и РК, а также научная литература [6, 7, 8, 9].

Исследование сосредоточено на содержании конституций как основополагающих правовых актов, обладающих особой юридической силой и стабильностью. Цель работы — выявить сходства и различия в конституционном регулировании статуса Конституционных судов в обеих странах. Более детальное рассмотрение правового статуса судов и анализа судебной практики выходит за рамки данной статьи.

Основные положения, результаты и обсуждения

Конституционное судопроизводство в современном мире является устойчивым элементом конституционного права. Оно осуществляется судебными органами, функционирующими в рамках двух основных моделей.

Первая — централизованная модель, при которой контроль конституционности законодательства (т. е. соответствия нормативных актов Конституции) возложен на один специализированный орган. Такая система действует, например, в Германии, Польше, Казахстане и России.

Вторая — децентрализованная модель, где право проверять соответствие нормативных актов Конституции принадлежит всем судам. Примером такой системы являются Соединённые Штаты.

В ряде стран, включая Францию, применяется смешанная модель, сочетающая элементы обеих вышеупомянутых систем.

Независимо от модели, конституционное судопроизводство обладает рядом специфических черт: ограниченным сроком полномочий судей, назначаемых политическими органами (парламентами, президентами), отсутствием апелляционной инстанции (окончательный характер решений) и неподчинением другим судам, включая Верховный суд.

Объем компетенции конституционных судов может быть достаточно широким и включает в себя: контроль конституционности законов и иных нормативных актов; разрешение споров о компетенции между органами власти; защиту прав и свобод граждан; вынесение решений по вопросам импичмента или ответственности высших должностных лиц.

К основным целям конституционного судопроизводства относятся: защита Конституции, выражающаяся в обеспечении соответствия всех нормативных актов и действий органов власти конституционным принципам; обеспечение согласованности правовой системы путем устранения норм, противоречащих конституции; обеспечение защиты прав и свобод граждан от возможных нарушений со стороны органов власти; контроль за разделением законодательной и исполнительной властей; обеспечение стабильности государственного устройства через разрешение споров о компетенции и предотвращение потенциальных конфликтов между государственными органами.

В обеих рассматриваемых странах правовую основу функционирования конституционных судов составляют Конституции и соответствующие законы. Конституция РП от 2 апреля 1997 года содержит главу VIII «Суды и трибуналы»[3]. КТ РП посвящены статьи 188-197 Основного Закона. Согласно Конституции РП, суды и трибуналы являются отдельной и независимой от других ветвью власти (ст. 173 Конституции РП). Непосредственно правовой статус КТ РП регулирует Закон от 2016 года[4] и регламент КТ РП[5]. Правовой статус КС РК регулирует Конституция РК, принята 30 августа 1995

[3] *Dz.U. 1997 nr 78 poz. 483. — [Zasoby elektroniczne] - Tryb dostępu: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=wdu19970780483 (data odwołania: 06.01.2025).*

[4] *Dz.U. 2016 poz. 2074. — [Zasoby elektroniczne] - Tryb dostępu: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160002074 (дата обращения: 06.01.2025).*

[5] *M.P. 2017 poz. 767. — [Zasoby elektroniczne] - Tryb dostępu: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WMP20170000767 (data odwołania: 06.01.2025).*

года (с изменениями) в разделе VI «Конституционный Суд» (ст. 71-74), а также Конституционный закон РК от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗРК «О Конституционном суде РК»[6] и регламент КС РК[7]. Если в случае Конституции РП нормы, относящиеся к КТ РП, размещены в общей главе, касающейся судоустройства, то в случае Конституции РК правовая позиция КС РК регулируется в разделе отдельном от раздела VII «Суды и правосудие. Прокуратура. Уполномоченный по правам человека».

Объем текста, посвященного конституционным судам в Основных законах РП и РК, соответствует среднему уровню по европейским стандартам. К примеру, в Конституции Республики Беларусь содержатся две статьи (ст. 116, 1161), регулирующие этот вопрос, в главе 6 «Суд». Подробное регулирование касательно Конституционного суда представлено, в частности, Конституции Словацкой Республики (ст. 124-140) в главе VII «Судебная власть».

Положения, касающиеся судей

Конституционные суды в РП и РК принадлежат к судебной власти, однако обладают рядом характерных особенностей. Имеются существенные различия в составе и порядке формирования конституционных судов обеих стран. КТ РП состоит из 15 судей, избираемых индивидуально Сеймом РП, первой палатой Парламента, состоящей из 460 депутатов, сроком на 9 лет. Переизбрание того же лица в состав КТ РП невозможно. Председатель и заместитель Председателя КТ РП назначаются Президентом РП из числа кандидатов, представленных Общим собранием судей КТ РП (п. 1-2 ст. 194 Конституции РП).

КС РК состоит из 11 судей, включая Председателя, срок полномочий которых составляет 8 лет. Одно и то же лицо не может быть назначено судьей КС РК более одного раза. Председатель КС РК назначается Президентом РК с согласия Сената Парламента. Четверо судей КС РК назначаются Президентом РК, по трое судей назначаются соответственно Сенатом и Мажилисом Парламента РК. Заместитель Председателя КС РК назначается Президентом РК по представлению Председателя КС РК из числа его судей (п. 1-3 ст. 71 Конституции РК).

Количество судей конституционных судов РП и РК находится в пределах среднеевропейских стандартов. К примеру, Конституционные суды Республики Сербия и Республики Италия насчитывают 15 судей, Российской Федерации – 11, Румынии – 9 судей. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении сроков полномочий судей конституционных судов РП и РК, которые значительно короче по сравнению со сроками судей Конституционного суда Республики Беларусь, где они составляют 11 лет, и Словацкой Республики, где составляют 12 лет.

В отличие от Конституции РП, которая устанавливает требование о том, что судьи избираются «из числа лиц, отличающихся своими юридическими знаниями», Конституция ПК не содержит аналогичного положения. Вопросы, касающиеся критериев отбора судей, регламентированы в ст. 5 Конституционного закона РК от 5 ноября 2022 года.

Конституции Республики Польша и Республики Казахстан закрепляют принцип независимости и гарантию неприкосновенности судей конституционных судов. Согласно Конституции РП, при осуществлении своих полномочий судьи подчиняются исключительно Конституции и не могут «принадлежать к политическим партиям, профсоюзам и заниматься общественной деятельностью несовместимой с принципом независимости суда и судей» (п. 1,3 ст. 195 Конституции РП).

Конституция РК содержит аналогичное положение, устанавливающее несовместимость должности судьи КС РК с «депутатским мандатом, занятием иных оплачиваемых должностей, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности, осуществлением предпринимательской деятельности, вхождением в состав руководящего органа или наблюдательного совета коммерческой организации» (п. 4. ст. 71 Конституции РК).

Конституции обеих стран гарантируют судьям конституционных судов неприкосновенность. Согласно Конституции РП, судья КТ не может быть арестован, лишен свободы или привлечен к уголовной ответственности без согласия КТ. В случае задержания судьи КТ РП на месте преступления об этом незамедлительно сообщается Председателю

[6] Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 153-VII ЗРК «О Конституционном Суде Республики Казахстан». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153 (дата обращения: 06.01.2025).

[7] Об утверждении Регламента Конституционного Суда Республики Казахстан. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000001 (дата обращения: 06.01.2025).

КТ РП, который уполномочен принять решение о его освобождении (ст. 196 Конституции РП).

Что касается судей КС РК, их статус также предусматривает гарантии неприкосновенности. В соответствии с Конституцией, они не могут быть «арестованы, подвергнуты приводу, мерам административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, привлечены к уголовной ответственности без согласия Парламента, кроме случаев задержания на месте преступления или совершения тяжких преступлений» (п. 5 ст. 71 Конституции РК).

Объем компетенций конституционных судов

Конституция РП устанавливает 6 основных компетенций КТ РП, включающих вынесение решений: 1) о соответствии законов и международных договоров Конституции, 2) о соответствии законов ратифицированным международными договорами, 3) о соответствии правовых актов, издаваемых центральными государственными органами, Конституции, ратифицированным международными договорами и законами, 4) о соответствии Конституции целям или деятельности политических партий, 5) о конституционной жалобе и 6) разрешении споров между центральными конституционными органами относительно их компетенций (ст. 188-189 Конституции РП).

В свою очередь, каталог компетенций КС РК имеет иной состав и включает: 1) решение в случае спора о правильности проведения выборов Президента РК, депутатов Парламента и проведения республиканского референдума, 2) рассмотрение до подписания Президентом РК принятые Парламентом законы на их соответствие Конституции РК; 3) рассмотрение на соответствие Конституции РК принятых Парламентом и его Палатами постановлений, 3) рассмотрение до ратификации международных договоров на соответствие Конституции РК; 4) официальное толкование норм Конституции РК; 5) подачу заключений в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 47 Конституции РК, т.е. досрочного освобождения Президента РК от должности (п. 1 ст. 72 Конституции РК).

В обеих странах заключения о конституционности нормативных актов даются в двух формах: предварительного (до принятия данного акта) и последующего (после его принятия) контролей. В РП предварительный контроль, в частности, возможен по инициативе Президента РП после принятия закона Парламентом, но до его подписания главой государства. Если КТ РП признает данный закон несоответствующим Конституции РП, Президент РП обязан отказаться от его подписания (п. 4 ст. 122 Конституции РП).

Как в РП, так и в РК, если конституционные суды в установленном порядке признают проверяемые нормативные акты противоречащими Конституции, такие акты утрачивают юридическую силу. Решения КТ РП и КС РК являются общеобязательными, окончательными и не подлежат обжалованию.

В РП они вступают в силу со дня их публикации в официальном журнале, тогда как в РК – с момента их принятия КС РК (п. 2 ст. 190 Конституции РП; п. 3 ст. 74 Конституции РК). При этом, в случае признания нормативного акта неконституционным, ни КТ РП, ни КС РК не обладают правом его самостоятельного изменения или правом законодательной инициативы.

В отличие от КС РК, КТ РП не уполномочен принимать решения относительно легальности выборов – данная компетенция в РП возложена на Верховный Суд. Кроме того, КТ РП не участвует в процедуре импичмента (досрочного освобождения от должности) главы государства, поскольку этим занимается отдельный орган – Государственный Трибунал РП. Однако КТ РП обладает правом устанавливать наличие препятствий, которые не позволяют Президенту РП осуществлять свои полномочия.

В случае временной неспособности выполнять свои функции Президент РП обязан уведомить об этом Спикера (Маршала) Сейма РП, который на период отсутствия главы государства принимает на себя его обязанности. Если же Президент РП не имеет возможности самостоятельно известить Спикера Сейма, КТ РП незамедлительно подтверждает факт наличия такой ситуации. Решение КТ РП по данному вопросу не может действовать более трех месяцев и утрачивает силу, если Президент РП уведомляет о возможности продолжать исполнение своих обязанностей или если его мандат прекращается (например, в случае смерти). При этом Конституция РП не содержит положений о праве КТ РП на толкование правовых актов. Хотя ранее КТ РП осуществлял такую деятельность, в настоящее время преобладает мнение, что он не обладает соответствующими полномочиями [10, s. 411].

В свою очередь, КТ РП уполномочен рассматривать так называемые «юридические вопросы», поступающие по запросу любого суда, столкнувшегося с проблемой соответ-

ствия действующего правового акта РП положениям Конституции РП. Каждый суд РП имеет право обратиться с таким запросом в рамках конкретного дела, находящегося в его производстве.

В сфере контроля за соответствием деятельности политических партий Конституции РП КТ РП выполняет две основные функции: оценку конституционности уставных целей политических партий и оценку конституционности их фактической деятельности. Инициировать данную процедуру вправе исключительно Окружной суд г. Варшавы. В случае серьезного несоответствия уставных целей или деятельности партии Конституции РП, КТ РП может применить крайнюю меру – ее делегализацию.

Еще одной важной компетенцией конституционных судов в демократических странах является рассмотрение конституционных жалоб, подаваемых широким кругом лиц.

В РП институт конституционной жалобы закреплен в главе 2 Конституции РП «Свободы, права и обязанности человека и гражданина» (п. 1 ст. 79 Конституции РП). Подать жалобу вправе любое лицо – как физическое (включая граждан и неграждан), так и юридическое (организации частного и публичного права) – если оно считает, что закон или иной действующий правовой акт РП нарушает его конституционные права и свободы. Жалоба должна быть подана в течение 3 месяцев после исчерпания всех средств правовой защиты и исключительно через квалифицированного представителя (адвоката).

В РК обращаться в КС РК с конституционной жалобой могут только граждане РК, если действующий нормативный акт РК непосредственно затрагивает их конституционные права и свободы (п. 3 ст. 72 Конституции РК).

В обеих странах рассмотрение конституционной жалобы может привести к признанию соответствующего правового акта неконституционным, что влечет за собой его исключение из правовой системы.

КТ РП выполняет еще одну функцию, не предусмотренную Конституцией РП. Так называемая сигнальная функция заключается в праве суда направлять соответствующим органам власти замечания о выявленных недостатках и пробелах в правовых актах, устранение которых необходимо для обеспечения целостности правовой системы (п. 2 ст. 4 закона о КТ РП). При этом органы власти не обязаны предпринимать правотворческие меры в ответ на такие замечания, поскольку их реализация носит рекомендательный характер.

Органы, уполномочены подавать заявки в конституционные суды

Согласно Конституции РП, заявления в КТ РП могут подавать: Президент РП, Спикер Сейма РП, Спикер Сената РП, Премьер-министр, группы, состоящие как минимум из 50 депутатов Сейма РП, 30 сенаторов, Первый Председатель Верховного суда, Председатель Высшего административного суда, Генеральный Прокурор РП, председатель Верховной контрольной палаты и Омбудсмен – по всем вопросам, указанным в ст. 188 Конституции РП; кроме того, Национальный совет юстиции – по вопросам о соответствии Конституции РП правовых актов о независимости судов и судей; представительные органы местного самоуправления, национальные органы профсоюзов и организаций работодателей, религиозные организации и субъекты – по вопросам, связанным с их деятельностью, а также другие физические и юридические лица, обладающие правом конституционной жалобы.

КС РК действует на основании обращений следующих субъектов: Президента РК, Председателя Сената, Председателя Мажилиса, не менее одной пятой части от общего числа депутатов Парламента либо Премьер-Министра РК во всех вопросах, перечисленных в п. 1 ст. 72 Конституции РК, а также по обращениям граждан РК рассматривает на соответствие Конституции РК нормативные правовые акты РК, непосредственно затрагивающие их права и свободы, закрепленные Конституцией РК; по обращениям Генерального Прокурора РК рассматривает вопросы относительно соответствия международных договоров Конституции РК до их ратификации и дает официальное толкование норм Конституции; по обращениям Уполномоченного по правам человека рассматривает на соответствие Конституции РК нормативным правовым актам, затрагивающие права и свободы человека и гражданина закрепленные Конституцией РК (п. 1-5 ст. 72 Конституции РК).

Заключение

Конституционное судопроизводство является фундаментом демократического правового государства, обеспечивая защиту Конституции, прав и свобод человека, а также формируя справедливый и стабильный правовой порядок. Его функционирование способствует укреплению верховенства закона, политической стабильности и общественного доверия к демократическим институтам, что делает его неотъемлемым элементом современных правовых систем.

Анализ конституционных положений, регулирующих деятельность КТ РП и КС РК, пока-

зывает, что оба суда относятся к современной централизованной модели конституционного правосудия и выполняют ключевые задачи по обеспечению верховенства Конституции. В то же время между ними существуют значительные различия, касающиеся численного состава судей, порядка их назначения, перечня субъектов, имеющих право подачи заявлений, а также объема компетенций.

Этот факт подтверждает, что централизованная модель конституционного судопроизводства имеет различные формы, которые формируются под влиянием политико-правовых особенностей каждой страны.

Прошедшие в последние годы реформы в сфере конституционного судопроизводства как в РК, так и в РП свидетельствуют о динамичности государственного строя и его способности адаптироваться к требованиям развития государственных институтов. Эти изменения отражают стремление к совершенствованию правовой системы, обеспечению более эффективной защиты Конституции и прав граждан, а также укреплению принципов верховенства закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Banaszak B. Porównawcze prawo konstytucyjne współczesnych państw demokratycznych. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2012. – 592 s .

2. Chodorowska A., Kuczma P., Michalska J. Organy ochrony prawnej. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2024. – 436 s.

3. Сапаргалиев Г.С. Конституционное право РК: Академический курс. - 3-е изд., с изм. и доп. - Алматы: Жеті жарғы, 2007. - 544 с.

4. Czachor R. Reformy konstytucyjne w państwach Azji Środkowej. Analiza porównawcza. Zeszyty Naukowe UJW. Studia z Nauk Społecznych. – 2019. - Tom 12. - S. 35-50.

5. Czachor R. Sądy konstytucyjne w państwach Kaukazu Południowego (Armenia, Azerbejdżan, Gruzja). Przegląd Prawa Konstytucyjnego. – 2023. - Tom 1. - S. 77-88.

6. Serafin S., Szmulik B., Organy ochrony prawnej RP. - Warszawa: C.H. Beck, 2010. - 536 s.

7. Kłopocka-Jasińska M. Trybunał Konstytucyjny. // Konstytucja i prawo konstytucyjne. Zarys wykładu, Warszawa: Wolters Kluwer, 2021. - S. 450-461.

8. Залесны Я., Остапович И. Ю. Конституционализм в Республике Казахстан: генезис, особенности и перспективы. Антиномии. - 2021. - №3. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizm-v-respublike-kazahstan-genezis-osobennosti-i-perspektivy.

9. Амандыкова С.К., Кожахметова С.Г. Роль и место Конституционного суда Республики Казахстан в механизме государства: конституционно-правовые аспекты. - Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2024. - №.2 (114). - С. 6-15.

10. Sarnecki P. Prawo konstytucyjne RP. - Warszawa: C.H. Beck, 2014. – 492 s.

REFERENCES

1. Banaszak B. Porównawcze prawo konstytucyjne współczesnych państw demokratycznych. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2012. – 592 s .

2. Chodorowska A., Kuczma P., Michalska J. Organy ochrony prawnej. - Warszawa: Wolters Kluwer, 2024. – 436 s.

3. Sapargaliev G.S. Konstitucionnoe pravo RK: Akademicheskij kurs. - 3-e izd., s izm. i dop. - Almaty: Zheti zharғy, 2007. - 544 s.

4. Czachor R. Reformy konstytucyjne w państwach Azji Środkowej. Analiza porównawcza. Zeszyty Naukowe UJW. Studia z Nauk Społecznych. – 2019. - Tom 12. - S. 35-50.

5. Czachor R. Sądy konstytucyjne w państwach Kaukazu Południowego (Armenia, Azerbejdżan, Gruzja). Przegląd Prawa Konstytucyjnego. – 2023. - Tom 1. - S. 77-88.

6. Serafin S., Szmulik B., Organy ochrony prawnej RP. - Warszawa: C.H. Beck, 2010. - 536 s.

7. Kłopocka-Jasińska M. Trybunał Konstytucyjny. // Konstytucja i prawo konstytucyjne. Zarys wykładu, Warszawa: Wolters Kluwer, 2021. - S. 450-461.

8. Zalesny Ja., Ostapovich I. Ju. Konstitucionalizm v Respublike Kazahstan: genezis, osobennosti i perspektivy. Antinomii. - 2021. - №3. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizm-v-respublike-kazahstan-genezis-osobennosti-i-perspektivy.

9. Amandykova S.K., Kozhahmetova S.G. Rol' i mesto Konstitucionnogo suda Respubliki Kazahstan v mehanizme gosudarstva: konstitucionno-pravovye aspekty. - Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija «Pravo». – 2024. - №.2 (114). - S. 6-15.

10. Sarnecki P. Prawo konstytucyjne RP. - Warszawa: C.H. Beck, 2014. – 492 s.

УДК 349.6
ГРНТИ 10.53.25

ЭВОЛЮЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА В РАМКАХ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Нукушева Айгуль Ашимовна[1]
Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова; г. Караганда, Республика Казахстан; e-mail: akuka007@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8018-6666; Scopus Author ID: 57193229324; Researcher ID WOS: AAK-2173-2021

Смагулова Томирис Сайлауовна
Докторант 1 курса Каспийского общественного университета; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: tomiris0103@mail.ru

Рустембекова Динара Кенжебековна
Доктор PhD, ассоциированный профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова; г. Караганда, Республика Казахстан; e-mail: dinara_226@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4408-7956; Scopus Author ID: 56027909500; Researcher ID WOS: AAK-2305-2021

Аннотация. *Одной из глобальных проблем XXI века стали климатические изменения, которые оказывают значительное влияние на экологические, социальные и экономические сферы жизни общества и государства. Эффективным механизмом решения данной всемирной проблемы является наличие климатического законодательства, направленного на снижение воздействия человеческой деятельности на климат и адаптацию к его изменениям. На сегодняшний день климатическое законодательство стало неотъемлемым элементом государственной политики многих стран мира. Данное исследование анализирует эволюцию международного законодательства по борьбе с изменением климата, а также изучает материалы международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций и Всемирная метеорологическая организация. В рамках исследования особо акцентируется, что решение вопросов, связанных с изменением климата, требует наличия эффективной политики и правового регулирования как на национальном, так и на глобальном уровне. Скоординированные действия в этих направлениях являются ключевыми для преодоления климатических вызовов и достижения устойчивого развития. В статье рассматриваются ключевые этапы формирования климатического законодательства Республики Казахстан в контексте выполнения обязательств, взятых в рамках международных конвенций и соглашений. Особое внимание уделено процессу интеграции международных обязательств, зафиксированных в положениях Парижского соглашения, в правовую систему Казахстана, а также государственным механизмам, направленным на уменьшение выбросов парниковых газов, продвижение возобновляемых и альтернативных источников энергии, внедрение углеродных рынков. В завершении отмечается значимость дальнейшего развития законодательной базы для повышения эффективности реализации климатических обязательств Казахстана, закрепленных Парижским соглашением, и достижения целей устойчивого развития в условиях мировых климатических изменений.*

Ключевые слова: *глобальное изменение климата, эволюция климатического законодательства, международное климатическое сотрудничество, сокращение выбросов парниковых газов, возобновляемые и альтернативные источники энергии, «зеленая» экономика.*

[1] *Автор для корреспонденции*

ПАРИЖ КЕЛІСІМІ ШЕҢБЕРІНДЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ КЛИМАТТЫҚ ЗАҢНАМАСЫНЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Айгуль Ашимовна Нукушева
Заң ғылымдарының кандидаты, профессор, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры; Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: akuka007@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8018-6666; Scopus Author ID: 57193229324; Researcher ID WOS: AAK-2173-2021

Томирис Сайлауовна Смагулова
Каспий қоғамдық университетінің 1 курс докторанты; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: tomiris0103@mail.ru

Динара Кенжебекқызы Рустембекова
PhD докторы, қауымдастырылған профессор, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры; Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: dinara_226@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4408-7956; Scopus Author ID: 56027909500; Researcher ID WOS: AAK-2305-2021

Аннотация. *XXI ғасырдың жаһандық проблемаларының бірі қоғам мен мемлекет өмірінің экологиялық, әлеуметтік және экономикалық салаларына айтарлықтай әсер ететін климаттық өзгерістер болды. Осы дүниежүзілік проблеманы шешудің тиімді тетігі адам қызметінің климатқа әсерін төмендетуге және оның өзгерістеріне бейімделуге бағытталған климаттық заңнаманың болуы болып табылады. Бүгінгі күні климаттық заңнама әлемнің көптеген елдерінің мемлекеттік саясатының ажырамас элементіне айналды. Бұл зерттеу климаттың өзгеруіне қарсы күрес жөніндегі халықаралық заңнаманың эволюциясын талдайды, сондай-ақ Біріккен Ұлттар Ұйымы және Дүниежүзілік метеорологиялық ұйым сияқты халықаралық ұйымдардың материалдарын зерделейді. Зерттеуде климаттың өзгеруіне байланысты мәселелерді шешу үшін ұлттық деңгейде де, жаһандық басқару деңгейінде де тиімді саясат пен құқықтық реттеудің болуы маңызды екендігі ерекше атап өтіледі. Осы бағыттардағы үйлестірілген әрекеттер климаттық қиындықтарды еңсеру және тұрақты дамуға қол жеткізу үшін негізгі фактор болып табылады. Мақалада халықаралық конвенциялар мен келісімдер шеңберінде алынған міндеттемелерді орындау тұрғысынан Қазақстан Республикасының климаттық заңнамасын қалыптастырудың негізгі кезеңдері қаралады. Қазақстанның құқықтық жүйесіне Париж келісімінде бекітілген халықаралық міндеттемелерді интеграциялау үдерісіне, сондай-ақ парниктік газдар шығарындыларын азайтуға, жаңартылатын және баламалы энергия көздерін дамытуға, көміртек нарықтарын енгізуге бағытталған мемлекеттік механизмдерге ерекше назар аударылған. Қорытынды бөлімде Париж келісімі шеңберінде Қазақстанның климаттық міндеттемелерін тиімді іске асыру және жаһандық климаттық өзгерістер жағдайында тұрақты даму мақсаттарына қол жеткізу үшін заңнамалық базаны одан әрі жетілдірудің маңыздылығы атап өтілген.*

Түйінді сөздер: *климаттың жаһандық өзгеруі, климаттық заңнаманың эволюциясы, халықаралық климаттық ынтымақтастық, парниктік газдар шығарындыларын азайту, жаңартылатын және баламалы энергия көздері, «жасыл» экономика.*

EVOLUTION OF CLIMATE LEGISLATION IN KAZAKHSTAN UNDER THE PARIS AGREEMENT

Nukusheva Aigul Ashimovna
Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law at Karaganda University named after Academician E.A. Buketov; Karaganda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: akuka007@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8018-6666; Scopus Author ID: 57193229324; Researcher ID WOS: AAK-2173-2021

Smagulova Tomiris Sailauovna
1st year doctoral student at Caspian University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: tomiris0103@mail.ru

Rustembekova Dinara Kenzhebekovna
PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law at Karaganda University named after Academician E.A. Buketov; Karaganda c., Republic of Kazakhstan; e-mail: dinara_226@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4408-7956; Scopus Author ID: 56027909500; Researcher ID WOS: AAK-2305-2021

Abstract. *One of the most significant global issues of the XXI century is climate change, which has a profound impact on the environmental, social, and economic spheres of life at the individual, community, and state levels. An efficacious mechanism for resolving this global issue is the presence of climate legislation designed to mitigate the impact of human activity on the climate and facilitate adaptation to its changes. In the contemporary era, climate legislation has become an integral component of public policy in numerous countries across the globe. This study examines the evolution of international climate change legislation and the contributions of international organizations, including the United Nations and the World Meteorological Organization. The study emphasizes that addressing issues related to climate change requires effective policy and legal regulation at both the national and global levels. Coordinated actions in these areas are essential for overcoming climate challenges and achieving sustainable development. Particular attention is paid to the process of integrating international commitments enshrined in the Paris Agreement into the legislation of Kazakhstan, as well as to the practical mechanisms of the state to reduce greenhouse gas emissions, develop renewable and alternative energy sources, and introduce carbon markets. In conclusion, the importance of further improvement of the legislative framework for more effective implementation of Kazakhstan's commitments under the Paris Agreement and sustainable development in the context of global climate change is emphasized.*

Keywords: *global climate change, evolution of climate legislation, international climate cooperation, reduction of greenhouse gas emissions, renewable and alternative energy sources, green economy.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_205

Введение

Глобальное изменение климата стало острой проблемой современности, требующей скоординированных и незамедлительных усилий всего мирового сообщества.

В настоящее время многие государства уделяют все более пристальное внимание охране климата и мерам, направленным на предотвращение изменений климата. Главный фокус международного сообщества направлен на уменьшение выбросов парниковых газов, среди которых доминирующую роль играет углекислый газ (CO2), за ним следуют метан (CH4) –обладающий куда более мощным парниковым эффектом, и закись азота (N2O). Согласно исследованиям, «ежегодное увеличение содержания углекислого газа (CO2) в атмосфере на одну-две части на миллион может привести к повышению глобальной температуры на 1–4,5 градуса Цельсия к 2025 году» [1].

Создание эффективного законодательства, направленного на снижение антропогенных воздействий на климат и адаптацию к последствиям климатических изменений, является главным инструментом борьбы с изменениями климата [2].

Стоит отметить, что эволюция климатического законодательства прошло долгий путь своего развития, начиная с первых научных открытий в области изменения климата [3] и заканчивая современными правовыми международными соглашениями и договорами. На сегодняшний день климатическое законодательство стало важным элементом государственной политики многих стран мира. Международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с изменением климата приобретает все большую значимость. Благодаря разработке и внедрению эффективных правовых механизмов как на национальном уровне, так и в рамках глобального управления, становится возможным сдерживать негативные процессы, которые способствуют изменению климатических условий [4].

Можно выделить следующие важные вехи формирования и развития климатического законодательства.

В начале XX века научные дискуссии о возможности влияния человеческой деятельности на климат носили ограниченный и в основном только теоретический характер. К 1950-м годам проводимые исследования стали указывать на тот факт, что промышленная деятельность, в частности сжигание ископаемого топлива, приводит

к негативным последствиям для климатической системы[2]. Однако несмотря на растущую обеспокоенность, изменение климата еще не было центральным вопросом для правовых или политических рамок.

1960-е и 1970-е годы ознаменовались началом более широкого экологического движения, когда растущая осведомленность о загрязнении окружающей среды, разрушении экосистем, негативных последствиях использования водородной бомбы, появлении ядерного оружия стала подчеркивать необходимость правовой защиты экологии.

Знаковым этапом в развитии международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды стало проведение в 1972 году Конференции ООН, посвященной вопросам окружающей среды человека. Эта встреча, также известная как Стокгольмская конференция, заложила основы для формирования современной системы международного экологического права [5].Результатом работы конференции явилось принятие первой декларации Организации Объединенных Наций о глобальной окружающей среде[3], которая закрепила 26 принципов сохранения окружающей среды и привела к созданию Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП),[4] которая заложила основу для будущего глобального экологического управления.

Важным историческим событием, сыгравшим важную роль в повышении осведомленности и обеспечении признания того, что климат является проблемой международного значения явилась организованная Всемирной метеорологической организацией (ВМО) при сотрудничестве с другими международными органами Первой Всемирной конференции по климату (12–23 февраля 1979 года, Женева). Итогом работы конференции стало принятие Декларации Всемирной конференции по климату. В разделе «Обращение к странам» этого документа подчеркивалось, «что для государств всего мира чрезвычайно важно: а) максимально использовать имеющиеся научные знания о климате; б) предпринимать меры для их дальнейшего расширения и углубления; в) предвидеть возможные антропогенные изменения климата и предотвращать их негативное воздействие на человечество»[5].

Одним из самых успешных международных экологических соглашений, ставшим примером успешного международного сотрудничества является Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой[6] принятый 16 сентября 1987 года. Его подписание помогло не только значительно сократить использование озоноразрушающих веществ, но и продемонстрировало эффективность коллективных усилий стран мира в решении глобальных экологических проблем.

В 1988 году, с целью получения точной научной информации, была образована Межправительственная комиссия по климатическим изменениям (МГЭИК)[7], которая функционирует при поддержке Организации Объединённых Наций [6].

МГЭИК ежегодно представляют оценочные доклады, которые становятся важным ориентиром для мировых лидеров, научного сообщества и общества в целом. Эти доклады на сегодняшний день служат не только источником актуальной информации о состоянии климата, но и инструментом, который помогает формировать международные стратегии и решения, направленные на снижение негативного воздействия на окружающую среду[8].

Таким образом, можно сделать вывод, что до 1992 года государства лишь закладывали фундамент для принятия документов, которые непосредственно определяли бы и устанавливали бы нормы по борьбе с изменением климата

Ключевым инструментом в формировании правовой базы противодействия климатическим изменениям стала Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК), утвержденная 9 мая 1992 года. Документ стал результатом саммита в Рио-де-Жа-

[2] *Climate Action Fast Facts. // URL: https://www.un.org/en/climatechange/science/key-findings (date of refernce: 11.09.2024).*
[3] *Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год //URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 11.09.2024).*
[4] *Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) // URL: https://www.un.org/ru/ga/unep/ (дата обращения: 11.09.2024).*
[5] *Декларация Всемирной конференции по климату, ВМО, Женева, 12-23 февраля 1979 г. // Документы Всемирной конференции по климату. - 1979. - 98 с. // URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_007470513?page=11&rotate=0&theme=white (дата обращения: 31.08.2024).*
[6] *Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, принят 16 сентября 1987 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 11.09.2024).*
[7] *The Intergovernmental Panel on Climate Change. // URL: https://www.ipcc.ch/ (date of reference: 03.02.2025).*
[8] *The Intergovernmental Panel on Climate Change. // URL: https://www.ipcc.ch/ (date of reference: 03.02.2025).*

нейро, в ходе которого 154 страны, осознав опасные последствия антропогенного влияния на климат [7], пришли к согласию о необходимости тесного международного взаимодействия с целью сдерживания глобального потепления. Включение в наименование конвенции термина «рамочный» было не случайным, так как РКИК предусматривала возможность заключения дополнительных протоколов для более эффективного регулирования.

С 1992 по 1997 год велась интенсивная работа по уточнению правовых положений и разработке планов, способствующих практической реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата. В декабре 1997 года, в городе Киото (Япония), представителями 159 стран был подписан дополнительный документ к РКИК [8] – Киотский протокол. Именно этот протокол стал ключевым шагом, позволившим перейти от принципов Рамочной конвенции к их эффективному воплощению.

Киотский протокол нацеливался на достижение фундаментальной цели, заложенной в Рамочной конвенции ООН об изменении климата, — предотвращение глобального потепления. Для этого предусматривалось ограничение выбросов шести видов парниковых газов [9], включая углекислый газ, метан и оксид азота, до уровня, не допускающего «опасного антропогенного воздействия на климатическую систему» (статья 2 РКИК). Несмотря на относительную успешность его реализации, в дальнейшем возникла необходимость в детальной проработке уже закрепленных положений.

Следующим этапом стало обсуждение проекта Копенгагенской договоренности в 2009 году. В проекте Копенгагенской договоренности было рассмотрено два момента. Среди ключевых инициатив предусматривалось, во-первых, сократить объем выбросов парниковых газов наполовину, а во-вторых — расширить участие в данном механизме развивающихся государств. Однако консенсуса достичь не удалось: позиции индустриально развитых стран и государств с формирующейся экономикой существенно расходились [9]. В результате Копенгагенская договоренность так и не была принята [10].

Со временем стороны Киотского протокола стали думать о необходимость создания и принятия нового документа, регулирующего вопросы по борьбе с изменениями климата.

Знаковым этапом в глобальных усилиях, направленных на сдерживание климатических изменений, стало проведение в 2015 году Двадцать первой Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, на которой обсуждались вопросы сохранения климатической системы планеты и дальнейшие перспективы по адаптации [4]. В ней приняли участие 195 представителей государств и международных организаций.

Исторически важным событием, ознаменовавшим начало перехода к низкоуглеродному миру, стало подписание 12 декабря 2015 года Парижского соглашения. Документ вступил в силу уже 4 ноября 2016 года — «в рекордно короткие сроки» [4]. На сегодняшний день к этому соглашению присоединились 194 страны[9].

Парижское соглашение по структуре состоит из 29 статьей и 16 пунктов преамбулы. По своей юридической форме Парижское соглашение, несмотря на отсутствие в наименовании термина «протокол», является дополнительным протоколом к Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

Следует подчеркнуть, что роль Парижского соглашения в формировании мировой климатической политики невозможно переоценить[10]. В отличие от Киотского протокола, который устанавливал обязательства только для развитых стран, Парижское соглашение предусматривает обязательства для всех стран мира, включая развивающиеся, что значительно усилило глобальное сотрудничество по проблеме изменения климата.

Разработка Парижского соглашения проходила в условиях сложных и порой напряженных переговоров, которые затрагивали множество ключевых вопросов. Одним из самых обсуждаемых аспектов было урегулирование вопроса связанного с необходимостью снижения выбросов парниковых газов всеми государствами, независимо от их уровня экономического развития. Важной темой обсуждения также стало финансирование проектов, направленных на борьбу с изменением климата и вопросы о необходимости создания должных механизмов мониторинга и отчетности, которые гарантировали бы, что страны действительно выполняют свои обязательства и добиваются намеченных целей. Главной особенностью Парижского соглашения стало его долго-

[9] Парижское соглашение // URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement (date of reference: 07.09.2024).

[10] 8-е национальное сообщение и 5-й двухгодичный доклад Республики Казахстан Рамочной Конвенции ООН об Изменении Климата. – Астана, 2022. – 514 с. // URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-09/684371_Kazakhstan-NC8-BR5-2-8NC_final_ru.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

срочная перспектива по предотвращению изменения климата.

Стоит отметить, что самым активным участником Парижского соглашения является Европейский союз (ЕС), который оказывает влияние на другие государства, задавая темп в области климатической политики. Стремясь стать первым климатически нейтральным континентом и утвердив себя как мирового лидера в сфере охраны окружающей среды, ЕС одним из первых в марте 2020 года представил законопроект о климате[11] и официально анонсировал программу «Нового зеленого курса» [11].

Проведя сравнительно-правовой анализ Киотского протокола и Парижского соглашения, можно выделить несколько ключевых отличий, которые делают Парижское соглашение более гибким и универсальным инструментом для борьбы с изменением климата. Во-первых, отличается более инклюзивным подходом, в котором участвуют все страны, независимо от уровня их экономического развития. Во-вторых, предусматривает национально определяемые вклады (NDC) («инструментарий для национальных правительств» [4, с.112].), позволяющие каждой стране выбирать механизмы, устанавливать собственные цели в соответствии со своими возможностями и национальными обстоятельствами.

Таким образом, Парижское соглашение не только должно стать инструментом борьбы с изменением климата [3], но и способствовать формированию более устойчивого и справедливого мира, в котором экология и экономика будут развиваться в полной гармонии.

В этой связи 15 декабря 2015 года Первый Президент Республики Казахстана Нурсултан Назарбаев, в ответ на заключение Парижского соглашения по климату, подтвердил полную поддержку страны и готовность к активному участию в реализации [3] «Нового соглашения по сокращению парниковых выбросов»[12].

Материалы и методы

В исследовании авторами использовался метод хронологического анализа, который позволил проследить последовательное развитие международного и национального климатического законодательства. Авторами были изучены ключевые этапы формирования и эволюции правовых норм и инициатив в области борьбы с изменением климата, также проанализированы важнейшие глобальные события и международные документы, которые оказали влияние на развитие национального климатического законодательства.

Исследование основывается на анализе международного законодательства и практик, регулирующих вопросы по борьбе с изменениями климата, а также на изучении материалов международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций и Всемирная метеорологическая организация.

В ходе написания работы применялся политико-правовой анализ эволюции климатического законодательства, который позволил, во-первых, выявить как изменение климата стало центральной темой для правового регулирования в международном масштабе, во-вторых, глубже понять, как взаимодействуют между собой международные обязательства и внутренние законодательные инициативы государства, в-третьих, выявить конкретные трудности и вызовы, с которыми сталкивается государство при выполнении своих международных обязательств, направленных на противодействие изменениям климата.

Результаты и обсуждение

Климатическое законодательство Казахстана занимает ключевое место в системе государственной политики, направленной на снижение негативного антропогенного влияния на природную среду, а также на эффективное выполнение принятых международных обязательств в сфере противодействия изменению климата [3].

Казахстан, являясь одним из крупнейших государств планеты, чья стремительно растущая экономика во многом опирается на добычу и экспорт углеводородов, сталкивается с серьезным вызовом. Перед страной стоит задача добиться дальнейшего экономического развития при одновременном до-

[11] *Proposal for a regulation of the European parliament and of the council establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulation (EU) 2018/1999 (European Climate Law) (Предложение по регламенту Европейского парламента и Совета, создание основы для достижения климатической нейтральности и внесение поправок в Регламент (ЕС) 2018/1999 (Европейское климатическое право). // Официальный сайт Европейской Комиссии. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ EN/TXT/?qid=1588 581905912&uri=CELEX:52020PC0080 (date of reference: 03.02.2025).*

[12] *Заявление Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева по итогам прошедшей 21-ой сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН по изменению климата в г. Париж // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/zayavlenie-prezidenta-kazahstana-nursultana-nazarbaeva-po-itogam-proshedshei-21-oi-sessii-konferencii-storon-ramochnoi-konvencii-oon-po-izme (дата обращения: 04.10.2024).*

стижении реального сокращения выбросов парниковых газов. Для этого необходима продуманная, комплексная стратегия, затрагивающая все ключевые сферы общественной жизни.

Казахстанское климатическое законодательство формирует ряд взаимосвязанных направлений деятельности. Прежде всего, в фокусе стоит безоговорочное сокращение объема парниковых газов, поступающих в атмосферу. Во-вторых, ключевой задачей является постепенный переход к «зеленой» экономике, где основной целью является не экономический рост, а устойчиво развитие с минимальными рисками для экологии. В-третьих, национальные правовые нормы направлены на сохранение уязвимых экосистем, включая степные, полупустынные и лесные территории. И, наконец, в-четвертых, государство должно обеспечить устойчивость к негативным последствиям изменения климата — засухам, наводнениям и экстремальным температурам.

Климатическое законодательство Казахстана прошло долгий путь своего эволюционного развития. Можно выделить два основных исторических периода климатической политики Казахстана: климатическая политика Казахстана до присоединения к Парижскому соглашению; присоединение Казахстана к Парижскому соглашению и адаптация климатического законодательства под требования соглашения.

В момент обретения Казахстаном независимости вопрос изменения климата был актуальным на международной арене, таким образом это потребовала соответствующих активных действий со стороны государства.

В 1992 году Казахстан подписал Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК) [12], а 4 мая 1995 году конвенция была ратифицирована[13].

Подписание РКИК было важным шагом для Казахстана, так как оно закрепило участие страны в международном климатическом сотрудничестве и позволило начать разработку внутренней климатической политики. Однако на период Казахстан еще не имел развернутой климатической стратегии или законодательства, так как проблема изменения климата в начале 1990-х годов не стояла в числе приоритетов направлений для страны.

На момент подписания РКИК в 1992 году было сформировано Приложение I, которое содержало список стран, считающихся в РКИК развитыми. Казахстан в данный список развитых стран РКИК не вошел.

На третьей Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1997 году, в рамках Киотского протокола, для государств, включенных в Приложение I РКИК, были введены конкретные количественные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. Таким образом, развитые страны, присоединившиеся к РКИК, должны были в ходе «первого бюджетного периода» существенно снизить объемы своих выбросов [9] на 5,2% по сравнению с совокупными выбросами в 1990 г.». Ввиду того, что Казахстан не входил в Приложение I РКИК соответствующих обязательств у государства не было. Однако в ноябре 1998 г. на четвертой Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении Казахстан добровольно изъявил желание взять на себя обязательства, направленные на уменьшение выбросов углерода в атмосферу для достижения конечной цели РКИК и Киотского протокола [13].

В марте 1999 году Казахстан на правах страны, не включенной в Приложение I РКИК, подписал Киотский протокол[14], а в апреле 1999 года изъявил желание войти в список развитых стран РКИК.

Ратификация Киотского протокола в Казахстане прошла 26 марта 2009 года[15]. Данное событие стало важным историческим шагом для Казахстана, так как это принесло ряд экономических выгод для страны в виде внедрения новых технологий и привлечения иностранных инвестиций, а также побудило Казахстан адаптировать национальное законодательство под международные стандарты, улучшить технологическую модернизацию и реализовать устойчивые проекты по борьбе с изменением климатом.

В 2009 году в Барселоне на заседании

[13] *Указ Президента Республики Казахстан от 4 мая 1995 г. № 2260 «О ратификациирамочной Конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002260_ (дата обращения: 14.10.2024).*

[14] *The second biennial report of the Republic of Belarus According to Commitments under the United Nations Framework Convention on Climate Change In accordance with Decisions 2 / CP.17 and 19 / CP.18 of the Conference of the Parties. – Minsk, 2015. – 38p. // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/br_2_belarus_eng_for_web.pdf (date of reference: 09.09.2024).*

[15] *О ратификации Киотского протокола к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Закон Республики Казахстан от 26 марта 2009 года № 144-IV // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000144_. (дата обращения: 09.09.2024).*

специальной рабочей группы по долгосрочным мерам сотрудничества Казахстан публично объявил о своем намерении уменьшить количественные показатели выбросов парниковых газов к 2020 году на 15%, к 2050 году на 25 % от базового 1992 года. В 2012 году базовый год был изменен на 1990.

Ратификация Киотского протокола и публичное заявление о количественных обязательствах стали основой для организации национальной системы торговли выбросами парниковых газов. Началась активная подготовка основных элементов, используемых при торговли квотами: была сформирована соответствующая платформа для их реализации, были созданы объекты торговли, был создан государственный реестра углеродных единиц [14], был образован соответствующий уполномоченный орган, а также разработана нормативно-правовая база. После создания нормативной, институциональной технической инфраструктуры в 2013 г. была запущена торговля квотами [14].

Следующим ключевым событием, повлиявшем на экологическое законодательство Казахстана, стало подписание Парижского соглашения. Осознавая важность принятия нового соглашения для борьбы с изменением климата, Казахстан сразу же заявил о своей твердой позиции в отношении развития тесных взаимосвязей с членами мирового сообщества и достижения целей и задач, утвержденных в Парижском соглашении.

4 ноября 2016 года Казахстан ратифицировал Парижское соглашение, а 6 декабря 2016 года документ вступил в законную силу.

В ратификации Парижского соглашения приняли участие не только законодатель в лице государственных органов, но также активную роль в этом процессе играли представители различных политических партий, эксперты и члены неправительственных организаций (среди них ЭкоФорум, USAID KCCMP, АО «Жасыл даму», Ассоциация «KAZENERGY», ОЮЛ «Коалиция за „зеленую“ экономику и развитие G-Global», Казахстанская ассоциация природопользователей, Евразийская промышленная ассоциация),[16] а также представители средств массовой информации.

Ратификация Парижского соглашения сильно повлияла на климатическую политику в Казахстане. Возникнувшие международные обязательства подтолкнули законодателя к разработке нового законодательства и совершенствования уже имеющегося, а также внедрению новых механизмов и технологий для реализации поставленной цели.

Так, в 2015 году Казахстаном был разработан и представлен первый план действий, направленный на сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию к изменениям климата - Определяемый на[17] национальном уровне вклад (сокращённо ОНУВ)[18]. Данный документ стал неотъемлемой частью обязательств государства по Парижскому соглашению. ОНУВ подвергаются обновлению каждые пять лет и содержат информацию о целевых показателях снижения выбросов парниковых газов [7], подкреплённых детально проработанными механизмами достижения этих целей, а также данные о применяемой финансовой стратегии.

Казахстан официально выразил безоговорочную готовность к сокращению объемов выбросов парниковых газов на 15 % к 2030 году – исполнение которого должно быть совершено вне зависимости от внешних факторов и международной поддержки. Также Казахстан представил условную цель, по которой предполагается сократить уровень выбросов к 2030 году на 25% по отношению к объему, зафиксированному в 1990 году [7], в случае если государство получит должное количество международного финансирования и технологической помощи.

Парижское соглашение приобретает особую актуальность в контексте международной выставки «ЭКСПО-2017», прошедшей в Астане под знаменательным лозунгом «Энергия будущего». Выставка, собравшая представителей со всего мира, стала значимой площадкой для обсуждения глобальных экологических проблем и поиска путей перехода к устойчивому развитию. Центральная тема «ЭКСПО-2017» энергоэффективность и возобновляемые источники энергии напрямую была связана с целями Парижского соглашения – ограничение глобального потепления и снижение выбросов парниковых газов.

[16] *В Мажилисе рабочая группа обсудила законопроект «О ратификации Парижского соглашения». – 3 октября 2016 г. // URL:https://online.zakon.kz/document/?doc_id=37099179&pos=5;-118#pos=5;-118 (дата обращения: 04.10.2024).*

[17] *Модели и инструменты углеродного регулирования и адаптации к изменениям климата. - Под общ. ред. Дорогов Н.И., Капитонов И.А., Кулясов Н.С.– Учебное пособию – М.: RuScience, 2024. – 153 с. // URL: https://book.ru/book/953404 (дата обращения: 04.09.2024).*

[18] *From Paris to Glasgow and beyond: Towards Kazakhstan's carbon neutrality by 2060. // URL: https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/paris-glasgow-and-beyond-towards-kazakhstans-carbon-neutrality-2060 (date of reference: 04.10.2024).*

Выставка «ЭКСПО-2017» продемонстрировала широкий спектр инновационных решений в области «зеленой» энергетики. Среди них — проекты в сфере солнечной, ветровой и геотермальной энергетики, а также новейшие технологии энергосбережения и повышения энергоэффективности зданий. Примечательно, что многие павильоны функционировали за счет возобновляемых источников энергии, подтверждая практическую значимость таких подходов, что служило наглядным примером практического применения технологий, способствующих достижению целей Парижского соглашения.

«ЭКСПО-2017» привлекло внимание более 115 стран, 22 международных организаций, 4 миллиона посетителей из которых 650 тысяч зарубежных туристов, 40 глав государств приняли участие в мероприятии, 100 компаний со всего мира приняли участие в конкурсе на лучшую идею выставочного комплекса,[19] что позволило не только продемонстрировать «интеллектуальный и технологический потенциал всей нашей планеты»,[20] но также значительно повысить статус Казахстана на мировой арене.

Кроме того, в рамках выставки проводились многочисленные конференции, семинары и дискуссии, посвященные проблемам климатических изменений и путям их решения.

Логичным продолжением и эффективным использованием инфраструктуры и наследия Международной специализированной выставки «ЭКСПО-2017» в Астане стало создание в 2018 году Некоммерческое акционерное общество «Международный центр зеленых технологий и инвестиционных проектов», единственным акционером которого является Правительство Казахстана в лице Министерства экологии и природных ресурсов РК[21].

Важным событием в сфере климатической политики Казахстана стало принятие нового Экологического Кодекса в 2021 году, который включил в себя опыт стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и стран Европейского союза[22].

Одной из особенностей Экологического кодекса стало появление 22 главы, посвященной государственному управлению в сфере адаптации к изменению климата, приоритетными направлениями которой стали сельское, водное и лесное хозяйство, а также гражданская защита (ст. 313 Экологического кодекса РК)[23].

Появление главы 22 Экологического кодекса РК оказало значительное влияние на другие нормативно правовые акты. Так, в лесном законодательстве напрямую закреплено, что защита и охрана государственного лесного фонда охватывают реализацию мер по адаптации к изменению климата и снижению уязвимости перед его негативными последствиями (п. 10 ст. 62 Лесного кодекса РК).[24].

Более того, в новом Экологическом кодексе предусмотрен специальный механизм торговли выбросами, который также направлен на реализации безусловной цели Казахстана в рамках ОНУВ.

В июне 2014 года была утверждена Концепция развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан до 2030 года[25], а в июле 2020 года — план мероприятий по реализации перехода Казахстана к «зеленой экономике» на 2021–2023 годы[26], согласованный с ОНУВ. Эти стратегические

---

[19] Из международной выставки в инновационный кластер: как на EXPO зародилась новая экосистема // URL: https://qazexpocongress.kz/ru/news/iz-mezhdunarodnoj-vystavki-v-innovaczionnyj-klaster-kak-na-expo-zarodilas-novaya-ekosistema/ (дата обращения: 04.10.2024).

[20] Участие в церемонии закрытия международной специализированной выставки «ЭКСПО-2017» // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/uchastie-v-ceremonii-zakrytiya-mezhdunarodnoi-specializirovannoi-vystavki-ekspo-2017 (дата обращения: 04.10.2024).

[21] Официальный сайт НАО "Международный центр зеленых технологий и инвестиционных проектов" // URL: https://igtipc.org/ (дата обращения: 04.10.2024).

[22] 8-е национальное сообщение и 5-й двухгодичный доклад Республики Казахстан Рамочной Конвенции ООН об Изменении Климата. – Астана, 2022. – 514 с. - [Электронный ресурс]. – URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-09/684371_Kazakhstan-NC8-BR5-2-8NC_final_ru.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

[23] 8-е национальное сообщение и 5-й двухгодичный доклад Республики Казахстан Рамочной Конвенции ООН об Изменении Климата. – Астана, 2022. – 514 с. // URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-09/684371_Kazakhstan-NC8-BR5-2-8NC_final_ru.pdf (дата обращения: 09.09.2024).

[24] Там же.

[25] Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 июня 2014 года № 724 «Об утверждении Концепции развития топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы». - [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P140000072 (дата обращения: 09.09.2024).

[26] Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 июля 2020 года № 479 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции по переходу Республики Казахстан к "зеленой экономике" на 2021 – 2030 годы». Утратило силу постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2024 года № 1019. - [Электронный ресурс].

документы предусматривают такие шаги, как сокращение объема вредных выбросов, а также расширение использования газовых, возобновляемых и атомных энергоисточников. Примерами реализации целей данных документов являются завершение строительства газопровода «Сарыарка» (2019 г.), перевод теплоцентралей Астаны на природный газ, строительство ветряной электростанции Жанатас, принятие решения о строительстве атомной электростанции на берегу озера Балхаш (2024 г.), а также создание большого количества возобновляемых источников энергии.

Казахстан, выполняя свои обязательства в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижского соглашения, совместно с Программой развития ООН разработал Дорожную карту, направленную на адаптацию к последствиям изменения климата, которая стала основой для планирования и внедрения соответствующих стратегических мер[27] на различных национальных уровнях (государственные, территориальные, отраслевые и т.д.), предусматривает вопросы по дальнейшему реформированию нормативной базы.

25 февраля 2021 году на пятом заседании Национального совета общественного доверия Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев заявил о необходимости разработки нового закона по развитию альтернативной энергетики. Касым-Жомарт Токаев отметил, что «данная сфера является критически важной для Казахстана, так как определяет будущее нашей страны»[28].

На территории Казахстана действует Закон РК «О поддержке использования возобновляемых источников энергии» от 4 июля 2009 г., однако данный закон не предусматривает производства всех возможных альтернативных источников энергии[29]. Поэтому Президент отметил о необходимости отразить в новом законе регулирование и возобновляемых, и всех альтернативных источников энергии.

Стоит отметить, что именно освоение альтернативных источников энергии и альтернативных видов топлива является действенным фактором повышения уровня энергетической безопасности. и снижение антропогенного влияния энергетической отрасли на окружающую среду [15].

6 июня 2024 года Сенат Республики Казахстан одобрил законопроект об использовании возобновляемых источников энергии [16]. Впоследствии, 19 июня 2024 года, Президент Касым-Жомарт Токаев подписал Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам поддержки использования возобновляемых источников энергии и электроэнергетики»[30].

2 февраля 2023 года Президент Касым-Жомарт Токаев подписал Стратегию достижения углеводородной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года[31], которая была разработана на основе всемирных климатических трендов и для исполнения страной своих международных обязательств[32]. Стратегия продемонстрировала долгосрочное видение перехода к низким выбросам парниковых газов, а также стратегический курс по преобразованию национальной экономики для устойчивого экономического роста и социального прогресса.

Таким образом, Стратегия достижения углеводородной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года призвана стать долгосрочным стратегическим планом, определяющим вектор развития страны на десятилетия вперед, тем самым трансформируя экономику и выталкивая ее на совершенно новый уровень технологического развития. Ключевой элемент стратегии – диверсификация экономики – должна позволить сни-

– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000479/info (дата обращения: 09.09.2024).

[27] Там же.

[28] Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на VI заседании Национального совета общественного доверия // URL: https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-k-tokaeva-na-vi-zasedanii-nacionalnogo-soveta-obshchestvennogo-doveriya-16104216 (дата обращения: 04.10.2024).

[29] Закон Республики Казахстан от 4 июля 2009 года № 165-IV «О поддержке использования возобновляемых источников энергии» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000165_ (дата обращения: 04.10.2024).

[30] Закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 96-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам поддержки использования возобновляемых источников энергии и электроэнергетики» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000096 (дата обращения: 04.10.2024).

[31] Конкурсная документация на программно-целевое финансирование по научным, научно-техническим программам на 2024-2026 годы // Утверждена приказом Председателя Комитета науки от «22» апреля 2024 года № 55-нж (дата обращения: 04.10.2024).

[32] Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121 «Об утверждении Стратегии достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121 (дата обращения: 04.10.2024).

зить зависимость государства от углеводородного сектора и создать новые, более устойчивые и конкурентоспособные отрасли. Успешная реализация стратегии будет определять будущее Казахстана как экономически процветающей и экологически ответственный страны.

Заключение

Одной из главных проблем XXI века, оказывающей значительное влияние на экономическое и социальное процветание всех государств мира, является изменение климата. Для должного и эффективного регулирования данной проблемы государства разрабатывают соответствующие нормативно-правовые акты, главной целью которых является охрана климата и адаптация к его изменениям.

Эволюция климатического законодательства Казахстана прошла долгий путь свое становления и развития.

В период обретения Казахстаном независимости основные усилия государства были направлены на становление политической и экономической системы, адаптацию к рыночной экономике и реформирование государственной структуры. Вопросы охраны окружающей среды и изменения климата ранее не находились в центре внимания с той остротой, которая наблюдается сегодня. Тем не менее, даже несмотря на отсутствие приоритетности климатического законодательства на начальных этапах, оно постепенно приобретало значимость. Это стало возможным благодаря увеличению осознания масштабности глобальных экологических вызовов и признанию необходимости активного участия Казахстана в международных инициативах по их преодолению.

Ключевые исторические события, оказавшие значительное влияние на формирование климатического законодательства Казахстана, включают подписание и ратификацию Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), Киотского протокола и Парижского соглашения. Особое значение для национальной климатической политики имело подписание Казахстаном Парижского соглашения в 2015 году, которое стало поворотным моментом в развитии стратегического подхода к решению климатических вызовов.

Стоит отметить, что до ратификации Парижского соглашения Казахстан уже имел базовые законодательные акты, направленные на улучшение экологической ситуации и снижение загрязнения. Однако существующие инициативы в основном носили декларативный характер и не всегда обеспечивали необходимую юридическую строгость. Это ограничивало их эффективность в контексте реализации реальных изменений и сокращения выбросов парниковых газов. Множество мероприятий оставались на уровне рекомендаций и планов, не имея обязательного характера для промышленности и бизнеса. Кроме того, правовая инфраструктура и институциональная поддержка были недостаточно развиты для того, чтобы превратить экологические цели в конкретные действия.

С подписанием Парижского соглашения ситуация значительно изменилась:

Во-первых, Казахстан взял на себя международные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, официально заявив о намерении снизить их объем на 15 % к 2030 году. Дополнительно была обозначена условная цель — уменьшить выбросы на 25 % к 2030 году при условии предоставления международного финансирования и технологической поддержки [9].

Во-вторых, Казахстан продолжил активное совершенствование и реформирование климатического законодательства[33]. Так, в 2021 году был принят новый Экологический Кодекс, в котором появилась глава, регулирующая вопросы адаптации к изменению климата[34], были регламентированы такие механизмы как система торговли углеводородными квотами, улучшение энергоэффективности, внедрение возобновляемых источников энергии и активное развитие «зелёной» экономики[35]. В 2023 году страна утвердила Стратегию достижения углеродной нейтральности до 2060 года[36], тем са-

[33] *The second biennial report of the Republic of Belarus According to Commitments under the United Nations Framework Convention on Climate Change In accordance with Decisions 2 / CP.17 and 19 / CP.18 of the Conference of the Parties. – Minsk, 2015. – 38p. // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/br_2_belarus_eng_for_web.pdf (date of reference: 09.09.2024).*

[34] *8-е национальное сообщение и 5-й двухгодичный доклад Республики Казахстан Рамочной Конвенции ООН об Изменении Климата. – Астана, 2022. – 514 с. // URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-09/684371_Kazakhstan-NC8-BR5-2-8NC_final_ru.pdf (дата обращения: 09.09.2024).*

[35] *Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&pos=412;-133#pos=412;-133 (дата обращения: 04.10.2024).*

[36] *Образование и транспорт: от теории к практике: Международ. молод. науч.-практ. конф. 01–02 октября 2023 г. Самара – Оренбург / редкол.: А.Н. Попов [и др.]. Самара – Оренбург: СамГУПС, ОрИПС, 2023. – 440 с. // URL: https://www.samgups.ru/about/struktura_universiteta/filialy/vpo/orenburg/nauka/sborniki/202023.pdf (дата обращения: 11.09.2024).*

мым заявив о своих амбициозных целях в совершенствовании национального климатического законодательства и приверженности принципам устойчивого развития.

В-третьих, ратификация Парижского соглашения открыло Казахстану путь к привлечению международных инвестиций, ставшими важным источником финансирования возобновляемых источников энергии, улучшения экологической инфраструктуры и создания рабочих мест в «зеленых» отраслях экономики.

В-четвертых, принятие Парижского соглашения поспособствовало укреплению и повышению международной репутации Казахстана как важного субъекта на мировой арене в вопросах борьбы с изменением климата.

Для более эффективного выполнения международных обязательств Казахстана в рамках Парижского соглашения можно предложить следующие меры по совершенствованию законодательной базы:

- Усилить правовые обязательства по снижению выбросов парниковых газов для ключевых отраслей экономики. Важно установить четкие количественные показатели и механизмы контроля за их выполнением, а также предусмотреть санкции за несоответствие экологическим стандартам.

- Стимулировать переход к возобновляемым источникам энергии. Например, это может включать налоговые льготы для компаний, инвестирующих в низкоуглеродные технологии, субсидии для разработки и внедрения возобновляемых источников энергии, а также создание «зеленых» сертификатов и квот на выбросы парниковых газов.

- Учитывать региональный аспект страны при регулировании объемов эмиссии парниковых газов. Такой метод предоставит возможность учитывать углеродную интенсивность экономик разных регионов и их потенциал в достижении целевых показателей через более рациональное распределение углеродной нагрузки [17].

- Интегрировать климатическую политику в экономическую стратегию страны на всех уровнях. Например, путем создания благоприятного инвестиционного климата, привлечения частных инвестиций в процесс декарбонизации, учёта климатических рисков в экономическом планировании, путем внедрения климатической отчетности для бизнеса.

- Продолжить дальнейшее активное развитие системы торговли углеродными квотами и создать механизмы для эффективного функционирования углеродного рынка в Казахстане. Важно создать финансовые инструменты, которые позволят предприятиям компенсировать углеродные выбросы через покупку углеродных квот или инвестирование в проекты по сокращению выбросов.

Таким образом, можно сделать вывод, что ратификация Парижского соглашения стало решающим шагом для Казахстана. Это событие ознаменовало переход государства к активному участию в формировании современной, комплексной, интеграционной политики, дальнейшем совершенствовании законодательной базы и усилении международного сотрудничества.

Таким образом, дальнейшее совершенствование климатического законодательства Республики Казахстан представляет собой важный шаг на пути к устойчивому будущему нашей страны в условиях глобальных климатических вызовов и для более эффективного выполнения обязательств Казахстана в рамках Парижского.

Научная статья подготовлена в рамках грантового финансирования по научным и (или) научно-техническим проектам на 2024-2026 годы, направленная на реализацию проекта ИРН AP23490668 «Правовые аспекты переработки и утилизации твердых бытовых отходов в Республике Казахстан: проблемы и перспективы», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Вклад авторов

Нукушева А.А. разработала научную концепцию исследования, определила ключевые правовые аспекты климатического законодательства и провела анализ международных нормативных актов в рамках Парижского соглашения.

Смагулова Т.С. провела сбор и систематизацию нормативных правовых актов Республики Казахстан в сфере климатического регулирования, а также выполнила сравнительно-правовой анализ с законодательством других стран.

Рустембекова Д.К. осуществила юридическую экспертизу интеграции международных обязательств в правовую систему Казахстана, участвовала в формировании выводов и рекомендаций, а также занималась редактированием и оформлением статьи.

Все авторы приняли равное участие в обсуждении результатов исследования, согласовали окончательный текст статьи и несут ответственность за её содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовик О.Л. Международно-правовое регулирование охраны климата: история, актуальные задачи и тенденции реализации (статья) - Модернизация законодательства Европейского союза об охране климата и энергосбережении. – 2014. – С. 43-59. - [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24557821 / https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-ohrany-klimata-istoriya-aktualnye-zadachi-i-tendentsii-realizatsii-statya (дата обращения: 29.08.2024).

2. Carlos H.B. Creating secure urbanities: The city as a tapestry of layers of eco-infrastructures // International Conference on Infrastructure Systems and Services: Developing 21st Century Infrastructure Networks (INFRA). - 11-13 November, 2010. - [Electronic resource]. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/5679220 (date of reference: 09.09.2024).

3. Гарафова Д.И. Новеллы Парижского соглашения по климату 2015 г.: анализ механизмов осуществления // Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal. – 2018. – 3. – С.24-32. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-parizhskogo-soglasheniya-po-klimatu-2015-g-analiz-mehanizmov-osuschestvleniya (дата обращения: 09.09.2024).

4. Путилина М.И. Этапы международно-правового регулирования в области сохранения климата // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – №2(48). – С. 108-116. - [Электронный ресурс]. – URL: https://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/2021-02/v2021-02-11.pdf // https://elibrary.ru/item.asp?id=46302231 (дата обращения: 09.09.2024).

5. Цверианашвили И.А. Стокгольмская конференция 1972 г. и её роль в становлении международного экологического сотрудничества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. - № 1. – С. 89–94. - [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25996536 (дата обращения: 09.09.2024).

6. Умнова-Конюхова И.А. Климатическое право как ответ на глобальное изменение климата и его последствия: современные подходы к формированию и перспективы развития (статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право: Реферативный журнал. – 2024. – Сер. 4. – С. 7-28. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klimaticheskoe-pravo-kak-otvet-na-globalnoe-izmenenie-klimata-i-ego-posledstviya-sovremennye-podhody-k-formirovaniyu-i-perspektivy (дата обращения: 03.02.2025).

7. Никонов Р.В. Развитие правового регулирования в сфере предупреждения изменения климата в России, Германии и Франции: дисс. .... к.ю.н. - [Электронный ресурс]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010787547 (дата обращения: 09.09.2024).

8. Суховерхов К.К. Отношения России и Европейского Союза в области защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата. Доклад №75/2021. – Монография. – М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2021. – 32 с. - [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47317857 (дата обращения: 11.09.2024).

9. Israa S.A., Mahmoud K., Marwan M.A., Saeed H.A. Technological Advancements and the Global Response to the Climate Change: Role of International Organizations // ASU International Conference in Emerging Technologies for Sustainability and Intelligent Systems (ICETSIS). - 28-29 January, 2024. - [Electronic resource]. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/10459569 (date of reference: 11.09.2024).

10. Сидорова Т.Ю. Реализация идеи дифференцированной ответственности от Киотского протокола до Парижского соглашения // Сибирский юридический вестник. – 2018. - №1. – С. 138-142. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-idei-differentsirovannoy-otvetstvennosti-ot-kiotskogo-protokola-do-parizhskogo-soglasheniya (дата обращения: 09.09.2024).

11. Трифонова И.А. Подходы к реализации первых этапов Парижского соглашения // Образование и право. – 2020. - № 12. – С. 329-332. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-realizatsii-pervyh-etapov-parizhskogo-soglasheniya (дата обращения: 03.02.2024).

12. Heywood A. Global Politics. - 2011. – 585 p. - [Electronic resource]. – URL: https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow/1657470/108/ (date of reference: 09.09.2024).

13. Каражан Е. Перспективы участия Казахстана в международной углеродной торговле // Журнал «Экономические стратегии – Центральная Азия». – 2007. – №4. – С. 52-58.

14. Додонов В.Ю. Система торговли квотами на выбросы парниковых газов в Казахстане. Оценка первого опыта и перспективы. – 2016. – №3. - С. 67-75. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/358638801_The_System_of_Greenhouse_Gas_Emission_Trading_in_Kazakhstan_First_Experience_Evaluation_and_Perspectives_About_the_Author // https://elibrary.ru/item.asp?id=28394201 (дата обращения: 04.09.2024).

15. Кукеев А.К. Административно-правовое регулирование предотвращения изменения климата в Республике Казахстан // Образование и право. – 2024. - №6. – С. 204-207. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-predotvrascheniya-izmeneniya-klimata-v-respublike-kazahstan (дата обращения: 03.02.2025).

16. Комендантова Н.П., Дворников В.А. Рекомендации по внедрению стандартов зеленого строительства в Казахстане // OSCE report final corrected_January 15, 2018. - 39 с. - [Электронный ресурс]. – URL:https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15194/1/OSCE%2018.pdf (дата обращения: 11.09.2024).

17. Истомин И.С. Региональное распределение обязательств по сокращению выбросов парниковых газов в Казахстане для достижения целей в Парижском соглашении // Проблемы региональной экологии. – 2020. - № 4. – С. 107-112. - [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-raspredelenie-obyazatelstv-po-sokrascheniyu-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-kazahstane-dlya-dostizheniya-tseley-v (дата обращения: 03.02.2025).

REFERENCES

1. Dubovik O.L. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie ohrany klimata: istorija, aktual'nye zadachi i tendencii realizacii (stat'ja) - Modernizacija zakonodatel'stva Evropejskogo sojuza ob ohrane klimata i jenergosberezhenii. – 2014. – S. 43-59. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24557821 / https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-ohrany-klimata-istoriya-aktualnye-zadachi-i-tendentsii-realizatsii-statya (data obrashhenija: 29.08.2024).

2. Carlos H.B. Creating secure urbanities: The city as a tapestry of layers of eco-infrastructures // International Conference on Infrastructure Systems and Services: Developing 21st Century Infrastructure Networks (INFRA). - 11-13 November, 2010. - [Electronic resource]. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/5679220 (date of reference: 09.09.2024).

3. Garafova D.I. Novelly Parizhskogo soglashenija po klimatu 2015 g.: analiz mehanizmov osushhestvlenija // Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal. – 2018. – 3. – S.24-32. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-parizhskogo-soglasheniya-po-klimatu-2015-g-analiz-mehanizmov-osuschestvleniya (data obrashhenija: 09.09.2024).

4. Putilina M.I. Jetapy mezhdunarodno-pravovogo regulirovanija v oblasti sohranenija klimata // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – №2(48). – S. 108-116. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/2021-02/v2021-02-11.pdf // https://elibrary.ru/item.asp?id=46302231 (data obrashhenija: 09.09.2024).

5. Cverianashvili I.A. Stokgol'mskaja konferencija 1972 g. i ejo rol' v stanovlenii mezhdunarodnogo jekologicheskogo sotrudnichestva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2016. - № 1. – S. 89–94. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25996536 (data obrashhenija: 09.09.2024).

6. Umnova-Konjuhova I.A. Klimaticheskoe pravo kak otvet na global'noe izmenenie klimata i ego posledstvija: sovremennye podhody k formirovaniju i perspektivy razvitija (stat'ja) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal. – 2024. – Ser. 4. – S. 7-28. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klimaticheskoe-pravo-kak-otvet-na-globalnoe-izmenenie-klimata-i-ego-posledstviya-sovremennye-podhody-k-formirovaniyu-i-perspektivy (data obrashhenija: 03.02.2025).

7. Nikonov R.V. Razvitie pravovogo regulirovanija v sfere preduprezhdenija izmenenija klimata v Rossii, Germanii i Francii: diss. .... k.ju.n. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010787547 (data obrashhenija: 09.09.2024).

8. Suhoverhov K.K. Otnoshenija Rossii i Evropejskogo Sojuza v oblasti zashhity okruzhajushhej sredy i bor'by s izmeneniem klimata. Doklad №75/2021. – Monografija. – M.: Nekommercheskoe partnerstvo «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam», 2021. – 32 s. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47317857 (data obrashhenija: 11.09.2024).

9. Israa S.A., Mahmoud K., Marwan M.A., Saeed H.A. Technological Advancements and the Global Response to the Climate Change: Role of International Organizations // ASU International Conference in Emerging Technologies for Sustainability and Intelligent Systems (ICETSIS). - 28-29 January, 2024. - [Electronic resource]. – URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/10459569 (date of reference: 11.09.2024).

10. Sidorova T.Ju. Realizacija idei differencirovannoj otvetstvennosti ot Kiotskogo protokola do Parizhskogo soglashenija // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2018. - №1. – S. 138-142. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-idei-differentsirovannoy-otvetstvennosti-ot-kiotskogo-protokola-do-parizhskogo-soglasheniya (data obrashhenija: 09.09.2024).

11. Trifonova I.A. Podhody k realizacii pervyh jetapov Parizhskogo soglashenija // Obrazovanie i pravo. – 2020. - № 12. – S. 329-332. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-realizatsii-pervyh-etapov-parizhskogo-soglasheniya (data obrashhenija: 03.02.2024).

12. Heywood A. Global Politics. - 2011. – 585 p. - [Electronic resource]. – URL: https://pps.kaznu.kz/kz/Main/FileShow/1657470/108/ (date of reference: 09.09.2024).

13. Karazhan E. Perspektivy uchastija Kazahstana v mezhdunarodnoj uglerodnoj torgovle // Zhurnal «Jekonomicheskie strategii – Central'naja Azija». – 2007. – №4. – S. 52-58.

14. Dodonov V.Ju. Sistema torgovli kvotami na vybrosy parnikovyh gazov v Kazahstane. Ocenka pervogo opyta i perspektivy. – 2016. – №3. - C. 67-75. – [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/358638801_The_System_of_Greenhouse_Gas_Emission_Trading_in_Kazakhstan_First_Experience_Evaluation_and_Perspectives_About_the_Author // https://elibrary.ru/item.asp?id=28394201 (data obrashhenija: 04.09.2024).

15. Kukeev A.K. Administrativno-pravovoe regulirovanie predotvrashhenija izmenenija klimata v Respublike Kazahstan // Obrazovanie i pravo. – 2024. - №6. – S. 204-207. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoe-regulirovanie-predotvrascheniya-izmeneniya-klimata-v-respublike-kazahstan (data obrashhenija: 03.02.2025).

16. Komendantova N.P., Dvornikov V.A. Rekomendacii po vnedreniju standartov zelenogo stroitel'stva v Kazahstane // OSCE report final corrected_January 15, 2018. - 39 c. - [Jelektronnyj resurs]. – URL:https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15194/1/OSCE%2018.pdf (data obrashhenija: 11.09.2024).

17. Istomin I.S. Regional'noe raspredelenie objazatel'stv po sokrashheniju vybrosov parnikovyh gazov v Kazahstane dlja dostizhenija celej v Parizhskom soglashenii // Problemy regional'noj jekologii. – 2020. - № 4. – S. 107-112. - [Jelektronnyj resurs]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnoe-raspredelenie-obyazatelstv-po-sokrascheniyu-vybrosov-parnikovyh-gazov-v-kazahstane-dlya-dostizheniya-tseley-v (data obrashhenija: 03.02.2025).

УДК 341.96
ГРНТИ 10.89.47

МЕЖДУНАРОДНЫЕ БРАКИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Азретбергенова Индира Жарылкасыновна
Доктор PhD Турции, ассистент профессора кафедры «Медицинское право» Казахского национального медицинского университета имени С.Д. Асфендиярова; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: iazret@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7578-2981

Тайторина Бинур Адамовна[1]
Доктор юридических наук, профессор факультета истории и права Казахского национального университета имени Абая; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: binur.a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5663-5473; Researcher ID WOS: AAE-4441-2022, Scopus Author ID: 57192686384

Бейсенбаева Маншук Токтарбековна
Кандидат юридических наук, ассоцированный профессор кафедры «Право» Казахского Национального аграрного исследовательского университета; г.Алматы, Республика Казахстан; e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8922-3160

Аннотация. *Комплексное исследование правовых аспектов семейно-брачных отношений с иностранным элементом в Казахстане и за рубежом нацелено на выявление проблем существующей правовой системы для повышения правовой безопасности и защиты прав всех участников этих отношений. Изучение и сопоставление правовых норм и практик в Казахстане и других странах с обусловлено задачей выявления общего и отличительного в подходах к регулированию семейно-брачных отношений с иностранным элементом. Оценка и интерпретация правовых норм осуществлена через призму теории прав человека и сравнительного права, что позволяет обосновать особенности и проблемы регулирования семейно-брачных отношений.*

На основе современных научных методов сделан анализ существующих подходов в разных странах к вопросам заключения брака, определения применимого права в международных семейных спорах в контексте различных правопорядков. Анализ семейного законодательства Республики Казахстан осуществлен с учетом исторического контекста развития. В статье подчеркивается, что на фоне глобализации и увеличения миграционных потоков семейное законодательство сталкивается с новыми вызовами, связанными с многонациональностью, разнообразием культурных и религиозных норм. Важным аспектом анализа является необходимость адаптации международных норм и стандартов в национальное законодательство. Исследование затрагивает актуальные вопросы применения коллизионных норм в семейно-брачных отношениях с иностранным элементом. Одним их важных результатов исследования является обоснование проблемы восстановления норм международного частного права в действующем законодательстве Республики Казахстан для того, чтобы создать более прозрачную и безопасную правовую среду для всех участников международных семейных отношений. Исследование позволило сделать выводы о необходимости дальнейшего развития семейного законодательства Республики Казахстан, направленного на защиту прав граждан и соответствие современным международным требованиям.

Ключевые слова: *право, правовое регулирование, брачно-семейные отношения с иностранным элементом, семейное законодательство, коллизионные нормы, международное семейное право, международный брак.*

[1] *Автор для корреспонденции*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ НЕКЕЛЕР: ШЕТЕЛДІК ЭЛЕМЕНТІ БАР ОТБАСЫЛЫҚ-НЕКЕЛІК ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Индира Жарылқасынқызы Әзретбергенова
PhD докторы, С.Д.Асфендияров атындағы Қазақ ұлттық медициналық университетінің "Медициналық құқық" кафедрасының профессорының ассистенті; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: iazret@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7578-2981

Бинур Адамқызы Тайторина
Заң ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық университетінің тарих және құқық факультетінің профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: binur.a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5663-5473; Researcher ID WOS: AAE-4441-2022, Scopus Author ID: 57192686384

Маншук Токтарбековна Бейсенбаева
Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің «Құқық» кафедрасының қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8922-3160

Аннотация. *Қазақстанда және шетелде шетелдік элементі бар отбасылық-некелік қатынастардың құқықтық аспектілерін кешенді зерттеу осы қатынастардың барлық қатысушыларының құқықтарын қорғау мен құқықтық қауіпсіздігін арттыру мақсатында қолданыстағы құқықтық жүйенің мәселелерін анықтауға бағытталған. Қазақстандағы және басқа елдердегі құқықтық нормалар мен тәжірибелерді зерделеу және салыстыру шетел элементімен отбасылық-некелік қатынастарды реттеудің жалпы және айрықша тәсілдерін анықтау міндетіне байланысты. Құқықтық нормаларды бағалау және түсіндіру адам құқықтары теориясы мен салыстырмалы құқық призмасы арқылы жүзеге асырылды, бұл отбасылық-некелік қатынастарды реттеудің ерекшеліктері мен мәселелерін негіздеуге мүмкіндік береді.*

Заманауи ғылыми әдістер негізінде түрлі елдерде неке қию, халықаралық отбасылық дауларда қолданылатын құқықты анықтау мәселелеріне қатысты қолданыстағы тәсілдерге талдау жасалған. Қазақстан Республикасы отбасылық заңнамасына тарихи даму тұрғысынан шолу жасалған. Мақалада жаһандану және көші-қон ағындарының өсуі аясында отбасылық заңнама көпұлттылық, мәдени және діни нормалардың алуан түрлілігіне байланысты жаңа сын-қатерлерге тап болып отырғаны атап көрсетілген. Талдаудың маңызды аспектісі – халықаралық нормалар мен стандарттарды ұлттық заңнамаға бейімдеу қажеттілігі. Зерттеу шетелдік элементі бар отбасылық-некелік қатынастардағы коллизиялық нормаларды қолданудың өзекті мәселелерін қамтиды. Зерттеудің маңызды нәтижелерінің бірі – Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасына халықаралық жеке құқық нормаларын қалпына келтіру мәселесін негіздеу, бұл халықаралық отбасылық қатынастардың барлық қатысушылары үшін неғұрлым айқын және қауіпсіз құқықтық орта қалыптастыруға мүмкіндік береді. Зерттеу Қазақстан Республикасының отбасылық заңнамасын одан әрі дамытудың, азаматтардың құқықтарын қорғауға және заманауи халықаралық талаптарға сәйкестендіруге бағытталуы қажеттілігі туралы қорытынды жасауға мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: *құқық, құқықтық реттеу, шетелдік элементі бар некелік-отбасылық қатынастар, отбасылық заңнама, коллизиялық нормалар, халықаралық отбасылық құқық, халықаралық неке.*

INTERNATIONAL MARRIAGES: LEGAL PROBLEMS OF MARITAL RELATIONS WITH AN ALIEN ELEMENT

Azretbergenova Indira Zharylkasynovna
Ph.D., Assistant Professor of the Department of "Medical Law" at Kazakh National Medical University named after S.D. Asfendiyarov; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: iazret@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7578-2981

Taitorina Binur Adamovna
Doctor of Jurisprudence, Professor of the Faculty of History and Law at Kazakh National University named after Abai; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: binur.a@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5663-5473; Researcher ID WOS: AAE-4441-2022, Scopus Author ID: 57192686384

Beissenbayeva Manshuk Toktarbekovna
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of the Department of "Law" of the Kazakh National Agrarian Research University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: Manshuk.Beisenbaeva@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8922-3160

Abstract. *A comprehensive study of the legal aspects of family and marriage relations with a foreign element in Kazakhstan and abroad is aimed at identifying the problems of the existing legal system to improve legal security and protect the rights of all participants in these relations. The study and comparison of legal norms and practices in Kazakhstan and other countries is conditioned by the task of identifying common and distinctive approaches to regulating family and marital relations with a foreign element. The assessment and interpretation of legal norms is carried out through the prism of the theory of human rights and comparative law, which makes it possible to substantiate the features and problems of regulating family and marital relations.*

Based on modern scientific methods, the analysis of existing approaches in different countries to the issues of marriage, the definition of applicable law in international family disputes in the context of various legal systems is made. The analysis of the family legislation of the Republic of Kazakhstan is carried out taking into account the historical context of development. The article emphasizes that, against the background of globalization and increasing migration flows, family law is facing new challenges related to multiculturalism, diversity of cultural and religious norms. An important aspect of the analysis is the need to adapt international norms and standards into national legislation. The study touches upon topical issues of the application of conflict of laws rules in family and marital relations with a foreign element. One of the important results of the study is the substantiation of the problem of restoring the norms of private international law in the current legislation of the Republic of Kazakhstan in order to create a more transparent and secure legal environment for all participants in international family relations. The study allowed us to draw conclusions about the need for further development of family legislation of the Republic of Kazakhstan aimed at protecting the rights of citizens and meeting modern international requirements.

Keywords: *law, legal regulation, marital and family relations with a foreign element, family law, conflict of laws, international family law, international marriage.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_220

Введение

Брак в правовых системах современного мира представляет собой жизненно важную правовую концепцию, которая ставит социальные отношения индивидов на правовую основу. Брак служит основой для множества социальных отношений и правовых обязательств между супругами. В условиях глобализации и активной миграции населения все более распространенными становятся семейно-брачные отношения с иностранным элементом. Под моделью правового регулирования отношений трансграничного брака понимается «совершенствованный образец урегулирования соответствующих семейных отношений, отражающий в своей структуре специфику заключения и прекращения брака с участием иностранных граж-

дан» [1, с. 18]. В связи с этим встает необходимость детального изучения правовых аспектов, регулирующих такие отношения как в Казахстане, так и в других странах.

Международные браки представляют собой союзы между лицами, при которых хотя бы одна из сторон является гражданином или резидентом страны, отличной от страны гражданства другой стороны. Как правило, такие браки регулируются нормами нескольких юрисдикций в зависимости от коллизионных привязок. Трансграничные браки представляют собой более узкую категорию в контексте международных браков и представляют собой союзы, которые переходят границы разных государств, характеризуются наличием элементов, связанных с перемещением партнеров между странами. Браки с иностранным элементом также являются частью международных браков и предполагают наличие определенного иностранного аспекта в браке, что также указывает на необходимость взаимодействия между правовыми системами разных стран. Таким образом, представляется возможным использовать как широкое понятие международных браков, так и являющиеся его элементами трансграничные браки и браки с иностранным элементом.

Несмотря на существование международных норм и соглашений, в Казахстане и в других странах наблюдается недостаточность четких и последовательных правовых норм, регулирующих специфику международных браков, что может приводить к правовым конфликтам и неопределенности в применении законов. Каждое государство имеет свои особенности в подходе к брачно-семейным отношениям с иностранным элементом. Это касается как условий заключения брака, так и вопросов, связанных с разводом, алиментами и правами детей. Понимание этих различий является важным для эффективного правового регулирования и защиты прав сторон. Важное значение в международном семейном праве имеет разрешение вопроса о применении коллизионной нормы, поскольку в условиях существования различных правопорядков это связано с определением, какое право должно применяться в конкретном деле. Проблему выбора применимого права чрезвычайно актуальной делает тот факт, что «сохраняется существенная специфика в материальном регулировании брачно-семейных отношений на базе различных правовых систем» [2]. В современных условиях глобализации и масштабах мобильности населения актуализируются правовые проблемы, касающиеся определения коллизионной привязки. Эффективное применение норм и положений международного семейного права критически важно для обеспечения справедливости и защиты прав сторон в международных семейных спорах. Коллизионные нормы формируют правовую основу для справедливого разрешения формируют правовую основу для справедливого разрешения семейных споров.

Культурные и религиозные различия в разных странах оказывают значительное влияние на семейно-брачные отношения, что создает дополнительные правовые сложности. В данном контексте актуальной задачей является необходимость найти баланс между соблюдением местных норм и международных стандартов.

В международных браках могут возникать вопросы, связанные с правами женщин, детей и мигрантов. Защита прав этих групп требует четкого и справедливого правового урегулирования, а также адаптации существующих норм к реалиям многонационального общества.

Целью данного исследования является изучение правовых аспектов международных семейно-брачных отношений с учетом глобализации и миграции населения, а также анализ и оценка коллизионных норм, вопросов оптимизации правового регулирования и прав сторон в контексте культурных и религиозных различий.

Материалы и методы

Для анализа проблемы правового регулирования семейно-брачных отношений с иностранным элементом в современных государствах использованы международные соглашения и акты национального законодательства, касающиеся правового регулирования международных браков и защиты прав человека; исследования в области семейного права, с акцентом на международные аспекты и правоприменение.

При анализе проблемы семейно-брачных отношений с иностранным элементом и правовых аспектов в Казахстане и за рубежом применены общие и специальные научные методы. Сравнительный метод позволил сравнить правовые нормы, практики и процедуры, регулирующие международные браки в разных странах, выявляя общие и особенные черты. Метод анализа подразумевает детальное изучение и интерпрета-

цию действующих законодательных актов, касающихся семейно-брачных отношений, как на национальном, так и на международном уровнях. Методом правового анализа осуществлена оценка и критическое осмысление содержания юридических норм и нормативных актов применительно к проблеме. Исторический метод позволил исследовать эволюцию правопорядка в области семейно-брачных отношений с иностранным элементом, изучая изменения в исторической ретроспективе в Казахстане. Методы научного исследования позволили провести комплексный и многогранный анализ проблемы семейно-брачных отношений с иностранным элементом, выявляя специфику и правовые вызовы как в Казахстане, так и за рубежом.

Результаты и обсуждение

При изучении правовых основ института брака в правовых системах становится очевидным, что основные принципы гражданского права приняты практически в абсолютном большинстве стран. При этом важно отметить, что правовые системы различных стран имеют свои уникальные особенности и подходы к институту брака, но многие из них основаны на общих принципах гражданского права, которые разделяют основные элементы. Обязательным условием для заключения брака является взаимное согласие двух лиц на вступление в семейные отношения. Необходимым для заключения брака является и условие, чтобы обе стороны обладали правовой способностью к вступлению в брак - возрастные ограничения и отсутствие правовых препятствий (например, отсутствие предыдущего нерасторгнутого брака). Оформление брака в соответствии с законодательством представляет собой процесс регистрации брака, который может различаться в зависимости от страны, выражающийся в таких формах как церемонии, регистрация акта и нотариальные действия. В большинстве правовых систем брак налагает определенные обязательства, такие как взаимная поддержка, забота и имущественные права. Как правило, имеют значение и правовые последствия, вытекающие из расторжения брака, включая алиментные обязательства и вопросы опеки над детьми. Изучение особенностей правовых систем разных стран показало, что исторический контекст и культура влияют на понимание и регулирование института брака. В отдельных странах такое влияние оказывают конфессиональные нормы, а в других, напротив, светские и правовые аспекты.

Степень влияния различных факторов на развитие института брака варьируются также в зависимости от конкретной страны. Несмотря на то, что такие факторы, как возрастные ограничения и согласие на вступление в брак, являются одинаковыми, однако имеют в разных странах свои особенности. Исследование процесса получения разрешения на вступление в брак показало, что в разных странах существуют особые процедуры подачи заявления и получения разрешения на вступление в брак, различающиеся в деталях и требованиях этих процедур. К примеру, специфическими для национального семейного права Греции является закрепление для обязательного исполнения таких положений, как проведение обряда венчания и главенствующая в семье роль мужа[2]. Правила такого характера, закрепленные в греческом законодательстве, в других государствах могут не применяться в силу их противоречия публичному порядку [3, с. 6]. В Марокко законодательно установлен запрет на вступление в брак с лицом, которое исповедует другую веру[3]. В Японии для официального заключения нового брака после смерти супруга необходимо соблюдение требования так называемого траурного срока, который составляет 6 месяцев[4]. В литературе констатируется: данное положение 733 статьи ГК Японии как сохранившееся в силу традиций [5, с. 148], «патриархальные представления ушедшей эпохи сохранились в Гражданском кодексе Японии, что делает его международным анахронизмом» в области семейного права [6].

В некоторых странах - Пакистане, Индии, Саудовской Аравии, ОАЭ - в силу традиций соблюдается требование материальной обеспеченности жениха. Во Франции гражданский кодекс содержит норму об обязательности опубликования брачного договора, если один из партнеров является предпринима-

[2] Civil code of Greece (Astikos Kodikas) (Гражданский кодекс Греции) // http://landwise.resourceequity.org/record/1066. (date of reference: 15.09.2024).

[3] Civil Procedure Code (promulgated by Dahir No. 1-74-447 of 11 Ramadan 1394 (September 28, 1974), and amended up to Law No. 61-19), Moroccohttps://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19789 (дата обращения: 15.09.2024).

[4] Законы Японии. Гражданский кодекс (часть W, часть X) 1896 г. - Закон № 89 от 1896 г. http://www.asianlii.org/jp/legis/laws/ccwpx1896an89o1896287/ (дата обращения: 15.09.2024).

телем[5]. Статья 515-5 Гражданского кодекса Франции регламентирует: если один из супругов является индивидуальным предпринимателем, их режим совместной собственности должен быть опубликован. Брачный договор должен быть зарегистрирован и доступен для публичного просмотра, что обеспечивает прозрачность финансовых дел супругов и защиту интересов третьих лиц. Требование опубликования брачного договора является частью более широких норм, касающихся регулирования семейных отношений и правовых последствий, связанных с предпринимательской деятельностью супругов.

Вьетнамский закон о браке и семье содержит запрет на заключение фиктивного брака и оформление фиктивного развода[6]. Такой запрет обусловлен обоснованием положения о том, что «заключение фиктивных браков с участием иностранных граждан не только нарушает принцип защиты семейных отношений, но и представляет угрозу интересам, основам общественной и государственной безопасности государства» [7, с.103].

Таким образом, анализ показал, что в современный период установленные национальными законодательствами процедуры регистрации трансграничных браков в разных странах имеют свои специфические особенности. В некоторых юрисдикциях, преимущественно в странах с религиозными традициями, процесс заключения брака значительно осложнен. Такая ситуация обусловлена необходимостью предоставления широкого спектра документов. Помимо свидетельства о рождении и паспорта, необходимо представить документы, свидетельствующие об отсутствии брака либо о расторгнутом браке: в некоторых государствах обязательным условием решения вопроса о возможности заключения брака является предоставление медицинских справок.

Так называемое свидетельство о праве на брак является документом, требуемым для регистрации брака с иностранным элементом

и подтверждающим факт, что лицо не состоит в браке и имеет право вступать в первый или новый брак. Как правило, получение этого документа осложняется длительностью процесса, обусловленного фактом иностранного гражданства. Получение подтверждающих документов, их перевод и легализация требуют дополнительных временных затрат и финансовых ресурсов. В некоторых юрисдикциях может потребоваться медицинское обследование или справки о здоровье, особенно если это касается эпидемиологических ограничений или требований к супругам. Во Франции, например, партнеры должны предоставить подтверждение того, где они живут или где намерены зарегистрировать брак. В Германии оба партнера обязаны предоставить свидетельства о рождении, переведенные на немецкий язык и заверенные нотариусом. Такие же условия необходимо соблюдать для регистрации брака в Турции: кроме действительных паспортов и заявления в органы муниципалитета для заключения брака требуется предоставить переведенный на турецкий язык и нотариально заверенный документ - Certificate of No Impediment, так называемое свидетельство страны гражданства об отсутствии препятствий вступающих в брак партнеров, а также результаты медицинского обследования.

В Республике Казахстан процесс регистрации брака для граждан и иностранных граждан имеет свои особенности, регулируемые Кодексом О браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года № 518-IV. Процедура заключения брака состоит из следующих этапов. Для регистрации брака требуется пакет документов. Прежде всего требуется предъявление действительных паспортов - удостоверения личности для граждан Казахстана и заграничного паспорта для иностранных граждан. Для регистрации брака необходимо предъявить переведенный на казахский или русский язык и нотариально заверенный документ, подтверждающий отсутствие препятствий для вступления в брак, выданный консульством иностранного государства, гражданином которого является один из супругов. В некоторых случаях могут потребоваться свидетельства о рождении, надлежащим образом переведенные и заверенные нотариусом. Как правило, в органах регистрации актов гражданского состояния (ЗАГС) партнеры заполняют специальный формуляр. В отдельных случаях проводится беседа с парой для выяснения их намерений и проверки отсутствия обстоятельств, препятствующих заключению брака. Заключение брака оформляется в ЗАГСе, сопровождается соответствующей официальной церемонией. Наличие иностранного

[5] Code Civil (Гражданский кодекс Франции) // http://www.legifrance.gouv.fr/html/codes_traduits/code_civil_textA.htm (дата обращения: 15.09.2024).

[6] Civil Code of the Republic of Vietnam (Гражданский кодекс Вьетнама) // https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/vn/vn079en.pdf (date of reference: 15.09.2024).

партнера требует дополнительных времени и усилий для получения требуемых документов. Наличие иностранного партнера предполагает необходимость дополнительного времени и усилий для получения требуемых документов из другого государства.

Вместе с тем для улучшения и ускорения процедуры регистрации трансграничного брака Казахстан располагает возможностями цифровых технологий. Граждане и иностранцы имеют возможность оформить заявление на регистрацию брака через Единый портал государственных услуг (egov.kz), что существенно облегчает процесс подачи документов и позволяет значительно сократить продолжительность процедуры. Граждане Казахстана активно используют возможности электронного правительства для быстрой идентификации и подачи документов. Существенно полезными являются ресурсы, обеспечивающие доступ к информации о необходимых документах и условиях и делающие процесс более прозрачным и понятным для иностранных граждан и лиц без гражданства. В тех случаях, когда в данной процедуре присутствует иностранный элемент, становится возможным взаимодействие со специализированными учреждениями Министерств иностранных дел государств в электронном формате. Данное обстоятельство способствует обеспечению доступности государственных услуг. Таким образом, заявители могут использовать возможности цифровизации для упрощения процесса.

Всесторонний анализ семейного законодательства Республики Казахстан дает основания для утверждения о том, что оно представляет собой структурированную правовую основу для регулирования семейных отношений на национальном уровне. Вместе с тем, учитывая темпы роста количества трансграничных браков и международных семейных споров, важно выделить правовые проблемы, связанные с определением коллизионной привязки при выборе применимого права. Переход к исследованию коллизионной привязки позволяет выявить, как, во-первых, нормы международного частного права влияют на применение национального законодательства, и, во-вторых, адаптировать существующие правовые механизмы для обеспечения защиты всех заинтересованных сторон в международных семейных отношениях.

Таким образом, акты международного права создают основу для регулирования трансграничных браков и семейно-брачных отношений, однако в процессе правоприменительной практики возникает ряд проблем, связанных с несовпадением норм, трудностями в правоприменении, с защитой прав членов семьи. Практика подтверждает тезис о необходимости дальнейших усилий для гармонизации национальных законодательств и развития международного сотрудничества для более эффективного разрешения правовых проблем, возникающих в контексте международных браков.

Коллизионные нормы определяют выбор применимого права к конкретным правовым отношениям и в контексте семейного права играют ключевую роль в разных аспектах. При заключении брака это проявляется при определении условий, при которых брак может считаться действительным в разных странах: охватываются требования к заключению и регистрации брака. При бракоразводном процессе, субъектами которого являются граждане разных стран либо лица, имеющие разное гражданство, либо проживающие в разных странах, определяется применимое право. При решении вопросов опеки и попечительства также акцентируется, право какого государства будет применяться для определения порядка опеки над детьми, если родители находятся в разных странах или принадлежат к разным правовым системам. Очень важным аспектом являются правовые проблемы регулирования имущественных споров, когда определяется значимость правил, которые будут применяться для регулирования вопросов совместной собственности супругов, когда брак между ними зарегистрирован в одной стране, а местом проживания является другая страна. Правовые основы международного семейного права фундаментируются на целом ряде носящих исключительно коллизионный характер соглашений: Нью-Йоркских конвенций о взыскании алиментов за границей 1956 года и о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 года, Гаагских конвенций об юрисдикции, применимом праве и признании решений об усыновлении 1965 года, о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 года, о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 года, о праве, применимом к алиментным обязательствам 1973 года, о заключении и признании действительности браков 1978 года, о праве, применимом к режимам собственности супругов 1978 года, Европейской кон-

венции о признании и исполнении решений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми 1980 года и других международно-правовых актов.

В юридической литературе обосновывается существование трех основных подходов государств к коллизионному регулированию семейно-брачных отношений. Эти подходы обусловлены различиями в правовых системах, традициях и социально-культурных контекстах различных стран. Каждый из этих подходов имеет свои преимущества, недостатки и особенности.

Первая группа государств при решении вопросов применения коллизионных привязок, к примеру, к заключению брака, отдают предпочтение принципу национальности – закону места заключения брака (lex loci celebrationis). Многие страны Латинской Америки, большинство штатов США, Южно-Африканская Республика применяют такой способ определения применимого права в силу такого явного преимущества как возможность упрощения работы регистрирующих, нотариальных и судебных органов, и, соответственно, достижения единообразия при регулировании семейно-брачных отношений, осложненных иностранным элементом. К недостаткам данного подхода относятся такие обстоятельства как: возможность обхода закона посредством обычного пересечения границ страны или штата; опасность появления так называемых «хромающих браков», имеющих последствием отказ в признании брака действительным ввиду противоречия праву страны гражданства супругов; фактор случайности выбора применимого правопорядка.

Вторая группа государств в своем национальном семейном законодательстве закрепляет личный закон (lex personalis / lex domicilii / lex patria). Как правило, это страны со схожими правовыми системами, где достижима гармонизация норм и унификация правовых источников. Следует констатировать, что это более гибкий и адаптивный подход, учитывающий реальные обстоятельства жизни сторон и создающий условия для более справедливого разрешения споров на основе права той страны, где супруги ведут совместное хозяйство. Как правило, данный подход способствует сокращению «хромающих браков». Согласно концепции применения личного закона коллизионные нормы определяются на основе фактического места жительства сторон. Право, применимое к их отношениям, выбирается в зависимости от того, в какой стране супруги проживают на момент рассмотрения спора. Что касается недостатков подхода к регулированию семейных отношений с иностранным элементом, то применение личного закона, во-первых, может привести к неопределенности и сложностям в определении того, какое законодательство будет применяться, если супруги изменят место жительства, и, во-вторых, не всегда обеспечивает защиту интересов сторон, которые могут быть более уязвимыми в стране проживания.

Третья позиция присуща Франции, Болгарии и некоторым другим странам, отдающим предпочтение комплексному, или смешанному подходу. Такой подход сочетает элементы предыдущих подходов, предусматривает наличие гибкого механизма, учитывающего как личную принадлежность сторон, так и фактические обстоятельства их жизни. Смешанный, или комбинированный подход предполагает возможность выбора супругами применимого права и одновременного использования индивидуализированных правил. Важным преимуществом комплексного подхода является то, что он способствует более эффективному разрешению споров, что особенно важно в контексте сложных многонациональных семейных отношений. Вместе с тем при применении комплексного подхода существует вероятность усложнения процедуры разрешения споров из-за необходимости детального анализа различных правопорядков. Следует также отметить, что достижение эффективности применения такого подхода требует высокого уровня профессионализма судей и адвокатов.

Проблемы правового регулирования семейно-брачных отношений в Республике Казахстан в период независимости связаны с разработкой и принятием специальных законов. В соответствии с Законом Республики Казахстан «О браке и семье» от 17 декабря 1998 года применялся смешанный подход к коллизионному регулированию семейно-брачных отношений: одновременно применялись как закон места заключения брака lex loci celebrationis, так и личный закон lex personalis. Нормы lex loci celebrationis регламентировали форму и порядок заключения брака на территории Казахстана. В отношении условий заключения брака применялся закон гражданства лиц, вступающих в брак (lex nationalis) и законодательство Республики Казахстан.

Развитие семейного законодательства

Республики Казахстан стало предметом серьезной критики в связи с отсутствием в Кодексе О браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года № 518-IV коллизионных норм: «произошла грубая вивисекция живых органов семейного законодательства, практически уничтожение раздела о международном семейном праве» [9]. Таким образом, сложилась ситуация, когда в действующем семейном законодательстве отсутствует регламентация коллизионных привязок. В КоБС имеется существенный пробел по причине того, что не разграничены два принципиальных аспекта заключения брака в соответствии с классическими нормами международного семейного права: а) форма и порядок заключения брака, б) условия заключения брака. Данное обстоятельство существенное затрудняет решение вопросов заключения брака между лицами, имеющими разное гражданство и лицами без гражданства. Кроме того, существенной проблемой правоприменительной практики является отсутствие в казахстанском семейном законодательстве двусторонних коллизионных привязок. В юридической литературе обсуждается как нецелесообразный факт, что в КоБС РК отсутствует «оговорка о публичном порядке, ограничивающая применение иностранного брачно-семейного законодательства, в том числе в сфере признания юридических фактов, имевших место за границей» [10, с. 35].

Несмотря на то, что с момента принятия в КоБС РК было внесено множество изменений, дополнений, исключены две главы и несколько статей, содержание кодекса не приведено в соответствие с нормами международного семейного права.

Заключение

Материально-правовые нормы семейного права разных государств характеризуются многообразием, что обусловлено уникальными культурными, историческими, религиозными и социальными факторами, оказывающими влияние на формирование юридических систем. Это разнообразие проявляется в таких аспектах как правила заключения и расторжения брака, права и обязанности супругов, условия усыновления, опеки и содержания детей. Если в одних странах акцент делается на традиционных семейных ценностях, что находит отражение в строгом регулировании брачных отношений, то в других предпочтение отдается более либеральным подходам. Данное обстоятельство затрудняет решение вопроса об их унификации. Различия в законодательных подходах становятся основанием для возникновения коллизий на уровне разных правопорядков. Для разрешения таких коллизий необходимо учитывать и регулировать множество факторов, что создает дополнительные трудности для принятия единого решения. Для успешной гармонизации законодательства важны учет культурных, социальных, правовых традиций каждой страны, готовности государств к совместной работе на международном уровне.

В контексте обеспечения правовой определенности и защиты прав граждан актуальной является проблема приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами. Исторический контент проблемы развития семейного законодательства Республики Казахстан показывает, что с принятием КоБС РК оно утратило нормы и положения международного семейного права, в том числе четкие двухсторонние привязки. Это приводит к правовой неопределеннности и сложностям в регулировании международных брачных отношений.

В казахстанском семейном законодательстве отсутствует разграничение вопросов, касающихся формы и условий заключения брака между лицами, имеющими разное гражданство, что делает невозможным применение коллизионных привязок в конкретных ситуациях ввиду их отсутствия. Отсутствие двусторонних коллизионных норм создает сложности для судов и правозащитников, которые сталкиваются с неопределенностью в вопросах юрисдикции и применимого права. Отсутствие адекватной регламентации норм международного частного права в семейном законодательстве затрудняет защиту прав граждан, минимизирует правовые гарантии в этом важном секторе.

Для того, чтобы привести семейное законодательство в соответствие с международным частным правом, предлагаем внести следующие изменения в Кодекс РК О браке (супружестве) и семье:

1) Дополнить Главу 32 Применение норм брачно-семейного законодательства Республики Казахстан к иностранцам и лицам без гражданства статьей в следующей редакции: 1. Форма и порядок заключения брака на территории Республики Казахстан определяются законодательством Республики Казахстан. 2. Условия заключения

брака на территории Республики Казахстан определяются для каждого лица законодательством государства, гражданином которого это лицо является в момент заключения брака, если иное не предусмотрено международным договором, с соблюдением требований статей 9-11 настоящего Закона в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака. Такое дополнение будет способствовать созданию более современного и адаптивного правового регламента, который обеспечит защиту прав всех участников брака и улучшит процедуры его заключения для граждан Республики Казахстан и иностранных граждан.

2) П.3 статьи статьи 228. Государственная регистрация заключения брака (супружества) граждан Республики Казахстан с иностранцами или лицами без гражданства изложить в следующей редакции: Условия заключения брака (супружества) лицом без гражданства на территории Республики Казахстан определяются законодательством того государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства. Таким образом можно восстановить классическую двустороннюю привязку, которая позволит: избежать юридической неопределенности при применении казахстанского законодательства к лицам без гражданства; обеспечить соблюдение прав лиц без гражданства; снизить количество или даже исключить возможность возникновения судебных споров по вопросам заключения брака или его регистрации; улучшить правоприменение в вопросах, касающихся брака лиц без гражданства; адаптировать казахстанское семейное право к современным мировым реалиям, что повысит его актуальность и применимость.

3) П.2 статьи 230. Признание брака (супружества), заключенного за пределами Республики Казахстан изложить в следующей редакции: Брак (супружество) между иностранцами, заключенный за пределами Республики Казахстан, с соблюдением законодательства государства, на территории которого он заключен, признается действительным в Республике Казахстан без оговорок. Предложенная редакция, устанавливает автоматическое признание брака между иностранцами в Республике Казахстан и соответственно устраняет необходимость в дополнительных юридических процедурах для их легализации в Казахстане. Четкое положение о признаваемости брака без оговорок и лишних условий соответствует принципам уважения прав человека, способствует устранению дисбаланса прав граждан Казахстана и иностранцев, уменьшению числа судебных разбирательств по поводу легитимности браков. Таким образом, предложенное изменение сделает процедуру браков более ясной, удобной и справедливой для всех участников.

4) Статью 231. Недействительность брака (супружества), заключенного в Республике Казахстан или за пределами Республики Казахстан уточнить, с учетом положения о том, что браки между иностранцами, заключенные за пределами территории Республики Казахстан, с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Республике Казахстан. Такое уточнение избавляет от необходимости в дополнительных юридических проверках и процедурах, связанных с признанием/непризнанием таких браков. Четкая формулировка исключит возможность возникновения споров о недействительности. Данное дополнение создаст новые гарантии защиты для международных браков, что, в свою очередь способствует гармонизации семейных отношений на международном уровне.

Восстановление международного семейного права в казахстанском семейном законодательстве необходимо, учитывая глобализацию и увеличение числа международных браков и семей. Наличие норм международного семейного права обеспечивает эффективную защиту прав граждан посредством регламентации четких правил и процедур в случаях, когда затрагиваются интересы нескольких юрисдикций.

Вклад авторов

Все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи в финальной версии:

Азретбергенова И.Ж. внесла существенный вклад как в концепцию, так и написание работы, осуществила сравнительный анализ мировой практики правового регулирования международных браков, оценку и интерпретацию правовых норм через призму теории прав человека и сравнительного права, обосновала особенности и проблемы регулирования семейно-брачных отношений.

Тайторина Б.А. разработала общий дизайн исследования, осуществила анализ семейного

законодательства Республики Казахстан с учетом исторического контекста развития, обосновала проблему восстановления норм международного частного права в действующем законодательстве Республики Казахстан, разработала предложения для совершенствования семейного законодательства с целью создать более прозрачную и безопасную правовую среду для всех участников международных семейных отношений.

Бейсенбаева М.Т. осуществила обзор научной литературы, сравнительный анализ мировой практики и опыта Республики Казахстан в контексте правового регулирования международных браков, оформила библиографический список.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никогосян С.А. Правовое регулирование заключения и прекращения брака с участием иностранных граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2014. - 28 с.

2. Мещанова М.В. Коллизионное регулирование брачно-семейных отношений по законодательству Республики Беларусь: предпосылки совершенствования // https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257533/1/219-225.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

3. Иловайский И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 94 с.

4. Гражданское право Японии: в 2-х кн. / Вагацума Сакаэ, Ариидзуми Тору; пер. с яп. В. В. Батуренко. - М.: Прогресс, 1983. - Кн. 2. - 334 с.

5. В области семейного права Японии время остановилось // https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00855/ (дата обращения: 07.11.2024).

6. Форма брачного договора // Lawyers-portal.ru. URL: lawyers-portal.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=170:2011-10-09-15-11-20&catid=17:2011-10-09-14-48-55&Itemid=18 (дата обращения: 28.09.2024).

7. Luật Hôn nhân và gia đình 2014 số 52/2014/QH13 — Закон о браке и семье 2014 г. // https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Luat-Hon-nhanva-gia-dinh-2014-238640.aspx (дата обращения: 28.08.2024).

8. Атнашев В.Р. Правовое регулирование брачных отношений с иностранными гражданами (на примере Вьетнама) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. - 16(4). – С.98-105.

9. Сулейменов К.М. Почему Кодекс о браке и семье стремится уничтожить международное семейное право? // https://zangerlf.com/ru/publications/265 (дата обращения: 28.09.2024).

10. Мещанова М.В. Коллизионное регулирование вопросов расторжения брака и признания брака недействительным: сравнительно-правовой аспект // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2017. -№3. – С.32-40.

REFERENCES

1. Nikogosjan S.A. Pravovoe regulirovanie zakljuchenija i prekrashhenija braka s uchastiem inostrannyh grazhdan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Kazan', 2014. - 28 s.

2. Meshhanova M.V. Kollizionnoe regulirovanie brachno-semejnyh otnoshenij po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus': predposylki sovershenstvovanija // https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257533/1/219-225.pdf (data obrashhenija: 20.09.2024).

3. Ilovajskij I.B. Pravovoe regulirovanie brachno-semejnyh otnoshenij s inostrannym jelementom: uchebnoe posobie. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravlenija – filiala RANHiGS, 2021. – 94 s.

4. Grazhdanskoe pravo Japonii: v 2-h kn. / Vagacuma Sakaje, Ariidzumi Toru; per. s jap. V. V. Baturenko. - M.: Progress, 1983. - Kn. 2. - 334 s.

5. V oblasti semejnogo prava Japonii vremja ostanovilos' // https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00855/(data obrashhenija: 07.11.2024)

6. Forma brachnogo dogovora // Lawyers-portal.ru. URL: lawyers-portal.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=170:2011-10-09-15-11-20&catid=17:2011-10-09-14-48-55&Itemid=18 (data obrashhenija: 28.09.2024).

7. Luật Hôn nhân và gia đình 2014 số 52/2014/QH13 — Zakon o brake i sem'e 2014 g. // https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Luat-Hon-nhanva-gia-dinh-2014-238640.aspx (data obrashhenija: 28.08.2024).

8. Atnashev V.R. Pravovoe regulirovanie brachnyh otnoshenij s inostrannymi grazhdanami (na primere V'etnama). Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. – 2022. -№16(4). -C. 98-105.

9. Sulejmenov K.M. Pochemu Kodeks o brake i sem'e stremitsja unichtozhit' mezhdunarodnoe semejnoe pravo? // https://zangerlf.com/ru/publications/265 (data obrashhenija: 28.09.2024).

10. Meshhanova M.V. Kollizionnoe regulirovanie voprosov rastorzhenija braka i priznanija braka nedejstvitel'nym: sravnitel'no-pravovoj aspekt // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2017. -№3. – S.32-40.

ZQAI

УДК 347.191
ГРНТИ 10.27.21

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИЗНАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Курманова Айгуль Куанышевна[1]
Кандидат юридических наук, доцент кафедры мобильной подготовки государства Национального университета обороны Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: k.aigul_k@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0450-3671; Researcher ID WOS: AAV-5824-2021; Scopus Author ID: 57210435972

Салыкова Динара Омиртасовна
Докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, старший научный сотрудник отдела международного права и сравнительного правоведения Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции Республики Казахстан; г.Астана, Республика Казахстан; e-mail: salykova.d@zqai.kz

Аннотация. *На протяжении последних лет в стране сложилась практика «упрощенной» ликвидации юридических лиц, осуществляемая на основании исков органов государственных доходов. Проведение процедуры ликвидации посредством признания регистрации юридического лица недействительной влечет за собой невозможность взыскания задолженности по договорам с таким юридическим лицом, в силу того, что юридическое лицо, регистрация которого признана недействительной, исчезает из гражданского оборота. И это несмотря на то, что с момента его регистрации заключена масса сделок гражданско-правового характера на миллионные обороты. Такая практика приводит к грубому нарушению прав и законных интересов субъектов предпринимательства, создает серьезную угрозу их имущественным правам, подрывает доверие к институтам власти и управления, что в конечном итоге скажется на экономике страны в целом. В статье рассматриваются основные положения действующего законодательства и практика его реализации в области прекращения деятельности юридических лиц на основании признания регистрации недействительной. Изучается процедура инициирования прекращения деятельности юридических лиц государственными органами, а также законность и целесообразность данной процедуры. В некоторых странах права кредиторов и их защита выступает одним из основных задач законодательства при ликвидации юридического лица. Проведен анализ зарубежного опыта относительно порядка прекращения деятельности юридических лиц, на основе чего авторы предлагают усовершенствовать данный механизм, применяя имеющиеся в национальном законодательстве институты. Это позволяет соответствовать особенностям действующего законодательства и внести щадящие изменения в существующий порядок принудительной ликвидации юридического лица.*

Ключевые слова: *юридические лица, ликвидация, налоговые органы, полномочия, регистрация, международный опыт, прекращение деятельности.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА ЖӘНЕ ШЕТ ЕЛДЕРДЕ ЗАҢДЫ ТҰЛҒАЛАРДЫ ТІРКЕУДІ ЖАРАМСЫЗ ДЕП ТАНУ ПРАКТИКАСЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Айгуль Куанышевна Курманова
Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасының Ұлттық қорғаныс университетінің мемлекеттің жұмылдыру дайындығы кафедрасының доценті; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: k.aigul_k@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0450-3671; Researcher ID WOS: AAV-5824-2021; Scopus Author ID: 57210435972

[1] *Автор для корреспонденции*

Динара Омиртасовна Салыкова
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университетінің PhD докторанты, Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институтының халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлімінің аға ғылыми қызметкері; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: salykova.d@zqai.kz

Аннотация. *Соңғы жылдары елде мемлекеттік кірістер органдарының талаптары негізінде жүзеге асырылатын заңды тұлғаларды «оңайлатылған» тарату тәжірибесі қалыптасты. Заңды тұлғаны тіркеуді жарамсыз деп тану арқылы тарату рәсімін жүргізу осындай заңды тұлғамен жасалған шарттар бойынша берешекті өндіріп алу мүмкін еместігіне әкеп соғады, себебі тіркеуі жарамсыз деп танылған заңды тұлға азаматтық айналымнан жоғалады. Бұл тіркелген сәттен бастап миллиондаған айналымға азаматтық-құқықтық сипаттағы көптеген мәмілелер жасалғанына қарамастан. Мұндай тәжірибе кәсіпкерлік субъектілерінің құқықтары мен заңды мүдделерін өрескел бұзуға алып келеді, олардың мүліктік құқықтарына елеулі қатер төндіреді, билік және басқару институттарына деген сенімге нұқсан келтіреді. Бұл сайып келгенде тұтастай алғанда ел экономикасына әсер етеді. Мақалада қолданыстағы заңнаманың негізгі ережелері және тіркеуді жарамсыз деп тану негізінде заңды тұлғалардың қызметін тоқтату саласындағы оны іске асыру практикасы қарастырылады. Мемлекеттік органдардың заңды тұлғалардың қызметін тоқтатуға бастамашылық жасау рәсімі, сондай-ақ осы рәсімнің заңдылығы мен орындылығы зерделенеді. Кейбір елдерде несие берушілердің құқықтары және оларды қорғау заңды тұлғаны тарату кезінде заңнаманың негізгі міндеттерінің бірі болып табылады. Заңды тұлғалардың қызметін тоқтату тәртібіне қатысты шетелдік тәжірибеге талдау жүргізілді, соның негізінде авторлар ұлттық заңнамада бар институттарды қолдана отырып, осы тетікті жетілдіруді ұсынады. Бұл қолданыстағы заңнаманың ерекшеліктеріне сәйкес келуге және заңды тұлғаны мәжбүрлеп таратудың қолданыстағы тәртібіне жұмсақ өзгерістер енгізуге мүмкіндік береді.*

Түйінді сөздер: *заңды тұлғалар, тарату, салық органдары, өкілеттіктер, тіркеу, халықаралық тәжірибе, қызметті тоқтату.*

CURRENT ISSUES OF THE PRACTICE OF RECOGNIZING THE REGISTRATION OF LEGAL ENTITIES AS INVALID IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES

Kurmanova Aigul Kuanyshevna
Candidate's degree in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Mobile State Training at the National Defense University of the Republic of Kazakhstan; Astana c., the Republic of Kazakhstan; e-mail: k.aigul_k@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0450-3671; Researcher ID WOS: AAV-5824-2021; Scopus Author ID: 57210435972

Salykova Dinara Omirtasovna
L.N. Gumilyov Eurasian National University PhD student, Senior Researcher of the Department of international law and comparative legal study of the Institute of legislation and legal information of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan; Astana c., the Republic of Kazakhstan; e-mail: salykova.d@zqai.kz

Abstract. *In recent years, the country has developed the practice of «simplified» liquidation of legal entities, carried out on the basis of lawsuits by state revenue agencies. Carrying out the liquidation procedure by invalidating the registration of a legal entity entails the impossibility of collecting debts under contracts with such a legal entity, due to the fact that the legal entity whose registration is recognized as invalid disappears from civil circulation despite the fact that since its registration, a mass of transactions of a civil nature has been concluded for millions of turns. This practice leads to a gross violation of the rights and legitimate interests of business entities,*

creates a serious threat to their property rights, undermines trust in government and management institutions, which ultimately affects the country's economy as a whole. The article discusses the main provisions of the current legislation and the practice of its implementation in the field of termination of the activities of legal entities on the basis of invalidation of registration. The procedure for initiating the termination of the activities of legal entities by state bodies, as well as the legality and expediency of this procedure, is being studied. In some countries, the rights of creditors and their protection are one of the main tasks of legislation in the liquidation of a legal entity. The analysis of foreign experience regarding the procedure for terminating the activities of legal entities is carried out, on the basis of which the authors propose to improve this mechanism by applying the institutions available in national legislation. This allows you to comply with the specifics of current legislation and make gentle changes to the existing procedure for compulsory liquidation of a legal entity.

Keywords: *legal entities, liquidation, tax authorities, powers, registration, international experience, termination of activity.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_232

Введение

Ликвидация юридического лица на настоящее время выступает процедурой прекращения его деятельности, которая вызывает немало вопросов. В частности, одним из оснований применения данной процедуры является признание регистрации юридического лица недействительной. При этом в реализации основания возникают ситуации, когда кредиторам приходится нести налоговое бремя за данное лицо, в связи с тем, что признание позволило ему быть признанным не существовавшим, а значит, все договорные обязательства за время деятельности юридического лица перестают быть [1]. Актуальность рассматриваемой темы заключается в наличии проблемы нарушения прав и интересов кредиторов юридического лица в связи с отсутствием механизма реализации данного основания.

В юридической науке ликвидация юридического лица представляется как метод прекращения его деятельности. В частности, Суханов Е.А. определяет его методом прекращения без применения универсального правопреемства. Об отсутствии универсального правопреемства говорит и И.А. Смагина. Гатин А.М. рассматривает возможность прекращения деятельности юридического лица в двух формах: ликвидации и реорганизации [2, с. 202]. В дополнение к данным определениям Лаптев В.В. и Занковский С.С. рассматривают наличие распределения имущества юридического лица в соответствующем порядке [3, с. 268]. Кроме того, Красовский А.А. и Чарковский Н.И. определяют зависимость прекращения деятельности с прекращением правоспособности юридического лица в связи с удалением его из Национального реестра [4, с. 12].

Рассмотрим точки зрения зарубежных ученых-юристов в относительно исследуемого вопроса. В частности, Ю. Бинг считает, что окончание деятельности юридического лица состоит из таких этапов, как ликвидация, прекращение и упразднение правового положения [5]. Й. Берг определяет роспуск и прекращение деятельности юридического лица явдяются начальным этапом процесса ликвидации. В данном процессе важным этапом выступает работа с кредиторами, где каждому представляется возможность предъявить свои требования [6].

Материалы и методы

В статье использованы положения национального законодательства и нормативно-правовых актов Эстонии, Великобритании, Малайзии, Германии, Нидерландов, научные труды ученых-исследователей по рассматриваемой теме.

В качестве методов научного исследования были использованы такие методы, как метод сравнительно-правовой, логический, формальный. Применение данных методов дало возможность рассмотреть некоторые аспекты по теме исследования, обобщить правовой материал, сделать анализ соответствующих положений и понятий, сравнить с современной ситуацией, также прийти к определенным результатам.

Обсуждение

Согласно подпункту 2) п. 2 ст. 49 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее - ГК РК), одним из оснований ликвидации юридического лица является признание судом регистрации юридического лица недействительной в связи с допущенными при его создании нарушениями законодательства,

если они носят неустранимый характер [7]. В отношении этого по подпункту 10) пункта 1 статьи 19 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (далее – Налоговый кодекс РК) налоговые органы вправе предъявлять в суды иски о ликвидации юридического лица по основаниям, предусмотренным подпунктами 1), 2), 3), 4) пункта 2 статьи 49 ГК[2]. Согласно пункта 1 статьи 18 Кодекса данные органы определены в качестве органов государственных доходов. Такое положение подтверждается пунктом 10 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2022 года № 9 «О некоторых вопросах применения налогового законодательства».

В своем содержании указанный нормативно-правовой акт рассматривает иск в отношении признания регистрации юридического лица недействительной отдельно от иска в части его ликвидации, устанавливая, что в судебный орган направляется последний. В нем содержатся противоречия, согласно которым пункт 10 устанавливает отличными друг от друга иски о ликвидации юридического лица и о признании недействительной регистрации, а в пункте 11 цитирует их как понятия, имеющие равные значения, отметив скобками. Данное противоречие вызывает нарушение прав контрагентов юридических лиц, чья регистрация оспаривается либо которое привлекается вышестоящими органами к принудительной ликвидации. Происходит несоблюдение интересов контрагентов, в связи с тем, что становится невозможным доказать добросовестным предпринимателям совершение сделок с юридическим лицом, чья государственная регистрация ставится под сомнение органами власти.

При судебном разбирательстве в связи с тем, что объектом рассмотрения выступает процесс регистрации юридического лица и несоблюдение положений при нем, не участвуют контрагенты как третьи лица [8, с. 127]. Кроме того, не принимаются апелляционные требования контрагентов на вынесенные в отношении юридического лица судебные акты. Причина в том, что непосредственно на существо рассматриваемого дела предоставляемые контрагентами документы, доказательственная база на предмет фактического совершения с юридическим лицом сделок не могут оказать существенное воздействие на исход судебного рассмотрения. Это является следствием того, что законодательно не регламентировано участие предпринимателей при ликвидации юридических лиц, что ведет к нарушению их прав и интересов. При принятии судебным органом решения о признании юридического лица недействительным налоговый орган может принять решение об осуществлении налогового контроля и только после реализации действий, определенных налоговым законодательством, возможно рассмотрение вопроса в отношении интересов контрагентов. Последние могут защитить свои интересы посредством обращения требований по отношению к вышеназванным государственным органам.

Описанный порядок принудительной ликвидации юридического лица направлен на защиту государственных интересов, чем на права кредиторов и других заинтересованных лиц. Такое положение показывает отсутствие норм, которые обеспечивали бы охрану прав иных лиц по обязательствам ликвидируемого юридического лица. Органы государственных доходов преследует только интересы в соответствии со спецификой их деятельности, что несправедливо по отношению к остальным участникам правоотношений. Иск о признании регистрации юридических лиц недействительными эффективнее подавать регистрирующему органы, так как функция регистрации юридических лиц относится к его компетенции, и рассмотрение вопроса о выполнении налоговых и иных платежей в бюджет приемлемо с привлечением органов государственных доходов в качестве заинтересованных лиц, третьих лиц.

На основании положений статьи 23 Закона «О прокуратуре»[3] и статьи 54 Гражданского процессуального кодекса[4] в отношении рассматриваемой данной статьей органы прокуратуры могут предъявлять исковые требования, при чем в отношении ликвидации

[2] *п.4. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 № 5. О судебной практике ликвидации отсутствующих юридических лиц и отсутствующего должника, а также юридических лиц, осуществляющих свою деятельность с грубым нарушением законодательства // https://adilet.zan.kz/rus/docs/P04000005S_ (дата обращения 10.09.2024).*

[3] *О прокуратуре. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII ЗРК // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155 (дата обращения 10.09.2024).*

[4] *Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 (дата обращения 10.09.2024).*

юридического лица по всем установленным основаниям. Поэтому по делам о ликвидации юридического лица иски могут подавать налоговые органы, органы прокуратуры.

На практике данные органы подавали иски относительно осуществленной перерегистрации юридического лица в части восстановления предоставленных ранее сведений. Привлечение в данные дела участников по предыдущей регистрации являлось редким. При этом их интересы в рассмотрении дел могут быть не учтены. Вынесение судебным органом акта о признании перерегистрации недействительной влечет обязательства в отношении осуществления его деятельности, куда также относятся и налоговые обязательства.

Принудительная процедура ликвидации юридического лица осуществляется также по иску государственного органа, в компетенции которого находится государственная регистрация юридического лица[5]. Поэтому другим государственным органом, имеющим инициативу на принудительную ликвидацию юридического лица, выступают органы юстиции. При этом согласно пункта 7 Правил оказания государственной услуги[6], юридическое лицо прекращает свою деятельность при наличии таких условий, как отсутствие регистрации в органах государственных доходов как налогооблагаемое лицо, необращение в органы юстиции для создания бизнес-идентификационного номера.

Необходимо указать на то, положения пункта 5 статьи 42 ГК РК свидетельствуют об обязательности в соответствии документов и порядка получения регистрации юридического лица.

В связи с чем, процесс регистрации государственными органами юридического лица свидетельствуют о правильности в сдаче документов и легальности юридического лица, такая компетенция о проверке на соблюдение норм закона установлена в отношении уполномоченных органов. Об этом свидетельствуют пункты 19, 20 главы 2 Правил. Таким образом, риск наступления результатов признания недействительной регистрации юридического лица направлен на кредиторов, что неприемлем, так как отражается на доверии участников общественных отношений государству, закону, а также ухудшает состояние имущественного оборота.

Кроме того, встает вопрос о целесообразности предоставления возможности инициирования процедуру принудительной ликвидации юридических лиц органам государственных доходов. Данный государственный орган, на основании статьи 75 Налогового Кодекса РК осуществляет регистрацию юридического лица в качестве налогоплательщика посредством внесения его в государственную базу данных налогоплательщиков. Регистрация юридического лица в качестве налогоплательщика является условием, необходимым для реализации своих прав и обязанностей в качестве юридического лица, но не является идентичным по смыслу с понятием регистрация юридического лица вообще.

В положениях Налогового кодекса рассматривается вышеуказанная возможность, но относительно вопроса о прекращении деятельности юридических лиц по изучаемому основанию не содержится норм реализации в статье Кодекса, а именно в статье 93[7] отсутствуют положения относительно юридических лиц, соответствующих вышеуказанному условию. Согласно пункта 3 статьи 49 ГК РК ликвидация юридического лица должна быть реализована собственником либо органом юридического лица, чье наименование определено в его основных документах; а также органом государственной власти, который инициировал ликвидацию в принудительном порядке. Это обозначает, что ликвидация юридического лица является обязанностью упомянутых выше органов.

Порядок ликвидации юридического лица установлен положениями статьи 50 ГК РК.

Согласно положениям статьи 16 Закона Республики Казахстан «О государственной регистрации юридических лиц и учетной регистрации филиалов и представительств» после вынесения судебным органом решения о принудительном прекращении деятельности юридического лица и вступления его в законную силу осуществляется регистрация прекращения деятельности юридического лица уполномоченными органами.

---

[5] Ст.16. Закон Республики Казахстан от 17 апреля 1995 года № 2198. О государственной регистрации юридических лиц и учетной регистрации филиалов и представительств» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002198_ (дата обращения 14.09.2024).

[6] Приказ и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 29 мая 2020 года № 66. Об утверждении правил оказания государственных услуг в сфере государственной регистрации юридических лиц и учетной регистрации филиалов и представительств // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020771 (дата обращения 12.09.2024).

[7] Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗРК. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс) // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120 (дата обращения 12.09.2024).

Решение суда определяет факт незаконности существования юридического лица, в котором отсутствует соответствие условиям в отношении него, указанные в статье 33 ГК РК. В отношении него информация о месте нахождения, органа управления является неверной, поэтому в порядок ликвидации, определенный положениями статьи 50 ГК РК не могут быть применены.

Поэтому наиболее целесообразным видится выработать предложения относительно уже действующих институтов и механизмов гражданского законодательства. Интересы кредиторов и иных лиц можно защитить на основе использования института администратора, деятельность которого регулируется положениями Закона Республики Казахстан от 7 марта 2014 года «О реабилитации и банкротстве». Предметом данного нормативно-правового акта являются общественные отношения, которые образуются, когда должник не способен в полном объеме реализовать свои обязательства перед кредиторами. Привлечение администратора к процедуре принудительной ликвидации возможно его способностью брать на себя функции банкротного управляющего, то есть лица, определенного уполномоченным органом в области реабилитации и банкротства для реализации самой процедуры ликвидации. Это соответствует положениям, указанным выше.

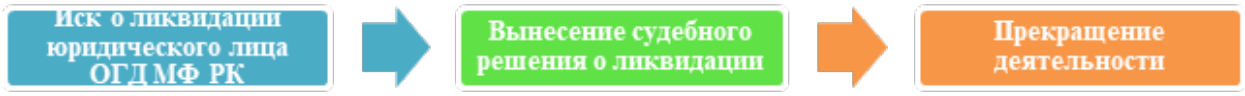


Рисунок 1. Принудительное прекращение деятельности юридического лица на основании подпункта 2 пункта 2 статьи 49 ГК РК

Проведение ликвидации юридического лица может быть обращено в отношении органа, который инициировал принудительную ликвидацию юридического лица [9, с. 34]. Поэтому данный орган должен назначить администратора, который будет осуществлять ликвидационное производство. На основании заключения администратора судебный орган выносит определение, которое вместе с судебным решением о ликвидации деятельности юридического лица станут основанием для прекращения его деятельности. После этого вносится информация в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров [10].

В современное время порядок принудительной ликвидации юридического лица в связи с тем, что в связи с несоблюдением при его образовании положений законодательства судебным органом регистрация была признана недействительной (подпункт 2 пункта 2 статьи 49 ГК РК), включает в себя этапы, которые не учитывают интересы кредиторов, в связи с чем на практике проявляется невозможность взыскания задолженности по договорным обязательствам с ликвидированным юридическим лицом, которое перестает отвечать по ним в связи с отсутствием субъекта гражданского права, с которого такое обязательство подлежит взысканию. В этом проявляется юридическая возможность злоупотребления данным механизмом (Рисунок 1) для невыполнения обязательств, в том числе и мошеннических действий.

В связи с этим для защиты прав предпринимателей необходимо устранить данный пробел. Налоговое законодательство устанавливает порядок прекращения деятельности юридического лица в упрощенном порядке. На основании этого, а также анализируя положения, принятые в некоторых странах мирового сообщества, считаем необходимым включения изменений и дополнений в национальное законодательство в изучаемой сфере в отношении юридических лиц, к которым применяется основание, определенное подпунктом 2 пункта 2 статьи 49 ГК РК.

В частности, законодательно не рассмотрены вопросы относительно содержания института ликвидация юридического лица, порядка защиты интересов кредиторов в части выполнения данным юридическим лицом договорных обязательств, а также возможности предъявления требований при обнаружении дополнительного имущества юридического лица после того, как порядок осуществления прекращения его деятельности был окончен. В данном отношении кредиторы юридического лица не могут требовать с него исполнения им обязательств. В связи с чем порядок удовлетворения очередности, который применяется по другим основания к юридическим лицам при банкротстве или иного прекращения деятельности. Подобную практику в части интересов

кредиторов и иных лиц считаем необходимым сохранить в отношении рассматриваемых юридических лиц.

Необходимо рассмотреть международный опыт законодательного регулирования принудительного прекращения деятельности юридического лица на основании признания судебным органом регистрации юридического лица недействительной.

Результаты

Анализ передовой зарубежной практики показал, что в пределах правовой системы одного государства в зависимости от конкретных условий могут применяться различные процедуры прекращения деятельности юридических лиц, которые можно разделить по нижеследующим формулам:

В Эстонии применяются как процедуры, показанные на Рисунке 2, так и Рисунке 3. При этом ликвидация в отношении юридического лица, созданного с существенными нарушениями положений законодательства, проводится в обязательном порядке в рамках принудительного прекращения деятельности согласно вынесенного судебным органом решения [11].

Прекращение деятельности в упрощенном порядке путем исключения юридического лица из Коммерческого реестра без процедуры ликвидации возможно по ходатайству регистрирующего органа и при соблюдении ряда условий, среди которых:

- отсутствие имущества
- отсутствие судебных тяжб в рамках гражданского, уголовного, исполнительного производства
- наличие согласия заинтересованных лиц на исключение из Коммерческого реестра (перечень утверждается соответствующим Министром).

Более того, эстонский законодатель предусматривает возможность восстановить юридическое лицо, исключенное из Коммерческого реестра, в случае обнаружения нераспределенного имущества и наличия кредиторов, которые не смогли истребовать выполнение компанией обязательств перед ними.

Изученная практика Эстонии позволяет прийти к выводу о том, что права кредиторов в достаточной степени защищены как при принудительном роспуске их контрагентов, так и при упрощенном прекращении их деятельности.

Законом Великобритании «О компаниях» от 2006 года[8] предусмотрена возможность исключения компании из официального реестра, если при регистрации или восстановлении были предоставлены заведомо ложные или вводящие в заблуждение сведения. Так, в соответствии с разделом 1002A (Право на исключение компании, зарегистрированной на ложных данных) главы 3 (Восстановление в регистре) части 31 (Роспуск и восстановление в регистре) Закона Регистратор может вычеркнуть компанию из реестра, если есть основания полагать, что информация в заявлении о регистрации или восстановлении была вводящей в заблуждение, ложной или обманчивой.

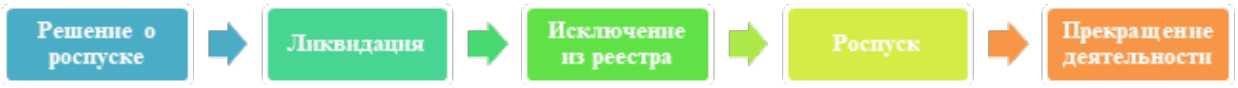


Рисунок 2. Добровольное или принудительное прекращение деятельности (опыт Эстонии, Федеративной Республики Германии)

Рисунок 3. Упрощенное прекращение деятельности («турбо ликвидация») (опыт Великобритании, Нидерландов, Эстонии, Малайзии)

Согласно положениям п. (3) раздела 1002A Закона Регистратор должен опубликовать уведомление в правительственной газете «The Gazette» о намерении вычеркнуть компанию. Если в течение 28 дней не будет возражений, компания будет вычеркнута и расформирована. После вычеркивания компания считается распущенной. Однако ответственность директоров, управляющих и членов компании остается.

Закон Великобритании «О компаниях» устанавливает, что ликвидация юридического лица не является способом избежать ответственности перед кредиторами. Даже

[8] *Companies Act 2006 // https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents (date of reference: 12.09.2024).*

после ликвидации, кредиторы сохраняют право на судебную защиту и могут требовать возобновления деятельности компании. Ликвидация юридического лица не допускается до полного погашения его задолженности. Раздел 1282 Закона устанавливает строгий приоритет расходов на ликвидацию компании в случае недостаточности активов для удовлетворения всех требований кредиторов. Это означает, что даже при наличии плавающих залогов на имущество компании, расходы на ликвидацию должны быть погашены в первую очередь. По смыслу пункта 2 раздела 1282 Закона под плавающим залогом (floating charge) понимается соглашение, в соответствии с которым лицо или организация, предоставляющие компании деньги в долг, имеют право взять под контроль активы компании, если долг не погашен.[9]

Более того, независимо от причины исключения из реестра (банкротство, административное управление или решение регистратора) компания может быть восстановлена. Инициаторами восстановления могут выступать участники компании, кредиторы, регистраторы и другие заинтересованные лица.

Согласно Гражданского кодекса Нидерландов, в целом, процедура прекращения деятельности юридических лиц схожа с Рисунком 2 (принудительное прекращение деятельности). В частности, Окружной суд может принять решение о роспуске юридического лица по запросу заинтересованной стороны или прокуратуры, если:

a) при его создании были допущены ошибки (несовершенства);

b) его учредительные документы не соответствуют установленным законом требованиям;

c) оно не подпадает под установленную законом организационную правовую форму.

Окружной суд может предоставить юридическому лицу на определенный период времени возможность исправить допущенные ошибки. В случае если требования закона остаются не соблюденными, окружной суд вправе принять решение о роспуске юридического лица.

В первую очередь, юридическое лицо должно сообщить в Торговую палату Нидерландов (KVK) о роспуске путем направления заполненной формы 17A с указанием активов (при их наличии) и копии удостоверения личности лица, подписавшего форму. В случае если активы компании превышают ее долговые обязательства, то Торговая палата делает пометку «находится в стадии ликвидации». Если же долги выше активов, то юридическое лицо инициирует процедуру банкротства.

Следующий шаг - компания, которой присвоен статус «находится в стадии ликвидации», должна выплатить все свои долги и распределить активы. Компания, ликвидируемая на основании решении суда, выплачивает все свои обязательства и распределяет имущество через ликвидаторов, назначаемых судом (аналогично практике Эстонии). Ликвидация заканчивается в тот момент, когда ликвидатору не станет известно о каких-либо дополнительных активах (выгодах).

Письменный отчет о ликвидации и план распределения имущества должны быть сданы для проверки офис Регистратора, где зарегистрировано юридическое лицо, и в офис самого юридического лица, если такой офис доступен, или в другое место в судебном округе, где юридическое лицо имеет свой домицилий. Эти документы остаются там для публичного ознакомления в течение двух месяцев [12]. Ликвидатор должен опубликовать в ежедневной газете, где и до какого времени эти документы доступны для ознакомления. Суд может распорядиться о публикации объявления в Dutch Gazette.

В течение двух месяцев после того, как письменный отчет и план распределения имущества были депонированы, а информация об этом отчете опубликована и объявлена, любой кредитор или уполномоченное лицо может подать возражение против предоставленного отчета посредством ходатайства (заявления), поданного в Окружной суд.

После того, как компания погасила свои долги и распределила активы, можно снять с регистрации данное юридическое лицо. Для этого заполняется форма 17b и направляется в региональное отделение Торговой палаты Нидерландов с копией действительного удостоверения личности лица, подписавшего форму. После обработки полученной заявки данное юридическое лицо будет снято с регистрации.

Если компания ликвидирована без полного расчёта по обязательствам, её директоров могут лишить права заниматься управленческой деятельностью, если они:

- не выполнили обязательства по погашению долгов компании;

- умышленно поставили в невыгодное положение одного или нескольких кредиторов:

[9] *Cambridge Dictionary // https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/floating-charge (date of reference: 13.09.2024).*

- неоднократно участвовали в ликвидации компаний без прибыли, с оставлением долгов или методом банкротства и против них лично выдвинуты обвинения[10].

Намеренное несоблюдение новых требований к подотчетности также может привести к уголовной ответственности.

Таким образом, права кредиторов стоят во главе угла и подлежат обязательной защите: кредиторы заранее должны быть уведомлены относительно прекращения деятельности юридического лица в обход процедуры ликвидации, чтобы ознакомиться с финансовой отчетностью компании. Без учета интересов кредиторов юридическое лицо не убирается из реестра Торговой палаты Нидерландов (KVK).

Прекращение деятельности компании в Германии представляет собой комплексный процесс, регулируемый Законом об обществах с ограниченной ответственностью[11] и Законом об акционерных обществах[12]. Данный процесс включает три основных этапа: решение о роспуске компании, ликвидацию и удаление из Торгового реестра. Ликвидация начинается после принятия официального решения о роспуске компании, затем проводится процесс удовлетворения требований кредиторов и распределения активов. Завершающий этап включает удаление компании из Торгового реестра, что формально завершает её существование. Ликвидация может быть инициирована регистрационным судом, если устав компании признан ненадлежащим в соответствии с разделом 399 Закона о разбирательствах по семейным делам и делам неспорной юрисдикции, и это решение становится окончательным.

Статья 399 касается случаев, когда устав акционерного общества или товарищества с ограниченной ответственностью имеет существенные недостатки или отсутствуют важные положения, установленные законом. В таких случаях регистрационный суд может потребовать от компании исправить устав в течение определенного срока. Если компания не выполнит это требование, суд может признать устав недействительным и инициировать процесс ликвидации компании. Если решение суда не будет выполнено или возражение будет отклонено, суд может ликвидировать компанию. Также предусмотрена возможность обжалования решений суда. Этот раздел применяется аналогично и к обществам с ограниченной ответственностью.

Процедура исключения компании из государственного реестра в Малайзии представляет собой достаточно детально проработанный механизм, направленный на исключение из реестра неактивных или нарушающих закон компаний.

Инициатором процедуры может быть как Регистратор[13] (в случае неактивности компании, систематических нарушений закона или противоправной деятельности), так и директор, участник или ликвидатор компании. Процедура включает в себя несколько этапов: направление уведомления компании, публикацию публичного уведомления, возможность подачи возражений и, в конечном итоге, исключение компании из реестра. Основными основаниями для исключения являются неактивность компании, систематические нарушения закона и противоправная деятельность[14]. Закон предусматривает возможность для заинтересованных лиц подать возражения против исключения компании и обжаловать решение Регистратора в суде.

Исключенная из реестра компания считается ликвидированной, однако личная ответственность ее директоров и должностных лиц сохраняется. Существует также возможность судебной ликвидации такой компании, если будет обнаружено ее имущество. В течение 7 лет со дня государственной регистрации прекращения деятельности юридического лица заинтересованное лицо может обратиться в суд с иском о восстановлении компании. Суд может восстановить компанию в ее правах, если будет установлено, что исключение было неправомерным или несправедливым.

Малазийское законодательство о ликвидации компаний через процедуру исключения из реестра можно охарактеризовать как сбалансированное. С одной стороны, оно обеспечивает эффективное исключение из ree-

[10] *Новый закон о прозрачности турбо-ликвидации // https://www.nalog.nl/news/2022/08/09/novyj-zakon-o-prozrachnosti-turbo-likvidacii/ (дата обращения 02.09.2024).*

[11] *Закон об обществах с ограниченной ответственностью (Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung – GmbHG) // https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gmbhg/englisch_gmbhg.html#p0403 (date of reference: 02.09.2024).*

[12] *Закон об акционерных обществах (The Aktiengesetz – AktG) // https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aktg/englisch_aktg.html#p1744 (date of reference: 02.09.2024).*

[13] *Companies Commission of Malaysia Act 2001 // https://www.ssm.com.my/Pages/ Legal_Framework/Document/CCMA%20Act%20614_as%20at%201%20March%202018).pdf (date of reference: 05.09.2024).*

[14] *Companies Act 2016 // https://www.ssm.com.my/Pages/Legal_Framework/Document/ Companies%20Act%202016_Akta%20777_BI%20(1.8.2022).pdf (date of reference: 05.09.2024).*

стра неактивных и проблемных компаний, с другой стороны, гарантирует защиту прав добросовестных участников и кредиторов.

Заключение

Опыт Малайзии и Великобритании в части положений относительно уведомления и защиты кредиторов и других заинтересованных лиц считаем применим в действующем национальном законодательстве, в частности, относительно предоставляемого для этого времени. В Малайзии возможность обращения в судебный орган кредитором с требованиями в отношении ликвидируемого юридического лица сохраняется на протяжении 7 лет, в Великобритании – на протяжении шести лет после ликвидации. В Казахстане же срок предъявления требований кредиторами – два месяца, что два раза короче эстонского опыта.

Кроме того, в положениях национального законодательства Малайзии и Великобритании четко определяется, что регистрирующий орган может подать в суд в отношении проведения процедуры ликвидации. Такое положение характерно также для гражданского законодательства Германии. В Нидерландах выделяется лицо, чья деятельность направлена на учет мнения кредиторов в проводимом им процессе ликвидации (ликвидатор). Ликвидаторы обязаны соблюсти весь процессуальный порядок ликвидации: направить в регистрирующий уполномоченный орган уведомление о начале процедуры ликвидации, оповестить всех известных кредиторов, составления ликвидационного отчета и направления регистратору ходатайства об исключении юридического лица из Коммерческого реестра. В связи с чем в наших рекомендациях определено специальное лицо, имеющее такие же задачи.

Предлагаемый нами вариант на Рисунке 4 построен с учетом особенностей действующего законодательства и мягкого внесения изменений в существующий порядок принудительной ликвидации юридического лица. В частности, расширены обязанности органа, инициировавшего данную процедуру, а также введен институт администратора, существующий согласно положениям законодательства о реабилитации и банкротстве, как возможность реализации ликвидационного производства при неисполнении судебного лица теми, на которых была возложена такая обязанность. Институт администратора для проведения процедуры ликвидации юридического лица основан на опыте Нидерландов и Эстонии, где такую функцию осуществляю ликвидаторы.

Пункт 21 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 № 5 «О судебной практике ликвидации отсутствующих юридических лиц и отсутствующего должника, а также юридических лиц, осуществляющих свою деятельность с грубым нарушением законодательства» определяет, что при возложении обязанностей по проведению процедуры ликвидации на уполномоченный орган к нему переходят права и обязанности администратора, предусмотренные Законом. В случае отсутствия активов у банкрота, а также сделок, подлежащих признанию недействительными, по основаниям, предусмотренным статьей 7 Закона, уполномоченный орган обязан в месячный срок представить собранию кредиторов для согласования заключительный отчет и ликвидационный баланс. Уполномоченный орган обязан в течение двух рабочих дней с момента согласования с собранием кредиторов представить в суд для утверждения заключительный отчет и ликвидационный баланс, после утверждения судом заключительного отчета в течение трех рабочих дней закрыть банковские счета банкрота и сдать в орган государственных доходов свидетельство налогоплательщика и свидетельство о постановке на учет по налогу на добавленную стоимость (при их наличии) [13].

Ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо прекратившим существование, только после издания регистрирующим органом приказа о ликвидации юридического лица и внесения об этом сведений в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров.

Процесс удовлетворения требований кредиторов характерен для законодательства Германии, но на основании гражданского судопроизводства. Кроме того, для обязательного прохождения данного этапа помимо судебного решения для прекращения деятельности юридического лица необходимо вынесение судебного определения о завершении ликвидационного производства, что также гарантирует учет интересов кредиторов и иных контрагентов юридических лиц. Без прохождения соответствующего этапа процедуры невозможно ее завершение.

Таким образом, содержащиеся в ГК РК положения относительно создания и прекращения деятельности юридических лиц, оснований и последствий государственной регистрации, в том числе определения госу-

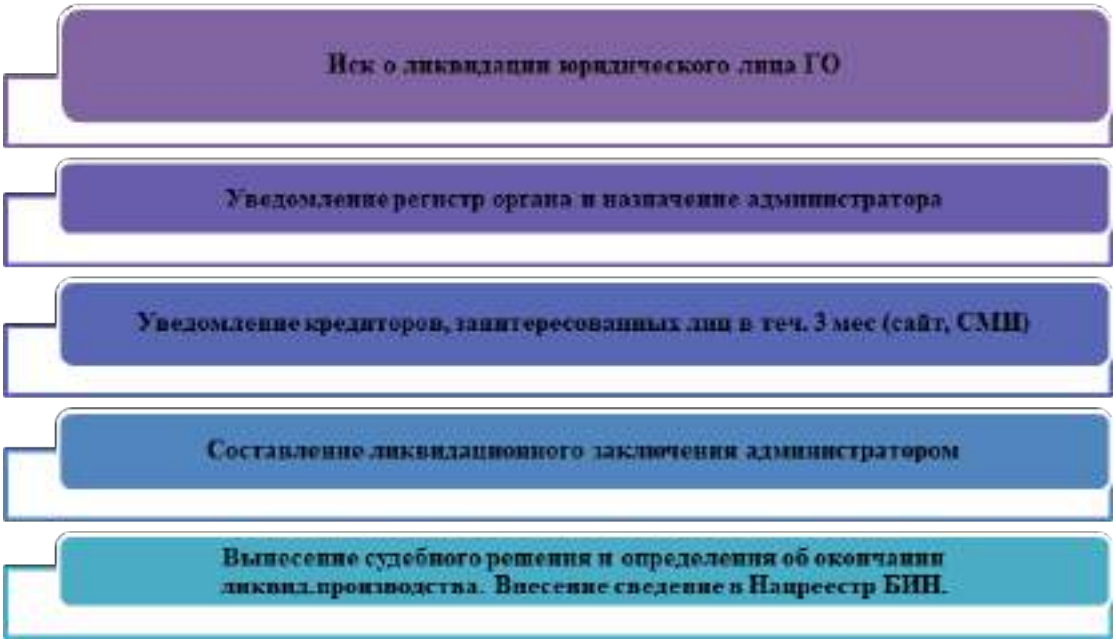


Рисунок 4. Порядок принудительной ликвидации юридического лица (предлагаемый вариант)

дарственной регистрации юридических лиц незаконной, нуждаются в развитии и совершенствовании. Кроме того, основными целями внедрения данных положений являются охрана интересов и прав кредиторов и иных контрагентов юридических лиц, увеличение доверия участников гражданских правоотношений к государству и государственным органам, а также обеспечение стабильности и ясности в гражданском обороте. Практика применения положений гражданского законодательства судебными органами и соответствующими государственными органами для реализации функций и целей налоговых органов представляется нецелесообразной и не всегда соответствующей положениям ГК РК относительно реализации деятельности юридических лиц. Особый смысл это приобретает в части реализации основания ликвидации юридического лица, регистрация которой установлена как недействительная.

Прекращению деятельности юридического лица может способствовать определение судебным органом его регистрации недействительной, что отражено в гражданском законодательстве [14]. Такое основание не обозначает возможность удаления истории осуществления данным юридическим лицом своей деятельности, в том числе его участие в гражданском обороте, совершение различных сделок и иных юридически значимых действий до вынесения судебным органом решения о признании недействительным регистрации юридического лица. На этом основании порядок его ликвидации должен соответствовать положениям ГК РК и иным нормативным правовым актам в данной сфере общественных отношений.

При этом совершенствование действующего законодательства обусловлено необходимостью прояснения и устранения неясностей в применении отдельных правовых положений и уменьшения отрицательных последствий правового регулирования правоотношений, связанных с регистрацией государственными органами юридических лиц.

Вклад авторов

Аннотация, введение, материалы и методы, обсуждение, заключение, литература, транслитерация и инфо об авторах написаны *Курмановой А.К.* Кроме того, в обсуждении в части опыта зарубежных стран, изучении библиографических источников участвовала *Салыкова Д.О.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Mukaldyeva G., Alkebaeva Zh. Legal status of legal entities in private international law // Заң сериясы. – 2022. - №1 (101). - pp.70-77

2. Нефедова О.О. Принудительная ликвидация по инициативе учредителей юридического лица // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. - № 1-2 (40). – С. 202-206 - [Электронный ресурс] Режим доступа: http://intjournal.ru/wp-content/

uploads/2020/02/Nefedova.pdf?ysclid=m2ap%20gkv3st174631300 (дата обращения 24.08.2024)

3. Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // Lex russica. - 2013. - № 3. - С. 268-279 - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=62501 (дата обращения 02.09.2024).

4. Красовская А.А., Чарковская Н.И. К вопросу об исключении недействующего юридического лица из Единого государственного реестра // Исполнительное право. – 2008. - № 1. – С. 12-14.

5. Bing Y. Judicial Review Of Dismission And Liquidation Process For Limited Liability Company Company Post Bankruptcy // UNTAG Law Review (ULREV). – 2017. - Volume 1, Issue 2. – pp.1-9 - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.researchgate.net/publication/335466505_JUDICIAL_REVIEW_OF_DISMISSION_AND_LIQUIDATION_PROCESS_FOR_LIMITED_LIABILITY_COMPANY_POST_BANCRUPTCY (date of reference: 27.08.2024).

6. Bergt J. Understanding the Dissolution and Liquidation Process of Legal Entities in Liechtenstein - [Electronic resource]. - Access mode: https://chambers.com/articles/understanding-the-dissolution-and-liquidation-process-of-legal-entities-in-liechtenstein (date of reference: 27.08.2024).

7. Карагусов Ф.С. О правоспособности юридического лица и признании государственной регистрации юридического лица недействительной (в качестве материалов доклада в рамках совещания, проведенного Верховным Судом Республики Казахстан 10 июля 2018 года) - [Электронный ресурс] - Режим доступа: О правоспособности юридического лица и признании государственной регистрации юридического лица недействительной (Карагусов Ф.С., доктор юридических наук, профессор, г.н.с. Института частного права Каспийского университета) (дата обращения: 24.08.2024).

8. Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. – 2016. - № 8. - С.125-140.

9. Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право // Москва: РАП. - 2014. – 120 с.

10. Мазин Д.И. Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-pravovye-aspekty-protsedury-likvidatsii-yuridicheskih-lits?ysclid=m2aq5ajn1k257915422 (дата обращения: 02.09.2024).

11. Oglezneva T.N. Legal Entity Of Public Law In Civil Legislation As Phenomenon Of Globalization // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. – 2019. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.researchgate.net/publication/332084029_Legal_Entity_Of_Public_Law_In_Civil_Legislation_As_Phenomenon_Of_Globalization (date of reference: 24.08.2024).

12. Mikheeva I. Forcing Liquidation of a Legal Entity: The Public Law Issues - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/219124918?ysclid=m757v21wso434807378 (date of reference: 02.01.2025).

13. Зеленская Т. Некоторые вопросы ликвидации юридического лица - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://korgan-zan.kz/liquidation-company/?ysclid=m758862k4h370034519 (дата обращения: 02.01.2025).

14. Гусева А.А. Актуальные проблемы ликвидации юридического лица // Молодой ученый. – 2019. - № 2(240). – С. 213-216 - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://moluch.ru/archive/240/55434/?ysclid=m2aqbcugjw553732576 (дата обращения: 10.10.2024).

REFERENCES

1. Mukaldyeva G., Alkebaeva Zh. Legal status of legal entities in private international law // Zaң serijasy. – 2022. - №1 (101). - pp.70-77

2. Nefedova O.O. Prinuditel'naja likvidacija po iniciative uchreditelej juridicheskogo lica // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2020. - № 1-2 (40). – S. 202-206 - [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/02/Nefedova.pdf?ysclid=m2ap%20gkv3st174631300 (data obrashhenija 24.08.2024).

3. Laptev V.A., Efimenko E.N. Korporativnye konflikty: prichiny vozniknovenija i sposoby zashhity // Lex russica. - 2013. - № 3. - S. 268-279 - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=62501 (data obrashhenija 02.09.2024).

4. Krasovskaja A.A., Charkovskaja N.I. K voprosu ob iskljuchenii nedejstvujushhego juridicheskogo lica iz Edinogo gosudarstvennogo reestra // Ispolnitel'noe pravo. – 2008. - № 1. – S. 12-14.

5. Bing Y. Judicial Review Of Dismission And Liquidation Process For Limited Liability Company Company Post Bankruptcy // UNTAG Law Review (ULREV). – 2017. - Volume 1, Issue 2. – pp.1-9 - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.researchgate.net/publication/335466505_JUDICIAL_REVIEW_OF_DISMISSION_AND_LIQUIDATION_PROCESS_FOR_LIMITED_LIABILITY_COMPANY_POST_BANCRUPTCY (date of reference: 27.08.2024).

6. Bergt J. Understanding the Dissolution and Liquidation Process of Legal Entities in Liechtenstein - [Electronic resource]. - Access mode: https://chambers.com/articles/understanding-the-dissolution-and-liquidation-process-of-legal-entities-in-liechtenstein (date of reference: 27.08.2024).

7. Karagusov F.S. O pravosposobnosti juridicheskogo lica i priznanii gosudarstvennoj registracii juridicheskogo lica nedejstvitel'noj (v kachestve materialov doklada v ramkah soveshhanija, provedennogo Verhovnym Sudom Respubliki Kazahstan 10 ijulja 2018 goda) - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: O pravosposobnosti juridicheskogo lica i priznanii gosudarstvennoj registracii juridicheskogo lica nedejstvitel'noj (Karagusov F.S., doktor juridicheskih nauk, professor, g.n.s. Instituta chastnogo prava Kaspijskogo universiteta) (data obrashhenija: 24.08.2024).

8. Jakovlev V.F., Talapina Je.V. Juridicheskie lica i sub#ekty publichnogo prava: v poiskah pravovogo balansa // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. - № 8. - S.125-140.

9. Andreev V.K., Kirpichev A.E. Juridicheskie lica. Vvedenie v korporativnoe pravo // Moskva: RAP. - 2014. – 120 s.

10. Mazin D.I. Soderzhanie i pravovye aspekty procedury likvidacii juridicheskih lic - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-pravovye-aspekty-protsedury-likvidatsii-yuridicheskih-lits?ysclid=m2aq5ajn1k257915422 (data obrashhenija: 02.09.2024).

11. Oglezneva T.N. Legal Entity Of Public Law In Civil Legislation As Phenomenon Of Globalization // Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. – 2019. - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.researchgate.net/publication/332084029_Legal_Entity_Of_Public_Law_In_Civil_Legislation_As_Phenomenon_Of_Globalization (date of reference: 24.08.2024).

12. Mikheeva I. Forcing Liquidation of a Legal Entity: The Public Law Issues - [Electronic resource]. - Access mode: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/219124918?ysclid=m757v21wso434807378 (date of reference: 02.01.2025).

13. Zelenskaja T. Nekotorye voprosy likvidacii juridicheskogo lica - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://korgan-zan.kz/liquidation-company/?ysclid=m758862k4h370034519 (data obrashhenija: 02.01.2025).

14. Guseva A.A. Aktual'nye problemy likvidacii juridicheskogo lica // Molodoj uchenyj. – 2019. - № 2(240). – S. 213-216 - [Jelektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: https://moluch.ru/archive/240/55434/?ysclid=m2aqbcugjw553732576 (data obrashhenija: 10.10.2024).

UDC 343.1
SRSTI 10.67.51

EXEMPTION FROM PAYMENT OF STATE FEES IN THE COURTS FOR SOCIALLY VULNERABLE PEOPLE (MONITORING LEGISLATION)

Kaliakperova Elena Nikolaevna[1]
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence at East Kazakhstan University named after Sarsen Amanzholov; Ust-Kamenogorsk c., the Republic of Kazakhstan; e-mail: Elenamanina@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-6903-7430; Scopus Author ID: 57209852461

Kusmanova Laura Erlanovna
Master of Jurisprudence, Senior lecturer of the Department of Jurisprudence at East Kazakhstan University named after Sarsen Amanzholov; Ust-Kamenogorsk c., the Republic of Kazakhstan; e-mail: Laurakus@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-2666-046X

Abstract. *The authors examined the issues of exemption from payment of state duties in the courts of socially vulnerable segments of the population both in the Republic of Kazakhstan and in foreign legislation.*

In the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the «right to judicial protection» is enshrined as the main guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of citizens. This right is absolute and inalienable and is not subject to limitation in any cases.

Turning to the legal nature of the state duty, the authors concluded that the collection of the duty itself is consistent with the provisions of the Constitution, since the payment of taxes, fees and other obligatory payments is the responsibility and duty of everyone.

However, the size of the state fee and the ability of a participant in legal proceedings to pay it may have a deterrent effect on the ability of individuals to seek restoration of their rights through resorting to available forms of legal proceedings.

To overcome this financial barrier in realizing the right to judicial protection, article 616 of the Code of the Republic of Kazakhstan «On taxes and other obligatory payments to the budget» (hereinafter - TC) provides for grounds for exemption from payment of state fees in the courts, including when filing petitions for review judicial acts in cassation, based on the category of the claim or the subject of the legal relationship.

The authors believes that the current version of subparagraph 13) of article 616 of the TC, which provides benefits only to plaintiffs, does not consider the fact that other participants in the process (defendants) belonging to socially vulnerable segments of the population were deprived of legal instruments that could compensate for their financial failure to pay the established state duty rates when applying for protection of one's rights to the cassation court.

Keywords: *Tax Code, state duty, exemption from payment of state duty in courts, a person with a disability, access to justice, plaintiff, defendant*

ХАЛЫҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ОСАЛ ТОПТАРЫНЫҢ СОТТАРЫНДА МЕМЛЕКЕТТІК БАЖ ТӨЛЕУДЕН БОСАТУ (ЗАҢНАМА МОНИТОРИНГІ)

Елена Николаевна Калиакперова
Заң ғылымдарының докторы, доцент, Сәрсен Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті Заңтану кафедрасының профессоры; Өскемен қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Elenamanina@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-6903-7430; Scopus Author ID: 57209852461

[1] *Author for correspondence*

Лаура Ерлановна Кусманова
Заң ғылымдарының магистрі, Сәрсен Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті Заңтану кафедрасының аға оқытушысы; Өскемен қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: Laurakus@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-2666-046X

Аннотация. *Авторлар Қазақстан Республикасында да, шетелдік заңнамада да халықтың әлеуметтік осал топтарының соттарында мемлекеттік баж салығын төлеуден босату мәселелерін қарады.*

Қазақстан Республикасының Конституциясында «сот қорғауына құқық» азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғаудың негізгі кепілі ретінде бекітілген. Бұл құқық абсолютті және бөлінбейтін болып табылады және ешқандай жағдайда шектеуге жатпайды.

Мемлекеттік баждың құқықтық сипатына сілтеме жасай отырып, авторлар баждың өзі Қазақстан Республикасы Конституциясының ережелеріне сәйкес келеді деген қорытындыға келді, өйткені салықтарды, алымдарды және басқа да міндетті төлемдерді төлеу әркімнің міндеті мен борышы болып табылады.

Алайда, мемлекеттік баждың мөлшері және сот ісін жүргізуге қатысушының оны төлеу қабілеті адамдардың сот ісін жүргізудің қолда бар нысандарына жүгіну арқылы олардың құқықтарын қалпына келтіруге қол жеткізу мүмкіндігіне тежегіш әсер етуі мүмкін.

Сот арқылы қорғалу құқығын жүзеге асырудағы осы қаржылық кедергіні еңсеру үшін «Салық және бюджетке төленетін басқа да міндетті төлемдер туралы» Қазақстан Республикасы Кодексінің (бұдан әрі – СК) 616-бабында соттарда мемлекеттік бажды төлеуден босату негіздері көзделген, оның ішінде талап қою санатына немесе құқықтық қатынастың нысанасына қарай кассациялық тәртіпте сот актілерін қайта қарау туралы өтінішхаттар берген кезде.

Авторлар СК-нің 616-бабының 13) тармақшасының тек талапкерлерге ғана жеңілдіктер қарастыратын қолданыстағы редакциясында процеске басқа қатысушылардың (жауапкерлердің) халықтың әлеуметтік осал топтарына жататындығы ескерілмейді деп есептейді. кассациялық сатыдағы сотқа өз құқықтарын қорғау туралы өтінішхат берген кезде белгіленген мемлекеттік баж мөлшерлемелерін төлеудегі қаржылық кемшіліктерінің орнын толтыруға мүмкіндік беретін құқықтық құралдардан айырылды.

Түйінді сөздер: *салық кодексі, мемлекеттік баж, соттарда мемлекеттік бажды төлеуден босату, мүгедектігі бар адам, сот төрелігіне қол жеткізу, талапкер, жауапкер*

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В СУДАХ СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ (МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

Калиакперова Елена Николаевна
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова; г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан; e-mail: Elenamanina@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-6903-7430; Scopus Author ID: 57209852461

Кусманова Лаура Ерлановна
Магистр юриспруденции, сениор-лектор кафедры юриспруденция Восточно-Казахстанского университета имени Сарсена Аманжолова; г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан; e-mail: Laurakus@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-2666-046X

Аннотация. *Авторами были рассмотрены вопросы освобождения от уплаты государственной пошлины в судах социально уязвимых слоев населения как в Республике Казахстан, так и в зарубежном законодательстве.*

В Конституции Республики Казахстан «право на судебную защиту» закреплено в каче-

стве основной гарантии защиты прав и законных интересов граждан. Данное право является абсолютным и неотчуждаемым и не подлежит ограничению ни в каких случаях.

Обращаясь к правовой природе госпошлины, авторы пришли к выводу, что само взимание пошлины согласуется с положениями Конституции Республики Казахстан, поскольку уплата налогов, сборов и иных обязательных платежей является обязанностью и долгом каждого.

Однако, размер государственной пошлины и способность участника судопроизводства ее уплатить может оказывать сдерживающее воздействие на возможность лиц добиваться восстановления их прав через обращение к имеющимся формам судопроизводства.

Для преодоления данного финансового барьера в реализации права на судебную защиту в статье 616 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет»[2] (далее - НК) предусматриваются основания освобождения от уплаты государственной пошлины в судах, в том числе при подаче ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке, исходя из категории иска или субъекта правоотношения.

Авторы полагают, что действующая редакция подпункта 13) статьи 616 НК, предоставляющая льготы только истцам, не учитывает тот факт, что другие участники процесса (ответчики), относящиеся к социально-уязвимым слоям населения, оказались лишены правовых инструментов, которые могли бы компенсировать их финансовую несостоятельность уплатить установленные ставки государственной пошлины при обращении за защитой своих прав в суд кассационной инстанции.

Ключевые слова: *налоговый кодекс, государственная пошлина, освобождение от уплаты государственной пошлины в судах, лицо с инвалидностью, доступ к правосудию, истец, ответчик*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_245

Introduction

According to the Constitution of the Republic of Kazakhstan, a person, his rights and freedoms are the highest value of the state (paragraph 1 of article 1)[3], and their recognition, observance and protection is the duty of the state. Rights and freedoms are recognized and guaranteed by the State and in accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, are innate, absolute and inalienable, determine the content and application of laws and other normative legal acts.

According to this constitutional provision, the state not only declares the rights and freedoms of man and citizen, but also ensures their protection, creating all necessary conditions.

Some norms of the Constitution, namely articles 13 and 14, have been the subject of consideration more than once in a number of final resolutions of the constitutional control body of the Republic of Kazakhstan. As noted in them, the main guarantee for the protection of the rights and legitimate interests of citizens is the right to judicial protection, enshrined in paragraph 2 of article 13 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, which includes the right to appeal against court decisions. This right is absolute and inalienable and is not subject to restriction in any case (paragraph 3 of article 39 of the Basic Law).

In accordance with article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, everyone is equal before the law and the court. No one may be subjected to any discrimination based on origin, social, official and property status, gender, race, nationality, language, attitude to religion, beliefs, place of residence or any other circumstances.

The above-mentioned provisions correspond to the provisions of generally recognized international acts.

Thus, the approaches established by the legislation of the Republic of Kazakhstan correspond to the provisions of international legal acts, the obligations of which the Republic of Kazakhstan has assumed.

The right to access to justice in an international legal context is enshrined in article 8 of the Universal Declaration of Human Rights, which stipulates that «everyone has the right to effective restoration of rights by competent national courts in cases of violation of his fundamental rights

[2] *Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI ЗРК «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120 (дата обращения: 01.05.2024).*

[3] *Конституция Республики Казахстан https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 01.05.2024).*

granted to him by the Constitution or the law»[4].

Also, articles 14 and 26 of the International Covenant on Civil and Political Rights[5] speak about equality before courts and tribunals, the right to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial court (article 14), equality before the law (article 26). These rights must be respected both in judicial procedures and in procedures that are judicial in nature (United Nations Human Rights Committee general comment No. 32[6] on article 14: Equality before courts and tribunals and the right of everyone to a fair trial).

In addition, in December 2008, Kazakhstan signed the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, which was adopted on December 13, 2006 (hereinafter referred to as the Convention) and its Optional Protocol. In 2015, Kazakhstan ratified the Convention itself[7].

Article 12 of the Convention stipulates, «States parties affirm that every person with disabilities, wherever he or she is, has the right to equal legal protection.

The Participating States recognize that persons with disabilities have legal capacity on an equal basis with others in all aspects of life».

Article 13 states that «states parties shall ensure effective access to justice for persons with disabilities on an equal basis with others, including by providing for procedural and age-appropriate adjustments to facilitate their effective role as direct and indirect participants, including witnesses, at all stages of the legal process, including the investigation stage and other stages of pre-trial proceedings».

Thus, Kazakhstan has undertaken to ensure the protection of the rights of citizens with disabilities in accordance with international standards.

Materials and methods

The authors used normative sources, including foreign ones.

The article uses dialectical, legal-positivist, normative and system-structural methods of cognition.

Results and discussion

The constitutional obligation and duty to pay taxes, fees and other mandatory payments are universal and are enshrined in article 35 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan.

State duty is a payment to the budget levied for the commission of legally significant actions, including when applying to the court (paragraph 1 of article 607 of the TC of 2017).

In addition, the current legislation does not provide for a delay or installment payment. The exception is only one case of deferral from payment of state duty on consumer protection claims filed by a citizen (part three of article 106 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2015).

The constitutional right to judicial protection must be ensured for all citizens without discrimination. Restricting access to the court on the basis of status in the judicial process is contrary to the principles of equality before the law laid down in article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan

According to Egorova T.V., the legal regulation of the institute of court costs pursues several goals.

Firstly, the set of legal norms regulating issues of court costs serves to create incentives for interested parties to act within the framework of the law, illustrating that the court is the last instance for resolving the conflict. The legal regulation of the institution of court costs allows to a certain extent to reduce the appeal to the courts with obviously unreasonable demands, and can also stimulate debtors in civil turnover to perform their duties under the threat of compensation in case of satisfaction of the claim of all court costs, to induce the obligated person to voluntarily and timely fulfill their obligations, to settle their dispute with interested parties in accordance with the current legislation without involving a court in its resolution.

Secondly, the legal regulation of court costs is aimed at ensuring the operation of a mechanism for compensating expenses related to consideration in court, contributing to the restoration of the right and property status of the subject of the process.

Thirdly, the legal regulation of court costs is aimed at achieving the objectives of the proceedings and is based on the fundamental

[4] *Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 02.05.2024).*

[5] *Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года N 91 «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_ (дата обращения: 01.05.2024).*

[6] *Замечание общего порядка № 32 CCPR/C/GC/32 от 23 августа 2007 года к статье 14 https://www.sud.gov.kz/sites/default/files/zamechanie_obshchego_poryadka_kpch_no32.pdf (дата обращения: 01.05.2024).*

[7] *Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2015 года № 288-V ЗРК «О ратификации Конвенции о правах инвалидов», 7 июня 2023 года был подписан Закон Республики Казахстан от № 8-VIII «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов». https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000288 (дата обращения: 01.05.2024).*

principles of procedural law, ensures the right to appeal to the court and to consider the case on its merits, the qualification of the trial, the fullest possible presentation of evidence during the consideration of the case, the rights of the parties to protection and qualified legal assistance, the fastest possible consideration of the case in court in court, the issuance of a lawful, reasonable and fair judicial act [1, c.409].

As the well-known scientist Suleimenov M.K. writes, it is necessary to find a reasonable balance between the accessibility of justice and excessive workload of the courts, including from a large number of unfounded lawsuits. Considering foreign experience, it is possible to raise the amount of state duty rates in courts.

M.K. Suleimenov points out that: «it is necessary ... to take a differentiated approach to the claims of individuals, on the one hand, and the claims of individual entrepreneurs and legal entities, on the other hand. That is, to distinguish between household and commercial risks.

It should be noted that no matter what changes we make in relation to increasing or decreasing the rates of court fees, it is necessary to keep in mind the Recommendation on ways to facilitate access to justice, adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on May 14, 1981: «1. Admission to legal proceedings should not be subject to the payment by a party to the state of any sum of money, the amount of which is unreasonable in relation to the case under consideration. 12. To the extent that legal costs are a clear barrier to access to justice, they should, where possible, be reduced or eliminated. The system of legal costs should be reviewed from the point of view of its simplification» [2].

Thus, by establishing in the TC the procedure for paying and exempting a certain category of citizens from paying state duty, the legislator acted within the powers granted to him by law, as well as the legal nature of the state duty in the courts, its purpose and the measures taken by the state to support socially vulnerable segments of the population.

In turn, the analysis of the Kazakh legislation on payment of state duty in the courts showed the following: 1) the release of plaintiffs from paying court fees for statements of claim submitted to the court is provided for by two criteria: the category of the plaintiff and the category of the subject of the claim; 2) the release of defendants from paying state fees is not provided, except for disputes related to compensation for damage caused to a citizen by illegal conviction, illegal application of a preventive measure in the form of detention or illegal imposition of an administrative penalty in the form of arrest.

For reference:

Historically, certain benefits for the payment of state duties on the territory of our country were provided even during the period of joining the Soviet Union.

Thus, by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated April 10, 1942[8], categories of cases were defined in which plaintiffs and defendants were exempt from paying the state fee for filing lawsuits and cassation complaints (for example, plaintiffs and defendants in cases of collecting arrears on taxes and non-tax payments to state and local budgets).

Tax exemption in all categories of cases was first introduced for plaintiffs who participated in the Great Patriotic War on December 19, 1992 with the adoption of the Law «On State Duty». On December 31, 1996, this benefit was additionally granted to plaintiffs with disabilities of groups I and II.

At the same time, article 616 of the TC of 2017 lists an exhaustive, specific list of grounds for exemption from payment of state duty in courts based on the category of the claim or the subject of the legal relationship.

The following persons are included in subparagraph 13) of this article:

«13) plaintiffs – veterans of the Great Patriotic War, veterans equated by benefits to veterans of the Great Patriotic War, and veterans of military operations on the territory of other states, persons awarded orders and medals of the former USSR for selfless work and impeccable military service in the rear during the Great Patriotic War, persons who worked (served) for at least six months from June 22, 1941 to May 9, 1945 and those who were not awarded orders and medals of the former USSR for selfless work and impeccable military service in the rear during the Great Patriotic War, persons with disabilities, as well as one of the parents of a person with a disability since childhood, a child with a disability – in all cases and documents;».

In the TC of 2001[9] , the provisions of article 616 were fixed in article 501 in the following wording: paragraph 12) plaintiffs-participants of the Great Patriotic War and persons equated to them, disabled persons of groups I and II - in all

[8] *Указ Президиума ВС СССР от 10.04.1942 о государственной пошлине https://ru.wikisource.org/wiki/ (дата обращения: 22.03.2024)*

[9] *Налоговый Кодекс РК от 12 июня 2001 года № 209-II (утратил силу) (дата обращения: 01.05.2024).*

cases and documents.

In the TC of 2008[10], these provisions were enshrined in article 541. Subparagraph 12) stated: 12) the plaintiffs-participants of the Great Patriotic War and persons equated to them, persons awarded orders and medals of the former USSR for selfless work and impeccable military service in the rear during the Great Patriotic War, persons who worked (served) for at least six months from June 22, 1941 to May 9, 1945, and those who were not awarded orders and medals of the former USSR for selfless work and impeccable military service in the rear during the Great Patriotic War, disabled people, as well as one of the parents of a disabled person from childhood - in all cases and documents.

Thus, the category of persons exempts from paying state duty in the courts included «persons with disabilities, as well as one of the parents of a disabled person from childhood - in all cases and documents».

In the current version of article 616 of the TC of 2017, «disabled» were replaced by «persons with disabilities», and «one of the parents of a disabled person from childhood» by «one of the parents of a child with disabilities», as well as, unlike the TC of 2001 and 2008, the circle of persons exempts from paying state duty when the filing of lawsuits and applications has been expanded.

In addition, in the second part of article 616 of the TC of 2017, the provision is fixed that the persons specified in the first part of this article are exempt from paying state duty in courts also when appealing judicial acts.

We believe that the application of the provisions of subparagraph 13) of part one of article 616 of the TC of 2017, in conjunction with part two of this article, does not meet the requirements of legal accuracy, which in practice leads to violations of the constitutional principle of equality of all before the law and the court.

Taking into account the understanding of paragraph 1 of article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the wording of part two of article 616 of the TC of 2017, which provides for the exemption of persons specified in part one of this article from paying state duty in courts also when appealing judicial acts, does not allow the application of support mechanisms provided by law to all persons (regardless of procedural status), classified as socially vulnerable segments of the population.

In this regard, in order to exclude infringement of the constitutional rights of citizens and an unambiguous understanding of the contested norm (especially in matters related to civil liability), it is necessary to improve the provisions of part two of article 616 of the TC of 2017, aimed at strict observance of the constitutional principle of equality of all before the law and the court.

We believe it is correct, when interpreting the provisions of part two of article 616 of the TC of 2017 «persons specified in part one of this article are exempt from paying state duty in courts also when appealing judicial acts», to proceed from the category of the subject applying for a review of judicial acts.

Such an interpretation would allow, when applying subparagraph 13) of the first part of article 616 of the TC of 2017, to exempt from payment of state duty in courts when applying to persons specified in part one of this article with petitions for review of judicial acts, regardless of their procedural status (plaintiff or defendant).

Along with this, in order to solve the current problem, it is possible to expand the list of persons entitled to free legal assistance or, as Savinova A.V. suggests, to create an «institute of poverty law in the proceedings of courts of general jurisdiction, arbitration courts, magistrates, based on the income and level of prosperity of the participants in the process» [3, с. 155].

The studied experience of foreign countries on the payment of state fees in courts shows that there are various mechanisms for exemption from their payment, the provision of benefits, including to persons with disabilities.

The provision of benefits for the payment of court fees for certain legal entities and individuals is a common practice all over the world.

Thus, the institution of payment of state duty in the courts and the provision of benefits is regulated in more detail in the legislation of England and Germany.

The United Kingdom ranked 8th in terms of the effectiveness of justice, ahead of Belgium, France and the United States. In 2015, tariff growth in England ranged from 600% to 1000% for disputes of different categories, which, in our opinion, will become a stumbling block for those wishing to resolve the issue through the courts.

In the UK, a fee is required to file a claim, the amount of which varies from 35 pounds to 10,000 pounds. However, it should be noted that in English courts, in addition to paying a fee for filing a statement of claim, the filing of certain procedural documents during the trial is also subject to fees. Thus, in order to consider an

[10] *Налоговый кодекс РК от 10 декабря 2008 года № 99 (утратил силу) (дата обращения: 01.05.2024).*

appeal in the District Court, a fee of 140 pounds must be paid, and in the Supreme Court – 240 pounds[11].

In Germany, on the basis of the Civil Procedure Law, certain persons are exempt from paying court costs to the state budget (for more information, see article 43 of the GPA)[12], but there is no mention of «disabled people».

In addition, the Civil Procedure Law provides that a court or judge, taking into account the property status of an individual, fully or partially exempts him from paying court costs to state revenues, as well as postpones the payment of court costs to state budget revenues or distributes it by time[13].

In Germany, the amount of the state fee is determined in accordance with the law, depending on the price of the claim. The maximum claim price for the calculation of the fee is 30 million euros. In order to comply with the principle of equality before the court, the court can help the poor to conduct a case or reduce the price of a claim. Assistance in conducting cases in court also covers the payment of legal services.

In Germany, the amount of the state duty is determined in accordance with the law depending on the value of the claim. The maximum value of the claim for calculating the duty is 30 million euros. To comply with the principle of equal rights before the court, the court can provide low-income people with assistance in pursuing a case or reduce the cost of the claim, she explains. Assistance for conducting cases in court also includes payment for legal services.

At the same time, despite the details, a small number of subjects have the right to claim benefits for payment of state duty in the courts.

Only the poorest segments of the population and the unemployed have the right to deferral and installments in these countries. Nevertheless, for these categories of persons, obtaining certain benefits may present certain difficulties.

In England and Germany, there are special procedures for determining a person's financial status, which include filling out various questionnaires and obtaining certificates from credit institutions, social and law enforcement agencies. Only after collecting all the necessary documents, one can hope for the judge to provide benefits for paying the fee.

For example, the Civil Procedure Code of German of 1877, which is still in force with numerous changes, even in its original version contained rules aimed at reducing the «property barrier» of access to judicial protection. They were contained in a subsection entitled «The Right of the Poor» (Armenrecht). This institution still exists today. The last major reform took place in 1979-1980. The current provisions of the CPC are based on the wording that entered into force on January 1, 1980. The subsection was renamed «Assistance in the costs of conducting the process» (Prozesskostenhilfe). Simultaneously with this reform, a separate law introduced «Consulting assistance» (Beratungshilfe), which is financial support for obtaining legal advice [4, p. 106].

In addition, the status must be periodically confirmed, since full exemption from payment of expenses is possible only in exceptional cases at the discretion of the judge. Ultimately, the parties have to reimburse all costs of the trial according to the approved schedule. In general, the rules on benefits and other allowances for the payment of court costs in many foreign countries are at the stage of development and do not yet provide full access to justice for all.

The experience of Spanish civil proceedings is interesting. In the first book of the Code of Civil Procedure (hereinafter referred to as the CPC) Spain (Civil Procedure Law) the second section of the first title (35 articles) is specifically dedicated to the institution of free justice.

Free justice refers to a system of procedural guarantees that provides access to justice for citizens with low social and property status. These guarantees include exemption from court costs, provision of free qualified legal assistance, as well as the possibility of conducting a case with the help of government representatives (for example, prosecutors).

There are two legal possibilities for granting the right to free justice to an interested person. In the first case, this right is enshrined in law and does not require special confirmation: the party must only submit documents confirming its social and property status (average earnings, number of dependents or disability) in order to meet the criteria established in the CPC. The judge does not have discretionary powers in this matter and is obliged to inform the parties about the legal grounds for free justice. In this case, an application for free justice is not required, since this right arises automatically by virtue of the law.

The second case is more complicated, it

[11] *Доступное правосудие: сколько стоит суд в разных странах мира. https://pravo.ru/review/view/124276/ (дата обращения: 22.03.2024).*
[12] *https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.sud.gov.kz (дата обращения: 22.03.2024).*
[13] *https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.sud.gov.kz (дата обращения: 22.03.2024).*

provides for the possibility of providing free justice during a special procedure when there are no grounds for an unconditional right to free justice. This procedure is applied only at the request of the person concerned. The party applying for free justice is required to prove in the so-called additional proceedings the existence of circumstances in which the judge will grant the right to free justice. Additional proceedings are conducted by the same judge and in the same court in which the civil case was initiated. The application for the provision of free justice is submitted simultaneously with the statement of claim. The initiation of civil proceedings is not made dependent on the resolution of the issue of free justice. Additional production is carried out simultaneously and in parallel with the main process, without hindering the movement of the latter. However, at the request of the interested party, the proceedings in the case may be suspended – until the end of additional proceedings [5, c. 95-96].

As an example, the intentions of the Spanish Government to improve the system of free legal aid can be cited. In particular, a proposal was submitted to continue the development of a new law on free legal aid, which is under consideration. The period of public hearings on this project ended in July, and the parties agreed to work together to finalize it. The main purpose of the new law is to improve the working conditions of specialists providing legal assistance, as well as updating the relevant scales, which should significantly improve the quality of services provided.

This example demonstrates the importance of legislative changes in the system of providing free legal aid, which can be considered when developing similar measures in other countries.

In the Brazilian legal system, there is an institution of free legal aid and free (gratuitous) justice.

Free legal aid is not excluded if it is not funded by the state, it can also be provided by private entities and organizations, such as unions representing the interests of their partners or members of a certain category, or even by legal practitioners providing free legal aid subordinate to the faculties of private and public law.

The gratuitousness of justice means the refusal to pay procedural costs to the judicial service (article 98, §1 and its paragraphs), even if it is provided by a lawyer voluntarily appointed by the party. This principle is included in the constitutional procedural legal system and is enshrined in the Constitution [6, c. 9].

In Russia, the idea of «free justice» is supported by Sakhnova T.V., who claims that «... the right to free justice is granted by the decision of a judge completing a special procedure during which a party submits evidence confirming its right to free justice. The legislative consolidation of such procedures would help to embody the idea of a fair trial in the procedural «fabric» of the law. It could take place not only at the stage of initiation of a civil case, but also be «end-to-end», being realized at the stages of preparation of the case, trial [5, c.95].

Of the opposite opinion, Egorova T.V. believes that the amount of the state fee was tangible for the payer and was close to the cost of the trial for the federal budget [7, p.76].

Thus, in the TC of the Russian Federation[14], article 333.36 establishes benefits when applying to the Supreme Court, courts of general jurisdiction, and justices of the peace

This article indicates who is exempt from paying the state duty on cases:

1) public organizations of persons with disabilities acting as plaintiffs (administrative plaintiffs) or defendants (administrative defendants);

2) plaintiffs (administrative plaintiffs) - disabled persons of group I or II, children with disabilities, disabled since childhood;

There are no such norms in the tax legislation of the Republic of Belarus.

In Uzbekistan, in accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan dated 06.01.2020 No. ZRU-600 «On State duty»[15], article 8 establishes exemption from payment of state duty in civil courts: 17) public associations of persons with disabilities, as well as their institutions, educational and production enterprises and associations, are exempt from paying state duty in civil courts for all claims.

Conclusion

The norm of paragraph 2 of article 13 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan «Everyone has the right to judicial protection of their rights and freedoms» means the right of any person and citizen to apply to the court for protection and restoration of violated rights and freedoms. The exercise of this right is carried out on the basis and in accordance with the procedure established by law. At the same time, the Constitution of the Republic of Kazakhstan does

[14] *Налоговый кодекс Российской Федерации https://nalog.garant.ru/fns/nk/ (дата обращения: 01.05.2024).*

[15] *Закон Республики Узбекистан «О Государственной пошлине» https://lex.uz/ru/docs/4680955 (дата обращения: 01.05.2024).*

not define the procedure for the implementation of this constitutional right. It follows from article 75 and subparagraph 3) of paragraph 3 of article 77 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan that this mechanism is established in the laws of the Republic regulating the issues of the organizational and legal structure of the judicial system and the administration of justice.

Subparagraph 3) of paragraph 3 of article 77 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan assumes the existence of rules on the jurisdiction of cases. The competence of the various levels of courts is determined only by the range of cases assigned by law to their jurisdiction. The procedural procedure for the consideration of cases in the judicial system of the country is uniform and mandatory for all defendants. This guarantees the absence of privileges for any group of persons and does not infringe on the right to judicial protection of the rights and freedoms of every citizen.

The content of article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan fully corresponds to article 7 of the Universal Declaration of Human Rights, which proclaimed that «All people are equal before the law and have the right, without any distinction, to equal protection of the law. All people have the right to equal protection from any discrimination that violates this Declaration and from any incitement to such discrimination».

It also complies with the provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights.

As the analysis of foreign legislation shows, there are various mechanisms for exemption from their payment, the provision of benefits to socially vulnerable categories of citizens who need tax preferences when applying to court for judicial protection.

The wording of article 616 of the TC of 2017 does not fully consider the property status of already certain categories of citizens as vulnerable segments of the population.

The contested norm of the Tax Code does not provide socially vulnerable categories of the population in the procedural status of a defendant or a third person with the possibility of exemption from payment of state duty when filing counterclaims or appealing judicial acts in cassation, thereby limiting their right to judicial protection.

In order to exclude infringement of the constitutional rights of citizens and an unambiguous understanding of the contested norm (especially in matters related to civil liability), it is necessary to improve the provisions of part two of article 616 of the TC of 2017, aimed at strict observance of the constitutional principle of equality of all before the law and the court.

To provide for an equal approach when exempting such persons from paying state fees, regardless of their procedural status, as well as the introduction of other mechanisms to overcome the barrier to the realization of the constitutional right to judicial protection at the stage of appealing judicial acts.

Authors' contributions

Kaliakperova E.N. – introduction; methodology; statistical data processing; results and discussion; conclusion; literature design; transliteration.

Kusmanova L.E. – compilation of a list of bibliographic sources; information about authors; search and processing of statistical data; abstract; conclusion.

REFERENCES

1. Егорова Т.В. Сущность института судебных расходов в арбитражном процессе/ Научный журнал «Вестник Тамбовского государственного университета», выпуск 7 (75), 2009. – 415 с.

2. Сулейменов М.К. Государственная пошлина и доступность правосудия: взаимосвязь и взаимовлияние. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31856383 (дата обращения: 20.03.2024)

3. Савинова А.В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019.– № 4-3.– С. 153-156.

4. Брайг Б. Обеспечение доступности правосудия в Германии // Law Enforcement Review. – 2019. – vol. 3. - № 4. – pp. 105–113.

5. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 784 с.

6. Reis E., Prieto A., Бесплатная юридическая помощь по гражданскому процессуальному

праву // Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. – 2022. – Изд. 04. – Том. 03. – С. 5-23.

7. Егорова Т.В. Судебные расходы в арбитражном процессе. Дисс… канд. юрид. наук. Саратов. 2011. – 199 с.

REFERENCES

1. Egorova T.V. Sushchnost' instituta sudebnyh raskhodov v arbitrazhnom processe/ Nauchnyj zhurnal «Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta», vypusk 7 (75), 2009. – 415 s.

2. Sulejmenov M.K. Gosudarstvennaya poshlina i dostupnost' pravosudiya: vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31856383 (data obrashcheniya: 20.03.2024).

3. Savinova A.V. Sudebnye raskhody kak prepyatstvie k osushchestvleniyu principa dostupnosti pravosudiya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk.– 2019.– № 4-3.– S. 153-156.

4. Brajg B. Obespechenie dostupnosti pravosudiya v Germanii // Law Enforcement Review. – 2019. – vol. 3. - № 4. – pp. 105–113.

5. Sahnova T.V. Kurs grazhdanskogo processa. 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Statut, 2014. – 784 s.

6. Reis E., Prieto A., Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch' po grazhdanskomu processual'nomu pravu // Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. – 2022. – Izd. 04. – Tom. 03. – S. 5-23.

7. Egorova T.V. Sudebnye raskhody v arbitrazhnom processe. Diss… kand. yurid. nauk. Saratov. 2011. – 199 s.

УДК 343.72
ГРНТИ 10.77.51

АНАЛИЗ КАЗАХСТАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О КРАЖАХ

Утанов Мухтархан Айдарханович
Доктор юридических наук, доцент, советник председателя Верховного Суда Республики Казахстан по уголовным делам; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: mau_25@mail.ru

Аблаева Эльвира Бекболатовна
Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы права Университета Туран; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Люцик Виктория Владимировна[1]
Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы права Университета Туран; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: v.lyutsik@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9723-971X

Аннотация. *Статья посвящена анализу законодательства Республики Казахстан и судебной практике по делам о кражах, отнесенным к уголовным правонарушениям, посягающим на чужую собственность.*

Избранная тема актуализируется тем, что первые 8 лет со дня вступления в силу Уголовного кодекса Республики Казахстан от 2015 года до 2023 года кража лидировала среди всех совершаемых в целом по республике преступлений и только за последние 2 года, охватываемый период 2023-2024 годы, мошенничество по своему количеству опередило кражу. Статистические данные о количестве всех зарегистрированных в Республике Казахстан преступлений показывают, что несмотря на ежегодный спад уровня преступности, в структуре преступности кража, как и мошенничество, занимает большой удельный вес и своей распространенностью представляет наибольшую общественную опасность.

В работе дается уголовно-правовая характеристика краже как одной из форм хищения, направленного против чужой собственности, которым нарушается право каждого на владение, пользование и распоряжение принадлежащем ему на законных основаниях имуществом. Авторы анализируют основные, некоторые квалифицированные и особо квалифицированные составы краж, описывают уровень и структуру краж, а также проблемы квалификации отдельных видов краж.

Изучены уголовное законодательство Республики Казахстан, предусматривающее уголовную ответственность за кражу, статистические данные и судебная практика по уголовным делам о кражах. Исследованию подвергнуты совокупность признаков или юридических свойств уголовных дел о краже. Проведен обзор количественных и качественных показателей всех зарегистрированных краж, которые содержатся в официальных статистических данных, в целом по республике за период с 2020 по 2024 годы. Определены различные сферы и способы совершения краж, выделяемых органами следствия и дознания, а также ее разновидности.

Выявлены и показаны проблемы правового регулирования норм о кражах в Республике Казахстан, а также предложены пути их решения. Особое внимание акцентировано на проблемах, связанных с квалификацией краж по отдельным признакам.

Ключевые слова: *кража, хищение, корыстная преступность, преступления против собственности, квалификация краж, уголовная ответственность, наказание, уголовное преследование, состояние преступности.*

[1] *Автор для корреспонденции*

ҰРЛЫҚ ТУРАЛЫ ІСТЕР БОЙЫНША ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЗАҢНАМАНЫ ЖӘНЕ СОТ ПРАКТИКАСЫН ТАЛДАУ

Мұхтархан Айдарханұлы Утанов
Заң ғылымдарының докторы, доцент, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты Төрағасының қылмыстық істер жөніндегі кеңесшісі; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: mau_25@mail.ru

Эльвира Бекболатқызы Аблаева
Заң ғылымдарының кандидаты, Тұран Университетінің Жоғары құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Виктория Владимировна Люцик
Заң ғылымдарының кандидаты, Тұран Университетінің Жоғары құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; -mail: v.lyutsik@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9723-971X

Аннотация. *Мақала бөтеннің мүлкіне қол сұғумен байланысты қылмыстық құқық бұзушылықтар санатына жатқызылған ұрлық туралы істер бойынша Қазақстан Республикасының заңнамасын және сот тәжірибесін талдауға арналған.*

Таңдалған тақырып Қазақстан Республикасының 2015 жылы Қылмыстық кодексі күшіне енген күннен бастап 2023 жылға дейін 8 жылда ұрлық жалпы республика бойынша жасалған барлық қылмыстардың ішінде бірінші орынды иеленетініне байланысты өзекті болып табылады. Тек 2023-2024 жылдар аралығын қамтитын соңғы 2 жылда ғана алаяқтық өз көлемі бойынша ұрлықтан асып түсті. Қазақстан Республикасында тіркелген барлық қылмыстардың саны туралы статистикалық мәліметтер қылмыстың жыл сайын азаюына қарамастан ұрлық алаяқтық сияқты қылмыс құрылымында үлкен үлесті алатынын және өзінің таралуына байланысты ең үлкен қоғамдық қауіпті құрайтынын көрсетеді.

Шығармада әркімнің өзіне заңды түрде тиесілі мүлікті иелену, пайдалану және оған билік ету құқығын бұзатын бөтеннің мүлкіне қарсы бағытталған ұрлық түрлерінің бірі ретінде ұрлықтың қылмыстық-құқықтық сипаттамасы берілген. Авторлар ұрлықтың негізгі, сараланған және аса сараланған элементтерін талдап, ұрлыққа криминологиялық талдау жасап, сонымен қатар ұрлықтың жекелеген түрлерін саралау мәселелерін сипаттайды.

Ұрлық үшін қылмыстық жауапкершілікті қарастыратын Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы, статистикалық мәліметтер және ұрлық туралы қылмыстық істер бойынша сот тәжірибесі зерделенді. Зерттеу ұрлық қылмыстық істердің белгілерінің немесе құқықтық қасиеттерінің жиынтығын зерттейді. Жалпы республика бойынша 2015-2023 жылдар аралығындағы ресми статистикалық деректерде қамтылған барлық тіркелген ұрлықтардың сандық және сапалық көрсеткіштеріне шолу жүргізілді. Тергеу және анықтау органдары анықтаған ұрлық жасаудың әртүрлі бағыттары мен әдістері, сондай-ақ оның түрлері айқындалған.

Қазақстан Республикасындағы ұрлық туралы нормаларды құқықтық реттеу мәселелері анықталып, көрсетіліп, оларды шешу жолдары ұсынылды. Ұрлықтың жекелеген белгілері бойынша саралау мәселелері басты назарда.

Түйінді сөздер: *ұрлық, жымқыру, пайда табу қылмысы, меншікке қарсы қылмыстар, ұрлықтарды саралау, қылмыстық жауаптылық, жаза, қылмыстық құдалау, қылмыс жағдайы.*

ANALYSIS OF KAZAKH LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF THEFT

Utanov Mukhtarhan Aidarkhanovich
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Counsellor to the Chairman of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan in Criminal Cases; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: mau_25@mail.ru

Ablaeva Elvira Bekbolatovna
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Higher School of Law of Faculty of Humanities and Law at Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-3124-1248

Lyutsik Viktoriya Vladimirovna
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Higher School of Law of Faculty of Humanities and Law at Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; -mail: v.lyutsik@turan-edu.kz; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9723-971X

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legislation of the Republic of Kazakhstan and judicial practice in cases of theft classified as criminal offenses encroaching on other people's property.*

The chosen topic is actualized by the fact that theft over the past 8 years since the entry into force of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan from 2014 to 2023 was the leader among all crimes committed in the republic as a whole. Only in the last 2 years, in 2023-2024, fraud outstripped theft in terms of its number. Statistical data on the number of all crimes registered in the Republic of Kazakhstan show that despite the annual decline in crime, theft, like fraud, occupies a large share in the crime structure and poses the greatest public danger due to its prevalence.

The work provides a criminal and legal description of theft as one of the forms of theft directed against other people's property, which violates everyone's right to own, use and dispose of legally owned property. The authors analyse the main, some qualified and especially qualified types of theft, describe the level and structure of theft, as well as the problems of qualifying individual types of theft.

The criminal legislation of the Republic of Kazakhstan providing for criminal liability for theft, statistical data and judicial practice in criminal cases of theft have been studied. A set of signs or legal properties of criminal theft cases has been subjected to the study. A review of the quantitative and qualitative indicators of all registered thefts, which are contained in official statistical data, was conducted in the republic as a whole for the period from 2020 to 2024. The various areas and methods of committing thefts identified by the investigative and inquiry authorities, as well as its varieties, have been identified.

The problems of the legal regulation of theft regulations in the Republic of Kazakhstan are identified and shown, as well as ways to solve them are proposed. Special attention is focused on the problems related to the qualification of thefts on certain grounds.

Keywords: *theft, embezzlement, mercenary crime, crimes against property, qualification of theft, criminal liability, punishment, criminal prosecution, crime status.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_255

Введение

В соответствии с ч. 1 ст. 188 УК РК, кражей признается тайное хищение чужого имущества[2]. Называя и описывая преступное деяние, признаваемого кражей, казахстанский законодатель сосредоточил внимание именно на способе совершения кражи, то есть на объективной стороне преступления, который является основным признаком его разграничения от других смежных составов уголовных правонарушений против чужой собственности. Но отнюдь далеко не единственным признаком.

С 2020 года казахстанский законодатель, обеспокоившись участившимися случаями кражи скота, в целях усиления защиты права собственности впервые ввел уголовную ответственность и наказание отдельно за скотокрадство, разграничив обычную рядовую кражу чужого имущества от кражи скота . Отличие между основным составом кражи и основным составом скотокрадства состоит только в предмете хищения и в суровости наказания за совершение скотокрадства, что свидетельствует о придании государством скоту определенной ценности, хищением чего причиняется его собственнику материальный ущерб. Незадолго до этого появи-

[2] *Уголовный кодекс Казахстана от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 01.11.2024).*

лась уголовная ответственность за мелкое хищение, караемое по ст. 187 УК РК. Как видим, уголовные правонарушения, связанные с хищением, казахстанский законодатель классифицирует по трем критериям, как по способу, размеру и предмету хищения.

За совершение простой кражи без отягчающих обстоятельств и квалифицирующих признаков суд назначает лицу, ее совершившему один из основных видов наказаний – штраф или исправительные работы в размере до 1, 000 месячных расчетных показателей, привлечение к общественным работам на срок до 800 часов, ограничение свободы или лишение свободы на срок до 3 лет, а также дополнительный вид наказания – конфискацию имущества или без нее.

В сравнении с утратившим силу УК РК от 1997 года, УК РК от 2014 года усилил уголовную ответственность и ужесточил наказание за совершение краж, что вполне оправдано высоким ростом краж и ее распространенностью среди всех преступлений. В частности, законодатель увеличил верхний предел санкций наказаний в виде штрафа и исправительных работ от 700 до 800 месячных расчетных показателей, а также привлечения к общественным работам от 240 до 800 часов, но без указания их нижнего предела. Наряду с этим впервые предусмотрел дополнительный вид наказания в виде конфискации имущества.

Тем не менее, подобного рода изменения и дополнения, внесенные законодателем в ст. 188 УК РК от 2014 года, а также регулярно проводимые государством мероприятия по повышению эффективности работы правоохранительных органов, в том числе цифровизация и переход на электронный формат ведения уголовных дел, никоем образом положительно не отразились на уровне и структуре краж, количество которых растет из года в год, о чем свидетельствуют официальные статистические данные об основных показателях по зарегистрированным в стране уголовным правонарушениям за период 2015-2023 годы.

В этой связи, требуют ясности и уточнения некоторые признаки, характеризующие кражу как преступление против собственности, разграничивающие ее от других схожих составов уголовных правонарушений, а также анализ и обобщение уголовных дел по кражам.

Методы и материалы

Методология исследования представлена общими теоретическими и частными практическими методами научных исследований, в их числе статистические и экспертные оценки, а также специальными юридическими. В качестве нормативных материалов использованы законодательство Республики Казахстан, эмпирических материалов – статистические сведения о состоянии преступности против собственности, включая кражи, а сравнительного – уголовное законодательство Российской Федерации.

Результаты и их обсуждения

По сообщениям Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (КПСиСУ), за последние 5 лет, количество зарегистрированных в республике уголовных правонарушений снизилось на 32%. Количество краж за последние 10 месяцев 2024 года в сравнении с аналогичным периодом 2023 года снизилось на 27,7%, то есть с 38,573 до 27,890 . Однако, фиксируя динамику снижения краж, КПСиСУ принимает в учет и количество скотокрадства, не являющегося кражей, квалифицируемой по ст. 188 УК РК, за совершение которого установлена отдельная уголовная ответственность по специальной ст. 188-1 УК РК, тем самым, искажая статистические данные о показателях краж. По данному вопросу Верховный Суд РК разъясняет: «Тайное хищение чужого скота (скотокрадство) влечет ответственность по специальной норме уголовного закона – статье 188-1 УК РК» .

Для более точной картины возьмем статистические данные о состоянии преступности в стране, включая против собственности, за последние 5 лет, охватываемые период с 2020 по 2024 годы. Так, согласно сведениям о зарегистрированных уголовных правонарушениях за 2020 год, количество уголовных правонарушений достигло – 162 783, среди них против собственности – 122 769, из которых краж – 67 111. В 2021 году из всех зарегистрированных 157,884 уголовных правонарушений в количестве 119,693 против собственности, в том числе 57,498 краж. В 2022 году из всех зарегистрированных 157,473 уголовных правонарушений в количестве 122,179 против собственности, в том числе 58,880 краж. В 2023 году из всех зарегистрированных 140,272 уголовных правонарушений против собственности в количестве 104,486, в том числе 42,639 краж. В 2024 году из зарегистрированных 132,778 уголовных правонарушений в коли-

честве 89,391 против собственности, в том числе 30,593 краж .

Таким образом, из всех совершаемых в целом по стране уголовных правонарушений 70-75% составляют уголовные правонарушения против собственности. Между тем, из всех совершаемых по стране уголовных правонарушений против собственности доля кражи превалировала за 50%, заняв первое место среди всех уголовных правонарушений против собственности. Лишь с 2023 года мошенничество стало лидировать среди всех преступлений против собственности. Доля кражи в 2023 году составила 40%, а в 2024 году 35%. Следовательно, за последние 2 года уровень краж снизился на 10-15%. Исходя из чего, можно полагать, что на динамику преступности в стране значительное влияние оказала и кража.

Для нас остается неизвестным, что конкретно повлияло на снижение уровня краж, какие конкретные меры были предприняты для их снижения. Уместно задастся вопросом: красть стали меньше, или меры противодействия краже стали более эффективными, или не все заявления и сообщения о кражах подлежат регистрации? По мнению же представителей органов уголовного преследования, причиной снижения в целом уровня преступности в стране является переход полицейской службы на сервисную модель работы, ориентированной на эффективное взаимодействие их с гражданами, повышение заработной платы их сотрудников, укрепление материально-технической базы правоохранительных органов, в частности оснащение общественных мест камерами видеонаблюдения и кнопками SOS, благодаря которым удалось раскрыть и пресечь правонарушения, а также соединять моментальную связь с офицерами центров оперативного управления полиции и передавать им всю необходимую информацию .

Далее, нужно взглянуть, что же является предметом краж и какое имущество похищается. В Отчете N 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях», составленных КПСиСУ, выделены кражи имущества, находящегося в личной собственности, из квартир, карманные, транспортных средств, включая автомобилей, а также цветных металлов и сотовых телефонов . Среди всех перечисленных больше всего совершается хищение имущества, находящегося в личной собственности, в том числе квартирные кражи и автокражи, а также при самом потерпевшем, к которым можно причислить карманные кражи и кражи сотовых телефонов. Обозначим кражу сотовых телефонов более распространенным явлением, чем квартирные кражи или автокражи, после которых в статистике краж КПСиСУ, находящихся в личной собственности, занимают место карманные кражи. Так, согласно статистике краж имущества, находящегося в личной собственности, из 25,125 краж, зарегистрированных в 2024 году, кражи сотовых телефонов составили 7,273, автокражи – 3,446, квартирные кражи – 2,373, карманные – 1,191. В 2023 году было совершено 35,745 краж имущества, находящегося в личной собственности, из них кража сотовых телефонов – 10,530, автокраж – 4,295, квартирных краж – 3,566, карманных краж – 1,015. Ситуация несколько меняется в 2020-2022 годах, так как квартирных краж в указанный период было совершено больше, чем автокраж. Кража сотовых телефонов также заняло первое место, а последнее место карманные кражи .

Низкое количество совершаемых карманных краж оправдывается тем, что в условиях цифровизации большая часть населения предпочитает хранить денежные средства на банковских счетах и расплачиваться ими при помощи сотовых телефонов, кража которых, как раз таки, сейчас часто и происходит. При этом остается неопределенным, кражу чего КПСиСУ относит к карманным кражам, то есть, что является предметом карманных краж. Если учесть, тот факт, что сотовые телефоны, как и денежные средства и личные документы обычно находятся в одежде или сумке потерпевших, то их хищение можно было бы отнести к карманным кражам, в зависимости от того, находились ли они при самих потерпевших или нет. В таком случае, карманные кражи с учетом кражи сотовых телефонов по своему количеству расположились бы на первом месте в статистике краж имущества, находящегося в личной собственности. Однако КПСиСУ кражу сотовых телефонов не относит к карманным кражам и выделяет их в отдельности от них. При том, что в ст. 188 УК РК нет такого квалифицирующего признака, как кража из одежды или сумки, находившихся при потерпевшем.

В отличие от КПСиСУ РК, МВД РФ ведет статистику краж строго по квалифицирующим признакам, указанным в уголовном законе, например, кража с незаконным проникновением в жилище, в квартиры, с причинением значительного ущерба граж-

данину, из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, автомобилей. В связи с чем, казахстанские авторы считают, что ст. 188 УК РК должна предусмотреть квалифицирующий признак кражи по аналогии с п. г) ч. 2 ст. 158 УК РФ, как: «кража из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» [1, с.77].

Выделение из простых краж квалифицированного состава кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, российский законодатель объясняет тем, что карманные кражи относятся к широко распространенному виду краж, представляющих собой наиболее серьезную опасность для российского общества, которые требуют более строгого осуждения карманных воров [2].

С появлением такого квалифицирующего признака в ст. 158 УК РФ в структуре преступности против собственности замечаются некоторые улучшения криминологического состояния карманных краж. Так, если взять статистические данные преступности против собственности в России за последние 5 лет, то мы увидим, что в 2024 г. доля карманных краж в сравнении с предыдущим периодом уменьшилась на 39,8% , в 2023 году соответственно на 31,9% , в 2022 г. – 5,9% , в 2021 г. – 4,3% , в 2020 г. – 32,3% . В приведенной статистике лишь в 2021 г. наблюдается высокий рост карманных краж.

В юридической печати встречаются и противоречивые мнения. Так, по мнению Б.М. Яшкин, К.А. Досанов, А.Г. Сактаганова, если такой признак, как «причинение значительного ущерба» не вызывает трудность в квалификации и назначении наказания по УК РК, то квалифицирующий признак, указанный в п. г) ч. 2 ст. 158 УК РФ «из одежды, сумки», особо не влияет на квалификацию и наказание. Хотя, проведенное авторами социологический опрос среди следователей и судей показал, что 94% выступили за предложения о введении в ч. 2 ст. 175 УК РК 1997 г. квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину», а 87% респондентов выступили против предложения о введении квалифицирующего признака «из одежды, сумки» [3, с.116].

Предложения авторов вызывает интерес, поскольку они способствует усилению уголовной ответственности за квалифицированные составы краж. К тому же, как видно из указанного выше Отчета N 1-М, органами уголовного преследования уже сформировалась практика по категориям уголовных дел о карманных кражах. Несмотря на выделение правоприменителями отдельно карманных краж, казахстанский уголовный законодатель их не принял во внимание. По сей день, в ст. 188 УК РК 2015 г. отсутствуют рассматриваемые квалифицирующие признаки краж. Общественная опасность кражи имущества из одежды или сумки, находившегося при собственнике или ином владельце, состоит в том, что похищаемое имущество находится при них лично, а похититель имущества находится в непосредственной близости и физическом контакте с ними. Тем самым, увеличивается риск быть пойманным на месте совершения кражи, создается обстановка повышенной опасности, угрожающей жизни и здоровью потерпевших. Квалифицирующим признаком кражи в данной ситуации должен быть умысел похитителя, направленный на хищение имущества, находящегося непосредственно при самом потерпевшем, несвязанное с незаконным проникновением в жилое, служебное или производственное помещение, хранилище, транспортное средство, которые подлежат квалификации по п. 3) ч. 3 ст. 188 УК РК. Нельзя сказать, что открытый способ хищения более опасен, чем тайный способ хищения имущества, находящегося при самом потерпевшем лице, поскольку не исключается факт перехода кражи в грабеж или разбой, который может вызвать еще больше затруднений в квалификации содеянного.

По данному вопросу И.А. Белецкий разъясняет, что возможность потерпевшего осуществлять контроль над имуществом, находящемся при нем, не должно влиять на квалификацию действий похитителя в качестве карманной кражи, так как они характеризуются высокой степенью дерзости и повышенной общественной опасностью, близкой с грабежом, который включает в себя открытое и насильственное изъятие имущества, нежели простая кража [4, с.18].

А.В. Башков считает, что действия похитителя имущества из одежды, сумки или ручной клади, находящегося при самом потерпевшем подлежат квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РК вне зависимости от состояния потерпевшего, поскольку в них присутствует дерзость преступления и высокий профессионализм. Соответственно такие действия должны влечь за собой более строгое наказание. Ошибку в квалификации действий похитителя автор видит,

во-первых, в придании правоприменителем особого значения состоянию потерпевшего, который может во время кражи быть спящим, опьяненным, недееспособным, мертвым, то есть не может осознать факт хищения его имущества, упуская из виду то, что кража – это есть тайное хищение имущества и тайность должна осознаваться виновным не только применительно к потерпевшему, но и к другим. Во-вторых, в указании законодателем на предметы, которые находятся при потерпевшем, для установления связи с обстановкой совершаемого преступления. В своей совокупности они позволяют ворам-карманникам избежать более сурового наказания. Общественную опасность данного вида кражи А.В. Башков усматривает в том, что лицо его совершающее, понимает противоправность своих действий, нанесение им материального ущерба собственнику имущества, возможность его разоблачения, раскрытия тайности хищения, но сознательно идет на это. Сравнивая санкции п. г) ч. 2 ст. 158 УК РК и ч. 1 ст. 161 УК РФ, автор опасается тех случаев, когда лицо, совершающее кражу, может признаться в совершении им грабежа, поскольку наказание за него более мягче, чем хищение из одежды, сумок или ручной клади, находящихся при самом потерпевшем [5, с.72-74].

Согласно мнению другого зарубежного исследователя, признак беспомощного состояния потерпевшего, например, сильное опьянение или глубокий сон, которым воспользовался похититель, не может вменяться ему при хищении имущества из одежды, сумки, ручной клади, находившихся при нем, если хищение было сопряжено с незаконным проникновением в жилище. Свой вывод И.А. Савенко обосновывает тем, что в данном случае незаконное проникновение в жилище является квалифицирующим признаком кражи, так как умысел похитителя направлен на кражу из жилища, независимо от места хранения похищенного имущества, находящегося в одежде, сумке или в другом месте жилища [6, с. 35].

Кроме того, требует ясности и уточнения квалифицирующий признак кражи, указанный в п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК, совершаемой путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций. Обратим внимание на Главу 7 УК РК, которая содержит ст. 205, предусматривающую уголовную ответственность и наказание за неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций, а также ст. 208 за неправомерное завладение информацией. Несмотря на то, что ст. 188 УК РК и ст. 205 УК РК имеют ряд схожих признаков, тем не менее, квалификация кражи информации путем незаконного доступа в информационную систему не вызывает сложность.

Однако вызывает разного рода вопросы в квалификации кражи, совершаемой путем изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникации в виду того, что отсутствует главный признак кражи как хищение и при изложении редакции п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК законодатель использовал альтернативу «либо», то есть к уголовной ответственности привлекают либо за кражу информации путем незаконного доступа в информационную систему, либо путем изменения такой информации. Возникает вопрос: возможно ли совершение кражи «способом» изменения информации и квалифицировать изменение информации исключительно как кражу? Независимо от того, что совершена кража информации, указанной в п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК, содержание подлинно действительной информации было уже изменено. Соответственно возможность совершения кражи «способом» изменения информации вызывает неопределенность.

Более того, изменение информации, передаваемой по сетям телекоммуникации, по сути, есть распространение ложной информации, за совершение которой предусмотрена уголовная ответственность и наказание отдельно по ст. 274 УК РК, помещенной в Главу 10 УК РК. Безусловно, все комментируемые уголовно-правовые нормы, в первую очередь, отличаются объектом посягательства, в зависимости от которого они размещены в разных Главах УК РК, но имеют схожесть в способах совершения и в предмете преступления. При этом, не имеют значения, является ли указанная в данных статьях информация охраняемой законом или нет, поскольку любая информация, касающаяся частного лица или государства охраняются законом.

Хотелось бы взглянуть на мнение зарубежных авторов, у которых квалификация деяний по п. 4 ч. 2 ст. 188 УК РК вызвала особый интерес. Так, сравнивая законодательную регламентацию преступлений против собственности в сфере высоких технологий в Уголовных кодексах Казахстана и России, Г.И. Чечель, М.И. Третьяк отмечают, что в п. 4 ч. 2 ст. 188 УК РК указаны два способа

совершения краж путем незаконного доступа в информационную систему, который в ст. 272 УК РФ указан только в качестве способа совершения компьютерного преступления, а также путем изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, вместо чего в ст. 159.6 УК РФ употребляется термин «модификация компьютерной информации». На взгляд авторов, в числе преступлений против собственности в сфере высоких технологий УК РК 2014 г. выделил преступления, связанные только с воздействием на компьютерную информацию, а также связанные с воздействием на компьютерную информацию и имущество. Как раз-таки, кражу, совершенную способом незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, они относят к преступлениям, связанным только с воздействием на компьютерную информацию, не предполагающие участия в компьютерной операции конкретного собственника имущества. Поэтому данный тайный способ присущ лишь краже. Следует поддержать мнение Г.И. Чечель, М.И. Третьяк в той части, что в УК РК неправомерный доступ в информационную систему одновременно выступает, как способ совершения уголовных правонарушений против собственности, так и отдельным видом уголовных правонарушений сфере информатизации и связи, указанного именно в ст. 205 УК РК [7, с.232-233]. Однако трудно согласиться с тем, что они разграничиваются между собой лишь корыстным мотивом или корыстной целью, которые свойственны только преступлениям против собственности.

А.В. Чернякова считает, что криминализация российским законодателем хищения в сфере компьютерной информации есть вполне оправданное явление, но в силу специфики их совершения возникает сложность в квалификации их как мошенничество или кражу. Поэтому автор предлагает, во-первых, в УК РФ предусмотреть статью именно о хищениях, совершаемых с использованием компьютерной информации, а во-вторых, норму о мошенничестве в сфере компьютерной информации исключить из УК РФ [8, с.178].

Как правильно подметили Е.Ю. Антонова, А.К. Клименко, при совершении кражи указанным способом деяние посягает на общественные отношения, обеспечивающие безопасность информационной системы и информации. Они, к сожалению, не признаются предметом кражи, указанной в п. 4 ч. 2 ст. 188 УК РК, что, в свою очередь, вызывает у них недовольство, поскольку без воздействия на информационную систему и информацию невозможно совершить кражу безналичных и электронных денежных средств. Поэтому авторы полагают, что в данном случае информационная система и информация выступают средством совершения кражи и требуют дополнительной квалификации по статьям 205 и 206 Главы 7 УК РК [9, с.72].

Заключение

Анализ казахстанского законодательства и судебной практики по делам о кражах показал, что указанный в п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК квалифицирующий признак кражи, совершаемой путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, представляется способом совершения хищения, а схожий с ним признак, как неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций в других смежных составах уголовного правонарушения выступает деянием, посягающим на сферу информатизации и связи. Такое положение вещей вызывает сложность в определении самой кражи, совершаемой способом изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, а также неопределенность в вопросах квалификации. К сожалению, Верховный Суд РК данному квалифицирующему признаку не дает каких-либо разъяснений.

В действительности, было бы логичным, чтобы при совершении кражи, указанной п. 4) ч. 2 ст. 188 УК РК, а именно путем незаконного доступа в информационную систему, деяние подлежало квалификации по совокупности уголовных правонарушений, поскольку при такой краже нарушается не только право собственности, но и безопасность информационной системы. Тем не менее, совершение кражи путем изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций, вызывает больше нареканий в виду того, содержание украденной информации было уже изменено.

Вместе с тем выявлено, что судебно-следственная практика давно разделяет кражи имущества, находящихся в личной собственности или в кармане, которые как вытекает из статистических данных об уголовных правонарушениях, совершаются в большинстве случаев. Но казахстанский законодатель не предпочел в ст. 188 УК РК

2014 г. предусмотреть ее в качестве квалифицирующего признака кражи.

Наряду с этим, установлено, что органы уголовного преследования, официально заявляя об улучшении криминологической обстановки в стране, искажают статистические данные о показателях краж, так как определяя динамику снижения краж, КПСиСУ берет в учет и количество скотокрадства, не являющегося кражей, указанной в ст. 188 УК РК и квалифицируемого по отдельной ст. 188-1 УК РК.

Указанные выше обстоятельства препятствуют квалификации краж, разграничению ее от смежных составов уголовных правонарушений, а также вводят в заблуждение население относительно информации о подлинном состоянии преступности в стране.

Вклад авторов

Авторы настоящей работы провели совместное в соавторстве исследование. В частности, Э.Б. Аблаева сформулировала перед авторским коллективом научные идеи, цели и задачи по их достижению и решению интерпретировала каждый полученный результат и в завершении исследования в Разделе «Заключение» подвела итоги исследования, а также оформила библиографическую запись с транслитерацией. Во «Введении» Э.Б. Аблаева целиком обосновала выбор темы исследования, актуализировала проблему и в Разделе «Вклад автора» объективно оценила вклад, внесенный каждым автором настоящей работы.

Каждый автор предоставил свои данные на 3 языках. В Разделе «Результаты и обсуждение» активно участвовали все три автора. В частности, М.А. Утанов осуществил сбор научной литературы по теме «Анализ казахстанского законодательства и судебной практики по делам о кражах», полностью проанализировал ее, выявил серьезные проблемы, встречающиеся в теории, отредактировал рукопись и оформил ее в соответствии с требованиями, предъявляемыми Редакцией к таким видам научных работ. Э.Б. Аблаева оказала помощь М.А. Утанову в подборе и анализе зарубежной научной литературы. М.А. Утанов, как работник высшего органа судебной системы, провел анализ и обобщение статистических данных о состоянии преступности в стране, включая против собственности, за последние 5 лет, охватываемые период с 2020 по 2024 годы, указал на проблемы правоприменительной практики по уголовным делам о кражах, в решении которой были задействованы Э.Б. Аблаева и В.В. Люцик. Вместе с тем, М.А. Утанов, в совершенстве владеющий казахским языком, осуществил перевод «Аннотации и ключевых слов» на казахский язык.

Выступая в качестве автора-корреспондента В.В. Люцик вела почтовую корреспонденцию с Редакцией, а также внесла на русском языке изменения и дополнения в текст рукописи с учетом рекомендаций и замечаний Рецензентов и Редакции. Над Разделом «Материалы и методы» работали Э.Б. Аблаева и В.В. Люцик. Аннотация на казахском языке была подготовлена М.А. Утановым, включая ключевые слова, которые также были подобраны им, на русском языке Э.Б. Аблаева, а на английском языке – В.В. Люцик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Имангалиев Н.К. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за кражу чужого имущества // Вестник института законодательства РК. – 2017. - № 3 (48). – С. 73-79.

2. Доклад Баранникова А.Е. по проекту федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях". – [Электронный источнике]. – Режим доступа: http://api.duma.gov.ru/api/transcript/156181-3 (дата обращения: 30.12.2024).

3. Яшкин Б.М., Досанов К.А., Сактаганов А.Г. Некоторые проблемы уголовно-правовой характеристики краж по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник института законодательства РК. – 2009. - № 1 (13). – С. 113-117.

4. Белецкий И.А. Квалификация «карманных» краж: когда вещи надеты на потерпевшего или находятся в непосредственной близости от него // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. - № 1 (54). – С. 16-21.

5. Башков А.В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации // Российский юридический журнал. – 2014. – № 6 (99). – С. 71-75.

6. Савенко И.А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. - № 3 (29). – С. 34-36.

7. Чечель Г.И., Третьяк М.И. Законодательная регламентация преступлений против собственности в сфере высоких технологий в УК Казахстана и России // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. Т. 11. - № 1. – С. 228–236.

8. Чернякова А.В. Международный и зарубежный опыт уголовно-правового противодействия хищениям, совершаемым с использованием компьютерной информации // Юридическая науки и правоохранительная практика. – 2018. - № 4 (46). – С. 168-179.

9. Антонова Е.Ю., Клименко А.К. Уголовная ответственность за хищения безналичных и электронных денежных средств по уголовному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Сибирский юридический вестник. – 2022. - № 1 (96). – С. 70-76.

REFERENCES

1. Imangaliev N.K. O sovershenstvovanii ugolovno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za krazhu chuzhogo imushhestva // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. – 2017. - № 3 (48). – S. 73-79.

2. Doklad Barannikova A.E. po proektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah". – [Jelektronnyj istochnie]. – Rezhim dostupa: http://api.duma.gov.ru/api/transcript/156181-3 (data obrashhenija: 30.12.2024).

3. Jashkin B.M., Dosanov K.A., Saktaganov A.G. Nekotorye problemy ugolovno-pravovoj harakteristiki krazh po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. – 2009. - № 1 (13). – S. 113-117.

4. Beleckij I.A. Kvalifikacija «karmannyh» krazh: kogda veshhi nadety na poterpevshego ili nahodjatsja v neposredstvennoj blizosti ot nego // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. - № 1 (54). – S. 16-21.

5. Bashkov A.V. Krazha imushhestva iz odezhdy, sumki ili drugoj ruchnoj kladi, nahodivshihsja pri poterpevshem: spornyj vopros kvalifikacii // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2014. – № 6 (99). – S. 71-75.

6. Savenko I.A. Problemy sudebnoj praktiki po delam o krazhah iz odezhdy, sumki ili drugoj ruchnoj kladi, nahodivshihsja pri poterpevshem // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. - № 3 (29). – S. 34-36.

7. Chechel' G.I., Tret'jak M.I. Zakonodatel'naja reglamentacija prestuplenij protiv sobstvennosti v sfere vysokih tehnologij v UK Kazahstana i Rossii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2017. T. 11. - № 1. – C. 228–236.

8. Chernjakova A.V. Mezhdunarodnyj i zarubezhnyj opyt ugolovno-pravovogo protivodejstvija hishhenijam, sovershaemym s ispol'zovaniem komp'juternoj informacii // Juridicheskaja nauki i pravoohranitel'naja praktika. – 2018. - № 4 (46). – S. 168-179.

9. Antonova E.Ju., Klimenko A.K. Ugolovnaja otvetstvennost' za hishhenija beznalichnyh i jelektronnyh denezhnyh sredstv po ugolovnomu zakonodatel'stvu Respubliki Kazahstan i Rossijskoj Federacii: sravnitel'no-pravovoj analiz // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2022. - № 1 (96). – S. 70-76.

УДК 347.1
ГРНТИ 10.27.01

КОНТРОЛЬ ЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ

Киязова Альбина Жомартовна
LL.M, ведущий научный сотрудник отдела международного права и сравнительного правоведения Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: a.kiyazova@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-9865-5488

Аннотация. *Институт саморегулирования в Республике Казахстан постепенно получает свое распространение в предпринимательстве и профессиональной деятельности. Контроль, организуемый саморегулируемой организацией в отношении своих членов (участников), является важным элементом всей системы саморегулирования, который обеспечивает соблюдение принятых организацией внутренних правил поведения и норм осуществления выбранной деятельности.*

В статье изучается содержание законодательных норм, регламентирующих порядок осуществления внутреннего контроля в условиях саморегулирования (форма, предмет, порядок участия специализированных органов, правоспособность субъекта контроля и проверяющего лица, а также порядок завершения проверки и наложения мер взыскания В ходе исследования установлены границы предмета внутреннего контроля (документов, на соблюдение требований которых направлена проверка).

Научный подход к пониманию природы саморегулируемой организации объясняет особенности пределов осуществления контрольной функции в организациях с обязательным и добровольным видом саморегулирования. Вид саморегулирования определяет рамки реализации контроля, а также пределы применения мер взыскания. Саморегулируемые организации, основанные на обязательном членстве (участии), вправе выполнять проверку соблюдения ее членами (участниками) требований внутренних актов и норм законодательства, а также применять меры принуждения, поскольку исключение из членства (участия) в организации запрещает лицу дальнейшее осуществление деятельности. Саморегулируемые организации, основанные на добровольном членстве (участии), вправе осуществлять внутренний контроль только за соблюдением требований, установленных в локальных документах, а применяемые ими меры воздействия носят дисциплинарный или организационный характер и не препятствуют бывшему участнику в дальнейшем осуществлении деятельности.

По итогам исследования выявлены отдельные недостатки правового регулирования вопросов организации контрольной функции в саморегулируемых организациях, а также даны предложения по их устранению. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования законодательства при нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: *контроль за членами саморегулируемой организации, саморегулируемая организация, правила и стандарты, проверка соблюдения требований правил и стандартов, прекращение членства в саморегулируемой организации.*

ӨЗІН-ӨЗІ РЕТТЕУ ЖАҒДАЙЫНДА КӘСІПКЕРЛІК ЖӘНЕ КӘСІБИ ҚЫЗМЕТТІ БАҚЫЛАУ

Альбина Жомартқызы Киязова
LL.M, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері; Астана қ. Қазақстан Республикасы; e-mail: a.kiyazova@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-9865-5488

Аннотация. *Қазақстан Республикасындағы өзін-өзі реттеу институты кәсіпкерлік пен кәсіби қызметте біртіндеп таралуда. Өзін-өзі реттейтін ұйым өз мүшелеріне (қатысушыларына) қатысты ұйымдастыратын бақылау ұйымның қабылдаған ішкі мінез-құлық ережелері мен таңдалған қызметті жүзеге асыру нормаларының сақталуын қамтамасыз ететін өзін-өзі реттеудің барлық жүйесінің маңызды элементі болып табылады.*

Мақалада өзін-өзі реттеу жағдайында ішкі бақылауды жүзеге асыру тәртібін реттейтін заңнамалық нормалардың мазмұны (нысаны, мәні, мамандандырылған органдардың қатысу тәртібі, бақылау субъектісі мен тексеруші тұлғаның құқықтық қабілеттілігі, сондай-ақ тексеруді аяқтау және жазалау шараларын қолдану тәртібі) зерттеледі. Зерттеу барысында ішкі бақылау нысанасының шекаралары белгіленді (талаптардың сақталуына тексеру бағытталған құжаттар).

Өзін-өзі реттейтін ұйымның табиғатын түсінуге ғылыми көзқарас өзін-өзі реттеудің міндетті және ерікті түрі бар ұйымдарда бақылау функциясын жүзеге асыру шектерінің ерекшеліктерін түсіндіреді. Өзін-өзі реттеу түрі бақылауды жүзеге асыру шеңберін, сондай-ақ өндіріп алу шараларын қолдану шегін анықтайды. Міндетті мүшелікке (қатысуға) негізделген өзін-өзі реттейтін ұйымдар оның мүшелерінің (қатысушыларының) ішкі актілер талаптары мен заңнама нормаларын сақтауын тексеруді орындауға, сондай-ақ мәжбүрлеу шараларын қолдануға құқылы, өйткені ұйымға мүшеліктен (қатысудан) шығару тұлғаға қызметті одан әрі жүзеге асыруға тыйым салады. Ерікті мүшелікке (қатысуға) негізделген өзін-өзі реттейтін ұйымдар жергілікті құжаттарда белгіленген талаптардың сақталуына ғана ішкі бақылауды жүзеге асыруға құқылы, ал олар қолданатын ықпал ету шаралары тәртіптік немесе ұйымдастырушылық сипатта болады және бұрынғы қатысушыға қызметті одан әрі жүзеге асыруға кедергі келтірмейді.

Зерттеу қорытындысы бойынша өзін-өзі реттейтін ұйымдарда бақылау функциясын ұйымдастыру мәселелерін құқықтық реттеудің жекелеген кемшіліктері анықталды, сондай-ақ оларды жою бойынша ұсыныстар берілді. Зерттеу нәтижелері заң шығару қызметіндегі заңнаманы жетілдіру үшін пайдаланылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: *өзін-өзі реттейтін ұйым мүшелерін бақылау, өзін-өзі реттейтін ұйым, ережелер мен стандарттар, ережелер мен стандарттар талаптарының сақталуын тексеру, өзін-өзі реттейтін ұйымға мүшелікті тоқтату.*

CONTROL OVER BUSINESS AND PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF SELF-REGULATION

Kiyazova Albina Zhomartovna
LL.M, Senior Researcher at the Department of International Law and Comparative Law of the Institute of legislation and legal information of the Republic of Kazakhstan; Astana c., Republic of Kazakhstan;
e-mail: a.kiyazova@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-9865-5488

Abstract. *The institution of self-regulation in the Republic of Kazakhstan is gradually becoming widespread in business and professional activities. The control organized by a self-regulatory organization in relation to its members (participants) is an important element of the entire system of self-regulation, which ensures compliance with accepted by the organization internal rules of conduct and norms for the implementation of selected activities.*

The article examines the content of legislative norms regulating the execution of internal control in the context of self-regulation (form, subject, procedure for the participation of specialized bodies, the legal capacity of the subject of control and the inspecting person, as well as the procedure for completing the inspection and imposing penalty measures). In the course of the study, the boundaries of the subject of internal control (the documents for compliance with the requirements of which verification is aimed) are established.

documents for compliance with the requirements of which verification is aimed) are established.

The scientific approach to understanding the nature of a self-regulating organization explains the specifics of the limits of the control function in organizations with mandatory and voluntary types of self-regulation. The type of self-regulation determines the scope of control, as well

as the limits of the application of penalties. Self-regulatory organizations based on compulsory membership (participation) have the right to verify that their members (participants) comply with the requirements of internal acts and legislation, as well as to apply coercive measures, since exclusion from membership (participation) in the organization prohibits a person from continuing to carry out activities. Self-regulatory organizations based on voluntary membership (participation) have the right to exercise internal control only over compliance with the requirements established in local documents, and applied by them measures of influence are disciplinary or organizational in nature and do not interfere with the former participant in the further implementation of activities.

Based on the results of the study, certain shortcomings of the legal regulation of the organization of the control function in self-regulating organizations were identified, and proposals were made to eliminate them. The results of the study can be used to improve legislation in standard-setting activities.

Keywords: *control over members of a self-regulatory organization, self-regulatory organization, rules and standards, inspection for compliance with the requirements of rules and standards, termination of membership in a self-regulatory organization.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_265

Введение

Контроль в области саморегулирования осуществляется на уровне самой организации (внутренний контроль за поведением своих членов (участников) и на уровне государства (внешний государственный контроль со стороны уполномоченных органов в отношении саморегулируемых организаций). В настоящей статье рассматриваются особенности внутреннего контроля, поскольку данная функция является основой системы саморегулирования.

Задачами настоящего исследования являются выявление особенностей правового регулирования порядка проведения внутреннего контроля и установление отличий между организациями двух видов саморегулирования в части границ осуществления внутреннего контроля и правовых последствий применения крайней меры воздействия. В ходе работы были рассмотрены правовые нормы, определяющие организацию внутреннего контроля, а также теоретические и законодательные подходы к пониманию правовой природы саморегулируемых организаций.

По итогам анализа правовых норм были установлены отдельные недостатки положений Закона Республики Казахстан «О саморегулировании»[1] (далее – Закон), Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и правовой помощи»[2] (далее – Закон об адвокатской деятельности) и Закона Республики Казахстан «Об оценочной деятельности»[3] (далее - Закон об оценочной деятельности) в правовой регламентации порядка осуществления контроля за деятельностью членов саморегулируемых организаций, а также иные расхождения в схожих по предмету регулирования нормах.

Материалы и методы

В настоящей работе рассмотрены особенности правового регулирования вопросов организации внутреннего контроля за деятельностью членов саморегулируемых организаций в Республике Казахстан. Основными нормативными правовыми актами для подготовки статьи стали Закон о саморегулировании, Закон об адвокатской деятельности, Закон об оценочной деятельности, а также другие законодательные акты. В качестве теоретической базы были использованы научные труды отдельных ученых (Петрова Д.А., Алгазиной А.Ф., Ершовой И.В. и других авторов).

В ходе исследования автором применялись общенаучные методы познания, такие как метод анализа и синтеза, системного анализа, логический метод, которые позволили изучить научные и практические подходы к организации контрольной функции саморегулируемой организации. В дополнение, автор использовал частнонаучный метод научного познания, а именно формально-юридический метод, который применялся при изучении норм права в исследуемой области.

[1] О саморегулировании: закон РК от 12 ноября 2015 года 390-V (ред. от 01.01.2023) // URL: http://zan.gov.kz/client/#!/doc/95275/rus (дата обращения: 15.01.2025).

[2] Об адвокатской деятельности и юридической помощи: закон РК от 5 июля 2018 года № 176-VI ЗРК // URL:https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176 (дата обращения: 15.01.2025).

[3] Об оценочной деятельности: закон РК от 10 января 2018 года № 133-VI ЗРК // URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1800000133/10.01.2018 (дата обращения: 15.01.2025).

Обсуждение и результаты

Саморегулирование характеризуется минимизацией государственного вмешательства, самостоятельным (внутри организации) принятием правил поведения и стандартов осуществления деятельности для членов (участников) организованной структуры, а также наличием системы внутреннего контроля. Контроль в условиях саморегулирования является осуществляемой в соответствии с законодательством и внутренними актами деятельностью членов (участников) организации или уполномоченных ими субъектов (органов) по проверке соблюдения членами (участниками) организации принятых на себя обязательств с целью обеспечения их надлежащего исполнения [1, с.37].

Члены (участники) саморегулируемой организации обязаны соблюдать требования локальных актов организации (правил, стандартов, кодексов этики, устава, порядка принятия и прекращения членства (участия) и других документов), а также требования законодательства. При выявлении нарушений к виновным лицам могут применяться меры взыскания, в том числе в виде приостановления или исключения из членства (участия) в организации.

Правовое регулирование вопросов организации внутреннего контроля

Нормативные положения, регулирующие в Казахстане институт саморегулирования, в том числе вопросы организации и проведения контроля саморегулируемыми организациями за деятельностью своих членов (участников), закреплены в основном Законе о саморегулировании. В дополнение, положения касательно саморегулирования, основанного на обязательном членстве (участии), предусмотрены в Законе об адвокатской деятельности и Законе об оценочной деятельности.

По официальным данным Министерства экономики Республики Казахстан в 2016 году в стране было зарегистрировано только 4 добровольные саморегулируемые организации, а в 2023 году – уже 96 организаций, из которых 44 - с добровольным участием и 52 – с обязательным[4] (палаты юридических консультантов и палаты оценщиков). Однако сведения о численности организаций с обязательным участием не совпадают с данными, опубликованными регулирующими государственными органами. Так, по состоянию на 2023 год в реестр палат юридических консультантов включено 84 палаты[5], в реестр палат оценщиков - 4 организации[6], что составляет в сумме 88 организаций, основанных на обязательном членстве.

Следует отметить, что ведение реестра со стороны регулятора не всегда осуществляется в должной мере [2], в связи с чем при наличии указанных расхождений полагаем разумным принимать во внимание статистические данные уполномоченного государственного органа по национальной экономике.

В любом случае официальные сведения свидетельствуют о росте количества саморегулируемых организаций, что требует наличия надлежащего нормативного закрепления порядка осуществлениях их деятельности, в том числе контроля за своими членами (участниками).

Функция внутреннего контроля изначально включена в понятие саморегулирования, под которым понимается комплекс мер, направленных на самостоятельное регулирование лицами своей предпринимательской или профессиональной деятельности, которые основаны на утверждении правил и стандартов саморегулируемой организации, осуществлении контроля за их соблюдением, а также обеспечении имущественной ответственности субъектов саморегулирования (подпункт 6) статьи 1 Закона).

Внутренний контроль осуществляется в форме проверок (статья 25 Закона), порядок осуществления которых содержится в правилах, утверждаемых общим собранием организации (статья 20-1 Закона). Предметом проверки является профессиональная или предпринимательская деятельность своих членов (участников) по соблюдению ими *требований правил и стандартов саморегулируемой организации, а также условий их членства (участия)* (пункт 1 статьи 25 Закона).

Необходимо сразу отметить, что в законодательных актах имеются статьи, где указывается перечень документов, соблюдение

[4] *Министерство национальной экономики Республики Казахстан: офиц. сайт. Астана. Отчет о состоянии регулирования предпринимательской деятельности в Республике Казахстан за 2023 год // URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/742069?lang=ru (дата обращения: 15.01.2025).*

[5] *Реестр саморегулируемых организаций (последнее обновление информации было в сентябре 2023 года) // URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/documents/details/544957?lang=ru (дата обращения: 15.01.2025).*

[6] *Реестр саморегулируемых организаций оценщиков. (последнее обновление информации было в мае 2023 года) // URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/kvga/documents/details/471812?lang=ru (дата обращения: 15.01.2025).*

требований которых подлежит внутреннему контролю. Однако данный перечень упоминается в разных вариациях. Например, понятие саморегулирования подразумевает только контроль за соблюдением правил и стандартов организации, и подпункт 8) статьи 18 Закона также подчеркивает, что контрольная функция направлена и на проверку соблюдения внутренних правил и стандартов организации. Однако в статье 25 Закона указывается, что проверке подлежит еще и соблюдение «условий членства (участия)».

Реализация функции контроля осуществляется посредством учреждения специализированного органа, осуществляющего контроль за соблюдением членами саморегулируемой организации *требований правил и стандартов саморегулируемой организации* (пункт 1 статьи 17 Закона). Данный специализированный орган не следует отождествлять с другим контрольным органом управления - ревизионной комиссией, функция которой ограничивается проверкой финансово-хозяйственной деятельности организации.

Основанием для проведения проверки (пункт 3 статьи 25 Закона) может являться жалоба с информацией о нарушении каким-либо членом организации *требований правил и стандартов саморегулируемой организации либо требований законодательства Республики Казахстан.* Как можно увидеть, нормативные границы внутреннего контроля расширяются от статьи к статье, и проверке подлежит уже и соблюдение членами (участниками) организации *«требований законодательства».*

Закон предусматривает несколько положений касательно порядка проведения проверки и определяет отдельные права и обязанности для проверяемого лица и для саморегулируемой организации (статья 25 Закона). Так, у проверяемого субъекта имеется обязанность предоставлять всю необходимую информацию по запросу саморегулируемой организации. В свою очередь, должностные лица или работники саморегулируемой организации наделены обязанностью проводить проверочные мероприятия только в пределах, указанных в жалобе, соблюдать конфиденциальность и не разглашать полученные в ходе проверки сведения. Кроме того, на организацию наложена обязанность информировать регулирующий государственный орган в случае поступления жалоб на ее членов (участников).

Законом предусмотрена ответственность саморегулируемой организации перед своими членами за неправомерные действия ее работников при осуществлении контрольных мероприятий. При этом, правовой анализ выявил отсутствие в Законе нормы, закрепляющей право члена (участника) саморегулируемой организации обжаловать результаты проверки. Безусловно заинтересованные лица вправе воспользоваться общим, предусмотренном в Административном процедурно-процессуальном Кодексе Республики Казахстан[7] (далее - АППК), порядком обжалования действий или бездействий саморегулирующей организации. Однако право лица на обжалование результатов проведенного в отношении него внутреннего контроля должно быть указано в Законе наряду с другими нормативно закрепленными правами.

По итогам проверки орган по контролю уполномочен сделать вывод о наличии или отсутствии факта нарушения, и в первом случае обязан направить материалы в орган по рассмотрению дел о нарушении членами саморегулируемой организации требований правил и стандартов. На практике данный орган носит название дисциплинарной комиссии. После рассмотрения дела дисциплинарная комиссия направляет в коллегиальный орган организации рекомендации о применении мер воздействия в отношении ее членов (участников) (пункт 4 статьи 17 Закона).

Решение о наложении взыскания принимается разными органами управления саморегулируемой организации в зависимости от тяжести меры наказания. По общему правилу производство по делам о нарушениях требований правил и стандартов относится к компетенции исполнительного органа управления (пункт 3 статьи 26 Закона). Если же совершенно нарушение, за которое предусматривается взыскание в виде прекращения членства (участия) в организации, то решение выносится коллегиальным органом управления (пункт 6 статьи 15 Закона). Таким образом, в пункте 4 статьи 17 Закона можно указать, что дисциплинарная комиссия направляет свои рекомендации не только в коллегиальный, но в исполнительный орган управления саморегулируемой орга-

[7] *Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-vi // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/k2000000350 (дата обращения: 15.01.2025).*

низации в зависимости от их компетенции.

Порядок наложения взысканий, их снятия и обжалования определяется уставом и внутренними правилами (если иное не установлено законодательными актами) (пункт 1 статьи 26 Закона), следовательно, определение вида взыскания носит диспозитивный характер, и саморегулируемые организации определяют его по своему усмотрению. Однако на практике выбор меры взыскания иногда сводится к номинальным предупреждениям, выговорам, порицаниям нарушителей, которые не содержат возможность повлиять на устранение или предотвращение нанесенного ими вреда или ущерба [3]. Указанный недостаток требует выработки единых типовых, возможно также закрепленных в Законе, мер взыскания для всех саморегулируемых организаций, которые будут оправдывать свою воспитательную и карательную функции.

В соответствии с пунктом 6 статьи 25 Закона, в случае выявления в результате проверки факта нарушений *требований правил и стандартов, условий членства (участия) саморегулируемой организации, а также законодательства Республики Казахстан,* руководящие лица, работники, осуществляющие проверку, и члены дисциплинарной комиссии обязаны принять предусмотренные законами Республики Казахстан *меры по устранению выявленных нарушений, их предупреждению, предотвращению возможного причинения вреда жизни, здоровью людей и ущерба окружающей среде, законным интересам физических и юридических лиц, а также привлечению* виновных лиц к ответственности. При этом в случае, если принятие мер относится к компетенции государственных органов, вышеуказанные лица обязаны незамедлительно их проинформировать о выявленных нарушениях.

В пункте 1 статьи 26 Закона закрепляется ответственность члена (участника) саморегулируемой организации за нарушение требований нормативных правовых актов Республики Казахстан, устава, правил и стандартов саморегулируемой организации. По сравнению с рассмотренными ранее положениями Закона, в редакции данной нормы к документам, содержащим требования, подлежащие проверке, добавлен «устав».

В отраслевых законодательных актах, дополнительно регулирующих деятельность саморегулируемых организаций, основанных на обязательном членстве, также указывается предмет внутреннего контроля.

В статье 80 Закона об адвокатской деятельности предусмотрена функция палаты юридических консультантов по осуществлению контроля за соблюдением членами палаты требований *законодательства Республики Казахстан об адвокатской деятельности и юридической помощи, правил и стандартов оказания юридической помощи, Кодекса профессиональной этики.* При этом, в статье 93 Закона об адвокатской деятельности[8] указано, что палатой осуществляется контроль за деятельностью своих членов в части соблюдения ими только требований правил и стандартов палаты юридических консультантов и условий членства.

В статье 22 Закона об оценочной деятельности[9] указывается, что палата оценщиков осуществляет контроль за соблюдением требований отраслевого Закона, иных нормативных правовых актов, стандартов и правил палаты оценщиков, а также кодекса деловой и профессиональной этики оценщиков, условий членства в палате. Очевидным является противоречие между законодательными актами в перечислении документов, исполнение требований которых подлежат контролю.

Таким образом, по итогам рассмотрения норм законодательных актов выявлены противоречия их отдельных положений, а также отсутствие целостного понимания предмета контроля, указываемого в подпункте 6) статьи 1, пункте 1 статьи 17, подпункте 8) статьи 18, пунктах 1, 3 и 6 статьи 25, пункте 1 статьи 26 Закона, в статьях 80 и 93 Закона об адвокатской деятельности и статье 22 Закона об оценочной деятельности. Редакция указанных норм содержит разный перечень документов, соблюдение требований которых подлежит внутреннему контролю. На основании изложенного, указанные нормы нуждаются в редактировании и приведении к единообразию.

Особенности осуществления контрольной функции саморегулируемыми организациями с добровольным и обязательным участием

Контроль за соблюдением требований нормативных правовых актов является го-

[8] *Об адвокатской деятельности и юридической помощи: закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 года №176-VI ЗРК // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000176 (дата обращения: 15.01.2025).*

[9] *Об оценочной деятельности: закон Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 133-VI ЗРК // URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z1800000133/10.01.2018 (дата обращения: 15.01.2025).*

сударственной функцией и входит в компетенцию регулирующих органов (статья 41 АППК). В свою очередь, применяемая мера взыскания в виде приостановления или исключения из членства (участия) в организации по сути является мерой административного взыскания по приостановлению или лишению разрешительного документа (статья 47 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях[10]). Применение данной меры государственного принуждения влечет запрет на дальнейшее осуществление лицом определенного вида деятельности.

Учитывая изложенное, возникает закономерный вопрос вправе ли саморегулируемая организация, являясь негосударственной организацией, проводить проверки выполнения требований законодательства и применять меры взыскания запретительного характера.

В научной литературе высказываются различные мнения касательно возможности исполнения саморегулируемой организацией государственных функций. Полемика сосредоточена вокруг понимания правовой природы саморегулируемых организаций. Ученые-административисты и отдельные цивилисты считают саморегулирование публично-правовый институтом поскольку саморегулируемая организация сочетает в себе интересы государства, членов организации и потребителей. Учитывая данное обстоятельство функции саморегулируемой организации относят к сфере публичного управления, что определяет ее возможность выполнять государственные функции [4, с.22], [5, с.107], [6, с.109].

Сторонники частно-правовой природы саморегулирования придерживаются мнения, что саморегулируемые организации не могут осуществлять государственные функции поскольку подлежащие внутреннему контролю требования могут быть установлены только локальными актами, а применяемые саморегулируемой организацией меры взыскания не являются государственной санкцией, так как носят дисциплинарный или организационный характер (прекращение членства (участия). Предполагается, что государство, отказавшись от регулирования, не передает свои публичные функции, а просто самоустраняется и избавляет себя от несения рисков этой деятельности, при этом формируя другой правовой режим защиты потребителей за счет создания механизма имущественной ответственности членов саморегулируемой организации [7, с.34].

Законодатель придерживается публично-правовой природы для саморегулируемых организаций, основанных на обязательном членстве. Статьей 47 АППК предусматривается возможность передачи функций центральных и (или) местных исполнительных органов в конкурентную среду посредством введения саморегулирования, основанного на обязательном членстве. Условием для введения данного вида саморегулирования является осуществление деятельности, сопряженной с реализацией государственных функций, либо возникновение необходимости делегирования определенных функций, выполняемых государственными органами (пункт 3 статьи 3 Закона).

Палаты юридических консультантов и палаты оценщиков являются саморегулируемыми организациями с обязательным участием, следовательно, введению саморегулирования данных видов профессиональной деятельности должно было предшествовать наличие государственного регулирования. Однако реальная передача государственных функций в рамках АППК была реализована только в области оценочной деятельности.

Так, до принятия в 2018 году новой редакции Закона об оценочной деятельности оценщик мог осуществлять свою профессиональную деятельность только после получения лицензии[11]. Регулирующим государственным органом проводилась предлицензионная проверка соответствия кандидата нормативным требованиям, а также осуществлялся постлицензионный контроль соблюдения оценщиками требований законодательства. Регулирующий орган вправе был применять меры взыскания в виде приостановления или лишения лицензии, что лишало лицо права на дальнейшее осуществление деятельности.

С введением саморегулирования в области оценочной деятельности разрешительный порядок был отменен, и государственный контроль был передан на уровень

[10] *Об административных правонарушениях: кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 15.01.2025).*

[11] *Об оценочной деятельности в Республике Казахстан: закон Республики Казахстан от 30 ноября 2000 года №109. Утратил силу Законом Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 133-VI // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000109_ (дата обращения: 15.01.2025).*

локального контроля палат оценщиков. В рамках данной концепции палаты оценщиков законодательно приобрели возможность проводить проверку исполнения не только требований локальных актов, но и требований законодательства в сфере оценочной деятельности. В дополнение, палаты оценщиков были наделены правом приостанавливать членство или исключать из членства в палате, что влечет принудительный запрет на осуществление деятельности.

Касательно юридических консультантов, то на момент введения обязательного саморегулирования в сфере оказания юридической помощи деятельность указанных лиц государством не регулировалась, следовательно, отсутствовали предпосылки для введения обязательного саморегулирования в данной сфере и передаче государственных функций в конкурентную среду. Однако в 2018 году, без соблюдения предусмотренных в АППК условий, Законом об адвокатской деятельности для юридических консультантов было введено обязательное членство в палатах. В свою очередь палаты были наделены функцией контроля за соблюдением их членами требований как внутренних актов палаты, так и законодательства Республики Казахстан об адвокатской деятельности. Палаты также получили возможность лишать лицо права на дальнейшее осуществление профессиональной деятельности в случае применения меры по приостановлению или исключению из членства (участия) в палате.

Таким образом, исходя из теоретических подходов и законодательных норм, саморегулируемые организации, основанные на обязательном членстве (участии), могут являться носителями или продолжателями государственных функций по двум основаниям. Во-первых, организации наделены полномочием проверять соблюдение своими членами (участниками) требований законодательства. Во-вторых, применение данными организациями такой меры взыскания как исключение из членства (участия) лишает лицо права на дальнейшее осуществление деятельности.

Саморегулируемые организации, основанные на добровольном участии, не могут являться носителями государственных функций поскольку осуществляют внутренний контроль только в отношении соблюдения своими членами (участниками) требований локальных актов организации (правил, стандартов, устава, кодекса этики и других документов). В дополнение, принятие саморегулируемой организацией такой меры воздействия как приостановление или исключение из членства носит организационный характер и не препятствует лицу в дальнейшем осуществлении деятельности.

В понятии «саморегулирование» и закрепленном в статьях 17, 18, 25 Закона предмете контроля можно увидеть подтверждение частно-правовой природы саморегулируемых организаций, основанных на добровольном членстве. Согласно указанным нормам Закона функция контроля саморегулируемой организации может быть осуществлена только в отношении соблюдения внутренних правил и стандартов организации. Однако в других статьях Закона, относящихся к обоим видам саморегулирования, в предмете контроля упоминается проверка требований законодательства или нормативных правовых актов. Учитывая изложенное, в Законе следует устранить все несоответствия в нормах, и конкретно определить разницу в предмете контроля саморегулируемых организаций, основанных на добровольном и обязательном участии.

Заключение

На основании изложенного, согласно теории, контроль за деятельностью членов саморегулируемых организаций может носить различный характер в зависимости от вида саморегулирования. В случае саморегулирования, основанного на обязательном членстве, внутренний контроль является продолжением государственного, поскольку затрагивает проверку требований не только внутренних актов, но нормативных правовых актов. Кроме того, последствия применения данными организациями крайней меры наказания является мерой государственного принуждения, поскольку она ограничивает право лица на занятие выбранным видом деятельности. И наоборот, в случае саморегулирования, основанного на добровольном членстве, контроль является частным и носит организационную направленность, так как предметом проверки является соблюдение требований локальных актов организации, и меры взыскания не ограничивают право лица на дальнейшее осуществление деятельности.

Законодательство Республики Казахстан предусматривает условия организации и проведения саморегулируемыми организациями контроля за соблюдением своими членами (участниками) требований локальных актов и нормативных правовых актов.

Законодательные нормы включают положения касательно формы проведения контроля, оснований и предмета контроля, статуса специализированного органа, совокупности прав и обязанностей проверяемого субъекта и проверяющего лица, порядка принятия решения по итогам проведенного контроля и наложения мер взыскания.

Анализ законодательных норм выявил некоторые недостатки в регулировании вопросов контроля в условиях саморегулирования. В частности, установлено отсутствие законодательной нормы о праве проверяемого лица на обжалование результатов проверки, отсутствие единого перечня мер взыскания, а также наличие противоречия в Законе и отраслевых законах в части перечня документов, соблюдение требований которых подлежит внутреннему контролю. В дополнение, определено, что в Законе отсутствует разграничение предмета проверки для саморегулируемых организаций в зависимости от их вида. Выявленные несовершенства нормативных положений требуют устранения и внесения соответствующих изменений и дополнений в законодательные акты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Д.А. Саморегулирование как способ правового регулирования отношений в сфере предпринимательства: предпосылки, воплощение и перспективы развития. Монография. – М.: Проспект, 2016. – 367 с.

2. Киязова А.Ж. Регулирование профессиональной деятельности юридических консультантов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан». – 2024. –№2(77). – С. 122-134.

3. Киязова А.Ж. Ответственность членов саморегулируемых организаций: особенности и проблемы регулирования в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан». –2024. –№3(78). – С. 71-83.

4. Баймуратова З.М. Саморегулируемые организации в сфере предпринимательской деятельности: административно-правовой аспект. Автореф. … дис. канд. юрид. наук. / Баймуратова З.М. – М., 2010. – 28 с.

5. Алгазина А.Ф. Понятие саморегулирования в административном праве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. –2014. –№ 4 (41). – С. 107.

6. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Бизнес и право в России и за рубежом: (приложение к журналу «Предпринимательское право»). 2014. – С. 328.

7. Егорова И.В. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования: pro et contra: монография – М.: Юстицинформ, 2017. – 180 с.

REFERENCES

1. Petrov D.A. Samoregulirovanie kak sposob pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere predprinimatel'stva: predposylki, voploshchenie i perspektivy razvitiya. Monografiya. – M.: Prospekt, 2016. – 367 s.

2. Kiyazova A.ZH. Regulirovanie professional'noj deyatel'nosti yuridicheskikh konsul'tantov // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki KazakhstaN». – 2024. –№2(77). – S. 122-134.

3. Kiyazova A.ZH. Otvetstvennost' chlenov samoreguliruemykh organizacij: osobennosti i problemy regulirovaniya v Respublike Kazakhstan // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki KazakhstaN». – 2024. –№3(78). – S. 71-83.

4. Bajmuratova Z.M. Samoreguliruemye organizacii v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti: administrativno-pravovoj aspekt. Avtoref. … dis. kand. yurid. nauk. / Bajmuratova Z.M. – M., 2010. – 28 s.

5. Algazina A.F. Ponyatie samoregulirovaniya v administrativnom prave // Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo. – 2014. – № 4 (41). – S. 107.

6. Ershova I.V. Samoregulirovanie predprinimatel'skoj i professional'noj deyatel'nosti // Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom: (prilozhenie k zhurnalu «Predprinimatel'skoe pravO»). 2014. – S. 328.

7. Egorova I.V. Koncepciya sovershenstvovaniya mekhanizmov samoregulirovaniya: pro et contra: monografiya – M.: Yusticinform, 2017. – 180 s.

ӘӨЖ 340.1
ҒТАМР 10.07.01

ҚОЛДАНЫСТАҒЫ ЗАҢНАМАНЫҢ КЕЙБІР ТҰЖЫРЫМДЫҚ ТЕРМИНДЕРІН НАҚТЫЛАУ ТУРАЛЫ

Нұрзада Маханбетұлы Примашев
Заң ғылымдарының кандидаты, доцент, «Тұран-Астана» университетінің Жоғары құқық және гуманитарлық ғылымдар мектебі «Ұлттық және халықаралық құқық» кафедрасының доценті; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: nurzadaprim@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-9466-0101

Аннотация. *Қолданыстағы заңнама мәтінінің қазақ тіліндегі нұсқасында көптеген қателер орын алып отырғаны белгілі. Олардың ауқымы кең, саны да көп, бірақ үлгі ретінде тұжырымды деп санауға болатын екі мысал ғана таңдап алынды. Практикалық тұрғыдан ол қателерді зерделеу оларды жіберудің бірнеше себебін ашуға мүмкіндік береді. Біріншіден, заңнаманың қазақ тіліндегі мәтінінің аударма сипатында болуына байланысты өткен ғасырдың 90-шы жылдарынан бері жинақталып келе жатқан лексикалық қордың динамикасына, аудармашы мамандардың субъективтік рөліне, жаһандану мен озық ақпараттық-технологиялық процестерге бой ұсынуы және т.с.с. себептер бойынша объективті өзгеруі. Екіншіден, әзірлеуші мемлекеттік органдардың қолданыстағы заңнаманың заң жобаларын әзірлеуге қойылатын талаптарын өрескел бұзуы. Үшінші негіз ретінде әзірлеуші мемлекеттік органдардың заң жобаларының мәтінін басым түрде компьютерлік бағдарламалармен аударуды келтіруге болады. Сондықтан соңғы кезде заң жобаларында кездесіп жатқан «махаббатзат немесе аналармен, қоса алғанда», «болсал импорттаушы», «ұсынбасаются», «өтінішпенетется» сияқты «аударма» нұсқалардың әзірлеуші мемлекеттік органдардың «АСА ШҰҒЫЛ!» не «ӨТЕ ШҰҒЫЛ!» деген тәртібі мен әкімшілік ресурстарды мейлінше қосу жағдайында заңдық күшке ие болып кетпейтініне ешкім кепілдік бере алмайды.*

Осы мақаланың мақсаты заң шығару процесі мен құқықтық- лингвистикалық мониторингтің объектісі ретінде экономика, қаржы және заң салаларында кең қолданылатын қате аударылған тұжырымды терминдер мен ұғымдарды нақтылау, яғни күн тәртібіне жіберілген кемшіліктерді түзету мәселесін қою болып табылады.

Түйінді сөздер: *заңнама, заңнама талаптарын бұзу, қате терминдер, нақтылау, ырықтандыру, резидент емес.*

ОБ УТОЧНЕНИИ НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Примашев Нурзада Маханбетович
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Национальное и международное право» Высшей школы права и гуманитарных наук Университета «Туран-Астана»; г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: nurzadaprim@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-9466-0101

Аннотация. *В тексте действующего законодательства на казахском языке допущено множество ошибок. Их диапазон и количество очень широки, но в качестве образцов выбраны только два примера. Изучение данных ошибок с этой точки зрения позволяет выявить несколько причин их допущения. Во-первых, это динамика лексического фонда, который начал формироваться с 90-х годов прошлого века из-за его переводного характера, субъективной роли специалистов-переводчиков, объективных изменений глобализационного характера и новейших информационно-технологических процессов и др. Во-вторых, грубое нарушение государственными органами-разработчиками требований действующего законодательства по разработке проектов законов. В качестве третьего основания можно привести практику перевода государственными органами-разработчиками проектов текстов проектов законов посредством компьютерных программ. В таких условиях и повсеместной попытки*

«ускорения» экспертизы со стороны государственных органов-разработчиков проектов законов посредством не имеющего значения грифов «ВЕСЬМА СРОЧНО!» или «СРОЧНО!» и политики максимального подключения административных ресурсов, никто не может гарантировать того, что массово встречающиеся в последнее время в проектах законов такие «переводы», как «махаббатзат немесе аналармен, қоса алғанда», «болсал импорттаушы», «ұсынбасаются», «өтінішпенетется» и т.п. не обретут юридическую силу и перейдут в действующее законодательство.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы поставить на повестку дня законодательного процесса и юридико-лингвистического мониторинга вопрос уточнения ошибочных концептуальных терминов и понятий, широко используемых в отраслях экономики, финансов и права.

Ключевые слова: *законодательство, нарушение требований законодательства, неправильные термины, уточнение, либерализация, нерезидент.*

ON CLARIFYING SOME CONCEPTUAL TERMS OF THE CURRENT LEGISLATION

Primashev Nurzada Makhanbetovich
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National and International Law of the Higher School of Law and Humanities Turan-Astana university; Astana c., Republic of Kazakhstan;
e-mail: nurzadaprim@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-9466-0101

Abstract. *There are many errors in the text of the current legislation in the Kazakh language. Their range and quantity are very wide, but only two examples have been selected as samples. Studying these errors from this point of view allows us to identify several reasons for their assumption. Firstly, it is the dynamics of the lexical fund, which began to form in the 90s of the last century due to its translational nature, the subjective role of translation specialists, objective changes in the globalization nature and the latest information technology processes, etc. Secondly, the gross violation by the state bodies-developers of the requirements of the current legislation on the development of draft laws. As a third reason, we can cite the practice of translation by government agencies-developers of draft texts of draft laws through computer programs. In such conditions, and the widespread attempt to «accelerate» the examination by government agencies-developers of draft laws through the irrelevant labels «VERY URGENT!» (ВЕСЬМА СРОЧНО!) or «URGENT!» (СРОЧНО!) in cover letters and the policy of maximum involvement of administrative resources, no one can guarantee that such «translations» as «махаббатзат немесе аналармен, қоса алғанда», «болсал импорттаушы», «ұсынбасаются», «өтінішпенетется» etc., encountered recently in draft laws will not get into the current legislation.*

The purpose of this article is to put on the agenda of the legislative process and legal and linguistic monitoring the issue of clarifying erroneous conceptual terms and concepts widely used in the fields of economics, finance and law.

Keywords: *legislation, violation of legal requirements, incorrect terms, liberalization, non-resident.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_274

Кіріспе

Заң шығару процесінде белгілі қоғамдық қатынастарды реттеуге бағытталған нормаларды қалыптастыруда құқықтық институттармен бірге тілдік институциялар да міндетті түрде ескеріледі. Олардың ішінде жалпы ғылыммен бірге дамитын терминдер де ерекше рөл атқарады [1, 69-б.].

Қазіргі кезде Қазақстанда заң тілін теориялық та, практикалық жағынан да қалыптастыру жүріп жатыр. Бірақ соған қарамастан қолданыстағы заңнамада сан жетпес қате орын алып келеді. Оларды анықтау мен тиісінше дұрыс түзету қоғам мен мемлекеттің міндеті ғана емес, құқығы деп те айтуға болады, өйткені тіл тек халыққа ғана тиесілі.

Қолданыстағы заңнаманың қазақ тіліндегі нұсқасының аударма сипатында қалып отырғаны мемлекеттік басқару, заң шығару, халықаралық қатынас және т.с.с. маңызды салалармен қатар қарапайым халық үшін де теріс салдар туғызады. Түрлі себептерге

байланысты қате аударылған заңнаманың тұтынушылар тарапынан (кейде өзге мемлекеттік органдар тарапынан да) наразылық туғызып жататыны БАҚ беттерінен түспей келеді. Мұндай жағдайда мемлекеттік билік органдарымен қатар қоғамға да қазақ тілінің мемлекеттік тіл мәртебесін қамтамасыз ету міндетінің жүктелетіні белгілі.

Кез келген мемлекеттік және қоғамдық бастамаларды ғылыми қолдаудың да маңызы зор. Ғылымды негізге алмай, заңнаманың аудармасы мен қазақ тіліндегі заң тілінің (осындай ресми тавтология!) сапасын арттыру мүмкін емес. Заңнаманы сапалы аударуда тілдік құралдармен қатар аудармашылардың біліктілігі де маңызды рөл атқарады. Бірақ практикада, кейбір жағдайларда аталған екі құрамның да тығырыққа тірелетін жағдайы кездесіп тұрады. Мәселен, қолданыстағы заңнамадағы «осуществить» және «реализация», «государственная тайна (секрет)», «усыновление (удочерение)» және т.с.с. сөздер мен тіркестер бірге қатар келгенде мәтіннің қате аударылуы әбден мүмкін. Осындай жағдайда, мәселен «осуществить реализацию»[1] деген тіркес міндетті түрде қате не мүлдем түсініксіз «іске асыруды жүзеге асыру»[2] деген балама шығады. Заңнамадан мұндай мысалдарды көптеп келтіруге болады. Сонымен бірге мамандардың біріздендіруге қанша тырысқанына қарамастан көп жағдайларда терминдер мен ұғымдардың мәнмәтінге қарай өзгеріп отыратынын да естен шығармау қажет.

Осындай тілдік түсініксіздік жағдайында және ғылыми лингвистикалық сараптама жүргізу барысында жаңа заң немесе халықаралық шарт жобаларының лексикасына талдау жасаумен бірге, қолданыстағы заңнаманың лексикасына да назар салу заң шығарушы мен құқық тұтынушының басты міндеті деуге болады.

Әдістер

Мақалаға негіз болған мысалдар ғылыми лингвистикалық сараптама жүргізу, қажетті материалдарды зерделеу барысында анықталған кемшіліктерді талдау, оның ішінде ғылыми лингвистикалық сараптама тәсілдерін қолдану, талдаудың ғылыми әдістері, жалпы шолу және салыстыру сияқты ғылыми әдістер негізінде таңдап алынды.

Негізгі бөлім (талқылаулар мен нәтижелер)

Тіл жанды құбылыс ретінде үнемі қозғалыста болатыны баршаға белгілі. Сондықтан оның құрылым бірлігі – сөздің қоғамдық өмірдің тарихи-саяси, әлеуметтік-экономикалық, ғылыми-практикалық және т.с.с. аспектілеріне тікелей тәуелді динамикасына орай өзгеріп отыруы да объективті құбылыс. Осыдан келіп қоғам мен мемлекеттің кезеңдік лексикасының да қалыптасып, толығып, өзгеріп, кейде кейбіреулерінің архаизмге айналуы да заңды болып шығады. Мәселен, өткен ғасырдың 90-шы жылдарында қолданылынған кейбір сөздер мен сөз орамдары қазіргі уақытта айналымнан мүлдем шығып қалды. Қолданыстағы заңнамада «заң қалыптары»[3], «нормативтік құқықтық кесім» және т.с.с. баламалар қолданылмайды. Аталған ұғымдар 2010 жылдарға дейін белсенді айналымда болды. Мәселен, «Сәйкестікті бағалау саласындағы аккредиттеу құжаттарының нысандарын және аккредиттеу алдындағы, аккредиттеуден кейінгі шарттардың үлгілік нысандарын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Индустрия және сауда министрінің 2008 жылғы 29 қазандағы N 430 Бұйрығы. Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 2008 жылғы 14 қарашада Нормативтік құқықтық кесімдерді (ерекше көрсеткен мен. – Н.П.) мемлекеттік тіркеудің тізіліміне N 5356 болып енгізілді». Дегенмен де аталған ұғымдар нормативтік актілерді шығару процесі мен деректер базасында қызметтік сипатта әлі де қолданылады. Мәселен, «Б» корпусы Төлеби аудандық мәслихат аппаратының мемлекеттік әкімшілік қызметшілерінің қызметін бағалаудың әдістемесін бекіту туралы» Төлеби аудандық мәслихатының 2018 жылғы 27 сәуірдегі № 25/139-VI шешімінің күші жойылды деп тану туралы» Түркістан облысы Төлеби аудандық мәслихатының 2024 жылғы 14

---

[1] Правила проведения конкурса (аукциона) по выбору концессионера. Утв. приказом Министра национальной экономики Республики Казахстан от 22 декабря 2014 года № 157 // ИПС «Әділет» (дата обращения: 20.09.2024).

[2] Концессионерді таңдау жөніндегі конкурсты (аукционды) өткізу қағидалары : «Концессиялық жобаларды жоспарлаудың және іске асырудың кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрінің 2014 жылғы 22 желтоқсандағы № 157 бұйрығымен бекітілген // «Әділет» АҚЖ (жүгінген күні: 20.09.2024).

[3] Қолданыстағы 1994 жылғы 27 желтоқсанда қабылданған Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексін қоспағанда. Оның 6-бабының 1-тармағына сәйкес «Азаматтық заң қалыптары оларда айтылған сөздердің дәлме-дәл мәніне сәйкес түсінілуге тиіс» (Қараңыз: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_).

тамыздағы № 15/84-VIII шешімінде «Төлеби аудандық мәслихатының 2018 жылғы 27 сәуірдегі №25/139-VI «Б» корпусы Төлеби аудандық мәслихат аппаратының мемлекеттік әкімшілік қызметшілерінің қызметін бағалаудың әдістемесін бекіту туралы» (нормативтік құқықтық кесімдерді мемлекеттің тіркеу тізілімінде 4595 нөмірмен тіркелген) шешімінің күші жойылды деп танылсын» делінген[4].

Ұлттық терминдер корпусын қалыптастыру процесінде оңтайлы аударылып не кейде шығу тегі жасанды, бірақ халық тарапынан кең қолдау тапқан біршама ұтымды терминдер мен ұғымдар пайда болды. Мәселен, «заңнама» термині. Қазіргі ұлттық құқықтық жүйені бұл ұғымсыз институциялау мүмкін емес.

Тіл саласындағы кемшіліктердің заң саласына тікелей әсер ететіні белгілі. Оған қоса мамандар мен халық тарапынан айтылып жүрген «заң жобалау жұмысында терминдерді қолдануда да бірізділік жоқ», - деген пікір де орынды. Практикада кейбір қате терминдер мен ұғымдардың сол қалпында кең қолданылуы да күмән туғызады [2, 171-б]. Қолданыстағы заңнамада, тіпті мамандарға да, халыққа да қатесі белгілі терминдер мен ұғымдар көп кездеседі.

Қазақ тіліндегі заңнаманы қалыптастыруда ескерілуге тиіс тағы бір жайт бар. Ол – қазақ тілі құрамының алыс және жақын шет елдерден Қазақстанға оралған адамдардың – оралмандардың[5] түрлі географиялық және әлеуметтік-экономикалық ортада қалыптасуы сияқты факторлардың әсерінен түрлі өзгерістерге ұшырауы. Олардың арасында, мәселе, «ғаламтор», «тінтуір» сияқты терминдер қолданысқа еніп кетті. Дегенмен де ғылыми әдебиетте зерттеуші ғалымдардың оралмандардың қазақ тіліне салдар туғызатын тіл ерекшеліктеріне назар аударады. Мәселен, Г.Н. Смағұлова «Қытай қазақтары тілінде ханзу тілінің басымдығы кірме сөздер қатарының орынды-орынсыз қолданысқа ие болуы тіл тазалығы мен сөз және сөйлеу мәдениетінің орасан өзгерістерге түсуі белең алып бара жатқаны байқалады» деп жазады [3]. Осындай алаңдаушылық М.А. Абдулхановаңың [4], Г.Ә. Омарбековаңың [5] еңбектерінен де көрінеді.

Ал «Құқықтық актілер туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 24-бабының 3-тармағына сәйкес нормативтік құқықтық актінің мәтіні әдеби тіл нормалары, заң терминологиясы және заң техникасы сақтала отырып жазылады. Заңның ережелері барынша қысқа болуға, нақты мағынаны және әртүрлі түсіндіруге жатпайтын мағынаны қамтуға тиіс[6]. Оған қоса заңның қазақ және орыс тілдеріндегі мәтіндері теңтүпнұсқалы болуға тиіс. Осындай жоғары талаптар заң тілінің халыққа түсінікті, яғни қолжетімді болуын қамтамасыз етуге бағытталған.

«Қазақстан Республикасының халықаралық шарттары туралы» Заңда[7] да халықаралық шарттар мәтіндеріне қойылатын талаптар бекітілген. Осы мақалада көрсетілген қолданыстағы заңнамада орын алып отырған қате аударылған, бірақ соған қарамастан кең қолданылып жүрген кейбір терминдер мен ұғымдар заңнамада тілдік, оның ішінде лексикалық талаптардың сақталмай отырғанын көрсетеді.

Оларға қоса заңнаманың қазақ тіліндегі нұсқасында баламасы табылған, бір жағынан дау тудырмайды деген терминдер мен ұғымдар бойынша да проблема жеткілікті. Мәселен, Конституцияның 18-бабының 3-тармағындағы «лауазымды адам» және 40-бабының 1-тармағындағы «лауазымды тұлға» деген ұғымдардың орыс тіліндегі нұсқасы «должностное лицо». Аталған ұғымдардың қандай мәнмәтінде қандай мағына беретінін білу заң шығарушыға да, құқықты тұтынушыға да маңызды.

Мақалада көрсетілген мысалдар экономика, қаржы және олармен сабақтас салаларда кезінде дұрыс аударылмаса да, «жоғынан бары» ұстанымының арқасында қолданылып жүрген «ырықтандыру» және «бейрезидент», яғни «либерализация» және «нерезидент» терминдерінің баламасы ретінде алынып жүрген нұсқалар болып табылады (бұл жерде тарих саласында қолданылатын «либералдандыру» деген балама

---

[4] «Әділет» АҚЖ-дағы редакциясы сақталған (жүгінген күні: 20.09.2024). Оның қателерін қарастыру мақаланың мақсатына жатпайды.

[5] 2022 жылы «Қандас» терминіне ауыстырылған. Шет елдерден Қазақстан Республикасына оралып жатқан этникалық қазақтарды «Қандас» деп атау биологиялық белгілер бойынша айқындалған, ал олардың мәртебесін толық аша алатын құқықтық термин – «оралман». Мақала авторы осы құқықтық ұстанымды дұрыс деп санайды

[6] «Құқықтық актілер туралы» 2016 жылғы 6 сәуірдегі Қазақстан Республикасының Заңы // «Әділет» АҚЖ (жүгінген күні: 20.09.2024).

[7] «Қазақстан Республикасының халықаралық шарттары туралы» 2005 жылғы 30 мамырдағы Қазақстан Республикасының Заңы // «Әділет» АҚЖ (жүгінген күні: 20.09.2024).

есепке алынбайды). Олардың тақырыпқа сәйкес күрделілігі теориялық [6, 19-21-б.] табиғатынан гөрі практикада қолданумен айқындалады.

Бірінші мысалға қатысты «Уикипедия» деген әмбебап интернет энциклопедиясының қазақ тіліндегі контентіндегі «Ырықтандыру (либерализация) – азаматтық, саяси, экономикалық бостандық принциптерін насихаттауға негізделген қоғамдық-әлеуметтік көзқарас» деген анықтама өте дұрыс деп саналады. Әрине, «ырықтандыру» деген сөзден басқасы, өйткені бұл анықтамадағы негізгі ой «экономикалық бостандық» деген тіркесте жатыр. Негізгі ой кез келген бағытты, саланы, бағаны және т.с.с. еркіндікке жіберуге түседі. Оның мақсаты көрсетілген құрылым бірліктерін жасанды реттеудің орнына табиғи не салалық заңдылықтар арқылы өздігінен реттелуіне кедергі жасамау болып табылады.

Етістік есебінде бұл сөздің белгілі бір іс-қимылды білдіретіні анық. Алайда, кезінде аударма жасалғанда, ол ұғымның табиғаты зерделенбеген сияқты. Мәселен, қазақ тілінде «ырқына алу, көндіру» деген сөздер бар. Тіпті заң терминдерінің арасында «ырқына көну, бой ұсыну / Повиновение», яғни біреудің айтқанына, ісіне, көрсеткеніне және т.с.с. бағыну деген ұғым да бар. Яғни кез келген субстанцияның не құбылыстың белгілі бір субъектіге, құбылысқа, заңдылыққа бағынуы, көнуі деп те айтуға болады.

Интернет желісінде «Ырық. Өз қалауы, еркі, ыңғайы. Ырық бермеді – айтқанына, ыңғайына жүрмеді. Ырыққа көнбеді – біреудің дегеніне жүрмеді» деген түсініктемелік ұғымдар келтірілген[8].

Заң шығару процесінде қолданылып жүрген басым түрде «ырықтандыру / либерализация» деген нұсқа келтірілген Заңнама терминдерінің қазақша-орысша, орысша-қазақша сөздігінде «ырық бермес күштің әсері / действие непреодолимой силы» деген балама да бар [7, 201-б.]. Бұл да жоғарыдағы позицияны нақтылай түседі. Яғни онда не болса да біреудің дегеніне көнбейтіні туралы айтылады. Мәселен, табиғи апаттар ешкімнің ырқына көнбес. Сол сияқты экономиканың адамның да, биліктің де дегеніне назар аудармайтын өз заңдылықтары бар. Мәселен, «Ұлттық банк базалық пайыздық мөлшерлемені тағы да жоғарылатып, жылдық 16 пайызға көтерді. Инфляцияның ырық бермеуі осылай істеуге мәжбүрлеп отыр» деген ақпарат та осы позицияны нақтылай түседі [8].

Осы сияқты жағдаяттар туындағанда, мәселен, мемлекет басқаруға не дамытуға өз әлеуеті жетпеген кезде белгілі бір саланы немесе бағаны және т.с.с. еркіне қоя береді. Бұны «ырықтандыру» деп атауға мүлдем келмейді. Бұл – оған бір жүз сексен градус тұрғысындағы қарама қайшы нәрсе. Сондықтан оны «ырықсыздандыру»[9] (кішкене психологиялық-соматикалық астары ескерілмегенде) немесе «ырықтан шығару» деген дұрыс. Бірінші нұсқа беделді Орфографиялық сөздікте де берілген.

Осы тұрғыдан алғанда, «либерализация» термині негізінен Қазақстан Республикасының халықаралық шарттарын ратификациялау туралы заңдарында кездесетінін айта кеткен орынды. Мәселен, «Бір тараптан Еуразиялық экономикалық одақ пен оған мүше мемлекеттер және екінші тараптан Иран Ислам Республикасы арасындағы еркін сауда аймағын құруға алып келетін уақытша келісімді ратификациялау туралы» 2019 жылғы 7 мамырдағы Қазақстан Республикасының Заңымен ратификацияланған 2018 жылғы 17 мамырда Астанада жасалған Бір тараптан Еуразиялық экономикалық одақ пен оған мүше мемлекеттер және екінші тараптан Иран Ислам Республикасы арасындағы еркін сауда аймағын құруға алып келетін уақытша келісімнің 1.2-бабындағы «кедергілерді азайту немесе жою арқылы ырықтандыру» деген тіркесті ұғу және басшылыққа алу мүмкін емес. Ал оның «либерализация и упрощение ... посредством ... снижения или устранения ...» деген орыс тіліндегі нұсқасы өте орынды әрі дұрыс.

Зерттеу объектісінің бірі болып отырған «Ырықтандыру» ұғымы барлық дерлік сатыдағы нормативтік құқықтық актілерде кездеседі. Мәселен, «Қазақстан Республикасының 2029 жылға дейінгі ұлттық даму жоспарын бекіту және Қазақстан Республикасы Президентінің кейбір жарлықтарының күші жойылды деп тану туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2024 жылғы 30 шілдедегі № 611 Жарлығында «Жаһандық бәсекеге қабылеттілікті арттыру және тауарлар мен қызметтердің сапасын жақсарту үшін бәсекелестікті ырықтандыру және

[8] *http://kaz.slovopedia.com/146/53419/1529777.html (жүгінген күні: 20.09.2024).*

[9] *Орфографиялық сөздік / Құраст.: Н. Уәлиұлы, А. Фазылжанова, Қ. Күдеринова, Ғ. Әнес. – Алматы: Тіл білімі институты, 2007. – 480-бет.*

ынталандыру» деген қағидат бекітілген. Мұндайда бірден «табиғи бәселестікті қалай ырықтандыруға болады?», - деген сұрақ туындайды.

Заңдық күші бойынша одан төмен тұратын ҚР Үкіметінің қаулыларында да осы ұғым кең қолданылады. «Мәселен, «Қазақстан Республикасының туристік саласын дамытудың 2023 – 2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2023 жылғы 28 наурыздағы № 262 қаулысында «Визалық саясатты одан әрі ырықтандыру» сияқты тіркестер мен ұғымдар бар.

Өз кезегінде орталық атқарушы органдар басшыларының нормативтік сипаттағы бұйрықтары да осы ұғымды қамтиды. Мәселен, «Қазақстан Республикасының теміржол көлігін дамытудың 2029 жылға дейінгі тұжырымдасын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Көлік министрінің 2024 жылғы 27 маусымдағы № 224 бұйрығы сияқты ведомстволық заңға тәуелді нормативтік құқықтық актілерде орын алып келеді. Дегенмен де осындай ауқымға қарамастан аталған ұғым орынсыз қолданылады деп санауға болады. Мәселен, «жүк тасымалдаушылар нарығын ырықтандыру»[10] деген ұғым ақылға қонымсыз.

Жоғарыда келтірілген «либерализация» терминінің «ырықтандыру» деген баламасын алдағы уақытта реті келгенде, оның табиғатына сай келетін «ырықтан шығару» деп аударған орынды.

Келесі ортақ мағынасын таппаған, бірізділікке келтірілмеген күрделі терминнің бірі «нерезидент» ұғымының баламасы.

«Сақтандыру қызметі туралы» 2000 жылғы 18 желтоқсандағы Қазақстан Республикасының Заңында бұл термин «Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру брокері», «Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымы» деген тіркестер түрінде 534 рет қолданылынған. Ал, банк саласын реттейтін заңнамада ол «Қазақстан Республикасы бейрезидент-банктері филиалдары (оның ішінде Қазақстан Республикасы бейрезидент-ислам банктері филиалдары)» деген нұсқаларда осы саланы реттеуде қолданылып келеді. Мәселен, көрсетілген заңның 3-бабында:

«8-1) Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру брокерінің филиалы – Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру брокерінің ... бөлімшесі;

8-2) Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымының филиалы – Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымының ... бөлімшесі;» деген анықтамалық ұғымдар бар (орыс тіліндегі нұсқасы:

«8-1) филиал страхового брокера-нерезидента Республики Казахстан – обособленное подразделение страхового брокера-нерезидента Республики Казахстан ...»

«8-2) филиал страховой (перестраховочной) организации-нерезидента Республики Казахстан – обособленное подразделение страховой (перестраховочной) организации-нерезидента Республики Казахстан ...»).

Осыған ұқсас тіркестер «Мемлекеттік сатып алу туралы» 2024 жылғы 1 шілдедегі Қазақстан Республикасының Заңында (5 рет), «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне сатып алу және артық заңнамалық регламенттеуді болғызбау мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» 2024 жылғы 1 шілдедегі Қазақстан Республикасының Заңында да кездеседі.

Мұндай ұғымдар 13 рет «Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару жүйесін одан әрі жетілдіру туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2019 жылғы 11 қарашадағы № 203 Жарлығына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2024 жылғы 2 наурыздағы № 492 Жарлығында да қолданылған.

Осындай қате ұғым ведомстволық және ведомствоаралық нормативтік құқықтық актілерде де қолданылған. Мәселен, «Банктің пруденциялық нормативтерінің және сақталуы міндетті өзге де нормалары мен лимиттерінің нормативтік мәндері мен оларды есептеу әдістемелерін, капиталының мөлшерін және Ашық валюталық позицияны есептеу қағидалары мен оның лимиттерін белгілеу туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі басқармасының 2017 жылғы 13 қыркүйектегі № 170 қаулысына және «Пруденциялық нормативтерді және микроқаржылық қызметті жүзеге асыратын ұйымның сақтауы міндетті өзге де нормалар мен лимиттерді, оларды есептеу әдістемесін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі басқармасының 2019 жылғы 14 қарашадағы № 192 қаулысына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы нарығын

[10] *Қолданыстағы мәтінде кімнің жібергені белгісіз «нарығынераықтандыру» деген қатесі бар сөз қолданылған.*

реттеу және дамыту агенттігі басқармасының 2024 жылғы 16 тамыздағы № 63 қаулысында «Қазақстан Республикасының бейрезиденттері», «Қазақстан Республикасы бейрезидент-банктері», «Қазақстан Республикасының бейрезидент ұйымдары» деген қате тіркес 32 рет берілген.

Аталған «нерезидент» ұғымының «резидент емес» деген баламасы «Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі Басқармасының кейбір қаулыларына Қазақстан Республикасында валюталық операцияларды жүзеге асыру және есептілікті ұсыну мәселелері бойынша өзгерістер енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Ұлттық Банкі Басқармасының 2024 жылғы 22 тамыздағы № 48 қаулысында дұрыс қолданылған. Атап айтқанда «нерезидент-физическое лицо», «нерезидент-юридическое лицо» деген ұғымдар «бейрезидент-жеке тұлға» және «бейрезидент-заңды тұлға» деп орынды аударылған.

Ал осындай дұрыс баламаны «Қазақстан Республикасы» деген сөздермен ұштастырған кезде мүлдем қате ұғымның пайда болғанына ешкім назар аудармаған. Аталған ұғымның «Қазақстан Республикасы» деген ұғыммен тәуелделінуінің мүмкін еместігі ескерілмеген, өйткені шет елдік жеке және заңды тұлғалардың Қазақстан Республикасына тиесілі болуы мүмкін емес. Сондықтан қолданыстағы заңнамада өте көп қолданылған «Қазақстан Республикасы бейрезидент-сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымы», «Қазақстан Республикасының бейрезиденттері», «Қазақстан Республикасының бейрезидент ұйымдары», «Қазақстан Республикасы бейрезидент-банктері» және т.с.с. табиғатта болмайтын ұғымдар пайда болған.

Ал, құқықтық жағынан да, тілдік жағынан да, тіпті саяси-экономикалық жағынан да нонсенс «Қазақстан Республикасы бейрезидент-ислам банктері» деген қате ұғым Қазақстан Республикасы Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі басқармасының 2021 жылғы 12 ақпандағы № 23 «Қазақстан Республикасы бейрезидент-банктері филиалдарының (оның ішінде Қазақстан Республикасы бейрезидент-ислам банктері филиалдарының) резерв ретінде қабылданатын активтерін қалыптастыру тәртібін және олардың ең төмен мөлшерін қоса алғанда, Қазақстан Республикасы бейрезидент-банктерінің филиалдары (оның ішінде Қазақстан Республикасы бейрезидент-ислам банктерінің филиалдары) үшін пруденциалдық нормативтерді және сақталуы міндетті өзге де нормалар мен лимиттерді, олардың нормативтік мәндерін және есептеу әдістемесін белгілеу туралы» қаулысында қолданылған[11]. Аталған ұғым тіпті нормативтік құқықтық актінің атауында да кездеседі. Мәселен, «Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға), терроризмді қаржыландыруға және жаппай қырып-жою қаруын таратуды қаржыландыруға қарсы іс-қимыл мақсатында сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымдары, сақтандыру брокерлері, өзара сақтандыру қоғамдары, Қазақстан Республикасының бейрезидент-сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымдарының филиалдары және Қазақстан Республикасының бейрезидент-сақтандыру брокерлерінің филиалдары үшін ішкі бақылау қағидаларына қойылатын талаптарды бекіту туралы» Қазақстан Республикасының Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі басқармасының 2020 жылғы 12 қазандағы № 97 қаулысына өзгерістер енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі басқармасының 2024 жылғы 29 наурыздағы № 15 қаулысында да кездеседі (16 рет). Келтірілген мысалдар аталған қате ұғымның барлық деңгейдегі нормативтік құқықтық актілерде тұрақты түрде қолданылатынын көрсетеді.

Қорытынды

Мақалада қарастырылған мысалдар бойынша жіберілген кемшіліктерді жою, яғни қате ұғымдарды қолдану практикасын тоқтату үшін «либерализация» терминінің «ырықсыздандыру/ырықтан шығару» және Республикалық терминологиялық комиссия 2022 жылы мақұлдаған «нерезидент» деген

[11] *Мұндай ұғым осындай нормативтік құқықтық актілерде де бар. Мәселен, «Мәжбүрлеп таратылатын банктердің, сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымдарының, қызметі мәжбүрлеп тоқтатылатын Қазақстан Республикасының бейрезидент-банктері филиалдарының тарату комиссияларын тағайындау және босату қағидаларын және Мәжбүрлеп таратылатын банктің, сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымының, қызметі мәжбүрлеп тоқтатылатын Қазақстан Республикасының бейрезидент-банкі филиалының тарату комиссиясының төрағасына және мүшелеріне қойылатын талаптарды бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі Басқармасының 2020 жылғы 25 мамырдағы № 57 қаулысына өзгерістер енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Қаржы нарығын реттеу және дамыту агенттігі Басқармасының 2024 жылғы 29 қаңтардағы №2 қаулысында (10 рет), «Қазақстан Республикасының кейбір нормативтік құқықтық актілеріне мемлекеттік қызметтер көрсету саласында банк қызметін реттеу мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» 2024 жылғы 19 шілдедегі № 41 қаулысында қолданылған (71 рет).*

терминнің «резидент емес» деген нұсқасын тиісті мәнмәтінде дұрыс пайдаланып, жоғарыда көрсетілген мысалдарды «Қазақстан Республикасының резиденті емес сақтандыру (қайта сақтандыру) ұйымы», «Қазақстан Республикасының резиденттері емес», «Қазақстан Республикасының резиденті емес банктер», «Қазақстан Республикасының резиденті емес ұйымдар» деп түзету қажет.

Сонымен қатар кезінде түрлі құқықтық мәртебеде болған Терминологиялық комиссияның мақұлдауы мен бекітуіне, беделді тіл мамандары мен салалық мамандардың тұжырымдауына қарамастан терминдер қорында да біраз кемшіліктер орын алып отыр. Мәселен, «авиакомпания» ұғымының «әуе компаниясы»[12], «Әуекомпания»[13] сияқты балламаларымен келісуге болмайды. Терминге әркімнің бар таласы дегендей, басқа да терминдермен қатар аталған терминді «авиакомпания» деп мақұлдау қажет, өйткені «әуе» мен «авиа» деген ұғымдардың арасы жер мен көктей. Өкінішке орай мұндай мысалдарды көптеп келтіруге болады. Сондықтан терминдер қорын қайта қарап, мәселе туындататын терминдер мен ұғымдарды тағы да нақтылау ұлттық заңнаманың қазақ тіліндегі нұсқасының сапасын арттырудың маңызды бір жолы болып табылады.

Осылайша зерделеу, зерттеу жұмыстарының арқасында анықталған қателерді түзетумен қатар қолданыстағы заңнама сапасын көтеріп, терминдік нақтылық пен бірізділікке де қол жеткізілетін болады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Құрманбайұлы Ш. Қазақ лексикасының терминденуі. – Алматы: Ғылым, 1998. – 208 б.

2. Шыңғысбаева Д.М., Хамзина Н.А. Терминдерді қолдану: тиімділігі мен келеңсіздіктері // Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жаршысы. - 2019. - № 2 (19). - 170-174 б.

3. Абдралиева Ж.Ж., Сагидулла А. Туыс емес тілдерде күрделі сөздердегі аудармалық трансформациялардың ерекшеліктері // https://cyberleninka. ru/article/n/tuys-emes-tilderdek-rdeli-s-zderdegi-audarmaly-transformatsiyalardy-erekshelikteri (жүгінген күні: 20.09.2024).

4. Смағұлова Г.Н. Диаспора мен оралмандардың сөйлеу тілінің ерекшеліктері //ҚазҰУ Хабаршысы. - 2015. - №6 (158) // https://articlekz.com/kk/article/23266 (жүгінген күні: 20.09.2024).

5. Абдулханова М.А. Тәжікстаннан келген қазақтардың тіліндегі фонетикалық ерекшеліктер // Тілтаным. - 2017. - №2. - 64-69 б. // https://www.tiltanym.kz/jour/article/view/323/156?locale. (жүгінген күні: 20.09.2024).

6. Омарбекова Г.Ә. Тіл және жаһандану: Оқу құралы. – Нұр-Сұлтан: «Fastprint» баспасы, 2019. – 160 б.

7. Заңнама терминдерінің қазақша-орысша, орысша-қазақша сөздігі (30 мыңнан астам термин мен тұрақты тіркестер). – Астана: «Қазақстан Республикасының Заңнама институты» ММ, 2015. - 483 б.

8. Аймағамбет А. Инфляция ырық бермей тұр // https://egemen.kz/article/326700-inflyatsiya-yryq-bermey-tur (жүгінген күні: 20.09.2024).

9. Орфографиялық сөздік / Құраст.: Н. Уәлиұлы, А. Фазылжанова, Қ. Күдеринова, Ғ. Әнес. – Алматы: Тіл білімі институты, 2007. – 480 б.

REFERENCES

1. Құrmanbajұly Sh. Қazaқ leksikasynyң termindenui. – Almaty: Fylym, 1998. – 208 b.

2. Shyңғysbaeva D.M., Hamzina N.A. Terminderdi қoldanu: tiimdiligi men keleңsizdikteri // Қazaқstan Respublikasy Zaңnama zhәne құқұқtyқ aқparat institutynyң zharshysy. - 2019. - № 2 (19). - 170-174 b.

3. Abdralieva Zh.Zh., Sagidulla A. Tuys emes tilderde kүrdeli sөzderdegi audarmalyқ transformacijalardyң erekshelikteri // https://cyberleninka. ru/article/n/tuys-emes-tilderdek-rdeli-s-zderdegi-audarmaly-transformatsiyalardy-erekshelikteri (zhүgingen kүni: 20.09.2024).

4. Smagұlova G.N. Diaspora men oralmandardyң sөjleu tilinің erekshelikteri //ҚazҰU

[12] 2022 жылы мақұлданған (Қараңыз: https://termincom.kz/search/?termin). Осы тектес «авиатурагентство» деген сөздің «әуетурагенттік» деген баламасын «авиатурагенттік» деп нақтылау қажет.

[13] Сонда.

Habarshysy. - 2015. - №6 (158) // https://articlekz.com/kk/article/23266 (zhygingen kyni: 20.09.2024).

5. Abdulhanova M.A. Təzhikstannan kelgen qazaqtardyң tilindegi fonetikalyq erekshelikter // Tiltanym. - 2017. - №2. - 64-69 b. // https://www.tiltanym.kz/jour/article/view/323/156?locale. (zhygingen kyni: 20.09.2024).

6. Omarbekova G.Ə. Til zhəne zhahandanu: Oқu құraly. – Nұr-Sұltan: «Fastprint» baspasy, 2019. – 160 b.

7. Zaңnama terminderinің қazaқsha-oryssha, oryssha-қazaқsha sөzdigi (30 myңnan astam termin men tұraқty tirkester). – Astana: «Қazaқstan Respublikasynyң Zaңnama instituty» MM, 2015. - 483 b.

8. Ajmaғambet A. Inflјacija yryқ bermej tұr // https://egemen.kz/article/326700-inflyatsiya-yryq-bermey-tur (zhygingen kyni: 20.09.2024).

9. Orfografijalyқ sөzdik / Құrast.: N. Uəliұly, A. Fazylzhanova, Қ. Kyderinova, F. Ənes. – Almaty: Til bilimi instituty, 2007. – 480 b.

UDC 341.1/8
SRSTI 10.87.79

THE HALAL INDUSTRY'S IMPACT ON INTERNATIONAL TRADE LAW. CHALLENGES BEFORE KAZAKHSTAN

Abylay Akay Kuanushuly
LLM in Law, Senior Lecturer at SDU University; Kaskelen c., Republic of Kazakhstan; e-mail: abylay.akay@gmail.com

Abstract. *This article examines the growing significance of Halal standards in international trade law, which is becoming increasingly relevant as the global Muslim population grows and the demand for Halal products rises. As more Muslim countries enforce strict rules around Halal labeling and certification, these requirements impact trade with non-Muslim countries, particularly within the frameworks set by the World Trade Organization (WTO). The article focuses on the regulation of Halal food products, which are much more established than Halal standards in other sectors like banking, medical services, and tourism. By looking at Kazakhstan's experience, where the Halal industry is rapidly expanding, the article highlights both the opportunities and challenges this growth presents for local regulation and international trade. It discusses the need for a clear, unified international legal framework that aligns Halal standards with WTO rules to help ease trade tensions and promote fair practices. The article also emphasizes that while Halal food regulations are relatively advanced, there's still much work needed to ensure consistent Halal standards across all sectors, thereby supporting the rights of Muslim consumers and fostering more inclusive global trade.*

Keywords: *international trade law; halal industry; halal standards; international law; WTO.*

ВЛИЯНИЕ ХАЛАЛ ИНДУСТРИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО. ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД КАЗАХСТАНОМ

Акай Абылай Куанышулы
Магистр юридических наук, старший преподаватель университета СДУ; г. Каскелен, Республика Казахстан; e-mail: abylay.akay@gmail.com

Аннотация. *В данной статье рассматривается растущее значение стандартов Халяль в международном торговом праве, которое становится все более актуальным по мере увеличения численности мусульманского населения в мире и роста спроса на халяльные продукты. По мере того как всё больше мусульманских стран вводят строгие правила по маркировке и сертификации Халяль, эти требования влияют на торговлю с немусульманскими странами, особенно в рамках, установленных Всемирной торговой организацией (ВТО). Статья сосредоточена на регулировании халяльных пищевых продуктов, которые гораздо более развиты по сравнению со стандартами Халяль в других секторах, таких как банковское дело, медицинские услуги и туризм. Рассматривая опыт Казахстана, где индустрия Халяль стремительно развивается, статья подчеркивает, как возможности, так и вызовы, которые этот рост представляет для местного регулирования и международной торговли. В статье обсуждается необходимость создания четкой и унифицированной международной правовой структуры, которая согласует стандарты Халяль с правилами ВТО, чтобы помочь смягчить торговые трения и способствовать справедливым практикам. В статье также подчеркивается, что, несмотря на то, что регулирование халяльных продуктов питания достаточно развито, необходимо еще многое сделать для обеспечения согласованных стандартов Халяль во всех секторах, тем самым поддерживая права мусульманских потребителей и способствуя более инклюзивной глобальной торговле.*

Ключевые слова: *международное торговое право; халяль индустрия; стандарты халяль; международное право; ВТО.*

ХАЛАЛ ИНДУСТРИЯСЫНЫҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ САУДА ҚҰҚЫҒЫНА ӘСЕРІ. ҚАЗАҚСТАН АЛДЫНДА ТҰРҒАН СЫН-ҚАТЕРЛЕР

Абылай Қуанышұлы Акай
Заң ғылымдарының магистрі, СДУ университетінің аға оқытушысы;
Қаскелен қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: abylay.akay@gmail.com

Аннотация. *Бұл мақалада халықаралық сауда құқығындағы халал стандарттарының өсіп келе жатқан маңызы қарастырылады, ол әлемдегі мұсылман халқының саны артып, халал өнімдеріне сұраныс артқан сайын өзекті бола түсуде. Көптеген мұсылман елдері халалды таңбалау мен сертификаттаудың қатаң ережелерін енгізген сайын, бұл талаптар мұсылман емес елдермен, әсіресе Дүниежүзілік сауда ұйымы (ДСҰ) белгілеген сауда-саттыққа әсер етеді. Мақала банк ісі, медициналық қызметтер және туризм сияқты басқа салалардағы Халал стандарттарымен салыстырғанда әлдеқайда дамыған халал тағамдарын реттеуге бағытталған. Халал индустриясы қарқынды дамып келе жатқан Қазақстанның тәжірибесін қарастыра отырып, мақала бұл өсім жергілікті реттеу мен халықаралық сауда үшін ұсынатын мүмкіндіктерді де, сын-тегеуріндерді де атап көрсетеді. Мақалада халал стандарттарын ДСҰ ережелерімен үйлестіретін, сауда үйкелістерін жеңілдетуге және әділ тәжірибеге ықпал ететін нақты және біртұтас халықаралық құқықтық құрылымды құру қажеттілігі талқыланады. Сондай-ақ, мақалада халал азық-түлікті реттеу жеткілікті дамыған болса да, барлық секторларда халал стандарттарының келісілген стандарттарын қамтамасыз ету, осылайша мұсылман тұтынушыларының құқықтарын қолдау және инклюзивті жаһандық сауданы ілгерілету үшін әлі де көп нәрсе істеу керек екендігі баса айтылған.*

Түйінді сөздер: *халықаралық сауда құқығы; халал индустриясы; халал стандарттары; халықаралық құқық; ДСҰ.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_283

Introduction

Halal standards are gaining importance in both Muslim[1] and non-Muslim countries[2] due to the global increase in the Muslim population and the corresponding rise in demand for halal products[3].

This has led Muslim countries to enforce strict labeling and compliance verification for halal goods, impacting international trade with non-Muslim countries that seek fair trade practices under WTO regulations. As a result, some nations are heightening their domestic and import requirements for halal compliance, while others voice their concerns at WTO forums[4]. In Kazakhstan, where the halal sector shows stable growth, the rising trend of "halalization" poses challenges both domestically and internationally[5]. Nearby countries are also implementing halal-only import regulations[6]. Establishing an effective international legal framework that aligns halal standards with WTO law and harmonizes these standards among members will help ease

[1] *In this article Muslim countries are the eight Islamic states have adopted Islam as the ideological foundation of state and constitution (Afghanistan, Brunei, Iran, Mauritania, Oman, Pakistan, Saudi Arabia and Yemen) and nineteen Muslim-majority states have endorsed Islam as their state religion, and though they may guarantee freedom of religion for citizens, do not declare a separation of state and religion (Algeria, Bahrain, Bangladesh, Comoros, Djibouti, Egypt, Iraq, Jordan, Kuwait, Libya, Malaysia, Maldives, Morocco, Palestine, Qatar, Somalia, Syria, Tunisia, UAE). All other countries will be indicated as non-Muslim countries.*

[2] *4 Reasons the Halal Food Industry is Booming, Widya Herminingsih | Senior Regulatory Manager, // Kerry Digest Group. [Electronic resource] - Access mode: https://www.kerry.com/insights/kerrydigest/2021/halal-food-industry.html, (date of reference: 28.03.2024).*

[3] *Ibid.*

[4] *For example, specific trade concerns of European Union, United States, Brazil raised serious concerns with regard to the Indonesian Halal Product Guarantee Law, No 33, available on – [Electronic resource] - Access mode: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/G/TBT/M75.pdf&Open=True (date of reference: 28.03.2024).*

[5] *Ольга Тонконог. Зачем Минторговли Казахстана вводит новые стандарты халал // Газета Курсив. – 2022. №46 – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kz.kursiv.media/2022-11-24/zachem-mintorgovli-kazahstana-vvodit-novye-standarty-halal/ (дата обращения: 24.03.2024).*

[6] *Таджикистан запретил ввоз «нехаляльной» мясной продукции // Радио Азаттык. – 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/29002646.html. (дата обращения: 20.03.2024).*

tensions and support Kazakhstan's economic collaborations with Muslim nations.

In this article, the focus is specifically on the concept of halal within the realm of international trade law, particularly as it applies to food products. The halal food sector is far more regulated and standardized compared to other sectors such as banking, medical services, tourism, and hospitality, finance and digital services which remain less developed and require more comprehensive legal frameworks. While these areas hold significant potential and are worthy of in-depth exploration, they are beyond the scope of this study and are not covered in this discussion. At the same time, this article indicates that the service sector potentially has great prospects in terms of their compliance with Halal standards.

Methodology and materials

The materials for the study are domestic legislation in the field of certification and labeling, international agreements in the field of international trade law, the works of experts and scientists on the subject under study, analytical materials of international organizations in the trade sphere. The dialectical method of cognition, comparative, heuristic and other methods of scientific research are used as research methods.

Results and discussion

Concept of Halal

Halal is a word of Arabic origin. This religious concept means "permitted". This is all that is allowed and permissible in Islam (the opposite of Haram). This concept is most often used to refer to properly prepared and permitted food for Muslims, but Halal standards are also applicable to chemical goods and even services. The main source of this term is the Holy Quran and Hadith.

Muslim scholars have used various expressions to define halal. According to some of them, it is all that which one is not punished for in its use, and that which the Sharia has allowed [1, p.66]. According to others, it is that which the Quran and the Sunna have permitted on account of a permissible cause [2, p.225].

The opposite of the term halal is the term haram. The source of the forbidden in Islam is also the Holy Quran and the Sunnah of the Prophet. Thus, one of the examples of prohibitions in the Holy Qur'an related to the topic of the study is the prohibition on the consumption of pork[7], alcohol, and gambling[8]. As for the Prophet Muhammad, for example, he forbade eating animals with fangs[9], as well as donkeys[10].

In the last 2 centuries, with the development of the food industry, the advent of food processing processes, food additives, the process of determining the permissibility of a particular product has become more complex.

According to the World Health Organization there are several thousand nutritional supplements, each designed to perform a specific function[11]. Not all dietary supplements comply with Islamic law. Additives based on alcohol, pork, other prohibited animals, or those that are carcinogenic are not allowed. For instance, gelatin derived from pork[12] and certain natural dyes like carmine, extracted from cochineal insects and commonly used in red-colored sodas and desserts, are considered haram (forbidden) in Hanafi, Shafi'i, and Hanbali schools of thought, but permissible in the Maliki school[13].

Thus, today Muslims all over the world need institutions for certification and labeling of permitted products. Since it is difficult and time-consuming to understand the permissibility of each dietary supplement. This has led to the explosive growth of the halal industry.

The total market size of the halal industry is anticipated to expand to $7.7 trillion by 2025, up from $5.7 trillion in 2021[14].

International Trade Center's Executive

[7] *Таджикистан запретил ввоз «нехаляльной» мясной продукции // Радио Азаттык. – 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/29002646.html. (дата обращения: 20.03.2024).*

[8] *Holy Quran 5:90. O believers! Intoxicants, gambling, idols, and drawing lots for decisions1 are all evil of Satan's handiwork. So shun them so you may be successful.*

[9] *Sahih Muslim 1933b - [Electronic resource] - Access mode: https://sunnah.com/muslim:1933b. (date of reference 18.03.2024).*

[10] *Sahih al-Bukhari 4219 - [Electronic resource] - Access mode: https://sunnah.com/bukhari:4219 (date of reference: 19.03.2024).*

[11] *Nutritional Supplements. [Electronic resource] - Access mode: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/food-additives (date of reference: 19.03.2024).*

[12] *Is Gelatin Permissible? - [Electronic resource] - Access mode: https://fiqh.islamonline.net/en/is-gelatin-permissible/ (date of reference: 14.03.2024)*

[13] *Is Carmine Halal? - [Electronic resource] - Access mode: https://chewwies.com/blogs/blog/is-carmine-halal (date of reference: 01.04.2024).*

[14] *Market size of global halal industry to reach $7.7 trillion by 2025. - [Electronic resource] - Access mode: https://www.*

Director Arancha González mentioned that halal sector "is increasingly attracting the attention of policymakers and the private sector as a sector with increasing growth potential" [3, p.1]. At the same time, she also noted the challenges facing the industry "varying interpretations of religious rulings, different standards and constantly evolving regulatory frameworks can easily become obstacles for newcomers to this market"[15].

Thus, the halal industry, with a growing Muslim population and a growing market, will occupy an important place not only among Muslim countries, but also around the world, in this regard, the legal integration of Halal standards into international law and international trade law in particular comes to the fore.

Contemporary issues and effect of halal industry on international trade law

International law provides robust protections for the rights of Muslims, particularly concerning their ability to practice their religion freely, which includes adherence to Halal standards. The Universal Declaration of Human Rights (UDHR) (1948), in Article 18, affirms the right to freedom of thought, conscience, and religion, including the freedom to manifest religion in practice, worship, and observance. This explicitly encompasses dietary practices integral to religious observance, such as the consumption of Halal food. Similarly, the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) (1966), also in Article 18, reinforces the right to freedom of religion, explicitly including the freedom to manifest one's religion in practice and observance. This provision extends to the consumption of Halal food and the use of Halal-compliant services, recognizing them as essential elements of religious practice for Muslims. Furthermore, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) (1966), in Article 11, acknowledges the right to an adequate standard of living, which includes adequate food—interpreted to mean food that meets religious requirements, such as Halal. Article 12 of the ICESCR ensures the right to the highest attainable standard of health, which can include access to culturally appropriate and religiously compliant food and health services. Together, these international instruments provide a strong foundation for protecting the religious rights of Muslims, including their right to Halal-compliant goods and services.

International trade law in turn provides the legal framework for trade between nations, involving a variety of rules, agreements, and institutions designed to facilitate, regulate, and ensure fair global commerce. Central to this framework is the World Trade Organization (WTO), which aims to promote free trade and resolve disputes among its members. The WTO's primary goals are to reduce administrative and customs barriers, settle disputes, and promote the liberalization and freedom of trade. Most disputes adjudicated by the WTO relate to trade barriers that restrict free trade, affecting national or foreign companies. In this context, halal standards and their mandatory compliance to access certain markets may raise concerns about potential violations of international trade law and WTO regulations.

Experts point out that Halal, as a religious principle guiding the Muslim community, is not universally applicable nor clearly confined to specific territories. This poses challenges to secular trade laws and national institutions[16]. Additionally, interpretations of Halal vary and are fragmented even among Muslims themselves.[17]

Halal harmonization among different Muslim countries thus equally remains a challenge[18] .

At the same time, it adds complexity to the situation with low-quality Halal certification[19] .

At the international level, Halal Guidelines for the use of the term 'Halal' were adopted by the Codex Alimentarius Commission in 1997, an intergovernmental food standard-setting body set up jointly by the Food and Agriculture

consultancy.asia/news/5341/market-size-of-global-halal-industry-to-reach-77-trillion-by-2025 (date of reference: 25.03.2024).

[15] Ibid.

[16] Laura Kurth and Pieter Glasbergen, 'Serving a Heterogeneous Muslim Identity? Private Governance Arrangements of Halal Food in the Netherlands', 34 (1) Agriculture and Human Values 103–18 (2017), p.115 https://doi.org/10.1007/s10460-016-9698-z.

[17] Ibid.

[18] Eva Johan, 'New Challenges in ASEAN Regional Market: International Trade Framework on Halal Standard', 18 (1) Jurnal Dinamika Hukum 93 (2018), https://doi.org/10.20884/1.jdh.2018.18.1.809. p.100

[19] There are a lot of examples when the pork DNA was found in halal certified products. Just a few links here: Ариз Салехов. Россельхознадзор: в халяльной колбасе из Свердловской области найдена свинина. // Вечерняя Москва. - [Electronic resource] - Access mode: https://vm.ru/news/1083668-rosselhoznadzor-nashel-svininu-v-halyalnoj-kolbase-iz-sverdlovskoj-oblasti (date of reference: 24.03.2024). В халяльной колбасе обнаружена свинина. // Радио Азаттык. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rus.azattyq-ruhy.kz/world/55513-v-khalialnoi-kolbase-obnaruzhena-svinina (дата обращения: 24.03.2024).

Organization (FAO)/World Health Organization (WHO) with quasi global membership[20].

The Halal Guidelines, along with various standards set by Codex and the OIE, address some elements relevant to national Halal regulations but do not comprehensively cover all facets of Halal oversight. This gap in establishing a comprehensive and uniform global standard for Halal practices is a primary reason for the ambiguity regarding the compatibility of domestic Halal regulations with World Trade Organization (WTO) rules.[21].

So, the Codex does not take into account the nuances of permitted animals among Shiites and Sunnis[22].

Also, the Codex does not take into account the differences between the 4 madhhabs. Fox meat is Halal from the point of view of Malik and Shafi'i representatives, while Shiites, Hanafis and Hanbalis consider it forbidden. There are a lot of contradictions and disagreements among representatives of the religious and legal schools of Islam regarding the prohibition or permission to eat meat of various animals[23].

That is, today in practice and potentially we have a situation where disputes can arise not only between Muslim and non-Muslim states, but also between 2 Muslim ones[24].

Disputes over halal certification, compliance with standards, and contractual agreements may arise between parties involved in international trade. Resolving these disputes can be complex due to differences in legal systems, cultural norms, and interpretations of Islamic principles.

For instance, from 1995 to 2008, only one specific trade concern (STC) related to Halal measures was recorded, whereas there was a significant increase to twelve STCs from 2009 to 2020, indicating that Halal measures have become more prominent at the World Trade Organization (WTO) level. Among these concerns, eleven were associated with the Technical Barriers to Trade (TBT) Agreement, and two were addressed under the Sanitary and Phytosanitary (SPS) Agreement[25].

Moreover, one of these controversial situations led to the WTO proceedings between Brazil and Indonesia.

Indonesia has mandated halal certification for products, including food, by implementing the Halal Product Guarantee Law, Law Number 33 of 2014[26].

The Halal Act enables the government to guarantee and safeguard the ability of Muslims to follow their faith, especially in terms of eating halal food.[27] Article 4 of the Halal Act mandates that all products distributed or sold in Indonesia are required to obtain halal certification and article 47 (1) specifies this requirement to imported products. Through these provisions, the Indonesian government has transitioned the halal certification system from being optional to compulsory[28].

After that Brazil sought discussions with Indonesia about the policy, despite the fact that the act had not yet been implemented. Unable to reach a consensus, Brazil then proceeded to ask for the formation of a panel. Brazil argued that Indonesia is breaching Article III:4 of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), which pertains to the principle of national treatment[29].

---

[20] *Codex Alimentarius. [Electronic resource] - Access mode: https://www.fao.org/3/y2770e/y2770e08.htm (date of reference: 21.03.2024)*

[21] *Eva Johan and Hanna Schebesta. Religious regulation meets international trade law: halal measures, a trade obstacle? evidence from the sps and tbt committees. // Journal of International Economic Law, Volume 25, Issue 1, March 2022, p. 68. - [Electronic resource] - Access mode: https://academic.oup.com/jiel/article/25/1/61/6529219 (date of reference: 21.03.2024).*

[22] *Можно ли употреблять кроличье мясо? - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://islam.kz/ru/questions/veroubejdenie/mojno-li-upotreblyat-kroliche-myaso-197/#gsc.tab=0 (дата обращения: 28.03.2024).*

[23] *[Electronic resource] - Access mode: https://makarem.ir/main.aspx?reader=1&lid=0&mid=73572&catid=6563&pid=72572 (date of reference: 29.03.2024).*

[24] *"Majelis Ulama Indonesia (MUI) views that JAKIM does not conduct complete tests on products with sensory profile. Because of this, Malaysian exporters with JAKIM certification are not allowed to enter the Indonesian domestic market". Matrix of actual cases on NTMs/trade barriers in ASEAN. - [Electronic resource] - Access mode: https://asean.org/wp-content/uploads/Matrix-of-Actual-Cases-as-of-26-April-21.pdf (date of reference: 17.03.2024)*

[25] *Supra note 21.*

[26] *Ruhaeni, N., & Aqimuddin, E. an. (2023). Halal food certification as an exception clause under the rule of the WTO-GATT: An Indonesia experience. Cogent Social Sciences, 9(2). https://doi.org/10.1080/23311886.2023.2260160. p.9.*

[27] *Ibid.*

[28] *Limenta, M., Edis, B. M., & Fernando, O. (2018). Disabling labelling in Indonesia: Invoking WTO laws in the wake of halal policy objectives. World Trade Review, 17(3), https://doi.org/10.1017/S1474745617000167. p. 452.*

[29] *Indonesia — Measures Concerning the Importation of Chicken Meat and Chicken Products. [Electronic resource] - Access mode: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds484_e.htm (date of reference: 21.03.2024).*

The WTO panel recognized Indonesia's rationale for enacting the Halal Act to protect the religious practices of its mainly Muslim population. Additionally, the panel rejected Brazil's claim that Indonesia violated national treatment principles, citing Brazil's failure to demonstrate how Indonesia's policies directly harmed the competitiveness of imported products relative to domestic ones[30].

Indonesia defended its halal food regulations by citing Article XX(d) of the GATT, which permits measures necessary to comply with national laws, instead of using Article XX(a) related to public morals. Although the WTO panel ruled that Indonesia did not violate the national treatment principle of GATT 1994's Article III:4, it still scrutinized the Halal Act for potential discriminatory elements. This makes the case concerning Indonesia's chicken imports crucial for evaluating whether the Halal Act's certification and labeling requirements might conflict with GATT standards[31].

The situation with the provision of services in accordance with the GATS agreement is even more complicated and confusing. Similarly, with the GATT agreement GATS agreement was established to promote and liberalize trade in services worldwide.

In practice, there are cases when Muslim states have banned the screening of films or banned certain video games for showing footage that is not allowed in Islam or offends Muslims. All this could potentially lead to WTO proceedings and Muslim states should have a firm, reasoned position on why their ban does not violate international trade law[32].

To address the challenges in halal goods trade, establishing universally accepted international halal standards is crucial, especially since current standards do not exist and need to incorporate differences among Shiite and Sunni practices, including the four Sunni legal schools. As well as standards that establish requirements for Halal certification bodies. With about 80% of certification agencies based in non-Muslim countries and total numbers ranging from 500 to 3000 worldwide, uniform standards are essential.[33]

Among the most famous international certification agencies: The National Standards of the ESMA Office for Standardization and Metrology (UAE), the Standards of the Gulf Organization GSO, the Standards of the Institute of Standardization and Metrology of Islamic Countries, the National Standard of Malaysia and others[34].

Previous studies have revealed that international halal standards, although they have a lot in common, have certain differences. The authors of the study conclude that the lack of uniform harmonized standards hinder and limit the growth of the halal industry[35]. In addition, this situation can create artificial barriers to trade.

Additionally, robust certification and accreditation systems are necessary to ensure products and services meet halal requirements. This involves accrediting certifying bodies to guarantee their ability to impartially verify halal compliance.

In the area of services, comprehensive theoretical training on what is permissible is needed to prevent individual prohibitive measures by Muslim countries on certain services, which could lead to international tension and negatively impact the perception of Islam.

Challenges before Kazakhstan

The halal industry in Kazakhstan is developing at the same rapid pace as in the world. The market is now estimated at between 1.5 and 2.2 billion US dollars, with an optimistic growth potential of up to 4.1 billion in 2028, adding up to 10-15% annually. Currently, Kazakhstanis spend about 17% of their consumer basket on halal food. And by 2025, according to expert estimates, they will reach at least 20%. According to experts, today in Kazakhstan more than 70% of meat processing

[30] *Ibid.*

[31] *Ibid.*

[32] *For example, Fortnite faces ban in Indonesia after minister brands it blasphemous to Muslims. Access mode: URL: https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3140205/fortnite-faces-ban-indonesia-after-minister-brands-it. (date of reference: 24.03.2024). Morocco says Exodus film 'represents God' and is forbidden in Islam. - [Electronic resource] - Access mode: https://www.theguardian.com/world/2014/dec/27/morocco-exodus-ban-islam-represents-god. (date of reference: 22.03.2024).*

[33] *Salama. WHS: Harmonising Halal Standards Within The ASEAN Region, // Halal Focus, April 6th, 2015. - [Electronic resource] - Access mode: http://halalfocus.net/whs-harmonising-halalstandards-within-the-asean-region/ (date of reference: 15.03.2024).*

[34] *Что нужно знать о Халяль. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://foodsafety.ru/halal. (дата обращения: 20.08.2024).*

[35] *Lutfika E., Kusnandar F., Hunaefi D. Comparative Analysis and Harmonization of Global Halal Standards. International Journal of Halal Research. ISSN 2721-7868 Vol. 4, No. 1, June 2022, pp. 29-39.*

and 50-60% of the main market positions itself as halal[36].

At the same time, legislative regulation, as well as the harmonization of the requirements for halal certification, has not yet kept pace with reality.

To date, Kazakhstan has adopted 18 standards related to the halal industry. The first Halal standard adopted is ST RK 1353-2005 "Boiled sausages "Halal"[37]. General Technical Conditions" effective January 1, 2006. These standards can be conditionally divided into the following categories: management system standards - 4, standards for food products - 4, standards for certification bodies - 3, standards for cosmetics - 2, standards in tourism - 2, standards for the halal sign - 1, standards for catering facilities - 1, general standards - 1.

As noted earlier, the protection of the rights of believers, including Muslims, in the practice of their religion is protected by international law, namely, a number of conventions to which Kazakhstan is a party, which also obliges our government to protect and respect the rights of Muslims in Kazakhstan.

At the same time, unfortunately, there are facts of violations of the rights of Muslim believers in this direction.

In Kazakhstan, it was found that about a third of products labeled "halal" contained pork. Official data from the Ministry of Health showed that out of 1,406 samples taken from 2015 to 2022, pork components were found in 506 samples[38] .

The Code of Administrative Offences of the Republic of Kazakhstan (here and after – Code) provides for the responsibility of misleading about consumer properties or the quality of goods (work, services) or other deception of consumers by individual entrepreneurs or organizations engaged in trading activities and the provision of services due to unfair advertising[39].

At the same time, in the case of Article 190 of the Code, the object, that is, the victim of an offense, is the consumer.

According to Part 1 of Article 745 of the Code, the victim is a natural or legal person who has suffered physical, property or moral harm by an administrative offense.

The case of an administrative offense is considered with the participation of the victim. In his absence, the case may be considered only in cases where there is evidence of proper notification of the place and time of consideration of the case and if there has been no request from him to postpone consideration of the case.

Accordingly, the presence and participation of the consumer as a victim in the case of an administrative offense under the commented article is mandatory.

At the same time, it remains unclear how the consumer can determine whether meat or sausage was produced according to all halal standards and whether, for example, it does not have pork DNA.

Moreover, the sanction of the article provides for a minor fine, for example, for small businesses – in the amount of twenty MCI (73840 tenge).

All this creates a situation convenient for unscrupulous entrepreneurs, due to the extreme difficulty in bringing them to justice and small fines.

In practice, the certifying agency itself has to go to court to hold unscrupulous manufacturers accountable for the unjustified use of halal labeling, at least to date, there is 1 court case on this issue[40].

At the same time, the question arises about the certification agencies' responsibility. Their responsibility is provided for in Article 415-1 of the Code, in particular for violations of the rules for conducting procedures for confirmation and (or) conformity assessment, verification of measuring instruments, unreliability of test results during confirmation and (or) conformity assessment, verification of measuring instruments, as well as the issuance

[36] *Supra note 5.*

[37] *The information is taken from the online store of the Kazakhstan Institute of Standardization and Metrology. - [Electronic resource] - Access mode: https://new-shop.ksm.kz/ (date of reference: 21.08.2024).*

[38] *Makarov A., 30% of halal products in Kazakhstan contain pork, the Ministry of Health reports. [Electronic resource] - Access mode: https://bizmedia.kz/2023-08-31-30-produkczii-halal-v-kazahstane-soderzhit-svininu-soobshhaet-minzdrav/ (date of reference: 21.08.2024).*

[39] *Кодекс Республики Казахстан Об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z1838 (дата обращения: 05.03.2024).*

[40] *Оштрафовано предприятие, незаконно использовавшее знак «QMDB Halal». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://halaldamu.kz/ru/p/oshtrafovano-predpriyatie-nezakonno-ispolzovavshee-znak-qmdb-halal (дата обращения: 16.03.2024).*

of documents confirming compliance, and the issuance of a certificate of verification of measuring instruments without mandatory procedures[41].

At the same time, despite the numerous facts of violations identified, the responsibility lies with entrepreneurs, there are no facts of holding certification agencies accountable. In this regard, this issue remains open.

In this regard, there is a need to adopt a new article of the code bringing to responsibility for false labeling, where the object of the offense will be not only the consumer, but also the rights and interests of the state, which will allow authorized bodies to conduct random checks of products for their compliance with Halal standards.

Transparency in certification processes is a significant concern in Kazakhstan, where there are no uniform halal standards. Each certifying body[42] develops its own standards, and obtaining a certificate is voluntary, allowing manufacturers to choose their certifier. The certifying authority also sets the fee for certification, but there is no public information available about the cost of the procedure[43].

It sees the important role of the Ministry of Trade and Integration of the Republic of Kazakhstan in the unification of halal standards used in Kazakhstan. This will bring standards to a common denominator as the number of unscrupulous entrepreneurs grows.

It is also seen as an important role of this Ministry in the unification of halal standards within the framework of the EAEU, the creation of which was announced back in 2019[44], but to date its fate is unknown. Despite the voluntary nature of the certification itself, such a step would increase the trade turnover of goods between countries and increase the level of trust of citizens in halal goods of neighbors and would protect their rights from unscrupulous entrepreneurs.

Moreover, there is no single directory of permitted and prohibited food additives for the mass consumer. With the general growing consumption of Halal products, it would be advisable to develop and publish such a list in Russian and Kazakh languages in the public domain.

In conclusion, it is necessary to touch upon an issue that is still in its infancy and will be relevant in future years. The issue of compliance of modern mass media (books, films, TV series, games, anime, comics, manga) and digital services (mobile applications and social networks) with Halal standards.

The Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan has deemed the use of the TikTok app inappropriate, though such views may be overlooked given the secular nature of the state[45]. In contrast, in 2022, the Ministry of Culture and Sports withdrew a cartoon's rental certificate due to a scene depicting a same-sex kiss, leading to a public outcry and an effective ban on its showing in theaters. The ministry justified its action by citing "citizen requests," despite lacking legal grounds for the recall[46].

This particular ban could be deemed unlawful under the General Agreement on Trade in Services. According to this agreement, member states must offer immediate and unconditional treatment to services and service providers from other member countries that is as favorable as the treatment given to similar services and providers from any other country (Article II)[47]. Article 6 states that in sectors where specific commitments have been made, each member must ensure that all general measures impacting trade in services are administered reasonably, objectively, and impartially[48].

In turn, the concept of a measure in accordance with this agreement is means any measure by a member, whether in the form of

[41] *Supra note 39.*

[42] *In Kazakhstan, the following organizations are engaged in issuing Halal certificates: the republican enterprise KazStandart, the Association of the Halal Industry of Kazakhstan (AHIK), Halal Damu LLP of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan, HALAL Quality Center LLP and others.*

[43] *Supra note 5.*

[44] *В странах ЕАЭС введут единый стандарт халяля. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/679143 (дата обращения: 22.08.2024).*

[45] *TikTok признали харамом: религиозные казахстанцы вынуждены отказаться от популярной соцсети. – [Electronic resource]. - Access mode: https://www.caravan.kz/news/tiktok-priznali-kharamom-religioznye-kazakhstancy-vynuzhdeny-otkazatsya-ot-populyarnojj-socseti-706321 (date of reference: 14.03.2024).*

[46] *Не запрещали, но прокатное удостоверение отозвали. Сколько потеряли кинотеатры из-за отмены «Базза Лайтера». – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://esquire.kz/ne-zapreshhali-no-prokatnoe-udostoverenie-otozvali-skolko-poterjali-kinoteatry-iz-za-otmeny-bazza-lajtera/ (дата обращения: 14.03.2024).*

[47] *General Agreement On Trade in Services. – [Electronic resource]. - Access mode: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats.pdf (date of reference: 20.03.2024).*

[48] *Ibid.*

a law, regulation, rule, procedure, decision, administrative action, or any other form.

In this case, the revocation of the rental certificate can be regarded as a decision or administrative action.

At the same time, the same agreement provides that the State may apply measures restricting free trade of services are not applied in a manner which would constitute a means of arbitrary or unjustifiable discrimination between countries in order to protect public morals or to maintain public order.

Under international trade law, states determine their own standards of public morality. Consequently, Kazakhstan can limit the showing of films that promote values contrary to those of its population, but it should formalize such decisions through regulations or directives to prevent accusations of arbitrary discrimination. Similarly, as religious awareness and the demand for halal products increase in Kazakhstan, there is a growing focus on the Islamic permissibility of services, media, and digital content. In the case of the development of international halal standards in the field of art, it seems necessary for Kazakhstan to introduce similar standards to protect public morality and the rights of Muslims in Kazakhstan, since halal standards apply not only to what we consume and use, but also to what we see and hear. This highlights the need for more detailed work on harmonizing Halal standards and developing criteria for digital services and films to align with Islamic norms.

Conclusion

The global expansion of the Halal industry highlights the growing importance of harmonizing Halal standards within the framework of international trade law. As has been demonstrated, Halal standards are not only vital to ensure that Muslims' religious obligations are respected, but also have significant implications for international trade, especially as non-Muslim countries seek to enter markets where the majority of the population is Muslim. The need for universal standards and reliable certification processes is crucial to eliminate trade barriers and ensure fair trade practices within the WTO. Moreover, as the Halal industry spreads not only to food, but also to services and other sectors, it is becoming increasingly important to develop a comprehensive legal framework that takes these changes into account and respects religious freedoms and cultural identity, as enshrined in international human rights instruments.

The experience of Kazakhstan shows the complexity and challenges associated with regulating the halal market, which reflects broader global trends. Despite significant growth potential, the lack of standardized Halal certification and fraudulent practices highlight the need for increased regulatory oversight and international cooperation. In order to protect the rights of Muslim consumers and increase confidence in halal products on the global market, countries must adopt common standards and ensure transparency and accountability in halal certification processes. In addition, since the concept of Halal extends to areas such as digital services and media, the development of detailed criteria that comply with Islamic norms will be crucial both for the observance of religious rights and the principles of international trade. Addressing these challenges will require joint efforts by Governments, international organizations and stakeholders in the halal industry to create a more inclusive and fair global trading system.

REFERENCES

1. Al-Jurjānī, A. Kitāb al-Taʿrīfāt. - Beirut: Dar al-Fikr, 1997. – p.336.

2. Al-Thānawi, M.A. Kash-shāf Iṣṭilāḥat al-Funūn. - Beirut: Dar al-Kotob al- Ilmiyah, vol. 1, 1998. – p. 475.

3. Evans A., Syed S. From niche to mainstream Halal Goes Global. – Geneva: International Trade Centre (ITC), 2015. – p. 58.

УДК 336.27
ГРНТИ 10.21.63

ВИДЫ НАЛОГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ДОПУСТИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ВЗАИМНОГО СОГЛАСОВАНИЯ В РАМКАХ НАЛОГОВЫХ КОНВЕНЦИЙ

Смагулова Томирис Сайлауовна
LL.M., докторант 1 курса, УО «Каспийский общественный университет»; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: tomiris0103@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0922-8146

Аннотация. *В данной статье автор исследует виды налогового поведения и их отличительные особенности как главный критерий допустимости применения международно-правовых механизмов урегулирования международных налоговых споров, в частности процедуры взаимного согласования. Процедура взаимного согласования (Mutual Agreement Procedure - MAP) является ключевой межведомственной административной процедурой, предусмотренной во всех налоговых соглашениях (конвенция) об избежании двойного налогообложения (DTA). Перед инициированием MAP или применения иных положений DTA компетентные органы должны определить, какой вид налогового поведения имел место быть в конкретной правовой ситуации. На основе анализа международного и национального налогового законодательства, а также практик, регулирующих вопросы, связанные с правомерным и неправомерным поведением налогоплательщика при осуществлении налогового планирования своей финансово-хозяйственной деятельности автором были проанализированы юридические категории, обозначающие виды приемлемого и неприемлемого налогового поведения налогоплательщиков («tax evasion», «tax avoidance», «tax mitigation», «tax planning»), выделены отличительные особенности каждого вида налогового поведения и определены их сходства и различия. В ходе проведенного исследования автором было выявлено отсутствие в международном и национальном налоговом праве единых критериев понимания приемлемого и неприемлемого налогового поведения и обоснована целесообразность закрепления в DTA и в налоговом законодательстве государств соответствующих унифицированных критериев понимания видов налогового поведения с точки зрения допустимости применения к ним MAP или иных положений DTA. Это позволит решить проблему правовой неопределённости в вопросах определения видов налогового поведения и значительно повысит эффективность механизма взимания налогов.*

Ключевые слова: *процедура взаимного согласования, финансово-хозяйственная деятельность, виды налогового поведения, налоговое планирование, избежание двойного налогообложения, приемлемое и неприемлемое поведение.*

САЛЫҚ КОНВЕНЦИЯЛАРЫ ШЕҢБЕРІНДЕ ӨЗАРА КЕЛІСУ РӘСІМІН ҚОЛДАНУҒА ЖОЛ БЕРУ КРИТЕРИЙІ РЕТІНДЕ САЛЫҚТЫҚ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚ ТҮРЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ АЙРЫҚША ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Томирис Сайлауовна Смагулова
LL.M., Каспий қоғамдық университетінің 1 курс докторанты; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: tomiris0103@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0922-8146

Аннотация. *Бұл мақалада автор салықтық мінез-құлықтың түрлерін және олардың ерекшеліктерін халықаралық салықтық дауларды реттеудің халықаралық-құқықтық механизмдерін қолданудың дұрыстығының негізгі өлшемі ретінде зерттейді, оның ішінде өзара келісу процедурасы (Mutual Agreement Procedure - MAP). Өзара келісу процедурасы*

(MAP) – бұл барлық салықтық келісімдерде (конвенциялар) екі рет салық салуды болдырмау туралы келісімдерде (DTA) қарастырылған негізгі ведомстволық әкімшілік процедура. MAP-ты бастамас бұрын немесе DTA басқа ережелерін қолданар алдында, уәкілетті органдар нақты құқықтық жағдайға байланысты қандай салықтық мінез-құлық болғанын анықтауы тиіс. Халықаралық және ұлттық салықтық заңнамаларды, сондай-ақ салық төлеушінің салықтық жоспарлау кезінде заңды және заңсыз мінез-құлқымен байланысты мәселелерді реттейтін тәжірибені талдау негізінде автор салық төлеушілердің қабылданатын және қабылданбайтын салықтық мінез-құлықтарын білдіретін заңды категорияларды («tax evasion», «tax avoidance», «tax mitigation», «tax planning») талдап, әрбір салықтық мінез-құлықтың ерекшеліктерін бөліп, олардың ұқсастықтары мен айырмашылықтарын анықтады. Зерттеу барысында автор халықаралық және ұлттық салықтық құқықта қабылданатын және қабылданбайтын салықтық мінез-құлықты түсінудің бірыңғай өлшемдерінің жоқтығын анықтап, DTA және мемлекеттердің салықтық заңнамасында салықтық мінез-құлық түрлерін түсіну бойынша тиісті біріздендірілген өлшемдерді белгілеудің қажеттілігін негіздеді. Бұл MAP немесе DTA-ның басқа ережелерін қолдану тұрғысынан салықтық мінез-құлық түрлерін анықтау мәселесінде құқықтық белгісіздікті шешуге және салық жинау механизмінің тиімділігін айтарлықтай арттыруға мүмкіндік береді.

Бұл салықтық мінез-құлық түрлерін анықтау мәселесінде құқықтық белгісіздікті шешуге және салық жинау механизмінің тиімділігін айтарлықтай арттыруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: *өзара келісу процедурасы, қаржылық-шаруашылық қызмет, салықтық мінез-құлықтың түрлері, салықтық жоспарлау, екі рет салық салудан жалтару, қабылданатын және қабылданбайтын мінез-құлық*

TYPES OF TAX BEHAVIOR AND THEIR DISTINCTIVE FEATURES AS A CRITERION FOR THE ADMISSIBILITY OF THE APPLICATION OF THE MUTUAL AGREEMENT PROCEDURE IN THE FRAMEWORK OF TAX CONVENTIONS

Smagulova Tomiris Sailauovna
LL.M., 1st year doctoral student at Caspian University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: tomiris0103@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0922-8146

Abstract. *In the article the author examines the types of tax behavior and their peculiarities as the main criterion of admissibility of application of international legal mechanisms of settlement of international tax disputes, in particular, the Mutual Agreement Procedure. The Mutual Agreement Procedure (MAP) is a key inter-agency administrative procedure provided for in all tax treaties (conventions) on the avoidance of double taxation (DTA). Before initiating a MAP or applying other provisions of a DTA, the competent authorities must determine what type of tax behavior has occurred in a particular legal situation. Based on the analysis of international and national tax legislation, as well as practices regulating issues related to lawful and unlawful behavior of a taxpayer in the implementation of tax planning of its financial and economic activities, the author analyzed the legal categories denoting types of acceptable and unacceptable tax behavior of taxpayers ("tax evasion", "tax avoidance", "tax mitigation", "tax planning"), highlighted the peculiarities of each type of tax behavior and identified their similarities and differences. In the course of the study, the author has identified the absence in international and national tax law of unified criteria for understanding acceptable and unacceptable tax behavior. Furthermore, the author has substantiated the expediency of fixing in the DTA and in the tax legislation of states the relevant unified criteria for understanding the types of tax behavior in terms of admissibility of application of MAP or other provisions of the DTA to them. This will facilitate the resolution of the issue of legal uncertainty in the determination of the types of tax behavior and markedly enhance the efficacy of the tax collection mechanism.*

Keywords: *mutual agreement procedure, financial and economic activity, types of tax behavior, tax planning, avoidance of double taxation, acceptable and unacceptable behavior.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_292

Введение

Одним из нормативно установленных способов разрешения международных налоговых споров является процедура взаимного согласования (Mutual Agreement Procedure). На сегодняшний день данный способ разрешения налоговых споров и защиты прав налогоплательщиков является малоисследованным и в недостаточной степени нормативно регламентированным как во внутренних актах национального законодательства Республики Казахстан, так и в международных правовых актах с участием Республики Казахстан. Поэтому данная процедура требует более детального изучения и выработки соответствующих правовых норм, непосредственного её регулирующих как на международном, так и на национальном уровне.

По своей природе, процедура взаимного согласования (далее - «МАР» или взаимосогласительная процедура) представляет собой международную внесудебную процедуру урегулирования международных налоговых споров, которая осуществляется независимо от каких-либо других средств правовой защиты, предусмотренных внутренним законодательством государств. Процедура взаимного согласования, являясь специальной межведомственной административной процедурой, дополняет внутренние процедуры разрешения международных налоговых споров и может быть инициирована одновременно с другими средствами правовой защиты.

Механизм реализации МАР впервые был раскрыт в июне 1998 г. в официальных комментариях к типовой модели налоговой конвенции Организации экономического сотрудничества и развития[1] (далее – ОЭСР). Усовершенствование процедуры проведения МАР было инициировано в июне 2012 г. на VII саммите лидеров стран «Группы 20» (G-20) в п. 14 Плана действий по борьбе с размыванием налоговой базы и выводом доходов из-под налогообложения (BEPS)[2] и зафиксировано в ноябре 2016 г. в Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (MLI BEPS)[3] [1].

На сегодняшний день взаимосогласительная процедура считается в мире одним из самых доступных инструментов урегулирования налоговых споров и защиты прав и законных интересов налогоплательщика. Так, на начало 2020 года количество инициированных МАР в Германии, США превышало 1000, в Индии, Франции – более 900, в России – около 30 [1].

К числу стран лидеров по проведению МАР можно отнести Германию, Бельгию, Францию, Нидерланды, Италию, США, Великобританию, Люксембург, Испанию, Швейцарию, Швецию, Индию, Канаду, Австрию, Данию, Южную Корею, Китай, Японию[4].

Однако несмотря на популярность МАР в мире, механизм реализации, указанной взаимосогласительной процедуры не раскрыт должным образом в международных нормативных правовых актах и во внутреннем законодательстве государств, что вызывает проблемы при его использовании на практике.

В законодательстве ни одного государства нет чётко сформулированного понятия процедуры взаимного согласования; отсутствует классификация споров, подпадающих под юрисдикцию МАР; нет чётких и понятных условий проведения МАР; не закреплено в международном и национальном законодательстве значение актов, выносимых в ходе проведения МАР, а также их соотношение с актами, выносимыми на национальном уровне. Данная правовая неопределённость не даёт такому механизму регулирования международных налоговых споров, как МАР, реализовать свой потенциал в полном объёме и с должной эффективностью.

Статья 25 Модельной Налоговой Конвенции ОЭСР по налогам на доходы и капитал[5]

[1] *Commentaries on the articles of the Model Tax Convention - [Electronic resource] – Access mode: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/model-tax-convention-onincome-and-on-capital-condensed-version-1998_mtc_cond-1998-en (date of reference: 02.11.2024).*

[2] *Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting - [Electronic resource] – Access mode. - https://www.oecd.org/ctp/BEPSActionPlan.pdf (date of reference: 02.11.2024).*

[3] *Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent BEPS - [Electronic resource] - Access mode. https://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf (date of reference: 02.11.2024).*

[4] *OECD (2017), Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017, OECD Publishing. – [Electronic resource] – Access mode: http://dx.doi.org/10.1787/mtc_cond-2017-en (date of reference: 02.11.2024).*

[5] *Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 (Full Version), OECD Publishing, Paris - [Electronic resource] – Access mode: https://doi.org/10.1787/g2g972ee-en (date of reference: 02.11.2024).*

(далее – Модельная Конвенция) регламентирует общие правила проведения процедуры взаимного согласования. Стоит отметить, что законодательно закрепленного понятия «процедуры взаимного согласования» в Модельной Конвенции нет.

Модельная Конвенция ОЭСР, Типовая конвенция ООН либо другие типовые модели в целях унификации и стандартизации, зачастую, выступают правовой основой (типовой формой) для заключения соглашений об избежании двойного налогообложения [2]. Поэтому, как правило, налоговые соглашения об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал (An agreement (a convention) for the avoidance of double taxation and the prevention of fiscal evasion with respect to taxes on income или в кратце «a double taxation agreement – DTA»), заключаемые между государствами различных юрисдикций, содержат статью 25 о MAP, основанную на Модельной Конвенции.

В этой связи важно изначально заметить, что MAP, наряду с другими содержащимися в DTA процедурами и механизмами, нацелено не только на избежание двойного налогообложения, но также и на предотвращение уклонения от уплаты налогов, в том числе и с использованием DTA и MAP. Поэтому перед инициированием MAP в соответствии с DTA компетентные органы договаривающихся государств обязаны убедиться в том, что DTA, в целом, и MAP, в частности, не будут использованы налогоплательщиками в целях уклонения от уплаты налогов в обоих договаривающихся государствах. Если компетентным органом одного из договаривающихся государств или компетентными органами обоих договаривающихся государств предварительно до инициирования MAP или в ходе её проведения будет установлена возможность уклонения налогоплательщика от уплаты налогов по результатам завершения MAP или применения иных положений DTA, то налогоплательщику может быть отказано в проведении в отношении него MAP или применения иных положений DTA. Вследствие этого перед инициированием MAP налогоплательщику важно знать и чётко понимать, в каких случаях ему может быть отказано в проведении MAP и какие со стороны налогоплательщика нежелательные аспекты его налогового поведения могут послужить основаниями для такого отказа.

Для того, чтобы отчётливо представлять себе функционирование предусмотренных DTA механизмов защиты прав налогоплательщиков от двойного налогообложения и одновременной защиты прав договаривающихся государств от уклонения от уплаты налогов со стороны налогоплательщиков, необходимо для начала исследовать вопрос о том, что из себя представляет DTA, какие цели оно преследует и какие виды нежелательного налогового поведения со стороны налогоплательщиков оно призвано распознавать и предотвращать.

Материалы и методы

Исследование основывается на анализе международного налогового законодательства и практик, регулирующих вопросы, связанные с правомерным и неправомерным поведением налогоплательщика при осуществлении налогового планирования своей финансово-хозяйственной деятельности.

В рамках исследования особое внимание автор уделяет анализу Модельной Налоговой Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития по налогам на доходы и капитал, налоговым соглашениям об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов, заключаемым между двумя и (или) более государствами, а также налоговому законодательству различных стран мира.

В исследовании автор использовал сравнительно-правовой метод, который позволил проанализировать юридические категории, обозначающие виды приемлемого и неприемлемого налогового поведения налогоплательщиков («tax evasion», «tax avoidance», «tax mitigation», «tax planning»), выявить отличительные особенности каждого вида налогового поведения и определить их сходства и различия.

Результаты и обсуждение

Самыми распространенными видами международных договоров в области налогообложения, как отмечает Е.В. Порохов, являются двухсторонние межправительственные соглашения (конвенции) об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал и предотвращении уклонения от уплаты налогов (далее – DTA) [2].

DTA представляет собой вид международного договора, который заключается между правительствами двух или более государств (межправительственный договор) и направлен на устранение двойного налогообложения налогоплательщиков - рези-

дентов одного или обоих договаривающихся государств в отношении налогов на доходы и капитал, а также на предотвращение уклонения от уплаты налогов («tax evasion») в трансграничных операциях, в том числе на предотвращение незаконного избежания от налогообложения посредством злоупотребления правами, предоставленными международным договором, и (или) недобросовестного использования его положений («tax avoidance»).

Государство подписывает соглашение об избежании двойного налогообложения с другим государством для достижения следующих целей:

1) для защиты граждан и предприятий - налоговых резидентов, договаривающихся государств от риска двойного налогообложения, то есть при наличии DTA между двумя странами налогоплательщики будут платить налоги только в одном из договаривающихся государств;

2) для предотвращения уклонения от уплаты налогов. Налогоплательщики могут уклоняться от уплаты налогов, если они являются налоговыми резидентами более чем одной страны. Они могут делать это намеренно с нарушением норм налогового законодательства (tav evasion) или без нарушения норм налогового законодательства (tax avoidance, tax mitigation, tax planning), в том числе используя пробелы в законодательстве.

В международном налоговом праве существуют четыре основных понятия: «tax evasion», «tax avoidance», «tax mitigation», «tax planning», которые так или иначе используются для обозначения приемлемого и неприемлемого с точки зрения закона налогового поведения [3].

Tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning представляют собой четыре самые распространённые практики во всем мире, используемые налогоплательщиками для избежания и уклонения от уплаты налогов, а также снижения налогового бремени. Более того существуют также смежные понятия «tax fraud», «tax abuse», «aggressive tax planning practices» и т. п. Все эти концепции направлены на уменьшение налогового бремени, использование налоговых льгот или предотвращение возникновения налоговых обязательств [4].

Точного и унифицированного перевода трёх терминов – tax evasion, tax avoidance, tax mitigation – в русском языке нет, чего не скажешь про tax planning (налоговое планирование). Данная проблема – лингвистическая. Важно отметить, что любой перевод словосочетаний tax evasion, tax avoidance, tax mitigation [5] на русский язык будет не совсем корректным и могущим ввести в заблуждение относительно истинной сущности и значения переводимого понятия.

В налоговом праве государств постсоветского пространства применительно к рассматриваемым понятиям существует целый ряд категорий (минимизация, планирование, оптимизация, уклонение, избежание, уменьшение и др.), которые зачастую используются взаимозаменяемо. Однако такие специфические термины как tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning ни в одном из государств постсоветского пространства на законодательном уровне не закреплены и не определены. Для раскрытия сущности терминов tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning данная терминология будет использоваться на английском языке.

Определение понятий, правовой природы и особенностей по отношению друг к другу всех вышеназванных терминов важно, так как каждое из них описывает разные виды налогового поведения, которое порой характеризуется различными аспектами проявления истинных намерений налогоплательщиков (агрессивность в налоговом планировании, умысел на уклонение от уплаты налогов путём нарушения налоговых законов или злоупотребление предоставленными по закону правами либо недобросовестное использование положений международных договоров с единственной целью избежания от исполнения налоговых обязательств).

Важно отметить, что самостоятельных подробных научных исследований, посвящённых всецело раскрытию понятий tax evasion, tax avoidance и tax mitigation и установлению их отличий друг от друга в целях прогнозирования предсказуемой реакции государств на каждое из них, очень мало, и нет единого мнения относительно правовых последствий со стороны государств для каждого из данных видов налогового поведения. В первую очередь, это связано с тем, что в каждой юрисдикции понимание данных правовых категорий различно, и, соответственно, законодательная база, непосредственно регулирующая данные виды налогового поведения, также отличается.

Но даже в тех немногочисленных научных работах, которые посвящены исследованию налогового поведения и его видов, несмотря на подробное описание самих этих видов,

не усматривается существенного, на наш взгляд, различия между ними по критерию предсказуемости негативной реакции на них государства в своём законодательстве.

Так, например, в своей статье Е.А. Имышенова предлагает наиболее приемлемую с указанной выше точки зрения структуру понятий, которая, как отмечает автор, существенно не отличается от той, которая принята в мировой налоговой практике:

- Tax evasion означает поведение, направленное на прямое нарушение закона с целью уменьшения налоговой обязанности. Назовём это «черными» схемами, то есть явно противозаконными.

- Tax avoidance – «серая» схема, в которой налогоплательщик использует средства, прямо не запрещённые законом, но которые, по выражению лорда Темплемана, «сужают сферу действия налога вопреки намерениям законодателя».

- Tax mitigation – исключительно законное уменьшение налоговой обязанности («белая» схема). Эта категория характеризуется тем, что оптимизация налогов происходит экономически естественно и не включает искусственных действий (artificial steps), направленных исключительно на уменьшение налогов [3].

Вместе с тем, вышеназванные определения дают лишь общую картину понимания видов налогового поведения, однако детализированных критериев их разграничения нет. Как отмечает А.В. Демин, одного лишь дихотомического критерия «законно/незаконно» для разграничения данных видов налогового поведения – недостаточно [4]. Поэтому очень важно определить критерии разграничения данных видов налогового поведения.

Мы попытаемся сформулировать понятия, определить правовую природу и особенности разграничения данных видов налогового поведения: tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning.

Tax evasion (уклонение от уплаты налогов) – это предположительно противоправное поведение физических и юридических лиц, сформировавшееся после возникновения налоговых обязательств, осуществляемое путём сокрытия от налоговых органов истинного положения дел в своей финансово-хозяйственной деятельности, характеризующее существование перед государством налоговой задолженности и преследующее цель её непогашения из корыстных побуждений.

Юридический словарь Блэка (The Black's Law Dictionary)[6] определяет уклонение от уплаты налогов как умышленную попытку преодолеть или обойти налоговое законодательство, чтобы незаконно уменьшить свои налоговые обязательства [6].

Распространёнными примерами tax evasion являются:

- непредставление налоговым органам или искажение в отчётности данных о доходах (занижение доходов);

- помимо явного искажения данных о доходах, ещё одним способом занижения доходов является так называемое структурирование. Структурирование — это метод искусственного уменьшения суммы вкладов, снятий и переводов до уровня, не соответствующего требованиям банковской отчётности. Поскольку это делается для того, чтобы избежать обнаружения реального дохода, это является противоправным поведением.

- сокрытие доходов от декларирования путём совершения операций с наличными деньгами или другими средствами без соответствующих документов (квитанция и т.д.);

- вывод и сокрытие денег, акций или других активов на счетах в оффшорных банках;

- неправильное отражение личных расходов в качестве коммерческих расходов, уменьшающих налогооблагаемую базу;

- использование имущества компании в личных целях без уважительной причины.[7]

Tax avoidance (избежание уплаты налогов) - это правомерное поведение физических и юридических лиц в финансово-хозяйственной деятельности, сформировавшееся до возникновения налоговых обязательств, осуществляемое путём использования предусмотренных в нормах налогового права прав на льготы, вычеты, корректировки налоговой базы и суммы налогов для минимизации налогового бремени в будущем и не влекущее образование налоговой задолженности.

Согласно юридическому словарю Блэка (The Black's Law Dictionary)[8] , tax avoidance определяется как использование законных

[6] *Юридический словарь Блэка (The Black's Law Dictionary) является наиболее часто используемым юридическим словарём в Соединённых Штатах.*

[7] *Юридический словарь Блэка (The Black's Law Dictionary) является наиболее часто используемым юридическим словарём в Соединённых Штатах.*

[8] *Final Report of European Commission "Aggressive tax planning indicators" - [Electronic resource] – Access mode: https://irihs.ihs.ac.at/id/eprint/4590/1/2017-loretz-sellner-brandl-aggressive-tax-planning-indicators.pdf (date of reference: 11.11.2024).*

возможностей налогового планирования для минимизации своих налоговых обязательств.

Налогоплательщики обычно рассматривают tax avoidance как своё законное право организовать свою финансово-хозяйственную деятельность таким образом, чтобы минимизировать своё налоговое бремя в будущем.

Иногда tax avoidance подразделяют на приемлемое (acceptable) и неприемлемое (unacceptable) поведение, чтобы разграничить действия, направленные на минимизацию налоговых обязательств в соответствии с целью налоговых законов, и действия, противоречащие намерениям законодателя [3].

Распространёнными примерами tax avoidance являются:

- вычитаемые расходы: использование вычитаемых расходов, таких как расходы на ведение бизнеса, медицинские расходы, проценты по ипотеке и благотворительные пожертвования, для уменьшения налогооблагаемого дохода.

- оффшорные счета и налоговые гавани: хранение денег на офшорных счетах или в странах с низким или нулевым подоходным налогом для снижения общего налогового бремени.

- перераспределение доходов: перевод дохода от лица, облагаемого более высоким налогом, к лицу, облагаемому более низким налогом, часто в рамках семьи, с целью получения выгоды от более низких налоговых ставок.

- прирост и убытки капитала.

- выбор субъекта предпринимательской деятельности: структурирование бизнеса под определённый тип организации (например, АО, ТОО, ИП, некоммерческая организация) с целью получения более благоприятного налогового режима, предусмотренного для конкретных организационно-правовых форм.

- амортизация: использование амортизационных отчислений по бизнес-активам для уменьшения налогооблагаемого дохода.

- трансфертное ценообразование в рамках транснациональных корпораций, консорциумов или финансово-промышленных групп с целью перераспределения между ними доходов и расходов в соответствии с предполагаемой налоговой нагрузкой в каждом государстве нахождения их структурных единиц или подразделений [7].

- налоговые соглашения: использование налоговых соглашений между странами для минимизации налогового бремени [7] для физических и юридических лиц, ведущих деятельность за рубежом.

- семейные трасты и планирование наследства: использование трастов и методов планирования наследства для передачи активов будущим поколениям с меньшими налоговыми последствиями .

Tax avoidance, как отмечали Дэвид Фернандес и Керри Садик, является достаточно спорным политико-социальным феноменом, так как налогоплательщики используют имеющиеся в налоговом законодательстве лазейки (loopholes) для сокращения своего налогового бремени [8].

Tax mitigation (налоговое смягчение) – это правомерное поведение физических и юридических лиц в финансово-хозяйственной деятельности в соответствующей социальной или экономической сфере, на соответствующей территории или с привлечением соответствующих лиц путём использования фискального стимула (налоговой льготы), предусмотренного налоговым законодательством, для того чтобы смягчить налоговое бремя или вовсе не платить налоги.

Примером tax mitigation может служить создание предприятия в особой (или специальной) экономической зоне (ОЭЗ, СЭЗ) с целью получения налогового освобождения (sun rise clause). В этом случае налогоплательщик использует фискальный стимул в виде налоговой льготы, предоставляемой ему положениями об ОЭЗ (СЭЗ). Таким образом, в соответствии с налоговым законодательством допускается смягчение налогового бремени.

Tax planning (налоговое планирование) – это правомерное поведение физических и юридических лиц до начала осуществления какой-либо финансово-хозяйственной деятельности, направленное на уменьшение их расходов на уплату налогов, сборов, пошлин и других обязательных платежей путём анализа общей финансовой ситуации и выработки соответствующего финансового плана.

Как правило, tax planning проводится до начала осуществления какой-либо финансово-хозяйственной деятельности, так как налогоплательщику необходимо заблаговременно учесть, какие налоги и в каком объёме придётся заплатить в ходе осуществления соответствующей финансово-хозяйственной деятельности.

Несмотря на то, что tax planning является неотъемлемой частью финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, своего законодательного закрепления и официального определения данный вид налогового поведения не имеет. Данная право-

вая неопределенность приводит к тому, что вызывает большие трудности на практике, особенно при определении правомерного и неправомерного поведения налогоплательщика при осуществлении налогового планирования своей финансово-хозяйственной деятельности.

В ходе проведённого анализа можно сделать вывод, что tax mitigation и tax planning по своей природе являются правомерными действиями со стороны налогоплательщиков, направленными на смягчение и снижение налогового бремени в ходе осуществления ими финансово-хозяйственной деятельности.

Самыми резонансными и распространёнными видами налогового поведения по всему миру являются tax evasion и tax avoidance. Определить чёткие границы данных видов налогового поведения очень сложно, их грань размыта и неоднозначна. Это связано в первую очередь с различным пониманием данных видов налогового поведения в каждой отдельно взятой юрисдикции.

Однако в ходе изучения особенностей каждого вида налогового поведения мы выделили следующие основания разграничения tax evasion и tax avoidance, не зависящие от вида юрисдикции:

1. Планирование, направленное на снижение налогового бремени без нарушения законодательных норм, называется tax avoidance. Незаконные действия, совершаемые с целью уклонения от уплаты налогов, называются tax evasion.

2. Договорённость о tax avoidance заключается до возникновения налогового обязательства. В отличие от tax evasion, где меры по снижению налогового бремени принимаются уже после возникновения налогового обязательства [7].

3. Tax avoidance подразумевает хеджирование налога, а tax evasion - его сокрытие.

4. Tax avoidance направлено на минимизацию налогового бремени путём применения норм закона. Tax evasion позволяет минимизировать налоговые обязательства, используя недобросовестные методы, неисполнение или ненадлежащее исполнение существующих обязанностей, присвоение несуществующих прав или злоупотребление существующими правами.

5. Tax avoidance предполагает использование пробелов в законодательстве. И наоборот, tax evasion включает в себя намеренное сокрытие существенных для целей налогообложения фактов.

6. Tax avoidance полностью законно, соответствует формальным требованиям законодательства, в то время как tax evasion является противоправной деятельностью.

7. Результатом применения tax avoidance является законное уменьшение суммы налога или отсрочка (рассрочка) уплаты налога без применения мер принуждения и юридической ответственности, в то время как последствием применения tax evasion, если налогоплательщик признан виновным в этом, является полное взыскание налоговой задолженности, а также применение к правонарушителям мер юридической ответственности в виде либо лишения (ограничения) свободы, либо штрафа, либо и того, и другого.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день налогоплательщики при планировании и осуществлении своей финансово-хозяйственной деятельности очень часто используют различные стратегии и модели приемлемого и неприемлемого с точки зрения закона налогового поведения с целью избежания и уклонения от уплаты налогов, а также для снижения своего налогового бремени.

Заключение

Свободное перемещение капитала, рабочей силы, товаров и услуг на мировых и региональных рынках, создание и функционирование транснациональных корпораций, активное участие граждан и организаций в международной кооперации, совершение ими трансграничных сделок и вызванная этим международная экономическая интеграция, как отметил Е.В. Порохов, вызывает необходимость в правовом регулировании возникающих при этом отношений как на национальном, так и на международном уровне [2].

На сегодняшний день в законодательстве многих государств единое унифицированное технико-юридическое определение таких видов налогового поведения, как tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, отсутствует. Нет единого понимания и мнения в отношении правовой природы данных видов налогового поведения и нет чётко сформулированных критериев их разграничения.

Неточности терминологии, отличающие предположения относительно правовой природы и критериев различия видов налогового поведения, приводят к значительным проблемам при их использовании на практике как внутри отдельно взятого государства, так и на международном уровне.

Как удачно выразился Карл фон Гок: «Закон должен отличаться строгой последовательностью, внутренней связью, полнотой, совершенной определенностью, вразумительностью и ясностью; так чтобы плательщик податей знал с точностью свои обязанности, чтобы произволу дано было как можно менее пространства … [9]».

А.Т. Шаукенов особо подчеркивал, что «все вводимые государствам категории должны быть всесторонне определены и закреплены в законе, так как они имеют существенное значение при реализации налогового обязательства [9]». Поэтому, как отмечал А.Т. Шаукенов, в законе необходимо в первую очередь отразить всю архитектонику исполнения налогового обязательства [9].

С точки зрения Сихата Онера, настало время признать, что правильное использование терминологии не просто «вопрос семантики» [10]. Отсутствие ясности при концептуализации и употреблении налоговых понятий нарушает принцип правовой определённости, выступающий обязательным компонентом верховенства права, а также отрицательно влияет на корректность (correctness) судебных решений [4].

Как было отмечено ранее, Соглашение (конвенция) об избежании двойного налогообложения (DTA) представляет собой международный договор, заключённый между правительствами двух государств, непосредственно регулирующий отношения в сфере налогообложения, в том числе вопросы, связанные с видами налогового поведения: tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning. Ввиду того, что правительства различных государств, подписывающие данные соглашения, не всегда принадлежат одной системе права, понимание ими многих правовых категорий, в том числе приемлемого и неприемлемого налогового поведения налогоплательщиков, и подходы к их определению различны. И в результате это порождает вопросы и противоречия на практике.

Особенно значительные несоответствия в толковании и применении видов налогового поведения возникают при использовании различных международно-правовых механизмов урегулирования международных налоговых споров, в которых затрагиваются права резидентов разных государств и, порой, разных правовых юрисдикций. Так, при проведении процедуры взаимного согласования (MAP), компетентные органы договаривающихся государств обязаны убедиться, что DTA, в целом, и MAP, в частности, используются налогоплательщиком в законных целях и налогоплательщик не преследуют цель избегания или уклонения от уплаты налогов в обоих договаривающихся государствах, в противном случае налогоплательщику может быть отказано в проведении в отношении него MAP или применения иных положений DTA. Таким образом, перед инициированием MAP или применения иных положений DTA компетентные органы должны определить, какой вид налогового поведения имел место быть в конкретной правовой ситуации. Это возможно только при наличии в DTA или в налоговом законодательстве обоих государств соответствующих унифицированных критериев понимания видов налогового поведения с точки зрения допустимости применения к ним MAP или иных положений DTA.

Отсутствие единых критериев понимания приемлемого и неприемлемого налогового поведения существенно подрывает эффективность международно-правовых механизмов урегулирования международных налоговых споров. Это особенно заметно при инициировании и проведении процедуры взаимного согласования (MAP), ключевой межведомственной административной процедуры, предусмотренной во всех налоговых соглашениях (конвенция) об избежании двойного налогообложения (DTA).

Таким образом, неспособность достичь консенсуса относительно критериев понимания видов налогового поведения, приводит к тому, что, одно и то же налоговое поведение может быть квалифицировано как неправомерное в одной стране и допустимое – в другой. Процедура взаимного согласования, призванная предотвратить двойное налогообложение и разрешать разногласия между налоговыми органами двух или более стран, часто оказывается неэффективной именно из-за отсутствия таких единых критериев.

Для повышения эффективности международно-правовых механизмов урегулирования международных налоговых споров, в частности MAP, необходима разработка более четких и унифицированных определений ключевых налоговых терминов, гармонизации налогового законодательства и усиление международного сотрудничества.

Поэтому мы считаем, что целесообразным было бы нормативное определение и закрепление понятий и сферы применения таких видов налогового поведения, как tax evasion, tax avoidance, tax mitigation, tax planning, во всех подписываемых Соглаше-

ниях (конвенциях) об избежании двойного налогообложения (DTA) и, соответственно, приведение их понимания к единому знаменателю. Это позволит решить проблему правовой неопределённости в вопросах определения видов налогового поведения и значительно повысит эффективность механизма взимания налогов. В противном случае, неясность налоговых правовых норм будет продолжать создавать препятствия для развития бизнеса, приводя к неоправданным финансовым потерям и подрывая доверие к международному налоговому праву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачук И.К. Применение международных инструментов предупреждения налоговых споров в российских условиях // Право и государство: теория и практика. Экономика и бизнес. – 2021. – № 6 (198). – С. 16-20. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=15485659 (дата обращения: 01.11.2024).

2. Порохов Е.В. Налоговое право: учебник для вузов (академический курс). – Алматы: Научно-исследовательский институт финансового и налогового права, 2023. – 1148 с.

3. Имыкшенова Е.А. Anti-avoidance: английский вариант // Налоговед. – 2010. – №12. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=15485659 (дата обращения: 05.11.2024).

4. Демин А.В. Tax avoidance. Вопросы семантики и сумрак неопределенности // Налоговед. – 2020. – №1. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://e.nalogoved.ru/785690 (дата обращения: 05.11.2024).

5. Miranda A., Dias P. A Literature Review: Empirical Research on Tax Havens, years 2008 to 2018. – 2020. – [Electronic resource]. — Access mode: https://ieeexplore.ieee.org/document/9140995 (date of reference: 07.11.2024).

6. Solomon Vendaga Tax evasion, tax avoidance and tax planning from the legal lenses. – 2023. – [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/369383563_TAX_EVASION_TAX_AVOIDANCE_AND_TAX_PLANNING_FROM_THE_LEGAL_LENSES (date of reference: 07.11.2024).

7. Курочкин Д.А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС. Сравнительно-правовое исследование. – Москва: Юстицинформ, 2023. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Общие%20правила%20о%20запрете%20обхода:0 (дата обращения: 05.11.2024).

8. Fernandes D., Sadiq K. A Principled Framework for Assessing General Anti-Avoidance Regimes // British Tax Review. – 2016. – № 2. – P. 172–207. – [Electronic resource]. — Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3426234 (date of reference: 07.11.2024).

9. Шаукенов А.Т. Некоторые проблемы теории и философии налогового права: монография. – А.: Print S, 2009. – 314 с.

10. Cihat Öner Is Tax Avoidance the Theory of Everything in Tax Law? A Terminological Analysis of EU Legislation and Case Law // EC Tax Review. – 2018. – 27(2). – P. 96-112. – [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/326235568_Is_Tax_Avoidance_the_Theory_of_Everything_in_Tax_Law_A_Terminological_Analysis_of_EU_Legislation_and_Case_Law (date of reference: 17.11.2024).

REFERENCES

1. Tkachuk I.K. Primenenie mezhdunarodnyh instrumentov preduprezhdenija nalogovyh sporov v rossijskih uslovijah // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. Jekonomika i biznes. – 2021. – № 6 (198). – S. 16-20. – [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://elibrary.ru/item.asp?id=15485659 (data obrashhenija: 01.11.2024).

2. Porohov E.V. Nalogovoe pravo: uchebnik dlja vuzov (akademicheskij kurs). – Almaty: Nauchno-issledovatel'skij institut finansovogo i nalogovogo prava, 2023. – 1148 s.

3. Imykshenova E.A. Anti-avoidance: anglijskij variant // Nalogoved. – 2010. – №12. – [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://elibrary.ru/item.asp?id=15485659 (data obrashhenija: 05.11.2024).

4. Demin A.V. Tax avoidance. Voprosy semantiki i sumrak neopredelennosti // Nalogoved. – 2020. – №1. – [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://e.nalogoved.ru/785690 (data obrashhenija: 05.11.2024).

5. Miranda A., Dias P. A Literature Review: Empirical Research on Tax Havens, years 2008 to 2018. – 2020. – [Electronic resource]. — Access mode: https://ieeexplore.ieee.org/document/9140995 (date of reference: 07.11.2024).

6. Solomon Vendaga Tax evasion, tax avoidance and tax planning from the legal lenses. – 2023. – [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/369383563_TAX_EVASION_TAX_AVOIDANCE_AND_TAX_PLANNING_FROM_THE_LEGAL_LENSES (date of reference: 07.11.2024).

7. Kurochkin D.A. Obshhie pravila o zaprete obhoda nalogovogo zakona (General Anti-Avoidance Rules) v gosudarstvah BRIKS. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie. – Moskva: Justicinform, 2023. – [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://ivo.garant.ru/#/basesearch/Obshhie%20pravila%20o%20zaprete%20obhoda:0 (data obrashhenija: 05.11.2024).

8. Fernandes D., Sadiq K. A Principled Framework for Assessing General Anti-Avoidance Regimes // British Tax Review. – 2016. – № 2. – P. 172–207. – [Electronic resource]. — Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3426234 (date of reference: 07.11.2024).

9. Shaukenov A.T. Nekotorye problemy teorii i filosofii nalogovogo prava: monografija. – A.: Print S, 2009. – 314 c.

10. Cihat Öner Is Tax Avoidance the Theory of Everything in Tax Law? A Terminological Analysis of EU Legislation and Case Law // EC Tax Review. – 2018. – 27(2). – P. 96-112. – [Electronic resource]. — Access mode: https://www.researchgate.net/publication/326235568_Is_Tax_Avoidance_the_Theory_of_Everything_in_Tax_Law_A_Terminological_Analysis_of_EU_Legislation_and_Case_Law (date of reference: 17.11.2024).

ODC 341.231.14
SRSTI 10.87.27

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF RATIFIED INTERNATIONAL CONVENTIONS ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Adibayev Asset Maratovich
PhD doctoral student of Faculty of International Relations at Al-Farabi Kazakh National University; Almaty c., Republic of Kazakhstan; e-mail: adbv85@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2179-384X; Scopus Author ID:1148091

Abstract. *This article discusses issues related to the implementation of the norms of the Convention on the Protection of the Rights of Persons with Disabilities ratified by the Republic of Kazakhstan. The author analyzes the situation in Kazakhstan and reveals the problematic issues related to the protection of the rights of persons with disabilities.*

The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD), as well as other international instruments, is an instrument to promote, protect and ensure the rights of persons with disabilities so that they can fully participate in society and enjoy the same freedoms and opportunities like others. The Republic of Kazakhstan has ratified almost all major human rights agreements, including the CRPD. However, the process of implementing international standards set out in the provisions of the conventions, is still far from perfect. As a result, numerous disabled people in our country still face certain obstacles in the way of exercising their rights.

In our research we will rely on local and international legal basis such Law on "On social protection of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan", National plan to ensure the rights and improve the quality of life of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan until 2025, Convention on the Rights of Persons with Disabilities 2006, Declaration of human rights 1948, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights etc.

In conclusion, the author puts forward his proposals for improving the situation in the country. It is recommended to improve the monitoring of the implementation of standards at the national and local levels of government, as well as to introduce educational programs that explain to potential employers the rights and obligations of persons with disabilities in the field of work. In addition, it is proposed to expand the influence and participation of such international organizations as Amnesty International, Human Rights Watch, and the UN in protecting the rights of people with disabilities in our country.

Keywords: *Convention on the Rights of Persons with Disabilities, persons with disabilities, inclusion, Conventions, Human Rights, Local Legislation.*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА МҮГЕДЕКТІЛЕРДІҢ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЖӨНІНДЕГІ РАТИФИЦИЯЛЫҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ КОНВЕНЦИЯЛАРДЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Әсет Маратұлы Әдібаев
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Халықаралық қатынастар факультетінің PhD докторанты; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: adbv85@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2179-384X; Scopus Author ID:1148091

Аннотация. *Бұл мақалада Қазақстан Республикасы ратификациялаған Мүгедектердің құқықтарын қорғау туралы конвенцияның нормаларын іске асыруға қатысты мәселелер талқыланады. Автор Қазақстандағы жағдайды талдап, мүгедектердің құқықтарын қорғауға қатысты түйткілді мәселелерді ашып көрсетеді.*

Біріккен Ұлттар Ұйымының Мүгедектердің құқықтары туралы конвенциясы (МҰҚК), сондай-ақ басқа да халықаралық құжаттар мүгедектердің қоғам өміріне толық қатысуы және бірдей бостандықтарды пайдалана алуы үшін құқықтарын ілгерілету, қорғау және қамтамасыз ету құралы болып табылады және басқалар сияқты мүмкіндіктер. Қазақстан Республикасы адам құқықтары жөніндегі негізгі келісімдердің барлығын дерлік ратификациялады, соның ішінде CRPD. Дегенмен, конвенциялардың ережелерінде белгіленген халықаралық стандарттарды енгізу процесі әлі де жетілдірілмеген. Соның салдарынан еліміздегі көптеген мүгедектер өз құқықтарын жүзеге асыруда әлі де белгілі бір кедергілерге тап болуда.

Сөз соңында автор елдегі жағдайды жақсарту бойынша өз ұсыныстарын ортаға салады. Мемлекеттік басқарудың республикалық және жергілікті деңгейлерінде стандарттарды енгізу мониторингін жетілдіру, сондай-ақ әлеуетті жұмыс берушілерге еңбек саласындағы мүгедектердің құқықтары мен міндеттерін түсіндіретін білім беру бағдарламаларын енгізу ұсынылады. Сонымен қатар, Amnesty International, Human Rights Watch, БҰҰ сияқты халықаралық ұйымдардың еліміздегі мүгедектердің құқықтарын қорғауға ықпалы мен қатысуын кеңейту ұсынылып отыр.

Түйінді сөздер: *мүгедектердің құқықтары туралы конвенция, мүгедектер, қосу, Конвенциялар, адам құқықтары, жергілікті заңнама.*

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ РАТИФИЦИРОВАННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Адибаев Асет Маратович
PhD докторант факультета международных отношений КазНУ имени аль-Фараби; г. Алматы, Республика Казахстан; e-mail: adbv85@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2179-384X; Scopus Author ID:1148091

Аннотация. *В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией норм, ратифицированных Республикой Казахстан Конвенции по защите прав лиц с ограниченными возможностями. Автор анализирует ситуацию в Казахстане и раскрывает проблемные вопросы, связанные с защитой прав лиц с ограниченными возможностями.*

Конвенция Организации Объединенных Наций о правах инвалидов (КПИ), а также другие международные договоры являются инструментом, направленным на поощрение, защиту и обеспечение прав инвалидов, чтобы они могли в полной мере участвовать в жизни общества и пользоваться теми же свободами. и возможностями, как и другие. Республика Казахстан ратифицировала почти все основные соглашения по правам человека, включая КПИ. Однако процесс имплементации международных стандартов, изложенных в положениях конвенций, еще далек от совершенства. В результате многочисленные инвалиды в нашем государстве до сих пор сталкиваются с определенными препятствиями на пути реализации своих прав.

В заключении автор выдвигает свои предложения по улучшению ситуации в стране. Рекомендуется улучшить мониторинг внедрения стандартов на правительственных уровнях национального и местного уровнях, а также ввести образовательные программы, разъясняющие потенциальным работодателям права и обязанности лиц с ограниченными способностями в сфере трудовой деятельности. Кроме того, предлагается расширить влияние и участие таких международных организаций, как Amnesty International, Human Rights Watch, ООН в защите прав людей с инвалидностью в нашей стране.

Ключевые слова: *Конвенция о правах инвалидов, лица с ограниченными возможностями, включение, конвенции, права человека, местное законодательство.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_303

Introduction

The rights of people with disabilities represent one of the most important developments in the field of human rights around the globe. Numerous international conventions offer ways of facilitating of Human Rights for disabled individuals on the legal basis. Kazakhstan, as an active participant in international relations at various levels, tries to keep up with global trends.

In 2018, the third phase of the long-term National Action Plan (2012-2018) aimed at protecting the rights and enhancing the quality of life for people with disabilities was completed. In May 2019, Kazakhstan adopted a new National Plan that ensured the rights and improved the quality of life of the handicapped, extending until 2025. [1].

The current global paradigm has shifted from a traditional view of disabilities to the position corresponding to universal rights, concerning quality of life. The national plan focuses on implementing international standards, coinciding with global trends in the development of social protection systems for persons with disabilities[1].

It is impossible to consider the problem of Human Rights of Individuals with Disabilities out of context of International Law in general. In this regard we should understand that international human rights standards set out the obligations that states must comply with. By becoming a party to international treaties, states assume the responsibility to safeguard human rights on all levels [1]. All three are vitally important in their implementation and further state policies development. The obligation to respect human rights implies that states must refrain from infringing upon them or from attempting to infringe on human rights. The duty to protect human rights places responsibility on states to safeguard individuals and groups from threats to their rights. The obligation to respect human rights requires states to refrain from violating or attempting to violate those rights. Lastly, the burden to ensure respect for human rights mandates that states take appropriate actions to promote the observance of fundamental human rights [2].

The result of treaty ratification is the amendment of own legislation in agreement with provisions of this very treaty, what makes the protection of human rights reliable on international and local levels[2]. At this stage, it is crucial to recognize that ratifying international conventions often necessitates changes to local legislation to align it with the requirements of those conventions [3].

Methods and materials

This article applies the content analysis of the international and domestic legal documents (conventions, constitution, state strategies), as well as the scholarly articles devoted to the problematics. Within these secondary sources, relevant information from the interviews was also analyzed. They are especially valid in case taken from the focus groups (policy-makers, disabled representatives), as clearly depicting the situation in Kazakhstan with the disabled groups and categories.

Discussion and results

1.1. General overview of the Human Rights Conventions

As was mentioned above Human Rights of disabled people always follows to the general concept of Human Rights in full extend. That's why it is vital to perceive the nature and aims of this segment of international law as well as mark main international conventions in this area [4].

The formation of the Human Rights in its contemporary shape started in 1940s of 20th century, in unison with formation of UN[3]. In this context, it is important to highlight the UN Charter as the foundational document of the United Nations, which many scholars regard as the principal convention in the field of international law.

The article 76 says that prime 3 says that one of the objectives of the international trusteeship system, in accordance with the Purposes of the United Nations, is encourage respect for human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, religion, and encourage recognition of the interdependence of the peoples of the world [5].

[1] *Постановление Правительства РК «Об утверждении Национального плана по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью в Республике Казахстан до 2025 года» №326 от 28 мая 2019. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000326 (дата обращения: 20.03.2024).*

[2] *United Nations. Basis for international human rights standards. URL - https://www.un.org/ru/about-us/udhr/foundation-of-international-human-rights-law (date of reference: 24.03.2024).*

[3] *UNESCO. Human rights: a view from the past, relevant today https://ru.unesco.org/courier/2018-4/prava-cheloveka-vzglyad-iz-proshlogo-aktualnyy-i-segodnya (date of reference: 02.04.2024).*

When examining human rights, it is essential to also take into account three additional documents, including:

1) The rights of persons with disabilities are grounded in core international human rights instruments that establish equal rights, non-discrimination, and social inclusion as fundamental principles. Several foundational documents have laid the groundwork for these rights, starting with the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), adopted by the United Nations General Assembly in 1948. Article 1 of the UDHR asserts that "all human beings are born free and equal in dignity and rights," while Article 2 guarantees the right to equality and non-discrimination regardless of personal status, such as disability (United Nations, "Universal Declaration of Human Rights[4].

2) The 1966 International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights, which outlines everyone's right to fair and favorable working conditions, access to social security, an adequate standard of living, and the highest attainable level of physical and mental health. It also guarantees the right to education, participation in cultural life, and the enjoyment of the benefits of scientific advancements[5].

3) The 1966 International Covenant on Civil and Political Rights affirms various fundamental rights, including the right to free movement, equality before the law, a fair and public trial, freedom of thought, conscience, and religion, freedom of opinion and expression, peaceful assembly, association with others, participation in public affairs, and the rights of minorities. It prohibits arbitrary deprivation of life, torture, cruel or inhuman treatment, slavery and forced labor, arbitrary arrest and detention, unjust interference with privacy, war propaganda, discrimination, and incitement to racial or religious hatred[6] .

Together, these foundational documents provide a strong framework for promoting equality, access, and dignity for persons with disabilities, setting the stage for more specialized conventions that address their unique needs.

1.2. Conventions on Human Rights of people with disabilities

Before examining documents specifically addressing the human rights of people with disabilities, it is important to understand the evolution of approaches to the issue of disability.

Up until the 1970s, the dominated position was so called "medical treatment" that declared pity attitude to the disabled individuals and limited only medical preferences for them[7].

In 1960s, starting in the United States, the "Social Model" shifted the attitude to PWD towards emphasizing the removal of barriers, the promotion of positive attitudes, and ensuring that laws and policies facilitate full participation and prevent discrimination. Since that moment disability issue became more human rights problem rather medical one [6].

Beginning in the 1970s, a series of international agreements aimed at protecting the rights of individuals with disabilities have been established. These include the 1971 Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons, the 1975 Declaration on the Rights of Disabled Persons, the 1982 World Program of Action on Disabled Persons, the International Decade of Disabled Persons from 1983 to 1992, the 1993 United Nations Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities, and the 1993 Vienna Declaration on Human Rights[8].

The Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD), adopted by the UN General Assembly in 2006, is the most comprehensive international legal document focused specifically on the rights of people with disabilities. Ratified by Kazakhstan in 2015, the CRPD represents a significant step toward ensuring that individuals with disabilities are recognized as holders of full civil rights under international law. Its primary objectives include protecting the inherent dignity, autonomy, and social inclusion of persons with disabilities, ensuring they enjoy all fundamental freedoms equally.

The CRPD covers a broad spectrum of rights aimed at guaranteeing equal participation in society. Some of the key articles of the

[4] *Всеобщая декларация прав человека 1948 | Организация Объединенных Наций. URL - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 05.04.2024).*

[5] *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 | Организация Объединенных Наций. URL - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 16.04.2024).*

[6] *Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 | Организация Объединенных Наций. URL - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml*

[7] *Handbook for Parliamentarians. From Exclusion to Equality Realizing the rights of persons with disabilities, UN and Inter-Parliamentary Union. No.14, 2007. URL - www.un.org/disabilities/default.asp?id=212 (date of reference: 21.04.2023)*

[8] *Disability and Disablism. Manual for Human Rights Education with Young people. URL - https://www.coe.int/en/web/compass/disability-and-disablism (date of reference: 01.05.2024)*

convention include:

- Article 24, which guarantees the right to inclusive education, requiring states to make educational institutions accessible and to provide necessary accommodations for persons with disabilities.

- Article 27, which supports the right to work and employment under equal conditions, pushing for measures to prevent discrimination in recruitment, hiring, and continued employment.

- Article 25, which affirms the right to accessible healthcare services, advocating for early diagnosis and necessary intervention while ensuring these services are free from discrimination.

- Article 9, which mandates that public facilities and services be made accessible to promote the independence and inclusion of persons with disabilities.

The CRPD also emphasizes the importance of involving persons with disabilities and their representative organizations in policy and legislative decisions, fostering an environment where their voices contribute directly to the policies that impact their lives[9].

Through the CRPD, countries are obligated to harmonize their national laws with these international standards, undertaking legislative and administrative measures to support the full realization of rights for individuals with disabilities. Kazakhstan, as a signatory, has aligned parts of its national framework with CRPD standards, incorporating rights to education, healthcare, employment, and social services for people with disabilities into local legislation. The CRPD's comprehensive approach demonstrates an understanding that disability rights must be addressed at multiple levels - personal, social, and systemic - reflecting its goal of fostering genuine equality and societal integration for all persons with disabilities.

1.3. The Conventions on Human Rights ratified by Kazakhstan and positive changes in Disabled Persons Human Rights Area

As previously noted, the examination of any form of human rights is incomplete without referencing agreements such as the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966 and the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, both ratified by Kazakhstan in 2006[10]. When investigating the human rights of individuals with disabilities, it is crucial to highlight that the Republic of Kazakhstan ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in February 2015.

According to its Constitution, the Republic of Kazakhstan is a democratic, secular, legal, and social state, where the highest values are individuals, human life, rights, and freedoms (Article 1 of the Constitution). The legal status of a person, as defined in the Constitution, is grounded in the concept of human and civil rights and is derived from the core principles of international legal documents. The Constitution of the Republic of Kazakhstan has incorporated the main ideas and provisions of international human rights documents, adapting them to the state's specific conditions[11].

Article 4 of the Constitution states that international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan have priority over laws. A number of provisions of the Constitution are incorporation. Thus, Article 15 of the Constitution almost verbatim reproduces Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966, Article 24 - Article 7 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966[12].

The goal of the state policy in the field of social protection of disabled people in the Republic of Kazakhstan corresponds to the goal of the Convention, proclaimed in Article 1. In the Republic of Kazakhstan, the state guarantees all citizens of the country, including disabled people, regardless of circumstances, equality of human and civil rights and freedoms. No one may be subjected to any discrimination based on origin, social, official and property status, gender, race, nationality, language, attitude to religion, beliefs, place of residence or any other circumstances (paragraph 2 of Article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan). The dignity of a person is inviolable (paragraph 1 of Article 17 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan).

[9] *Конвенция о правах инвалидов 2006. | Организация Объединенных Наций. URL - https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities (дата обращения: 10.11.2024)*

[10] *United Nations. Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. URL - https://treaties.un.org/Pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&lang=en (date of reference: 28.04.2024)*

[11] *Конституция Республики Казахстан. 30 августа 1995. URL - https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 26.04.2024).*

[12] *Ibid.*

In 2015, in order to bring the legislation of the Republic of Kazakhstan in line with the principles of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities adopted the Law of the Republic of Kazakhstan dated December 3, 2015 No. 433-V "On amendments and additions to certain legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the protection of the rights of persons with disabilities". Changes and additions touched on twenty-four legislative acts, including those relating to social security, health care, reproductive rights and access to reproductive services health and prevention of gender-based violence [6]:

1. The Code of the Republic of Kazakhstan dated September 18, 2009, 'On the Health of the People and the Healthcare System' (which became invalid by the Code of the Republic of Kazakhstan dated July 7, 2020, No. 360-VI), addressed, for instance, the right to receive information about one's rights and responsibilities, the services provided, the cost of paid services, and the procedure for their provision, considering accessibility for individuals with visual and/or hearing impairments; measures for the prevention, diagnosis, and treatment of diseases that pose a threat to others, as well as occupational diseases; and sanatorium treatment—a type of rehabilitation treatment and/or medical rehabilitation conducted under conditions of temporary stay in a sanatorium-resort organization, among other aspects .

2. Code of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2011 "On marriage (matrimony) and family" in parts of Ensuring Equal Opportunity When Applying for Marriage (matrimony) of both persons entering into marriage (matrimony) in the event of a severe diseases, disabilities associated with difficulties in movement, etc.[13].

3. The Criminal Executive Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014, includes provisions to ensure the right to provide technical (compensatory) aids and special transportation means for convicts with disabilities, both those serving sentences in institutions and those in custody, among other aspects[14].

4. The Law of the Republic of Kazakhstan dated September 21, 1994, 'On Transport in the Republic of Kazakhstan,' addresses ensuring the right to use new technologies, including information and communication technologies, and mobility aids and technologies adapted for persons with disabilities in passenger transportation. It also covers the training of transport workers in communication skills and service provision for persons with disabilities, including sign language instruction, among other aspects[15], and other legislative acts.

Two significant facts regarding Hunman Rights of people with disabilities took place in 2023. First is ratification of the Optional Protocol to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and enforcement of Social Code of the Republic of Kazakhstan.

Through the ratification of the Optional Protocol, the parties consent to acknowledge the authority of the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities to review complaints from individuals or groups claiming violations of their rights as outlined in the Convention. The Committee can request information from the state party and provide recommendations. Additionally, the parties may permit the Committee to investigate, report, and offer recommendations on 'serious or systematic violations' of the rights protected by the Convention[16].

Social Code of the Republic of Kazakhstan: Supporting People with Disabilities The Social Code of the Republic of Kazakhstan, enacted to streamline and modernize social policies, includes important provisions that aim to protect and support the rights and needs of persons with disabilities. It, adopted to consolidate Kazakhstan's social welfare framework, combines existing laws and policies into a single, comprehensive legal document. This code is structured to ensure that all citizens, especially vulnerable groups such as persons with disabilities, have access to necessary social protection, healthcare, and equal opportunities. The main areas of the Social Code include:

- Social protection and financial assistance: state benefits and pensions to support persons with disabilities, ensuring a minimum level of income and coverage of medical expenses.

- Access to health care: free or discounted medical services and rehabilitation for persons with disabilities.

[13] *Кодекс РК «О браке (супружестве) и семье» №518-IV от 26 декабря 2006. URL - https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1100000518 (дата обращения: 04.05.2024).*

[14] *Уголовно-Исполнительный Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014. URL - https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577723 (дата обращения: 04.05.2024).*

[15] *Закон РК"О транспорте в Республике Казахстан" № 156 от 21 сентября 1994. URL - https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940007000_ (дата обращения: 06.05.2024).*

[16] *Закон РК "О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов"№ 8-VIII ЗРК от 7 июня 2023 https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000008 (дата обращения: 11.11.2024).*

- Employment and employment support: employment promotion programs that encourage employers to provide jobs for persons with disabilities.

- Inclusive education: ensuring equal access to educational resources and adapting schools to support students with special needs.

- Creating a barrier-free environment: ensuring accessibility of public buildings and transport for the free movement of all citizens[17].

The Code also regulates measures to raise public awareness and combat the stigmatization of disabilities, creating an inclusive society where everyone receives equal opportunities and support.

It is also necessary to mention, such document as Kazakhstani National Plan that dedicated to improving the rights and quality of life for people with disabilities, set to continue through 2025. The National Plan's core objectives include creating barrier-free environments, promoting inclusive education, and expanding access to social services and healthcare. The Ministry of Labor and Social Protection of Kazakhstan, which oversees this initiative, has underscored the importance of integrating people with disabilities into social and economic life through several key policies:

- Barrier-Free Environments: Enhancing accessibility across public spaces, buildings, and transport infrastructure, ensuring that cities and workplaces are adaptable to the needs of people with disabilities.

- Inclusive Education: Aiming to increase accessibility for children with disabilities in mainstream educational settings, the government has promoted inclusive learning programs to better integrate students with various physical and mental disabilities.

- Social Services and Health Access: Expanding social services such as specialized healthcare and rehabilitation facilities, and supporting training programs to empower people with disabilities in the labor market[18].

2. Challenges and Areas of Concern

Despite the positive advancements in the area of human rights for people with disabilities, Kazakhstan still faces numerous gaps and deficiencies in its legislation and the implementation of laws related to individuals with disabilities.

Thus, if to follow reports of various International Organizations dealing with human rights situation over the world such as UN, Human Rights Watch, Amnesty International as well as observations of US Embassy in Kazakhstan we can find out number of critical statements about disabled persons' Human Rights condition in our state.

In 2021, Amnesty International highlighted that people with mental disabilities in Kazakhstan were still being stripped of their legal rights by the courts, leading to the loss of fundamental rights such as education, privacy, voting, and running for public office[19]. In July of that year, the OSCE suggested that all barriers preventing these individuals from voting or standing for office should be removed. They also urged Kazakhstan to create laws that help people with disabilities receive the support they need to make their own legal decisions, rather than taking away their legal rights[20]. This situation stands against Article 5 of the CRPD, which states that everyone should be treated equally under the law, without discrimination. It also contradicts Article 12, which provides that people with disabilities should have the same legal rights as others and should be given the necessary assistance to exercise these rights29. According to the information of 2023, on the website of Amnesty International there are no any significant changes in this area [7].

In 2022, Human Rights Watch released a report on the human rights situation in Kazakhstan, focusing on the challenges of inclusive education for children with disabilities. The report noted that in June 2021, Kazakhstan passed a new inclusive education law. This law removed the requirement for a medical and educational exam before a child could enroll into a regular school, and placed the responsibility on the state to provide children with disabilities the necessary support and accommodations. However, many children with disabilities still cannot access inclusive education and remain in separate

[17] *Социальный Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224 (дата обращения: 11.11.2024).*

[18] *Kazakhstan implements National Plan for Ensuring Rights and Improving Quality of Life of Persons with Disabilities until 2025 https://primeminister.kz/en/news/kazakstanda-mugedek-zhandardyn-kukygyn-kamtamasyz-etu-zhane-omir-suru-sapasyn-zhaksartu-zhonindegi-2025-zhylga-deyingi-ulttyk-zhospar-iske-asyryluda-b-nurymbetov-2114836 (date of reference: 13.11.2024).*

[19] *OSCE Human Rights report. 2022. URL - https://www.osce.org/humanrights#:~:text=UEA%2FMichael%20Hamilton),Respect%20for%20human%20rights%20and%20fundamental%20freedoms%20are%20key%20to,inalienable%20and% (date of reference: 15.05.2024).*

[20] *Human Rights Watch. World Report on Kazakhstan. 2021. URL - https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/kazakhstan (date of reference: 21.05.2024).*

special schools or residential institutions, where they are at risk of violence, neglect, physical restraint, and overmedication. Additionally, Kazakhstan has no national plan to shut down these institutions. The report of the US embassy in 2023 declared that 82% of schools are listed as equipped for inclusive education, but many still lack necessary resources. Only 20% of children with disabilities attend mainstream schools, while many others are either homeschooled, or attend special education centers with limited capacity [8]. Around 10,000 children with disabilities are educated at home, and 71% of registered children with disabilities are not covered by social security[21].

The report on the activities of the human rights commissioner in the Republic of Kazakhstan for 2023, says that Kazakhstani law requires companies to set aside 3 percent of their workforce for people with disabilities; however, civil society reported that persons with disabilities faced difficulties integrating into society and finding work, in part because some employers were reluctant to renovate buildings to make them accessible. Civil society representatives reported that fraud and corruption in the public sector undermined the government's efforts to provide funding to support persons with disabilities. Despite a legal requirement to set aside jobs for persons with disabilities, employers often failed to accommodate them. In 2023, less than 20% of able-bodied people with disabilities had stable employment[22]. The report also raises the issues of difficulties of medicine service for individuals with disabilities as well as realization of inclusive education issues [9]. The information presented in the reports contradicts the principles outlined in Article 24 of the CRPD, which emphasizes the importance of inclusive education for children with disabilities. Furthermore, Article 9 highlights the responsibilities of participating countries to provide accessible and accommodating work environments for individuals with disabilities. Thus, one can see that reports of International Human Rights Organizations demonstrate some shortcomings in realization of Labour Rights of disabled individuals what is extremely relevant for adult part. Most of them want to work, but it is often difficult to find a job with the conditions appropriate for people with disabilities.

It would be reasonable to consider the evaluation of Human Rights situation given by some Kazakhstani mass media. For instance, a number of articles in various online editions state on discrepancy between disability benefits and rising prices for essential goods in Kazakhstan.

The online edition named Kursiv.kz states that according to data of 2022, food prices in Kazakhstan increased by 19.7% in annual terms, non-food products rose in price by 14.2%, while paid services increased by 9.2%[23]. In this regard, we can mention, that one of the basic problems for disabled individuals in Kazakhstan is the amount of allowance. Considering that today the benefits are 77 889 tenge for the 1st group of disability, 62 068 tenge for the 2nd group, and 42 190 for the 3rd one. In some cases, these disabled people cannot work according to their profession and forced to perform less qualified work[24]. In the same time, official statistic demonstrates that the average monthly salary in Kazakhstan in the first quarter of 2022 was 285,433 tenge [7]. Thus, we can conclude that the real situation with the growth of prices on basic commodities does not correspond to the indexation of allowance for people with disabilities, as the gap is vivid.

Furthermore, the interviews of disabled persons in various editions, conducted during the period of 2020 - 2022, indicated that most of them are not able to buy the necessary commodities, pay the apartment rent, let alone buy own flat or house [8]. Majority of the interviewers were solidary in their indications of the low living standards of the disabled, and difficulties to engage onto workplaces if needed. The latest data, represented in Kazakhstani media shows that the ratio of prices to disability benefits has not changed much in favor of people with disabilities[25].

Meanwhile, the provisions of key international treaties ratified by Kazakhstan ensure adequate material support for all individuals reliant on state

[21] *Доклад о ситуации с правами человека за 2023 год: Казахстан https://kz.usembassy.gov/ru/2023-country-reports-on-human-rights-practices-kazakhstan/ (дата обращения: 15.11.2024).*

[22] *Report on the activities of the human rights commissioner in the republic of Kazakhstan for 2023 file:///C:/Users/user/Downloads/9f2d80419722ec695a98f06c10e1650b_original.7826166.pdf (date of reference: 15.11.2024).*

[23] *На сколько вырастут пособия в 2022 году в Казахстане. Спутник Казахстан. 27 ноября 2021. URL - https://ru.sputnik.kz/20211127/Na-skolko-vyrastut-posobiya-v-2022-godu-v-Kazakhstane-18766650.html (дата обращения: 20.05.2024).*

[24] *Средняя зарплата выросла в Казахстане. Tengri News. 9 августа 2022. URL - https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/srednyaya-zarplata-vyirosla-v-kazahstane-475010/ (дата обращения: 23.05.2024).*

[25] *Конвенция о правах инвалидов 2006. | Организация Объединенных Наций. URL - https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-persons-disabilities (дата обращения: 24.05.2024).*

care. For instance, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights[26] is a significant human rights treaty. Articles 9 and 11 affirm that State Parties acknowledge everyone's right to social security, including social insurance. Furthermore, member states are required to guarantee an adequate standard of living for individuals and their families, which includes sufficient food, clothing, housing, and continuous improvement in living conditions. Participating nations must take appropriate steps to uphold these rights, recognizing the crucial role of international cooperation based on mutual consent. Almost the same provisions are included into the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, the treaty that specifies rights of handicaps. Specifically, the States Parties to this Pact acknowledge the right of individuals with disabilities to an adequate standard of living for themselves and their families, which includes sufficient food, clothing, and housing, as well as ongoing improvements in living conditions. They are required to take the necessary steps to ensure and advance the fulfillment of this right without any discrimination based on disability38. Furthermore, the participants of the convention recognize the right of individuals with disabilities to social protection and to enjoy this right without discrimination based on disability, committing to take appropriate measures to ensure its fulfillment [9]. Additionally, Article 25 of the Declaration of Human Rights (implicitly regarded as binding for all nations) complements this by affirming that every individual has the right to support in cases of unemployment, illness, disability, widowhood, old age, or any other loss of livelihood due to factors beyond their control8.

3. Interview analysis

From our perspective one of the most significant indicators is first hand opinion of representatives of people with disabilities. In the summer 2023, we conducted interview with Kenzhegul Seitzhan, a deputy of the Mazhilis (lower chamber of the Kazakhstan Parliament), member of the People's Party of Kazakhstan, participant of the Paralympic Games, who is a visually disabled person.

During the interview, the interviewee has mentioned that the term "a person with disabilities" is not entirely correct. Sharing his life story, K. Seitzhan as a person with a visual impairment managed to study abroad, speaks seven languages, participated in bike rides from Astana to Paris and became a deputy in the Parliament. He believes that despite health problems people with disabilities may succeed.

As a policy-maker and a person with disabilities, having access to ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities in 2006, he reports that changes for the disabled people do not come immediately. Based on his experience in Japan he points that even the most developed countries do not have an ideal system for protecting the rights of people with disabilities. However, he admits that still some improvements in the area are happening in Kazakhstan. For example, within the last years people with disabilities have seats in the Kazakhstan's legislature, and international standards in the field of social protection of persons with disabilities have been actively applied. Kazakhstan joined the optional protocol of the 2006 international convention, facilitating direct application to the authorized UN bodies in case of violation of the human rights of persons with disabilities in the country. Though, he points that the state's executive power is bureaucratic, and often fails to keep up with the initiatives of the legislature. He hopes that the new parliamentary convocation will succeed in solving the above-mentioned issues. One may note here that such an opinion is typical for states with a high degree of personalized power, where any positive changes are associated not with the well-established work of political institutions called to promote protection of human rights, but depend on people or a group of people who hold power positions.

4. International experience

As mentioned above, it is impossible identify a state with ideal conditions for people with disabilities. However, according to the UN information, Sweden, Australia, and Canada are performing as countries with the highest achievements in this area[27].

Sweden ratified the CRPD in 2008, committing to its principles of non-discrimination, accessibility, equality of opportunity, and full societal inclusion of PWD. The country submits periodic reports to the Committee on the Rights of Persons with Disabilities, reflecting on its progress.

[26] *Новые размеры пособий в Казахстане: на сколько вырастут выплаты с 1 января 2025 года https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/novyie-razmeryi-posobiy-kazahstane-skolko-vyirastut-548845/ (дата обращения: 14.11.2024).*

[27] *Human Development Report 2023/2024 https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24overviewen.pdf (date of reference: 15.11.2024).*

Sweden requires all public spaces, transport systems and digital services to be accessible for people with disabilities. The Planning and Building Act obligates municipalities to ensure that buildings and infrastructure coincide to accessibility standards. The Education Act (2010) guarantees all children with disabilities, the right to free and fair education. Inclusive education is prioritized, with schools offering special support where needed. Sweden's use of Individualized Education Plans (IEPs) ensures that students with disabilities receive individual educational opportunities. The Swedish government actively supports the employment of PWD through initiatives like wage subsidies, workplace adaptations, and vocational training. The Swedish Public Employment Service (Arbetsförmedlingen) plays a basic role in connecting PWD with job opportunities[28].

The system of inclusive education in Sweden deserves special attention. As of the legal framework on international and local levels, except the CPRD, one can mention such sources as Education Act (Skollagen, 2010:800), that mandates the right for all children and young people, including those with disabilities, to get an education in a setting best suitable their needs. Chapter 3, Section 3 of the document emphasizes the obligation of schools to provide special support when a student's educational goals are at risk[29]. Another legal source - Discrimination Act (Diskrimineringslagen, 2008:567) prohibits discrimination on various grounds, including disability, in all public and private educational settings. It reinforces the principle of equal treatment and the right to reasonable accommodations[30]. Education in Sweden is compulsory for children aged 7 to 16. The educational process is organized in such a manner that accounts the individual needs of students, and education is free. Swedish schools are obliged to create conditions for the successful learning of all students. If an educational institution cannot provide the necessary level of support, it must offer alternative options. For children with special educational needs, individual action plans are developed, which are agreed upon with parents, teachers and specialists. In some cases, special schools are organized for children with hearing, vision or intellectual disabilities, which, despite their special needs, are equal to mainstream schools[31].

Curricula are adapted to the individual abilities of students. This concerns educational content, teaching methods and methods of knowledge assessment. Most children with disabilities study in mainstream schools. The principles of inclusion imply maximum interaction between children with different needs. For children with special educational needs, early diagnosis and timely provision of support are important. Responsibility for the education of children with special needs has been transferred to local governments, which develop and implement relevant programs[32].

Canada is internationally recognized for its strong commitment to human rights, including the rights of persons with disabilities (PWD). Its policies and practices are well performed in both international obligations and national legislation. Canada’s ratification of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD) in 2010 has further enhanced its legal and policy framework for PWD. The Accessible Canada Act (ACA) sets accessibility standards across all federally regulated sectors, as well as enforcement mechanisms to address non-compliance. Provinces like Ontario, British Columbia, and Manitoba have complementary accessibility legislation pointed local needs. Education for PWD is governed by provincial legislation, with each province and territory implementing inclusive education policies. For example:

- Ontario’s Education Act requires schools to provide accommodations for students with disabilities.
- The federal government supports Indigenous PWD through specialized educational programs.

The Employment Equity Act (1995) promotes workplace diversity, requiring federally regulated employers to hire and accommodate PWD. Initiatives such as wage subsidies, training programs, and workplace

[28] *Full participation in society is the top goal in Sweden’s disability policy. https://sweden.se/life/equality/disability-policy (date of reference: 15.11.2024).*
[29] *Education Act (Skollagen, 2010:800) https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/skollag-2010800_sfs-2010-800/ (date of reference: 23.11.2024).*
[30] *Discrimination Act (Diskrimineringslagen, 2008:567) https://www.do.se/choose-language/english/discrimination-act-2008567 (date of reference: 23.11.2024).*
[31] *National Agency for Education https://www.skolverket.se/ (дата обращения: 23.11.2024).*
[32] *Country information for Sweden - Systems of support and specialist provision Developing inclusionhttps://www.european-agency.org/country-information/sweden/systems-of-support-and-specialist-provision (date of reference: 23.11.2024).*

accessibility grants further support PWD in the workforce[33].

One of the outstanding achievements of Canada in the field of accessibility for disabled people is public transport. This area is regulated by Accessible Canada Act, 2019, which requires federal agencies and services, including transportation, to eliminate barriers for people with disabilities. It covers aviation, rail, marine and interprovincial bus services. Additionally, there are special codes for regulation of each type of transport, for instance the Air Transport Accessibility Code regulates accessibility standards for airlines, similar codes apply to railways and intercity buses. Thus, in Canada low-floor buses and trains with ramps, lifts and special seating, airlines are required to provide assistance with boarding and disembarking, special seating and the ability to carry assistive devices[34]. Many cities have specialized taxi and paratransit services for people who cannot use regular transportation. Drivers, dispatchers and service personnel are required to take courses in assisting people with disabilities. The federal government provides grants and subsidies to upgrade transportation infrastructure to make it accessible to people with disabilities[35].

Canadian Transportation Agency is Canada's independent administrative tribunal and regulator that ensures the fairness, efficiency and accessibility of the nation's transportation system, considers PWD passengers' complaints in case of violation of their human rights, as well as establishes standards for accessibility for persons with disabilities in aviation, rail, and interprovincial bus transportation[36].

These measures not only improve the physical accessibility of transport, but also ensure that services are provided with respect for the dignity and needs of people with disabilities.

Australia ratified the CRPD in 2008 and its Optional Protocol in 2009, committing to principles such as non-discrimination, accessibility, and societal participation for PWD. It submits periodic reports to the UN on its progress in implementing these principles. Australia's Disability (Access to Premises – Buildings) Standards 2010 ensures that public buildings meet accessibility standards. Digital accessibility is also addressed through the Web Accessibility National Transition Strategy. Australia promotes inclusive education under the Disability Standards for Education 2005, requiring schools to provide reasonable adjustments for students with disabilities. State and territory governments also implement tailored support programs to ensure equal access to education. The Job Access Program provides workplace modifications, wage subsidies, and other resources to support PWD in employment. Anti-discrimination protections in the Fair Work Act 2009 ensure equal opportunities for PWD in the workforce[37].

5. Recommendations

Relaying on information collected during work on this research we can say that most significant points for PWD are education, payments and employment. Thus, we can make following recommendations:

Amend Education Laws: Introduce specific provisions mandating the creation of individualized education programs (IEPs) for students with disabilities, ensuring tailored support for each child. Harmonize with Article 24 of CRPD: ensure full compliance with the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities by closing gaps in accessibility and resources in mainstream schools. Adopt legal requirements for regular mandatory training programs for teachers on inclusive teaching methods and assistive technologies. Establish mechanisms to monitor schools' compliance with inclusive education standards and impose fines for non-compliance.

- Employment: Revise existing laws to enforce the 3% employment quota for PWD, with penalties for non-compliance and incentives for adherence. Update labor laws to require employers to provide accessible workplaces, including transportation and communication tools, in line with Article 27 of the CRPD. Enact stronger anti-discrimination laws with provisions for legal recourse in cases of workplace discrimination. Offer tax deductions for companies that hire and support PWD, including adapting workplaces or providing flexible work arrangements.
- Social Security and Financial Assistance

[33] *Monitoring the Rights of People with Disabilities https://www.chrc-ccdp.gc.ca/en/monitoring-the-rights-of-people-with-disabilities (date of reference: 15.11.2024).*
[34] *Transportation for Persons with Disabilities Regulations https://gazette.gc.ca/rp-pr/p1/2019/2019-03-09/html/reg2-eng.html (date of reference: 23.11.2024).*
[35] *Accessible Canada Act https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/a-0.6/ (date of reference: 23.11.2024).*
[36] *Canadian Transportation Agency's web-site https://otc-cta.gc.ca/eng (date of reference: 23.11.2024).*
[37] *About Disability Rights https://humanrights.gov.au/our-work/disability-rights/about-disability-rights (date of reference: 16.11.2024*

- Regularly adjust disability benefits to match inflation and the rising cost of living, ensuring an adequate standard of living in compliance with Articles 9 and 11 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Expand the Social Code to address gaps in healthcare access, housing, and transport subsidies for PWD. Make it mandatory for all new legislation and policies to be assessed for their impact on PWD.

In addition, it will be useful to work with Public Awareness, Advocacy, Strengthen Monitoring, and Accountability for example:

- Launch nationwide campaigns to combat stigmatization and promote the societal value of inclusion;
- Foster partnerships between government, civil society, and international organizations to raise awareness of disability rights;
- Establish independent bodies or committees, including representatives of PWD, to oversee the implementation of disability rights policies;
- Encourage civil society and media to report on gaps and violations of PWD rights etc.;
- Develop and enforce stricter regulations for accessibility in public and private infrastructure, including digital services;
- Collaborate with leading disability-friendly countries such as Sweden, Canada, and Australia to exchange best practices;
- Engage international organizations like the UN and Human Rights Watch for technical support and capacity building.

Conclusion

Kazakhstan has made significant progress in aligning its domestic policies with international standards, as evidenced by the ratification of the CRPD and the enactment of the Social Code. However, substantial gaps remain in the implementation, particularly in the areas such as inclusive education, employment opportunities, and accessibility for people with disabilities. Drawing on best practices from countries like Sweden, Canada, and Australia, Kazakhstan can enhance its efforts by focusing on building an inclusive legal framework, improving enforcement mechanisms, and addressing systemic barriers.

The journey toward full inclusion and equality for PWD in Kazakhstan requires a multi-stakeholder approach, blending government initiatives, community engagement, and international cooperation. With a strategic focus on these recommendations, Kazakhstan can advance the rights and quality of life for people with disabilities, fulfilling both its national and international commitments. These steps are not just an obligation under international conventions but also a moral imperative to build a society that values and empowers all its members equally.

REFERENCES

1. Нурымбетов Б. В Казахстане реализуется Национальный план по обеспечению прав и улучшению качества жизни лиц с инвалидностью до 2025. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://primeminister.kz/ru/news/v-kazahstane-realizuetsya-nacionalnyy-plan-po-obespecheniyu-prav-i-uluchsheniyu-kachestva-zhizni-lic-s-invalidnostyu-do-2025-g-b-nurymbetov-2113943 (дата обращения: 20.03.2024).

2. Series L. Routledge handbook of disability studies. Disability and human rights. New York: Routledge, 2019. – 544 p.

3. Кривокапич Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. - №5 (1). – С. 71-79. https://cyberleninka.ru/article/n/vazhneyshie-istochniki-mezhdunarodnogo-prava-i-ih-ierarhicheskoe-vzaimootnoshenie-chast-2 (дата обращения: 24.03.2024).

4. Morris J. Pride Against Prejudice: Transforming Attitudes to Disability // London: Women's Press, 1991. – 131p.

5. Волкова Г. Конвенция ООН «О Правах Инвалидов» и Эволюция Российского Законодательства. // Научный журнал «Народонаселение». – 2014. - №1. – С. 24–27. https://cyberleninka.ru/article/n/konventsiya-oon-o-pravah-invalidov-i-evolyutsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

6. Калтаева Л. Оценка потребностей по социальными гендерным вопросам людей с инвалидностью в Казахстане с акцентом на особые нужды женщин с инвалидностью, подвергшихся насилию // Кабинетное исследование. – Алматы: UNFPA, 2019. – С. 16-20. https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/%D0%9A%D0%90%D0%91%D0%98%D0%9D%D0%95%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%95%20%D0%98%D0%A1%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%92%

D0%90%D0%9D%D0%98%D0%95_2_4_20__0.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

7. Асаутай М. «Не живут, а существуют». Люди с ограничениями здоровья просят увеличить пособия вдвое. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-persons-with-disabilities-demand-higher-disability-benefits/31591669.html (дата обращения: 20.04.2024).

8. Железняк С. Не живут, а выживают. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rikatv.kz/evrika/articles/ne-zhivut-a-vyzhivayut.html (дата обращения: 23.04.2024)

9. Хаиргельдин Д. «Никто не знает, сколько получают инвалиды! Они не живут на эту сумму!» В Нур-Султане протестуют люди с ограниченными возможностями. – [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/nikto-ne-znaet-skolko-poluchayut-invalidy-v-nur-sultane-protestuyut-lyudi-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami/31300811.html (дата обращения: 29.04.2024).

REFERENCES

1. Nurymbetov B. V Kazahstane realizuetsja Nacional'nyj plan po obespecheniju prav i uluchsheniju kachestva zhizni lic s invalidnost'ju do 2025. – [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://primeminister.kz/ru/news/v-kazahstane-realizuetsya-nacionalnyy-plan-po-obespecheniyu-prav-i-uluchsheniyu-kachestva-zhizni-lic-s-invalidnostyu-do-2025-g-b-nurymbetov-2113943 (data obrashhenija: 20.03.2024).

2. Series L. Routledge handbook of disability studies. Disability and human rights. New York: Routledge, 2019. – 544 p.

3. Krivokapich B. Vazhnejshie istochniki mezhdunarodnogo prava i ih ierarhicheskoe vzaimootnoshenie (chast' 2) // Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2019. - №5 (1). – S. 71-79. https://cyberleninka.ru/article/n/vazhneyshie-istochniki-mezhdunarodnogo-prava-i-ih-ierarhicheskoe-vzaimootnoshenie-chast-2 (data obrashhenija: 24.03.2024).

4. Morris J. Pride Against Prejudice: Transforming Attitudes to Disability // London: Women's Press, 1991. – 131p.

5. Volkova G. Konvencija OON «O Pravah Invalidov» i Jevoljucija Rossijskogo Zakonodatel'stva. // Nauchnyj zhurnal «Narodonaselenie». – 2014. - №1. – S. 24–27. https://cyberleninka.ru/article/n/konventsiya-oon-o-pravah-invalidov-i-evolyutsiya-rossiyskogo-zakonodatelstva.pdf (data obrashhenija: 15.04.2024).

6. Kaltaeva L. Ocenka potrebnostej po social'nymi gendernym voprosam ljudej s invalidnost'ju v Kazahstane s akcentom na osobye nuzhdy zhenshhin s invalidnost'ju, podvergshihsja nasiliju // Kabinetnoe issledovanie. – Almaty: UNFPA, 2019. – S. 16-20. https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/%D0%9A%D0%90%D0%91%D0%98%D0%9D%D0%95%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%95%20%D0%98%D0%A1%D0%A1%D0%9B%D0%95%D0%94%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%95_2_4_20__0.pdf (data obrashhenija: 20.04.2024).

7. Asautaj M. «Ne zhivut, a sushhestvujut». Ljudi s ogranichenijami zdorov'ja prosjat uvelichit' posobija vdvoe. – [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-persons-with-disabilities-demand-higher-disability-benefits/31591669.html (data obrashhenija: 20.04.2024).

8. Zheleznjak S. Ne zhivut, a vyzhivajut. – [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.rikatv.kz/evrika/articles/ne-zhivut-a-vyzhivayut.html (data obrashhenija: 23.04.2024)

9. Hairgel'din D. «Nikto ne znaet, skol'ko poluchajut invalidy! Oni ne zhivut na jetu summu!» V Nur-Sultane protestujut ljudi s ogranichennymi vozmozhnostjami. – [Jelektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.currenttime.tv/a/nikto-ne-znaet-skolko-poluchayut-invalidy-v-nur-sultane-protestuyut-lyudi-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami/31300811.html (data obrashhenija: 29.04.2024).

UDC 343
SRSTI 10.21.65

SOME ISSUES OF COUNTERING THE LEGALIZATION (MONEY-LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME AND THE FINANCING OF TERRORISM

Salimov Kairat Maratovich[1]
Master of Arts in Public Policy, lawyer of the Chamber of Legal Consultants «Eurasian Chamber of Lawyers»; Astana c., Republic of Kazakhstan; e-mail: salimovkaira@gmail.com

Nizami Yermek
Master of Legal Sciences, lawyer, co-founder of the Chamber of Legal Consultants «Eurasian Chamber of Lawyers»; Astana c., Republic of Kazakhstan, e-mail: yermek.nzm@gmail.com

Abstract. *This article addresses the issues of combating money laundering and terrorist financing, as well as enhancing the national security system in accordance with international standards (AML/CFT) and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction as set by the Financial Action Task Force (FATF).*

The events of January 2022 in Kazakhstan demonstrated that the groups responsible for crimes, riots, and mass looting in Almaty and other major cities had a clear plan. It is suspected that the financing of these groups to carry out terrorist actions in the country was sourced both domestically and internationally.

The authors analyzed the Law of the Republic of Kazakhstan «On Combating Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism» (hereinafter – the Law of August 28, 2009) and proposed new solutions, including the adoption of two separate laws: «On Combating Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime» and «On Combating Terrorist Financing and Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction».

Additionally, the authors conducted an analysis of certain terms and definitions used in sector-specific legislation and concluded that clarification is needed. For example, defining a beneficiary or beneficial owner can be a complex process. In some jurisdictions, only individuals owning a certain percentage of shares (e.g., more than 25%) are considered beneficial owners. This allows for the evasion of disclosure if ownership is structured in such a way that no single beneficiary reaches the threshold.

Keywords: *terrorism, terrorist financing, legalization, money laundering, national security, Criminal Code, beneficiary*

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖОЛМЕН АЛЫНҒАН КІРІСТЕРДІ ЗАҢДАСТЫРУҒА (ЖЫЛЫСТАТУҒА) ЖӘНЕ ТЕРРОРИЗМДІ ҚАРЖЫЛАНДЫРУҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қайрат Маратұлы Салимов
Мемлекеттік саясат саласындағы гуманитарлық ғылымдар магистрі, «Еуразиялық заңгерлер палатасы» заң консультанттары палатасының заңгері; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: salimovkaira@gmail.com

Ермек Низами
Заң ғылымдарының магистрі, заңгер, «Еуразиялық заңгерлер палатасы» заң консультанттары палатасының тең құрылтайшысы; Астана қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: yermek.nzm@gmail.com

[1] *Author for correspondence*

Аннотация. *Бұл мақалада Қылмыстық жолмен алынған кірістерді жылыстатуға және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс-қимыл, сондай-ақ халықаралық стандарттарға (АЖ/ТҚҚ) сәйкес ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету жүйесін жетілдіру және Қылмыстық жолмен алынған ақшаны жылыстатуға қарсы күрестің қаржылық шараларын әзірлеу тобын жаппай қырып-жою қаруын таратуды қаржыландыру мәселелері қарастырылған.*

2022 жылдың қаңтарында өткен елдегі оқиғалар Алматыда және басқа да ірі қалаларда қылмыстар, тәртіпсіздіктер мен жаппай қиратуды ұйымдастырған топтардың нақты сценарийі бар екенін көрсетті. Республикада террористік әрекеттерді іске асыру үшін осы топтарды қаржыландыру ел ішінде де, шетелде де қаржыландырылды деп есептейміз.

Авторлар «Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) және терроризмді қаржыландыруға қарсы іс – қимыл туралы» Қазақстан Республикасының Заңын (бұдан әрі – 2009 жылғы 28 тамыздағы заң) талдап, осы мәселеде шешудің жаңа жолдарын, оның ішінде «Қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға (жылыстатуға) қарсы іс-қимыл туралы» және «Терроризмді қаржыландыруға және жаппай қырып-жою қаруын таратуды қаржыландыруға қарсы іс-қимыл туралы» екі дербес заң қабылдау.

Сонымен қатар, авторлар салалық заңнамада қолданылатын кейбір ұғымдар мен анықтамаларға талдау жүргізіп, оларды нақтылау қажет деген қорытындыға келді. Сонымен, бенефициарды немесе бенефициарлық меншік иесін анықтау қиын процесс болуы мүмкін. Кейбір юрисдикцияларда бенефициарлық меншік иелері тек акциялардың белгілі бір пайызынан астамы бар адамдар болып саналады (мысалы, 25% - дан астам). Бұл иелік ету бенефициарлардың ешқайсысы шекті деңгейге жетпейтіндей бөлінсе, ақпаратты ашудан жалтаруға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: *терроризм, терроризмді қаржыландыру, заңдастыру, қылмыстық жолмен алынған кірістерді жылыстату, ұлттық қауіпсіздік, Қылмыстық кодекс, бенефициар*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Салимов Кайрат Маратович
Магистр гуманитарных наук в области государственной политики,
юрист Палаты юридических консультантов «Евразийская палата юристов»;
г. Астана, Республика Казахстан; e-mail: salimovkaira@gmail.com

Низами Ермек
Магистр юридических наук, юрист, сооснователь Палаты юридических консультантов «Евразийская палата юристов»; г. Астана, Республика Казахстан;
e-mail: yermek.nzm@gmail.com

Аннотация. *В данной статье рассмотрены вопросы противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также совершенствование системы обеспечения национальной безопасности в соответствии с международными стандартами (ПОД/ФТ) и финансированию распространения оружия массового уничтожения Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, полученных преступным путем (FATF).*

Прошедшие в январе 2022 года события в стране показали, что у группировок, устроивших преступления, беспорядки и массовые погромы в Алматы и других крупных городах был четкий сценарий. Предполагаем, что финансирование этих группировок для реализации террористических действий в республике финансировалось как внутри страны, так и за рубежом.

Авторы проанализировали Закон Республики Казахстан «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию террориз-

ма»[2] (далее – Закон от 28 августа 2009 года) и предложили новые пути решения в этом вопросе, в том числе принятие двух самостоятельных законов «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» и «О противодействии финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения».

Помимо этого, авторы провели анализ некоторых понятий и определений, используемых в отраслевом законодательстве, и пришли к выводу, что требуется их уточнение. Так, определение бенефициара или бенефициарного собственника может быть сложным процессом. В некоторых юрисдикциях бенефициарными собственниками считаются только лица, владеющие более определенного процента акций (например, более 25%). Это позволяет уклоняться от раскрытия информации, если владение распределено таким образом, что ни один из бенефициаров не достигает порога.

Ключевые слова: *терроризм, финансирование терроризма, легализация, отмывание доходов, полученных преступным путем, национальная безопасность, Уголовный кодекс, бенефициар.*

DOI: 10.52026/2788-5291_2025_80_1_316

Introduction

Money laundering serves as a means to conceal the illegal origin or use of funds under the guise of legitimate means. The legalization (laundering) of criminal proceeds and the financing of terrorism pose serious threats to global security and economic stability, causing financial damage and fostering organized crime and extremism. Combating these phenomena has become a priority for states and the international community.

The modern world faces new challenges associated with the rapid development of technology and the globalization of financial markets. Traditional methods of combating money laundering and terrorist financing often prove to be insufficiently effective, necessitating the adoption of innovative approaches and the use of modern technologies. In this context, cooperation between states, financial institutions, and international organizations becomes crucial.

There are many methods of money laundering and legalization of income. One such method involves the use of cryptocurrencies and Bitcoin wallets for transactions. These tools can be associated with ransom payments, the sale of illegal goods, ordering DDoS attacks, and financing terrorism. Terrorist financing is not coincidentally highlighted as one of the methods of money laundering, as the legalization of criminal proceeds often aims at providing financial support to terrorist organizations [1, p.184].

The existence of mechanisms that legitimize the use of funds derived from the shadow economy encourages criminals to engage in further illegal activities, causing significant harm both to the economies of individual countries and to international economic relations as a whole [2, c .129].

It is hard to disagree with the conclusion of some scholars that developing countries face particular challenges, as their control mechanisms for combating money laundering are often still underdeveloped. While mechanisms for legitimizing criminal proceeds are present in countries with economies of any type, it is believed that the least resistance occurs in developing countries that have not yet established a comprehensive and effective system for fighting money laundering. These countries also suffer more from the negative consequences of this phenomenon due to their smaller economies, which means relatively larger scales of such activities and associated problems [3, c .69-76; 4, p.76; 5, p.29].

In the realities of Kazakhstan, it is necessary to agree that the institutions responsible for controlling this area are insufficiently developed and existing mechanisms are ineffective for detecting and preventing financial crimes, which creates obstacles to transparency of financial transactions and combating the legalization of criminal proceeds. The lack of specialized institutions, qualified personnel, and limited resources complicate the monitoring of financial flows.

One of the important legal instruments for combating financial crimes and protecting national security is the Law of the Republic of Kazakhstan «On Counteraction of Legitimization

[2] *Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000191_ (дата обращения: 20.06.2024).*

(Laundering) of Incomes Received by Illegal Means, and Financing of Terrorism»[3], adopted on August 28, 2009. This law demonstrates Kazakhstan's commitment to international standards, such as the FATF recommendations, which enhances the country's international image and facilitates its integration into the global economic system.

A continuation of the implementation of international standards can undoubtedly be seen in the Law of the Republic of Kazakhstan «On the Return of Illegally Acquired Assets to the State»[4] adopted on July 12, 2023 (hereinafter – the Law of July 12, 2023), which has played a significant role in strengthening the fight against money laundering and the legalization of criminal proceeds.

Even before the adoption of the Law of July 12, 2023, critics argued that creating a new mechanism for the return of illegally transferred assets or the confiscation of property obtained through criminal means seemed unnecessary, as existing criminal, criminal procedural, and civil procedural legislation already includes comprehensive and interconnected mechanisms that align with the requirements of international public law in combating corruption, countering the legalization of criminal proceeds, and financing terrorism. Furthermore, they expressed concerns that the adoption of the law in its current form could lead to instability in civil transactions, a deterioration in the investment climate, and a reduction in lending to economic sectors due to fears of losing collateral rights [6; 7].

In this context, we agree with the opinion of Kaliakperova E.N., who points out that various participants, including executive authorities, law enforcement agencies, and judicial bodies, are involved in the asset recovery processes. Risks may arise if there is an imbalance of power or if one branch of government disproportionately influences or controls the asset recovery process. The legal framework should provide a clear system of checks and balances to prevent abuse of power and ensure the independence of the judiciary [8, c. 265-266].

A lot of special legal literature is devoted to the problems of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism, and it is sufficiently covered. Due to the vastness of the study of public relations, we propose to conditionally divide it into countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and separately financing terrorism. This article will mainly be devoted to the issues of countering the legalization of illegal money.

Materials and methods

The article uses formal logical and dialectical methods, comparative legal, empirical analysis, as well as quantitative, qualitative and special methods of scientific research.

Results and discussion

A notable example of combating money laundering is the establishment of the Commission on Organized Crime[5] by the President of the United States in 1983. The primary goal of the Commission was to identify the nature of traditional organized crime, as well as emerging organized criminal groups, the sources and scale of their revenues, and how organized crime utilizes its proceeds.

In addition, the U.S. «anti-money laundering» system includes a comprehensive set of regulations, such as the Bank Secrecy Act (BSA), which governs the rules for financial institutions and compliance obligations for monitoring suspicious transactions, clients, and screening; the USA PATRIOT Act of 2001, which controls cross-border transactions; the Money Laundering Control Act; the Intelligence Reform and Terrorism Prevention Act; and other legislative acts [9].

Under French law, money laundering and the proceeds of crime are recognized as a type of corruption-related offense. A distinctive feature of French legislation is that financial intermediaries independently decide whether a transaction is suspicious, unlike in other countries where legal regulations provide clear criteria for what constitutes a «suspicious» transaction and require mandatory reporting of such transactions to authorities responsible for combating money laundering [10, p.285].

The Kazakh legislation defines the concept of a «suspicious transaction» and lists the criteria for such an operation. Meanwhile, we believe these criteria are not clear and it is impossible

[3] *Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 года № 191-IV. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000191_ (дата обращения: 22.06.2024).*

[4] *Закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 года № 21-VIII ЗРК. «О возврате государству незаконно приобретенных активов» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021 (дата обращения: 22.06.2024).*

[5] *Ronald Reagan. President's Commission on Organized Crime. - The American Presidency Project. – 1983. – July, 28. https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-12435-presidents-commission-organized-crime (date of reference: 20.06.2024).*

to unambiguously determine what is included in the concept of a «suspicious transaction». This leads to different interpretations and inconsistent application in different contexts.

The Law of August 28, 2009, defines a «suspicious transaction involving money and (or) other property (hereinafter referred to as a suspicious transaction)» as a client's transaction (including an attempt to carry out such a transaction, a transaction in progress, or an already completed transaction) that raises suspicions that the money and (or) other property used for its execution are the proceeds of criminal activity, or that the transaction itself is aimed at the legalization (laundering) of proceeds from criminal activities, the financing of terrorism, or other criminal activities.

We do not dispute the existence of this concept, but we want to draw attention to its vagueness, since the definition is not clear enough and can be interpreted in different ways, which makes it difficult to apply it in practice.

Under the previous Rules for the Submission of Information by Financial Monitoring Entities on Transactions Subject to Financial Monitoring and the Criteria for Determining a Suspicious Transaction[6] of September 30, 2020 (hereinafter – The 2020 Rules), 81 criteria were identified. However, in the current Rules[7] of February 28, 2022 (hereinafter – The 2022 Rules), this list has been expanded to 145 criteria.

Throughout the text of both the 2020 Rules and the 2022 Rules, phrases like «suspicions arise» and «there is reason to believe» are used to indicate that a transaction may be conducted for the purpose of money laundering or financing terrorism. In our opinion, these phrases are vague and overly broad, allowing financial monitoring entities to scrutinize any transaction under the guise of «suspected terrorism financing».

The vagueness of these definitions can lead to legal uncertainty and potential misuse. As a result, judicial authorities and law enforcers might make decisions based on subjective opinions, undermining the principles of legal certainty and predictability. Furthermore, dishonest individuals or organizations could exploit these vague definitions to avoid responsibility or obligations.

For regulatory and oversight bodies, such ambiguous terms complicate the process of monitoring and assessing compliance. This could result in ineffective control measures and hinder the proper implementation of the legislation.

As we noted earlier regarding the FATF recommendations, they represent international standards for combating money laundering and terrorist financing. Compliance with FATF Standards is mandatory for any UN member country, in accordance with UN Security Council Resolution 1617 of July 29, 2005[8].

Reference:

The first 40 FATF Recommendations were developed in 1990 as an initiative to protect financial systems from individuals laundering funds obtained through drug trafficking. In 1996, the Recommendations were revised for the first time to reflect emerging trends and methods of money laundering and to expand their scope beyond the laundering of drug proceeds. In October 2001, FATF expanded its mandate to include the issues of financing terrorist acts and terrorist organizations, and adopted Eight (later expanded to Nine) Special Recommendations to combat terrorist financing. The FATF Recommendations were revised a second time in 2003 and, together with the Special Recommendations, have been recognized by more than 180 countries as the international standard for combating money laundering and terrorist financing (CML/TF)[9].

Thus, one of the key objectives in the operational aspect of combating money laundering and terrorist financing is to raise the standards in the work of law enforcement agencies (FATF Recommendations 30 and 31) with the aim of expanding and strengthening the functions, responsibilities, powers, and tools available to law enforcement for effectively conducting financial investigations in cases of money laundering, terrorist financing, and the tracing of criminal assets.

---

[6] Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 30 сентября 2020 года № 938. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 30 сентября 2020 года № 21340 «Об утверждении Правил представления субъектами финансового мониторинга сведений и информации об операциях, подлежащих финансовому мониторингу, и признаков определения подозрительной операции». https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021340#z701 (дата обращения: 01.07.2024.)

[7] Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу от 22 февраля 2022 года № 13. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 24 февраля 2022 года № 26924 «Об утверждении Правил представления субъектами финансового мониторинга сведений и информации об операциях, подлежащих финансовому мониторингу, и признаков определения подозрительной операции». https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200026924#z8 (дата обращения: 01.07.2024).

[8] Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Резолюция Совета Безопасности ООН от 29 июля 2005 года № 1617 https://main.un.org/securitycouncil/ru/s/res/1617-(2005) (дата обращения: 22.06.2024).

[9] Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения https://cbr.ru/Content/Document/File/132941/St10-21_RU.PDF (дата обращения: 22.06.2024).

FATF Recommendation 30 stipulates that «in all cases involving serious, income-generating offenses, when dealing with money laundering, predicate offenses, and terrorist financing, such authorized law enforcement agencies must, on their own initiative, conduct a parallel financial investigation».

The analysis of legislation in countries that are members of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism reveals the absence of legislative acts regulating the institution of parallel financial investigations. The obligation to conduct such investigations is found in interdepartmental acts of prosecuting authorities or in the acts of supervisory bodies.

We think that this approach is ineffective because there is no legislative mandate requiring pre-trial investigation bodies to conduct parallel financial investigations, nor is there an adequate system of oversight in place.

Let's consider the regulation of the financial investigation institution as it is outlined in the Criminal Procedure Codes of the Netherlands and Estonia.

In the Netherlands, the procedure for conducting financial investigations is governed by Chapter 9 of the Dutch Criminal Procedure Code[10], titled «Criminal Financial Investigation», which consists of 8 articles.

Article 126 states that in cases of suspected serious criminal offenses, which may result in a fine of the fifth category and where significant financial gain could have been obtained, a criminal financial investigation may be initiated based on a reasoned authorization from the investigating judge upon the request of the prosecutor responsible for solving the crime.

According to the same article, the prosecutor is required to inform the court about the progress of the financial investigation, either at their discretion or at the court's request.

Article 126a defines the powers of the investigator conducting the financial investigation, including the right to request information about the assets of the suspect or convicted person. Articles 126b and 126c establish the prosecutor's powers, allowing them to authorize searches, seize documents, and arrest assets. If the prosecutor determines that there are no grounds to continue the investigation or if they decide to refer the criminal case to court, they must decide to terminate the investigation and are required to notify the investigating judge (Article 126f).

In Estonia, the procedure for conducting financial investigations is regulated by Chapter 16^1 of the Estonian Code of Criminal Procedure, titled «Proceedings for the Confiscation of Means of Crime, Direct Object of Crime, and Property Obtained by Criminal Means»[11].

Notably, this chapter allows for a financial investigation to be conducted both during the investigation of the primary criminal offense and within a two-year period after the conviction in the primary criminal case becomes final (Article 403^1).

In cases of particular complexity or extensive circumstances related to confiscation, the prosecution has the right to initiate the preparation of a confiscation request in separate proceedings.

Article 403^2 specifies the circumstances that must be proven in the confiscation proceedings.

The responsibility for establishing these circumstances within the framework of confiscation proceedings lies with the investigative body, which is required to submit a report to the prosecutor following the investigative actions (Article 403^4).

In turn, the prosecutor may return the report for further refinement to the investigative body, terminate the confiscation proceedings due to the impossibility of confiscation or lack of grounds, or submit a confiscation request to the court.

Within the framework of confiscation proceedings, a plea agreement process is allowed (Clause 3, Article 403^6).

If the confiscation proceedings are conducted in parallel with the main criminal case, the court, by its ruling, resolves the issue of confiscation upon the prosecutor's request after the conviction for the crime that serves as the basis for the confiscation has come into legal force.

We support the views of some Kazakh scholars [11; 12] that the structure of a financial investigation may consist of sequential and interrelated stages:

1) A parallel financial investigation conducted alongside or within the framework of a traditional preliminary investigation;

2) Pretrial proceedings for the confiscation of property obtained by criminal means without a court conviction;

[10] *Уголовно-процессуальный кодекс Нидерландов https://eurcenter.net/wp-content/uploads/2020/09/Code-of-Criminal-Procedure-of-the-Netherlands.pdf (дата обращения: 02.07.2024).*

[11] *Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked/%D0%A3%D0%93%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%9D%D0%9E-%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A6%D0%95%D0%A1%D0%A1%D0%A3%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%AB%D0%99%20%D0%9A%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9A%D0%A1%2021.03.2023.pdf (дата обращения: 02.07.2024)*

3) A financial investigation based on a legally binding conviction.

Thus, the introduction of parallel financial investigations into Kazakhstan's criminal procedure is a timely and necessary measure to enhance the effectiveness of combating money laundering and terrorist financing. A parallel financial investigation will allow for the analysis of financial flows and the identification of hidden assets related to criminal activities alongside the criminal investigation.

This approach contributes to a more comprehensive disclosure of crimes and helps establish the connection between criminal actions and their financial consequences. This is particularly important in the context of complex financial schemes and international crime, where traditional investigative methods may prove insufficient.

Moreover, the implementation of parallel financial investigations will create conditions for improved coordination between law enforcement agencies, financial institutions, and other stakeholders. This will enhance cooperation and information sharing, which, in turn, will facilitate the faster and more effective detection of financial crimes.

Conclusion

An analysis of the Law of August 28, 2009, shows that it addresses not only issues related to combating the legalization (laundering) of proceeds from criminal activities but also the financing of terrorism. The preamble of the Law states that it establishes the legal framework for countering the legalization (laundering) of proceeds from criminal activities and the financing of terrorism, as well as regulating the relationships between financial monitoring entities, authorized bodies, and other government agencies in the Republic of Kazakhstan. The Law also outlines mechanisms for implementing targeted financial sanctions to prevent and combat terrorism, its financing, and the proliferation of weapons of mass destruction and their financing.

Since the issues addressed in the Law of August 28, 2009, while related, are generally distinct, it is proposed to adopt two separate laws: «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Criminal Activities» and «On Countering the Financing of Terrorism and the Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction».

Another issue within this legal framework is the definition of the beneficiary or beneficial owner.

According to the glossary of special terms used in the FATF Recommendations, beneficiaries are defined as individuals or groups of individuals who receive charitable, humanitarian, or other types of assistance through the services of non-profit organizations.

The glossary also provides a definition of a beneficial owner, referring to the individual(s) who ultimately owns or controls a customer and/or the person on whose behalf a transaction is conducted. This definition also includes those who ultimately exercise effective control over a legal entity or arrangement[12].

In addition, Kazakhstani legislation, specifically Article 1 of the Law of August 28, 2009, defines a «beneficial owner» as an individual who: directly or indirectly owns more than twenty-five percent of the shares in the authorized capital or placed (excluding preferred and repurchased by the company) shares of a client that is a legal entity; exercises control over the client in another manner; or is the person on whose behalf the client conducts transactions with money and/or other assets.

The terms «beneficiary» and «beneficial owner» are absent from the relevant Law of the Republic of Kazakhstan dated August 31, 1995, №2444 «On Banks and Banking Activities in the Republic of Kazakhstan»[13], which we think is illogical.

In Russian legislation, the definition is identical to that in Kazakhstani law: a «beneficial owner» is an individual who ultimately, directly or indirectly (through third parties), owns (holds a dominant interest of more than 25 percent in the capital of) a client that is a legal entity or has the ability to control the actions of the client. The beneficial owner of a client that is an individual is considered to be that person, except in cases where there are grounds to believe that the beneficial owner is another individual[14].

We agree with R.I. Akhmetshin, who indicates that a beneficial owner is usually considered in

[12] *Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения https://cbr.ru/Content/Document/File/132941/St10-21_RU.PDF (дата обращения: 22.06.2024).*

[13] *Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002444_#z1454 (дата обращения: 01.07.2024).*

[14] *Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW*

several aspects: concerning corporate structure, income, and property [13, c.43].

The approaches used in different branches of legislation are not identical. Of all the areas where the definition of a beneficial owner is relevant at the national level, the Russian Federation has primarily chosen the area of anti-money laundering.

In international agreements on the avoidance of double taxation, a beneficiary is considered to be a legal or natural person who receives income to which they have a substantive right[15].

According to T. Greenberg, the process of identifying the ultimate beneficial owner is quite complex. The identity of the true beneficial owner and the source of their income are often concealed, and the focus shifts to legal entities such as corporations, trusts, foundations, and limited partnerships. The use of intermediaries can further complicate the process, and in some jurisdictions, the legislation allows this by not prohibiting banks from treating intermediaries as owners in the absence or shortage of information about the actual client. In banks that use a threshold method for determining beneficial ownership (e.g., where banks are required to check only beneficial owners with more than a 25% stake), politically exposed persons may have more opportunities to conceal their involvement. FATF conducted a thematic study to identify vulnerability areas in corporate finance for money laundering, as well as risk factors that should help detect the misuse of funds [14, c.54].

In accordance with Article 40 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan «1. A legal entity may be established by one or more founders. 2. The founders of a legal entity may be the owners of property or their authorized bodies or persons, and in cases specifically provided for by legislative acts, other legal entities. At the same time, legal entities that own property on the right of economic management or operational management may be founders of other legal entities with the consent of the owner or his authorized body, unless otherwise provided by the laws of the Republic of Kazakhstan. 3. The founders of a legal entity may not have any advantages over other participants of this legal entity who are not its founders, except in cases provided for by legislative acts of the Republic of Kazakhstan»[16].

Thus, a beneficial owner of a legal entity can also be another legal entity. This means that corporate structures can be interconnected through ownership chains. In such cases, one legal entity can be a beneficiary (recipient of benefits) from another legal entity, creating complex corporate networks.

For example, a holding company might own shares in a subsidiary, making it the beneficial owner of the assets and income of that subsidiary. This structure can be used for tax optimization, risk management, or enhancing control over the business.

However, the presence of beneficial owners in the form of legal entities also presents challenges in terms of transparency and accountability. Complex corporate structures can make it difficult to identify the real owners, increasing the risks of money laundering and corruption. Therefore, many jurisdictions require the disclosure of beneficial ownership information, including cases where the beneficial owner is another legal entity, to ensure greater transparency in financial transactions and combat financial crimes.

In light of the above, we propose to include legal entities in the definition of «beneficial owner» in the Law of August 28, 2009.

In this study, we were unable to cover all issues related to combating money laundering and terrorist financing. However, we plan to address these topics in detail in our upcoming articles. This will allow us to analyze current issues more thoroughly and propose effective solutions in the fight against financial crimes.

Authors' contributions

Salimov K.M. – collection, analysis, revision, design of literature, final approval for publication;

Nizami Y. - article concept, processing of data for the article, study of bibliographic sources, transliteration.

_32834/7f756f0b351492331efccfd82ac5f928dcf7bbea/ (дата обращения: 01.07.2024).

[15] Кто такой бенефициар или бенефициарный владелец в ЕС и Великобритании? https://imperiallegal.com/ru/media/articles/who-is-a-beneficiary-or-a-beneficial-owner/ (дата обращения: 01.07.2024).

[16] Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года. Общая часть. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 01.07.2024)

REFERENCES

1. Kazbayeva A.G., Ismagulov K.E. Analysis of the efficiency of legislation on countering the legalization (money-laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism // Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан». – 2022. - №3 (70)-2022. – PP.181-188.

2. Эскиндаров М.А. Международный кредит. – М.: Кнорус, 2019. – 432 с.

3. Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 63 с.; Хейфец Б.А. Роль оффшоров в глобальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №11. – С. 69-76.

4. Medina L., Schneider F. Shadow Economies All Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years // Washington DC: International Monetary Fund. – 2018. - Working Paper 18/17. – P. 76-81.

5. Schneider F. Money Laundering and Financial Means of Organized Crime: Some Preliminary Empirical Findings // Economics of Security Working Paper. – 2010. - №26. – P. 29-35.

6. Сулейменов М.К. Экспертное заключение по проекту Закона Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов». Информационная система «ПАРАГРАФ» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31839852&pos=354;-51#pos=354;-51 (дата обращения: 23.06.2024).

7. Абжанов Д.К. Почему закон о возврате активов будет иметь разрушительные последствия. Информационная система «ПАРАГРАФ» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32469798 (дата обращения: 23.06.2024).

8. Калиакперова Е.Н. Monitoring legislation in the field of asset recovery // Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан». – 2024. - Том 2. - №77 (2024). – С.261-266.

9. Orlova Oxana. Правила о противодействии отмыванию доходов в США. Крупнейший портал о международной защите и диверсификации активов https://internationalwealth.info/foreign-bank-accounts/pravila-o-protivodejstvii-otmyvaniju-dohodov-v-ssha (дата обращения: 23.06.2024).

10. Меньших А.А. Уголовная ответственность за отмывание денежных средств, полученных незаконным путем, по законодательству Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. - № 4. – С.684-690.

11. Ахпанов А.Н., Юрченко Р. Об институте финансового расследования при производстве по уголовным делам https://journal.zakon.kz/4551147-ob-institute-finansovogo-rassledovanija.htmlpdf (дата обращения: 07.07.2024).

12. Казиев З.Г., Ахпанов А.Н. Стратегия развития уголовно-процессуального права и законодательства Республики Казахстан // Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2019. - №3 (57). – С. 78 – 89.

13. Ахметшин Р.И. Налоговые аспекты деофшоризации: мировые тенденции в зеркале российской действительности // Закон. - 2014. - № 6. – С. 43-47.

14. Гринберг Т. Политически значимые лица: Руководство для банков по предотвращению финансовых злоупотреблений. – М.: Альпина Паблишер, 2012.- 185 с.

REFERENCES

1. Kazbayeva A.G., Ismagulov K.E. Analysis of the efficiency of legislation on countering the legalization (money-laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism // Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan». – 2022. - №3 (70)-2022. – S.181-188.

2. Jeskindarov M.A. Mezhdunarodnyj kredit. – M.: Knorus, 2019. – 432 s.

3. Hejfec B.A. Deofshorizacija rossijskoj jekonomiki: vozmozhnosti i predely – M.: Institut jekonomiki RAN, 2013. – 63 s.; Hejfec B.A. Rol' offshorov v global'noj jekonomike // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. – 2008. – №11. – S. 69-76.

4. Medina L., Schneider F. Shadow Economies All Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years // Washington DC: International Monetary Fund. – 2018. - Working Paper 18/17. – R. 76-81.

5. Schneider F. Money Laundering and Financial Means of Organized Crime: Some Preliminary Empirical Findings // Economics of Security Working Paper. – 2010. - №26. – R. 29-35.

6. Sulejmenov M.K. Jekspertnoe zakljuchenie po proektu Zakona Respubliki Kazahstan «O vozvrate gosudarstvu nezakonno priobretennyh aktivov». Informacionnaja sistema «PARAGRAF» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31839852&pos=354; 51#pos=354;-51 (data obrashhenija: 23.06.2024).

7. Abzhanov D.K. Pochemu zakon o vozvrate aktivov budet imet' razrushitel'nye posledstvija. Informacionnaja sistema «PARAGRAF» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32469798 (data obrashhenija: 23.06.2024).

8. Kaliakperova E.N. Monitoring legislation in the field of asset recovery // Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan». – 2024. - Tom 2. - №77 (2024). – S.261-266.

9. Orlova Oxana. Pravila o protivodejstvii otmyvaniju dohodov v SShA. Krupnejshij portal o mezhdunarodnoj zashhite i diversifikacii aktivov https://internationalwealth.info/foreign-bank-accounts/pravila-o-protivodejstvii-otmyvaniju-dohodov-v-ssha (data obrashhenija: 23.06.2024).

10. Men'shih A.A. Ugolovnaja otvetstvennost' za otmyvanie denezhnyh sredstv, poluchennyh nezakonnym putem, po zakonodatel'stvu Francii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. – 2015. - № 4. – S.684-690.

11. Ahpanov A.N., Jurchenko R. Ob institute finansovogo rassledovanija pri proizvodstve po ugolovnym delam https://journal.zakon.kz/4551147-ob-institute-finansovogo-rassledovanija.htmlpdf (data obrashhenija: 07.07.2024).

12. Kaziev Z.G., Ahpanov A.N. Strategija razvitija ugolovno-processual'nogo prava i zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan // Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2019. - №3 (57). – S. 78 – 89.

13. Ahmetshin R.I. Nalogovye aspekty deofshorizacii: mirovye tendencii v zerkale rossijskoj dejstvitel'nosti // Zakon. - 2014. - № 6. – S. 43-47.

14. Grinberg T. Politicheski znachimye lica: Rukovodstvo dlja bankov po predotvrashheniju finansovyh zloupotreblenij. – M.: Al'pina Pablisher, 2012.- 185 s.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігінің Ақпарат комитетінде тіркелген

Журналдың шығу мерзімділігі - үш айда бір рет
Мақалаларды журналға орналастыру бойынша
Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтына хабарласуға болады
E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com
тел.: 8 (7172) 26-61-22; 57-25-01

Жарияланған материалдар редакцияның көзқарасына сай болмауы мүмкін.
Жариялымдағы фактілер мен
мәліметтердің шынайылығына авторлар жауап береді.
Редакция қолжазбаларды қайтармайды.
Материалдарды қайта басу редакцияның рұқсатымен мүмкін болады.
Журналға сілтеме жасау міндетті.

Журнал зарегистрирован в Комитете информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан

Периодичность выпуска журнала - не реже одного раза в три месяца
По вопросам опубликования статей в журнал обращаться
в Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан
E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com
тел.: 8 (7172) 26-61-22; 57-25-01

Опубликованные материалы могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за достоверность фактов и сведений,
содержащихся в публикациях, несут авторы.
Редакция не возвращает рукописи.
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Journal is registered in the Committee of Information of the Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan

Journal issue periodicity - at least once in three months
For publication of articles in the journal contact
to the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan
E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com
Tel.: 8 (7172) 26-61-22; 57-25-01

Published materials may not reflect the views of the editorial board.
Authors are responsible for the accuracy of the facts and information contained in publications,
Editors don't return the manuscript.
Reprinting of materials is possible only with permission of the editorial board.
Link to the journal is compulsory.

Вестник Института законодательства и правовой информации
Республики Казахстан, Том 80, №1-2025 г.

Научно-правовой журнал

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 26.02.2025 Дата выхода тиража 28.03.2025
Формат А4 Бумага офсетная Печать цифровая
Объем усл. печ. л. 56,7 Заказ № 5

Сверстано и отпечатано в Институте законодательства
и правовой информации Республики Казахстан
г. Астана, пр. Жеңіс, 15А
8 7172 57-25-01, www.zqai.kz/ru